Институт российской истории Российской академии наук

На правах рукописи

Суряев Валерий Николаевич

КОРПУС ОФИЦЕРОВ РУССКОЙ АРМИИ: КОМПЛЕКСНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ЭВОЛЮЦИЯ. 1905–1917 гг.

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук
Базанов Сергей Николаевич

Москва 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……... 4

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ, ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ…….. 18

1.1. Офицерский корпус русской армии в отечественной историографии……... 18

1.2. Зарубежная историография корпуса офицеров……. 38

1.3. Источниковая база исследования……. 67

1.4. Методология и методы исследования…….. 80

Выводы по главе 1…… 94

ГЛАВА 2. ОФИЦЕРСТВО КАК ОСОБЫЙ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СЛОЙ…….. 98

2.1. Комплектование армии офицерскими кадрами…… 98

2.2. Структура корпуса офицеров в начале XX века…… 128

2.3. Система чинопроизводства в русской армии…… 158

2.4. Прохождение офицерской службы в мирное время……. 179

Выводы по главе 2…….. 208

ГЛАВА 3. ОФИЦЕРСТВО И ОБЩЕСТВО……..... 211

3.1. Сословное происхождение офицеров…….. 211

3.2. Этика офицеров русской армии……... 238

3.3. Проблемы взаимоотношений офицерства и общества в начале XX столетия…….. 282

3.4 Офицерство в период революции 1905–1907 годов……. 306

3.5 Материально-бытовое положение офицерства…….. 345

Выводы по главе 3……. 375

ГЛАВА 4. БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА И МОРАЛЬНО-БОЕВЫЕ КАЧЕСТВА РУССКОГО ОФИЦЕРСТВА.....…… …… 379

4.1. Уровень подготовки командного состава во время Русско-японской войны 1904–1905 гг..…… 379

4.2. Новые подходы к подготовке офицеров в межвоенный период (1906–1913 гг.)…… ……. 410
4.3. Управление русскими войсками в ходе боевых действий в 1914–1916 гг. 432
4.4. Морально-боевые качества русского офицерства……. 492
Выводы по главе 4……. 519
ГЛАВА 5. ОФИЦЕРСТВО В КОНТЕКСТЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА 525
5.1. Свержение монархии в восприятии офицерства…… 525
5.2. Политика новой власти в отношении армии……..... 539
5.3. Дискриминация офицерства в феврале – октябре 1917 г……. …... 555
5.4. Упразднение офицерства как социально-профессионального слоя…… 591
Выводы по главе 5…….. ….. 604
ЗАКЛЮЧЕНИЕ…… 607
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ……... 620

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В жизни Российского государства вооруженные силы всегда играли особую роль. Благодаря мужеству и стойкости русских воинов, стоявших на страже военной безопасности, по сути, сохранялась сама возможность существования страны, в течение веков подвергавшейся нападениям агрессоров.

Роль офицерства в подобных условиях вряд ли можно преувеличить. Достаточно сказать, что именно офицеры обеспечивали боеспособность войск, то есть возможность и способность успешно вести военные действия и выполнять поставленные боевые задачи. Командный состав осуществлял обучение личного состава воинским специальностям и способам боевых действий, управление войсками в мирное и военное время, поддерживал дисциплину и необходимое морально-психологическое состояние частей и подразделений. На рубеже XIX – XX столетий, когда мир, в связи с развитием научно-технического прогресса и сопутствовавшим ему рывком в развитии военной техники и вооружения вступил в эпоху войн нового поколения, роль офицерского состава еще более возросла.

В соответствии с действовавшим в то время законодательством армия не только обеспечивала военную безопасность. На нее возлагались серьезные функции по поддержанию общественного порядка, что нередко ставило военнослужащих в сложное моральное положение. Представляется, что участие в борьбе с внутренними беспорядками и революционным движением, а впоследствии вступление многих офицеров в белые армии обусловило пристрастное отношение к ним, привело к недостаточной разработке многих проблем, связанных с историей офицерского корпуса.

Между тем ситуация в столь, казалось бы, различающихся между собой субъектах, как Русская императорская армия (далее – русская армия) начала прошлого века и Вооруженные Силы Российской Федерации имеет, как ни парадоксально, немало общего между собой. Кроме того, несмотря на все отличия исто-

рических эпох, существует определенное сходство между военно-политическими реалиями начала XX столетия и современной военно-политической обстановкой.

Во-первых, как в то время, так и ныне международное положение характеризуется эскалацией военно-политической напряженности, способствующей развязыванию военных конфликтов различного масштаба.

Во-вторых, современный военно-технический прогресс обусловливает постоянное изменение характера военных угроз и вооруженного противоборства, что приводит к эволюции форм и способов боевых действий. То есть развитие науки и техники генерирует процессы подобные тем, что происходили в военном деле в начале прошлого века.

В-третьих, для обоих исторических этапов развития страны характерны масштабные и сложные социально-политические явления, влияющие на мировоззрение офицерства, его отношение к служебным обязанностям, морально-психологическое состояние и т.д.

В-четвертых, военные реформы, проводившиеся в русской армии после Русско-японской войны 1904–1905 гг. и происходящие ныне в Вооруженных Силах Российской Федерации, самым непосредственным образом затрагивали и затрагивают не только сугубо военные аспекты, но и повседневное бытие офицеров. В числе прочего имеются в виду уровень и качество их жизни, служебные перспективы, получение соответствующего образования, взаимоотношения в офицерской среде и прочие факторы, неизбежно влияющие на морально-психологическую атмосферу в армейских кругах.

Все это дает основание полагать, что исследование истории офицерства и опыта строительства вооруженных сил России в начале XX в. весьма **актуально**, и определяется **следующими обстоятельствами:**

полученные результаты расширят научные знания по истории русской армии, как социального института. Их необходимость обусловлена недостаточной изученностью многих проблем истории русского офицерства, как в отечественной, так и зарубежной историографии;

происходящий ныне процесс пересмотра некоторых устаревших, иной раз ис-

каженных взглядов на историю русской армии еще не завершен. Исследование указанной темы может способствовать формированию новых, более объективных подходов в освещении ее исторического прошлого, усилению чувства патриотизма у военнослужащих и других категорий граждан, а также углублению понимания социально-политических проблем тех лет;

без учета предшествовавшей практики строительства армии и флота успешное проведение нынешней реформы Вооруженных Сил Российской Федерации, одним из главных направлений которой является качественное улучшение офицерского состава, может стать затруднительным: возможно повторение ошибок прошлого, в свое время уже причинивших ущерб обороноспособности государства;

исследование различных аспектов жизни и службы русского офицерства в период социально-политических катаклизмов начала XX столетия может помочь современным офицерам психологически адаптироваться к службе в нынешнее непростое время, когда общество находится в неустойчивом, иногда непредсказуемо меняющемся состоянии;

у многих российских граждан существует нравственная потребность в объективном и правдивом освещении нашей военной истории. Так, восстановление исторической справедливости в отношении русского офицерства, нередко оценивавшегося необъективно, имеет особое значение для современных военнослужащих. Дискредитация прежних поколений офицеров, служивших своей стране в сложнейшее время социальных потрясений и войн, нанесла и продолжает наносить ущерб морально-боевому потенциалу Вооруженных Сил России. Исследование проблемы, сформулированной в настоящей диссертации, может внести свою лепту в восстановление прерванной связи поколений российских офицеров, следовательно, будет способствовать возрождению славных офицерских традиций, укреплению моральных основ мировоззрения командного состава.

Степень научной разработанности темы, по мнению диссертанта, недостаточна, комплексные труды по истории русского офицерства отсутствуют, в силу чего не освещен в должной мере ряд важных проблем. Анализ

отечественной и зарубежной историографии заявленной в диссертации проблемы приведен в параграфах 1.1. и 1.2.

Объект научного исследования – армия, то есть регулярные войска «военно-сухопутных сил Российской империи»[1], к которым относились пехота, кавалерия, артиллерия, инженерные, железнодорожные войска как часть вооруженных сил государства. Иррегулярные казачьи войска и государственное ополчение в данной работе не рассматриваются.

Предмет исследования – офицерство регулярных сухопутных войск (армии и запаса), а также относившиеся к нему офицеры военно-учебного и военно-судебного ведомств.

Научная проблема, решаемая в диссертации, заключается в разрешении противоречия, существующего между потребностью в более глубоком исследовании истории русского офицерского корпуса и состоянием научных знаний об офицерстве, как социально-профессиональном слое. Прежде всего имеется в виду получение новых знаний о его положении и роли в российском обществе, особенно в периоды революционных событий, уровне боевой и морально-психологической подготовки для решения задач в соответствии с предназначением в военное время, служебной деятельности в мирный период. Не менее важным представляется углубление и расширение социальных характеристик офицерского корпуса, исследование материально-бытовой стороны его жизни, отношений между различными группами внутри офицерского корпуса.

Цель настоящей диссертации заключается в комплексной характеристике русского офицерства как социально-профессионального слоя и реконструкции его целостного облика в сложнейший период русской истории.

Достижение намеченной цели требует решить следующие **исследовательские задачи**:

дать комплексную характеристику отечественной и зарубежной историографии заявленной в диссертации проблемы и установить степень ее

---

[1] Свод военных постановлений 1869 года. Книга 5: Устройство и состав войск и управление ими / изд. второе (по 1 января 1907 года). СПб., 1907. С. 7.

научной разработанности;

раскрыть положение и роль офицерства в российском обществе и армии на рубеже исторических эпох, осветить проблемы их взаимоотношений, восприятие офицерской службы образованными слоями населения и «простонародьем»;

выявить социально-психологические характеристики офицерства той поры, влияние общественных и внутриармейских условий на их динамику;

показать условия повседневной служебной деятельности, жизни и быта офицеров в мирное время;

дать общую оценку уровня боевой подготовки командиров и начальников различных уровней, их морально-психологической готовности в боевых условиях управлять вверенными им воинскими формированиями, а также морально-боевых качеств русского офицерства;

вскрыть особенности комплектования армии офицерским составом, порядок прохождения службы и развития военной карьеры, внутреннюю структуру офицерского корпуса;

установить особенности восприятия командным составом революций 1905 и 1917 г.;

осветить политику новой власти в отношении офицеров после Февральской революции, их положение в период между двумя революциями, причины дискриминации офицерства со стороны солдатских масс;

раскрыть влияние событий 1917 г. на командный состав, позицию офицерского корпуса в февральские и октябрьские дни, процесс упразднения офицерства как социально-профессионального слоя;

выявить тенденции развития офицерского корпуса в начале XX столетия, сформулировать исторические уроки, вытекающие из результатов исследования.

Хронологически рамки диссертации охватывают 1905–1917 годы. Нижняя граница определяется началом реформ в русской армии, вызванных итогами неудачной Русско-японской войны 1904–1905 годов. Верхняя граница обусловлена решениями Советского правительства о демобилизации старой армии и «унич-

тожении офицерского звания», принятыми в конце 1917 г., и послужившими юридической основой для упразднения корпуса офицеров.

Источниковую базу диссертации составляют законодательные и подзаконные акты, иные документы, источники личного происхождения, периодическая печать тех лет, различные статистические и справочные издания. Характеристика источников, используемых в настоящем исследовании, приводится в параграфе 1.3. главы 1.

Научная новизна диссертации определяется, по мнению диссертанта тем, что впервые подготовлен труд, дающий целостное представление о русском офицерском корпусе в период эпохальных изменений государства и общества начала XX в., происходивших на фоне крупномасштабных международных военных конфликтов и революций. Собственно, элемент новизны являет собой и сама постановка малоизученной проблемы, значимость которой в период реформирования Вооруженных Сил Российской Федерации, на наш взгляд, очевидна. В диссертации рассмотрен целый ряд вопросов, большинство из которых ранее было исследовано недостаточно. В их число вошли:

положение и роль офицерства в российском обществе начала XX в., причины снижения его социального статуса, уровень материального благосостояния, взаимоотношения с другими слоями населения;

социально-психологические характеристики, мировоззрение, этика и система ценностей кадровых офицеров;

внутренняя структура корпуса офицеров и взаимоотношения между различными группами, его составлявшими;

комплектование корпуса офицеров, особенности продвижения по службе в мирное время (в контексте полученного военного образования и принадлежности к той или иной группе офицерства – армии, гвардии, Генеральному штабу);

возможность и характерные черты военной карьеры лиц недворянского происхождения;

служебные взаимоотношения офицеров и нижних чинов;

уровень боевой подготовки кадровых офицеров и офицеров военного времени в годы Первой мировой войны, их морально-боевые качества и морально-психологическое состояние;

позиция и роль офицерства в период революции 1905–1907 гг.;

причины, по которым офицерский корпус не выступил в поддержку монархии в феврале 1917 г. и Временного правительства в октябре 1917 г.;

причины дискриминации офицеров со стороны солдат в период между Февральской и Октябрьской революцией;

взаимоотношения новых властей и офицерства в феврале – октябре 1917 г. и первые недели после Октябрьской революции.

Таким образом, заявленная в настоящей диссертации проблема впервые рассматривается комплексно.

Положения, выносимые на защиту.

1. Дореволюционное кадровое офицерство представляло собой особый социально-профессиональный слой. Его характерными признаками являлись специальное военное образование, собственная система ценностей, правил, обычаев и норм поведения (офицерская этика), определенные ограничения законом личных и гражданских прав военнослужащих, напряженность и опасность профессиональной деятельности, доходившая до необходимости жертвовать собой в условиях войны ради выполнения боевой задачи. Процессы, начавшиеся в стране в пореформенный период и активизировавшиеся на рубеже XIX–XX веков, привели к значительному снижению некогда высокого социально-профессионального статуса офицерства. Несмотря на это, офицерский корпус вплоть до конца 1916 г., в целом сохранял лояльность к существовавшему государственному строю. Это проявилось как в ходе революционных событий 1905–1907 годов, так и в годы Первой мировой войны.

2. Консервативное мировоззрение кадрового офицерства, неприятие либеральной и революционной идеологии, иные, нежели у большинства сограждан представления о благе Отечества и служении ему привели к определенной отчужденности корпуса офицеров от других образованных слоев

общества, а также неприятию большинством граждан военной службы. Многим кадровым офицерам того времени был присущ особый психический склад, побуждавший их нести воинскую службу несмотря на сложность обстановки в стране, морально-психологический дискомфорт, связанный с настроениями в обществе, бытовые лишения и неудобства.

3. Офицерство начала XX столетия являлось многонациональным и всесословным, в том числе включавшим в себя представителей бывших податных сословий, служивших не только в армейских частях, но и гвардии и Генеральном штабе. В то же время не представляется возможным утверждать, будто всем жителям страны были предоставлены равные возможности и офицером мог стать каждый желающий, независимо от происхождения. Основная причина этого состояла в том, что обязательное всеобщее обучение в стране не было введено даже на уровне начальной школы, не говоря уже о среднем образовании. В силу данного положения вещей дети большинства крестьян, городских мещан, рабочих, часто не получавшие необходимого общего образования, не могли поступить в военно-учебные заведения. Именно это обстоятельство обусловило положение, когда вплоть до Первой мировой войны более половины кадрового офицерства составляли выходцы из среды потомственных дворян.

4. Продвижение офицеров по службе в пехоте и кавалерии во многом зависело от военно-учебного заведения, которое окончил военнослужащий. Среди пехотных и кавалерийских училищ, готовивших офицеров для службы в соответствующих родах войск, существовала своего рода иерархия (так называемое старшинство училищ). Ввиду неодинакового образования лиц, поступавших в военные и юнкерские училища, существовала разница в программах обучения, соответственно уровень подготовки выпускников также отличался. Офицеры, окончившие военные училища, имели старшинство в чине перед офицерами, получившими военное образование в юнкерских училищах. Подобное обстоятельство позволяло первым раньше получить следующий чин и быстрее занять вышестоящую должность. Однако и между военными училищами также существовало раз-

личие в статусах: всесословные военные училища уступали в старшинстве училищам, в которые поступали главным образом выпускники кадетских корпусов и лица, имевшие право на поступление в корпуса. Выпускники последнего типа училищ по выпуску имели старшинство в чине перед выпускниками всесословных военных училищ, которые считались менее престижными. Ситуация не изменилась даже после реформы военного образования, в ходе которой все юнкерские училища были преобразованы в военные училища: система старшинства училищ осталась прежней. Подобное положение приводило к определенным преимуществам в продвижении по службе выпускников одних училищ перед другими, и вызывала недовольство последних.

В специальных училищах, готовивших офицеров для артиллерии, инженерных войск и службы в качестве военных топографов старшинство училищ не существовало, поэтому старшинство в чине выпускников определялось тем, насколько успешно окончил учебное заведение тот или иной офицер.

5. Корпус офицеров включал три основные группы: армейское офицерство, в свою очередь, делившееся на подгруппы по родам войск; гвардейское офицерство; офицеры Генерального штаба. В силу ряда привилегий по службе, предоставлявшихся двум последним категориям, между ними и армейцами существовала определенная отчужденность, хотя на боеспособности армии данное обстоятельство не отражалось.

6. Вне зависимости от полученного военного образования офицерская служба носила напряженный характер. Как правило, она требовала значительных морально-психологических и физических усилий, была связана с повседневными тяготами и лишениями. Между тем относительно успешную военную карьеру удавалось сделать незначительной части военнослужащих, в большинстве своем относившихся к гвардии и Генеральному штабу. Официально сословное происхождение не создавало препятствий для службы в гвардии, более того, закон указывал, что в гвардии могут служить лучшие выпускники из всех военных училищ, в том числе, преобразованных в таковые из юнкерских училищ. Однако в кругах гвардейского офицерства существовала традиция, препятствовавшая приему в

свою среду лиц, не являвшихся по происхождению потомственными дворянами. Ситуация в среде офицеров Генерального штаба была более демократичной, сословное происхождение играло там меньшую роль.

7. Корпус офицеров являлся важнейшим звеном в системе обеспечения военной безопасности страны. Однако его боевая подготовка к началу войны с Японией во многом оказалась не соответствовавшей требованиям времени. Наиболее слабо были подготовлены военные руководители высшего звена – от командира дивизии, корпуса и выше. Главная причина неполной готовности высшего командного состава к ведению современной войны заключалась в инерционности государственного и военного управления, порочности кадровой политики, недооценке роли военной науки. Все это приводило к тому, что значительная часть генералитета не владела современными формами и способами военных действий и не обладала всеми необходимыми морально-боевыми качествами.

В результате мер, предпринятых после Русско-японской войны 1904–1905 гг. боевая подготовка большей части кадрового офицерства повысилась до уровня, обеспечивавшего возможность выполнять боевые задачи по предназначению. В мировую войну русская армия вступила, будучи подготовленной к ведению современных боевых действий. В то же время повышения уровня подготовки и улучшения морально-боевых характеристик части высшего командного состава не произошло. В значительной мере это способствовало неудачам русских войск в ряде операций и сражений Первой мировой войны. Многократное увеличение численности командного состава в годы мировой войны за счет офицеров военного времени, в общем и целом оправдало себя, несмотря на то, что качество их подготовки уступало кадровым офицерам. Морально-боевые качества и морально-психологическое состояние русского офицерства в основном отвечали требованиям военного времени. В то же время определенное количество офицеров, особенно в 1917 г. по моральным характеристикам не соответствовало необходимому уровню.

8. Деградация властных структур и обострение внутреннего положения в стране вкупе с неудачами на фронте в годы мировой войны способствовали изме-

нению настроений и взглядов офицерства. Выполняя свой долг по защите России, офицерство уже не ассоциировало как ранее, службу стране со службой монархии. Распространилось мнение о слабости действующей власти, ее неспособности сплотить общество, привести страну к победе над внешним врагом. Данное обстоятельство послужило одной из причин того, что офицерство не выступило в защиту монархии в феврале 1917 г. Этот же фактор во многом обусловил позицию высшего комсостава по вопросу отречения Николая II от престола.

9. Политика Временного правительства и Петроградского Совета в отношении армии и офицерства, несмотря на некоторые различия, лишала командный состав реальной власти в отношении солдат. Наряду с социально-экономическими факторами и соответствующей пропагандой это способствовало разложению армии. В результате армия как социальный институт перестала существовать, превратившись в практически неуправляемую массу вооруженных людей. При этом служебное положение офицеров оказалось абсурдным: подчиненные всячески дискриминировали своих начальников, изгоняли их со службы, избивали и даже убивали. После окончания двоевластия положение офицерства еще более ухудшилось, особенно в результате неудачного выступления Л. Г. Корнилова. Октябрьская революция привела к упразднению института офицеров русской армии.

Теоретическая значимость представленной диссертации, по мнению автора, заключается в том, что она являет собой вклад в исследование истории русской армии и создание новых знаний о корпусе офицеров. Освещена роль офицерства в периоды революционных катаклизмов, эволюция отношения к высшей власти и существовавшему государственному строю. Раскрыт ряд аспектов повседневной офицерской службы, проанализированы развитие служебной карьеры, взаимоотношения между различными группами офицерства, их материально-бытовое положение. Предпринята попытка оценить боевую подготовку и морально-психологическое состояние ряда категорий должностных лиц в военное время, для чего автором разработаны специальные методы. Кроме того, теоретическая значимость диссертации определяется выявлением тенденций развития офицерского корпуса в начале прошлого столетия.

Практическая значимость проведенного исследования определяется тем, что непредвзятая характеристика русского офицерства может способствовать переоценке сложившегося в свое время негативного отношения к нему, а также дореволюционной армии в целом как социальному институту. Представляется, что реконструкция облика русского офицерства, его «реабилитация» в глазах наших современников будет способствовать восстановлению нарушенной связи поколений военнослужащих, осознанию их духовного единства как защитников Отечества, наследованию лучших традиций дореволюционного корпуса офицеров и, тем самым, укреплению морального потенциала нынешнего офицерства. То есть обращение к истории офицерского состава русской армии служит воспитанию патриотизма, гражданственности, формированию высоких морально-боевых качеств современных военнослужащих.

С учетом спиралевидного характера общественного развития, сформулирован ряд исторических уроков, которые могут учитываться в строительстве Вооруженных Сил в наши дни. Кроме того, настоящая диссертация может стать основой для продолжения профильных научных изысканий, например, в возможных межгосударственных научно-исторических проектах, таких как изучение национального состава российского офицерства, а также исследование российских региональных аспектов темы и истории офицерства по родам войск. Материалы диссертации могут использоваться в процессе преподавании истории в высших военных и иных учебных заведениях.

Степень достоверности полученных научных результатов обусловливается:

всесторонним анализом отечественных и зарубежных научных трудов, посвященных русской армии и русскому офицерству начала XX столетия;

привлечением широкого круга различных источников, в том числе, документов четырех архивов, характеризующих русский офицерский корпус и его эволюцию;

использованием общепризнанных научных методов и принципов в процессе подготовки диссертации;

апробацией полученных результатов.

Результаты исследования **апробированы и опубликованы** в четырех томах из шести фундаментального многотомного труда «Первая мировая война 1914–1918 годов»[1] (пять параграфов, в общей сложности 10 авторских листов). Теме диссертации посвящены три монографии[2], одна из которых издана в рамках Федеральной целевой программы «Культура России», при этом финансовая поддержка для издания монографии оказывалась Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям. По проблематике диссертации опубликованы 23 статьи, в том числе 18 из них – в рецензируемых научных журналах России, в которых необходимо публиковать научные результаты диссертации, а также европейском журнале, входящем в международную базу цитирования Scopus. Остальные изданы в журналах, входящих в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований, а также в российском «Военном академическом журнале» в период, когда тот еще не был включен в число научных рецензируемых периодических изданий.

Кроме того, результаты исследования докладывались на 14 конференциях и «круглых столах», 9 из которых являлись международными. В их числе – доклады на таких масштабных конференциях, как «Россия в годы Первой мировой войны 1914–1918» (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.)[3], «Великая российская революция 1917 года: 100 лет изучения» (Москва, 9–11 октября 2017 г.)[4], «Первая

---

[1] *Суряев В.Н.* Восточноевропейский театр военных действий // Первая мировая война 1914–1918 годов: в 6 т. М., 2014–2017. Т. 2. С. 195–254; *Он же.* Планы России и Центральных держав. Т. 3. С. 23–36; *Он же.* Начало переговоров о заключении мира и демобилизация русской армии. Брестский мир. Т. 3. С. 198–221; *Он же.* Колониальная система: борьба за сырьевые ресуры. Т. 5. С. 43–59; *Он же.* Роль России в Первой мировой войне. Т. 6. С. 100–120.

[2] *Суряев В.Н.* Офицеры Русской императорской армии. 1900–1917; М., 2012; *Он же.* Великая война. Беларусь. Фронт. Минск, 2014; *Он же.* Русская армия накануне и в годы Великой войны. М., 2015.

[3] *Суряев В.Н.* Состояние морального духа русского офицерства в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы междунар. науч. конф. (Москва. 30 сентября – 3 октября 2014 г.) / отв. ред.: А.Н. Артипов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров. М., 2014. С. 580–586.

[4] *Суряев В.Н.* Февральская революция 1917 г. в восприятии русского офицерства // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения: материалы международной научной конференции (Москва, 9–11 октября 2017 г.) / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2017. С. 480–487.

мировая война в исторических судьбах Европы» (Вилейка, 18 октября 2014 г.)[1], «Нарочская операция 1916 г.: история и современность» (к. п. Нарочь, 17–19 марта 2016 г.»[2].

Общий объем научных публикаций по теме диссертации составляет 94,8 авторских листа.

Структура диссертации определяется ее целевой установкой и задачами исследования, и содержит введение, 5 глав (21 параграф), заключение, список использованных источников и литературы. В тексте помещены таблицы.

Объем работы составляет 619 страниц. Список источников (603) и литературы (215) в совокупности включает 818 наименований.

---

[1] *Суряев В.Н.* Военные действия на территории Беларуси и их влияние на ход Первой мировой войны // Первая мировая война в исторических судьбах Европы: сб. материалов Междунар. науч. конф., г. Вилейка, 18 окт. 2014 г. / ред. кол: В.А. Богуш [и др.]. Минск, 2015. С. 81–91.

[2] *Суряев В.Н.* Нарочская операция как важное звено оперативно-стратегических планов Антанты на 1916 год // Нарочская операция 1916 г.: история и современность: сб. статей. / Ред. кол.: В.В. Данилович [и др.]. М., 2017. С. 5–16.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ, ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Офицерский корпус русской армии в отечественной историографии

Анализ степени научной разработанности темы показывает, что история корпуса офицеров русской армии исследована недостаточно. На сегодняшний день в российской историографии отсутствуют специальные труды, посвященные комплексному рассмотрению истории русского офицерства начала XX века.

Так, в дореволюционной российской историографии научных работ, рассматривавших корпус офицеров не имеется, несмотря на то, что книг об армии выходило немало. Например, работы, авторами которых являлись М. В. Грулев, Н. Д. Бутовский, П. А. Режепо, М. С. Галкин, А. Н. Куропаткин, М. И. Драгомиров, Д. П. Парский, А. В. Геруа, Е. И. Мартынов и многие другие научными исследованиями не были, носили публицистический и справочно-статистический характер[1]. Посвященные актуальным проблемам армейской жизни вообще и корпуса офицеров в том числе, они, однако, отличались выраженным субъективным подходом и опирались главным образом на личный опыт авторов. Многочисленные статьи, публиковавшиеся в начале XX столетия в военной прессе, в том числе в журналах «Офицерская жизнь», «Варшавский военный журнал», «Разведчик», «Военный сборник», «Вестник русской конницы»

---

[1] *Бутовский Н.* Очерки современного офицерского быта. СПб, 1899; *Вишняков Н.* Пять лет военной публицистики. Помни войну! Сборник статей на современные военные темы. М., 1911; *Галкин М.* Новый путь современного офицера. М., 1906; *Геруа А.* После войны: о нашей армии. СПб., 1906; *Грулев М.* В штабах и на полях Дальнего Востока. Воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о русско-японской войне. СПб., 1908; *Драгомиров М.* Одиннадцать лет. 1895–1905 гг.: в 2 т. СПб., 1909; *Куропаткин А. Н.* Русская армия. СПб., 2003; *Мартынов Е. И.* Из печального опыта Русско-японской войны. СПб., 1906; *Парский Д.* Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. СПб., 1908; *Райковский В.* Военное воспитание. М., 1908; *Режепо П.* Офицерский вопрос в начале XX века // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. М., 2000. С. 54–68; *Червинка Я.* Военная карьера у нас и за границею // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. М., 2000 С. 96–105 и др.

и прочих, освещавших жизнь и службу офицеров также не носили научного характера[1].

Несмотря на это, как книги, так и статьи, выходившие в те годы представляют собой весьма ценный материал для изучения проблемы, позволяя видеть жизнь армии начала прошлого века глазами современников.

В советских исторических трудах 1920–1930-х гг., так или иначе затрагивавших армейскую проблематику, об офицерстве говорилось вскользь, без какого-либо анализа и главным образом в контексте революционных событий начала XX века. Внимание акцентировалось на работе большевистской партии по разложению армии и привлечению солдатских масс на свою сторону. При этом проблемы истории офицерства не изучались, но, как отмечает один из современных ученых-историков И. Н. Гребенкин, «офицерский корпус представал в качестве наиболее активной реакционной группы»[2].

Представляя собой определенный вклад в историческую науку, эти работы в то же время опирались на официальную идеологию. Характеристика офицерства на взгляд диссертанта носила поверхностный характер и сводилась главным образом к тезису о его контрреволюционности и дворянско-буржуазной сущности. В числе авторов тех лет необходимо назвать В. Н. Владимирова, А. К. Дрезена, М. И. Ахуна, В. А. Петрова, Е. И. Мартынова, В. О. Василенко,

---

[1] См.: *А.А.Н.* Солдат и «свободы» // Вестник русской конницы. 1906. № 8. С.335–337; *А. К.* Офицеры и публика // Разведчик. 1916. № 1313. С. 10–12; *Бутовский Н.* Военная молодежь и ее неудачи // Военный сборник. 1902. № 1. С. 149–151; *В.А.К.* Мысли о Мукденских боях // Вестник русской конницы. 1906. № 14. С. 597–599; *Волконский А. М.* Присяга или партийность // Разведчик. 1906. № 842. С. 924–926; *Галкин М.* К познанию армии // Военный сборник. 1914. № 1. С. 20–23; *Голубев И.* Арест офицеров // Разведчик. 1913. № 1175. С. 292; *Любимов, штабс-ротмистр.* Меры, необходимые для удержания лучших офицеров на службе // Вестник русской конницы. 1907. № 23. С. 1020–1023; *Розеншильд-Паулин А.* Строевая армия // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 157–158; *Семенов А.* Работа командира роты за неделю // Разведчик. 1907. № 857. С. 172–174; *Толузаков С.* Настроение в корпусе офицеров армии // Разведчик. 1906. № 803. С. 202–204; *Ф.* Статистика офицерской библиотеки // Разведчик. 1911. № 1067. С. 229–230; *Эл-Эс.* Час испытания // Вестник русской конницы. 1906. № 19. С. 812–813 и др.

[2] *Гребенкин И.Н.* Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914 –1918 гг.: дис. … докт. ист. наук. Рязань, 2011. С. 6.

О. Н. Чаадаеву, Н. И. Подвойского, М. Н. Покровского, С. Е. Рабиновича[1] и др.

Даже в фундаментальном труде, посвященном истории гражданской войны в СССР, офицерству уделялось незначительное внимание, косвенно затрагивались лишь вопросы политического самоопределения военнослужащих[2].

Представляется, что более полному и объективному освещению жизни и деятельности русского офицерства мешало недоверие по отношению к дореволюционным социальным институтам, существовавшее в обществе и властных структурах в тот период. Наряду с участием многих офицеров в Белом движении, это привело к тому, что «… офицерский корпус периода последнего царствования… долгое время не являлся объектом специальных исследований»[3].

Что касается трудов, посвященных истории Русско-японской и Первой мировой войн, то, несмотря на их значимость с точки зрения истории военного искусства, внимания многообразной роли офицерского корпуса в них не уделялось, освещались лишь крупные операции и сражения, действия различных родов войск, применение техники и т.д. Упоминания удостаивались только отдельные представители генералитета, которым давались самые общие, чаще, отрицательные характеристики. Уровень боевой подготовки, повседневная жизнь

---

[1] *Ахун М.И., Петров В.А*. Большевики и армия в 1905–1917 гг. Л., 1929; *Они же*. Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929; *Василенко В.О.* Офицеры в рясах. М., 1933; *Владимирова В.Ф.* Контрреволюция в 1917 г (корниловщина). М., 1924; *Дрезен А. К.* Петроградский гарнизон в июле и августе 1917 г. Красная летопись. 1927. № 3 (24). С. 191–223; *Мартынов Е.И*. Царская армия в Февральском перевороте. Л., 1927; *Он же.* Корнилов (Попытка военного переворота). Л., 1927; *Подвойский Н. И.* Военная организация ЦК РСДРП (б) и Военно-революционный комитет 1917 г. //«Красная летопись». 1923. № 6. С. 64–97; № 8, С. 7–43: *Он же*. Год 1917. М., 1958; *Покровский М.Н.* Большевики и фронт в октябре – ноябре 1917 г. // Красная новь. 1927. № 11. С. 157–170; *Он же.* Империалистская война: сб. статей. М., 1928; *Рабинович С. Е*. Большевистские военные организации в 1917 году // Пролетарская революция. 1928. № 6–7 (77–78). С. 179–198; *Он же*. Борьба за армию в 1917 г. Л., 1930; *Чаадаева О.* Армия накануне Февральской революции. М.-Л., 1936; *Она же*. Корниловщина. М.-Л., 1930 и др.

[2] История гражданской войны в СССР: в 5 т. Т. 1–2. М., 1935–1943.

[3] *Гребенкин И.Н.* Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914 –1918 гг.: дис. … докт. ист. наук. Рязань, 2011. С. 6.

и служба штаб – и обер-офицеров, их роль в повседневной жизни войск и ходе боевых действий не исследовались[1].

Лишь труд А. А. Свечина стал в этом плане некоторым исключением[2]. В нем более объективно и подробно характеризовалась боевая деятельность офицеров полка, с которыми автору довелось служить в годы Первой мировой войны. В то же время вопросы оперативно-стратегического руководства войсками, в том числе в работах, посвященных операциям на Русском фронте, освещались достаточно глубоко, при этом использовался большой фактический материал, делались теоретические обобщения[3]. Такие труды, однако, затрагивали, главным образом, вопросы истории военного искусства, то есть в большей степени относились к военной науке, а не к исторической, поэтому проблемы истории офицерского корпуса, как социально-профессионального слоя, оставались в стороне.

В годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы стали появляться публикации, в которых о русской армии говорилось несколько более объективно. В качестве примера можно назвать таких авторов, как Е. О. Ярушевич, В. А. Морозов, В. В. Мавродин, Е. З. Барсуков, Н. Г. Корсун, М. В. Нечкина;

---

[1] Напр.: *Зайончковский А.М.* Мировая война 1914–1918 гг.: в 2 т. 3-е изд. М.: 1938–1939; *Он же.* Подготовка России к империалистической войне. М., 1926; *Коленковский А.* Маневренный период первой мировой империалистической войны 1914 г. М., 1940; *Колчигин Б., Разин Е.* Оборона Порт-Артура в русско-японскую войну 1904–1905 гг. М., 1939; *Корсун Н.* Сарыкамышская операция. М., 1937; Он же. Эрзерумская операция. М., 1938; *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну / перераб. и доп. Е.З. Барсуков. 3-е изд. М., 1937; *Шафалович Ф.* Встречный бой 10-го армейского корпуса на р. Золотой Липе 26 –29 августа 1914 г. М., 1938 и др.

[2] *Свечин А.* Искусство вождения полка по опыту войны 1914–18 гг. Т. 1. М. – Л., 1930.

[3] См., напр.: *Белой А.* Галицийская битва. М.-Л., 1929; *Ветошников Л.В.* Брусиловский прорыв: оперативно-стратегический очерк. М., 1940; *Евсеев Н.Ф.*Августовское сражение 2-й русской армии в Восточной Пруссии (Танненберг) в 1914 г. М., 1936; *Он же.* Свенцянский прорыв (1915 г.). М., 1936; *Коленковский А.* Зимняя операция в Восточной Пруссии в 1915 году. М.-Л., 1927; *Корольков Г. К.* Несбывшиеся Канны (Неудавшийся разгром русских летом 1915 г.). М., 1926; *Он же.* Лодзинская операция 2 ноября – 19 декабря 1914 г. М., 1934; *Он же.* Варшавско-Ивангородская операция. М., 1923; *Он же.* Праснышское сражение (июль 1915 года). М.-Л., 1928; *Подорожный Н.Е.* Нарочская операция в марте 1916 г. на русском фронте мировой войны. М., 1938; *Рыбин Д.И.* Лодзинская операция на русском фронте мировой войны в 1914 году. М., 1938; *Свечин А.* Эволюция военного искусства: в 2 т. М.-Л., 1927 – 1928; Стратгический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 1–7. М., 1920–1923 и др.

выпускались также сборники архивных документов, освещавших подвиги военнослужащих русской армии, в том числе офицеров[1].

В то же время в случаях успеха русских войск в том или ином в сражении (операции), действия русских военачальников не рассматривались, их имена практически не назывались, как, например, в труде Н. Г. Корсуна «Первая мировая война на Кавказском фронте». Следует отметить, что вышедшие в эти годы труды А. Ю. Кривицкого «Традиции русского офицерства» и «Русский офицер за рубежом» явились первыми в СССР книгами, посвященными именно корпусу офицеров Русской императорской армии. Однако назвать все эти работы научными исследованиями вряд ли возможно, в научно-популярном ключе в них рассмотрены отдельные эпизоды русской военной истории.

Кроме того, вскоре после окончания Великой Отечественной войны появились, пусть и в небольшом количестве, диссертации, в которых рассматривались отдельные аспекты строительства русской армии, в частности, социальный состав офицерства накануне Первой мировой войны, а также некоторые вопросы их профессиональной подготовки[2].

В 1950–1970-е гг. проблематика, связанная с офицерским корпусом русской армии, по-прежнему не являлась объектом самостоятельных научных исследований. Несмотря на то, что издавалось значительное количество работ, посвященных армии в контексте революционных событий и борьбе политических партий за влияние в вооруженных силах[3], проблемы истории офицерства не изучались, в

---

[1] *Барсуков Е. З.* Артиллерия русской армии (1914–1917 гг.): в 4 т. М., 1948–1949; *Кривицкий А. Ю.* Традиции русского офицерства / ред. И. Г. Гаврилин. М., 1945; *Он же.* Русский офицер за рубежом / ред. Д.А. Ворончихин. М., 1946; *Корсун Н.Г.* Первая мировая война на Кавказском фронте. М., 1946; *Мавродин В.В.* А.А. Брусилов. М., 1942; *Морозов В.* Советы молодому офицеру // Военный вестник. 1943. № 19–20. С. 2–6; Из боевого прошлого русской армии. Документы и материалы о подвигах русских солдат и офицеров / под. ред. Н. Коробкова. М., 1947; *Нечкина М.В.* Исторические традиции русского военного героизма. М., 1942; *Ярушевич Е.* О лучших традициях русского офицерства // Военный вестник. 1943. № 15–16. С. 37–42 и др.

[2] Напр.: *Липицкий С.В.* Авиация русской армии в 1910–1917 гг.: дис.… канд. ист. наук. М., 1950; *Никитин Е.Ф.* Русская армия накануне первой мировой империалистической войны: дис. … канд. ист. наук. Л., 1949.

[3] *Андреев А. М.* Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М.: 1975; *Астрахан Х. М.* Большевики и их политические противники в 1917 г. Л., 1973;

отличие от революционного движения солдатских масс. В трудах, посвященных военной истории, вопросы, связанные с русским офицерством рассматривались в предельно общем виде и чаще всего в контексте проблем военных действий, военного искусства и военного потенциала России[1]. В тот период вышла лишь одна работа, прямо связанная с «офицерской» тематикой[2].

Постепенно, однако, определенные подвижки в изучении истории офицерского корпуса все же происходили. Так, изучая деятельность большевистской партии в дореволюционной армии, исследователи, наряду с прочими проблемами, не могли не затронуть изменения, происходившие в социальном составе офицерства в годы Первой мировой войны, рост его численности ввиду потребностей военного времени, деятельность большевиков по привлечению офицеров на сторону революции[3].

Базанов С. Н. В борьбе за Октябрь на Северном фронте. 5-я армия. М., 1985; *Васин И. Н.* Армия и революция (Борьба московских большевиков за солдатские массы в трех революциях). М., 1973; Военно-боевая работа партии большевиков 1903–1917 / под общ. ред. Н.Р. Панкратова. М., 1973; *Гаркавенко Д. А.* Партия, армия и флот в февральской революции. Л., 1972; *Гициу М. М.* Деятельность солдатских Советов и комитетов на Румынском фронте и в Молдавии в 1917 г. Кишинев, 1983; *Гусев К. В.* Крах мелкобуржуазных партий в СССР. М., 1966; *Капшуков С. Г.* Борьба большевистской партии за армию в период первой мировой войны (1914 – март 1917). М., 1957; *Капустин М.И.* Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1957; *Минц И.И.* История Великого Октября: в 3 т. / 2-е изд. М., 1977–1979. *Нетылкин А*. Большевики на Западном фронте в 1917 г. М., 1959; *Саладков И. И.* Большевики Белоруссии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917 – февраль 1918). Минск, 1957; *Смольников А. С.* Большевизация XII армии Северного фронта в 1917 г. М., 1979; *Смольянинов М.М.* Революционное движение солдатских масс на Западном фронте в 1917 году. Минск, 1981; *Френкин С*. Революционное движение на Румынском фронте. Солдаты 8-й армии Румынского фронта в борьбе за мир и власть Советов. М., 1965; *Якупов Н. М*. Борьба за армию *в* 1917 году*:* деятельность большевиков в прифронтовых округах. М., 1975 и др.

[1] См., напр.: *Позднев А.* Творцы отечественного оружия. М., 1955; Развитие тактики русской армии: сб. статей / сост. Панков Д. В. М., 1957; *Ростунов И. И.* Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976; *Строков А. А.* Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М., 1974; *Сорокин А.И.* Русско-японская война 1904–1905 гг. (военно-исторический очерк). М, 1956; История первой мировой войны 1914–1918 гг.: в 2 т. / А. М. Агеев и др. М., 1975; *Шацилло К. Ф.* Россия перед первой мировой войной (вооруженные силы царизма в 1905–1914 гг.). М., 1974; Русская военная мысль: конец XIX – начало XX в. / под ред. П. А. Жилина. М., 1982.

[2] *Алпатов Н. И*. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа (Из опыта кадетских корпусов и военных гимназий в России). М., 1958.

[3] *Варзацкий В. Д*. Борьба партии большевиков за привлечение демократического офицерства на сторону социалистической революции (февраль 1917–февраль 1918 гг): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Одесса, 1984; Военные организации партии большевиков в 1917 году / отв. ред. Ю.И. Кораблев. М.: Наука, 1986; *Гаврилов Л.М., Кутузов В.В*. Перепись русской армии 25 октября 1917 года // История СССР. 1964. № 2. С. 87–91; *Голуб П. А*. Партия, армия и революция. От-

В 1970 –1980-е гг. в центре внимания ряда отечественных историков оказалась деятельность крупных российских политических партий начала XX века. Наряду с прочим, анализировалась работа непролетарских партий в войсках, их влияние на военнослужащих, анализировалась численность газет, ими издававшихся и т.д.[1]. Кроме того, в тот же период вышли в свет несколько статей и монографий, в которых затрагивался более широкий круг вопросов истории офицерства. В их числе находились комплектование Русской императорской армии офицерским составом, некоторые стороны социального облика российского офицерства, имущественное положение генералитета, участие офицеров в революционном движении, некоторые качественные и количественные характеристики командного состава[2].

воевание партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917–февраль 1918. М., 1967; *Панкратов Н.Р.* Разработка В.И. Лениным военной программы пролетарской революции и борьба партии большевиков за ее осуществление (1914–1917 гг.): дис. … д-ра ист. наук. М., 1972; Революционное движение в русской армии в 1917 году: Сборник статей. М., 1981; *Спирин Л.* В.И. Ленин и создание советских командных кадров // Военно-исторический журнал. 1965. № 4. С. 3–16; *Тарасенко И. В.* Работа партии большевиков среди офицеров армии и флота в трех российских революциях (1917 – апрель 1918 г.): дис. … канд. ист. наук. М., 1990 и др.

[1] *Басманов М. И., Гусев К. В., Полушкина В. А.* Сотрудничество и борьба. Из опыта отношений КПСС с непролетарскими и некоммунистическими партиями. М., 1988; *Волобуев О. В., Миллер В. И., Шелохаев В. В.* Непролетарские партии в России: итоги изучения и нерешенные проблемы // Непролетарские партии России в трех революциях: сб. статей. М., 1989. С. 5–20; *Гусев К.В.* Мелкобуржуазные партии // Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1981. С. 118–134; *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период первой мировой войны и февральской революции. М., 1988; *Марченкова Н. П.* Вопрос о социальной базе партии левых эсеров в новейшей советской историографии // Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и течениями. М., 1983. С. 121–132; *Павлов Д. Б.* Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989; *Протасов Л. Г.* К истории борьбы эсеров за армию в 1917 г. // Непролетарские партии России в трех революциях: сб. статей. М., 1989. С. 167–173; *Цейтлин Р. С.* В борьбе за солдатские массы: Большевики и их политические противники в тыловых военных округах Восточной России в мирный период развития революции 1917 г. Казань, 1987; *Черняк Э. И.* О современном состоянии изученности эсеровских организаций Сибири в 1917 – начале 1918 гг. // Октябрь и гражданская война в Сибири. История. Историография. Источниковедение: сб.ст. Томск, 1985. С.56–65 и др.

[2] *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986; *Он же.* Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973; *Буравченков А. А.* Изменения в социальном составе офицерского корпуса в России (1914–1917 гг.) // Украинский исторический журнал. 1987. № 2. С. 73–83; *Он же.* В ногу с революцией. Демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции. Киев, 1988; *Он же.* Офицерский корпус русской армии накануне Октябрьской революции // Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985. С. 145–150; *Гаврилов Л. М.* Русская армия накануне февральской революции // Исторические записки. М., 1986. Т. 144. С. 48–73; *Зайончковский П. А.* Русский офицерский корпус

Эти работы внесли определенный вклад в изучение вопросов, ранее, по сути, не рассматривавшихся, положили начало пониманию особенностей социальной структуры русского офицерства в конце XIX – начале XX веков. В то же время авторам этих трудов не удалось обстоятельно рассмотреть важнейшие проблемы истории корпуса офицеров, а также избежать идеологических штампов своего времени.

Наибольший вклад из числа этих авторов, по мнению диссертанта, в изучение истории офицерского корпуса внесли П. А. Зайончковский и А. Г. Кавтарадзе. В большой статье П. А. Зайончковского, посвященной русскому офицерству накануне Первой мировой войны, уделено внимание ряду проблем, ранее в историографии не затрагивавшихся. В их числе – некоторые аспекты положения офицерства среди других социальных групп, взаимоотношения между офицерами различных родов войск, морально-этические характеристики офицерства, отношение к солдатам и т.д.[1]. В наиболее значимой, как представляется, работе П. А. Зайончковского, посвященной русской армии на рубеже XIX–XX столетий[2], рассмотрен целый ряд актуальных проблем истории офицерства. В то же время в монографии освещаются лишь первые три года XX века. Соответственно, в ней не охвачены последующие важнейшие события – Русско-японская война 1904 –1905 гг., революция 1905–1907 гг., предвоенные реформы в русской армии, Первая мировая война, события 1917 г.

Монография А. Г. Кавтарадзе[3] посвящена главным образом событиям, происходившим после Октябрьской революции, когда офицерство как социально-профессиональный слой было упразднено, а старая армия в целом демобилизована и распущена. В то же время одна из глав этого труда затрагивает ряд вопросов,

---

на рубеже столетий (1881–1903 гг.) // Военно-исторический журнал. 1972. № 3. С. 41–51; *Он же*. Сословный состав офицерского корпуса на рубеже XIX–XX веков // История СССР. 1973. № 1. С. 148–154; *Иоффе Г. З*. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989 и др.

[1] *Зайончковский П. А*. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П. А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации, воспоминания о нем. М., 1998. С.24–69.

[2] *Он же.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий (1881–1903 гг.). М., 1973.

[3] *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. / отв. ред. В.И. Петров. М., 1988.

связанных с историей дореволюционного офицерства. К сожалению, в обеих монографиях недостаточно исследованы его важнейшие характеристики: корпоративная офицерская этика, положение в обществе, внутренняя структура, прохождение службы в мирное время, боевая подготовка и морально-боевые качества, уровень благосостояния. Кроме того, не проанализированы причины большинства явлений в жизни и деятельности офицерства. Без этого вряд ли возможна комплексная характеристика офицерства и определение его роли в жизни государства, общества и армии начала XX века.

Таким образом, представляется справедливым мнение советского историка В. Д. Поликарпова, который в 1990 г. характеризовал ситуацию следующим образом. «Командный состав старой русской армии изучался у нас в основном в той мере, в какой это требовалось сначала для практического решения задачи привлечения в Красную Армию оставшихся от старой армии военных специалистов, а потом для исторического освещения этого опыта»[1].

То есть исследовались лишь вопросы, имевшие прикладное значение в конкретный период создания и становления Красной армии. Практически все приведенные выше диссертации, монографии и статьи посвящены главным образом событиям 1917 г. и гражданской войне, соответственно, офицерство рассматривается в них только в тот временной период, и только с позиций вполне определенной идеологии. В трудах по истории Первой мировой и Русско-японской войн упоминались лишь действия высших военачальников на оперативном и оперативно-стратегическом уровне (современная терминология), в то время как роль подавляющего большинства офицерского состава – от субалтерн-офицеров до командиров частей, по сути, не рассматривалась. Проблематика, связанная с изучением жизни офицерства в мирное время, их положение в обществе и повседневная служба также не изучались, как не изучалась начавшаяся после Февральской революции дискриминация офицеров, доходившая до террора. Следовательно, необходимо вновь признать правоту В. Д. Поликарпова, который указывал, что

[1] *Поликарпов В. Д.* Военная контрреволюция в России. 1905–1917. М., 1990. С 173.

крупных специальных исследований, посвященных офицерству русской армии на последнем этапе ее существования, в советской историографии не было[1].

С 1990-х годов начался качественно новый этап изучения истории русского офицерского корпуса, характеризующийся ростом числа исследований и расширением их тематики; этот этап продолжается и поныне. Своего рода пионером здесь стал С. В. Волков, опубликовавший несколько монографий, двухтомное справочное издание и множество статей, посвященных русскому офицерству[2].

Безусловно, эти работы внесли существенный вклад в изучение проблемы. Например, в монографии «Русский офицерский корпус» автор, используя большое количество фактического и статистического материала, освещает целый комплекс вопросов истории офицерства, многие из которых ранее почти не рассматривались. Следует отметить, однако, что хронологические рамки монографии охватывают весьма продолжительный период с XVII по начало XX в. включительно. Как видится, данное обстоятельство не позволило автору осветить в полной мере проблемы периода 1905–1917 гг.

В монографии «Трагедия русского офицерства» С. В. Волков главное внимание уделил характеристикам офицерского состава в 1917 г. и во время гражданской войны; первые полтора десятилетия XX века, насыщенные важнейшими событиями в жизни страны и армии, не освещаются. Несмотря на данное обстоятельство, некоторые аспекты истории дореволюционного офицерства в данном труде затрагиваются. Кроме того, С. В. Волков является составителем, научным редактором, автором комментариев и предисловий к нескольким сборникам вос-

---

[1] См.: Там же. С. 173, 174.

[2] *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М., 1993; *Он же.* Трагедия русского офицерства. М., 2001; *Он же.* Российское офицерство как служилое сословие // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 285–299; *Он же.* Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога: в 2 т. М., 2012; *Он же.* Выпуск офицеров из военных училищ и школ прапорщиков в годы первой мировой войны (анализ количественных данных) // Вестник ПСТГУ. Сер. 2. История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 5 (60). С. 34–44; *Он же.* Русское офицерство как историко-культурный феномен // Военно-историческая антропология: предмет, задачи, перспективы развития. Ежегодник. М., 2002. С. 165–181; *Он же.* Первая мировая война и русский офицерский корпус // Вестник ПСТГУ. Сер. 2. История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 1 (38). С. 111–117 и т.д.

поминаний участников Белого движения[1] (проект «Россия забытая и неизвестная»), где также освещаются некоторые страницы истории офицерства начала XX столетия. Так как в белых армиях служила значительная часть кадрового русского офицерства и офицеров военного времени, изучение истории Белого движения позволяет значительно уточнить и расширить знания по истории офицерского корпуса в последние годы существования империи.

В этой связи следует отметить, что наряду с С. В. Волковым исследованиями в этой области результативно занимаются В. Ж. Цветков[2] и Р. Г. Гагкуев[3]. Значительный интерес представляют собой книги военно-исторической серии «Белые воины»[4] (герои которой, как правило, были кадровыми офицерами). В этом же ряду стоят работы И. Н. Гребенкина[5], посвященные Белому движению.

---

[1] См., напр.: Офицеры российской гвардии в белой борьбе / Сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волкова. М., 2002; Последние бои Вооруженных Сил Юга России / Сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волкова. М., 2004; Белая борьба на Северо-западе России / Сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волкова. М., 2003 и т.д.

[2] *Цветков В. Ж.* Белые армии Юга России. 1917–1920 гг. (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). Кн. 1. М., 2000; *Он же.* Белое дело в России. 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008. *Он же*. Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009; *Он же.* Белое дело в России. 1919–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). Ч. 1. М., 2013. *Он же.* Генерал Алексеев. М., 2013 и т.д.

[3] *Гагкуев Р. Г.* Белые армии юга России: особенности источников комплектования и социального состава (на материалах первого армейского корпуса). 1917–1920 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2003; *Он же.* Белое движение в России: социальный состав и источники комплектования белых армий (1917–1922 гг.): дис. … докт. ист. наук. М., 2013; *Он же.* Белое движение на Юге России: Военное строительство, источники комплектования, социальный состав, 1917–1920 гг. М., 2012 и др.

[4] Дроздовский и дроздовцы / Ред. и сост. издания Р. Г. Гагкуев, при участии В. Г. Чичерюкина-Мейнгардта, В. Ж. Цветкова, К. М. Александрова, Н. А. Кузнецова. М., 2006: Каппель и каппелевцы / Сост. С. С. Балмасов, Е. В. Волков, Р. Г. Гагкуев, Н. Л. Калиткина, А. А. Каревский, В. Ж Цветков; Генерал Ренненкампф (сост., ред., прим. и коммент. Р. Г. Гагкуев, при участии Н.И. Богомазова, В.В. Голицына; предисл. А.Н. Алекаев. М:, 2017; Граф Келлер / Сост. и ред. Р. Г. Гагкуев, В. Ж. Цветков. М., 2007; Генералы Великой войны / сост. Р. Г. Гагкуев. М., 2014 и др.

[5] *Гребенкин И. Н.* Добровольцы и Добровольческая армия: на Дону и в «Ледяном» походе: Монография. Рязань, 2005; *Он же.* Генерал Л. Г. Корнилов: штрихи к портрету // Отечественная история. 2005. № 4. С. 108–123; *Он же.* Рецензия на «Материалы для истории Корниловского ударного полка» // Новейшая история России. 2016. № 2. С. 299–303; *Он же*. Представители

Ряд аспектов истории дореволюционного офицерского корпуса, рассматривается также в диссертациях, монографиях и статьях ряда других авторов, рассматривающих Белое движение[1]. В числе таких проблем – социальный состав офицерства накануне Октября, некоторые особенности его политических предпочтений, реакция на революционные события в 1917 г. и т.п.

Современный этап изучения истории русского офицерства характеризуется увеличением числа исследований, освещающих самые различные грани истории офицерского корпуса. Так, появились труды, посвященные традициям, духовным ценностям, моральному состоянию и воспитанию офицерского состава[2].

офицерства во главе добровольческой кампании 1917 г. в России // Добровољци у Великом рату: 1914 – 1918. Белград, 2018. С. 231–244; и др.

[1] *Абинякин Р. М.* Офицерский корпус Добровольческой армии: Социальный состав, мировоззрение, 1917–1920 гг.: дис. … канд. ист. наук. Орел, 2000; *Он же.* Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. Орел, 2005; *Волков Е. В.* Офицерский корпус вооруженных сил адмирала А. В. Колчака: дис. … канд. ист. наук. Челябинск, 2000; *Карпенко С. В.* Белое дело: Врангель в Таврии. М., 1994; *Он же.* Очерки истории Белого движения на Юге России (1917–1920 гг.). М., 2002; *Он же*. Белые генералы и красная смута. М.: Вече, 2009; *Пученков А. С*. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 гг.). СПб., 2012; *Смолин А. В.* Белое движение на Северо – Западе России 1918–1920 гг. СПб.,1999 и др.

[2] *Диривянкин С. М.* Моральный дух офицеров российской армии и его укрепление: исторический опыт, уроки (1900 – август 1914 г.): дис. …канд. ист. наук. М., 2005; *Лазарев К. В*. Офицерский корпус русской армии о проблемах воинского воспитания (1874–1914 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2017; *Маслов А.В.* Воспитание корпуса армейских офицеров в духе преданности престолу и отечеству (1880 – август 1914 гг.): дис. … канд. ист. наук. М., 2006; *Морихин В. Е.* Традиции офицерского корпуса русской армии XIX – начала XX веков: исторический анализ: дис. … канд. ист. наук. М., 2003; *Он же*. «Офицера, не умеющего держать себя, полк не потерпит в своей среде». Забытые традиции русского офицерского корпуса // Военно-исторический журнал. 2004. № 1. С. 44–48.; *Печень Н.А*. Воспитание воинов русской армии отечественной историей: опыт, проблемы, уроки (вторая половина XIX века – февраль 1917 г); М., 1999; *Он же.* История Отечества в боевом строю: монография. М., 2011; *Рубцов Ю.В*. Генерал-фельдмаршалы в истории России. Жезлы на эполетах. М., 2015; *Он же*. Первая мировая война в трудах русской военной эмиграции. В кн.: Забытая война и преданные герои. М., Вече, 2011; *Объедков И.В.* Военно-учебные заведения России в 1914–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1989; *Симашенков П. Д*. Деятельность властных структур и органов военного управления по патриотическому воспитанию офицерства российской армии (1890 – август 1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2003; *Он же.* Государственное регулирование системы патриотического воспитания офицеров русской армии (кон. XIX – XX вв.). М.– Берлин, 2015; *Синюков В. А.* Нравы и ценностные ориентации дореволюционного офицерства конца XIX – начала XX веков (Опыт этико-исторического исследования): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 1997; *Смирнов Е. В.* Духовные ценности в военно-профессиональном сознании офицерского корпуса России: социально-философский анализ: дис. … канд. филос. наук. М., 2008; *Тихомиров А. В*. Офицерские собрания русской армии: исторический опыт и уроки культурной деятельности: дис. … канд. ист. наук.СП., 2001; *Уваров И.А.* Система военно-учебных заведений России

Внимание некоторых ученых стала привлекать российская военная элита. Например, Е. Ю. Сергеев в своей монографии[1] рассмотрел структуру и место высшего слоя профессиональных военных в составе правящих кругов страны, их социальное происхождение, образование, функции, при этом особое внимание было уделено офицерам Генштаба. Некоторые работы, посвящены взаимоотношениям власти и офицерства[2], однако, чаще всего, хронологические рамки этих работ охватывают лишь несколько месяцев 1917 г.; соответственно, их содержание в основном сводится к проблеме «офицерство и революция». В этом контексте авторы излагают вопросы комплектования, численности и изменения социального состава офицерского корпуса до Февральской революции.

Малоизученной проблеме участия офицерства в борьбе против новой власти после Февральской революции посвятили свои труды В. Д. Поликарпов, Н. А. Копылов и А. С. Маслаков, исследовавшие деятельность офицерских организаций, созданных в 1917 году[3].

Появился ряд работ, посвященных организации подготовки офицерских кадров в начале XX века и деятельности военно-учебных заведений в мирное и

XVIII–начало XX вв.: автореф. дис. … докт. ист. наук. М., 2012; *Холманских А. Е.* Кодекс чести русского офицера (Корпоративная этика и нормы социального поведения – конец XIX – начало XX вв.): дис. … канд. ист. наук. М., 1999; *Шацилло К.Ф.* Общество и вооруженные силы России в начале XX века // Армия и общество. 1900–1914 годы. Статьи, документы. М., 1999 и др.

[1] *Сергеев Е. Ю.* «Иная земля, иное небо…». Запад и военная элита России (1900–1914). М., 2001.

[2] Напр.: *Аристов А. В.* Взаимоотношения самодержавия и офицерского корпуса Российской империи в начале XX века. Вестник Военного университета. 2007. № 3 (11). С. 96–99; *Загоруйко М. В.* Российское офицерство в 1917 году (февраль – октябрь): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2012; *Кузнецов Д. А.* Офицерский корпус России, февраль – август 1917 г.: дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 2000 и др.

[3] *Копылов Н. А.* «Союз офицеров армии и флота» в России периода февральской революции: формирование, программа, тактика: дис. … канд. ист. наук. М., 2001. *Он же.* Первая мировая война и русское офицерство. Некоторые аспекты проблемы // Сравнительно-исторические исследования: сборник студенческих работ. М., 1998. С. 84–95; *Маслаков А. С.* Русский офицерский корпус и офицерские организации летом 1917 года [Электронный ресурс] // Научная сеть: [сайт]. Режим доступа: http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1154123&s=121301000%29 (дата обращения: 26.09.2017); *Поликарпов В. Д.* Военная контрреволюция в России. 1905–1917. М., 1990.

военное время. По данной проблематике защищен ряд диссертаций, опубликованы не только статьи, но и монографии[1].

В последние годы подготовлены и защищены докторские диссертации, которые имеют непосредственное отношение к изучению проблемы, заявленной в настоящем диссертационном исследовании. Так, немалый вклад в исследование истории русского офицерства периода 1914 – начала 1918 гг. внесла диссертация

---

[1] *Балыш А. Н.* Деятельность государственных органов России по формированию обер-офицерского состава русской армии во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; *Бордунов С. В.* Развитие теории и практики подготовки офицерского состава в военной школе дореволюционной России второй половины XIX–начала XX в.: дис. … канд. пед. наук. М., 1991; *Буковская Т. И.* Кадетские корпуса: история, этапы становления и развития *военного образования* в *России*: дис... канд. ист. наук. СПб., 2003; *Бурдужук В. И.* Реформы в русской армии в 1905–1912 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; *Володин С. В.* Деятельность государственных и военных органов по формированию кадрового состава русской армии (1856 – 1914 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук: автореф. … дис. канд. ист. наук. М., 2011; *Дрозд Е. В.* Особенности подготовки офицерских кадров в военно-учебных заведениях Российской империи: автореф…. канд. пед. наук. Елец, 2012; *Журавлев А. Ю.* Подготовка обер-офицерского состава русской армии в юнкерских военных училищах второй половины XIX – начала XX в.: дис…. канд. ист. наук. СПб., 2008; *Изонов В. В.* Подготовка военных кадров в России (XIX – начало XX вв.): дис. … докт. ист. наук. СПб., 1998; *Он же*. Подготовка русской армии накануне Первой мировой войны // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: Материалы Международной научной конференции 7–8 сентября 2004 года / отв. ред. В. П. Козлов. М., 2006. С. 165–173; *Ильин Ю. В.* Опыт деятельности Военного Министерства по укреплению офицерского корпуса русской армии. 1905–1914 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 1996; *Каменев А. И.* История подготовки офицерских кадров в России. М., 1990; *Коровин В. М., Свиридов В.А.* Особенности восполнения офицерского состава в России в 1914–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2004. № 2. С. 34–39; *Кочанжи И. Д.* Деятельность государственных и военных органов по правовой подготовке офицерских кадров в военно-учебных заведениях Российской империи (1863 – 1917 гг.): дис. … канд. ист. наук. Казань, 2016; *Курдюк А. А.* Военно-учебные заведения в системе подготовки офицерских кадров русской армии накануне Первой мировой войны // Вестник Военного университета. 2006. № 2. С. 97–104; *Он же.* Структурные изменения в сети военно-учебных заведений русской армии во время Первой мировой войны // Вестник военного университета. 2007. № 1 (9). С. 85–92; *Кунжаров Е. М.* Подготовка офицерских кадров в Восточно-Сибирском генерал-губернаторстве в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. *Иркутск, 2008; Машкин Н. А.* Высшая военная школа Российской империи XIX – начала XX века: автореф. дис. … докт. ист. наук. М., 1997; *Михайлов А. А.* Военно-учебное ведомство России во второй половине XIX – начале XX в. и его роль в подготовке офицерских кадров: дис. … докт. ист. наук. СПб., 2000; *Пирогов Д. В.* Вопросы подготовки русской армии к войне в военной периодике 1905–1914 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2016; *Стрелецкий И. Я.* Подготовка специалистов для русской армии в системе офицерских школ и курсов во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. … канд. ист. наук. М., 2004; *Федорова Т.В.* Формирование системы непрерывной подготовки офицеров российской армии во второй половине XIX - начале XX веков (на примере сибирских военных округов): автореф. дис.… канд. ист. наук. Иркутск, 2011 и др.

И. Н. Гребенкина[1], в которой рассмотрен целый ряд малоизученных проблем. В их числе – социальные характеристики офицерства, некоторые аспекты его профессионального облика в годы мировой войны, трансформация политических настроений в офицерской среде, реакция офицерского корпуса на процессы, протекавшие в армии и стране. Эти и многие другие вопросы военной истории России находят дальнейшую разработку в последующих работах автора[2].

В диссертации его однофамильца А. Н. Гребенкина[3] исследованы образовательные, воспитательные и культурные традиции подготовки русского офицерства во второй половине XVII – начале XX веков. Проанализированы сущность и содержание не только официально существовавших традиций подготовки офицерского состава, но и неофициальные юнкерские и кадетские нормы и обычаи, рассмотрено их влияние на формирование личности офицеров.

Г. С. Чувардин посвятил свою диссертацию[4] гвардейскому офицерству, рассмотрев его как особую социальную группу, являвшуюся элитообразующей структурой. Развивая свои идеи, автор представил во многом оригинальную классификацию составных частей военной элиты России на макро - и микроуровнях.

Представляется, что этот исследователь, кроме изложения собственных оригинальных идей и выводов, во многом дополняет и развивает тему, которую начал

---

[1] *Гребенкин И. Н.* Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914–1918 гг.: дис. … докт. ист. наук. Рязань, 2011.

[2] *Он же.* Феномен российского офицерства // Стратегия России. 2012. № 11. С. 60–68; *Он же.* Армия военного времени как пространство социального конфликта // Великая война: сто лет. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. С 158–169; *Он же.* Разложение российской армии в 1917 г.: факторы и акторы процесса // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 145–161; *Он же.* Долг и выбор: Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М.: АИРО-XXI, 2015; *Он же.* Рецензия на: Българската армия в Първата световна война (1915–1918) / Колл. авт. под ред. С. Станчев, И. Криворов, Т. Петров. София: Военно издателство, 2015 // Вопросы истории. 2016. № 10. С. 174–175; *Он же.* From War to Revolution. Political Aspects of the Mood of Russian Officers between 1914 and 1917 // Russian Studies in History, vol. 56, no. 3, 2017, pp. 145–158; Кодекс чести. Начало пути русского офицера / сост. и авт. вступ. ст. И. Н. Гребенкин. М.: РИПОЛ-классик, 2018. и др.

[3] *Гребенкин А. Н.* Военно-культурные традиции подготовки русского офицерского корпуса (2-я половина XVII – начало XX в.): дис. … докт. ист. наук. Орел, 2017.

[4] *Чувардин Г. С.* Офицерский корпус российской императорской гвардии в системе военной и военно-политической элиты Российской империи. 1881–1914 гг.: автореф. дис. … докт. ист. наук. Брянск, 2017.

разрабатывать в своей диссертации Е. Ю. Сергеев[1].

В докторских диссертациях И. Н. Гребенкина, А. Н. Гребенкина, Г. С. Чувардина, непосредственно посвященных офицерскому корпусу, заявленные в них проблемы исследованы достаточно глубоко. В то же время указанные историки, акцентируя внимание на проблематике, входящей в круг их научных интересов, не ставили задачу охватить весь спектр проблем, связанных с историей офицерства.

В сферу внимания современных исследователей попали военные дипломаты, разведчики, контрразведчики[2], то есть категории военнослужащих, которым ранее внимания почти не уделялось.

Значительную работу по исследованию истории офицеров Генерального штаба[3] провел А.В. Ганин. Он по периодам характеризует изменение численности

---

[1] *Сергеев Е.Ю.* Образ Запада в представлениях военной элиты России (1900–1914 гг.): дис. … докт ист. наук. М., 2001.

[2] *Зверев В.О.* Система мер противодействия угрозам военной безопасности Российской империи (1904–1914 гг.): дис…. докт. ист. наук. Омск, 2017; *Павлов Д.Б.* Российская контрразведка в годы русско-японской войны // Отечественная история. 1996. № 1. С. 14–27; *Он же.* Японские деньги и первая русская революция. М.: Вече, 2011; *Он же.* Русская «Шанхайская агентура» в Корее, 1904–1905 гг. // Eurasian Review (Seoul), 2011, November; *Он же.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Секретные операции на суше и на море. М., 2004; *Сергеев Е.Ю., Улунян А.А.* Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах, 1900 – 1914 / 2-е изд., испр. и доп. М., 1999; *Они же.* Военные агенты в системе разведывательной службы Российской империи // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1. № 4. С. 123–161; *Сергеев Е.Ю.* Военно-политическая элита Российской империи о «внешней угрозе с Запада» накануне Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2000. № 5. С. 214–223; *Он же.* Представленческие модели российской военной элиты начала XX в. // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002 г.М., 2002. С. 237–251; *Он же.* Военная разведка России в борьбе с Японией, 1904-1905 гг. // Отечественная история. 2004. № 3. С. 78–92; *Он же.* Военная разведка России в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2012. № 2. С. 52–61; *Он же.* «Дипломаты в погонах» и их представления о немецко-русских связях накануне Первой мировой войны // В кн.: Россия и Германия в XX веке. Т. 1. Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. М., 2010. С. 59–77 и др.

[3] *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы гражданской войны 1917 – 1922 гг. Справочные материалы. М., 2009; *Он же.* О роли офицеров Генерального штаба в гражданской войне // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 98–111; *Он же.* «Измена и предательство повлечет арест семьи…» // Родина. 2010. № 6. С. 70–75; *Он же.* Военные специалисты в Красной Армии // История в подробностях. 2013. № 12. С. 60–69; *Он же.* Генштаб изгнанный: грани статистики // Родина. 2009. № 4. С. 48–51; *Он же.* Раскол российского Генерального штаба на завершающем этапе Первой мировой войны (ноябрь 1917 – ноябрь 1918 г.) // Доклад на межвузовской научной конференции «Отечественные войны России XIX–XX вв.: проблемы историографии и источниковедения». М., 2012. С. 96–104.; *Он же.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: статьи и документы. М., 2013; *Он же.* Антироссийские настроения в корпусе офицеров Гене-

этой категории военнослужащих, показывает их персональный состав, распределение по должностям и званиям, положение в обществе и армии, а также ряд других сторон их жизни и служебной деятельности. Кроме того, А. В. Ганиным исследованы вопросы службы бывших офицеров Генерального штаба в период 1917–1922 гг., составлена и совершенствуется база данных по специалистам Генерального штаба, участвовавшим в Гражданской войне в России. В целом можно констатировать, что ранее подобные труды, как в отечественной, так и зарубежной историографии отсутствовали.

Военно-антропологическую проблематику разрабатывают в своих трудах Е. С. Сенявская, В. П. Булдаков, С. Н. Базанов, А. В. Гущин, С. С. Жебровский, Л. В. Жукова, П. Г. Култышев, Н. А. Копылов, А. Б. Асташов[1] и некоторые другие.

рального штаба в 1917–1922 годах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2014. № 3. С. 166 – 168; *Он же.* Сколько было военспецов? Раскол русского офицерского корпуса в Гражданскую войну в зеркале статистики // Преподавание истории в школе. 2016. № 9. С. 26–30; *Он же.* Семь «почему» российской гражданской войны. М., 2018 и др.

[1] *Асташов А.Б.* Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния Русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 268–281. *Он же.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014; *Базанов С.Н.* Разложение русской армии в 1917 году (К вопросу об эволюции понимания легитимности Временного правительства в сознании солдат) // Военно-историческая антропология. Ежегодник. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 282–290: *Он же.* Феномен братания в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 287–301; *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; *Гущин А.В.* Русская армия в войне 1904 – 1905 гг.: историко-антропологическое исследование влияния взаимоотношений военнослужащих на ход боевых действий. СПб:, 2014; *Жебровский С.С.* Высший командный состав русской армии весной 1917 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2 Вып. 2. С. 196–201; *Жукова Л.В.* Путь на войну (Проблема трансформации сознательного восприятия пространства и времени участниками русско-японской войны 1904–1905 гг.) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2006/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2007. С. 162–170; *Копылов Н.А.* Социально-психологический портрет русского офицерства в годы Первой мировой войны // Военно-историческая антропология: Ежегодник, 2003–2004. М., 2005. С. 127–140. *Култышев П.Г.* Русская армия в Первой мировой войне. Историко-антропологический аспект: дис. … канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2010; *Сенявская Е. С.* Пространство и время в восприятии человека на войне: экзистенциальный опыт участников боевых действий // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2006/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2007. С. 152–161. *Она же.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; *Она же.* Человек на войне: Историко-психологические очерки. М., 1997; *Она же.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006 и др.

С начала 1990-х годов в фокусе внимания исследователей вновь оказались проблемы, связанные с борьбой различных политических партий за армию. Небольшевистские политические организации стали исследоваться с более объективных позиций, в числе прочего, показывающих многообразие и противоречивость исторического развития[1]. Представляется, что тем самым вносится вклад в изучение истории русской армии, в частности, проблемы влияния тех или иных политических сил на солдат и командный состав.

90-летняя и особенно 100-летняя годовщины начала Первой мировой войны вызвали появление значительного числа работ, посвященных различным аспектам глобального конфликта начала XX столетия. Часть из них затрагивала армейскую проблематику: военное воспитание офицеров, морально-боевой потенциал русских войск, боевую учебу командного состава русской армии, роль российских вооруженных сил и русских полководцев в победе над странами германского блока в войне 1914–1918 гг.[2].

---

[1] *Габдулхаков Р. Б.* Деятельность леворадикальных политических партий на Урале в начале XX века (1900–1917 гг.): дис. … докт. ист. наук. М., 2004; *Литвин А. Л., Овруцкий Л. М.* Левые эсеры: программа и тактика (некоторые вопросы). Казань, 1992; *Маслов К.Н.* Программа и тактика партии социалистов-революционеров по военным вопросам (март – ноябрь 1917 г.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1994; *Поляков В. В.* Военные вопросы в деятельности политических партий правительственных коалиций (февраль – октябрь 1917 г.): автореф. дис…. канд. ист. наук. Казань, 1997; *Черных И.И.* Военные вопросы в программах и тактике партий кадетов, меньшевиков и эсеров (март – октябрь 1917 г.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1992; *Чертищев А. В.* Политические партии России и массовое политическое сознание действующей русской армии в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.): автореф. дис. … докт. ист. наук. М., 2007; *Шайпак Л. А.* Военные вопросы в программах и тактике действий поволжских организаций политических партий России (март – октябрь 1917 г.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 4. С. 1218–1222 и др.

[2] *Алпеев О. Е.* Организация и порядок проведения стратегических военных игр Генерального штаба русской армии в 1906–1914 гг. // Государственное управление: Электронный вестник. 2014. № 42. С. 225–261; *Базанов С. Н.* Алексей Алексеевич Брусилов. М., 2006; *Он же.* Антивоенные выступления на Русском фронте в 1917 году глазами современников (воспоминания, документы, комментарии). М., 2010; *Белявина В. Н.* Беларусь в годы Первой мировой войны. Минск, 2013; *Бондаренко В. В.* Утерянные победы Российской империи. Минск, 2010; *Он же.* Полководцы и военачальники Первой мировой войны – уроженцы Беларуси. Минск, 2014; *Он же.* Герои Первой мировой. М., 2014; *Гордеев Ю. Н.* Построение и ведение обороны русскими армейскими корпусами в Первой мировой войне 1914 – 1918 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 1999; *Константинов С. В., Оськин М. В.* Русские офицеры военного времени. 1914 –1917 гг. // Вопросы истории. 2009. № 8. С. 107–111; *Курдюк А. А.* Правовое регулирование ускоренной подготовки юнкеров в военных училищах России (1914–1917 гг.) // Право и образование. 2006. № 5. С. 198–206; *Он же.* «Лейтенанты» Первой мировой, или о

Вышел в свет ряд работ о русских полководцах Первой мировой войны, в которых в числе прочего в общем виде затрагиваются проблемы их профессиональной подготовки[1]. К числу фундаментальных научных произведений по истории этой войны необходимо отнести труд, посвященный двум глобальным военным конфликтам XX века, подготовленный Институтом всеобщей истории РАН[2].

путях производства в офицеры, применявшихся в Русской Армии с сентября 1914 г. по ноябрь 1917 г. // Вестник Военного университета. 2008. № 3. С. 159–168; *Он же*. О порядке назначения на должности генералов и офицеров русской армии в начале XX века // Вестник Военного университета. 2007. № 5. С. 81–86; *Лигута В.* У Сморгони под знаком Святого Георгия. Минск, 2010; *Литвин А. М.* Беларусь в годы Первой мировой войны: опыт участия // Первая мировая война в исторических судьбах Европы: сб. материалов междунар. науч. конф., г. Вилейка, 18 окт. 2014 г. Минск, 2014. С. 24–35; *Олейников А. В.* Вклад России в победу над германским блоком в Первую мировую войну (1914–1918 гг.): дис. … докт. ист. наук. М., 2012; *Он же.* Августовская операция 25 января – 1 марта 1915 г. // Рейтар. Военно-исторический журнал. 2009. № 45 (3). С. 192 – 208; *Он же.* Генерал П. А. Плеве и бои в Прибалтике весной – осенью 1915 г. // Рейтар. Военно-исторический журнал. 2008. № 42 (4). С.150–162; *Оськин М. В*. Первая мировая война. М., 2010; *Он же.* Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М., 2001; *Он же.* Российские дезертиры Первой мировой войны // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История русской православной церкви. 2014. Вып. 5 (60). С. 46–60; *Он же.* Проигравшие победители. Русские генералы. М., 2014; *Португальский Р. М., Алексеев П. Д., Рунов В. А.* Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994; *Походяев С.В*. Профессионально-педагогическая подготовка офицеров Русской Императорской Армии во второй половине XIX – начале XX веков (1855–1914 годов): дис. … канд. пед. наук. Омск, 2015; *Романишина В. Н.* К вопросу о морально-психологическом состоянии офицерского корпуса накануне и в годы войны // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. Предвоенные годы: доклады и выступления участников III Международной научно-практической конференции «Первая мировая война: взгляд спустя столетие. Предвоенные годы». М., 2014. С. 422–439; *Теркун А. Н.* Военное воспитание в России: дис. … канд. ист. наук. СПб., 1999; *Фомин В. А*. Морально-психологическое состояние войск русской армии в годы Первой мировой войны // Военная мысль. 2011. № 12. С. 46 –54; *Черепица В. Н.* Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности. Минск, 2009; *Черниловский А. А*. Первая мировая война в сознании военной элиты России: дис. … канд. ист. наук. Брянск, 2005; *Чунина Е. Г.* Специфика положения офицерства в российском обществе (последняя четверть XIX – начало XX вв. // Русский исторический сборник. Вып. II. М., 2010. С. 273–315 и др.

[1] Генералы Великой войны / сост. Р. Г. Гагкуев. М., 2014; *Порошин А. А*. Полководческое становление главнокомандующих армиями фронтов Первой мировой войны. Саратов, 2011; *Он же.* О некоторых уроках управления русской армией в 1916 г. // Доклады академии военных наук. Серия: Военная история. 2006. №. 5 (23). С. 140–146; *Он же.* Проигравшие победители. Русские генералы. М., 2014; *Он же. А.А.* Главнокомандующие армиями фронтов Первой мировой войны: генерал от кавалерии Я. Г. Жилинский // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. «История. Международные отношения». Вып. 1. С. 84–90; *Олейников А. В*. Успешные генералы забытой войны. М., 2014 и др.

[2] Мировые войны XX века: в 4-х кн. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002.

Следует выделить также многотомник «Первая мировая война 1914 –1918 годов»[1], где наряду с прочими проблемами рассмотрен ряд вопросов, связанных с армией и офицерством. Особого упоминания заслуживает трехтомная работа, подготовленная группой авторов Российского института стратегических исследований (РИСИ), раскрывающая современные взгляды на войну историков разных стран мира, что, безусловно, способствует развитию исследований по истории русской армии, в том числе офицерского корпуса[2].

Серьезным явлением в отечественной историографии стал выход в свет двухтомной коллективной монографии, подготовленной Институтом российской истории РАН к 100-летию Великой российской революции[3]. Среди широкого круга проблем, рассмотренных в данном труде, есть глава, посвященная армии. В относительно небольшом по объему материале приводятся статистические данные, показывающие некоторые социальные характеристики офицерства накануне и в годы Первой мировой войны, вкратце излагается сложное положение командного состава в период разложения армии в 1917 г., перечисляются факторы, способствовавшие ее распаду[4].

Интерес представляют труды, подготовленные К. А. Залесским. В числе прочего в них излагаются краткие биографии руководящих сотрудников военного ведомства России и командного состава действующей армии (от чинов Ставки и главнокомандующих фронтами до начальников дивизий)[5].

Резюмируя вышесказанное, отметим: в отечественной историографии существует ряд работ, рассматривающих ряд проблем истории русского офицерства начала XX века. Однако в большинстве из них офицерство не

---

[1] Первая мировая война 1914–1918 годов / под. общ. ред. С. К. Шойгу. В 6-ти т. М., 2014–2017.

[2] Первая мировая война: историографические мифы и историческая память: в 3 кн. / под ред. О. В. Петровской. М., 2014.

[3] Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. / отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2017.

[4] *Иванова Н. А.* Армия и революция // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. Т. 1. С. 210–224.

[5] *Залесский К. А*. Первая мировая война. Правители и военачальники: биографический энциклопедический словарь. М., 2000; *Он же.* Кто был кто в Первой мировой войне: биографический энциклопедический словарь. М., 2003; *Он же.* Первая мировая война. Энциклопедия: в 2 ч. М., 2014.

является предметом исследования, внимание сосредоточено на роли армии в борьбе за власть накануне и в дни Великой российской революции 1917 г. Офицерство рассматривается в контексте политических событий, в то время как остальные аспекты жизни и деятельности офицерского корпуса рассмотрены недостаточно.

1.2. Зарубежная историография корпуса офицеров

Характеристику зарубежной историографии следует начать с **трудов российских эмигрантов «первой волны»**. Чаще всего их авторы в свое время были офицерами и генералами русской армии, практически все участвовали в Первой мировой войне, а некоторые даже в войне с Японией в 1904–1905 гг.

В их работах рассмотрена роль нашей армии в победе Антанты над странами Четверного союза, состояние русских войск в годы войны, крупномасштабные операции, ими проведенные. Эти труды носят научный характер, следовательно, их необходимо включить в историографию проблемы. Так, значительный вклад в исследование истории мировой войны представляет собой труд профессора Н.Н.Головина «Из истории кампании 1914 года на Русском фронте»[1], вышедший в 4 томах. В нем подробно рассмотрена эволюция планов, разрабатывавшихся Генеральным штабом на случай войны со странами германского блока, вскрыты ошибки и упущения, сопровождавшие планирование, исследованы начало войны и операция в Восточной Пруссии, а также важнейшие этапы Галицийской операции. Важной вехой в изучении истории Первой мировой войны стала работа этого же автора под названием «Военные усилия России в мировой войне»[2]. В числе прочего в ней исследованы внутренние условия, препятствовавшие развитию военной мощи России. Используя метод сравнительного анализа, Н. Н. Головин уточнил численность людей, призванных в армию во время мировой войны, а

---

[1] *Головин Н.Н.* Из истории кампании 1914 года на Русском фронте: в 4 т. Прага – Париж, 1926–1940.
[2] *Он же*. Военные усилия России в мировой войне: в 2 т. Париж, 1939.

также все виды потерь, как среди солдат, так и среди офицеров. Подробно освещены вопросы снабжения армии, обеспечения транспортом, ход войны в 1914 – 1916 гг., разложение войск после Февральской революции. Особую значимость работе придает то, что кроме собственно военных, а также политических аспектов в ней исследуются социологические и психологические проблемы, в частности, настроения в армии в различные периоды войны. С точки зрения автора диссертации, важно и то, что Н. Н. Головин уделил значительное внимание характеристике офицерского корпуса, в том числе, изменениям, происходившим в его рядах в годы войны.

Социологическому изучению войны, а также проблемам психологического состояния человека, находившегося на фронте, профессор Н. Н. Головин посвятил специальный труд[1]. В нем не только проведено исследование роли духовного фактора в боевой обстановке, но и намечены подходы к изучению «статистики войны». Кроме того, ученым были опубликованы работы по сугубо военной проблематике и российской контрреволюции[2].

Необходимо отметить также работы генерала от инфантерии Ю. Н. Данилова, во время войны занимавшего пост генерал – квартирмейстера штаба Верховного Главнокомандующего. Так, в труде, охватившем первые два года войны, автор рассмотрел состояние армии накануне войны, вопросы ее мобилизации, стратегическое развертывание с началом военных действий. Показано влияние первых наступательных операций русских войск на дальнейший ход глобального конфликта, результаты и последствия их действий в 1915 г., состояние армии после окончания «великого отступления»[3].

---

[1] *Он же.* Наука о войне: о социологическом изучении войны. Париж, 1938.
[2] *Он же.* Авиация в минувшую войну и в будущую. Прага, 1922; Современная конница. Белград, 1923; Танки в минувшую войну и в будущую. Прага, 1925; Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.: в 2 т. М., 2011.
[3] *Данилов Ю. Н.* Россия в мировой войне 1914–1915 гг. Берлин, 1924.

Ряд проблем действий русских войск в 1914–1915 гг., а также отношения между Ставкой и правительством раскрыты им в труде «Великий князь Николай Николаевич»[1], в котором характеризуется также деятельность Ставки.

Еще одна работа Ю. Н. Данилова посвящена русским войскам, принимавшим участие в боевых действиях во Франции и в Македонии[2]. Труд, подготовленный на основе источников из французских архивов, раскрывает условия пребывания русских бригад за рубежом, их участие в боевых действиях и оценку его эффективности. Кроме того, в работе проанализировано морально-психологическое состояние русских войск до и после Февральской революции, положение офицерства в новых политических реалиях, действия русских войск после выхода Советской России из войны.

Перу этого же автора принадлежит большая статья[3], в которой исследовано стратегическое развертывание русской армии с началом мировой войны. В ней показано давление, которое французский Генштаб, стремившийся ослабить натиск немецких войск на Французском фронте, оказывал на русское командование, а также первоначальное распределение соединений по армиям и армий по фронтам. Изложены трудности, возникавшие при мобилизации наших сил и их сосредоточении у границы, обрисована военно-политическая обстановка на театре военных действий, показано развертывание русских сил, как на фронте, действовавшем против Австро-Венгрии, так и фронте, направленном против Германии.

Весьма важен, с нашей точки зрения, труд талантливого полководца Первой мировой войны генерала от инфантерии В. Е. Флуга[4], посвященный характеристике служебных и морально-психологических качеств высшего командного состава русской армии. В нем рассмотрены причины, мешавшие улучшению качества высшего комсостава, описаны свойства, которыми тот

---

[1] *Он же.* Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930.
[2] *Он же.* Русские отряды на Французском и Македонском фронтах. 1916–1918 гг. Париж, 1933.
[3] *Он же.* Наше стратегическое развертывание в 1914 году и идеи, положенные в основу его // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1923. Кн. IV. С. 68–97.
[4] *Флуг В. Е.* Высший командный состав // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. Русский военный сборник (далее – РВС). Вып. 17. М., 2000. С. 262–289; Военная мысль в изгнании: творчество русской военной эмиграции. РВС. Вып. 16. М., 1999. С. 283–319.

должен обладать, указаны пути подбора командиров и начальников высшего звена. Особое внимание автор уделил их духовным качествам, утверждая, что для что высшего командного состава принципиально важно обладать гражданским мужеством.

Этот же автор в своем труде, в котором анализируются действия 10-й русской армии в начальный период войны[1], не только показал участие в боях соединений и частей, в нее входивших, но и охарактеризовал некоторых русских военачальников.

Безусловно, заслуживает упоминания «История русской армии» А. А. Керсновского[2], в которой Первой мировой войне посвящены частично третий том и полностью четвертый том. В талантливом и многогранном труде раскрыто множество вопросов, связанных с действиями русской армии в мировой войне, ее состоянием в различные периоды военных действий, причины неудач русских войск. Интерес представляют оценки, данные им высокопоставленным военачальникам, в частности, генералам Н. И. Иванову, Я. Г. Жилинскому, Н. В. Рузскому, М. В. Алексееву, А. Е. Эверту, А. А. Брусилову и другим.

Свой вклад в изучение мировой войны внес военный историк генерал-лейтенант А. К. Баиов. В одной из своих работ[3] он выявил ее экономические и геополитические причины, показал роль ведущих европейских государств в развязывании глобального военного конфликта, основные этапы образования Тройственного союза и Антанты, подготовку ряда стран, в том числе, России к войне. В другой его работе[4] показана недооценка западными странами роли России и русской армии в победе Антанты над Четверным союзом, охарактеризована численность и техническое оснащение армий основных воевавших стран. В итоге ав-

---

[1] *Он же.* X армия в сентябре 1914 года // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1924. Кн. V. С. 231–260.
[2] *Керсновский А. А.* История русской армии: в 4 т. М., 1992–1994.
[3] *Баиов А. К.* Истоки великой мировой драмы и ее режиссеры. Таллинн – Ревель, 1927.
[4] *Он же.* Вклад России в победу союзников. Таллинн – Ревель, 1924.

тор пришел к выводу о том, что «…русская армия, вступая в войну в 1914 году, имела недостатки не большие, чем и все другие армии…»[1].

В этом же труде А. К. Баиов раскрыл действия русской армии по оказанию помощи Франции в период битвы на Марне в 1914 г., а также практическое бездействие англо-французских сил в 1915 г., когда происходило «великое отступление» наших войск. Показано значение русского наступления в районе оз. Нарочь, предпринятого для оказания помощи французской армии под Верденом, а также роль Брусиловского прорыва в ослаблении противника и будущем поражении Четверного союза.

Серьезным вкладом в историографию русской армии стала работа Е. В. Масловского[2], в годы войны являвшегося начальником оперативного отделения в управлении генерал – квартирмейстера штаба Кавказской армии, впоследствии занявшего пост генерал – квартирмейстера. В книге, которую автор охарактеризовал как «стратегический очерк», описываются не только планы сторон на ТВД, но и содержится характеристика сил и средств России и Турции, характеризуется развертывание русской Кавказской и турецкой армий. Подробно показаны боевые действия русских войск, отмечается роль ряда строевых офицеров и генералов, вскрыты недостатки в ходе управления войсками, выявившиеся в ходе боевых действий.

Немалый вклад в историографию Первой мировой войны внесли работы В. М. Драгомирова и прежде всего та из них, в которой рассматриваются вопросы подготовки русской армии к мировой войне[3]. В ней исследованы причины, по которым русское офицерство оказалось слабо подготовленным к войне с Японией в 1904–1905 гг., отмечен недостаток инициативы среди командиров и начальников, особенно высшего уровня, указывается на его слабую тактическую подготовку и привычку действовать по шаблону. Рассматриваются меры, предпринимавшиеся

---

[1] Там же. С. 22.
[2] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте. 1914–1917 г.
[3] *Драгомиров В.* Подготовка русской армии к Великой войне. Ч. 1 // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1923. Кн. IV. С. 98–119; Ч. 2. // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1924. Кн. V. С. 189–212; Ч. 3. // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1925. Кн. VI. С. 55–76.

для повышения боевой подготовки офицерского состава в межвоенный период, выявляются недостатки, присущие этой деятельности. Указывается, что в годы Первой мировой войны это приводило к ошибкам, ряд которых автор разобрал в своем труде. Кроме того, в этой работе рассматривается уровень боевой подготовки к войне всех родов войск и дается ее оценка. Отнюдь не идеализируя состояние армии России, он писал, что она «… имела много положительных, но и много отрицательных сторон. Те и другие были во время войны в постоянной коллизии и комбинировались между собой самым причудливым образом. Часто перевешивали хорошие стороны, но не менее часто и дурные»[1]. В другом труде В. М. Драгомирова[2] излагаются действия русских сил на Северо-Западном и Юго-Западном фронте в первый месяц войны. Они показаны в контексте стратегической обстановки и взаимоотношений в высших командных инстанциях, причем роль командования рассмотрена как в случаях успешных боевых действий, так и при неудачах русских войск.

Одну из немногих работ, имевших непосредственное отношение к теме диссертации, опубликовал генерал-майор В. В. Чернавин[3], в войну командовавший полком, а затем исполнявший обязанности генерал – квартирмейстера 6-й армии. В ней исследуется вопрос об изменениях, происходивших в офицерском составе русской армии в течение мировой войны. Анализ командного состава произведен в пехоте, при этом он был разделен на две категории: старший комсостав (командиры частей) и строевой офицерский состав. Автор рассмотрел их офицерский стаж, наличие боевого опыта, общее и военное образование, процент кадровых офицеров и процент офицеров военного времени в частях, а также некоторые другие характеристики офицерства в годы войны. Несмотря на то, что автор сам от-

---

[1] *Он же.* Подготовка русской армии к Великой войне. Ч. 3 // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1925. Кн. VI. С. 70.

[2] *Он же.* Краткий очерк военных действий русских армий в Галиции и Привислинском крае в августе 1914 года // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1922. Кн. II. С. 135–183.

[3] *Чернавин В.* К вопросу об офицерском составе старой русской армии к концу ее существования // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1924. Кн. 5. С. 213–230.

мечал неполноту своего труда, в котором, ввиду недостатка источников, не смог дать полную характеристику русского командного состава, эта работа имеет немалое значение.

Работы, в которых исследовались те или иные элементы, составлявшие историю русской армии, а также панораму Первой мировой войны, были опубликованы многими другими представителями русского зарубежья. В их числе необходимо назвать А. В. Геруа, С. К. Добророльского, Е. Э. Месснера, В. Н. Доманевского, Д. Г. Щербачева, И. А. Хольмсена, П. Н. Краснова, П. И. Залесского[1] и др.

Говоря об эмигрантской историографии проблемы, нельзя не упомянуть современного израильского историка В. В. Каминского. Этот русскоязычный ученый ведет активную деятельность по изучению истории офицеров русского Генерального штаба[2] и нередко вступает в дискуссии с А. В. Ганиным, который, как отмечалось ранее, специализируется на этой теме.

В англо-американской историографии проблеме, заявленной в настоящей диссертации, посвящено не так много трудов, при этом крупных работ, в которых русское офицерство стало бы предметом всестороннего исследования, практически нет. Чаще всего, те или иные аспекты истории офицерства рассматриваются в статьях, сам объем которых не позволяет обстоятельно

---

[1] *Геруа А. В.* Полчища. София, 1923; *Добророльский С.К.* Стратегические планы сторон к началу мировой войны // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1922. Кн. II. С. 22 – 82; *Месснер Е. Э.* Хочешь мира, победи мятежевойну: Творческое наследие Е. Э. Месснера. РВС. Вып. 21. М., 2005; *Доманевский В. Н.* Мировая война. Кампания 1914 года: Достижения сторон за первый месяц кампании. Август. Париж, 1929; *Щербачев Д. Г.* Львов – Рава Русская – Перемышль (9-й корпус и 3-я армия в Галиции в 1914 году) // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1929. Кн. X. С. 116 – 129; Там же. 1930. Кн. XI. С. 148–156; *Хольмсен И. А.* Мировая война: Наши операции на Восточно-Прусском фронте зимою 1915. Париж, 1935; *Краснов П. Н.* Душа армии: очерки по военной психологии. Берлин, 1927; *Залесский П. И.* Возмездие: Причины русской катастрофы. Берлин, 1925 и др.

[2] *Каминский В. В.* Русские генштабисты в 1917–1920 годах. Итоги изучения // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 40 – 50; *Он же.* Брат против брата: офицеры-генштабисты в 1917-1920 гг. // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 115–126; *Он же.* Некоторые особенности политики большевиков по отношению к «лицам Генштаба» (конец 1917–1918 гг.). СПб., 2000; *Он же.* «Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии», СПб., 2011; *Он же.* Войсковые соединения Генштаба В.О. Каппеля и их командный состав (1918–1919 гг.) // Вестник Челябинского Университета. Серия I: История. 2003, № 2 (16). С.79–87; *Он же.* А.И. Андогский в дни «русской смуты» в 1917–1919 гг. // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 91–100 и др.

изложить значимые результаты. Монографии, посвященные русской военной истории начала прошлого века, как правило, рассматривают офицерство в контексте Первой мировой войны, революционных событий или Гражданской войны и, чаще всего, в самом общем виде[1].

В работах о Первой мировой войне зарубежные ученые достаточно часто недооценивают вклад России и русской армии в победу Антанты над странами германского блока. Одним из свидетельств тому является, например, труд известного британского историка Б. Лиддел Гарта[2], вышедший еще в 1930 году. Несколько позже книга была переведена на русский язык и в 1935 г. издана в СССР[3], а в последующие десятилетия неоднократно переиздавалась в различных странах мира. Почти вся книга посвящена действиям британских и французских сил, в то время как русской армии внимания почти не уделено: вкратце рассматриваются лишь две операции русских войск – Восточно-Прусская операция 1914 г. и Брусиловский прорыв. Признавая, что вторжение русских сил в Восточную Пруссию началось под давлением Франции, в целях облегчения ее положения, он одновременно сделал вывод о «негодности русских сил»[4].

Что касается характеристик русского командного состава, то в работе, без анализа их действий, упоминаются имена нескольких генералов (А. В. Самсонова, П. К. Реннекампфа, Я. Г. Жилинского, Ю. Н. Данилова, Н. Н. Янушкевича), и делается вывод о «недостатках управления»[5].

---

[1] *Bradley J. F. N.* Civil War in Russia 1917–1920. London & Sydney: B. T. Batsford Ltd, 1975; *Kaufmann A. F.* Aristocratic Communist: The Life of M. N. Tukhachevskii and the Continuity of Imperial Army Tradition in the Soviet Military, Ph. D. dissertation. University of Arkansas, 1991; *Kenez P.* A Profile of the Prerevolutionary Officer Corps // California Slavic Studies. 1973. Vol. 7. P 128–145; *Kenez P.* Russian Officer Corps Before the Revolution: The Military Mind // Russian Review. 1972. Vol. 31. P. 226–236; *McMeekin S.* The Russian Origins of the First World War. Cambridge, 2011; *Mayzel M.* The Formation of the Russian General Staff, 1880–1917. A Social Study // Cahiers du monde russe et sovietique. 1975. Vol. 16. No. 3-4; *Wildman A.* The End of the Russian Imperial Army. Princeton, 1980; *Polovtsoff P. A.* Glory and Downfall: Reminiscences of a Russian General Staff Officer. London, 1935; *Fuller W.* (jr.) Civil-Military Conflict in Imperial Russia, 1881–1914. Princeton, 1985.

[2] *Liddell Hart B.H.* The Real War 1914–1918. London, 1930.

[3] *Лиддел-Гарт, [Б].* Правда о войне 1914 –1918 гг. / пер. с англ. О. Триэль. М., 1935.

[4] Там же. С. 89.

[5] Там же.

Брусиловскому наступлению 1916 г. посвящено две страницы текста[1], но характеристик командного состава не дается вообще, лишь названы имена самого А. А. Брусилова и генералов П. А. Лечицкого и Д. Г. Щербачева. Между тем У. Черчилль отмечал в своих работах принципиально важную роль России в победе Антанты над Германией[2].

В последующие несколько десятилетий интерес англоязычных историков к истории русского офицерского корпуса, в том числе в годы мировой войны, практически не проявлялся. Только в 1975 г. вышел в свет труд британского историка Н. Стоуна «Восточный фронт 1914 – 1917»[3], впоследствии неоднократно переиздававшийся. Он является одним из самых известных трудов англо-американской историографии, посвященных участию России в Первой мировой войне. Работа имеет ряд достоинств, например, положение на Русском фронте освещается во взаимосвязи с социально-политическими процессами, протекавшими в России в 1914–1917 годах, а также экономической ситуацией в стране. Кроме того, автор в главе «Армия и государство в царской России» показывает атмосферу, царившую в высших военно-политических кругах. В числе прочего он уделяет внимание взаимоотношениям между высшими чинами в военном руководстве, в том числе в Военном министерстве и Генеральном штабе, а также между офицерами Генштаба и либеральными депутатами Госдумы. В этом контексте раскрывается позиция военного министра В. А. Сухомлинова, а также ряда высших военачальников[4].

Далее автор на примере боев в Восточной Пруссии, Галиции, Брусиловского наступления 1916 г.[5], а также оборонительных операций русской армии показывает, что Восточный (Русский) фронт Первой мировой войны имел серьезное значение для хода всего глобального военного конфликта. Однако, описывая положение дел в русской в армии в целом, а также результаты боевых действий русских войск, автор не уделяет достаточного внимания офицерскому составу.

---

[1] Там же. С. 185–187.
[2] *Churchill W.S.* The Unknown War: The Eastern Front. London, 1931; *Churchill W.S* . The World Crisis 1911–1918. London, 1942.
[3] *Stone N.* The Eastern Front 1914–1917. London, 1975; 2nd Ed., 1998; 3rd Ed., 2004.
[4] Ibid.P. 20–27.
[5] Ibid. P. 44–92, 232–263.

Обоснованные и объективные характеристики строевых офицеров и старшего командного состава отсутствуют, автор ограничивается общими суждениями только о высшем командовании. Так, по его мнению, высший командный состав русской армии принадлежал к аристократии, был не подготовлен к ведению современной войны и даже взаимодействию с коллегами. Относительно объективная оценка дана лишь А. А. Брусилову и действиям Юго-Западного фронта в 1916 г.

О победах русских войск над австро-венгерскими войсками в Польше и Галиции в работе сказано так, что можно сделать вывод, будто они были достигнуты лишь потому, что Вена относилась к Русскому фронту, как второстепенному, считая Италию большей угрозой, нежели Россию. В отечественных статьях по историографии Первой мировой войны отмечается, что Н. Стоун считает причиной неудач русской армии в 1915 г. не столько недостачу боеприпасов, вооружения и техники, сколько «…слабую подготовку и плохую организацию войск»[1].

В целом же, в работе Н. Стоуна проблемы истории русского офицерства практически не исследованы, акцент сделан на описании роли русской армии в мировой войне (без показа роли командного состава), а также некоторых аспектах ситуации в высших военных кругах России в предвоенные годы.

Через довольно продолжительное время попытку осветить действия русской армии в контексте Первой мировой войны предпринял другой британский историк, Дж. Киган. В своей книге[2], переведенной в начале 2000-х годов на русский язык, он в предельно общем виде описал операции русских войск в Восточной Пруссии, Польше и Галиции, проведенные в 1914 г., «великое отступление» 1915 г., а также Брусиловский прорыв. Серьезного анализа боевых действий нашей армии в книге не содержится, равно как и объективной оценки ее состояния и роли в борьбе против стран германского блока. Лишь Брусиловский прорыв оценивается относительно непредубежденно, хотя и не во всем объективно. Что касается офицерства, то, как и в большинстве западных изданий, упоминаются лишь фамилии

---

[1] *Алпеев О. Е., Козлов Д. Ю.* «Неизвестная война»: англо-американская историография Восточного (Русского) фронта Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2014. № 4. С. 66.

[2] *John Keegan*. The First World War. London, 1998.

нескольких генералов, при этом как военачальники они не характеризуются, и роль командного состава всех уровней в боевых действиях не показывается.

В 1970 –1980 годы появились отдельные работы, затрагивавшие некоторые другие аспекты истории русского офицерства начала XX века. Американский историк П. Кенез опубликовал две статьи, в которых попытался исследовать вопросы коллективной психологии русского офицерства. В одной из них[1] ученый высказал мнение, что в социально-политическом отношении русская армия была изолирована от общества, в результате чего у офицерства сложилась ментальность, не позволявшая идентифицировать себя с государством, которому оно служило. В изолированности офицерства и армии в целом от общества П. Кенез видит одну из причин гибели Российской империи. В другой статье[2] ученый утверждал, что после реформ 1860-х годов при формировании русского офицерского корпуса аристократические критерии отбора были заменены на меритократические, что, вероятно, отчасти соответствовало действительности.

Другие американские историки в тот же период опубликовали труды, в которых рассматривались взаимоотношения русской армии и общества в начале XX века. Так, в монографии У. С. Фуллера российское общество и армия показывались в виде отдельных сфер в силу того, что жизнедеятельность армии всецело определялась приказами командования (офицерского состава). Ученый доказывал, что контакты между армией и обществом происходили лишь в ходе подавления революционных выступлений и при других чрезвычайных ситуациях[3].

Напротив, Дж. Бушнелл, рассматривая русскую армию в период революции 1905–1907 гг., характеризовал ее «как крестьянское общество», а нижних чинов как «крестьян в военных мундирах»[4]. По его мнению, солдаты были связаны с де-

---

[1] *Peter Kenez*. The Russian Officer Corps Before the Revolution: The Military Mind // Russian Review 31 (1972), № 3, 226–236.

[2] *Peter Kenez.* A Profile of the Prerevolutionary Officer Corps // California Slavic Studies, vol 7 (1973). 121–158.

[3] *William C. Fuller*. Civil-Military Conflict in Imperial Russia 1881–1914. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985.

[4] *John Bushnell.* Peasants in Uniform: The Tsarist Army as a Peasant Society // Journal of Social History, 13 (1980). 4, 565–576; *John Bushnell.* The Revolution of 1905 in the Army: The Incidence and Impact of Mutiny // Russian History, 12 (1985). 1, 71–94; *John Bushnell.* Mutiny amid

ревней, и таким путем общество влияло на облик армии, а армия «скрепляла» общество.

В другой своей статье[1], название которой переводится как «Царский офицерский корпус, 1881–1914: обычаи, обязанности, неэффективность», Дж. Бушнелл использовал подходы, которые вызывают сомнение в их объективности. Так, при характеристике офицерства он во многом опирался на роман А. И. Куприна «Поединок». Отметив, что писатель одно время сам был офицером, историк заявил, что данное обстоятельство позволило тому создать «социальную экспозицию» и определило достоверность данных им оценок. Исходя из такой позиции, Дж. Бушнелл утверждает, что русским офицерам была присуща устойчивая модель поведения, несовместимая с их обязанностями. Прежде всего, он говорит о повальном пьянстве, которое якобы было характерной чертой русского офицерства, более того, будто бы считалось нормой. Автор утверждает, что такое поведение способствовало поражению русской армии в войне с Японией, и оно почти не изменилось к началу Первой мировой войны.

В начале 2000-х годов с неожиданной точки зрения рассмотрел взаимоотношения общества и высшего военного командования русской армии П. Холквист[2]. По мнению этого исследователя, именно высшее командование Русской императорской армии заложило основы репрессий, практиковавшихся в период нахождения у власти И. В. Сталина. Такой вывод он сделал потому, что армейские верхи якобы рассматривали население страны исключительно как объект государственной политики. Более того, достижения таких наук, как военная география и статистика, развитие которых поддерживал генерал-фельдмаршал Д. А. Милютин, по мнению автора, будто бы использовались в ходе депортации населения в годы Первой мировой войны. Подобный подход, по утверждению П. Холквиста, и был использован в советское время.

Repression. Russian Soldiers in the Revolution of 1905–1906. Bloomington: Indiana University Press, 1985.

[1] *Bushnell J.* The Tsarist Officer Corps, 1881–1914: Customs, Duties, Inefficiencies // American Historical Review. 1981. Vol. 86. P. 753–781.

[2] *Peter Holquist.* State Violence as Technique. The Logic of Violence in Soviet Totalitarianism // Stalinism. The Essential Readings/ Ed. David L. Hoffmann. Oxford: Blackwell Publishing, 2003.

В 2003 г. вышла в свет монография Б. Тэйлора, посвященная политической роли военных в России с конца XVII до конца XX века, в которой он стремится ответить на вопрос, почему армия в течение двух веков не играла активной роли во внутренней политике. Рассмотрев в одной из глав период времени от Петра I до Первой мировой войны, он сделал вывод, что после дворцовых переворотов в XVIII веке, верхи армии, ввиду идеологических и культурных изменений, происшедших в их мировоззрении, признали превосходство гражданской формы правления[1].

Еще одним направлением в англо-американской историографии является изучение проблем истории русского Генерального штаба. В 1979 г. вышла в свет монография М. Майзеля[2], посвященная русскому Генеральному штабу последних лет его существования. В работе рассматривается влияние революционных событий в стране и настроений в обществе на эволюцию мировоззрения офицеров Генерального штаба, постепенный отход многих из них от ортодоксального мировоззрения. Интересно, что в своей работе М. Майзель так охарактеризовал состояние историографии русской армии в западном мире: «…армия принадлежит к числу тех аспектов русской истории, которые не подвергаются широкому изучению»[3].

В последующие годы были изданы несколько работ, в которых рассматривались стратегическое планирование в российском Генеральном штабе накануне мировой войны, проведение мобилизации в 1914 г., организация взаимодействия между генеральными штабами России и Франции, реформирование русской армии накануне Первой мировой войны. В числе авторов таких трудов – Дж. Снайдер, У. С. Фуллер, П. Лунтинен, Д. Рич, Б. У. Меннинг[4]. Однако всесторонняя ха-

---

[1] *Brian D. Taylor*. Politics and the Russian Army. Civil-Military Relations, 1689–2000. Cambridge: University Press, 2003.

[2] *Mayzel M.* Generals and Revolutionaries: The Russian General Staff During the Revolution: A Study in the Transformation of Military Elite. Osnabrück: Biblio-Verlag, 1979.

[3] Цит. по: *Поликарпов В. Д.* Военная контрреволюция в России. 1905–1917. С 174–175.

[4] *Snyder J*. The Ideology of the Offensive: Military Decision Making and the Disasters of 1914. Ithaca; London, 1984. P. 165–198; *Fuller W.C.* Jr. Strategy and Power in Russia, 1600–1914. New York, 1992; *William C . Fuller*. Civil-Military Conflict in Imperial Russia, 1881–1914 (Princeton: 1985);

рактеристика офицеров Генштаба как части военно-профессионального слоя вероятнее всего не входила в задачу названных исследователей. Их внимание было сосредоточено на социально-политических аспектах, в частности, взаимоотношениях офицеров Генерального штаба и самодержавия, отношении военнослужащих к нему, эволюции мировоззрения в связи со складывавшейся ситуацией в стране. Кроме того, рассматривалась их роль в развитии некоторых военных наук, а также влияние полученных научных знаний на понимание проблем безопасности государства.

В этом контексте необходимо выделить труд американского историка Д. Рича[1], название которого в переводе звучит следующим образом: «Царские полковники: профессионализм, стратегия и подрывная деятельность в позднеимперской России». Несмотря на то, что книга, в основном рассматривает модернизацию Генерального штаба во второй половине XIX века (со времени окончания Крымской войны по 1890-е годы), в ней вкратце описана деятельность Генштаба в период военных реформ начала XX века[2].

Кроме того, в работе показано, как развивалась военная наука, в частности, военная статистика[3], влиявшая на деятельность Генштаба, как планировались военные действия той поры[4], например, на Балканском театре военных действий, как действовали офицеры Генерального штаба при действиях в кризисных ситуациях[5].

Luntinen P. French Information on the Russian War Plans 1880–1914. Helsinki, 1984; *B. W. Menning*. Pieces of the Puzzle: The Role of Iu. N. Danilov and M.V. Alekseev in Russian War Planning before 1914, in “International Historical Review”, vol. 25, № 4 (December 2003), p. 775–798; *B. W. Menning*. The Offensive Revisited: Russian Preparation for Future War, 1906–1914, in D. Schimmelpennick van der Oye; *B. W. Menning* (eds.), Reforming the Tsar’s Army: Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution, Cambridge, 2004, p. 215–231; *B. W. Menning*. War Planning and Initial Operations in the Russian Context, in R. F. Hamilton and H. H. Herwig (eds.), War Planning 1914, Cambridge, 2010, p. 80–142; *Алпеев О.Е.,Козлов Д.Ю.* «Неизвестная война»: англо-американская историография Восточного (Русского) фронта Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2014. № 4. С. 66, 68, 70–71.

[1] *Rich D.A.* The Tsar’s Colonels: Professionalism, Strategy, and Subversion in Late Imperial Russia. Cambridge (MA); London, 1998.

[2] Ibid. P. 220–223.

[3] Ibid. P. 41–65.

[4] Ibid. P. 115–148.

[5] Ibid. P. 151–218.

Однако при всех достоинствах труда Д. Рича, нельзя не заметить, что большинство сторон жизни и деятельности офицеров Генерального штаба не исследовано. Это становится особенно ясным, если учесть, что большинство офицеров Генштаба служили не в центральных органах военного управления, а в штабах армейских соединений и объединений, а также в качестве командиров армейских частей.

Генеральному штабу русской армии и, прежде всего, его «азиатскому отделу» посвятил свою работу британский историк А. Маршалл[1]. Рассмотрев их роль во включении Центральной Азии и Кавказа в сферу влияния России, автор дал не самую высокую оценку как Генеральному штабу в целом, так и его отделу. В частности, отмечены отсутствие эффективной организационной структуры и нехватка средств для решения стоявших задач. Одновременно А. Маршалл отметил роль офицеров генштаба в развитии ряда военных наук.

Уже упоминавшийся американский историк Б. У. Меннинг, автор ряда трудов по русской военной истории различных периодов, в 1992 г. выпустил в свет монографию, посвященную русской армии периода 1861–1914 годов[2]. Необходимо отметить, что недавно этот труд был переведен на русский язык[3]. В работе, которую западные историографы назвали «фундаментальной», в числе прочего исследован ряд проблем, связанных с историей русской армии начала XX века, особенно периода неудачной Русско-японской войны 1904–1905 гг. и военных реформ накануне Первой мировой войны. Рассмотрены вопросы институциональной эволюции армии, развитие российской военной мысли, в том числе в области стратегии. Автор подкрепил свою работу документальными отчетами о боевых действиях, картами полей сражений, иллюстрировал диаграммами, таблицами и фотографиями. Однако при столь тщательном подходе к освещению событий

---

[1] *Alex Marshall.* The Russian General Staff and Asia, 1800–1917. London/New York: Routledge, 2006.

[2] *B. W. Menning*. Bayonets Before Bullets: The Imperial Russian Army, 1861–1914. IndianaMichigan Series in Russian and East European Studies (Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 1992, reprinted in 2000).

[3] *Брюс У. Меннинг.* Пуля и штык. Армия Российской империи, 1861–1914 / Авторизованный пер. Н. Эдельмана; / под науч. ред. О. Р. Айрапетова. М., 2016.

многие проблемы жизни и службы офицерского корпуса не были рассмотрены в необходимой мере.

Вышедшая в 2010 г. монография американского исследователя Дж. У. Стейнберга[1], название которой в переводе на русский означает «Вся царская рать: российский Генеральный штаб и судьба империи, 1898–1914», также посвящена офицерам русского Генерального штаба конца XIX – начала XX веков. Автор рассматривает их социальное происхождение, обучение и подготовку, доказывает, что они были образованными и опытными офицерами, которые разработали образовательные и доктринальные реформы, необходимые для обеспечения ведения войн в новую эпоху. Однако им приходилось служить в рамках неэффективной институциональной системы, которая, по мнению автора, лишала генштабистов самостоятельности, необходимой для проведения требовавшихся реформ. Поэтому они не смогли провести преобразования, которые, как считает ученый, могли бы спасти от катастрофы как армию, так и империю в целом.

Заметным явлением в англо-американской историографии стала вышедшая в 2015 г. книга американского историка Д. Стоуна[2] (однофамильца британского ученого Н. Стоуна), название которой на русском языке звучит так: «Русская армия в Великой войне: Восточный фронт, 1914–1917». В одном из американских обозрений научной литературы было сказано, что «это первый новый исторический обзор российских военных действий на Восточном фронте со времени публикации «Восточного фронта» Нормана Стоуна… сорок лет назад»[3].

Автор довольно подробно анализирует операции русских войск, прежде всего, проводившиеся в течение первых 18 месяцев мировой войны. Характеризуются сильные и слабые стороны русских войск, отмечаются результаты боевых действий. Следует отметить, что в своей работе Д. Стоун высказывает взгляды, отличающиеся от мнения большинства его коллег. Он считает, что подход, когда

---

[1] *Steinberg J.W.* All the Tsar's Men: Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914. Washington; Baltimore, 2010.

[2] *David R. Stone*. The Russian army in the Great War: the Eastern Front, 1914–1917. Lawrence, KS: University Press of Kansas, 2015.

[3] *Dale C. RieIage*. Stone and Rielage: The Russian Army in the Great War: The Eastern Front, 1914–1917 // Naval War College Review. 2017. Volume 70: № 2. Art. 15. P. 158 .

русскую армию показывают плохо управлявшейся и недостаточно оснащенной, во многом несправедлив. Он считает, что подобный подход «игнорирует существенный исторический контекст»[1]. Автор доказывает, что русская армия добивалась значительных успехов в боях против австро-венгерских войск, хотя, бывало, что противник наносил ей крупные поражения. Более того, она сохранилась как боевая сила даже в условиях «великого отступления» 1915 г., когда Германия попыталась вывести Россию из войны. Д. Стоун утверждает, что на поле боя русские войска не уступали армии двуединой монархии, но «… в бою с немецкими войсками русские части были явно превзойдены»[2]. Однако, как считает автор, армия ни одной из воевавших стран не могла сравниться с германской армией по боеспособности. В то же время, достаточно объективно показывая роль русской армии в мировой войне, автор практически не исследует проблемы истории русского офицерства.

В 2016 г. на английском языке вышла еще одна книга о Первой мировой войне[3], автором которой является британский историк Д. Ливен. Ее название на русский язык переводится как «К огню: империя, война и конец царской России». Подход автора к освещению событий также во многом отличается от принятого в западной историографии. Автор считает, что Первая мировая война была в первую очередь войной в Восточной Европе[4].

В завершение обзора англо-американской историографии следует отметить, что ученые США и Великобритании, исследующие историю России в годы Первой мировой войны, главное внимание уделяют отнюдь не армейской тематике. На первом плане находятся проблемы внешней политики, вопрос о виновниках войны, нередко с обвинительным уклоном в сторону России, социально-политическое положение и национальная политика в Российской империи, воен-

---

[1] Ibid.
[2] Ibid. P. 159.
[3] *Lieven Dominic.* Towards the Flame: Empire, War and the End of Tsarist Russia. Penguin, 2016.
[4] Историк Ливен: без Первой мировой не было бы ни Сталина, ни Гитлера // News. Русская служба BBC [сайт]. Адрес доступа: https://www.bbc.com/russian/society/2016/05/160502_dominic_lieven_interview_kan (дата обращения: 10.04.2019).

но-экономические проблемы, гендерная тематика, культура и т.д. В таком ключе написаны работы Л. Сигельбаума, П. Гатрелла, Д.С. Рилэйджа, П. Холквиста, Э. Лора, Дж.Э. Сэнборна, Л. С. Штофа, Т. Зубера, Ш. Макмикина[1] и некоторых других.

Во Франции, являвшейся одним из главных участников Первой мировой войны, вышло в свет достаточно большое количество трудов, посвященных различным аспектам глобального военного конфликта. Однако, несмотря на широкий круг исследуемых проблем, **французская историография** демонстрирует отсутствие работ, прямо посвященных русской армии начала XX столетия, как в мирное, так и в военное время. Действия русских войск и роль России показываются лишь в рамках общих трудов, посвященных истории мировой войны или Российской империи. В числе таких авторов можно назвать Ж. Исаака, П. Ренувена, М. Ферро, Ж.-Б. Дюрозеля, Н. Верта, Л. Саваджана и других[2], часть из кото-

---

[1] *Siegelbaum L.H.* The Politics of Industrial Mobilization in Russia, 1914–1917. London, 1983; *Gatrell P*. Russia's First World War: A Social and Economic History. Edinburgh Gate, Harlow, 2005; *Rielage D.C.* Russian Supply Efforts in America During the First World War. London, 2002; *Holquist P*. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge (MA), 2002; *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge (MA), 2003; *Sanborn J.A.* Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. DeKalb, 2003; *Stoff L.S.* They Fought for the Motherland: Russia's Women's Soldiers in World War I and the Revolution. Lawrence, 2006; *Zuber T.* The Schlieffen Plan Reconsidered // War in History. N 6 (3). 1999. P. 262–305; *Zuber T.* Inventing the Schlieffen plan. German War Planning 1871–1914. Oxford: Oxford University Press, 2002; *Zuber T.* German War Planning, 1891–1914: Sources and Interpretations. Woodbridge: Boydell Press, 2004; *Zuber T.* The Real German War Plan 1904–1914. Stroud: The History Press, 2011; *Zuber T.* Der Mythos vom Schlieffen plan // Der Schlieffen plan. Analysen und Dokumente. Paderborn: Ferdinand Schoningh, 2007. S. 45–78; *Zuber T.* The 'Schlieffen Plan' and German War Guilt // War in History. N 14 (1). 2007. P. 96–108; *McMeekin S.* The Russian Origins of the First World War. Cambridge, 2011; *Robert D. Crews.* For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, MA/London: Harvard University Press, 2006; *Mary Kaldor*. New and Old Wars. Organized violence in a global era. Stanford, CA: Stanford University Press, 1999; *Daniel Brower.* Kyrgyz Nomads and Russian Pioneers: Colonization and Ethnic Conflict in the Turkestan Revolt of 1916 // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. 44 (1996), 1, 41–53; *Daniel Brower*. Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London/New York: RoutledgeCurzon, 2003.

[2] *Isaak J.* Un debat Histoire [1914]. Le probleme des Origines de la Guerre. Paris,1933. *Renouvin P.* La crise européenne et la Grande guerre (1904–1918). Paris, 1934; *Renouvin P*. La paix armée et la Grande Guerre, 1871 –1919. Paris, 1939; *Renouvin P*. Les origins immédiates de la guerre 28 juin – 4 aôut 1914. Paris, 1925; *Duroselle J.B.* Pierre Renouvin et la science politique// Revue française de la science politique. 1975. № 3. P. 562; *Girault R.* Emprunts russes et investissements français en Russie 1887–1914. Paris, 1973, *Savadjian L.*Origines et responsabilités de la Guerre mondiale. Paris, 1934; *Ferro M.* La Grande Guerre: 1914 – 1918. Paris, 1969.

рых относилась к направлению французской историографии, известному под наименованием «Школы Анналов, или «новой исторической науки»[1].

В настоящем обзоре мы затронем только те работы, которые, пусть и опосредованно, касаются темы диссертации. Так, видный французский историк П. Ренувен, характеризуя в одной из своих работ[2] русскую армию, указывал на недостаток военных кадров, слабую мобильность, ввиду чего невозможно реализовать преимущество в резервах, а также отмечал ошибки командования и недостаток вооружения. В той же работе П. Ренувен отмечал, что «… только у Франции и Германии были сопоставимые по эффективности вооруженные силы, и именно на них легла основная тяжесть всех операций»[3]. Кроме того, указывалось, что ввиду данных обстоятельств, Франция сознательно отводила русской армии второстепенную роль.

В трудах П. Ренувена заметна недооценка роли военного союза между Францией и Россией. Так, в работе, посвященной отношениям между двумя государствами[4], он писал, что переговоры между французским и русским Генеральным штабом показали: «…русская армия…не была способна осуществить мобилизацию в установленные сроки и не могла проводить крупные операции. Следовательно, эффективность русско-французского союза была очень ограниченной»[5]. Однако замечания П. Ренувена об отсутствии у русского высшего командования умения управлять войсками в боевой обстановке, несогласованности действий высших военачальников, приводивших к крупным людским потерям, были справедливыми.

---

[1] *Андреева Е. А.* «Новая историческая наука» Франции глазами французских историков // Вестник Томского гос. ун-та. 2003. № 276. С. 13–20.

[2] *Renouvin P.* La premiere Guerre mondiale. Coll. «Que sais-je?». № 236, reed. Paris1998. P. 10, 11.

[3] Цит. по: *Солдатов А. А.* Франция. Великая война // Первая мировая война: историографические мифы и историческая память. Кн. 2: Страны Антанты и Четверного союза. М., 2014. С. 106.

[4] *Renouvin P.* Les relations franco-russes à la fin du XIXe siècle et au début du XXe siècle // Cahiers du Monde Russe et soviétique. 1959. Vol. 1, № 1. PP. 128–147.

[5] Цит. по: *Солдатов А. А.* Указ. соч. С. 107.

Еще в одной работе[1], в определенной степени противореча себе, П. Ренувен отмечал важную роль Восточно-Прусской операции в победе французов на р. Марне. В таком же ключе оценивалась эта операция в труде Ф. Теневе[2] и некоторых других исследованиях. Например, в официальной 11-томной работе военно-исторического отдела французского генерального штаба, название которой переводится как «Французские армии в Великой войне»[3], ее авторы также указали тот факт, что действия русских войск в 1914 г. заставили немцев снять с Французского фронта два корпуса и кавалерийскую дивизию[4].

В 11-томнике отмечались также достижения русских войск в Галицийской операции: «… русская армия добилась блестящих успехов: после захвата крепости Львов… они разбили австрийцев, … захватив большое количество пленных и много военного имущества»[5].

Значимость некоторых операций русской армии признавалась также такими исследователями, как А. Биду, Ж.- Ж. Беккер, М. Ферро, Р. Микель, Р. Факон, Ф. Гамбьеза и некоторыми другими[6].

В то же время внимание событиям, происходившим на Русском фронте, во французской историографии уделяется лишь в трудах, посвященных мировой войне в целом. В них кратко излагаются сведения о наиболее крупных боевых столкновениях русских войск с противником, без какого-либо серьезного анализа. Соответственно, проблемы истории офицерства также не получили должного освещения. Некоторые французские исследователи, по мнению автора настоящей диссертации, необъективно оценивали значение операций, проведенных русскими

---

[1] *Renouvin P.* La premiere Guerre mondiale. Coll. «Que sais-je?». № 236, reed. Paris, 1998. P. 55.
[2] *Le général Thevenet*. La Grande Guerre (1914–1918). Paris, 1923. P. 72.
[3] Les armées françaises dans la Grande Guerre. T. I – XI. Paris, 1922–1939.
[4] Ibid. T. 1. V. 3. Paris, 1932. P. 1304.
[5] Цит. по: *Авдеев В. А., Широкова Е. Н.* «Не наблюдается чудодейственной воли к миру». Некоторые вопросы изучения истории Первой мировой войны 1914–1918 гг. во Франции // Военно-исторический журнал. 2015. № 11. С. 56.
[6] *Bidou H.* Histoire de la Grande Guerre. Gallimard, 1933; *Becker J.- J.* La première guerre mondiale. Paris, 1985; *Facon P.* La Grande guerre et ses lendemains. 1914–1935. Librairie Larousse, 1985; *General Gambiez et colonel M. Suire.* Histoire de la première guerre mondiale (1914-1918). 2 volumes. Fayard, 1968; *Miquel P.* La victoire. Paris, 1998; *Albord.* Le Revers russe en Prusse Orientale. Août-Septembre 1914 // Revue militaire Francaise. T. 35. Janvier-mars 1930.

войсками. Например, Ж.-Б. Дюрозель утверждал, что наступление русской армии в Восточной Пруссии не сыграло роли в победе французов на Марне, и она была одержана вследствие ошибок немецкого командования[1].

Брусиловский прорыв упоминается им не как крупнейший прорыв позиционный обороны, равного которому до той поры не было, а лишь как действия в контексте битвы на Сомме. Он характеризуется следующим образом: «На русском фронте Брусилов перешел в наступление с 6 [мая], и ему сопутствовал большой успех. Но он не смог закрепить его летом»[2].

Определенное внимание в трудах французских историков уделено процессам, протекавшим в русской армии после Февральской революции 1917 г. При этом некоторые исследователи, вероятно, не до конца понимают суть происходивших событий. Так, М. Ферро, характеризуя приказ № 1 Петроградского Совета, писал, что, он означал гибель не армии, а лишь «некоторой идеи» армейской дисциплины[3].

Более того, в одной из своих статей, опубликованной в историческом журнале «Анналы», он утверждал, что солдаты не отказывались повиноваться офицерам, как таковым, а, желая показать высокую сознательность и быть достойными революции, стремились участвовать в разработке военных планов[4].

В некоторых других работах, например, в упоминавшемся многотомном труде военно-исторического отдела Генерального штаба, подход в отношении этой проблемы более объективен. В нем отмечалась дезорганизация русской армии, падение дисциплины, анархия, царившая в войсках, насилие в отношении должностных лиц. О командном составе говорилось, что офицерство «…остается пассивным, люди делают, что хотят»[5], указывалось на потерю боеспособности русской армии[6].

---

[1] *Duroselle J.B.* La Grande guerre des Francais, 1914–1918: Iincomprexensible. Paris, 1994. P. 92.
[2] Цит. по: *Солдатов А. А.* Указ. соч. С. 108.
[3] *Ferro M.* La Grande Guerre: 1914–1918. Paris, 1990. P. 320.
[4] См.: *Ferro M.* Le soldat russe en 1917: Indiscipline, pacifisme, patriotisme et révolution // Annales. 1971. № 1. P. 16, 17.
[5] Цит. по: *Авдеев В. А., Широкова Е. Н.* Указ соч. С. 57.
[6] Les armées françaises dans la Grande Guerre. T. 5. L. 2. P. 636.

Ф. Теневе, характеризуя ситуацию, сложившуюся в русских войсках[1], показал, что в начале июньского наступления 1917 года были достигнуты некоторые успехи, но затем одна часть русских войск отказалась воевать, другая обратилась в бегство. П. Микель, описывая русское наступление в июне 1917 г.[2], указывает, что вначале были достигнуты успехи, но затем наступательный порыв исчерпался, и русские не выдержали контратаки противника.

Некоторое внимание французскими исследователями было уделено русскому экспедиционному корпусу, находившемуся во Франции. Однако офицерство ими практически не рассматривается, предметом изучения являются солдаты, как, например, в работе Р. Адама[3]. Состояние корпуса в 1917 г. французские ученые характеризовали снижением боеспособности, падением дисциплины, потерей управляемости[4].

Таким образом, работ, в которых исследуется русская армия времен Первой мировой войны, во французской историографии немного. Оценки ее боевой подготовки, морально-психологического состояния, роли боевых действий на Русском фронте ограничиваются общими фразами, а процессы, в ней протекавшие, почти не рассматриваются. Исследования по истории русского офицерского корпуса периода мировой войны, равно как и довоенного периода, во французской историографии практически отсутствуют.

В германской историографии, в силу исторически сложившихся обстоятельств, исследований, в которых освещалась бы Русская императорская армия и ее офицерский корпус, меньше, чем в англо-американской и французской. О причинах такого положения вещей будет сказано ниже.

До Первой мировой войны научных трудов о русской армии в Германии не издавалось, выходили лишь отдельные работы, носившие характер наблюдений и принадлежавшие перу немецких военнослужащих. Некоторые из них переводи-

---

[1] *Le général Thevenet*. La Grande guerre (1914–1918). Paris, 1923. P. 165.
[2] *Miquel P*. La Grande Guerre. Paris, 1983. P. 434, 435.
[3] *Adam R.* Histoire des soldats russes en France, 1915 –1920: Les damnés de la guerre. Paris, L'Harmattan, 1996.
[4] Les armées françaises dans la Grande Guerre. T. 5. L. 2. P. 725–727.

лись на русский язык[1], однако вряд ли их можно считать исследованиями заявленной в диссертации проблемы.

В конце Первой мировой войны и первые послевоенные годы в Германии вышел в свет ряд работ, посвященных боевым действиям на Восточном фронте. В них подробно описывались действия германских войск, в то время как русская армия только упоминалась в качестве противника. Какого-либо анализа действий русских войск, их характеристик в этих трудах не приводилось, равно, как не давалось оценок их боевой подготовке, морально-психологическому состоянию и т.д. Что касается офицерского состава, то иногда назывались лишь фамилии представителей высшего комсостава, без какой бы то ни было характеристики или оценки. Многие из этих трудов были переведены на русский язык[2].

Определенные сведения о русской армии, а также попытки в самом общем виде охарактеризовать отдельных представителей ее высшего командного состава, к сожалению, без соответствующей доказательной базы и аргументов, содержались только в мемуарах, которые вряд ли можно отнести к историографии[3].

Для понимания того, как оценивал противник русские войска, некоторый интерес представляют многочисленные немецкие полковые истории[4], издавав-

---

[1] *Теттау, фон.* Два месяца в гостях в русской армии // Разведчик. 1904. №№ 692–693, 695–697; *Базедов Г., фон.* Путевые впечатления о военной России / пер. с нем. СПб., 1911 и др.

[2] Напр.: Reserve-Korps von Somme zum Pripjat. Munchen, 1918; Die Kampfe um Baranowitschiю Sommer 1916: unter Benutzung der amtlichen Quellen des Reichsarchivs / bearbeitet von Walther Vogel. Oldenburg, 1921; *Брухмюллер Г.* Германская артиллерия во время прорывов в мировой войне / пер. с нем. М., 1923; *Вульфен К., фон.* Лодзинское сражение (прорыв у Брезин). / пер. с нем. А.И. Далина. Пг., 1921; Прорыв русского Карпатского фронта у Горлицы-Тарнова в 1915 г. / пер. с нем. Пб., 1921; *Фогель В*. Барановичи. 1916 г. / пер. с нем. А. И.Далина. Пб., 1921; *Чишвиц А., фон.* Захват Балтийских островов Германией в 1917 г. / пер. с нем. А.В. Герберта. М., 1937; *Пэльман К.* Бои на реке Зап. Буге летом 1915 года / пер. с нем. Л.Ф. Тигранова. Пб., 1921; *Редерн Г.* Зимняя операция в районе Мазурских озер / пер. с нем. Р. М. Модлина. Пб., 1921 и др.

[3] Воспоминания Гинденбурга. Пг., 1922; *Гофман М.* Война упущенных возможностей / пер. с нем. М.-Л., 1925: *Он же.* Главный противник – Россия: воспоминания и дневники М. Гофмана о Первой мировой войне. М., 2015; *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг.: в 2 т. / пер. с нем. М., 1924; *Фалькенгайн Э., фон.* Верховное командование 1914–1916 в его важнейших решениях /. Пер. с нем. М., 1923; *Бекман В*. Немцы о русской армии / пер. с нем. Прага, 1939; *Фогель В.* Барановичи. 1916 г. / пер. с нем. А. И. Далина. Пб, 1921 и др.

[4] Reserve-Infanterie-Regiment Nr. 251. Zeulenroda, Thuringen, 1920; Das Infanterie–Regiment «Graf Barfuß» (4. Westfalisches) Nr. 17 im Weltkriege 1914–1918. Ronneburg, 1920; Mit dem Reserve-Infanterie-Regiments 266 im Felde. Erster Teil. Hamburg, 1925; Rheinisches Infanterie-Regiment Nr. 70 im Kriege 1914–1918. Saarbrücken, 1928; Das Reserve-Infanterie-Regiments Nr. 250 im

шиеся по инициативе германского генерального штаба в 1920–1930-е годы. Основное их содержание посвящено довольно подробному описанию боевых действий подразделений, входивших в состав той или иной немецкой воинской части, а также полков в целом. Эти труды готовились на основе журналов боевых действий, содержали большой объем фактического материала, прошли литературную обработку и предназначались для чтения широкой аудиторией. Однако о действиях русских войск в них говорится в предельно общем виде, о русских офицерах практически не упоминается, в то время как о германском командном составе говорится постоянно. По мнению диссертанта, можно говорить о том, что этим работам присуща определенная тенденциозность.

Незначительный интерес к русской армии в германской историографии можно объяснить тем, что главное внимание в 1920–1930-е годы немецкие исследователи уделяли критике тезиса об ответственности Германии за развязывание мировой войны[1].

Уже в мае 1919 г. ряд немецких историков выступил с коллективным меморандумом, в котором делались попытки доказать, будто Германия вела с Россией оборонительную войну[2]. В последующие годы концепция невиновности кайзеровской Германии в развязывании Первой мировой войны отстаивалась во многих изданиях, в том числе, в многотомном военно-историческом труде «Мировая война 1914–1918»[3] и многотомном издании германских дипломатических документов, снабженных соответствующими комментариями[4].

Weltkriege. Hannover, 1929; Das 1. Ober-Elsassische Feldartillerie-Regiments Nr. 15 im großer Kriege 1914–1918. Berlin, 1930; Bildersammlung zur Regimentsgeschichte des Reserve-Infanterie–Regiments Nr. 232. Celle, 1933; Das Kgl. Sachs. Feldartillerie-Regiments Nr. 115. II. Teil. Leipzig, 1934; *Neumann, Gerhard.* Das Infanterie-Regiment Nr. 343 im Weltkriege 1914–1918. Zeulenroda, Thuringen, 1937 und andere.

[1] *Козлов Д.Ю., Наземцева Е.Н.* Русский фронт первой мировой войны в германской историографии 1920–1940 годов // Военно-исторический журнал. 2015. № 2. С. 38.

[2] *Петров Ю., Павлов Д.* Кто развязал кровавую бойню? Историографический этюд о первой тотальной информационной войне // Живая история. 2015. № 6. С. 6.

[3] Der Weltkrieg 1914 bis 1918, bearbeitet Im Reichsarchiv. 14 Bände. Berlin, 1925–1944, 1956.

[4] Die Große Politik Europäische Kabinette, 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. 40 Bände. Berlin, 1922–1927.

С избранием А. Гитлера на пост рейхсканцлера исследование истории русской армии вряд ли могло быть в центре внимания германской исторической науки. Как отмечают отечественные историографы, время, когда у власти находилась нацистская партия, «отодвинуло в тень события 1914–1918 гг.…»[1].

После разгрома Третьего рейха главное внимание немецких историков Первой мировой войны вновь оказалось сосредоточенным на политической истории[2]. В 1961 г. вышла в свет книга германского историка Ф. Фишера[3], название которой в переводе на русский означает «Рывок к мировому господству. Военные цели кайзеровской Германии, 1914–1918». В этом труде автор выдвинул и доказал тезис о том, что Германия в значительной степени виновна в начале войны, так как только она преследовала наступательные цели[4].

После многолетних дискуссий эти взгляды получили достаточно широкое распространение среди германских историков, и в последующие годы вышел ряд трудов, авторами которых являются Ю. Кокка, Х. Мюнклер, А. Хохшильд, Х. Кобер, Э. Пайпер, в которых идея Ф. Фишера в общем и целом, получила развитие и подтверждение[5].

Представляется, что в такой ситуации вопросы, связанные с историей русской армии и офицерства не являлись актуальными для германских ученых. Лишь в 1967 г. немецкий историк Х.-П. Штейн в одном из журналов опубликовал статью[6], в которой описал русское офицерство 1861–1905 гг. как социальную груп-

---

[1] *Баранов Н.Н.* Современная германская историография Первой мировой войны // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 130.
[2] Там же. С. 131.
[3] *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht: die Kriegszielpolitik des Kaiserlichen Deutschland, 1914–18. Dusseldorf, 1961.
[4] *Петровская О.В. и др.* «Шаг в пропасть»: Причины Первой мировой войны в новейшей отечественной и зарубежной историографии // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 3 (24). С. 32.
[5] *Kocka J.* Entfernung und Einsicht. Weltkriegsforschung im Wandel // Arbeitkreis Militäfgeschichte e.V. Newsletter. 2004. Jg. 8, № 1. S. 8–11; *Münkler H.* Der Große Krieg: Die Welt 1914 bis 1918. Berlin, 2013; *Hochschild A., Kober H.* Der Große Krieg: Der Untergang des Alten Europa im Ersten Weltkrieg. München, 2013; *Piper E.* Nacht über Europa: Kulturgeschichte des Ersten Weltkriegs. Berlin, 2013.
[6] *Hans-Peter Stein.* Der Offizier des russischen Heeres im Zeitabschnitt zwischen Reform und Revolution (1861–1905) // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. 1967 T. 13. S. 346–507.

пу, находившуюся в процессе становления. В статье указывалось, что социальное происхождение офицеров было различным, и это обстоятельство препятствовало их корпоративной сплоченности. Однако этот вопрос рассматривался в период, который предшествовал хронологическим рамкам настоящей диссертации.

Через определенный промежуток времени в немецкой историографии, как и в англо-американской, было уделено внимание проблеме отношений дореволюционного российского общества и армии. В 1984 г. вышла в свет работа Д. Байрау[1], название которой переводится как «Армия и общество в дореволюционной России». В данном труде, в отличие от некоторых англоязычных работ, эти социальные институты четко не разграничиваются и не противопоставляются, при этом внимание уделено не только солдатам и их службе, но и роли высшего командного состава русской армии в политике государства, а также управлении административно-территориальными единицами империи.

В конце 1980-х гг. в Германии вышла работа К. Шлегеля[2], в которой также рассматриваются взаимоотношения русской армии и общества. В ней автор пытался доказать неочевидный, на наш взгляд, тезис. Он заключается в том, что период последних лет империи и первых лет существования Советской власти (с 1905 по 1921 год) во многом способствовал эскалации насилия в советском обществе в более позднее время.

Относительно недавно опубликованная работа германского историка В. Бенеке[3] продолжила тему российского общества и армии. Автор утверждает, что военные сыграли в России главную роль в модернизации государства во второй половине XIX– начале XX века. При этом П. Бенеке делает вывод, что в Российской империи «яд милитаризма» не оказывал существенного влияния на общество, и его невозможно было использовать в военно-политических целях.

---

[1] *Dietrich Beyrau.* Militar und Gesellschaft im vorrevolutionaren Russland. Koln / Weimar/ Wien: Bohlau, 1984.

[2] *Karl Schlogel*. Jenseits des Groben Oktober. Das Laboratorium der Moderne Petersburg. Berlin: Siedler, 1988.

[3] *Werner Benecke.* Militar Reform und Gesellschaft im Zarenreich. Die Wehrpflicht in Russland, 1874–1914. Paderborn, 2006.

В последние несколько лет немецкие исследователи выпустили в свет ряд трудов, посвященных истории армий воевавших государств, однако русская армия оказалась вне поля их зрения. Например, в ряде работ рассматриваются требования, выдвигавшиеся войной к профессиональным качествам офицеров, но речь идет не о русском, а о германском и французском офицерстве[1].

Следует отметить, что в последние годы идеи Ф. Фишера о виновности Германии в развязывании Первой мировой войны подвергаются ревизии, в результате чего появляется возможность переложить часть ответственности за начало войны на другие государства, включая Россию. Более того, некоторые немецкие историки, как, например, З. Найцель, утверждают ныне, что к началу войны Германия была во многом не подготовлена и практически не имела военных целей[2]. Взгляды Ф. Фишера, считавшего, что существовало определенное сходство во внешней политике кайзеровской Германии и Третьего рейха, им отвергаются.

Идеи, подобные концепции З. Найтцеля, имеют в Германии немалую поддержку не только в кругах ученых-историков, но и среди граждан страны. Об этом свидетельствует следующее. В 2012 г. в Великобритании вышла книга К. Кларка, в 2013 г. изданная в Германии на немецком языке[3]. На русский язык название переводится следующим образом: «Лунатики: как Европа вступала в Первую мировую войну». В названном труде главная вина за развязывание войны с Германии снимается, и одновременно проявляется стремление автора обвинить во всем Сербию, за которой, как известно, стояла Россия. Уже к середине 2014 г.

---

[1] *Meteling W.* Ehre, Einheit, Ordnung. Preußische und franzosische Stadte und ihre Regimenter im Krieg 1870/71 und 1914–19. Baden-Baden: Nomos, 2010; *Stachelbeck C.* Militarische Effektivitat im Ersten Weltkrieg. Die 11. Bayerische Infanteriedivision 1915 bis 1918. Paderborn: Schoningh, 2010; *Raths R.* Vom Massensturm zur Stoßtrupptaktik: Die deutsche Land kriegstaktik im Spiegel von Dienstvorschriften und Publizistik 1906 bis 1918. Freiburg: Rombach, 2009.

[2] *Großbongardt A., Klußmann U.* "Es gab keinen Alleinschuldigen": Der Militär-historiker Sönke Neitzel über die Totalität des Ersten Weltkriegs, Hypernationalismus und das Versagen der politischen Eliten // Spiegel Geschichte. 2013. № 5. S. 14–19.

[3] *Clark Chr.* Die Schlafwandler: Wie Europa in den Ersten Weltkrieg zog. Bonn, 2013.

книга выдержала 13 изданий, достигнув огромного по современным меркам тиража в 200 тыс. экземпляров[1].

Многие современные германские историки, занимающиеся исследованием проблем Первой мировой войны, напрямую не затрагивают политические и военные аспекты. Они сосредоточивают внимание на особенностях функционирования государственного аппарата в военное время, коллаборационизме, дезертирстве, военно-антропологической проблематике, культуре, национальной проблематике и т.д.[2]. Имена этих ученых и их достаточно многочисленные труды не приводятся здесь потому, что они не имеют прямого отношения к теме диссертации.

Относительно небольшое внимание германского исторического сообщества к русской армии начала XX века, а значит и к заявленной в диссертации теме, объясняется, вероятно, не тем, что германских историков не интересует данный субъект глобального военного конфликта 1914–1918 годов. Вероятно, это вызвано доминированием в сфере их научных интересов политических, международных и геополитических аспектов Первой мировой войны.

Следует отметить, что в последние десятилетия определенное внимание военным вопросам истории Первой мировой войны уделяется в бывших советских республиках и бывших странах социалистического лагеря. Например, в Польше вышли в свет работы, в которых исследованы боевые действия в ходе ряда операций на Русском фронте. Эти труды посвящены сражению при Танненберге[3], зимней операции в районе Мазурских озер[4], таким операциям, как Лодзинская[5] и Праснышская[6], боевым действиям в районе Горлиц и Луцка в Галиции[1].

---

[1] *Любин В.П.* Современная историография Первой мировой войны // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: общественные науки. 2014. № 4. С. 8.

[2] *Петров Ю., Павлов Д.* Кто развязал кровавую бойню? Историографический этюд о первой тотальной информационной войне // Живая история. 2015. № 6. С. 7.

[3] *Szlanta P.* Tannenberg 1914. Warszawa, 2010;

[4] *Czerep S.* Wielka operacja zimowa pierwszej wojny światowej : działania na kierunku mazur- sko-augustowskim od 7 do 21 lutego 1915 roku. Białystok, 2011.

[5] Wielka Wojna o Ziemię Obiecaną: Operacja Łódzka 1914 [...] I Konferencja na temat Operacji Łódzkiej 1914 w dniach 19-20 maja 2006 r. w Instytucie Historii Uniwersytetu Łódzkiego. Łódź, 2006; Operacja Łódzka. Zapomniany fakt I wojny światowej. Łódź, 2012.

[6] *Chorzępa J.* Przasnysz – luty 1915 : "najciekawsza bitwa I wojny światowej". Przasnysz, 2011.

Нарочская и Барановичская операции, а также ход боевых действий русских войск на Западном фронте рассмотрены в работах белорусских историков[2].

Как в Польше, так и в Беларуси стало уделяться определенное внимание изучению службы в рядах русской армии офицеров – выходцев из этих регионов[3], при этом главное внимание уделяется их национальным особенностям[4].

Подводя итог обзору зарубежной историографии, необходимо отметить следующее. Научные труды, посвященные истории Русской императорской армии и ее офицерского корпуса в период, предшествовавший мировой войне, в западной историографии немногочисленны. Что касается событий периода 1914–1918 годов, то при их освещении западная историческая наука традиционно придерживается того взгляда, что Россия играла второстепенную роль в событиях той поры. Объективная оценка общего вклада русской армии и России в вооруженное противоборство со странами Четверного союза отсутствует. Роль и место русского офицерства в жизни страны и армии не показываются ни в условиях войны, ни в мирное время, называются только имена отдельных высших армейских руководи-

---

[1] *Klimecki M.* Gorlice 1915. Warszawa, 1991; Militarne i polityczne znaczenie Operacji Gorlickiej w działaniach wojennych I wojny światowej. Gorlice, 1995; MaterniakL Przemyśl 1914-15. Warszawa, 1994; *Burzyńska J.* Twierdza Przemyśl w okresie I wojny światowej. Przemyśl, 2002; *Czerep S.* Łuck 1916. Warszawa, 2002; *Czerep S.* Bitwa pod Łuckiem : walne starcie zbrojne kampanii 1916 roku na wschodnim teatrze wydarzeń militarnych pierwszej wojny światowej (4 czerwca - 10 lipca). Białystok, 2003; *Bator J.* Wojna galicyjska: działania armii austro-węgierskiej na froncie północnym (galicyjskim) w latach 1914-1915. Kraków, 2008. Wyd. 2.

[2] *Смольянинов М. М.* Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. М., 2017; Военно-историческое наследие Первой мировой войны в Республике Беларусь и Российской Федерации: проблемы изучения, сохранения и использования: сб. науч. ст./ Учреждение образования «Гродненский гос. ун-т им. Я. Купалы»; ред. кол.: А.Н. Нечухрин [и др.]. Гродно, 2016; *Суряев В. Н.* Военные действия на территории Беларуси и их влияние на ход Первой мировой войны // Первая мировая война в судьбах Европы: сб. материалов Междунар. науч. конф., г. Вилейка, 18 окт. 2014 г./ редкол: В. А. Богуш (пред.) и [др.]. Минск, 2014.С. 81–91.

[3] Напр.: *Смольянинов М. М.* Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году. Минск, 2007; *Чырвінскі В.* Беларусь у войнах Расийскай имперыі: Асобы и падзеи. Минск, 2019; *Литвин А. М.* Беларусь в годы Первой мировой войны: опыт участия и последствия // Первая мировая война в судьбах Европы: сб. материалов Междунар. науч. конф., г. Вилейка, 18 окт. 2014 г./ редкол: В. А. Богуш (пред.) и [др.]. Минск, 2014. С. 24–34; *Kulik M.* Polacy w jednostkach Rosyjskiej Gwardii w Warszawie na przełomie XIX I XX wieku // Niepodległość i pamięć. R. XIX. Warszawa, 2012. Nr. 1–4; *Kulik M.* Polacy wśród wyższych oficerów armii rosyjskiej Warszawskiego Okręgu Wojskowego (1865–1914). Warszawa; *Radziwonowicz T.* Polacy w armii rosyjskiej (1874–1914) // Studia i materiały do historii wojskowości. 1988. T. 30.

[4] *Дмитриев Д. Г.* Поляки на службе в царской армии накануне Первой мировой войны (к вопросу о векторе социальной мотивации) // Славянский альманах. 2014. № 1–2. С. 134–141.

телей. Некоторое исключение представляют лишь труды, в которых исследуются отдельные стороны деятельности офицеров Генерального штаба.

Что касается трудов русских эмигрантов, то в них рассмотрен гораздо больший круг проблем истории русской армии и офицерства, нежели в западной историографии. Эмигрантское наследие важно и потому, что, как справедливо подчеркивает современный историк Д. Ю. Козлов, в большинстве работ «весьма жестко»[1] оценивалось состояние армии в канун Первой мировой войны и ее действия в ходе вооруженного противоборства. Иначе говоря, авторы не приукрашивали прошлое, а стремились показать подлинное положение дел, существовавшее в войсках и органах военного управления.

Однако и в работах представителей русского зарубежья отсутствуют труды, комплексно характеризующие корпус офицеров русской армии.

1.3. Источниковая база исследования

Использованные в диссертации источники представляется целесообразным подразделить на несколько групп.

К **первой группе** отнесены законодательные акты, уставные, руководящие и иные документы, содержащие весьма значимую часть информации по истории корпуса офицеров. Именно документы высших органов власти, оформленные в соответствии с установленными требованиями и находившиеся в документообороте государственных и военных органов, регламентировали по большей части служебную деятельность офицерского состава. В их числе – акты, размещавшиеся в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ), а также в Своде военных постановлений 1869 года (далее – СВП 1869 г.). Большинство документов, имевших отношение к армии в начале XX столетия, опубликованы в третьем собрании ПСЗРИ[2], хотя отдельные акты, опубликованные в более раннем втором со-

---

[1] См.: *Козлов Д.Ю.* Альтернативные «Планы операций» Балтийского флота накануне Первой мировой войны: нетривиальные идеи при минимальных ресурсах // Русский сборник. Вып. XXVI: Россия и война. М., 2018. С. 293.

[2] Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье: в 33 т. СПб., 1885–1916.

брании, также продолжали действовать. В СВП 1869 г. законодательные акты, касавшиеся армии, были приведены в систему и структурированы по различным отраслям военного управления и организации войск. Однако этот Свод, который был должен состоять из 24 книг, полностью издан не был в силу происходивших в армии частых преобразований; в то же время, некоторые книги переиздавались по несколько раз, при этом в новые издания включались происшедшие в законодательстве изменения.

Большинство книг СВП 1869 г. все же было издано, и основные законы, регламентировавшие жизнь и деятельность армии, в них вошли. Например, в книге V приводилась общая структура военно-сухопутных сил, указывались все рода войск, их предназначение, определялась внутренняя структура подразделений, частей и соединений. Здесь же излагались обязанности командного состава – от командира корпуса до младших офицеров роты и эскадрона, а также основы управления войсками и их инспектирования[1].

В книге VII излагался порядок службы по военному ведомству, в том числе, общие для всех военнослужащих обязанности, правила производства офицеров в следующие чины, назначения их на должности, зачисления офицеров в тот или иной род войск, увольнения со службы и т.д.[2]. В книге XV указывалось предназначение каждого вида военно-учебных заведений, определялся порядок поступления и выпуска из них, причисления выпускников к тем или иным разрядам в зависимости от успеваемости, порядок распределения в войска и прочее[3].

В остальных книгах СВП 1869 г. излагались основы решения других вопросов армейской жизни. В их числе – деятельность органов военного управления, порядок комплектования армии офицерами, награждения военнослужащих, выплаты пенсий и т.д. Здесь же помещались Уставы Военно-уголовный, Дисциплинарный, Военно-судебный и т.д. В целом, Свод военных постановлений позво-

---

[1] Свод военных постановлений 1869 года. Книга V. Устройство и состав войск и управление ими. С. 7–143.

[2] Там же. Книга VII. Прохождение службы по военному ведомству. Изд. второе (по 1 января 1907 г.). СПб:, 1907. С. 10–217.

[3] Там же. Книга XV. Заведения военно-учебные. Изд. третье (по 1 января 1907 г.). СПб., 1907. С. 15–394.

ляет получить представление о нормативно-правовой базе деятельности органов военного управления и должностных лиц.

К этой же группе отнесены такие подзаконные акты, как уставы, различного рода наставления, положения и т. д. Документы этого типа публиковались в приказах по военному ведомству, выпускались отдельными изданиями[1].

В первую группу входят также акты Временного и Советского правительства, изданные в 1917 г. и опубликованные в сборниках документов, прессе той поры и некоторых эмигрантских изданиях[2].

Вторая группа исторических источников – делопроизводственные документы, в число которых входят директивные, отчетно-информационные и планирующие документы, служебная переписка органов военного управления между собой, а также с полицией и жандармерией.

Важнейшим источником информации являются приказы по военному ведомству, носившие характер подзаконных актов. В силу того, что многочисленные изменения в военном законодательстве, происходившие в конце XIX – начале XX вв. не всегда попадали в достаточно редко выходившие книги СВП 1869 г., именно в приказах по военному ведомству можно почерпнуть необходимую информацию. Такими приказами в армии вводились в действие законодательные акты со всеми дополнениями и изменениями, а также решения императора и военного министра. Ежегодно печатались типографским способом сборники приказов по военному ведомству; кроме того, важнейшие приказы печатались в официальной газете Военного министерства «Русский Инвалид» и военных журналах.

---

[1] Устав полевой службы и Наставление для действия в бою отрядов из всех родов оружия. Киев, 1901; Строевой пехотный устав. Высочайше утвержден 6 апреля 1908 г. (испр. и доп. по 15 июля 1916 г.). Пг., 1916; Устав полевой службы (изд. 1912 г.): в кн. Полевой устав для унтер-офицера. Саратов, 1913; Строевой кавалерийский устав. Высочайше утвержден 12 февраля 1912 г. Ч. 1. СПб., 1912; Положение об обучении пехоты. Высочайше утверждено 22 декабря 1911 г. СПб., 1911; Наставление для действий пехоты в бою. Высочайше утверждено 27 февраля 1914 г. Киев, 1916; Строевой устав пулеметных команд пехоты. Высочайше утвержден 7 ноября 1912 г. Пг., 1915; Устав дисциплинарный (испр. и доп. по 1 окт. 1915 г.) Пг., 1915 и др.

[2] Напр.: Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942; Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г.–16 марта 1918 г. М., 1957; *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.: приложение к «Иллюстрированной России». Ч. 1–5. Ревель, 1937и др.

Исходя из приказов по военному ведомству, нижестоящие военачальники на местах издавали свои приказы, в которых учитывалась специфика родов войск, и конкретизировались задачи, ставившиеся центральными или вышестоящими органами военного управления. В таких приказах содержится большой объем информации о жизни и деятельности частей и соединений, боевой подготовке офицерского состава и нижних чинов, боевых действиях на территории некоторых округов, революционном движении в армии, повседневной жизни войск и т.д. Значительное число приказов по воинским частям и соединениям находится в фонде 16093 Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Еще одна часть приказов находится в фондах местного военного управления, также хранящихся в РГВИА. В их числе, например, приказы командующих войсками округов о различных сторонах военной службы, распоряжения по окружным управлениям, переписка по широкому кругу вопросов, документы о материально-техническом снабжении войск, различные инструкции, отчеты, доклады и т.д. Приказы командиров корпусов, начальников дивизий, командиров бригад и полков главным образом периода Первой мировой войны также находятся в РГВИА. Они хранятся в фондах управлений соответствующих войсковых формирований[1] и содержат в себе информацию по самым различным сторонам жизни и деятельности войск в боевой обстановке.

Приказы Верховного Главнокомандующего и начальника его штаба (Ставки) также находятся в РГВИА в фонде 2003, главнокомандующих армиями фронтов и армий – в фондах полевых управлений фронтов и армий (фонды 2019, 2031, 2048, 2067, 2085 и др.). В этих документах изложены решения и требования к самым различным сторонам жизни войск, что во многом позволяет характеризовать картину жизни армии в период мировой войны.

Кроме того, в мирное время приказы военачальников различного ранга публиковались в военной прессе. При этом большинство таких приказов печатались

---

[1] Напр.: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2216 Оп. 3. Д. 243; Ф. 2230. Оп. 1. Д. 315; Ф. 2187. Оп. 1. Д. 570; Ф. 741. Оп.2. Д. 18; Ф. 2354. Оп.2. Д. 700; Ф. 2615. Оп. 1. Д. 208 и т.д.

не в официальных изданиях, а в журналах, выходивших частным порядком. В их числе выделялся еженедельник «Разведчик», позиционировавший себя как «журнал военный и литературный» и систематически из номера в номер публиковавший приказы военачальников – от командиров частей до командующих войсками округов.

Информацию об управлении войсками в бою и поведении офицеров в военное время содержит переписка военачальников различного уровня с вышестоящим командованием, доклады, рапорты и донесения о боевых действиях, а также сводки сведений о боевых действиях на фронтах мировой войны. Кроме того, подобная информация содержится в приказах о награждении военнослужащих орденами и докладах по наградному отделению, в которых указывалось, за что именно награжден тот иди иной военнослужащий[1].

Многие приказы о награждениях за успешное ведение боевых действий и личное мужество перепечатывались в специальном еженедельнике «Летопись войны 1914 года», точнее, в приложении к нему, называвшемся «Официальный отдел» и выходившем один раз в месяц. Аналогичным изданием, выходившим в 1904–1905 гг. являлась еженедельная «Летопись войны с Японией». Приказы о награждениях печатались также в «Русском инвалиде», официальной газете военного министерства, откуда их перепечатывал журнал «Разведчик».

В группу включены также послужные списки офицеров и генералов, которые являли собой, по сути, личные дела военнослужащих. Эти источники, типовые по структуре, содержали в себе данные практически обо всех офицерах того времени. Однако широко использовать эту информацию в настоящей диссертации вряд ли можно в силу того, что она носят ограниченный по содержанию характер. Послужной список, который велся на каждого офицера и генерала, представлял собой типографский бланк, в который на пишущей машинке вносились необходимые данные. Встречаются послужные списки, в которых часть данных записана от руки. Бланки были одинаковыми для всех категорий военнослужащих, от гене-

[1] Напр.: РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 77; Ф. 2048. Оп. 2. Д. 138, 145; Ф. 2048. Оп. 2. Д. 107; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 42 и т. д.

ралитета до обер-офицеров, и включали 14 граф. Послужные списки содержали данные, содержавшие ряд характеристик военнослужащих. В их числе – сословное происхождение и губерния, в которой родился, вероисповедание, оконченные учебные заведения, подробное прохождение службы, награды. Указывалось также участие в походах против неприятеля, полученные раны и контузии, наказания по службе в дисциплинарном порядке или по суду.

Представляется, масштабно оперировать подобными данными необходимо при подготовке статистических трудов, посвященных офицерскому корпусу, естественно, после соответствующей обработки. В настоящей диссертации информация о некоторых военнослужащих, взятая из послужных списков, используется в качестве иллюстрации ее отдельных положений. Послужные списки в значительном количестве хранятся в РГВИА. В качестве примера можно привести архивное дело под названием «Папка послужных списков офицеров Генерального штаба Северного фронта»[1].

Во вторую группу вошли также ежегодные «Всеподданнейшие отчеты Военного министерства», издававшиеся типографским способом (в годы Первой мировой войны такие отчеты не готовились и не издавались). В этих документах объемом от 500 до 600 страниц делался общий обзор состояния и деятельности всех подчиненных военному ведомству войск и организаций за истекший год, а также печатались отчеты всех управлений, входивших в министерство: Главного штаба, Генерального штаба, артиллерийского, инженерного, военно-судного и других управлений. Всеподданнейшие отчеты содержали в себе множество сведений: о комплектовании армии офицерами, их численности, общем порядке обучения, состоянии дисциплины и правопорядка и т.д. В целом, всеподданнейшие отчеты представляют собой достаточно ценные источники информации. Данные о таких отчетах приведены в списке источников и литературы.

К числу официальных источников относятся также списки чинов по старшинству. Широкое их использование, как и послужных списков, вряд ли возмож-

[1] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 168433. Л. 1–188.

но в настоящей работе. Но не упомянуть их совсем было бы неверным, так как они демонстрировали то значение, которое придавалось чинопроизводству по старшинству в чине, как важнейшему виду чинопроизводства. Эти списки типографским способом регулярно издавал Главный штаб, отдельно для генералов, полковников, подполковников и капитанов. Подобные документы содержали сведения о персональном составе командного состава русской армии и очередности получения военнослужащими очередных воинских званий. Например, в списках подполковников указаны их фамилии, имена, отчества, старшинство в чине подполковника, род войск, вероисповедание, год поступления на службу, полученное образование, занимавшиеся в течение службы должности, участие в военных кампаниях, награды каждого офицера и т.д.[1]. Аналогичные данные содержались в списках по старшинству капитанов гвардейской пехоты[2], капитанов инженерных войск[3] и др. Списки лиц, служивших в Генеральном штабе, содержали ряд дополнительных сведений, например, семейное положение, время получения каждого из офицерских чинов, занимаемая должность к моменту издания списка по старшинству[4].

В диссертации такие списки используются ограниченно, для иллюстрации ее промежуточных положений. В эту же группу входят планы учебных занятий с офицерами и нижними чинами, программы обучения в военно-учебных заведениях и некоторые другие источники[5].

Важными источниками, характеризовавшими настроения в армии, в том числе среди офицерского состава, являются доклады и донесения жандармских управлений и департамента полиции, а также некоторые документы канцелярий

---

[1] Напр.: Список подполковникам по старшинству. Ч. I, II и III (сост. по 1 мая 1913 г.). СПб., 1913.

[2] Напр.: Список капитанам гвардейской пехоты по старшинству (сост. по 1 сент. 1913 г.). СПб., 1913.

[3] Напр.: Список капитанам инженерных войск по старшинству (сост. по 1 октября 1913 г.). СПб., 1913.

[4] Список Генерального штаба (исп. по 1 июня 1914 г.). Пг., 1914.

[5] Напр.: Николаевское кавалерийское училище. Инструкция для младших (сменных) офицеров училища. СПб, 1900; Основные положения для введения всеобщего начального обучения в Российской империи // Всеобщее обучение: сборник законов и правительственных распоряжений. Вып. 1. 1907 – 1913 гг. / сост. К. Денисов. СПб.. 1913 и т.д.

гражданских губернаторов. Часть из них хранится в Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно) и Национальном историческом архиве Беларуси (НИАБ)[1], находящемся в Минске. Аналогичная проблематика отражена в сводках военной цензуры, сотрудники которой перлюстрировали большое количество писем с фронта[2].

Немало информации о настроениях в войсках и социально-политической обстановке, в которой несли службу офицеры в тот период, содержится в переписке организаций и должностных лиц военного ведомства по различным вопросам. Подобная информация содержится также в материалах, систематически публиковавшихся в журналах «Красный архив» и «Красная летопись»[3].

К третьей группе относятся мемуары, дневники и письма современников рассматриваемого в диссертации периода, позволяющие изучать те аспекты исследуемых явлений, которые не отражены в официальных документах. При всей их субъективности, свидетельства непосредственных участников и очевидцев событий тех лет чрезвычайно важны: здесь мы находим их мысли, настроения, чувства, понимаем, как воспринимали и оценивали действительность не только они сами, но и окружавшие их люди. Кроме того, в источниках данного типа приводится множество фактов, не зафиксированных в официальных документах.

Большое количество воспоминаний и свидетельств современников помещены в многотомном «Архиве русской революции», часть из которых используется в представленной диссертации. В число привлеченных в диссертации источников вошли мемуары военнослужащих, занимавших высшие ступени в военной иерархии. В их числе – А. И. Деникин, А. Н. Куропаткин, Н. Н. Головин, М. И. Драгомиров, В. М. Драгомиров, А. И. Верховский, А. Ф. Редигер, Ю. Н. Данилов, А. А. Брусилов и ряд других. Привлечены также мемуары рядовых офицеров: В. С. Трубецкого, А. Н. Гусева, А. Д. Люпова, Д. В. Леховича,

---

[1] Напр.: НИАБ в г. Гродно. Ф. 369. Оп. 1. Д. 127; Ф. 366 Оп. 1. Д 449; НИАБ. Ф.300. Оп. 1. Д. 69; Ф. 295. Оп.1. Д. 8591 и др.

[2] См.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905; Ф. 2085. Оп. 1. Д. 139; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1337 и др.

[3] Напр.: РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 55; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 964; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 4100 и т.д.

М. И. Лилье, Ф. А. Степуна, М. де Ноблемонта, С. И. Лучанинова, Ю. В. Макарова, Г. Н. Чемоданова, Г. К. Графа и др. Немалый интерес представляют мемуары известных российских государственных, политических и религиозных деятелей. В их числе – А. Ф. Керенский, С. Ю. Витте, В. М. Пуришкевич, М. В. Родзянко, В. И. Гурко, В. В. Шульгин, В. Д. Набоков, Г. И. Шавельский, а также высшие чины Отдельного корпуса жандармов А. В. Герасимов и А. И. Спиридович.

В диссертации используются дневники генералов М. В. Алексеева, М. С. Столицы, В. И. Селивачева, А. Н. Розеншильда-Паулина, видных политических деятелей А. С. Суворина и В. М. Пуришкевича. Важную информацию содержат воспоминания участников революционных событий. В их числе – С. Д. Мстиславский, К. М. Оберучев, М. Д. Бонч-Бруевич, А. М. Пирейко, М. Е. Кольцов, член Государственной думы и участник ареста Николая II А. А. Бубликов, политический авантюрист Г. А. Гапон.

Диссертация опирается также на мемуары германских военнослужащих: П. фон Гинденбурга, Э. Людендорфа, М. Гофмана, В. Фогеля, В. Бекмана, Э. фон Фалькенгайна, Э. фон Теттау, Ф. фон Бернгарди, Г. фон Базедова.

Кроме того, в диссертации использована частная переписка некоторых офицеров, нижних чинов, гражданских лиц. Их ценность состоит в том, что они нередко писались в период важных событий, которые отражали непосредственное восприятие и оценку происшедшего авторами писем. В письмах есть сведения о положении на местах, политических настроениях в армии, отношениях между военнослужащими и т. д. Письма являются важным историческим источником, так как они писались конкретным людям, чаще всего, родным и близким, их обнародование и ознакомление с ними посторонних лиц не предполагалось. Иными словами, с большой долей уверенности можно считать, что они отражали подлинное мнение авторов. В то же время во время Первой мировой войны письма военнослужащих проверялись военной цензурой, что не могло ими не учитываться. Необходимо также иметь в виду субъективность частной переписки, влияние на нее личности и настроения автора. Некоторая часть писем тех лет была опубликована

в специальных сборниках и журналах[1], другая часть попала на хранение в Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)[2]. Большинство же подобных источников, очевидно, вряд ли сохранились до наших дней.

Сведения об указанных в третьей группе источниках ввиду их многочисленности содержатся в списке источников и литературы.

Четвертую группу составляют дореволюционная публицистическая литература и периодическая печать начала XX века. Как уже отмечалось, публицистические монографии, посвященные армейским проблемам, до революции выходили регулярно, при этом их авторами являлись, как правило, сами офицеры и генералы. Такие труды представляют собой не только ценные источники фактической информации. В них содержатся наблюдения и размышления современников о важных проблемах армейской жизни и общества тех лет, оценки, выводы, нередко предложения по решению тех или иных вопросов. Перечень таких произведений содержится в списке источников и литературы, здесь же назовем только имена наиболее значимых, с нашей точки зрения, авторов. К ним относились Н. Д. Бутовский, М. С. Галкин, П. А. Режепо, Е. И. Мартынов, В. Л. Райковский, Д. П. Парский, А. В. Геруа, М. В. Грулев, П. А. Швейковский, В. М. Кульчицкий, А. И. Дрозд-Бонячевский, Н. П. Глиноецкий.

К числу публицистических произведений относились также разнообразные по тематике книги и брошюры, написанные как противниками действовавшей власти, так и лицами, лояльными к ней. Они посвящены актуальным проблемам тех лет: борьбе различных политических сил против самодержавия, критике деятельности государственных институтов, в том числе, армии, межнациональным отношениям, внутриармейской проблематике, снижению социального статуса

---

[1] Напр.: Из офицерских писем с фронта в 1917 г. // Красный архив. 1932. Т. 1–2 (50–51).; Царская армия в период мировой войны и Февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны) / под ред. А. Максимова. Казань, 1932; Голоса из окопов (солдатские письма 1915–1916 гг.) // Красная летопись. 1928. № 1 (25) и т.д.

[2] ГАРФ. Ф. Р-6978. Оп. 1. Д. 537, 538, 539, 533, 531, 530 и т.д.

дворянства и т. д.[1]. В четвертую группу включены и решения некоторых политических партий о революционной работе в армии[2].

В этой же группе находятся работы видных политических деятелей – В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Л. О. Мартова, Ф. И. Дана.

В диссертации используются материалы из правительственных и оппозиционных газет той поры. В их числе – «Русский Инвалид», «Искра», «Русь», «Московские ведомости», «Вестник Временного правительства», «Армия и народ». Кроме газетных публикаций, использованы статьи и материалы из журналов «Военный сборник», «Варшавский военный журнал», «Офицерская жизнь», «Русская мысль», «Вестник русской конницы», «Народная армия», «Нива». Отдельно необходимо выделить журнал «Разведчик», как наиболее репрезентативное издание, отличавшееся многообразием рассматривавшихся в нем проблем.

Значительное количество публикаций о русской армии и офицерском корпусе сосредоточено в изданиях русской военной эмиграции, прежде всего, в журнале «Военная быль»; материалы, касающиеся темы исследования, встречаются также в журналах «Первопоходник», «Вестник первопоходника», «Часовой», «Военно-исторический вестник», «Вестник союза офицеров – участников войны» и других. Как правило, авторы материалов имели большой опыт службы в армии, участвовали в Первой мировой, иногда даже в Русско-японской войне. Определенная часть этих публикаций также использована в настоящей диссертации.

Значимым изданием, в котором опубликована часть творческого наследия послеоктябрьской военной эмиграции, является многотомный Российский воен-

---

[1] Напр.: *Владимиров В.* Карательная экспедиция отряда лейб-гвардии Семеновского полка в декабрьские дни на Московско-Казанской железной дороге. М., 1906; Изнанка революции. Вооруженное восстание в России на японские средства. СПб., 1906; *Энгельман И.Г.* Воспитание современного солдата и матроса. СПб., 1908; Кровавое воскресенье в Петербурге 9/22 января 1905 г. Берлин, [б.г.]; *Семенов Н. П.* Наше дворянство. СПб., 1898 и др.

[2] См.: Памятная книжка социалиста-революционера. Вып. 1. [Б.м.], 1911.; 1914; Задачи военных организаций: резолюция первой конференция военных и боевых организаций РСДРП, 29 ноября – 5 декабря (16-22 ноября) 1906 г.// ВКП (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 2 ч. М., 1936. Ч. I. и др.

ный сборник, подготовленный в Военном университете Министерства обороны Российской Федерации[1].

Сведения об указанных в этой группе источниках приводятся в списке источников и литературы.

Пятая группа – статистические и справочные издания. В их числе – военно-статистические ежегодники армии, издававшиеся типографским способом под грифом «секретно». Эти документы объемом до 550 страниц каждый издавались трижды и содержали сведения об армии за 1910, 1911 и 1912 годы соответственно[2]. В них приводились самые разнообразные данные, от списочного и штатного состава офицеров по родам войск и округам до семейного положения и национальности. Определенную информацию, используемую в настоящей работе, содержали также статистические ежегодники, издававшиеся министерством внутренних дел[3].

В эту же группу включены также неофициальные статистические справочники начала прошлого века, которые позволяют уточнить материальное положение военнослужащих, данные о продвижении по службе, численности офицеров и т.д. К аналогичным источникам относятся «Всеобщие календари», которые также представляли собой объемные справочные издания[4].

---

[1] Российский военный сборник. Вып. 6: Русское зарубежье. Государственно-патриотическая и военная мысль. М., 1994; Российский военный сборник. Вып. 16: Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999; Российский военный сборник. Вып. 17: Офицерский корпус русской армии. Опыт опыт самопознания. М., 2000 и др.

[2] Военно-статистический ежегодник армии за 1910 год. СПб., 1911; Военно-статистический ежегодник армии за 1911 год. СПб.. 1913; Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. СПб., 1914.

[3] Напр.: Статистический ежегодник России за 1913 г. Спб., 1914; Статистический ежегодник России за 1915 г. Спб., 1916 и др.

[4] *Рубакин Н.А.* Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. Опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства. СПб., 1912; *Бернштейн-Коган С.* Численность, состав и положение петербургских рабочих: опыт статистического исследования. СПб., 1910; *Пажитнов К.А.* Современная дороговизна на Западе и в России. Харьков, 1912; Всеобщий календарь на 1895 г. СПб., 1894; Всеобщий календарь на 1903 г. СПб., 1903 и др.

Кроме дореволюционных изданий, в диссертации использованы советские и современные статистические исследования[1].

Труды видных российских юристов начала XX в. помогают уточнить место офицерства в сословно-классовой структуре российского общества начала XX в., определить возможность стать офицером представителям некоторых национальностей, выявить тяжесть наказаний, выносившихся военно-полевыми судами[2] и многое другое.

В группу включены также справочные и служебные книжки для офицеров русской армии, выходившие практически ежегодно. Несмотря на то, что большинство таких книжек выпускалось в частном порядке, некоторые из них рекомендовались офицерам для использования Главным штабом. Они представляли собой сборники сведений объемом от 800 до 950 страниц, содержавших массу информации из официальных источников об офицерской службе и военном деле[3].

В завершение данного параграфа необходимо отметить, что во многих дореволюционных изданиях и документах при упоминании конкретных лиц нередко назывались *только фамилии, без инициалов, или же инициалы приводились не полностью.* Поэтому в диссертации встречаются как фамилии с полными инициалами, так и без инициалов, или же приведены фамилии и сокращенные инициалы (первая буква имени). Это вызвано тем, что установить инициалы многих рядовых офицеров и гражданских лиц представляется весьма затруднительным.

---

[1] *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1813–1913): статистические очерки / под ред. С.Г. Струмилина. М., 1956; Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / Под общей ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001 и др.

[2] *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. В 2 т. / под ред. М.Б. Горенберга. 6-е изд. СПб., 1909; *Дерюжинский В. Ф.* Полицейское право. Пособие для студентов / 2-е изд., доп. СПб., 1903; Смертная казнь: сб. статей Н.С. Таганцева. СПб., 1913; Руководство к русским законам о евреях / сост. М.И. Мыш. 4-е изд., пересмотр. и доп. СПб, 1914 и др.

[3] Напр.: Настольная справочная книжка для строевых обер-офицеров / сост. гвардии штабс-капитан Егоров / Изд. 4-е. СПб., 1913; *Гофман Г.Э.* Служебная книжка строевого офицера / исп. и доп. И. Защук / Изд. 19-е. Пг., 1916; Справочная книжка для офицеров / сост. В. Малинко / Изд. 9-е. М., 1917; *Зайцев В.Н.* Руководство для адъютантов / Изд. 11-е. СПб., 1908 и др.

1.4. Методология и методы исследования

Автором используется диалектический метод познания, прежде всего, **системный подход** как общенаучное методологическое направление. Представляется, что именно такой путь, когда любой объект исследования рассматривается как система, непременным свойством которой являются развитие и постоянное изменение присущих ей характеристик, в наибольшей мере соответствует научному познанию. Каждый объект исследования изучается как совокупность составляющих, которые образуют его внутреннюю структуру, и одновременно как часть некой большей системы. Иными словами, научное познание возможно при исследовании объекта во взаимодействии его внутренних составляющих и совокупности внешних отношений и связей. Еще Г. В. Ф. Гегель указывал: «… рассматривать вещи сами по себе, с одной стороны, в их всеобщности, с другой – не отклоняться от них, хватаясь за побочные обстоятельства, … а иметь в виду единственно лишь эти вещи и доводить до сознания то, что в них имманентно»[1].

При изучении военно-антропологических аспектов в диссертации применяется **междисциплинарный подход**. Так, при помощи метода психолого-исторической реконструкции офицерство анализируется как бы «изнутри»; делаются попытки воссоздать их систему ценностей, стремления и цели, менталитет, мотивацию деятельности, особенности психического склада офицеров, их поведение в экстремальной обстановке и т.д. Используются некоторые методы социальной истории, которая, в отличие от истории политической и военной, дает возможность анализировать такие проблемы, как общество и человек, социальный слой и общество в целом, их взаимоотношения, повседневную жизнь и т.п. Используются также социологические методы, позволяющие изучать проблемы межличностного взаимодействия.

В соответствии с принципом **объективности** соискателем сделана попытка проанализировать основные тенденции развития офицерства, рассмотреть сово-

---

[1] *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики: в 3 т. / отв. ред. М.М. Розенталь. М.: Изд-во «Мысль», 1970–1972. Т. 3. С. 295.

купность фактов, характеризовавших русский офицерский корпус в начале XX столетия. После анализа частностей был проведен их синтез, то есть, объединение в единое целое, затем сделаны обобщения, выводы, сформулированы исторические уроки. Автор не рассматривает историю корпуса офицеров с позиций той или иной идеологии, не стремится отобразить картину прошлого, соответствующую точке зрения какой-либо партии. Внимание сосредоточено на всестороннем изучении офицерства, как социально-профессионального слоя, жившего и действовавшего в один из самых сложных периодов российской истории, показе того, как все это происходило в исторической действительности. В то же время автор понимает: несмотря на объективность исторической реальности, вряд ли существуют исследования, в которых полностью отсутствуют элементы субъективного подхода.

Одной из важнейших основ данного исследования является **принцип историзма**. В этой связи необходимо отметить, что по-прежнему актуальна следующая мысль В.И. Ленина. «… Не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»[1].

Изучение связи между ступенями развития, исследование возникновения одного явления из другого, конкретно – исторический анализ всех явлений в связи друг с другом позволяют избежать профанации науки и следовать путем научного познания. Значимость историзма определяется и тем, что он содержит два важнейших требования к пониманию прошлого: изучать историю как развивающийся и закономерный процесс и в то же время учитывать индивидуальность явлений, их обусловленность лишь им присущими обстоятельствами. Последнее дает возможность исследовать в объектах не только общее и особенное, но и единичное.

---

[1] *Ленин В.И.* О государстве // Полн. собр. соч. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1960–1975. Т. 39. С. 67.

Следуя **принципу детерминизма**, диссертант исходит из обусловленности исторических процессов, стремится раскрыть причинно-следственные связи изучаемых явлений, выявить причины тех или иных феноменов в жизни и деятельности офицерства. В процессе написания диссертации автор учитывал, что чаще всего те или иные исторические явления вызываются действием не отдельных факторов, а их комплексом, каждый из которых необходимо исследовать.

В то же время автор считает неверным отрицать роль случайности в истории. Это происходит тогда, когда связи между явлениями не носят неизбежного характера и, в зависимости от обстоятельств, могут либо проявиться, либо не проявиться; в результате возможны непредвиденные события. Случайность представляет собой совокупность не в полной мере исследованных или же вовсе не изученных причинно-следственных связей. Например, так может быть, когда речь идет о причинах тех или иных решений императора, Верховного Главнокомандующего, высокопоставленных военачальников и т. д. Вызывалось это тем, что на них влияли ближайшее окружение, свойства собственной личности, тот или иной вариант предлагавшегося разрешения проблемы, оценка внешней и внутренней ситуации и множество других факторов. Из этого, однако, не следует делать вывод, будто в историческом развитии отсутствуют закономерности, а исторические события носят случайный характер.

Проблемы и пути их разрешения, исследуемые в диссертации, раскрываются через **принцип диалектического противоречия.** Эволюция офицерского корпуса показывается как следствие борьбы противоположных сторон, ему присущих. В их числе, например, несоответствие уровня боевой подготовки офицеров в период Русско-японской войны требованиям военной науки, и снятие этого противоречия путем военной реформы. При опоре на этот принцип рассматривается вопрос о снижении социального статуса кадровых военнослужащих в начале XX в., восприятие офицерством революционных событий в феврале 1917 г. и др.

В диссертации используются также специально-исторические методы, основанные на философских общенаучных методах. В их числе – **историко-генетический метод,** направленный от «прошлого к настоящему», способствующий выявлению причинно-следственных связей, рассматривающий генезис конкретных явлений и процессов. При этом автором учитывалось не только развитие процессов и явлений, но и их относительная устойчивость, особенно характерная для такой консервативной организации, как армия.

Применяется также **ретроспективный метод**, имеющий иную направленность – от следствия к причине, «от настоящего к прошлому», предоставляющий возможность реконструировать прошлое по сохранившимся его элементам, уточнить этапы формирования и развития того или иного явления, в том числе сравнивая его с подобными современными объектами. Зная итоги развития явления в прошлом, можно глубже изучить его динамику, обстоятельнее исследовать причины происходивших процессов и событий, на основе известных фактов выявить закономерности в развитии объекта.

Историко-сравнительный метод позволил раскрыть динамику изменений в армии после Русско-японской войны 1904 –1905 гг., в том числе в области реформирования военного образования, чинопроизводства, прохождения службы, настроений офицерства в довоенное время и в период мировой войны и т. д. При этом сравнение осуществлялось на конкретных фактах, отражавших существенные признаки явления, а не формальную его сторону. Например, таким способом было установлено, что уровень общего образования лиц, поступавших в военные училища, созданные на базе юнкерских, изменился незначительно. Данный метод предоставляет также дополнительные возможности при изучении различных аспектов военно-исторической антропологии, особенно в период войны. Например, он был использован при сопоставлении психологических особенностей и профессиональной подготовки кадровых офицеров и офицеров военного времени.

Синхронный метод способствовал изучению событий, происходивших в одно и то же время. В силу того, что разнообразные явления в обществе и стране

были закономерно взаимосвязаны, данный метод позволил раскрыть эти связи, более точно охарактеризовать те или иные процессы и события, проанализировать влияние на армию как совокупности внешних и внутренних факторов, так и каждого из них по отдельности.

Использование **историко-типологического** метода предполагает группировку явлений по общим критериям, что дало возможность диссертанту выявить, например, причины многочисленных фактов дискриминации и даже солдатского террора в отношении офицеров в 1917 г.

Историко-системный метод позволил вычленить офицерский корпус, как исследуемую систему из иерархии систем, определить его внутреннюю структуру, проанализировать связь с системами более высокого уровня – армией в целом, обществом и властью.

Применение **метода периодизации** способствовало выделению определенных этапов в развитии некоторых количественных и качественных характеристик офицерского корпуса. В то же время следует подчеркнуть, что точно назвать месяц или даже год начала нового периода возможно далеко не всегда: изменения, чаще всего, носили эволюционный характер, фиксировалось лишь общее направление развития.

Статистический метод применялся при создании базы количественных показателей, требующихся для характеристики эволюционных изменений офицерства, как социально-профессионального слоя.

Представляется необходимым подробнее рассмотреть вопросы о **методе исследования уровня боевой подготовки и методе морально – психологического состояния офицерского состава в боевых условиях (в военное время),** ввиду особенностей данной проблемы. Решение первого вопроса осложняется тем, что методы такой оценки в условиях войны практически не разработаны, в отличие от условий мирного времени. Например, в русской армии некоторые указания, касавшиеся оценки тактической выучки офицеров в мирное время, содержались в рекомендациях, предназначавшихся для руководителей учений и посредников. Они касались обороны, атаки, походного движения,

расположения на отдыхе и т. д.[1]. Однако эти указания не могли быть использованы в боевой обстановке, в силу большого количества условностей и установленных ограничений, а также невозможности проводить такую проверку во фронтовых условиях.

В современных условиях в мирное время оценку боевой подготовки отдельных военнослужащих (в том числе, офицеров), а также подразделений и частей можно произвести в соответствии со специальными методиками, существующими в ряде армий стран СНГ. Так, в Вооруженных Силах Российской Федерации составляется программа проверки, определяется перечень проверяемых предметов, в соответствии с установленными критериями выставляются оценки за теоретические знания и практические действия («отлично», «хорошо», «удовлетворительно», «неудовлетворительно»). Однако в боевых условиях подобный подход вряд ли возможен. Вероятно, именно поэтому соответствующие методики для военного времени не разработаны (во всяком случае, несекретные) ни в Российской Федерации, ни в Республике Беларусь.

В вооруженных силах США еще в 1960-е годы стали уделять особое внимание разработке и совершенствованию математических моделей боя, учитывающих максимальное количество факторов, влияющих на ход и исход вооруженного противоборства. По мнению американских специалистов, наиболее эффективными способами моделирования боевых действий является создание математических моделей боя на основе анализа операций Второй мировой войны и некоторых более поздних войн. Была разработана теория математического представления боя, базирующаяся на математической модели КОМ – «Количественная оценочная модель». Пентагон признал КОМ лучшей из существующих моделей боевых действий. В результате исследований боев периода Второй мировой войны были выведены математические формулы, одна из которых предназначалась для вычисления относительной боеспособности сторон, другая – для определения исхода боя. Эксперименты показали, что формулы позволили практически точно

[1] Справочная книжка для офицеров / сост. В. Малинко. 7-е изд. М., 1915. С. 755–853.

восстановить и описать свыше 90 % анализировавшихся боев. Оценка их исхода выводилась с учетом того, насколько каждой из сторон удалось выполнить свою боевую задачу, способности противоборствующих захватывать и удерживать позиции, а также эффективности действий обеих сторон с точки зрения понесенных потерь. В результате стало возможным вычислять коэффициент боеспособности войск противоборствовавших противников, прогнозировать показатели боевых потерь и потребности в пополнении личным составом. Возникшие в некоторых случаях противоречия между реальными результатами боевых действий и рассчитанными по формуле были преодолены тогда, когда стал браться в расчет фактор внезапности действий одного из противников и некоторые другие переменные факторы боя[1]. Иными словами, математическое моделирование способствовало решению целого ряда задач военной истории. Однако способов, при помощи которых можно *дать оценку качества (уровня) боевой подготовки офицеров в условиях войны*, «Количественная оценочная модель» не предлагает. Не случайно один их современных российских ученых, говоря об использовании математических процедур в исторической науке, указывает на существующие проблемы. «Центральная проблема математического моделирования в исторической сфере заключается в том, что натурный эксперимент здесь затруднен или даже невозможен… <… > Мы не имеем универсального математического аппарата, надежность и адекватность которого была бы раз и навсегда доказана для абсолютно всех задач»[2].

Можно предположить, однако, что постепенно математика достигнет такого развития, которое позволит решать большинство исторических проблем. В наше время зарождается наука, которая еще не имеет общепринятого названия, и ученые называют ее исторической математикой, математической историей или клиодинамикой. «…Дальнейшее развитие истории настоятельно требует от математиков создания специальных математических процедур, направленных на решение

---

[1] См.: *Андреев Б.* Использование исторического опыта при моделировании боевых действий // Зарубежное военное обозрение. 1978. № 6. С. 21– 25.

[2] *Митюков Н. В.* Математические модели и программные средства для реконструкции военно-исторических данных: автореф. дис. … докт. тех. наук. Ижевск, 2009. С. 1.

сугубо исторических задач»[1]. По всей видимости, отсутствие подобных математических моделей обусловило тот факт, что в отечественной и зарубежной историографии нет трудов, посвященных уровню боевой подготовки командного состава не только в годы Первой мировой войны, но и какой-либо другой. Некоторое исключение представляет лишь рецензия А. А. Смирнова[2] на монографию И. Н. Гребенкина «Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг.».

Рецензент на основе собственного подхода анализирует тактическую подготовку ряда должностных категорий в русской армии, при этом он опирается на ряд конкретных боевых примеров 1914 года. В работах некоторых других отечественных историков, в которых затрагиваются вопросы управления войсками, уровень боевой подготовки командного состава не исследуется, даются лишь общие оценки деятельности военачальников в военное время[3].

В трудах зарубежных историков, посвященных военной проблематике, приводятся оценочные характеристики боевой подготовки германской и британской армий в 1914 –1918 гг., однако они изложены в самом общем виде. В них доказывается, что немецкое командование обращало серьезное внимание на подготовку войск к бою и развитие инициативы, в то время как в британской армии требовалось послушание и строгое исполнение намеченных планов. Кроме того, в этих работах описывается эволюция германской оборонительной и наступательной

---

[1] Там же. С. 2.

[2] *Смирнов А.А.* И.Н. Гребенкин. Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. Рязань, 2010 // Русский сборник: исследования по истории России. Т. XIII. М., 2012. С. 415–476.

[3] *Порошин А.А.* О некоторых уроках управления русской армией в 1916 г. // Доклады академии военных наук. Серия: Военная история. 2006. №. 5 (23). С. 140–146; *Он же.* Полководческое становление главнокомандующих армиями фронтов Первой мировой войны. Саратов, 2011; *Он же.* Проигравшие победители. Русские генералы. М., 2014; *Олейников А.А.* Успешные генералы забытой войны. М., 2014; *Он же.* Высший командный состав противников в годы Первой мировой войны на Восточном фронте 1914 –1917 гг. Ч. 1 // Рейтар. 2009. № 46 (4). С. 203–216; Ч. 2. Рейтар. 2010. № 47 (1). С. 150 –165; Генералы Великой войны / сост. Р. Г. Гагкуев. М., 2014 и др.

тактики и т.д. Однако каких-либо методов исследования уровня боевой подготовки не показывается[1].

Таким образом, оценка уровня боевой подготовки русского офицерства в годы Первой мировой войны представляет собой достаточно сложную проблему, решить которую полностью в настоящее время затруднительно. Однако вовсе не затронуть ее нельзя, ибо без этого элемента невозможна комплексная характеристика офицерства, заявленная в теме диссертации, равно как невозможен ответ на вопрос, способен ли был офицерский состав русской армии решать боевые задачи в соответствии с предназначением.

В связи с вышеизложенными обстоятельствами автор диссертации при исследовании проблемы боевой подготовки исходит из следующего. Боевая подготовка являлась и является главной частью многогранной подготовки вооруженных сил к выполнению боевых задач. В свою очередь, тактическая подготовка представляет собой важнейшую составляющую боевой подготовки, а «сердцевину тактики как теории и практики ведения боя, составляет искусство управления войсками. <…> Без управления нет боя. Если знания, умения и навыки каждого военнослужащего приводят в действие отдельные образцы вооружения, боевой техники в составе первичных войсковых подразделений (отделения, расчета, экипажа), то система управления войсками реализует потенциальные возможности всех войсковых формирований в их совокупности… . Только посредством управления представляется возможным реализовать на практике замысел боя…»[2].

Не случайно военные специалисты подчеркивают, что «от качества управления войсками всегда зависел успех боя: умелое руководство… способствовало разгрому противника…»[3].

---

[1] *Samuels M.* Command or Control? Command, Training and Tactics in British and German armies, 1888–1918. L., 1995; *Gudmondsson B.* Stormtroop Tactics: Innovation in German Army 1914–1918. N. Y., 1989; *Macksey K.* Why the Germans loose a War: the Myth of German Military Superiority. L., 1996; *Newland S. J.* Victories are not enough: Limitations of the German way of war. Carlisle, PA, 2005; *Showalter D.* From Deterrence to Doomsday Machine: The German Way of War, 1890–1914 // Journal of Military History. 2000. № 64. P. 679–710; *Hull I. V.* Absolute Destruction. Military culture and the practices of war in imperial Germany. Cornell, 2006.

[2] *Воробьев И.Н.* Тактика – искусство боя. М., 2002. С. 292.

[3] Тактика / Под ред. В.Г. Резниченко. 2 изд. М. Воениздат, 1987. С. 91.

Ввиду данного обстоятельства автор сосредоточил свое внимание на характеристике умения командиров и начальников различного ранга управлять войсками в условиях войны. Для более точной характеристики различных категорий должностных лиц они условно разделены на две категории: 1) строевые офицеры, от субалтерн-офицеров до командиров батальонов в пехоте и им равных в других родах войск, а также командиры частей 2) высший командный состав – командиры (командующие) соединений и объединений.

Следует отметить, что главным в вооруженном противоборстве традиционно считалось достижение намеченной цели**,** воплощавшееся в результатах боевых действий. Именно поэтому *основным критерием* профессионализма командного состава в боевых условиях автор предлагает считать умение управлять войсками, как квинтэссенцию тактической подготовки, рассматриваемое через призму результатов вооруженного противоборства.

Этот критерий охватывает многие сферы тактической подготовки, так как управление войсками представляет собой комплексное понятие, и включает целый ряд составляющих. В их числе – сбор данных об обстановке, принятие решения, планирование боя, доведение задач до подчиненных. Не менее важны непосредственное руководство подготовкой подчиненных сил к выполнению боевых задач, поддержание взаимодействия, проведение мероприятий по боевому, тыловому и техническому обеспечению, осуществление контроля и т. д.[1].

В качестве дополнительного критерия будет использовано проявление разумной инициативы в бою, ибо она позволяет говорить о гибком и творческом осмыслении тактики, а не зазубривании ее постулатов, как неких рецептов по достижению цели боя.

В целом же, управление подчиненными войсками в боевых условиях представляло собой способы выполнения необходимых в бою действий, сформированных в процессе обучения офицеров и направленных на выполнение боевой задачи.

---

[1] *Воробьев И.Н.* Тактика – искусство боя. С. 293.

Безусловно, предлагаемый критерий не совершенен и не универсален. Он не учитывает напрямую потери личного состава, вооружения и военной техники, разнообразного рода случайности, происходившие на войне, действия командиров соседних подразделений, частей, соединений и т.д., влиявшие на ход боя и многое другое. В то же время, используя его в качестве мерила оценки, можно получить общее представление о действиях командного состава в боевой обстановке. Дать более детальную характеристику уровня подготовки офицерского состава не представляется возможным в силу действия следующих факторов:

на протяжении более чем трех лет в боевых действиях принимали участие сотни тысяч офицеров. Какие-либо статистические данные об общем количестве боев различного масштаба, ударов, маневров, сражений, операций, происшедших в годы Первой мировой войны на Русском фронте, отсутствуют, как отсутствуют и обобщающие данные об их результатах. Соответственно, нет и обобщенных сведений, которые могли бы охарактеризовать качество управления войсками со стороны офицерского состава;

действия командного состава русской армии по управлению войсками в годы Первой мировой мировой войны описаны в весьма значительном числе архивных источников, опубликованных документов, сообщений официальной прессы, публицистических трудов. Изучить их все или хотя бы значительную часть возможно, по мнению диссертанта, лишь силами большого коллектива исследователей и специалистов по истории военного искусства времен Первой мировой войны;

как уже отмечалось, какие-либо апробированные методики оценки боевой подготовки офицерского состава в военное время отсутствуют.

При освещении уровня боевой подготовки офицерства в настоящей диссертации, автор пришел к выводу, что обойтись без боевых примеров невозможно, вследствие чего возник вопрос о репрезентативности выборки. А. А. Смирнов в своей рецензии, анализируя качество боевой выучки в военное время, использует метод анализа случайной выборки. Он опирается примерно на 80 источников и исследовательских работ, отмечая при этом, что

«… ограниченное количество тех и других… компенсируется случайностью выборки: типичное в такой всегда будет отражено»[1].

Автор настоящей диссертации солидарен с подобным подходом, иначе выявить типичное в действиях офицеров при управлении войсками, вряд ли возможно. В то же время получить представление об уровне их тактического мастерства в военное время, по мнению автора диссертации, очевидно, можно, и с достаточно высокой степенью достоверности.

Однако подход, использовавшийся А. А. Смирновым, по-видимому, требует значительной доработки, ввиду чего он был дополнен несколькими элементами:

исходя из того, что полноценная оценка управления войсками в военное время, на нынешнем этапе развития исторической науки затруднена (ввиду указанных выше обстоятельств), изменен подход к ее характеристике. Предлагается отказаться от использования неконкретных формулировок, в своей основе не имеющих каких-либо критериев: «достаточно высокая», «невысокая», «удовлетворительная», «хорошая» и прочих, использующихся в отечественной историографии. Взамен предлагается характеризовать подготовку командного состава, путем выяснения следующего: *была ли способна* та или иная категория должностных лиц решать боевые задачи в соответствии с предназначением, или же *неспособна*;

при рассмотрении боевых действий необходимо учитывать и показывать их результаты, прежде всего, достигнуты ли цели боя (сражения, операции и т.д.), в то время как А. А. Смирнов характеризует подготовку офицеров без привязки к результатам вооруженного противоборства. Между тем, как уже отмечалось, именно достижение требующихся результатов должно лежать в основе оценки подготовки командиров и начальников всех уровней. Поэтому характеристика управления войсками включает итоги не только широкомасштабных боевых действий, но и локальных боев;

---

[1] *Смирнов А.А.* Указ. соч. С. 425.

в целях расширения репрезентативности выборки увеличено количество источников и трудов, содержащих информацию о боевых действиях и использованных в ходе исследования. Их число доведено почти до 200, хотя в силу ограниченности объема диссертации не все из них приведены в тексте. Однако они также учитываются при формулировании выводов, характеризующих уровень подготовки офицерства. В силу необходимости использования примеров при характеристике управления войсками, соответствующий параграф 4.3. по объему несколько превышает все остальные.

Следует также отметить, что оценка качества боевой подготовки русского офицерства в настоящей диссертации носит, как писал Н.Н. Головин, «утилитарный» характер. Иными словами, она характеризуется в соответствии с требованиями военной теории и практики того времени, а не с позиций современного уровня развития военного дела или рассмотрения того, насколько глубоко офицеры понимали сущность «элементов и явлений войны» как «явления социальной жизни»[1].

Представляется, что такой метод (подход) позволяет в определенной степени оценить боевую подготовку офицерства, хотя и не в полной мере, так как он не предполагает ее подробный анализ. По мнению диссертанта, это является предметом исследования военной науки. С точки зрения последней необходима опора на основы тактики и стратегии той эпохи, формы и способы военных (боевых) действий, практику применения вооружения и военной техники тех лет и многое другое. Кроме того, требуется подробное изучение значительного количеств боев, ударов, операций, сражений, маневров в разные периоды войны, на различных фронтах, против войск различных стран германского блока и т. д. Но это не входит в содержание специальности 07.00.02 «Отечественная история», следовательно, не относится к настоящей диссертации.

Метод исследования проблемы морально-боевых качеств и морально-психологического состояния офицерства. Не менее значимую роль в жизни и

---

[1] См. *Головин Н.Н.* Наука о войне. О социологическом изучении войны. Париж, 1938. С. 19.

службе офицерства, особенно в военное время, играл моральный фактор, во многом определявший его способность и готовность к решению боевых задач. Этот фактор представлял собой достаточно динамичное явление, на него влияло морально-психологическое состояние людей, в свою очередь, воздействующее на проявления морально-боевых качеств.

Метод оценки морально-боевых качеств и морально-психологического состояния командного состава русской армии в годы Русско-японской войны 1904 – 1905 гг. и Первой мировой войны, предлагаемый автором, включал следующие этапы:

выбор объекта оценки, которым избран командный состав действующей армии, принимавший участие в боевых действиях;

определение предмета оценки, которым стали морально-боевые качества и морально-психологическое состояние офицеров и генералов русской армии;

выбор показателей (критериев), являющихся качественной характеристикой предмета оценки. Ими стали наличие и проявление офицерством необходимых морально-боевых качеств в военное время, а также морально-психологическая устойчивость, как важнейший параметр морально-психологического состояния. Устойчивость характеризуется значимостью для офицеров понятия воинская честь, внутренней готовностью выступить в любой момент на защиту Отечества, способностью к самопожертвованию, когда этого требует выполнение боевой задачи. Важнейшими показателями морально-психологической устойчивости являются также верность присяге, личная храбрость офицеров, способность руководить подчиненными в опасных ситуациях, мужество высшего командного состава. Квинтэссенцией всего перечисленного является поведение на поле боя;

определение методов оценки морально-психологического состояния офицерства. Основным из них является диалектический метод, как всеобщий метод познания. В числе прочего, его значимость состоит в том, что он позволяет сформулировать требования диалектической логики, придерживаясь которых можно обеспечить научный характер оценки. Кроме того, использованы такие общенаучные методы, такие, как анализ, синтез, аналогия, обращение к прежнему опыту.

Безусловно, каждому из этих методов присущи свои недостатки, однако их совокупное использование позволяет приблизиться к достоверной оценке рассматриваемой проблемы;

выбор источников информации, которыми стали, главным образом, различные документальные источники тех лет, позволяющие проанализировать поведение офицеров в боевых условиях. Случайная выборка из достаточно большого количества таких источников, включающего свыше 200 документов, помогла выявить присущие офицерам морально-боевые качества, а также охарактеризовать их морально-психологическое состояние в конкретный период времени. При помощи полученных таким путем данных выявлена нравственная сторона сознания офицеров, степень их психологической устойчивости, готовность к выполнению воинского долга, в том числе, с риском для жизни.

В целом морально-психологическое состояние командного состава предлагается оценивать, как здоровое или нездоровое, в чем автор диссертации солидарен с автором одной из современных методик[1].

Для более корректной дифференциации уровня морально-психологического состояния военнослужащих внутри каждой из этих общих оценок существует своего рода градация. Она выглядит следующим образом: здоровое состояние подразделяется на отличное (высокое), хорошее (среднее, стабильное), удовлетворительное (минимально допустимое). Нездоровое состояние градуируется как нежелательное, недопустимое (крайне нежелательное)[2].

Выводы по главе 1

Отечественными и зарубежными историками проведена немалая работа по изучению офицерского корпуса русской армии начала XX столетия. В последние годы исследования в этом направлении в России активизировались, о чем

---

[1] *Тютченко А.М.* Системный анализ понятия морально-психологического состояния военнослужащих и его оценки // Системная психология и социология. 2011. № 4 (11). С. 37–49.
[2] Там же. С. 45.

свидетельствует регулярная зашита диссертаций, в том числе, докторских, а также выход в свет монографий, статей, биографических справочников и сборников научных трудов. В результате получены новые научные знания по истории русского офицерства рассматриваемого периода. Однако труд, в котором офицерство рассматривалось бы как социально-профессиональный слой, в совокупности всех главных сторон его жизни и деятельности, на данный момент отсутствует.

Наиболее разработанным представляется направление, связанное с характеристикой корпуса офицеров Генерального штаба. Однако в трудах, посвященных этой принципиально важной, но немногочисленной группе офицеров, генштабисты рассматриваются в основном с точки зрения элитологии, отношений с властью, влияния на принятие тех или иных решений в военно-политической сфере. В силу данного обстоятельства, многие вопросы их жизни и службы не рассмотрены.

Отдельные вопросы истории русского офицерства затронуты в зарубежной историографии. Однако в большинстве работ, в которых рассматривается русская армия, она предстает целиком, офицерство, как предмет исследования, отдельно не выделяется. При этом в западной историографии заметно как преуменьшение вклада русской армии в победу Антанты над государствами Четверного союза, так и недооценка роли командного состава в боевых действиях и управлении войсками. Это касается, в том числе трудов, вышедших в период, когда отмечались 90-летняя и 100-летняя годовщины начала Первой мировой войны. Ряд работ западных историков, как представляется, носят отпечаток политической ангажированности. Некоторым исключением стал труд американского историка Д. Стоуна «Русская армия в Великой войне: Восточный фронт, 1914–1917», вышедший в свет в 2015 году. Роль русской армии здесь показана более объективно, несмотря на то, что вопросы, связанные с ее командным составом, практически не рассматриваются.

Более широкий круг вопросов рассмотрен в эмигрантской историографии, но и там специальные научные труды, посвященные офицерству, отсутствуют.

Соответственно, многие вопросы, непосредственно связанные с всесторонней характеристикой офицерства начала XX столетия, отражены в научных работах недостаточно, иной раз – поверхностно. Как правило, показаны только некоторые стороны жизни и службы русского офицерства, относящиеся, главным образом к периоду революционных событий 1917 г.

Что касается трудов, в которых офицерский корпус рассматривался бы в совокупности входивших в него групп, в их диалектическом единстве, на основе анализа главных составляющих жизни и службы, в мирное и военное время, то они практически отсутствуют, как в зарубежной, так и отечественной историографии. Малоизученными остаются важнейшие характеристики офицерского корпуса. В их числе – положение офицерства в обществе, его социальный статус, внутренняя структура корпуса офицеров и взаимоотношения между составлявшими его группами, социально-психологические особенности командного состава. Не исследованы должным образом служебная деятельность и уровень жизни офицерства, его боевая подготовка и морально-боевые качества, роль и место в период революционных событий. Соответственно, отсутствует целостное представление о русском офицерства, как социально-профессиональном слое, не выявлены тенденции его развития в XX столетии, не сформулированы исторические уроки, использование которых могло бы способствовать строительству современных Вооруженных Сил Российской Федерации. Иначе говоря, анализ зарубежной и отечественной историографии позволяет высказать суждение о том, что до настоящего времени отсутствует труд, в котором заявленная в данной диссертации тема была бы исследована комплексно и всесторонне.

Корпус источников, используемых в диссертации, включает не только основные законы, касавшиеся армии, но и значительное количество подзаконных актов, принимавшихся на основе и во исполнение законов и призванных конкретизировать их положения к особенностям различных ситуаций. В число источников включены также архивные материалы, делопроизводственные документы, дореволюционная периодическая печать, справочно-информационные и статистиче-

ские издания. Привлечен широкий круг научной литературы, в том числе монографии, статьи, диссертации и авторефераты диссертаций. В целом, как представляется, использованные источники и литература позволяют решить намеченные научно-исследовательские задачи и осветить проблему в целом.

В диссертации используются общепринятые методы научного исследования, как общие, так и специальные исторические. Кроме того, для оценки уровня боевой подготовки офицеров в военное время и их морально-психологического состояния в годы мировой войны, автором предложены соответствующие способы (ввиду того, что таковые отсутствуют как в исторической науке, так и в военном деле).

ГЛАВА 2. ОФИЦЕРСТВО КАК ОСОБЫЙ СОЦИАЛЬНО - ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СЛОЙ

2.1. Комплектование армии офицерскими кадрами

Эффективность функционирования любой государственной структуры во многом зависит от ее руководителей. В армии данный фактор приобретает исключительное значение, прежде всего, в силу специфики социальных отношений, присущих военной организации. «Качество состава корпуса офицеров имеет решительное влияние на качество всей армии. <…> Каковы офицеры, такова и армия»[1], – писал один из военных теоретиков конца XIX – начала XX столетий.

Некоторые аспекты комплектования русской армии офицерским составом излагаются автором в одной из опубликованных статей[2]. В настоящей диссертации рассмотрим проблему шире.

Главным предназначением офицерства в тот период являлось обучение нижних чинов военному делу и управление войсками в боевой обстановке[3]. Решение подобных задач было невозможно без соответствующего образования и профессионально-должностной подготовки, что убедительно подтвердила Русско-японская война 1904–1905 гг.

В рассматриваемый в диссертации период времени комплектование армии офицерскими кадрами происходило тремя способами. Ими были: выпуск из военных или юнкерских училищ; производство в офицерский чин унтер-офицеров, отвечавших предъявлявшимся требованиям; прием на действительную службу отставных офицеров и офицеров запаса, а также перевод в армию из других ведомств[4].

---

[1] *Гольц К., фон дер*. Вооруженный народ: Сочинение об устройстве армий и образе ведения войны в наше время / пер. с нем. СПб., 1886. С. 45, 54.
[2] *Суряев В.Н.* Комплектование корпуса офицеров русской армии: образовательный ценз (1900–1914 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1. С. 114–122.
[3] Офицер // Военная энциклопедия: в 18 т. / под ред. В.Ф. Новицкого и др. СПб.; Пг., 1911–1915. Т. 17. С. 234.
[4] Комплектование // Военная энциклопедия: в 18 т. Т. 13. С. 89.

Военно-учебные заведения (военные, юнкерские и специальные училища) являлись главным источником пополнения офицерского состава. Например, в 1907 г. из них было выпущено 1906 человек. Кроме того, 93 человека были произведены в офицерский чин из унтер-офицеров, 254 определены на службу из запаса, 30 – из отставки, 56 переведены из других ведомств[1]. Подобная тенденция сохранялась в течение всего рассматриваемого в диссертации периода. Так, в 1910 г. офицерский корпус был пополнен следующим образом: 2357 человек выпущены из училищ, произведены в офицерский чин 39 унтер-офицеров из войск, поступили на действительную службу 141 офицер запаса и 42 офицера в отставке[2]. В годы Первой мировой войны комплектование офицерского корпуса имело свою специфику, о чем будет сказано далее.

В мирное время главными звеньями системы военно-учебных заведений в России являлись:

а) кадетские корпуса, а также общие классы Пажеского Его Императорского Величества корпуса, в которых воспитанники получали общее среднее образование. Они предназначались для обучения и воспитания детей и подростков, готовившихся впоследствии поступить в военные училища и стать офицерами;

б) заведения, готовившие молодых людей к службе в качестве офицеров. Таковыми были военные и юнкерские училища (существовали до 1910 г.), в которых готовили офицеров для службы в кавалерии и пехоте, а также инженерное, военно-топографическое и артиллерийские училища, называвшиеся специальными. Кроме того, в эту группу входили специальные классы Пажеского Его Императорского Величества корпуса. Все эти военно-учебные заведения готовили офицеров соответствующих родов оружия и служб;

в) заведения для «усовершенствования образования и специальных технических знаний» офицеров действительной службы. Эта группа заведений разделялась на две категории: высшие военно-учебные заведения (военные академии), в которых офицеры получали высшее военное образование, и заведения, предна-

---

[1] Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1907 г. СПб., 1909. С. 1–2.
[2] Военно-статистический ежегодник армии за 1910 г. СПб., 1911. С. 111.

значавшиеся для усовершенствования теоретической и практической подготовки офицеров разных родов оружия в соответствии со своей специальностью (офицерские школы)[1].

Следует отметить: непосредственное отношение к комплектованию армии офицерами имели военные, юнкерские и специальные училища, пополнявшие «постоянный офицерский состав армии… производством в офицеры юнкеров…»[2]. Две другие группы учебных заведений играли опосредованную роль. Так, выпускники кадетских корпусов не получали офицерского звания, более того, продолжение образования именно в военных училищах для них не было обязательным. Определенная часть из них продолжала учебу в гражданских учебных заведениях и, таким образом, отказывалась от офицерской карьеры. Другая часть кадет поступала в военные училища, но в офицерский чин они производились только после их окончания. В военных академиях и офицерских школах проходили обучение военнослужащие, произведенные в офицерские чины еще до поступления в эти учебные заведения.

Численность офицерского состава в начале XX века (за исключением периода мировой войны) менялась незначительно, и составляла немногим более 40 тыс. человек. Так, к 1 января 1907 г. офицерский корпус регулярной армии насчитывал 43948 генералов, штаб и обер-офицеров, к 1 января 1908 г. – 42906. Необходимо учитывать, что в эти цифры входили около 2,3 тыс. генералов и офицеров, состоявших на службе в пограничной страже. В состав армии они не входили, но в статистические данные Военным министерством включались[3].

На 1 апреля 1912 г. в военном ведомстве проходили службу 42877 офицеров и генералов[4]. Наибольшее число из них служило в пехоте, бывшей самым многочисленным родом войск. Например, из 41412 офицеров, служивших в армии в 1911 г., к пехоте относились 24257 генералов, штаб – и обер-офицеров, к артиллерии – 6039, кавалерии – 3086, инженерным и железнодорожным войскам – 1586 и

---

[1] Военно-учебные заведения // Военная энциклопедия: в 18 т. Т. 6. С. 554–555.
[2] Комплектование // Военная энциклопедия: в 18 т. Т. 13. С. 89.
[3] Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1907 год. СПб., 1909. С. 1.
[4] Военно-статистический ежегодник армии за 1912 г. СПб., 1914. С. 54.

293 человека соответственно. Остальные проходили службу в управлениях Военного министерства, военно-учебных заведениях, различных организациях военного ведомства[1]. Очевидно, что численность офицеров пехоты превышала количество офицеров других родов войск, вместе взятых.

Уровень образования пехотных офицеров (в меньшей степени кавалерийских) и офицеров, служивших в артиллерии и инженерных войсках, был неодинаков. В специальные училища, где готовились офицеры для технических родов войск, принимались лица, уже имевшие полное среднее образование. Их подготовка велась на основе учебных планов и программ, соответствовавших имевшемуся уровню общего образования. В процессе учебы юнкера специальных училищ получали достаточный уровень подготовки, соответствовавший профилю учебного заведения.

Иной была ситуация в пехоте и кавалерии. Для подготовки к службе в этих родах войск до 1910 г. существовали два типа училищ. К одному из них относились военные училища, например, Павловское военное училище, Александровское военное училище, Николаевское кавалерийское училище и др. Ко второму типу принадлежали юнкерские училища, например, Виленское юнкерское училище, Чугуевское юнкерское училище, Тверское кавалерийское юнкерское училище и др.

Оба типа учебных заведений имели, одинаковое, по сути, предназначение. Официальные документы, регламентировавшие организацию обучения и воспитания в военно-учебных заведениях, указывали, что «военные училища… имеют целью доставлять молодым людям, получившим общее образование, военно-воспитательную, строевую и научную подготовку, необходимую в соответствующем роде войск»[2].

Юнкерские училища предназначались для того, чтобы «доставлять молодым

---

[1] Военно-статистический ежегодник армии за 1911 г. СПб., 1913. С. 54.
[2] Свод военных постановлений 1869 года. Книга XV. Заведения военно-учебные / Изд. третье (по 1 янв. 1907 г.). СПб., 1907. С. 150–151.

людям необходимое для офицера научное и строевое образование»[1].

Однако программы обучения в училищах, принадлежавших к различным типам, различались, ввиду различия образовательного ценза поступавших в них молодых людей. В пехотные и кавалерийские военные училища принимались исключительно лица, окончившие полный курс средних учебных заведений. В то же время, в юнкерские училища могли поступать лица, имевшие более низкий уровень образования. Например, вплоть до 1901 г. в них принимались только «нижние чины всех сословий», а именно, вольноопределяющиеся 1-го разряда, а также 2-го разряда – после службы одного года нижним чином и получения звания унтер-офицера. Принимались также лица, призванные в армию по жребию, достигшие в период службы звания унтер-офицера, по выслуге в строю обязательных сроков[2].

Вольноопределяющимися 1-го разряда считались те, кто получил образование в объеме не ниже шести классов гимназии, и добровольно поступали на службу в качестве нижних чинов. Вольноопределяющимися 2-го разряда считались нижние чины, сдавшие экзамен по программе, согласованной военным министерством и министерством народного просвещения (примерно курс четырехклассного училища)[3].

Между тем имевшими общее среднее образование считались лица, окончившие восемь классов гимназии, семь классов кадетского корпуса, семь классов реального училища и некоторых других учебных заведений. Очевидно, что в юнкерские училища могли поступать лица, не имевшие полного среднего образования (по терминологии того времени, с низшим образованием).

Представляются необходимыми некоторые пояснения относительно понятия «низшее образование», дабы не допустить недопонимания уровня общего образования учащихся юнкерских училищ. В рассматриваемый в диссертации пери-

---

[1] Там же. С. 232.

[2] Положение о юнкерских училищах: приказ по военному ведомству от 5 июня 1901 г. № 197 // Приказы по военному ведомству за 1901 г. СПб., 1901. С. 436; Всеобщий календарь на 1895 г. СПб., 1894. С. 245.

[3] Вольноопределяющиеся // Военная энциклопедия: в 18 т. Т. 7. С. 29.

од времени в России существовали начальные, низшие, средние и высшие учебные заведения. Поступить в какое-либо низшее учебное заведение лицу, не имевшему начального образования, было невозможно. Так, поступление в низшие технические училища требовало сдачи экзаменов в объеме уездного или сельского двухклассного училища, которые, в числе прочих заведений, давали начальное образование[1].

В сельской местности начальное образование, например, в училищах министерства народного просвещения продолжалось 5 лет (два класса), или 3 года (один класс)[2]. Основным типом начальных учебных заведений в городах являлись городские училища, обучение в которых продолжалось шесть лет.

Вольноопределяющиеся, поступавшие в юнкерские училища, в громадном большинстве своем имели низшее образование. Офицер германского генерального штаба барон фон Теттау, посещавший в 1903 г. части Киевского военного округа, отмечал, что русское офицерство состояло «… главным образом, из воспитанников юнкерских училищ…, получивших слабую школьную подготовку»[3].

Так, к началу лета 1908 г. в пехоте служили 6405 капитанов, при этом 76,5 %, из них имели низшее образование, и только 23,5 % – законченное среднее образование. В кавалерии уровень общего образования 463 состоявших на службе ротмистров составлял 65,5 % и 34,5 % соответственно[4]. Между тем капитаны в пехоте и ротмистры в кавалерии командовали основными тактическими единицами – ротами и эскадронами.

Говоря о юнкерских училищах, готовивших офицеров для пехоты и кавалерии, генерал А. И. Деникин отмечал, что отсутствие законченного среднего образования у большинства поступавших придавало таким училищам «…характер второсортности»[5].

---

[1] Всеобщий календарь на 1903 г. СПб., 1903. С. 598, 626.
[2] *Фальборг Г., Чарнолусский В*. Начальное народное образование // Энциклопедический словарь. Т. XX А (40). СПб, 1897. С. 762.
[3] *Теттау, фон.* Два месяца в гостях в русской армии // Разведчик. 1904. № 695. С. 149
[4] *Галкин М.* Рознь или братство? // Военный сборник. 1914. № 5. С. 27.
[5] *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М., 1991. С. 42.

В частности, «второсортность» проявлялась, в том, что лица, успешно окончившие юнкерские училища, вплоть до Русско-японской войны 1904–1905 гг. в офицерский чин производились не сразу по окончании учебного заведения. В пехоту они выпускались подпрапорщиками, в кавалерию – эстандарт-юнкерами, то есть, в унтер-офицерских званиях[1]. Офицерский чин присваивался им лишь после некоторого срока службы в войсках, который мог доходить у окончивших училище по 2-му разряду до нескольких лет[2].

В то же время лица, окончившие военные училища, производились в офицерский чин подпоручика сразу по выпуску. Исключение составляли те, кто окончил училища по 3-му разряду: эта категория военнослужащих выпускалась унтер-офицерами, и могла получить офицерское звание не ранее чем через 6 месяцев после производства их более успешных в учебе однокашников[3].

Выпускники юнкерских училищ, окончившие отделения с военно-училищным курсом, действовавшие при некоторых юнкерских училищах, производились в офицерский чин наравне с выпускниками военных училищ. Это объяснялось тем, что на эти отделения, где обучение производилось по программам военных училищ, принимались лица, имевшие среднее или высшее образование[4].

Юнкерские училища находились в подчинении начальников штабов военных округов, на территории которых они дислоцировались, в то время как военные училища находились в ведении Главного управления военно-учебных заведений. Данное обстоятельство приводило к тому, что внешний контроль над качеством учебно-воспитательного процесса в юнкерских училищах не мог быть таким же эффективным, как в военных училищах, ибо в штатах военно-окружных управлений отсутствовали соответствующие специалисты. Кроме того, окружные штабы вряд ли могли оказать юнкерским училищам действенную помощь в орга-

---

[1] Положение о юнкерских училищах: приказ по военному ведомству от 5 июня 1901 г. № 197. С. 449.

[2] *Лыкошин А.С.* Юнкерские училища // Энциклопедический словарь. СПб., 1904. Т. XLI (81). С. 396.

[3] Свод военных постановлений 1869 года. Книга XV. Заведения военно-учебные. С. 159.

[4] Положение о юнкерских училищах: приказ по военному ведомству от 5 июня 1901 г. № 197. С. 438, 451.

низации обучения юнкеров. Они занимались решением задач, связанных с управлением воинскими частями и соединениями, их боевой подготовкой, обеспечением различными видами довольствия и т. д. В то же время, Главное управление военно-учебных заведений, как структурное подразделение Военного министерства, ведало исключительно учебными, воспитательными, инспекторскими и другими делами подведомственных ему училищ.

Не следует, однако, считать, будто учащиеся юнкерских училищ представляли собой нечто малоценное и бесперспективное. Современник отмечал, что юнкера из крестьян и мещан, не сумевшие получить до поступления в училище среднего образования, были людьми упорными и «… шли обыкновенно впереди более, казалось бы, подготовленных… бывших гимназистов, реалистов, студентов. По выходу из училищ они становились большею частью отличными офицерами»[1].

Э. фон Теттау, представлявший германский генеральный штаб, после посещения целого ряда частей Киевского военного округа, указал, что большинство офицеров, служивших в них, окончили юнкерские училища. При этом немецкий офицер характеризовал их «… храбрыми, деятельными служаками, ревностно исполняющими свои обязанности», и хорошо воспитанными, «…как в смысле военном, так и житейском»[2].

Однако одновременно Э. фон Теттау обращал внимание на недостаточность общей и военной подготовки многих офицеров, имевших за плечами юнкерские училища. Такая ситуация вызывалась тем, что в военно-учебных заведениях этого типа учебный курс состоял из двух ступеней. В общем (младшем) классе повышалась общеобразовательная подготовка юнкеров, в специальном (старшем) классе изучалась военная специальность, как таковая. То есть, изучению военного дела и профессиональных обязанностей в юнкерских училищах посвящался всего один год. В пехотных и кавалерийских военных училищах также было два класса,

---

[1] *Чернавин В.В.* К вопросу об офицерском составе старой русской армии к концу ее существования // Военный сборник Общества ревнителей военных знаний. Кн. V. 1924. С. 223–224.

[2] *Теттау, фон*. Два месяца в гостях в русской армии // Разведчик. 1904. № 695. С. 149.

но оба они были специальными. Современники отмечали, что наличие в армии офицеров, отличавшихся по уровню подготовки и образования, способствовало возникновению негативного явления: офицеры, окончившие военные училища «считали себя выше…» тех, кто получил образование в юнкерском училище, и смотрели на них с «…известной долей пренебрежения, свысока»[1].

Пехотных военных училищ к 1905 г. было четыре: Павловское, Александровское, Московское (позже переименовано в Алексеевское) и Киевское. Кавалерийских военных училищ насчитывалось два: Николаевское и Елисаветградское. Пехотных юнкерских училищ насчитывалось семь: Санкт-Петербургское (позже переименовано во Владимирское), Виленское, Одесское, Чугуевское, Казанское, Тифлисское, Иркутское. Юнкерское кавалерийское училище было одно – Тверское кавалерийское юнкерское училище[2]. Кроме того, необходимо иметь в виду, что Московское и Киевское пехотные училища, ранее бывшие юнкерскими, были преобразованы в военные только в 1897 г. Соответственно, в пехотных частях служили свыше 60% офицеров, окончивших юнкерские училища[3].

Между тем развитие военного дела требовало довести уровень подготовки выпускников юнкерских училищ до уровня выпускников военных училищ. Данный вопрос неоднократно поднимали военачальники различного уровня, в том числе, командующие войсками военных округов[4].

Начало преобразованиям было положено специальным приказом по военному ведомству, в соответствии с которым все двухклассные юнкерские училища преобразовывались в трехклассные. Теперь в них был один общий и два специальных класса, что позволяло в общем классе повысить общеобразовательную подготовку юнкеров, и два года уделять сугубо военному образованию. В реорганизованные училища допускался прием не только нижних чинов из войск, как происходило до той поры, но и граждан всех сословий «со стороны», без предва-

---

[1] *Галкин М.* Рознь или братство? // Военный сборник. 1914. № 5. С. 26.
[2] Отчет о состоянии военно-учебных заведений за 1905 год. // Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1905 год. СПб., 1907. Приложение 6. С. 11, 15.
[3] *Галкин М.* Рознь или братство? // Военный сборник. 1914. № 5. С. 25.
[4] О преобразовании юнкерских училищ // Военный сборник. 1901. № 8. С. 11.

рительной службы нижними чинами в войсках. Для поступления таким молодым людям требовалось иметь образование, позволявшее служить в качестве вольноопределяющихся. Выпускники, окончившие юнкерские училища по 1-му и 2-му разрядам стали производиться в офицерский чин тем же порядком, что и выпускники военных училищ, то есть, без предварительного производства в подпрапорщики и эстандарт-юнкера[1].

Курс общего образования в юнкерских училищах был доведен до объема, практически равного шести классам реального училища. Был увеличен и объем изучавшихся военно-образовательных дисциплин, хотя, он оставался «…несколько ниже по сравнению с теми курсами, которые проходились в военных училищах»[2].

Принятые меры увеличили число молодых людей, желавших поступить в юнкерские училища. В силу данного обстоятельства в 1904 г. были введены новые программы вступительных экзаменов, требовавшие от поступавших знаний по всем предметам на уровне курса пяти классов реальных училищ; некоторое исключение составляла лишь математика[3].

Но, несмотря на реорганизацию юнкерских училищ, они по-прежнему считались менее престижными, чем военные. Об этом, в частности, свидетельствовал выпускник юнкерского училища, описавший следующий случай. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. вновь назначенный начальник дивизии, имевший высшее военное образование, знакомился с командным составом одного из полков. Во время обхода строя генерал спрашивал у каждого офицера, какое учебное заведение тот окончил. Если это оказывалось военное училище, он одобрительно кивал и подавал руку, если же юнкерское, то «… его превосходительст-

---

[1] Положение о юнкерских училищах: приказ по военному ведомству от 5 июня 1901 г. № 197. С. 435, 436, 449.

[2] Распоряжения по военному ведомству // Разведчик. 1910. № 1026. С. 374.

[3] Программы испытания желающих поступить в общий класс юнкерских училищ: приказ по военному ведомству от 7 декабря 1903 г. № 488 // Приказы по военному ведомству за 1903 год. СПб., 1903. С. 904–927; Отчет о состоянии военно-учебных заведений за 1907 год // Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1907 год. СПб., 1909. Приложение 7. С. 14.

во делал гримасу и проходил дальше, не удостаивая этих офицеров своим рукопожатием»[1]. Другой крупный военачальник высказался следующим образом: «Не окончивший реалист, выгнанный классик, полуграмотный семинарист, не дотянувший до конца ученик земледельческого… училища – вот обычный контингент, которым пополняются юнкерские училища»[2].

Как и ранее, офицеры, окончившие юнкерские училища, направлялись только в пехоту или армейскую кавалерию, тогда как офицеры, имевшие за плечами военные училища, могли служить даже в гвардии и технических родах войск. На военные училища отпускалось больше средств, чем на юнкерские. Расходы на пехотные военные училища составляли 75–90 тыс. рублей в год, не учитывая довольствия, а на юнкерские – около 50 тыс. рублей. Военные училища ежегодно получали на учебные пособия (включая расходы на библиотеку) 8,3 тыс. рублей, в то время как пехотные юнкерские – 3 тыс. рублей. В этой связи современник отмечал, что сохранявшееся в общественном мнении неравенство училищ сказывалось на «обстановке жизни юнкеров, удовлетворении их учебных нужд, положении педагогического и строевого персонала…»[3].

В юнкерские училища, как и ранее, поступало много молодых людей, не окончивших полный курс средних общеобразовательных учебных заведений; часть из них имела лишь права вольноопределяющихся 2-го разряда. При всей их потенциальной добросовестности и трудолюбии, им, по мнению современников, не хватало общего развития. Между тем некоторые исследователи истории военной педагогики считают, что общее образование играло самую серьезную роль в качественной подготовке будущих офицеров. В соответствии с принципами прусского военного образования, заимствованными в течение XIX века ведущими армиями мира и ставшими к началу XX столетия классическими, «…прусская система военного образования отдавала приоритет общеобразовательной подготовке,

---

[1] *С. Л.* К статье «Они такие же, как и другие» // Разведчик. 1910. № 1023. С. 338.
[2] *Мартынов Е. И.* Из печального опыта Русско-японской войны. СПб., 1906. С. 40.
[3] Офицерская жизнь. 1907. № 51. С. 6.

способствующей развитию инициативы и аналитических способностей офицера, перед военными дисциплинами»[1].

Что касается военных училищ, то в них, как и ранее, поступала молодежь, имевшая полное среднее образование[2].

В целях сближения уровня образования, дававшегося в обоих типах училищ, в 1907 г. в юнкерских училищах вновь увеличили требования приемных программ, доведя их до уровня шести классов реальных училищ. В том же году в юнкерских училищах был увеличен объем изучавшихся общеобразовательных предметов[3], и введены опытные программы по военным дисциплинам, одинаковые с программами военных училищ. Считалось, что отныне в юнкерских училищах будут приступать к изучению военных наук в специальных классах, «…имея общеобразовательную подготовку в главных… чертах одинаковую с подготовкой молодых людей, обучающихся в военных училищах»[4].

Однако, несмотря на происходившие в юнкерских училищах изменения, уровень образования поступавших в них молодых людей, по-прежнему был ниже, чем в военных училищах. Например, в 1909 г. в этих училищах обучалось 67,09 % юнкеров, поступивших с общим образованием, как у вольноопределяющихся 2-го разряда, 32,49 % – как у вольноопределяющихся 1-го разряда; остальные не принадлежали к этим разрядам[5]. То есть, молодежь со средним образованием в эти училища по-прежнему не поступала.

---

[1] *Порошин А. А.* Главнокомандующие армиями фронтов Первой мировой войны: генерал от кавалерии Я. Г. Жилинский // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. «История. Международные отношения». Вып. 1. С. 85.

[2] *Галкин М.* Рознь или братство? // Военный сборник. 1914. № 5. С. 23

[3] Отчет о состоянии военно-учебных заведений за 1907 год // Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1907 год. Приложение 7. С. 15; Распоряжения по военному ведомству // Разведчик. 1910. № 1026. С. 374; Общая программа общеобразовательных предметов учебного курса юнкерских училищ: приказ по военному ведомству от 31 декабря 1907 г. № 667 // Приказы по военному ведомству за 1907 г. СПб., 1907. С. 1001–1025; Программы для испытания желающих поступить в общий класс юнкерских училищ: приказ по военному ведомству от 31 декабря 1907 г. № 668 // Приказы по военному ведомству за 1907 г. С. 1027–1055.

[4] Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1907 год. С. 107.

[5] Отчет о состоянии военно-учебных заведений за 1909 год. // Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1909 год. СПб., 1911. Приложение 9. С. 12.

В военных училищах ситуация была иной, туда поступали молодые люди с более высоким уровнем образования. В качестве примера приведем Елисаветградское кавалерийское училище. В первом полугодии 1909–1910 учебного года в младшем классе там числилось 169 юнкеров, из которых 107 окончили кадетские корпуса, остальные получили полное среднее образование в лицеях, гимназиях, реальных училищах. Среди 128 юнкеров, учившихся в старшем классе, 80 человек были выпускниками кадетских корпусов, остальные окончили иные средние учебные заведения[1].

В 1910 г. в юнкерских училищах произошли последние выпуски офицеров, имевших пониженную общеобразовательную подготовку. В том же году были утверждены новые программы военных училищ, выработанные с учетом опыта использования программ 1907 г. и опыта военно-учебных заведений Германии и Франции[2].

Новые программы ввели во всех училищах военного ведомства. Такой шаг был обусловлен тем, что с 1 сентября 1910 г. Одесское, Чугуевское, Виленское, Иркутское и Тифлисское пехотные юнкерские училища были преобразованы в военные училища[3], Тверское кавалерийское юнкерское училище – в Тверское кавалерийское училище[4].

Несколько ранее, 1 сентября 1909 г. в военные училища были переформированы Санкт-Петербургское (Владимирское) и Казанское юнкерские пехотные училища[5].

Таким образом, с 1 сентября 1910 г. все пехотные и кавалерийские училища получили статус военных училищ. При этом они подразделялись на две категории: двухклассные (оба класса специальных), и трехклассные. В трехклассных

---

[1] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 861. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–3 об, 4–6.
[2] Распоряжения по военному ведомству // Разведчик. 1910. № 1033. С. 482.
[3] Приказ по военному ведомству от 31 мая 1910 г. № 243 // Приказы по военному ведомству за 1910 г. СПб., 1910. С. 378.
[4] Приказ во военному ведомству от 4 февраля 1910 г. № 62 // Приказы по военному ведомству за 1910 г. С. 75.
[5] Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1909 год. С. 77.

училищах функционировал общий класс, в котором повышалось общее образование до уровня, почти соответствовавшего 7-му классу среднего общеобразовательного учебного заведения, и два специальных класса. Молодые люди, которые имели полное среднее образование, могли сразу могли поступать в 1-й специальный класс, минуя общий класс. Военное ведомство отмечало, что теперь все юнкера либо имели полное среднее образование, либо имели за плечами не менее 6 классов, завершая получение среднего образования в общем классе трехклассного военного училища[1].

Двухклассными училищами были «старые» пехотные училища: Павловское, Александровское, Московское (Алексеевское), Киевское, а также Николаевское кавалерийское училище. Двухклассными являлись также «новые» Владимирское и Казанское пехотные училища, Елисаветградское и Тверское кавалерийские училища. Остальные «новые» пехотные училища были трехклассными: Виленское, Чугуевское, Одесское, Тифлисское, Иркутское[2].

Но, по оценкам того времени, юнкера «новых» трехклассных военных училищ по уровню общего образования все равно уступали юнкерам «старых» двухклассных училищ. Одной из главных причин того назывался недостаточный уровень общей подготовки вольноопределяющихся, которые, главным образом, и поступали в трехклассные училища. По утверждению современника, они представляли собой категорию людей, которые не могут «взобраться выше четвертого или пятого класса»[3]. Добиться же поступления во все без исключения училища молодежи, уже имевшей среднее образование, не представлялось возможным, в силу причин, о которых будет сказано в параграфе 3.3.

Для исправления ситуации в 1912 г. были повышены требования к вольноопределяющимся: теперь для прохождения службы в таковом качестве требовалось окончить не менее шести классов общеобразовательного учебного заведе-

---

[1] Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1910 г. С. 68.

[2] № 36932. 24 апреля. Высочайше утвержденный проект изменения статей… книги XV Свода военных постановлений 1869 года (изд. 3) и статей… той же книги по продолжению 1907 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXXII. Отделение I. 1912 г. От № 36391 – 38603. Пг., 1915. С. 325.

[3] *Л. Р.-З.* Еще о контингенте бывших юнкерских училищ // Разведчик. 1912. № 1132. С. 452.

ния[1]. В новом Уставе о воинской повинности использовалось единое понятие «вольноопределяющийся», без разделения на 1-й и 2-й разряды. Поступление в трехклассные военные училища стало возможным только для лиц с образованием, необходимым для бывшего 1-го разряда вольноопределяющихся. Такое же образование требовалось и от поступавших гражданских лиц. В то же время, был определен своего рода переходный период: указывалось, что «пока не иссякнет в войсках категория вольноопределяющихся упраздненного 2-го разряда», они могли допускаться к приемным экзаменам[2].

Современник отмечал, что молодые люди, еще учившиеся в гражданских заведениях, но желавшие поступить в трехклассные военные училища, нередко не решались на такой шаг в силу следующего обстоятельства: программа поступления в училища не в полной мере отвечала программам гражданских учебных заведений. Получалось так, что по окончании шести классов реалисты или гимназисты, поступая в общий класс, должны были сдавать экзамены «… по ряду незнакомых..., до этого времени, предметов…»[3].

Поступать при таких условиях было сложно, поэтому на такой шаг, как отмечалось в то время, решались, чаще всего, те, кто по различным причинам не мог продолжать учебу в гражданских учебных заведениях или был исключен из них.

На недостаточную подготовку многих молодых людей, поступавших в общие классы, указывали в самих училищах. Приемным комиссиям нередко приходилось идти на компромисс, принимая «молодых людей не того качества и подготовки, какая предполагается у них теоретически и какая необходима для офицера…»[4].

Однако, несмотря на указанные недостатки, трансформация бывших юнкерских училищ в военные играла положительную роль: так создавалась возможность сформировать единое по уровню образования офицерство в пехоте и кава-

---

[1] Закон об изменении Устава о воинской повинности: приказ по военному ведомству от 23 июня 1912 г. № 349 // Приказы по военному ведомству за 1912 г. СПб., 1912. С. 729.
[2] Распоряжения по военному ведомству // Разведчик. 1912. № 1152. С. 799.
[3] *Радус-Зенкович Л.* Контингент трехклассных военных училищ // Разведчик. 1912. № 1122. С. 292, 293.
[4] Там же. С. 292.

лерии. Постепенно стало увеличиваться число офицеров с образованием на уровне военного училища. В 1912 г. образование офицеров в пехоте и кавалерии характеризовалось следующими показателями: военные училища окончили 27,72 % пехотных штаб-офицеров и 35,09 % обер-офицеров, юнкерские – 57,20 % и 60,70 % военнослужащих соответственно. В кавалерии 46,83 % штаб-офицеров и 61,70 % обер-офицеров имели за плечами военные училища, 38,62 % штаб-офицеров и 34,39 % обер-офицеров окончили юнкерские училища. Остальные пехотные и кавалерийские офицеры имели военное академическое или гражданское образование[1].

Большая часть офицерского состава в артиллерии комплектовалась выпускниками артиллерийских училищ. В довоенный период действовали Константиновское и Михайловское артиллерийские училища, размещавшиеся в Санкт-Петербурге (открытое в сентябре 1913 г. в Одессе Сергиевское артиллерийское училище в мирное время не успело сделать ни одного выпуска).

Училища готовили офицеров для службы в строевых артиллерийских частях. Срок обучения составлял три года, по одному году в каждом классе: младшем, среднем и старшем. В младший класс могли поступать лица, окончившие кадетские корпуса (без экзаменов) и выпускники средних гражданских учебных заведений, сдавшие испытания по физике и математике. Выпускники высших учебных заведений, в которых основой образования были физика и математика, могли поступать сразу в старший класс[2].

Юнкерами артиллерийских училищ были наиболее способные выпускники кадетских корпусов и гражданских средних учебных заведений. Служивший в русской и Красной армиях генерал-майор артиллерии Е.З. Барсуков отмечал, что курс изучавшихся предметов в артиллерийских училищах был равен курсу технических вузов. По его утверждению, юнкера получали основательную подготов-

---

[1] Военно-статистический ежегодник армии за 1912 г. СПб., 1914. С. 232.
[2] Свод военных постановлений 1869 года. Книга XV. Заведения военно-учебные. С. 176, 177.

ку по физике, математике, химии, «…отличную теоретическую и хорошую практическую специальную военно-научную подготовку…»[1].

Офицерство, служившее в артиллерии, обладало довольно высоким образовательным уровнем. Так, по данным за 1911 г. общее среднее образование имели 97,75 % штаб-офицеров, при этом с низшим образованием не было ни единого человека. В том же году среди обер-офицеров общее среднее образование имели 98,41 % , низшее – 0,44 %. Незначительное количество артиллерийских штаб – и обер-офицеров имели домашнее образование. Среди генеральского состава общее среднее образование получили 95,82 %, остальные имели высшее или домашнее образование[2].

Артиллеристы имели относительно высокий уровень не только общего, но и военного образования. В 1911 г. 25,0 % генералов имели академическое образование, 73,95 % окончили военные училища. Юнкерские училища окончили всего 1,05 % генералов. Аналогичные характеристики штаб-офицеров составляли соответственно 8,68, 88,28 и 2,52 %. В обер-офицерской среде военное образование характеризовалось следующими показателями: военные академии окончили 3,26 %, военные училища – 92,86 %, юнкерские училища – 2,82 %. Незначительное число артиллерийских штаб – и обер-офицеров не оканчивали военно-учебные заведения, и имели только гражданское образование[3].

В случае недостачи выпускников артиллерийских училищ, иногда на службу в артиллерию попадали лучшие выпускники пехотных и кавалерийских училищ. В войсках им приходилось учиться у других офицеров и даже нижних чинов, так как в своих учебных заведениях они лишь в ограниченных размерах изучали теоретический курс артиллерии, а специальную артиллерийскую службу на практике не проходили.

Офицеров для службы в инженерных и железнодорожных войсках готовили в Николаевском инженерном училище, в которое принимались выпускники ка-

---

[1] *Барсуков Е. З.* Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.): в 4-х т. М., 1948–1949. Т. 4. С. 54.
[2] Военно-статистический ежегодник армии за 1911 год. С. 172, 176.
[3] Там же. С. 176.

детских корпусов, гимназий или иных средних учебных заведений. Как и в артиллерийских училищах, курс обучения продолжался три года, по одному году в младшем, среднем и старшем классе[1].

Данная категория офицерского состава также обладала достаточно высоким общим и военным образованием, характеризовавшимся показателями, практически равными показателям офицеров-артиллеристов[2].

Военно-топографическое училище готовило офицерские кадры к службе в корпусе военных топографов. До 1906 г. училище было двухклассным (младший и старший классы); в мае того же года был введен дополнительный класс, для подготовки производителей геодезических работ. После это небольшой штат училища несколько увеличился – с 40 до 50 юнкеров. С 1908 г. в училище стали приниматься лица, имевшие полное среднее образование (до этого было достаточно иметь образование, позволявшее поступать на службу вольноопределяющимися 1-го разряда)[3].

На 1912 г. уровень общего образования офицерского состава в целом, без разделения на рода войск, характеризовали следующие данные: 89,48 % генералов, 76,10 % штаб-офицеров, 65,95 % обер-офицеров имели общее среднее образование. Остальные имели высшее, низшее или домашнее образование. Военное образование в том же году характеризовали следующие показатели: академии окончили 56,33 % генералов, 19,34 % штаб-офицеров и 3,22 % обер-офицеров. Военно-училищное образование получили 35,73 % генералов, 42,91 % штаб-офицеров и 49,66 % обер-офицеров. Остальные окончили либо юнкерские училища, либо вовсе не учились в военно-учебных заведениях[4].

Говоря об укомплектованности армии офицерскими кадрами в мирное время, следует отметить, что, в целом эта задача была решена. В то же время, неко-

---

[1] Свод военных постановлений 1869 года. Книга XV. Заведения военно-учебные. С. 192, 193.
[2] Военно-статистический ежегодник армии за 1911 год. С. 176.
[3] Свод военных постановлений 1869 года. Книга XV. Заведения военно-учебные. С. 214, 215; Военно-топографическое училище // Военная энциклопедия: в 18 т. Т. 6. С. 548.
[4] Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. С. 232.

торый недостаток офицеров существовал. К началу 1907 г. в армии недоставало 2325 офицеров (из 45135 по штату), к началу 1908 г. – 3955 (из 45098 по штату)[1].

Данные, характеризовавшие укомплектованность офицерским составом в 1910 г. показывают, что за 10 месяцев некомплект по всей армии в среднем составлял 2700 человек в месяц[2]. В 1912 г. некомплект офицеров по армии в целом составлял 3,16 % от их штатного состава[3].

К 1 января 1913 г. некомплект офицерских чинов составил около 1250 человек, что отмечалось Военным министерством как успех: «…некомплект офицерских чинов в армии доведен до ничтожных размеров»[4].

С началом мировой войны на действительную военную службу были призваны «… офицеры ополчения, то есть лица, уволенные в отставку с действительной военной службы, и из запаса армии, которым еще не исполнилось – генералам и штаб-офицерам – 55 лет, обер-офицерам – 50 лет»[5].

В результате офицерский корпус увеличился до 74460 человек[6], притом, что что в довоенное время он насчитывал несколько более 40 тыс. человек.

Кроме того, были произведены досрочные выпуски из военных училищ. Конкретные даты выпусков в училищах были различными, но окончательной датой выпуска офицеров, поступивших в училища до начала войны, было определено 1 декабря 1914 г.

Всего их было выпущено свыше 5 тыс. человек, при этом досрочно произведенные в подпоручики юнкера старших курсов, выпущенные не позднее этого дня, пользовались правами кадровых офицеров[7].

Однако всего этого было совершенно недостаточно, так как в ходе мобилизации к концу 1914 г. в армию были призваны 5 млн. 130 тыс. человек (в допол-

---

[1] Отчет по Главному штабу за 1907 год // Всеподданнейший отчет военного министерства за 1907 год. С. 116–117.
[2]Военно-статистический ежегодник армии за 1910 год. С. 58–59.
[3]Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. С. 60–61.
[4] Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1912 год. С. 1.
[5] От управления воинской повинности // Разведчик. 1914. № 1241. С. 500.
[6] РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 1533. Л. 3.
[7] *Кавтарадзе А.Г.* Некоторые итоги изучения проблемы «Октябрь и военная интеллигенция» // Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985. С. 152.

нение к армии мирного времени, численность которой составляла 1 млн. 423 тыс. человек). В течение 1915 г. состоялся призыв еще 5 млн. 47 тыс. человек, в 1916 г. – 908 тыс. человек. Всего же во второй половине 1914–1917 гг. по мобилизации были призваны 13 млн. 955 тыс. человек[1].

Из этой огромной массы людей в военные годы были сформированы большое количество новых пехотных, стрелковых, гренадерских и кавалерийских дивизий, артиллерийские, авиационные, броневые, инженерные, автомобильные и прочие части, тыловые и запасные подразделения. Чтобы укомплектовать их командным составом требовалось невиданное ранее количество офицеров. Кроме того, было необходимо восполнять значительные потери, которые офицерство несло в ходе боевых действий.

Подобная ситуация требовала реализации мер, суть которых состояла в сокращении сроков обучения и организации ускоренной подготовки офицерского состава. Еще в октябре 1912 г. было утверждено «Положение об ускоренных выпусках при мобилизации армии из Пажеского Его Императорского Величества корпуса, военных и специальных училищ». Документ предусматривал, что после объявления мобилизации обучение юнкеров выпускных классов военно-учебных заведений должно закончиться в течение четырех месяцев. Одновременно в каждом училище намечалась организация ускоренных курсов, срок обучения на которых планировался в течение восьми месяцев[2].

В военном ведомстве сознавали, что подобный подход нанесет ущерб качеству подготовки выпускников, особенно, в специальных училищах, готовивших кадры для технических родов войск. Чтобы минимизировать негативные последствия, программы и сроки ускоренного обучения были конкретизированы и определены в зависимости от того, к какому роду оружия принадлежало то или иное учебное заведение. В октябре 1914 г. было введено в действие «Положение об ус-

---

[1] Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001. С. 91–92.

[2] *Уваров И.А.* Подготовка офицеров российской армии в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5 (11). Ч. 3. С. 156.

коренной подготовке офицеров в военное время в военно-учебных заведениях с четырехмесячным ускоренным курсом»[1], распространявшееся на пехотные и кавалерийские училища. В ноябре того же года был введено в действие «Положение об ускоренной подготовке офицеров в военное время в специальных военно-учебных заведениях с восьмимесячным ускоренным курсом»[2], касавшееся инженерного и артиллерийских училищ.

Для обеспечения гибкости сроков обучения военный министр в феврале 1915 г. получил право увеличивать продолжительность учебы в пехотных и кавалерийских училищах до 12 месяцев[3]. Аналогичное решение было принято в отношении специальных училищ. В случае необходимости сроки обучения могли быть вновь сокращены[4]. Иными словами, сроки обучения, в зависимости от положения на фронте, могли увеличиваться, уменьшаться, возвращаться к установленным документами нормам. Так, выпуск из кавалерийских училищ офицеров, поступивших в них 1 декабря 1914 г. было решено произвести не через четыре, а через шесть месяцев. В феврале 1915 г. сроки обучения в кавалерийских училищах вообще были увеличены с четырех до восьми месяцев[5]. В июне 1915 г., когда происходило «великое отступление» русской армии, военному министру было предоставлено право уменьшить срок обучения в артиллерийских училищах до пяти с половиной месяцев[6].

Известны случаи увеличения сроков обучения в пехотных училищах. Например, на месяц было продлено обучение второго выпуска 1915 г. Выпуск из училищ, который должен был произойти 1 сентября 1916 г. произошел месяцем

---

[1] Приказ по военному ведомству от 20 октября 1914 г. № 689 // Приказы по военному ведомству за 1914 г. Пг., 1914. С. 1864–1868.
[2] Приказ по военному ведомству от 26 ноября 1914 г. № 756 // Приказы по военному ведомству за 1914 г. С. 1960–1964.
[3] Приказ по военному ведомству от 18 февраля 1915 г. № 81 // Приказы по военному ведомству за 1915 год. Пг., 1915. С. 177.
[4] Приказ по военному ведомству от 16 августа 1916 г. № 458 // Приказы по военному ведомству за 1916 год. Пг., 1916. С. 586, 587.
[5] Приказ по военному ведомству от 18 февраля 1915 г. № 81 // Приказы по военному ведомству за 1915 год. С. 177.
[6] Приказ по военному ведомству от 11 июня 1915 г. № 278 // Приказы по военному ведомству за 1915 год. С. 410.

позже, а намеченный на 1 октября – двумя месяцами позже. Дополнительное время использовалось для полевых практических занятий[1].

Единственным училищем, в котором обучение продолжалось в полном объеме, являлось военно-топографическое училище: лишь с 1 сентября 1917 г. оно было переведено на одногодичный срок обучения[2].

В военное время были открыты новые военные училища: Ташкентское пехотное и Николаевское пехотное (2-е Киевское), Николаевское артиллерийское (Киев), Алексеевское инженерное (Второе инженерное училище) в Киеве. Эти военно-учебные заведения функционировали, с учетом их профиля и особенностей военного времени, как и все другие училища страны.

С началом войны был создан еще один тип военно-учебных заведений – школы прапорщиков. В сентябре 1914 г. открылись школы прапорщиков при запасных пехотных бригадах[3], которые в июле 1915 г. были переименованы в школы подготовки прапорщиков пехоты[4]. Одни из них подчинялись главнокомандующим армиями фронтов, другие – командующим военными округами; срок обучения в школах определялся в три месяца.

К началу 1915 г. существовало 10 таких школ, к концу того же года – 32[5], в 1916 г. – 38[6].

Кроме школ прапорщиков пехоты действовала школа прапорщиков инженерных войск и школа подготовки прапорщиков для производства съемочных работ при военно-топографическом училище.

---

[1] *Курдюк А.А.* Правовое регулирование ускоренной подготовки юнкеров в военных училищах России (1914 – 1917 гг.). С. 200.

[2] Приказ по военному ведомству от 24 июля 1917 г. № 467 // Приказы по военному ведомству за 1917 г. Пг., 1917. С. 563.

[3] Положение об ускоренной подготовке офицеров в военное время в школах при запасных пехотных бригадах: приказ по военному ведомству от 30 сентября 1914 г. № 647 // Разведчик. 1914. № 1252. С. 734–735.

[4] Приказ по военному ведомству от 7 июля 1915 г. № 336 // Приказы по военному ведомству за 1915 год. С. 472.

[5] *Курдюк А.А.* Структурные изменения в сети военно-учебных заведений русской армии во время Первой мировой войны // Вестник Военного университета. 2007. № 1 (9). С. 86.

[6] *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX в.: очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 31.

Поступать как в военные училища с ускоренным курсом, так и в школы прапорщиков могли лица, имевшие определенный уровень образования (в этой связи следует отметить, что в официальных документах вновь стали использоваться понятия разрядов вольноопределяющихся). В пехотные и кавалерийские военные училища принимались без экзаменов выпускники кадетских корпусов, воспитанники высших учебных заведений, имевшие отсрочку от призыва на службу, вольноопределяющиеся; несколько позже к ним были добавлены нижние чины и ратники ополчения, пользовавшиеся по образованию одинаковыми правами с вольноопределяющимися. Те, кто имели образование ниже установленного для вольноопределяющихся уровня, т. е. не окончили шести классов общеобразовательного учебного заведения, а также лица, имевшие права по образованию вольноопределяющихся бывшего 2-го разряда, принимались только в трехклассные «новые» военные училища, и лишь после сдачи вступительных экзаменов[1].

Очевидно, что требования к уровню образования лиц, поступавших в военные училища, были снижены, в сравнении с требованиями, введенными в 1907–1910 г.

В специальные училища с ускоренным курсом без экзамена принимались несколько категорий лиц. К ним относились: выпускники кадетских корпусов; лица, в мирное время имевшие право поступать в специальные училища после сдачи экзаменов (то есть те, кто окончил средние гражданские учебные заведения), не исключая вольноопределяющихся; воспитанники высших учебных заведений, имевшие отсрочку от призыва на службу для окончания курса. В марте 1915 г. такое же право получили жеребьевые нижние чины и ратники ополчения, «удовлетворяющие условиям приема в специальные военные училища в мирное время по экзамену»[2].

Требования к приему в специальные училища также были несколько снижены: если до войны лица, окончившие гражданские общеобразовательные сред-

---

[1] Приказ по военному ведомству от 28 января 1915 г. № 42 // Приказы по военному ведомству за 1915 год. С. 124–125.

[2] Приказ по военному ведомству от 16 марта 1915 г. № 133 // Приказы по военному ведомству за 1915 год. С. 242–243.

ние учебные заведения, должны были сдавать вступительные экзамены по физике и математике, то теперь они поступали без экзаменов.

В школы прапорщиков без экзаменов принимались вольноопределяющиеся 1-го разряда, нижние чины, имевшие права по образованию не менее 2-го разряда, а также лица, имевшие право на поступление в войска вольноопределяющимися. Вскоре было разрешено принимать ратников ополчения «равного им образования»[1]. То есть, в школы прапорщиков могли поступать без экзаменов лица, имевшие более низкий уровень образования, который не позволял поступать в военные училища.

Программы обучения в училищах с ускоренным курсом были довольно насыщенными. Например, в пехотных училищах с четырехмесячным курсом обучения на занятия по тактике еженедельно отводилось 9 часов (за весь период обучения – 144 часа). Ее изучение предусматривало краткий теоретический курс (1 час в неделю, 16 часов за 4 месяца), однако главное внимание уделялось тактическим учениям (8 часов еженедельно, всего за период обучения – 128 часов). Кроме того, изучались военная топография (3 часа еженедельно) пулеметы (4 часа еженедельно), артиллерия (1 час в неделю, всего 16 часов), техника связи (2,5 часа в неделю) и ряд других дисциплин. На все предметы обучения в неделю отводилось 43 часа, за весь период обучения – 688 часов[2].

Программа 8-месячного курса для кавалерийских училищ отводила 8 часов в неделю на изучение тактики. 18 часов в неделю посвящалось военно-служебной подготовке, 2 часа – артиллерии, пулеметам и ручному оружию, 4 часа – военной топографии и т.д. Всего еженедельно проводилось 42 часа занятий[3].

В то же время ускоренное обучение юнкеров в военных училищах и школах прапорщиков, при всей интенсивности учебного процесса и прикладной направленности не могло обеспечить довоенный уровень подготовки. Отрицательную

---

[1] Приказ по военному ведомству от 28 января 1915 г. № 43 // Приказы по военному ведомству за 1915 год. С. 127.
[2] *Коровин В.М., Свиридов В.А.* Особенности восполнения офицерского состава в России в 1914–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2004. № 2. С. 38, 39.
[3] Там же. С. 39.

роль играл также недостаток преподавательских кадров, особенно, в школах прапорщиков. Многие преподаватели военных училищ были отправлены в действующую армию, поэтому оказание серьезной помощи кадрами школам прапорщиков со стороны училищ было невозможно. В силу данного обстоятельства, в школах прапорщиков, где обучение продолжалось 3 месяца, проблема преподавательского состава решалась за счёт строевых офицеров[1].

Ввиду указанных обстоятельств в 1916 г. были организованы так называемые повторительные курсы для прапорщиков, где новоиспеченных оберофицеров доучивали. Чаще всего это происходило непосредственно на фронте. Например, в 7-й армии в ближайшем тылу была учреждена особая тактическая школа, куда молодые прапорщики направлялись для прохождения шестинедельного курса[2]. Часто курсы организовывались на уровне корпуса, при одной из его дивизий, куда командировали прапорщиков из всех корпусных частей. Например, повторительные учебные курсы для молодых прапорщиков были организованы при штабе гвардейской стрелковой дивизии[3], входившей в состав 2-го гвардейского корпуса. Известны факты организации повторительных курсов в полках. Например, в 6-м Финляндском стрелковом полку молодых прапорщиков, отправляли в тыл, где «… при учебной команде или при ротах пополнения в течение одного-двух месяцев» они осваивались с требованиями боя[4]. Повторительные курсы прапорщиков были открыты и в некоторых городах, например, в Калуге[5] и Ржеве[6].

Конечно, в эти короткие дополнительные сроки было невозможно радикально улучшить подготовку прапорщиков. Не случайно офицер Генерального штаба, командовавший на фронте ротой, отмечал, что обучение юнкеров должно

---

[1] *Уваров И.А.* Подготовка офицеров российской армии в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5 (11). Ч. 3. С. 159.
[2] *Головин Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне: в 2 т. Париж, 1939. Т.2. С. 212.
[3] *Верцинский Э.А.* Из мировой войны: боевые записи и воспоминания командира полка и офицера Генерального штаба за 1914–1917 годы. Таллинн, 1931. С. 166.
[4] *Свечин А.* Искусство вождения полка. По опыту войны 1914–18 гг. М. – Л., 1930. Т. 1. С. 35.
[5] РГВИА. Ф. 2060. Оп. 1. Д. 72. Л. 1–38.
[6] Там же. Д. 73. Л. 1–29.

продолжаться не менее года[1]. Тем не менее, известный русский и советский военачальник А. А. Свечин указывал, что прапорщики «… отнюдь не представляли собою какой-то серой, малоценной, второсортной массы; наоборот, среди этой молодежи было удивительно много сильных, красочных личностей, готовых к большим усилиям и полному самопожертвованию при наличии сколько-нибудь толкового руководства…»[2].

Могли ли офицеры военного времени после окончания войны использоваться для комплектования кадровой армии? О возможности службы в качестве кадровых офицеров лиц, окончивших ускоренные курсы, в документах прямо не говорилось, хотя отмечалось, что они пользовались «всеми правами офицеров, окончивших военные училища в мирное время»[3].

В то же время в другом документе указывалось, что выпускники ускоренных курсов имели «… право на увольнение в запас армии по окончании военных действий распоряжением военного министра»[4]. Противоречащие друг другу положения не позволяют определить, каким образом решалось бы их будущее после войны. Возможно, желавшие остаться в армии получили бы такую возможность после получения дополнительного военного образования, или сдачи соответственных экзаменов. На практике, однако, этот вопрос не возник, ввиду революционных событий 1917 г., а также юридической ликвидации корпуса офицеров.

Что касается выпускников школ прапорщиков, то они были обязаны отбыть срок обязательной службы в войсках[5], в соответствии с Уставом о воинской повинности. То есть, продолжение офицерской службы в мирное время для них не предусматривалось.

---

[1] Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 47. Л. 3.

[2] *Свечин А*. Искусство вождения полка. По опыту войны 1914–18 гг. Т. 1. С. 42, 92.

[3] Приказ по военному ведомству от 28 января 1915 г. № 42 // Приказы по военному ведомству за 1915 год. С. 125.

[4] Приказ по военному ведомству от 31 октября 1914 г. № 696 // Разведчик. 1914. № 1258. С. 841.

[5] Приказ по военному ведомству от 28 января 1915 г. № 43 // Приказы по военному ведомству за 1915 год. С. 127.

Исходя из содержания документов, определявших образовательный ценз при поступлении в военно-учебные заведения военное время, можно сделать вывод: военные училища по своему положению были выше школ прапорщиков. В то же время, когда в 1916 г. военному министру в очередной раз было предоставлено право, привлекать на службу в войска молодых людей, пользовавшихся отсрочками для окончания курса высших учебных заведений, 13 школ прапорщиков пехоты были переформированы в школы с четырехмесячным курсом. Эти школы предназначались для укомплектования их только «воспитанниками высших учебных заведений», принимавшимися без экзамена. Успешно окончившие курс выпускники производились в прапорщики с такими же правами, как у тех, кто окончил пехотные училища с ускоренным четырехмесячным курсом. Срок обучения в таких школах прапорщиков мог быть увеличен, в случае надобности, до 12 месяцев[1].

Следует отметить, однако, что из таких школ был сделан только один выпуск, после чего их вновь переформировали в школы прапорщиков общего типа. Это было вызвано тем, что студенты, имея достаточно высокое общее образование, совершенно не имели военной подготовки, даже на уровне рядового первого года службы.

В офицерское звание производились не только выпускники военных училищ с ускоренным курсом и школ прапорщиков. В сентябре 1914 г. был издан приказ, в соответствии с которым к производству в чин прапорщика допускались нижние чины унтер-офицерского звания, наиболее отличившиеся в боях. Производство совершалось властью главнокомандующих армиями фронтов, с последующим утверждением императором[2].

Например, в октябре 1914 г. приказами главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерал Н. И. Иванова в чин прапорщика были произведены свыше сотни унтер-офицеров различных родов войск. В одном из приказов пере-

---

[1] Приказ по военному ведомству от 30 марта 1916 г. № 162 // Приказы по военному ведомству за 1916 год. Пг., 1916. С. 179, 183.

[2] Приказ по военному ведомству от 18 сентября 1914 г. № 617 // Разведчик. 1914 . № 1250. С. 699.

числяются 57 человек[1], в другом – 10[2], в третьем – 51[3]. Такие офицеры, как и окончившие ускоренные курсы военных училищ по 2-му разряду, могли быть произведены в чины только до штабс-капитана (штабс-ротмистра) включительно. Дальнейшее чинопроизводство было возможно лишь в случае сдачи специального экзамена[4].

В феврале 1915 г. императором было утверждено решение, в соответствии с которым чин прапорщика действительной службы мог присваиваться вольноопределяющимся, охотникам и лицам, призванным по жребию, имевшим 1-й разряд по образованию, как призванным из запаса, так и находившимся на действительной службе. В строевых частях, участвовавших в боевых действиях, подобное чинопроизводство происходило после четырех месяцев службы, без экзамена, властью главнокомандующих армиями фронтов и командующих отдельными армиями, с последующим утверждением Высочайшими приказами. В прочих строевых частях – после шести месяцев службы и сдачи соответствующего экзамена при штабах дивизий, корпусов или управлениях запасных пехотных бригад. Нижние чины 2-го разряда по образованию могли производиться в чин прапорщика только за боевые отличия или в случае окончания школы прапорщиков[5]. Почти до конца 1916 г. эти правила действовали во всех родах войск.

В ноябре 1916 г. вышел приказ, который несколько изменял правила производства в прапорщики вольноопределяющихся, охотников и жеребьевых 1-го разряда по образованию в инженерных и технических войсках (понтонные, саперные, минные, авиационные, автомобильные, броневые и др. части). Такие военнослужащие производились в прапорщики после сдачи экзамена в комиссиях, учреждавшихся при инженерных училищах. В то же время, как и ранее, все нижние

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 7. Л. 204–205 об.
[2] Там же. Л. 206–206 об.
[3] Там же. Л. 207–208 об.
[4] Приказ по военному ведомству от 18 сентября 1914 г. № 617 // Разведчик. 1914 . № 1250. С. 699.
[5] Приказ по военному ведомству от 5 марта 1915 г. № 110 // Приказы по военному ведомству за 1915 год. С. 204.

чины, достигшие унтер-офицерского звания, в случае боевых отличий могли производиться в прапорщики без экзамена[1].

Общее число офицеров военного времени определяется по-разному. Некоторые исследователи утверждают, что всего военные училища и школы прапорщиков подготовили примерно 225 тыс.[2] офицеров военного времени, из которых от 101,5 до 109 тыс. человек[3] выпустили школы прапорщиков. Кроме того, свыше 22 тыс. нижних чинов[4] получили офицерский чин за боевые отличия.

Несколько иначе оценивает количество офицеров военного времени исследователь истории русского офицерства С. В. Волков. По его утверждению, обобщающие цифровые данные о произведенных за годы Первой мировой войны в офицерский чин военнослужащих отсутствуют. Подсчеты численности офицеров делались на основании общих цифр производства за отдельные периоды или по отдельным видам военно-учебных заведений, с учетом численности офицеров перед войной и потерь среди них. С. В. Волков отмечает, что достоверными считались следующие цифры: в течение войны чин прапорщика получили около 220 тыс. человек. Из них около 80 тыс. человек были подготовлены в военных училищах и около 110 тыс. в школах прапорщиков. Исходя из этих данных, в свое время он считал, что численность офицерского корпуса к концу 1917 г. составляла примерно 276 тыс. человек, считая находившихся в плену и раненых, которые не могли вернуться в строй[5].

Однако в ходе последующей работы по персональному учету лиц, произведенных в офицеры (при этом упор делался на приказы о производстве и выпуске из военных училищ и школ прапорщиков), он пришел к выводу, что приведенные

---

[1] Приказ по военному ведомству от 3 ноября 1916 г. № 618 // Приказы по военному ведомству за 1916 год. С. 799, 800.

[2] *Курдюк А. А.* Правовое регулирование ускоренной подготовки юнкеров в военных училищах России (1914–1917 гг.). С. 205.

[3] *Уваров И. А.* Подготовка офицеров российской армии в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5. Ч. 3. С. 160.

[4] *Буравченков А. А.* Офицерский корпус русской армии накануне Октябрьской революции // Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985. С. 147.

[5] *Волков С. В.* Первая мировая война и русский офицерский корпус // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История русской православной церкви. 2011. Вып. 1 (38). С. 112 – 113.

выше цифры значительно преуменьшены. По его мнению, даже с учетом того, что списки выпусков некоторых школ прапорщиков не сохранились, школы выпустили 140 тыс. человек. Количество выпускников военных училищ с ускоренным курсом составило минимум 92 тыс. человек. То есть, всего за годы мировой войны «… было произведено больше офицеров, чем за всю предшествующую историю русской армии»[1]. Общая численность офицеров к концу 1917 г. составляла примерно 320 тыс. человек, считая находившихся в плену, не вернувшихся в строй по ранениям и уволенных в отставку[2].

К подобным выводам пришел и А. В. Ганин: по его подсчетам, к октябрю 1917 г. в русской армии состояло от 250 до 320 тыс. офицеров, из которых 190–260 тыс. являлись офицерами военного времени[3].

Но масштабы войны требовали такого количества офицеров, что даже ускоренные выпуски из училищ и школ прапорщиков не всегда обеспечивали потребности войск. Так, на 1 сентября 1915 г. в действующей армии существовал следующий некомплект офицерского состава: в пехоте – 22630 человек, артиллерии – 819, кавалерии – 409, инженерных войсках – 291[4].

В целом, однако, благодаря увеличению числа военно-учебных заведений и сокращению сроков обучения в них, армия была в достаточной степени укомплектована офицерами (в 1915 г. ускоренные выпуски превысили довоенные в 9 раз, в 1916 г. – в 12 раз)[5].

---

[1] *Он же.* Выпуск офицеров из военных училищ и школ прапорщиков в годы Первой мировой войны (анализ количественных данных) // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской православной церкви. 2014. Вып. 5 (60). С. 35, 44.

[2] *Он же.* Первая мировая война и русский офицерский корпус // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История русской православной церкви. 2011. Вып. 1 (38). С. 115.

[3] *Ганин А. В.* Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 13: *Он же.* Сколько было военспецов? Раскол русского офицерского корпуса в Гражданскую войну в зеркале статистики // Преподавание истории в школе. 2016. № 9. С. 28, 29.

[4] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 145. Л. 138.

[5] *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в.: очерки военно-экономического потенциала. С. 33.

2.2. Структура корпуса офицеров в начале XX века

Системное изучение общества и армии вряд ли возможно без анализа проблем, связанных с «человеческим фактором». Одной из них является изучение социальных групп, из которых состоял офицерский корпус, их национального состава, образования, межличностных и межгрупповых отношений в офицерской среде, влияние которых на морально-психологическое состояние войск и их способность выполнять боевые задачи чрезвычайно велико. Некоторые аспекты данной проблемы изложены в одной из статей автора данной диссертации[1], здесь же мы рассмотрим ее подробнее.

Отметим, что данная проблема остается малоисследованной. До революции военная психология находилась в зачаточном состоянии, социологические исследования в армии не проводились, соответственно, статистические данные и другая информация, касавшаяся взаимоотношений в офицерской среде, отсутствовала. В официальных документах, регулировавших жизнь и деятельность войск (военное законодательство, уставы, наставления, приказы командиров и начальников различного ранга и т.д.) данный вопрос не отражался. В советское время эта проблема исследовалась недостаточно, в современных трудах, посвященных тем или иным аспектам истории русского офицерства, вопросы взаимоотношений в офицерской среде также не раскрываются в необходимой мере[2]. Возможно, в определенной мере это связано с тем, что круг источников, позволяющих ее исследовать, достаточно ограничен. В том или ином виде необходимая информация содержится лишь в военной прессе, а также источниках, носящих личный характер: книгах

---

[1] *Суряев В. Н.* Структура русского офицерского корпуса накануне Первой мировой войны // Российская история. 2017. № 6. С. 114–128.

[2] *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М., 1993; *Он же*. Российское офицерство как служилое сословие // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. М., 2000. С. 285–299; *Гребенкин И. Н.* Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. Рязань, 2010; *Он же*. Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914-1918 гг.: автореф. дис. … докт. ист. наук. Рязань, 2011; *Култышев П. Г.* Русская армия в Первой мировой войне: историко-антропологический аспект: автореф. дис. … канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2010; *Загоруйко М. В.* Российское офицерство в 1917 году (февраль-октябрь): автореф. дис. …канд. ист. наук. М., 2012 и др.

и брошюрах, написанных военными публицистами того времени, мемуарах, дневниках, письмах, воспоминаниях современников и т.д. Безусловно, подобные источники носят субъективный характер. В то же время, в источниках подобного рода сосредоточена информация, которую не могут заменить никакие другие сведения. Аналогичными являются труды, созданные представителями военной эмиграции[1].

Изучение источников и литературы показывает, что дореволюционное офицерство представляло собой особый социально-профессиональный слой, члены которого обладали неодинаковым социальным статусом. В этой связи военный публицист начала XX в. отмечал, что офицерский корпус – это «… весьма неоднородная, разношерстная масса офицеров, расчлененная разнообразием служебных прав на целый ряд групп, сильно отличающихся друг от друга…»[2].

Основных групп было три: армейские офицеры (делившиеся на подгруппы по родам оружия), офицеры гвардии, офицеры Генерального штаба. В основе групповых отличий лежали престижность службы, перспективы служебной карьеры, отношение «высшего света» к той или иной категории офицерства, образование. Громадное большинство офицерского корпуса составляли армейские офицеры, по родам войск подразделявшиеся на офицеров пехоты, кавалерии, артиллерии, инженерных и железнодорожных войск[3]. Их служебная деятельность была сопряжена со значительными морально-психологическими и физическими нагрузками, при этом возможности карьерного роста являлись весьма ограниченными. Армейские части дислоцировались по всей стране, в том числе, в отдаленных местностях Дальнего Востока и Сибири, в просторечье называвшихся «медвежьими углами», а также в Средней Азии и на Кавказе. Сословное происхождение членов этой группы было различным (подробнее об этом будет сказано в пара-

---

[1] *Флуг В.* Высший командный состав // Военная мысль в изгнании: творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 283 – 319; *Геруа Б. В*. Воспоминания о моей жизни: в 2 т. Париж, 1969; *Воронович Н*. Всевидящее око. Из быта русской армии. Нью-Йорк, 1951; *Макаров Ю. В*. Моя служба в старой гвардии. 1905–1917. Мирное время и война. Буэнос-Айрес, 1951 и др.

[2] *Новицкий В.Ф.* На пути к усовершенствованию государственной обороны. СПб., 1909. С. 119.

[3] Свод военных постановлений 1869 г. Книга V. Устройство и состав войск и управление ими. С. 7.

графе 3.1.), здесь же отметим только, что часть из них являлась потомственными дворянами, но не имела никаких привилегий и преимуществ по службе.

Во многом иной была служба гвардейских офицеров. Гвардейские части дислоцировались в Петербурге и Варшаве, имели особую форму, были приближены к императорскому двору. В течение долгого времени гвардейское офицерство традиционно состояло из потомственных дворян; в некоторых частях, как, например, в лейб-гвардии Преображенском и Кавалергардском полках служили представители самых знатных дворянских родов России. Кроме того, в гвардии служили все великие князья, а шефами гвардейских полков являлись члены императорской фамилии[1].

Один из германских полковых командиров, бывавший в России, писал: «В петербургском обществе встречаешься, только с офицерами гвардейских полков… армейский офицер не играет в обществе никакой роли… Выражение «армейский» имеет почти презрительный оттенок»[2].

Вплоть до начала XX столетия о переводе в гвардию того или иного армейского офицера, в случае наличия вакансии, могли ходатайствовать лишь командиры гвардейских полков. В 1901 г. решение этого вопроса, по формальным признакам было упрощено, так как и в гвардию, и в армейские части попадали выпускники одних и тех же военных училищ. В соответствии со специальным приказом, армейские офицеры в чине от подпоручика (корнета) до капитана (ротмистра) могли быть удостоены перевода в гвардейскую пехоту и гвардейскую кавалерию а) для замещения вакансий б) за отличия в мирное время в) за боевые отличия. Переводиться в гвардейскую пехоту и кавалерию имели право армейские офицеры любого рода войск. В то же время, в гвардейскую артиллерию и лейб-гвардии саперный батальон могли переводиться только армейские артиллеристы и офицеры инженерных войск соответственно. Условия перевода в мирное время были достаточно сложными: в частности, большое значение придавалось военно-образовательному цензу, выдвигался ряд условий, касавшихся службы в армей-

---

[1] Императорская гвардия / Изд. второе (по 1 мая 1910 г.). СПб., 1910. С. 5 – 210.
[2] *Базедов Г., фон.* Путевые впечатления о военной России / пер. с нем. СПб., 1911. С. 10.

ских частях и т.д. Тем не менее, формально возможность перевода армейцев в гвардию существовала. Переводы за боевые отличия не ограничивались никакими правилами, зависели только от личных заслуг каждого и совершались по Высочайшему усмотрению[1].

В официальных документах, регламентировавших вопросы прохождения офицерской службы в гвардейских частях, вопросы сословного происхождения не затрагивались. Лучшие выпускники военных училищ могли производиться в подпоручики гвардейской пехоты, выпускники кавалерийского училища – в корнеты гвардейской кавалерии[2]. Данный подход отчасти все же было дискриминационным, так как имелись в виду только выпускники военных училищ, но не юнкерских. После преобразования юнкерских училищ в военные «отличнейшие из перворазрядных юнкеров», их окончившие, также получили право перевода в гвардию[3].

В реальной жизни, однако, нередко возникали сложности, в том числе, связанные с существовавшими в среде гвардейских офицеров традициями. Так, поступить на службу в любую гвардейскую часть можно было только «на основании голосования офицеров полка, извне на которое никто не мог повлиять»[4]. Например, в лейб-гвардии Егерском полку для этого требовалось «…получить не менее двух третей голосов «за» из числа офицеров…»[5], присутствовавших на общем собрании. Именно согласие, или же несогласие офицеров полка на прием в свою среду нового сослуживца являлся главным условием, определявшим судьбу претендента на службу в гвардейской части. Так, в начале XX столетия в один из гвардейских полков были направлены выпускники военных училищ, оказавшиеся

---

[1] Приказ от 27 апреля 1901 года № 166 // Приказы по военному ведомству за 1901 год. СПб., 1901. С. 379–397.

[2] Свод военных постановлений 1869 г. Книга XV. Заведения военно-учебные. С. 159.

[3] 36932. Об изменении статей… книги XV Свода военных постановлений 1869 года (изд. 3) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXXII. 1912. Отделение I. Петроград, 1915. С. 323; Приказ по военному ведомству № 322 // Разведчик. 1911. № 1085. С. 506.

[4] *Врангель А. П.* Генерал Врангель: доверие воспоминаний // Бароны Врангели: воспоминания. М., 2006. С. 311.

[5] *Скорино Н.* Лейб-гвардии Егерский полк: очерки мирной жизни // Военная быль. 1966. № 81. С. 2.

выходцами не из дворянской среды. В полку, который дислоцировался в Варшаве, полковой адъютант вручил им заранее заготовленное письмо. В нем говорилось, что командир полка и общество офицеров не считают возможным принять их в свою среду. Выпускники пожаловались военному министру А. Н. Куропаткину, который в это время как раз был в Варшаве. Однако тот ничего не смог сделать: на сторону гвардейцев встал главнокомандующий войсками гвардии, великий князь Владимир Александрович. В конце концов, выпускники были направлены в армейские части[1].

О снобизме, проявлявшемся гвардейским офицерством в отношении офицеров со стороны, стремившихся служить в гвардии, свидетельствует и такой факт. В 1906 г. начальником 1-й гвардейской пехотной дивизии был назначен генерал-майор П. А. Лечицкий, человек незнатного происхождения и не имевший академического образования. Очевидец писал, что это назначение вызвало среди части гвардейских офицеров недовольство, считавших, что хотя он и герой Русско-японской войны, но «гвардии, по своим данным, совершенно чуждый»[2].

К чести гвардии, следует отметить: подобный подход касался не только происхождения и образования офицеров. Князь В. С. Трубецкой, сам бывший лейб-гвардеец, характеризуя Преображенский и Кавалергардский полки, писал о тщательном отборе для службы в этих частях. «Носить громкую старинную дворянскую фамилию и обладать средствами и придворными связями, было еще далеко недостаточно, чтобы поступить в один из этих рафинированных полков. Туда мог попасть только безупречно воспитанный молодой человек, о репутации и поведении которого полком собирались тщательные справки. <…>. Случаи, когда сыновья министров и высших сановников при представлении в эти полки получали отказ, не были исключением»[3].

Чтобы попасть в гвардию, требовались достаточно высокие успехи в учебе. Советский исследователь истории русской армии П. А. Зайончковский отмечал:

---

[1] *«Дельта».* Гвардия // Разведчик. 1908. № 898. С. 22.
[2] *В. Б – к.* Генерал Платон Алексеевич Лечицкий // Военная быль. 1965. № 72. С. 2.
[3] *Трубецкой В. С.* Записки кирасира: Мемуары. М., 1991. С. 15.

«Для того чтобы быть выпущенным в гвардию, требовалось… успешно окончить училище, иметь так называемый «гвардейский» балл: средний балл по всем предметам не ниже 9 и по знанию строевой службы не менее 11 баллов при 12-балльной системе»[1].

Утверждение П. А. Зайончковского подтверждается тем, что в мирное время к переводу в гвардейскую пехоту и кавалерию из армейских частей после предварительного прикомандирования для испытания по службе, допускались только офицеры, отвечавшие определенным требованиям. Имеется в виду то, что по военно-образовательному цензу офицеры официально разделялись на три категории[2], при этом в гвардию могли переводиться офицеры, относившиеся только к 1-й или 2-й категории. В основном, это были военнослужащие, окончившие военно-учебные заведения по 1-му разряду. Лица, относившиеся к 3-й категории по военно-образовательному цензу, могли быть переведены в гвардию только за боевые отличия[3]. Таким образом, офицеры, служившие в гвардии, в большинстве своем обладали достаточными способностями и военными знаниями.

Многие части, получившие наименование «лейб-гвардейских» в свое время проявили выдающееся мужество и стойкость в боях с противником; в этой связи они и были удостоены столь почетных наименований. История гвардейских полков насчитывала по 150 – 200 лет, они были широко известны, служить в них считалось большой честью. В армии, однако, считали, что несправедливо распространять отличия, «… дарованные части за ее боевые заслуги тому личному составу, какой был в части в момент оказания ею боевых подвигов, и на последующие поколения личного состава офицеров…»[4]. Кроме того, некоторые гвардейские полки уже в момент формирования получили статус гвардейских частей.

---

[1] *Зайончковский П. А.* Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П. А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации, воспоминания о нем. М., 1998. С. 34.
[2] Свод военных постановлений 1869 года. Книга VII. Прохождение службы по военному ведомству / Издание второе (по 1 января 1907 года). СПб., 1907. С. 241.
[3] Там же. С. 96, 97.
[4] *«Дельта».* Гвардия // Разведчик. 1908. № 898. С. 21.

Неравенство гвардии и армии «по правам и преимуществам» было закреплено на законодательном уровне[1]. Так, гвардейские обер-офицеры имели преимущество в один чин перед офицерами «всех прочих войск», то есть, подпоручик гвардии соответствовал армейскому поручику, поручик – штабс-капитану, штабс-капитан – капитану; в случае перевода гвардейского обер-офицера в любую армейскую часть ему присваивался следующий чин[2]. В гвардии не было чина «подполковник», а был только один штаб-офицерский чин – «полковник». В силу данного обстоятельства гвардейские капитаны, если они не выбыли из гвардейских частей до наступления срока производства в полковники, при переводе в армейские части сразу получали полковничье звание[3].

Каждый гвардейский полковник, хорошо зарекомендовавший себя на службе, становился командиром армейского полка, «тогда как только немногие армейские подполковники могли мечтать о таком высоком назначении»[4] (подробнее о прохождении службы армейским офицерством будет сказано в параграфе 2.4.).

Иными словами, офицеры гвардии продвигались по службе гораздо быстрее, чем армейские офицеры. Статистические данные той поры показывали, что гвардейцы становились полковниками в среднем на 19-м году службы, в то время, как армейцы, сумевшие дослужиться до этого чина – на 29-м году[5]. В некоторых полках гвардейской кавалерии полковниками становились через 14–16 лет службы[6]. Об этом же писал офицер гвардии, указавший в своих мемуарах, что «…действительной привилегией гвардии являлась военная карьера, обеспеченная каждому гвардейскому офицеру…», и что офицеры, одновременно окончившие

---

[1] Свод военных постановлений 1869 года. Книга V. Устройство и состав войск и управление ими. С. 7.
[2] Свод военных постановлений 1869 года. Книга VII. Прохождение службы по военному ведомству. С. 11, 99.
[3] *Новицкий В. Ф.* На пути к усовершенствованию государственной обороны. С. 112.
[4] Там же. С. 60.
[5] *Залесский*, полковник. Немного статистики // Разведчик. 1906. № 794–795. С. 31.
[6] *Новицкий В. Ф.* На пути к усовершенствованию государственной обороны. С. 112.

военное училище, «оказывались одни – в 34–36 лет полковниками, другие в 40–45 лет подполковниками…»[1].

Служба в гвардии была наиболее престижной, поэтому лучшие выпускники стремились попасть служить в гвардейские части. Это было вполне объяснимо: не случайно один из современных исследователей указывает, что гвардейское офицерство являлось «… кадровой обоймой военной и военно-политической элиты империи, а также составляло одну из важнейших страт военной элиты»[2].

Говоря о карьере гвардейских офицеров, следует иметь в виду, что они составляли небольшую часть от общего числа офицеров всех родов сухопутных войск. Накануне мировой войны, например, офицеры гвардейских пехотных и стрелковых полков составляли менее 5% от числа офицерского состава пехотных, стрелковых и гренадерских полков, к гвардии не принадлежавших[3], при этом число гвардейских частей и соединений было гораздо меньше, чем армейских. Например, гвардейская пехота в 1910 г. состояла из трех гвардейских пехотных дивизий и одной гвардейской стрелковой бригады. Для сравнения: накануне Первой мировой войны в русской армии насчитывалось 52 армейских пехотных дивизии, 11 Сибирских стрелковых дивизий, три гренадерских дивизии, одна Кавказская гренадерская дивизия, 16 стрелковых бригад. Гвардейская кавалерия состояла из двух кавалерийских дивизий и одной отдельной гвардейской кавалерийской бригады. В то же время, регулярная армейская кавалерия насчитывала 15 кавалерийских дивизий, Кавказскую кавалерийскую дивизию и три отдельные кавалерийские бригады[4]. Очевидно, что гвардия многократно уступала армии в численности. При этом в 1912 г. из 70 начальников дивизий в пехоте (категория – генерал-лейтенант) 11 человек были выходцами из гвардии, 48 состояли в списках Генерального штаба (часть из них также была выходцами из гвардии), и только 5 на-

---

[1] *Воронович Н.* Всевидящее око. Из быта русской армии. С. 59.
[2] *Чувардин Г. С.* Офицерский корпус российской императорской гвардии в системе военной и военно-политической элиты Российской империи. 1881–1914 гг.: автореф. дис. … докт. ист. наук. Брянск, 2017. С. 28.
[3] *Кавтарадзе А. Г.* Некоторые итоги изучения проблемы «Октябрь и военная интеллигенция» // Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985. С. 152.
[4] *Карлович Максен, фон.* Реорганизация русской армии осенью 1910 года. Ревель, 1911. С. 5–9.

чальников дивизий относились к армейской пехоте. Остальные принадлежали к другим родам войск. В этот же период из 18 начальников регулярных кавалерийских дивизий (категория – генерал-лейтенант) лишь один был выходцем из армейской кавалерии, остальные – гвардейцы и офицеры Генерального штаба. Даже среди начальников иррегулярных казачьих дивизий (таких дивизий было 6) гвардейцев было 3 человека, офицеров Генерального штаба – 1, казаков – 2[1].

Лишь в армейской артиллерии преимущества гвардейцев проявлялись не столь заметно, особенно при назначении на должности командиров батарей: продвижение по службе в этом роде войск происходило быстрее, чем в пехоте и кавалерии. В то же время, и в полевой артиллерии, как указывал современник, «очередь эта постоянно перебивается гвардейцами»[2].

Однако в гвардейской артиллерии привилегии гвардии, в сравнении с армейской артиллерией, проявлялись явственнее: в гвардейских артиллерийских частях генерал в среднем был «моложе годами службы: на 18 лет старейших полковников полевой артиллерии, на 16 лет старших подполковников и на 1–2 года старейших капитанов»[3].

В случаях, когда гвардеец назначался командовать частью в самой гвардии, это давало дополнительные преимущества: если в армии должность командира батальона соответствовала чину «подполковник», то в гвардии – «полковник», а в отдельных гвардейских стрелковых батальонах – «генерал-майор», хотя батальоны во всех случаях состояли из 4 рот. Армейскими полками командовали полковники, гвардейскими – генерал-майоры, хотя, например, армейский кавалерийский полк был многочисленнее и сложнее по составу[4].

Гвардейцы имели определенное преимущество даже перед офицерами Генерального штаба, также являвшимися особой категорией офицеров. Армейский капитан, окончивший академию Генерального штаба и причисленный к Генеральному штабу, имел право только на ускоренное производство из

---

[1] *Олехно А.* Наши начальники дивизий // Разведчик. 1912. № 1122. С. 293.
[2] *Блюмер.* Гвардия и интересы государственной обороны // Разведчик. 1910. № 1023. С. 339.
[3] *Егоров Е.* Омоложение гвардии // Разведчик. 1909. № 960. С. 174.
[4] *Залесский*, полковник. Пора обратить внимание // Разведчик. 1905. № 787. С. 877.

капитанов в подполковники. Между тем гвардейский офицер, получивший такое же образование, продолжал пользоваться преимуществами, предоставлявшимся гвардии. Так, армеец, окончивший академию в чине поручика, по выпуску производился в чин штабс-капитана, с которым и причислялся к Генеральному штабу. Гвардейский поручик, закончивший академию, по выпуску тоже производился в штабс-капитаны, но после причисления к Генеральному штабу производился в капитаны, так как при переводе обер-офицеров гвардии в армию, как уже отмечалось, они сразу же получали следующий чин. Такое положение вещей современник комментировал следующим образом: «Из этого случая видно, что гвардия считается выше Генерального штаба, офицеры Генерального штаба переводятся в армию тем же чином, а гвардейцы в Генеральный штаб с повышением на один чин»[1].

Справедливость требует отметить, однако, что гвардейские привилегии и близость к императорскому двору и высшему свету, а также шефство над полками особ императорской фамилии отнюдь не смягчали требования, предъявлявшиеся к гвардии, как воинским частям. Напротив, от гвардейцев требовалось превосходное несение службы и первенство в боевой подготовке по сравнению с другими полками. Как правило, гвардейская пехота, кавалерия и артиллерия показывали прекрасные результаты в боевой подготовке. «… Гвардейская пехота выбивала по стрельбе всегда «сверх отличного», не отставала и находящаяся под бдительным оком генерал – инспектора артиллерии вел. кн. Сергея Михайловича гвардейская артиллерия, как легкая, так и конная. За подготовкой же гвардейской кавалерии еще со времен своего генерал – инспекторства зорко следил главнокомандующий – вел. кн. Николай Николаевич»[2]. Современник вспоминал, что «так как гвардия была постоянно на виду, то служебные требования, предъявлявшиеся гвардейским офицерам, были очень суровы. Легкомысленно относившийся к службе или малоспособный офицер не мог оставаться в полку и увольнялся в запас или пере-

---

[1] Там же.

[2] *Марыняк А.* Погибнуть или победить. Быт и традиции российской императорской гвардии // Родина. 2000. № 11. С. 110.

водился на гражданскую службу»[1]. В наши дни исследователи также отмечают, что к началу XX столетия российская гвардия «…вполне соответствовала современным требованиям военного искусства»[2].

Кроме того, из состава регулярной армии никто не сражался так доблестно, как гвардейцы. В частности, об этом свидетельствуют данные, собранные известным военным ученым русского зарубежья генерал-лейтенантом Н. Н. Головиным, и приведенные в таблице 2.1.

Таблица 2.1.

Соотношение между кровавыми потерями и попавшими в плен в различных категориях войск в годы Первой мировой войны (в %)

Род войск	Кровавые потери	Пленные
Гвардия	91	9
Гренадерские части	78	22
Пехота (армейская)	65	35
Стрелковые части	82	18
Кавалерия	79	21
Артиллерия	56	44
Инженерные войска	77	23
Ополчение	42	58
Прочие	38	62

Составлено по: *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. Париж: Товарищество объединённых издателей, 1939. Т. 1. С. 163.

Именно в составе гвардейских частей воевали члены императорской фамилии. Так, с началом Первой мировой войны на фронт ушли пятеро братьев – сыновей великого князя Константина Константиновича. Один из них, Олег Константинович, 21-летний корнет лейб-гвардии Гусарского Его Императорского Величества полка, в ходе кавалерийской атаки на немецкий разъезд в сентябре 1914 г. первым доскакал до врага, был ранен в бою и через два дня умер в госпитале[3].

---

[1] *Воронович Н.* Всевидящее око. Из быта русской армии. С. 60.

[2] *Чувардин Г. С.* Офицерский корпус российской императорской гвардии в системе военной и военно-политической элиты Росссийской империи. 1881–1914 гг.: автореф. дис. … докт. ист. наук. Брянск, 2017. С. 28.

[3] *Лазаревский Б.* Князь Олег Константинович // Нива. 1915. № 40. С. 733–734.

Еще одной социальной группой в составе офицерского корпуса, чья служба считалась престижной, а карьерный рост происходил достаточно быстро, являлись офицеры Генерального штаба. Не случайно наш современник Г. С. Чувардин, специализирующийся на исследовании военной и военно-политической элиты Российской империи, относит часть высшего офицерства Генерального штаба и профессорско-преподавательский состав Николаевской академии Генерального штаба к военной элите[1].

Германский офицер и писатель Г. фон Базедов, неоднократно бывавший в России, писал, что офицерство русского Генерального штаба «… представляет замкнутое в себе сословие. Кто одел его мундир – черный бархатный воротник с серебряным шитьем и серебряными аксельбантами,… тот сохраняет его на все время службы»[2].

Количество генштабистов было невелико. Так, к 1 января 1908 г. по штату было положено иметь следующее количество офицеров Генштаба: всего – 708 человек, из них 73 генерала, 434 штаб-офицера и 201 обер-офицер[3].

1 января 1911 г. в Генеральном штабе налицо состояло 659 человек: в центральных учреждениях – 113, в окружных управлениях и строевых штабах: генералов – 63, штаб-офицеров – 304 и обер-офицеров – 179[4].

В последующие годы количество офицеров Генерального штаба несколько увеличилось. К 1 июня 1914 г. в списках Генерального штаба числились 82 «полных» генерала, 115 генерал-лейтенантов и 225 генерал-майоров. В этих же списках состояли 455 полковников, 117 подполковников, 232 капитана. Кроме того, около 200 обер-офицеров были причислены к Генеральному штабу, и около 130 обер-офицеров, причисленных к Генштабу, были прикомандированы к

---

[1] *Чувардин Г. С.* Офицерский корпус российской императорской гвардии в системе военной и военно-политической элиты Росссийской империи. 1881–1914 гг.: автореф. дис. … докт. ист. наук. С. 32.
[2] *Базедов, Г., фон.* Путевые впечатления о военной России. С. 9.
[3] Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1907 год. С. 26.
[4] Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1910 год. С. 13.

войскам для отбывания строевого ценза в качестве командиров рот, эскадронов и сотен, так как были еще только причислены к Генеральному штабу[1].

По подсчетам А. В. Ганина, накануне Первой мировой войны офицеры Генерального штаба составляли около 2 % корпуса офицеров[2]. К осени 1917 г. генштабистов насчитывалось около 1350 человек, из них около 500 генералов, 500 полковников и подполковников, 270 капитанов[3].

Однако, при небольшой численности этой категории военнослужащих 23 из 37 командиров корпусов (категория – «полный генерал») в 1912 г. являлись генштабистами[4]. В годы мировой войны от 68 до 77 % начальников пехотных и кавалерийских дивизий, 62 % корпусных командиров также состояли в списках Генерального штаба[5].

По свидетельству А.И. Деникина, «для непривилегированного офицерства карьеру можно было сделать» именно через Генштаб[6]. Для этого требовалось окончить Николаевскую академию Генерального штаба, в которую до 1909 г. поступать могли обер-офицеры всех родов войск, до чина штабс-капитана армии и поручика гвардии включительно[7].

В 1909 г. академия была переименована в Императорскую Николаевскую военную академию, а к приему стали допускаться офицеры включительно до капитанов гвардии и армии, прослужившие не менее 3 лет в строевых частях[8].

Отбор в академию был чрезвычайно строгим. Для допуска к вступительным экзаменам в академию требовалось сдать предварительные экзамены в штабах округов, цель которых заключалась в определении, способен ли тот или иной военнослужащий учиться в высшем учебном заведении. Так, в 1911 г. предваритель-

---

[1] Список Генерального штаба (исп. по 1 июня 1914 г.). Пг., 1914. С. 1–696.
[2] *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917 –1922 гг. Справочные материалы. М., 2009. С. 14.
[3] *Спирин Л.* В.И. Ленин и создание советских командных кадров // Военно-исторический журнал. 1965. № 4. С. 12.
[4] *Олехно А.* Наши корпусные командиры // Разведчик. 1912. № 1121. С. 275.
[5] *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 67.
[6] Там же.
[7] Свод военных постановлений 1869 года. Книга XV. Заведения военно-учебные. С. 18.
[8] Приказ по Военному ведомству 1909 года № 311 // Разведчик. 1909. № 982. С. 479.

ный экзамен в штабах округов сдавал 641 офицер, но к конкурсным экзаменам в академии было допущено только 295 из них. Выдержали вступительный экзамен в академию 147 человек, но принято было лишь 92 офицера[1].

В академии был младший и старший классы, а также дополнительный курс. Окончившие два класса делились, в зависимости от успеваемости, на два разряда – первый и второй. К первому разряду относились те, кто имел «в среднем выводе из баллов по главным предметам не менее 10, а в среднем выводе из баллов по вспомогательным предметам – не менее 9, из каждого же предмета отдельно – не менее 7»[2] (по 12-балльной шкале). Окончившие два класса по первому разряду переводились на дополнительный курс для подготовки по службе Генерального штаба, остальные офицеры отправлялись в войска[3].

Например, в 1903 г. два класса академии закончили 103 офицера, из которых 77 человек остались для продолжения учебы, а 26 человек, получивших второй разряд, отправлены на прежние должности[4].

Служебная карьера офицеров, не переведенных на дополнительный курс, была неопределенной, так как они, получив высшее военное образование, к Генеральному штабу не причислялись, то есть, оставались обычными армейскими офицерами. В то же время, некоторые преимущества при продвижении по службе они все же имели. Карьера тех, кто продолжал учебу, была иной. Успешно окончившие дополнительный курс причислялись к Генеральному штабу и производились в следующий чин – до капитана армии и штабс-капитана гвардии включительно[5].

С 1909 г., после принятия решения о переименования академии Генерального штаба в Николаевскую военную академию очередной чин по выпуску не присваивался, вместо этого лиц, окончивших учебное заведение по первому разряду, представляли к награждению орденом. Кроме того, все офицеры, окончив-

---

[1] Хроника // Разведчик. 1911. № 1095. С. 663; *М. Ц.* О предварительных испытаниях при поступлении в Николаевскую военную академию // Разведчик. 1910. № 1036. С. 540.
[2] Свод военных постановлений 1869 г. Книга XV. Заведения военно-учебные. С. 29.
[3] *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 67.
[4] Заметки // Разведчик. 1903. № 681. С. 982.
[5] Свод военных постановлений 1869 г. Книга XV. Заведения военно-учебные. С. 31.

шие академию по первому и второму разрядам, получали право быть переведенными из своих частей в другие части и из одного рода оружия в другой (кроме гвардейцев)[1].

По выпуску из академии «перворазрядники», будучи причисленными к Генеральному штабу, на два года командировались в войска (для выполнения строевого ценза, т.е. командования ротами или эскадронами)[2], после чего зачислялись в корпус офицеров Генерального штаба. В этом качестве выпускники академии служили в штабах дивизий, корпусов, округов, а также управлениях военного министерства. Имея высшее военное образование, они получали преимущественное право продвижения по службе. Генерального штаба генерал-майор Б. В. Геруа в этой связи писал: «Служить в Генеральном штабе считалось в армии завидной долей. Действительно, офицер…, зачисленный в Генеральный штаб, попадал в верную служебную колею с ускоренным и регулярным производством и на лестницу назначений, приводивших его к заветному генеральству в кратчайший срок»[3].

Прослужив 12–13 лет в штабных структурах, генштабисты возвращались в строевые части, где назначались командирами полков. Армейские офицеры считали подобный подход неверным, так как строевой ценз у этих командиров был недостаточен. За все годы службы в штабах и управлениях они лишь на четыре месяца прикомандировывались в строевые части для отбытия строевого ценза – командования батальоном в пехоте или дивизионом в кавалерии. Высказывалось мнение, что двух лет командования ротой (эскадроном) и четырех месяцев батальоном (кавалерийским дивизионом) было совершенно недостаточно для назначения на должность командира полка. Тем более что через относительно небольшой срок такой офицер Генштаба мог получить должность командира бригады и чин генерала[4].

---

[1] Приказ по Военному ведомству 1909 года № 311 // Разведчик. 1909. № 982. С. 479.
[2] Свод военных постановлений 1869 г. Книга XV. Заведения военно-учебные. С. 35.
[3] *Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни: в 2 т. Париж, 1969 – 1970. Т. 1. С. 149.
[4] *О. Г. Ш.* Генеральный штаб и строй // Разведчик. 1913. № 1206. С. 764–766.

В обиходе строевые армейские офицеры называли таких назначенцев из штабов «пришлым элементом», причем, число таких назначений, в мирное время было весьма заметным. «Если среди подполковников армейской пехоты пришлый элемент в 1912 году составлял 9%, то уже среди полковников – старших штаб-офицеров таковых было 23%. Среди командиров полков… пришлый элемент составлял 38%, а среди бригадных командиров… 59%»[1].

Представляется, однако, что служебный рост этой категории офицерского состава нередко был оправданным. В академию Генерального штаба попадали наиболее способные офицеры, получавшие за годы учебы глубокие и разносторонние знания. Именно в академии углубленно изучались тактика, стратегия, история военного искусства, геодезия с картографией, съемкой и черчением, военная администрация и т.д.[2]. Иными словами, корпус офицеров Генерального штаба состоял из военнослужащих, получивших высокий уровень военного образования. Как отмечал генерал-майор Д. П. Парский, «… Генеральный штаб в последнюю войну (автор имел в виду события 1904–1905 гг. – В.С.) дал значительную часть наших лучших начальников от командиров полков до корпусных включительно»[3].

Немалое количество выпускников академии стали известными военачальниками, в том числе, генералы В. М. Драгомиров, А. М. Драгомиров, П. А. Плеве, Д. А. Милютин, В. Е. Флуг, И. Р. Добвор-Мусницкий, П. С. Балуев и многие другие. Организаторами и руководителями Белого движения в годы гражданской войны также были в основном выпускники академии, в числе которых генералы М. В. Алексеев, П. Н. Врангель, А. И. Деникин, Л. Г. Корнилов, Н. Н. Юденич. Бывшие генштабисты М. Д. Бонч-Бруевич, И. И. Вацетис, С. С. Каменев, А. К. Климович, А. И. Корк, Б. М.Шапошников стали крупными советскими военачальниками.

---

[1] *Морозов, Н.* Необходимая мера для улучшения штаб-офицерского состава армии // Разведчик. 1913. № 1199. С. 651.
[2] Свод военных постановлений 1869 г. Книга XV. Заведения военно-учебные. С. 26.
[3] *Парский Д.* Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. СПб., 1908. С. 78.

Следует отметить, что офицеры, окончившие Михайловскую артиллерийскую и Николаевскую инженерную академии, в своих родах войск при прохождении службы пользовались теми же правами и преимуществами, что и выпускники Николаевской военной академии (бывшей академии Генерального штаба)[1]. Однако к корпусу офицеров Генерального штаба они не принадлежали.

Неравные условия прохождения службы оказывали влияние на взаимоотношения между различными группами офицерства, что отмечалось современниками. Так, А. И. Деникин писал о «розни» армейских и гвардейских офицеров, вызванной «… рядом привилегий последних по службе – привилегий, тормозивших сильно и без того нелегкое служебное движение армейского офицерства. Явная несправедливость такого положения, обоснованного на исторической традиции, а не на личных достоинствах, была больным местом армейской жизни…»[2].

На фоне служебной бесперспективности большинства армейцев, привилегии гвардейских офицеров вызывали у них недовольство. Каких-либо социологических опросов в то время в армии не проводилось, но негативные настроения по этому поводу среди офицеров были распространены достаточно широко: об этом свидетельствует большое количество статей в военной прессе тех лет, посвященных проблеме привилегий. Понимая пагубное влияние этого явления на морально-психологический климат в офицерской среде, против привилегированного положения гвардии высказывались как рядовые офицеры, так и представители армейского генералитета. Например, в одной из статей, посвященных этой проблеме, указывалось, что заслуженными боевыми офицерами, отличившимися на войне, командуют командиры полков из гвардейцев, «никогда не нюхавшие пороху», так как «вся честь, слава и повышения» достаются на долю гвардии[3]. Другой автор высказывался еще резче: «Армия безмолвствует, но в душе она глубоко оскорблена существованием гвардейских привилегий»[4].

---

[1] Свод военных постановлений 1869 г. Книга XV. Заведения военно-учебные. С. 31.
[2] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т.1. Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917 г.). Париж, 1921. Вып.1. С. 14–15.
[3] *Куб В.* Гвардия и армия // Разведчик. 1913. № 1182. С. 389.
[4] «*Дельта*». Гвардия // Разведчик. 1908. № 898. С. 24.

Сами гвардейские офицеры также отмечали данное обстоятельство. «Я не хочу скрывать антагонизма, существовавшего до Первой мировой войны между гвардией и армией…, до войны армейцы завидовали гвардейцам и недолюбливали их»[1], – вспоминал в эмиграции бывший офицер гвардии. Положение стало меняться в годы Первой мировой войны, когда мужественное поведение гвардейцев в боях и добровольный переход многих из них в армейскую пехоту для пополнения ее командного состава устранили существовавшие противоречия.

Подобная ситуация существовала также в отношениях между армейцами и офицерами Генерального штаба. Несмотря на то, что служебные преимущества последних во многом обусловливались их образованием и личными качествами, один из генштабистов отмечал: «В строю не любили офицеров Генерального штаба. Помимо ревности, вызываемой быстротой и блеском их карьеры, в толще армии сравнивали этих «счастливцев» с учеными офицерами в других специальностях, например – в артиллерии и в инженерных войсках. Преимущества у этих академиков тоже были, но умереннее, и ученые артиллеристы и военные инженеры не бросались в глаза, как каста»[2].

На подобную тенденцию указывал генерал-лейтенант М. В. Грулев, который писал, что «… в армии – то есть среди строевых офицеров – таилось замаскированное внешним приличием недружелюбное настроение в отношении офицеров Генерального штаба…», которое во время товарищеской беседы прорывалось наружу[3]. Представляется, что описываемое явление вызывалось обычными человеческими чувствами. Когда относительно молодой офицер Генерального штаба становился командиром отдельной части, это казалось несправедливым ротному или батальонному командиру, который десятилетиями служил на нижестоящих командных должностях.

Определенная отчужденность существовала не только между армейскими офицерами, с одной стороны, и офицерами гвардии и Генерального штаба – с

---

[1] *Воронович Н.* Всевидящее око. Из быта русской армии. С. 59.
[2] *Геруа Б. В.* Воспоминания о моей жизни: в 2 т. Т. 1. С. 150.
[3] См.: *Грулев М.* Злобы дня в жизни армии. Брест-Литовск, 1911. С. 66.

другой. В кругах собственно армейского офицерства также была «… некоторая рознь между родами оружия – явление старое и свойственное всем армиям. … Полевая артиллерия косилась на кавалерию и конную артиллерию и снисходила к пехоте; конная артиллерия сторонилась полевой и жалась к кавалерии; наконец, пехота глядела исподлобья на всех прочих и считала себя обойденной вниманием и власти, и общества»[1], – в такой образной форме описывал проблему А.И. Деникин. Другой современник отмечал, что «… специальные артиллерийские и инженерные училища считали себя выше других по образованию, кавалерийские считали себя выше по роду своей службы на коне, пехотные не без зависти смотрели на остальных»[2].

Обращал внимание на это явление и генерал от инфантерии М. И. Драгомиров, который писал: «… оно существует в равной мере и между офицерами разных родов оружия: едва ли…, например, много кавалерийских офицеров, которые водили бы компанию с… артиллерийскими и саперными, – и наоборот»[3]. По мнению генерала, вызывалось это тем, что кавалеристы свысока относились ко всем остальным родам оружия. Иными словами, речь не шла о некой непримиримой вражде. Справедливым представляется мнение офицера, который охарактеризовал отношения между армейскими офицерами различных родов войск как соперничество за звание лучшего рода войск, что и вызывало «профессиональную рознь»[4].

Наибольшее взаимное непонимание наблюдалось между пехотными офицерами и офицерами других родов войск. Анализ источников тех лет показывает, что сложившаяся ситуация обусловливалось двумя причинами. Первая из них заключалась в различном уровне образования, которое имели офицеры. Как отмечалось ранее, офицеры технических родов войск в целом обладали более высоким уровнем общего образования (полученным до службы), нежели пехотинцы. Даже после преобразования двухгодичных юнкерских пехотных училищ в трехклассные военные училища, многие поступавшие в них имели пониженный уровень

---

[1] *Деникин А.И.* Путь русского офицера. С. 61.
[2] *Барсуков Е. З.* Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.): в 4 т. Т. 4. С. 112.
[3] *Драгомиров М.* Одиннадцать лет. 1895–1905 гг.: в 2 т. СПб:., 1909. Т. 2. С. 405.
[4] *Фисенков, капитан*. Из быта кадетских корпусов // Разведчик. 1906. № 836. С. 793.

общего образования. Кроме того, собственно военная специальность в этих учебных заведениях изучалась один год до преобразования и два года после преобразования, в то время как в специальных училищах – три года.

На примере обер-офицерского состава в таблице 2.2. приведем данные, характеризовавшие военное образование обер-офицеров русской армии в 1911 году.

Таблица 2.2.

Общее и военное образование обер-офицеров русской армии в 1911 г. (в %)

Наименование родов войск	Среднее общее образование	Низшее общее образование	Военные училища	Юнкерские училища
Пехота	50,87	33,33	31,02	64,82
Кавалерия	81,27	9,66	59,74	36,48
Артиллерия	98,41	0,44	92,86	2,82
Инженерные войска	97,94	0,88	90,55	2.27
Железнодорожные войска	87,70	7,76	81,29	14,64

Составлено по: Военно-статистический ежегодник армии за 1911 год. СПб: Военная типография, 1913. С. 176.

Незначительный процент обер-офицеров, не указанный в таблице, имел высшее или домашнее общее образование. В области военного образования небольшое число обер-офицеров имели за плечами военные академии, или же не учились в военно-учебных заведениях. Из данных, приведенных в таблице, видно, что уровень образования обер-офицеров во всех родах войск был выше, чем в пехоте. Большинство штаб-офицеров в пехоте (59,22 %) также окончили юнкерские училища, в то время как в артиллерии таких было лишь 2,52 %, в инженерных войсках – 4,2 %, в железнодорожных войсках – 20 %, в кавалерии – 50,28 %[1].

Второй и главной причиной, вызывавшей в мирное время своего рода трения между армейскими офицерами являлась «… разница в самой службе офицера

[1] Военно-статистический ежегодник армии за 1911 год. С. 176.

того или иного рода оружия…»[1]. Военная пресса отмечала, что пехотные офицеры несли на себе исключительный по тяжести труд, незнакомый офицерам других родов оружия. Если кавалерии и артиллерии ставились задачи, где принимались «… во внимание лошадь, сбережение ее сил и здоровья», то пехота получала задачи, «… свободные от каких бы то ни было соображений, кроме тактических…»[2]. Внешнее впечатление, производимое службой в пехоте, современник описывал следующим образом. Офицеры шли десятки верст «в пропотевшем насквозь кителе и фуражке, с лицом, покрытым пылью…, пехотный офицер… не может своей внешностью импонировать, кому бы то ни было, и в этом первое, резко бросающееся, отличие его от офицеров остальных родов оружия»[3].

Австрийский военный корреспондент при русской армии в годы Русско-японской войны, отмечал, что пехотные офицеры выражают недовольство своей службой, жалуются на судьбу и критикуют начальство. В свою очередь, русский публицист подчеркнул наблюдательность австрийца и указал, что «… черты, схваченные им, хотя и поверхностны, но характерны»[4].

Между тем, несмотря на интенсивное развитие специальных (технических) родов войск, происходившее в начале XX столетия во всех европейских армиях, главным родом войск продолжала оставаться пехота. В русской армии пехота также являлась главным по значению и наибольшим по численности родом войск, обладавшим решающей мощью: ее огневая мощь возросла в несколько раз за счет пулеметов и индивидуального магазинного оружия. В официальных документах отмечалось: «Главная роль в бою принадлежит пехоте; прочие роды войск должны всеми мерами содействовать ей в достижении боевых целей…»[5].

В отчете Военного министерства отмечалось, что в «пехоте, главной силе войск», в 1907 г. служили 72,07 % личного состава всех родов оружия[6]. Именно

---

[1] *С – ов С.П.* К вопросу об антагонизме // Разведчик. 1912. № 1115. С. 178.
[2] Там же. С. 179.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Наставление для действий пехоты в бою. Высочайше утверждено 27 февраля 1914 года. Киев, 1916. С. 3.
[6] Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1907 год. С. 3.

пехота, решая главные боевые задачи, несла самые тяжелые потери в ходе военных действий. Так было и в Русско-японскую, и в Первую мировую войны, когда убыль пехотных офицеров многократно превышала убыль офицеров в артиллерии, кавалерии и инженерных войсках.

Несмотря на все это, как в обществе, так и в военной среде служба в пехоте не считалась престижной. Как указывал один из русских генералов, «в армии и обществе по традиции принято считать службу и среду артиллерии и инженерных войск выше и чище, нежели в пехоте»[1]. Иностранные военачальники также отмечали, что кавалеристы, офицеры артиллерийских и инженерных частей пользовались большим уважением, чем пехотинцы[2].

Кроме того, чрезвычайным почетом пользовались военные летчики (в ноябре 1910 г. была открыта офицерская школа авиации в Севастополе, в ноябре 1911 г. состоялся первый выпуск)[3].

Таким образом, существовало положение, которое очевидцы описывали следующим образом: «Разница в службе, в степени затраты сил при неодинаковом положении в глазах общества, дает одной стороне право на некоторую гордость, а другой – на чувство, близкое к досаде, зависти и недовольству; отсюда – то, что мы называем антагонизмом»[4].

Некоторые современники считали сложившееся положение недостатком корпоративного духа в офицерских рядах. Генерал русской армии Я. В. Червинка (чех по национальности, перешедший в свое время на службу в Россию из австро-венгерской армии), считал, что вопрос «общего корпоративного сближения» являлся «самым характерным различием заграничного и нашего корпусов офицеров»[5].

---

[1] *Парский Д.* Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. С. 46.
[2] *Базедов, Г., фон*. Путевые впечатления о военной России. С. 10.
[3] Заметки // Разведчик. 1912. № 1121. С. 269.
[4] *С – ов С. П. К* вопросу об антагонизме. С. 179.
[5] *Червинка Я.* Военная карьера у нас и за границею // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 182.

Однако есть свидетельства, что и за рубежом существовала проблема корпоративности в офицерской среде. Офицер русского Генерального штаба в своем отчете об австрийской армии за 1911 г. докладывал: «Товарищество – только показное. Офицеры различных родов войск живут каждый особняком, что ясно видно в кафе, где артиллеристы сидят за отдельным столом, обозные также, офицеры одного пехотного полка не сидят с офицерами другого и т. п.»[1].

Я. В. Червинка считал, что дух корпоративности был особенно присущ германскому офицерству, где, по его утверждению, быстро отмечались слабые стороны воспитания, недостатки характера и пробелы в познаниях каждого члена корпорации, которые подвергались товарищеской критике; одновременно учитывались и поощрялись лучшие его качества. Генерал считал, что отношения между германскими офицерами строились на основе товарищества, как в повседневной жизни, так и при несении службы, при этом проступки офицеров никогда не покрывались «ложными понятиями о товариществе»[2].

В русской армии, утверждал Я. В. Червинка, положение было иным. Он писал, что в офицерской среде корпоративного духа не было, существовала «сравнительная разрозненность», когда даже офицеров одного полка связывали «…только служебные обязанности и уставные требования», и оказывались «… нередко обособлены духом даже полки одних и тех же бригад, дивизий»[3].

Вероятнее всего, генерал Я. В. Червинка идеализировал корпоративный дух германского офицерства. Можно предположить также, что он чрезмерно критически оценивал взаимоотношения офицеров русской армии. В то же время, в его рассуждениях о недостаточном внутреннем единении русского офицерства, по всей видимости, было немало справедливого. Подтверждением тому служит мнение ряда других современников, в том числе, русских военнослужащих, оказавшихся после гражданской войны в эмиграции. Так, генерал-майор А. В. Туркул указывал: «Были офицеры, доблестные и жертвенные, но корпуса офицеров в

---

[1] Цит. по: *Пикуль Ю. Н.* Подготовка офицерских кадров в военно-учебных заведениях Российской империи (1861–1914 гг.): дис…. канд. ист. наук. Харьков, 2010. С. 131.
[2] *Червинка Я.* Военная карьера у нас и за границею. С. 180, 181.
[3] Там же. С. 183.

России не было, был лишь офицерский состав»[1]. Ему вторил полковник Д. И. Хитров, писавший об «отсутствия корпоративного единства» среди русских офицеров. В одной из эмигрантских офицерских организаций отмечалось, что «в прежней русской армии, в сущности, говоря, не было офицерской корпорации, и каждый офицер жил лишь узкими интересами своей части»[2].

Причиной тому являлась не только разнородность офицерского состава и привилегии, которыми обладали некоторые категории офицеров, но, как ни странно, и желание старших начальников привить офицерам гордость за свой полк. Благое, казалось бы, дело нередко превращалось в стремление «обособить полки в особые уделы со своей историей и прочими признаками автономии», в результате чего собственный полк и его традиции ставились выше всех остальных. Отношение к другим частям складывалось «равнодушное, иной раз даже высокомерное, и товарищами считались только офицеры своего полка»»[3].

В то же время, важным фактором отношений являлось наличие единой для всех офицеров этики, требовавшей соблюдения определенных норм поведения (подробнее офицерская этика будет рассмотрена в параграфе 3.2.). В редких случаях, когда офицер, считавший себя представителем более «престижного» рода войск, позволял себе некорректные высказывания по отношению к представителям других родов оружия, это могло привести к дуэлям[4], иной раз со смертельным исходом. Бывали также случаи, когда дуэли происходили из-за недостаточно уважительных отзывов о чужих полках, хотя бы и одного рода войск[5].

Нельзя оставить без внимания принципиально важное обстоятельство: своего рода отчужденность, присущая отношениям различных групп офицеров, была характерна только для мирного времени. В экстремальной обстановке, каковой

---

[1] Цит. по: *Домнин И.* Грехи и достоинства офицерства в самосознании русской эмиграции // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 494.
[2] Цит по: Там же. С. 495.
[3] См.: *Дмитревский А*. Единодушие в армии обеспечивает и единодушие в полках, но не наоборот // Военный сборник. 1914. № 8. С. 117.
[4] *Деникин А. И*. Путь русского офицера. С. 61–63.
[5] *Макаров Ю. В*. Моя служба в старой гвардии. 1905–1917. Мирное время и война. Буэнос-Айрес, 1951. С. 229.

являлась война, ситуация менялась. Анализ военной прессы тех лет показывает, что, если в довоенный период письма и статьи армейских офицеров, обращавших внимание на неоднозначность отношений в офицерской среде, публиковались регулярно, то с началом боевых действий, как в 1904–1905, так и в 1914–1917 гг. данная проблема не поднималась. Один из армейских генералов, неоднократно выступавший против служебных привилегий гвардии, указывал: «… рознь эта… существовала лишь в мирное время. С началом войны – так было и в японскую и в Первую мировую – она исчезала совершенно»[1].

Подобный феномен вполне объясним: общность задач, решить которые можно было только совместными усилиями, необходимость взаимодействия в бою всех родов войск, от чего в решающей мере зависели как выполнение боевой задачи, так и жизнь самих военнослужащих, отодвигали все второстепенные проблемы. Кроме того, в боевой обстановке продвижение по службе во многом уравнивалось в виду ускоренного чинопроизводства военного времени, а также возможности продвинуться по служебной лестнице за боевые отличия.

Многократное увеличение численности офицерства в годы Первой мировой войны, происшедшее за счет офицеров военного времени, ситуацию не ухудшило. Как резюмирует один из современных исследователей, свидетельств «об острых и масштабных конфликтах» между кадровыми офицерами и офицерами военного времени не имеется[2].

Говоря о взаимоотношениях в офицерской среде, необходимо указать, что, в масштабах достаточно многочисленного социально-профессионального слоя они не могли носить сугубо линейный характер. Представляется, что им было присуще многообразие, как и всему, связанному с психологией людей. Иными словами, межгрупповые и межличностные отношения характеризовались не только отрицательными, но и положительными явлениями. Так, важной особенностью офицерской среды являлось отсутствие конфликтов и противоречий по национально-

---

[1] *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 61.

[2] *Кожинов В. Л.* Проблема социальной адаптации русского офицерства в условиях Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Омский научный вестник. 2009. № 5 (81). С. 18.

му признаку, хотя в рядах корпуса офицеров были представители многих национальностей. Как вспоминал А. И. Деникин, «… в русской армии, национальные перегородки в офицерской, да и в солдатской среде стирались совершенно…»[1]. Более того, в официально утвержденном образце послужного списка офицера, представлявшего собой личное дело военнослужащего, графа «национальность» отсутствовала, взамен в графе 5 указывалось вероисповедание[2].

В отчетах о состоянии военно-учебных заведений сведения о национальной принадлежности юнкеров также не указывались, и также отмечалось лишь вероисповедание[3].

В этом контексте представляется не случайным следующий факт, который описал в своих мемуарах А. И. Деникин. Когда в 1908 г. правая пресса заявила о якобы «засилье иноплеменников» в командном составе, в официальной военной прессе отмечалось, что «русский – не тот, кто носит русскую фамилию, а тот, кто любит Россию и считает ее своим отечеством»[4].

Анализ статистических документов тех лет показывает, что большинство офицеров всех родов оружия были русскими. Так было потому, что русские составляли большую часть населения страны: по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. их было почти 84 млн. человек из 125 млн. 640 тыс. (к русским, наряду с великороссами относили белорусов и малороссов)[5].

Данные о национальном составе офицерства в 1910 г. приведены в табл. 2.3.

---

[1] *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 216.
[2] Свод военных постановлений 1869 года. Книга VII. Прохождение службы по военному ведомству. С. 214.
[3] Отчет о состоянии военно-учебных заведений за 1910 год // Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1910 год. Приложение 9. С. 7–10.
[4] Цит. по: *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 217.
[5] Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям: краткие общие сведения по Империи. СПб., 1905. С. 6,7.

Таблица 2.3.

Национальный состав корпуса офицеров русской армии в 1910 г. (в % и фактических числах)

Русские	Поляки, литовцы, латыши	Немцы, эстонцы	Кавказские народности	Прочие народности
85,8 %	6,7 %	3,1 %	3,1 %	1,3 %
35080 чел.	2762 чел.	1254 чел.	1254 чел.	538 чел.

Составлено по: Военно-статистический ежегодник армии за 1910 г. СПб: Военная типография, 1911. С. 172–173.

Соотношение офицеров разных национальностей в зависимости от воинских чинов – обер-офицерских, штаб-офицерских и генеральских было аналогичным. По всей армии в 1912 г. русские составляли 86,48% генералов, 85,84% штаб-офицеров и 86,70% обер-офицеров[1], что было пропорционально численности русских среди корпуса офицеров.

Принадлежность к той или иной нации никак не влияла на карьеру и службу офицеров. По воспоминаниям А. И. Деникина, некоторые ограничения действовали только в отношении поляков, что вызывалось неоднократными восстаниями и волнениями в Царстве Польском, а также устойчивыми антироссийскими настроениями в польском обществе. Поляки могли стать офицерами, однако «секретными циркулярами, в изъятие из закона, был установлен в отношении их ряд ограничений…», при этом офицеры других национальностей «… в военном и товарищеском быту тяготились этими стеснениями, осуждали их и, когда только можно было, обходили их»[2].

Следует отметить, что упомянутые ограничения в отношении поляков не являлись чрезмерно строгими. Об этом говорит тот факт, что, например, в 1912 г. поляки составляли 5,71 % обер-офицеров, 6,28% штаб-офицеров и 3,33 % генералов русской армии. В пехоте поляки составляли 4,15 % генералов, в кавалерии – 4 %, в инженерных войсках – 14,29 %, в артиллерии – 2,06 %; например, в Петер-

[1] Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. С. 242–243.
[2] *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 217.

бургском военном округе служили 4 генерала-поляка, Варшавском – 3, Киевском – 3, Одесском – 7[1].

Если учесть, что поляки вместе с латышами и литовцами накануне Первой мировой войны составляли 6,7 % от всего корпуса офицеров[2], то, становится очевидным: доля офицеров польского происхождения была пропорциональна процентному составу населения, считавшему себя поляками и называвшими польский язык родным. По официальным данным всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. таких лиц обоего пола насчитывалось в стране 7 млн. 931 тыс. человек[3], что составляло примерно 6,3 % населения России. Лишь процент генералов среди поляков, как следует из приведенных выше цифр, был меньше, чем их общая доля в составе офицерского корпуса.

Каких-либо противоречий по религиозному признаку среди офицеров также не наблюдалось. Громадное большинство офицеров и генералов были православными (среди генералов – 85,41%, штаб-офицеров – 87,50%, обер-офицеров – 88,43%). Остальные являлись католиками, протестантами, мусульманами, незначительное количество офицеров исповедовало другие религии[4].

Что касается прохождения военной службы евреями (как в качестве нижних чинов, так и офицеров), то она зависела не от их национальности, а от того, какую религию они исповедовали. В одном из специальных юридических сборников того времени отмечалось, что «… закон провел очень резкую линию между лицами иудейского вероисповедания и лицами всех других вероисповеданий»[5].

Закон, принятый в 1912 г., напрямую затрагивал прохождение службы только нижними чинами[6]. Однако ограничения прав иудеев, в том числе в вопросе по-

---

[1] Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. С. 204–205, 208–213, 230, 234–235, 242.
[2] Военно-статистический ежегодник армии за 1910 год . С. 172–173.
[3] Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям: краткие общие сведения по Империи. С. 6, 7.
[4] Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. С. 242–243.
[5] Законы о евреях. Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями правительствующего сената и центральных правительственных установлений. Ч. 2. Пг., 1915. С. 472.
[6] Закон об изменении устава о воинской повинности: приказ по военному ведомству 1912 года № 349 // Приказы по военному ведомству за 1912 год. СПб., 1912. С. 708–738.

лучения ими офицерских чинов, были введены ранее. Так, начиная с 1887 г., евреев-вольноопределяющихся перестали допускать к экзамену на офицерский чин[1]. В апреле 1905 г. вышел специальный приказ, в котором указывалось: «Вольноопределяющиеся-евреи и последователи других вредных сект не допускаются к держанию экзамена на звание прапорщика запаса»[2].

Нижние чины-иудеи не имели права проходить обучение в юнкерских и военных училищах. В процессе прохождения службы по призыву или в качестве вольноопределяющегося иудеи, имевшие звание рядового, могли быть произведены в унтер-офицеры, но, в отличие от представителей остальных национальностей, это не предоставляло им права по окончании службы поступать в военное училище[3].

Юристы того времени отмечали, что многие документы, ограничивавшие прием лиц иудейского вероисповедания в те или иные учебные заведения, официально не публиковались[4], но запрет на получение иудеями офицерского чина соблюдался достаточно строго. Один из современных исследователей истории российского еврейства отмечает, что в период с 1874 по 1917 гг. таковой получили всего девять человек, причем из них только один – за отличия по службе. Остальные восемь человек являлись членами семей крупнейших еврейских банкиров, которые «… были зачислены в офицерский корпус из соображений сословного престижа»[5] и не собирались посвящать себя военной службе. Вопрос об их производстве в офицеры рассматривался императором Александром III. Во время Первой мировой войны родная сестра Николая II великая княгиня Ксения Александровна хлопотала о разрешении поступить в военное училище юноше по фамилии Лихтенталь. Его мать была русской, а отец – евреем, родившимся в иудейской семье, но имевшим гражданский чин статского советника и работавшим в

---

[1] *Усов М. Л.* Евреи в армии. СПб.. 1911. С. 11.
[2] Там же.
[3] Руководство к русским законам о евреях. СПб., 1914. С. 487.
[4] Законы о евреях. Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями правительствующего сената и центральных правительственных установлений. Ч. 2. С. 534.
[5] *Петровский - Штерн Й.* Евреи в русской армии: 1827–1914. М., 2003. С. 181.

министерстве путей сообщения. Император отказал сестре, и лишь по просьбе протопресвитера русской армии и флота Г. И. Шавельского, лично знавшего эту семью, Николай II разрешил молодому человеку поступать в училище[1].

Что касается евреев, перешедших в любое христианское вероисповедание (кроме «христианских протестантских сект»)[2], то они оказывались в совершенно ином положении. Приняв христианство, они не только могли стать офицерами, но и имели право учиться в академии Генерального штаба, и даже становились генералами. А. И. Деникин вспоминал, что он лично знал семерых евреев, служивших в Генеральном штабе, «… из которых шесть ко времени мировой войны достигли генеральского чина. Проходили они службу нормально, не подвергаясь никаким стеснениям служебным или неприятностям общественного характера»[3]. В качестве примера можно назвать генерал-лейтенанта М. В. Грулева, еврея, принявшего православие перед поступлением в юнкерское училище. В эмиграции он выпустил в свет книгу «Записки генерала-еврея»[4].

Однако, революционные события 1905–1907 гг., а также последовавшая социально-политическая нестабильность вызвали в определенных кругах рост антисемитских настроений. По некоторым сведениям, в мае 1910 г. Николай II принял решение, чтобы евреев-вольноопределяющихся, какого бы вероисповедания они ни были не допускать более к экзаменам на офицерский чин[5].

В 1912 г. было принято решение о запрете принимать в кадетские корпуса «сыновей и внуков лиц, родившихся в иудейской вере», в 1913 г. такой же подход

---

[1] *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: в 2 т. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 56–57.

[2] Законы о евреях. Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями правительствующего сената и центральных правительственных установлений. Ч. 1. СПб., 1914. С. 150.

[3] *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 217.

[4] *Грулев М.* Записки генерала-еврея. Париж, 1930.

[5] *Гольдин С.* Русская армия и евреи накануне Первой мировой войны [Электронный ресурс] // Лехаим. 2007. № 9. Режим доступа: http://www.lechaim.ru/ARHIV/185/goldin.htm (дата обращения: 16.10.2018).

был официально закреплен в отношении евреев, желавших поступить в Военно-медицинскую академию[1].

В завершение параграфа необходимо резюмировать: русское офицерство начала XX столетия представляло собой достаточно сложный социальный конгломерат. Он включал несколько групп и подгрупп военнослужащих, имевших социально-профессиональные отличия, и характеризовался своеобразным складом внутренних взаимоотношений.

2.3. Система чинопроизводства в русской армии

В рассматриваемый исторический период термин «чинопроизводство» трактовался как «… принятая в государстве система повышения офицеров по служебной лестнице»[2]. Посредством этой системы должности в армии замещались не произвольно, а военнослужащими, имевшими соответствующие воинские чины (звания). В некотором смысле (хотя и не всегда) воинский чин определял профессионально-должностную квалификацию того или иного военнослужащего.

От того, каким образом происходило чинопроизводство, в значительной степени зависело качество командного состава и способность армии решать стоявшие перед ней задачи. Современник отмечал, что «чины определяют в войсках то место, которое каждый служащий может и должен занимать в рядах армии, указывают прямо на обязанности и права, какими пользуется каждое лицо, определяют степень власти ему предоставленной…»[3].

Кроме того, система воинских чинов способствовала поддержанию в офицерах духа здорового честолюбия, побуждала к достижению более высоких должностей. Отчетливого и закрепленного в документах разграничения понятий

---

[1] Законы о евреях. Систематический обзо р действующих законоположений о евреях с разъяснениями правительствующего сената и центральных правительственных установлений. Ч. 2. С. 542.

[2] Чинопроизводство // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1903. Т. XXXVIII-А. С. 846–847.

[3] *Глиноецкий Н.* Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чинопроизводства в русской армии // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 23.

«воинский чин» и «воинское звание» не существовало, они оба официально применялись в отношении абсолютно всех категорий военнослужащих. В силу данного обстоятельства оба термина будут использоваться в настоящей работе как синонимы.

Различие в наименовании военных чинов одной и той же степени, которое тогда существовало в разных родах оружия, роли не играло (например, подпоручик артиллерии или пехоты был равен корнету в кавалерии, а штабс-ротмистр в кавалерии – штабс-капитану в пехоте, артиллерии, инженерных и железнодорожных войсках).

К концу XIX – началу XX вв. система чинопроизводства была достаточно сложной, регулировавшейся не только законами, но и, как отмечал современник, «… множеством дополнений, нередко противоречащих друг другу»[1].

В рассматриваемый период времени военные чины разделялись на четыре степени. Первую или низшую степень составлял рядовой и унтер-офицерский состав. К военным чинам второй степени – обер-офицерским – относились: прапорщик; подпоручик и корнет; поручик; штабс-капитан и штабс-ротмистр; капитан и ротмистр. Следует отметить, что с 1884 г. чин прапорщика на действительной военной службе был упразднен и вводился лишь в военное время. Военные чины третьей степени – штаб-офицерские, к которым относились подполковник и полковник. К военным чинам четвертой степени – высшим чинам – относились генеральские чины: генерал-майор; генерал-лейтенант; генерал от инфантерии, генерал от кавалерии, генерал от артиллерии и инженер-генерал; генерал-фельдмаршал[2].

Прохождение службы кадровыми офицерами начиналось, как правило, после производства военнослужащего в чин подпоручика (корнета). Производство в два последующих чина – поручика и штабс-капитана (штабс-ротмистра) во всех родах войск гвардии и армии в мирное время совершалось «за выслугу в предше-

---

[1] Там же. С. 24.

[2] Свод военных постановлений 1869 года. Книга VII. Прохождение службы по военному ведомству. С. 9–10.

ствующем чине» четырех лет. Не допускалось повышение в чине неудовлетворительно аттестованных офицеров или состоявших под следствием и судом[1]. Таким образом, для того, чтобы в мирное время достичь чина поручика и штабс-капитана были необходимы только выслуга лет и наличие положительной аттестации. Офицеры в званиях от подпоручика до штабс-капитана занимали, в большинстве своем, должности младших офицеров в ротах, батареях, эскадронах.

Производство в последующие чины происходило в связи с назначением на вышестоящую должность («на вакансию»), а также за отличие, и совершалось строго последовательно. Никто не мог быть «произведен через чин, или, помимо чинов низших, прямо в высший»[2].

Так, производство в чин капитана требовало не только четырехлетней выслуги в звании штабс-капитана, но и предварительного назначения на штатную должность «положенную в чине капитана (ротмистра)»[3]. В пехоте чину капитана соответствовали должности командира роты и заведующего хозяйством отдельного батальона, в кавалерии – эскадронного командира. В артиллерии капитаны занимали должности старшего офицера батареи, в инженерных войсках командовали минными, саперными, понтонными, телеграфными ротами. Офицеры, проходившие службу в различных штабах, управлениях, учреждениях, производились в капитаны лишь при занятии по месту службы должности, соответствовавшей этому чину[4].

Кроме вакансии и четырехлетней выслуги в предыдущем чине для занятия должности командира роты (эскадрона) необходима была соответствующая аттестация. Такие же правила действовали в инженерных войсках[5] и артиллерии[6].

---

[1] Там же. С. 60–61, 65, 66; Книга VIII. Награды, пенсии, пособия и призрение чинов военного ведомства. СПб., 1902. С. 18.
[2] Свод военных постановлений 1869 года. Книга VII. Прохождение службы по военному ведомству. С. 18, 19.
[3] Там же. С. 66.
[4] Справочная книжка для офицеров / сост. В. Малинко. 7-е изд. М., 1915. С. 32.
[5] Приказ от 8 мая № 164 // Приказы по военному ведомству за 1900 год. СПб., 1900. С. 365.
[6] Приказ от 8 мая № 166 // Приказы по военному ведомству за 1900 год. С. 367.

Получение вакансии происходило, чаще всего, по очереди, в основе которой лежало так называемое «старшинство в чине». Это довольно сложное понятие, разъяснение которого потребует использования громоздких цитат. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона указывалось, что старшинство в чине офицеров «определяется, по общему правилу, днем Высочайшего приказа о производстве или тем днем, который указан в самом приказе, а при производстве в чин за военный подвиг – днем совершения подвига. Из производимых одновременно получают старшинство те, кто стоял старше в предыдущем чине, а равно произведенные за отличие – перед произведенными на вакансии»[1].

При производстве в первый офицерский чин старшинство определялось званием, которое учащиеся имели в военно-учебном заведении в период обучения: фельдфебели ставились старше портупей-юнкеров, последние – старше юнкеров; при равенстве званий – суммой выпускных баллов (кроме воспитанников Пажеского корпуса, которые ставились выше всех сверстников тех же званий). При равных баллах старшинство в чине определялось старшинством училищ, которое, в свою очередь, определялось временем их формирования[2].

Современные исследователи трактуют старшинство в чине следующим образом. Так, С. В. Волков называет старшинством в чине «условную дату, от которой отсчитывался срок для присвоения следующего чина. Старшинство же, в зависимости от успехов в учебе (выпуска по 1-му или 2-му разряду) могло отсчитываться или со дня выпуска, или опережать дату выпуска на год или даже на два года (если срок обучения был трехлетним)»[3].

Военный историк А. А. Курдюк определяет старшинство следующим образом: «Старшинство – общая выслуга офицера в каждом чине, как в календарном, так и в льготном исчислении, определявшее его место в кандидатских списках на производство в следующий чин. В начале службы каждого офицера устанавлива-

---

[1] Старшинство в чине офицеров // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1900. Т. XXXI. С. 460.
[2] Там же.
[3] *Волков С. В.* Издания военно-учебных заведений как источник по персональному составу русского офицерского корпуса // Румянцевские чтения: материалы международной научной конференции (10–12 апреля 2007 г.). М., 2008. С. 63.

лась его очередность на право получения следующего звания, во многом зависевшая от престижности вуза, который он окончил и персонального выпускного балла. В дальнейшем преимущества служебного роста получали офицеры, которые имели большую выслугу и не имели взысканий»[1].

Иными словами, среди офицеров в равных званиях право на занятие вакансии имел тот, кто прослужил в предыдущем чине наибольшее количество времени (с учетом не только календарного, но и льготного исчисления). В пехоте и кавалерии офицеры, окончившие более престижные учебные заведения, имели старшинство в чине по сравнению с другими выпускниками. Данное обстоятельство позволяло им первыми получать право на продвижение по службе. Так, выпускники «старых» Павловского, Александровского, Алексеевского и Киевского пехотных училищ выделялись в отдельную очередь. Внутри нее также существовала градация: при равных успехах в учебе выпускникам Павловского училища отдавалось предпочтение перед выпускниками Александровского училища, выпускникам Александровского – перед выпускниками Алексеевского и т.д. У выпускников юнкерских училищ была другая очередь, продвигавшаяся только после очереди выпускников «старых» училищ. В ней также существовало свое старшинство: первым шло Петербургское училище (впоследствии было переименовано во Владимирское училище), затем – Виленское, Чугуевское, Одесское и т.д. Данный принцип соблюдался и в кавалерии, где выпускники Николаевского училища имели преимущество перед выпускниками других кавалерийских училищ[2].

После преобразования юнкерских училищ в военные иерархия осталась прежней: военные училища, созданные на базе юнкерских училищ, в старшинстве, как и ранее, уступали «старым» военным училищам[3], и очередность выдвижения на вышестоящие должности оставалась прежней. Например, среди кавалерий-

---

[1] *Курдюк А. А.* «Лейтенанты» Первой мировой, или о путях производства в офицеры, применявшихся в русской армии с сентября 1914 г. по ноябрь 1917 г.// Вестник Военного университета. 2008. № 3 (15). С. 164.

[2] Свод военных постановлений 1869 года. Книга XV. Заведения военно-учебные. С. 160, 242.

[3] № 36932. Высочайше утвержденный, 24 апреля 1912 года, проект изменения статей… // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье: 1881–1913 гг.Т. XXXII. Отделение I. 1912 г. От № 36391–38603. Пг., 1915. С. 323, 324, 325, 326.

ских училищ, старшинство все так же отдавалось Николаевскому училищу, затем следовало Елисаветградское, потом – Тверское училище[1].

Вероятно, одной из причин сохранения старшинства училищ являлось то, что «старые» военные училища в течение многих лет давали более высокое образование, чем юнкерские, в них преподавали лучшие кадры, сложились свои преподавательские школы. Кроме того, именно в них поступали наиболее образованные молодые люди. В специальных училищах старшинства училищ не было: в артиллерии оба училища пользовались равными правами, а инженерное и военно-топографическое училища были единственными.

Во всех без исключения училищах, в зависимости от персонального выпускного балла, выпускники распределялись на три разряда. Те, кто «в среднем выводе из баллов по всем предметам» имел высокие показатели, а также балл не ниже установленного по специальным (военным) предметам причислялись к первому разряду. Количество баллов для причисления к тому или иному разряду было установлено официально, исходя из 12-балльной системы оценок, но в разных училищах несколько отличалось. Не набравшие достаточного числа баллов, причислялись ко второму разряду, не выполнившие требования ко второму разряду причислялись к третьему разряду. Выпускники, причисленные к первому разряду, имели старшинство по отношению к выпускникам, причисленным к более низким разрядам. Внутри разрядов старшинство определялось старшинством званий, в которых выпускники состояли в училище. Лица, окончившие пехотные и кавалерийские училища по первому разряду получали год старшинства в чине; иными словами, считалось, что они уже прослужили год в чине подпоручика. Окончившие по второму разряду выпускались подпоручиками, но старшинства в чине в один год не получали. В специальных училищах получали два года старшинства в чине выпускники, окончившие их как по первому, так и по второму разрядам. Лица, окончившие пехотные, кавалерийские и специальные училища по третьему

[1] Там же. С. 326.

разряду, выпускались унтер-офицерами и лишь через шесть месяцев могли быть произведены в офицерский чин на вакансию обер-офицера[1].

В частях, куда попадали выпускники, происходило их распределение по старшинству разрядов, к которым они были причислены при выпуске, а внутри разрядов – по старшинству званий, в которых состояли в училище[2].

В случае появления вакансии на вышестоящую должность, на нее должен был назначаться офицер, имевший среди остальных равных по чинам претендентов старшинство в чине. Списки офицеров по старшинству велись во всех полках, отдельных батальонах, артиллерийских бригадах, штабах, управлениях и т.д.; в масштабах каждого рода войск списки издавались типографским способом[3].

Главный штаб внимательно следил за соблюдением очередности чинопроизводства в порядке старшинства, и требовал от всех лиц, заметивших неточности в служебных сведениях, сообщать о них[4].

Подобный подход отчасти был справедливым, прежде всего, в артиллерии и инженерных войсках, где не существовало иерархии училищ, и производство происходило только по старшинству в чине. В то же время, в пехоте и кавалерии этот вид продвижения по службе имел серьезные недостатки. Нередко бывало так, что первыми на вышестоящие должности выдвигались не офицеры, зарекомендовавшие себя с лучшей стороны во время службы в войсках, а те, кто окончил более престижные училища, либо в период учебы имели звание фельдфебеля, портупей-юнкера, либо имели более высокие баллы в процессе учебы. Зависимость продвижения по службе от военно-учебного заведения, в котором было получено образование, вызывала недовольство у многих офицеров пехотных и кавалерийских частей. «Странно видеть в общих списках старшинства офицеров при

---

[1] Свод военных постановлений 1869 года. Книга XV. Заведения военно-учебные. С. 158, 159, 182,183, 184, 194, 241, 242.
[2] Там же. С. 160.
[3] Напр.: Список ротмистрам армейской кавалерии по старшинству (составлен по 1-е сентября 1913 г.). СПб., 1914; Список капитанам гвардейской пехоты по старшинству (сост. по 1-е сентября 1910 г.). СПб., 1910; Список по старшинству полковникам артиллерии (испр. по 1-е февраля 1913 г.). Полтава, 1913 и др.
[4] Циркуляр Главного штаба № 219 // Разведчик. 1914. № 1209. С. 4.

выпуске, ежегодно объявляемых в циркуляре Главного штаба, как вслед за круглым «восьмерочником», окончившим военное училище, стоит почти, что с двенадцатью в среднем выводе фельдфебель юнкерского училища»[1].

Особенно ярко изъяны чинопроизводства «по старшинству» проявлялись при производстве в чин капитана, который представлял собой важный рубеж в карьере каждого офицера. Назначение на капитанскую вакансию в мирное время происходило исключительно «по старшинству», что не позволяло учитывать ни служебные качества офицера, ни его отношение к служебным обязанностям. Такой подход способствовал тому, что главным при выдвижении на вышестоящую должность оказывалось не то, как проявил себя офицер за время службы, а бюрократические факторы, указанные выше. Более того, как отмечал современник, подобное положение приводило к случаям, когда военнослужащие «… не только бесполезные, но и вредные для службы, производились в следующие чины, получали награды и повышения по службе…»[2].

Производство в первый штаб-офицерский чин «подполковник» до 1912 г. происходило только на вакансии, двумя основными путями: «по старшинству» и «по избранию начальства». Последний вид чинопроизводства использовался тогда, когда старшее командование считало необходимым выдвинуть того или иного офицера, хотя были лица, имевшие перед ним старшинство в чине. В обоих случаях офицер должен был иметь стаж командования ротой не менее двух лет подряд, и состоять в офицерских чинах не менее 12 лет. Из этих 12 лет требовалась прослужить в чине капитана не менее 7 лет в случае производства «по старшинству», и 3 лет в случае производства «по избранию начальства». Для производства в подполковники капитанов, окончивших двухгодичный курс в военных академиях, требовалось прослужить в чине капитана не менее 3 лет, имея стаж офицерской службы не менее 10 лет[3].

---

[1] Офицерская жизнь. 1907. № 51. С. 6.
[2] *Барсуков Е. З.* Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.): в 4 т. Т. 4. С. 62.
[3] Свод военных постановлений 1869 года. Книга VII. Прохождение службы по военному ведомству. С. 69, 70, 72.

Чину подполковника соответствовала должность командира батальона в пехоте, командира батареи в артиллерии, командира дивизиона в кавалерии. Некоторые должности в штабах, управлениях, военно-учебных заведениях также замещались офицерами в чине подполковника. За боевые отличия в период войны к чину подполковника офицеры могли представляться досрочно. Для этого требовалась двухлетняя выслуга в чине капитана; срок выслуги в предыдущем чине мог вообще не учитываться, если офицер совершил «особенные подвиги мужества и храбрости»[1].

Производство армейских подполковников в полковники в мирное время совершалось «выбором достойнейших и способнейших подполковников», и только на вакансии. Производство совершалось: а) вне нормы наград для лиц, назначавшихся на должности командиров полков и отдельных батальонов в порядке старшинства; б) по наградным правилам, когда производство в чин полковника происходило как за обыкновенные, так и за выдающиеся отличия. Существовали определенные возрастные ограничения: чин (звание) полковника присваивался лицам не старше 55 лет, прослужившим в офицерских званиях не менее 15 лет, в том числе, в чине подполковника – не менее четырех лет (представлявшимся к производству за отличия – не менее трех лет). Производство подполковников в полковники было аналогичным во всех родах войск[2].

По штату полковники занимали должности командиров полков в пехоте и кавалерии, отдельных батальонов в пехоте, командиров дивизионов в артиллерии, соответствующие должности в инженерных войсках, штабах, военно-учебных заведениях, учреждениях военного ведомства и т.д.

К чину полковника за боевые отличия в военное время могли представляться досрочно подполковники всех родов войск, на точно таких же условиях, что и

---

[1] Свод военных постановлений 1869 года. Книга VIII. Награды, пенсии, пособия и призрение чинов военного ведомства. С. 18.

[2] Свод военных постановлений 1869 года. Книга VII. Прохождение службы по военному ведомству. С. 79, 80, 81, 82.

капитаны к производству в первый штаб-офицерский чин[1].

Для некоторых военнослужащих существовала возможность получить очередной чин в мирное время в наградном порядке. Такая возможность предусматривалась, как за «обыкновенные отличия», так и за «выдающиеся отличия», то есть, за отличия, выходившие «за рамки обыкновенной служебной деятельности». Число таких наград было невелико, и ограничивалось особо установленными нормами. Вдобавок офицеры не могли представляться к награждению чином, «если должности, ими занимаемые, или на которые они предназначаются вместе с производством, не полагаются по штатам в испрашиваемых чинах»[2].

«За обыкновенные отличия» награждение чином строевых обер-офицеров пехоты и кавалерии, не достигших чина капитана или ротмистра, в мирное время не допускалось. Лишь в военное время за боевые отличия обер-офицеры могли представляться к повышению в чине после выслуги в один год, а в случае совершения подвига срок выслуги в предыдущем чине вообще не учитывался[3].

Капитаны и ротмистры, служившие в строевых частях, а также занимавшие должности в военных управлениях, учреждениях и заведениях могли быть представлены к производству в подполковники «за отлично-усердную службу» в мирное время в случае, если они прослужили в капитанском чине не менее чем 4 года. Требовалось также занимать должности, положенные штаб-офицеру по штату, или же предназначаться на такие должности с учетом производства, при этом общий срок службы в офицерских чинах должен был составлять не менее 12 лет[4]. Для подполковников также существовала возможность получить в мирное время чин полковника в наградном порядке[5].

Представление на награждение чином проходило все инстанции – от первой до самой высшей и, в случае согласия всех начальников, направлялось в Военное министерство, а затем – императору, который принимал окончательное решение[1].

---

[1] Свод военных постановлений 1869 года. Книга VIII. Награды, пенсии, пособия и призрение чинов военного ведомства. С. 18.
[2] Там же. С. 12, 17.
[3] Там же. С. 18.
[4] Там же. С. 17, 19.
[5] Там же. С. 18.

Несколько особняком стояли гвардейские части: чина подполковника в гвардии не было, поэтому гвардейские капитаны (ротмистры) производились сразу в полковники. Производство происходило на вакансии, по старшинству, «не иначе как за отличие по службе и при назначении на штаб-офицерскую должность», не ранее выслуги шести лет в чине капитана[2].

Производство военнослужащих всех родов войск в генеральские чины зависело «от личных заслуг каждого, по Высочайшему благоусмотрению». Представление к производству могло быть в «обыкновенном наградном порядке», а также в порядке награды за «выдающиеся отличия». В первом случае для получения следующего звания полковникам и генерал-майорам требовалась выслуга в своем чине не менее 8 лет, генерал-лейтенантам – не менее 12 лет. Во втором случае сроки выслуги сокращались на 2 года. В любом случае, однако, производство в соответствующие генеральские чины допускалось «не ранее назначения или занятия должности, соответствующей чину»[3].

До 1912 г. все штаб-офицерские вакансии в строевых частях распределялись следующим образом. Офицерам, выдвигавшимся «за выдающиеся отличия» предоставлялось 5 % вакансий, остальные делились поровну между «удостоенными производства по старшинству и по избранию». Из числа вакансий, выделявшихся на производство «по избранию начальства», 20 % выделялось капитанам, окончившим академию Генерального штаба, Артиллерийскую или Инженерную академию[4].

Необходимо отметить, что добросовестно исполнявшие свои обязанности обер-офицеры и подполковники при увольнении в отставку также получали следующие военные чины. Полковникам, по выслуге в чине пяти лет, по увольнению

---

[1] Там же. С. 14, 15.

[2] Свод военных постановлений 1869 года. Книга VII. Прохождение службы по военному ведомству. С. 68–69.

[3] Свод военных постановлений 1869 года. Книга VIII. Награды, пенсии, пособия и призрение чинов военного ведомства. С. 19.

[4] Свод военных постановлений 1869 года. Книга VII. Прохождение службы по военному ведомству. С. 71.

мог присваиваться чин генерал-майора[1]. Однако, подобное повышение в чинах имело лишь символическое значение, так его получали люди, уже не являвшиеся военнослужащими, и чья военная карьера была окончена.

В 1912 г. правила производства в штаб-офицерские чины были несколько изменены. Как отмечалось в отчете Военного министерства, причиной этого явилось «стремление к наилучшему подбору достаточного кадра армейских офицеров, могущих, не опасаясь предельного возраста, достигнуть должностей командиров отдельных частей, а в дальнейшем – и высших в армии командных должностей». В то же время, предусматривались меры по продвижению относительно молодых офицеров, «кандидатов – как на первый штаб-офицерский чин, так и на чин полковника»[2].

В этих целях в пехоте и кавалерии были определены следующие виды производства в штаб-офицерские чины: «по старшинству» – «для общей массы производимых»; «вне очереди старшинства» – с целью продвижения более молодых и успешных армейских офицеров на должности командиров отдельных частей и высшие командные должности; «за отличие по службе» – для производства лиц, утративших право на производство «вне очереди старшинства» в силу возраста[3].

Производство «вне очереди старшинства» означало следующее: «Выделить из общей массы кандидатов в первый штаб-офицерский чин лиц, наиболее выдающихся по своим служебным качествам, а равно обладающих высшим военным образованием, и допустить к производству их в этот чин вне очереди общего старшинства»[4].

Считалось, что «… производство по старшинству – для обыкновенных тружеников в воздаяние их долгой службы»[5], в то время как два других вида явля-

---

[1] Свод военных постановлений 1869 года. Книга VIII. Награды, пенсии, пособия и призрение чинов военного ведомства. С. 47.
[2] Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1912 год. Пг., 1916. С. 3.
[3] Там же.
[4] Новые правила производства в подполковники: особое приложение к журналу Разведчик» // 1913. № 1159. С. 1.
[5] *Морозов Н.* Производство в подполковники за отличия и по избранию // Разведчик. 1912. № 1115. С. 176.

лись поощрениями. Однако некоторые современники отмечали, что производство «вне очереди старшинства» и «за отличие по службе» вызывало неприятие у значительной части офицеров. По их мнению, продвижение по службе такими способами требовало умения ладить с вышестоящим начальством, при этом способности офицера и добросовестное выполнение им служебных обязанностей отодвигались на второй план. Кроме того, отмечалось, что отрицательную роль в продвижении по службе такими способами могли играть неслужебные и случайные факторы. «Просьба дамы, высокопоставленного лица, тот или иной доклад в штабе, случайное воспоминание о таком-то положительном или отрицательном… поступке очень часто решают судьбу человека. <…> Недаром же в массе армии эти способы производства пользуются нескрываемой антипатией…»[1].

Таким образом, чинопроизводство «вне очереди старшинства» и за «отличие по службе», в силу действия субъективных факторов, далеко не всегда способствовало получению первого штаб-офицерского чина лучшими офицерами. Данное обстоятельство негативно отражалось «на духе и настроении всего капитанского состава армии, поселяя в каждом капитане неуверенность в своем будущем, несмотря на самую усердную службу, на самую хорошую аттестацию»[2].

Безусловно, действие субъективных факторов имело место. Однако, представляется, что вряд ли вообще можно создать систему служебного роста, на которую не влияли бы субъективные факторы. При всем своем несовершенстве критиковавшиеся современниками виды чинопроизводства играли и положительную роль, предоставляя некоторым способным и дельным офицерам шанс продвинуться по службе быстрее, чем это было бы при продвижении исключительно «по старшинству». Следует также учитывать, что требования к офицерам, выдвигавшимся «вне очереди старшинства», были достаточно высокими (о них сказано несколько далее), поэтому далеко не каждый мог попасть в их число.

Кроме необходимости вакансии, производство в первый штаб-офицерский чин по-прежнему сопровождалось рядом условий. Для производимых «по стар-

[1]Там же. С. 177.
[2] Там же. С. 177–178.

шинству в чине» была необходимой выслуга в капитанском звании не менее 4 лет, нахождение на должности командира роты не менее 3 лет подряд, стаж офицерской службы не менее 12 лет; требовались также отличные аттестации за два года, предшествовавших производству. Кроме того, было необходимо прохождение курса Офицерской стрелковой школы. Свою роль играло роль и то, по какому виду происходило чинопроизводство. При производстве в чин подполковника «по старшинству» возраст кандидата в штаб-офицеры не мог превышать 53 лет. Если же производство совершалось «вне очереди старшинства», то возраст офицера не должен был превышать 45 лет в пехоте и 43 лет в кавалерии. Таким офицерам требовалась отличные аттестации не за два, а за три года, кроме того, они должны были соответствовать всем другим требованиям, предъявлявшимся к лицам, производившимся в чин «по старшинству». Для лиц, окончивших военные академии, некоторые требования были смягчены: стаж командования ротой уменьшен до 2 лет, выслуга в чине капитана уменьшена до 3 лет. Кроме того, от них не требовалось окончание Офицерской стрелковой школы. Для лиц, производившихся в подполковники «за отличие по службе», выслуга в капитанском чине была снижена до 3 лет. Несколько изменилось распределение вакансий в строевых частях пехоты и кавалерии: 55 % предоставлялось для производства «по старшинству», 35 % – для производства «вне очереди старшинства». При этом количество вакансий, выделявшихся капитанам, окончившим академию, не должно было превышать 2/7 от этого числа; 10 % выделялось для производства «за отличие по службе»[1].

Иными словами, в сравнении с предыдущими правилами несколько увеличилось число вакансий, выделявшихся для производства «за отличие по службе», а также отдельно использовался новый вид производства – «вне очереди старшинства». Частично это уменьшало случаи несправедливости, нередко происходившие при производстве «по старшинству».

---

[1] Приказ по военному ведомству от 14 декабря 1912 года № 653 // Приказы по Военному ведомству за 1912 год. СПб., 1912. С. 1575, 1577, 1578.

Как и до всех указанных изменений, быть произведенными в первый штаб-офицерский чин «подполковник» без вакансии имели право только капитаны и ротмистры, «за совершение личного подвига и мужество в бою»[1].

Производство подполковников в полковники происходило по тем же видам, что и производство в первый штаб-офицерский чин. Большинство условий для производства в полковники оставались прежними, лишь несколько изменилась возрастная планка. Производство «по старшинству» и «за отличие по службе» стало возможным до 54 лет, «вне очереди старшинства» – до 50 лет. 65 % вакансий предоставлялись для производства «по старшинству», 25 % – «вне очереди старшинства», 10 % – «за отличие по службе»[2].

Что касается производства в генеральские чины, то оно изменилось незначительно, хотя сроки, необходимые для производства в следующее звание, были несколько сокращены. Генеральские чины могли присваиваться при назначениях в порядке кандидатских списков на генеральские должности, или же за отличие по службе – «обыкновенное или выдающееся». В случае производства полковников в генерал-майоры, а также генерал-майоров и генерал-лейтенантов в следующий чин «за обыкновенные отличия» требовалась выслуга в прежнем чине не менее 8 лет. Если же производство совершалось «за выдающиеся отличия», то срок выслуги сокращался на два года[3].

Возникает вопрос: почему не было единого для всех офицеров вида чинопроизводства? Данное явление объяснялось некоторыми современниками тем, что система производства в чины должна была удовлетворять двум противоречивым условиям. С одной стороны, более высокие должности требовалось замещать наиболее способными и достойными военнослужащими. С другой стороны, длительное и добросовестное исполнение своих обязанностей обычными военнослужащими также не могло оставаться без награды в виде повышения в чинах и

---

[1] Там же. С. 1572.

[2] Приказ по военному ведомству от 16 ноября 1912 года № 649 // Приказы по Военному ведомству за 1912 год. С. 1545, 1548, 1550.

[3] Приказ по военному ведомству от 16 сентября 1912 года № 528 // Приказы по Военному ведомству за 1912 год. С. 1220, 1223.

должностях. Первому условию отвечала система чинопроизводства, при которой офицеры производились в чины независимо от числа лет, проведенных на службе, исключительно по выбору вышестоящего командования, представлявшего к повышению лучших офицеров. Второму условию больше соответствовала система «по старшинству чина» (неофициальное название – «по линии старшинства»), когда повышение в должностях и званиях происходило в зависимости от выслуги лет в том или ином чине. Считалось, что чем однороднее корпус офицеров по своему общему и военному образованию, тем большее развитие получает система «по старшинству». Напротив, когда состав офицеров разнороден, развивалась система по избранию, так как иначе пришлось бы выдвигать на высокие должности заурядных военнослужащих, но имевших большой срок службы. При этом более образованные и способные офицеры, сравнительно недолго служившие, оставались бы на низших должностях. В русской армии, несмотря на предпринимавшиеся Военным министерством меры по унификации военного образования, состав офицерства был разнороден. В гвардии и специальных родах оружия офицеров, окончивших юнкерские училища, почти не было. Напротив, в армейской пехоте и кавалерии они составляли большинство. «Поэтому в гвардии и специальных войсках производство идет исключительно по линии, а в прочих родах оружия… производство по линии идет лишь до чина капитана…»[1].

В военное время чинопроизводство имело особенности. Как уже отмечалось, еще до начала Первой мировой войны предусматривалось ускоренное производство в следующие чины за боевые отличия, причем в некоторых случаях, без учета срока выслуги в предыдущем чине. В ходе Первой мировой войны чинопроизводство претерпевало значительные изменения. В октябре 1914 г. «Временными правилами о порядке представления к наградам в военное время» было установлено, что во время войны производство в подполковники и полковники «по старшинству» и «вне очереди старшинства», в частях, находившихся на театре военных действий, не допускается. Повышение в чины могло происходить только

[1] Чинопроизводство // Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXXVIII-А. С. 847–848.

за боевые отличия, а также за отличия «по службе вообще», независимо от установленных сроков. Производство в капитаны (ротмистры) должно было совершаться по мере открытия в частях войск капитанских вакансий по штатам мирного времени. Указывалось также, что производство в штаб-офицеры и капитаны (ротмистры) на должностях, «образовавшихся в строевых частях армии вследствие приведения ее на положение военного времени», совершаться не будет, кроме случаев представления к производству за боевые отличия. Исходя из того, что для фронтовых офицеров открыта «широкая возможность» производиться в последующие чины за боевые отличия, для офицеров административных учреждений и строевых частей, не входивших в состав действующей армии, было сохранено чинопроизводство мирного времени[1].

В первые месяцы войны несколько выделялось производство в чин прапорщика. На действительной службе этот чин был упразднен еще в 1880-е годы, и в мирное время присваивался только офицерам запаса. В годы мировой войны, ввиду перевода армии на военное положение и развертывания большого количества новых частей и соединений, возникла нехватка кадровых офицеров. Выходом из положения было признано восстановление этого чина на действительной службе и присвоение его офицерам военного времени, не имевшим, как у кадровых военнослужащих, полноценной профессиональной подготовки.

Уже 1 июля 1914 г., за несколько недель до начала войны приказом императора Николая II 850 унтер-офицеров и вольноопределяющихся всех родов войск были произведены не в прапорщики запаса, как это было установлено законом, а в прапорщики армейской пехоты, артиллерии, кавалерии, инженерных войск и даже гвардии. То есть, они оставлялись на службе в своих частях[2]. С большой долей уверенности можно предположить, что данная мера была предпринята в связи с напряженным международным положением.

Как уже отмечалось в параграфе 2.1., прапорщиков готовили в военных училищах на ускоренных курсах обучения и в школах прапорщиков. В военных

---

[1] Распоряжения по военному ведомству // Разведчик. 1914. № 1253. С. 754.
[2] *Бастунов В*. О прапорщиках производства 1 июля 1914 г. // Военная быль. 1974. № 128. С. 19.

училищах юнкеров, которые по успеваемости отвечали требованиям первых двух разрядов мирного времени, зачисляли в 1-й разряд по успеваемости, остальных – во 2-й разряд[1].

Лица, окончившие ускоренный курс военных училищ по 1-му разряду получали чин прапорщика и право на производство в подпоручики по истечении 8 месяцев со дня производства в прапорщики. Производство в последующие звания происходило так же, как у кадровых офицеров. Окончившие военно-учебные заведения по 2-му разряду, то есть, менее успешно, зачислялись в войска унтер-офицерами. Эта категория военнослужащих имела право на производство в чин прапорщика, в зависимости «от их поведения и успехов в строевом образовании», но не ранее, «… чем через 4 месяца со дня окончания ускоренного курса военно-учебного заведения…»[2]. За боевые отличия производство выпускников обеих категорий происходило в любое время. При дальнейшем прохождении службы в отношении «второразрядников» действовали правила, утвержденные еще до войны, в 1909 году: они могли быть произведены в чины только до штабс-капитана (штабс-ротмистра) включительно. Лишь в случае сдачи специального экзамена такие офицеры получали право на дальнейшее чинопроизводство[3].

В феврале 1915 г., когда военный министр получил право увеличивать срок обучения в училищах до 12 месяцев, было принято решение: в случае окончания по первому разряду 12-месячного ускоренного курса, производить выпускников сразу в подпоручики (корнеты)[4].

При дальнейшем прохождении службы такие военнослужащие пользовались всеми правами офицеров, окончивших военные училища в мирное время[5].

---

[1] *Курдюк А. А.* «Лейтенанты» Первой мировой, или о путях производства в офицеры, применявшихся в русской армии с сентября 1914 г. по ноябрь 1917 г.// Вестник Военного университета. 2008. № 3 (15). С. 161.

[2] Приказ по военному ведомству от 28 января 1915 года № 42 // Приказы по военному ведомству за 1915 год. Пг., 1915. С. 124–125.

[3] Распоряжения по военному ведомству // Разведчик. 1916. № 1345. С. 517; Приказ по военному ведомству от 14 января 1909 г. № 22 // Разведчик. 1909. № 954. С. 80.

[4] Приказ по военному ведомству от 18 февраля 1915 года № 81 // Приказы по военному ведомству за 1915 год. С. 177, 178.

[5] Распоряжения по военному ведомству // Разведчик. 1916. № 1345. С. 516.

Несколько иным было чинопроизводство в школах прапорщиков. Знания юнкеров оценивались на «удовлетворительно» или же «неудовлетворительно», оценки в баллах не выставлялись. Выпускных экзаменов не было, вывод о возможности присвоения офицерского чина делали особые комиссии во главе с начальниками школ, в состав которых входили командиры рот и преподаватели[1].

Все обучавшиеся, которых комиссия признавала успешно окончившими школы, производились в прапорщики, при этом чин мог присваиваться и ранее установленного для школ трехмесячного срока обучения. В последующие чины они производились так же, как и выпускники училищ с ускоренным курсом обучения[2]. Однако, как и унтер-офицеры, произведенные в чин прапорщика за отличие в боях, а также окончившие военные училища по 2-му разряду, они имели право чинопроизводства только до звания штабс-капитана (штабс-ротмистра) включительно[3].

В октябре 1915 г. для армейских и гвардейских офицеров пехоты, находившихся в действующей армии, сроки производства в последующие чины были значительно сокращены (по терминологии того времени, «установлены преимущества в чинопроизводстве»). К повышению в звании теперь могли представляться офицеры, фактически прокомандовавшие «хотя бы не непрерывно» в последнем чине в течение 12 месяцев:

подполковники – батальонами (временно полками) пехотных и стрелковых полков;

капитаны – строевыми ротами или батальонами или совокупно и теми и другими в пехотных и стрелковых полках;

---

[1] *Курдюк А.А.* «Лейтенанты» Первой мировой, или о путях производства в офицеры, применявшихся в русской армии с сентября 1914 г. по ноябрь 1917 г. С. 162.

[2] Положение об ускоренной подготовке офицеров в военное время в школах при запасных пехотных бригадах: приказ по военному ведомству от 30 сентября 1914 года № 647 // Разведчик. 1914. № 1252. С. 734–735; Положение о школах подготовки прапорщиков пехоты: приказ по военному ведомству от 13 февраля 1916 года № 82 // Приказы по военному ведомству за 1916 год. Пг., 1916. С. 67–73.

[3] Приказ по военному ведомству 1909 года № 22 // Разведчик. 1909. № 954. С. 80; Распоряжения по военному ведомству // Разведчик. 1914. № 1250. С. 699.

штабс-капитаны – батальонами, строевыми ротами, пулеметными командами, командами разведчиков или совокупно теми и другими в пехотных и стрелковых полках. Прочие обер-офицеры могли представляться к производству в следующий чин, если в последнем чине они фактически пробыли в строю: поручики – 6 месяцев, подпоручики и прапорщики – 4 месяца текущей кампании непрерывно или 9 месяцев с перерывами. Кроме того, к производству в следующий чин могли представляться офицеры всех указанных категорий, независимо от времени пребывания в занимаемых должностях или в строю. Это происходило «в тех случаях, когда они, будучи в разновременных боях дважды ранены или контужены… и, невзирая на это, оставались в строю…, или же оба раза возвратились в строй»[1].

В приказе также указывалось, как определять старшинство в новом чине для всех категорий офицеров. Тем, кто выполнили ко дню годовщины начала войны (19-го июля 1915 г.) установленный командный 12-ти месячный ценз или пробыли в строю указанные в приказе сроки, старшинство отдавалось со дня годовщины войны. Лицам офицерского состава, приобретшим право на производство в порядке правил, установленных в приказе после годовщины войны, старшинство отдавалось со дня выполнения указанных условий. Что касается дважды раненых или контуженых, оставшихся в строю или вернувшихся в строй, то, если право на повышение в чинах приобреталось до дня годовщины войны, они получали старшинство с этого последнего дня; в ином случае – со времени вторичного возвращения в строй[2].

В декабре 1915 г. преимущества при чинопроизводстве получили также кавалерийские и артиллерийские офицеры, находившиеся на фронте, как в армейских частях, так и гвардейских. Отличие состояло лишь в том, что для производства в следующий чин кавалерийским офицерам в звании подполковника, ротмистра и штабс-ротмистра, командовавшим соответствующими подразделениями,

---

[1] Правила о порядке осуществления преимуществ, Высочайше дарованных в 5-й день октября 1915 года строевым офицерским чинам действующих армий, состоящим в частях армейской и гвардейской пехоты: приказ по военному ведомству от 24 октября 1915 года № 563 // Приказы по военному ведомству за 1915 год. С. 730–731.
[2] Там же. С. 731.

требовалось находиться в этих должностях «хотя бы не непрерывно» не 12 месяцев, как в пехоте, а 16. В артиллерии сроки пребывания в этих чинах и на соответственных должностях были такими же, как в пехоте – 12 месяцев. Для прочих обер-офицеров кавалерии и артиллерии сроки пребывания в чинах в период нахождения на фронте, в сравнении с пехотными офицерами, были больше. Поручикам требовалось находиться в строю в последнем чине 12 месяцев, «хотя бы и не непрерывно», подпоручикам (корнетам) – 9 месяцев непрерывно или 12 месяцев с перерывами, прапорщикам – 7 месяцев непрерывно или с перерывами также 12 месяцев. Независимо от вакансий кавалерийские и артиллерийские штаб – и обер-офицеры производились в следующий чин также в случае, если они, будучи дважды ранены или контужены в «разновременных боях», оставались в строю. По прежним правилам происходило и повышение в чине за совершенные подвиги[1].

Меньшие, по сравнению с другими родами войск, сроки, необходимые для повышения в чине пехотных офицеров, обусловливались тем, что в ходе боевых действий именно пехота несла наиболее значительные потери в личном составе, прежде всего, в офицерах.

Такой была система чинопроизводства в русской армии начала XX столетия. В мирное время она была достаточно сложной, на нее влияли различные факторы, некоторые из которых можно определить как целесообразные, в то время как другие обусловливались инерционностью мышления высшего военного руководства и сословными пережитками. В годы мировой войны система чинопроизводства претерпела изменения и приобрела более гибкий характер, позволявший храбрым и способным офицерам быстрее подниматься по служебной лестнице.

---

[1] Правила о порядке осуществления преимуществ, Высочайше дарованных в 23 день декабря 1915 года, строевым офицерским чинам действующей армии, состоящим в частях армейской и гвардейской кавалерии и полевой артиллерии: легкой, конной, мортирной, горной и тяжелой, а равно в конных и артиллерийских частях казачьих войск: приказ по военному ведомству от 24 декабря 1915 года № 681 // Приказы по военному ведомству за 1915 год. С. 846–847.

2.4. Прохождение офицерской службы в мирное время

Служебная карьера подавляющего большинства кадровых офицеров начиналась одинаково: после окончания военного, юнкерского (до 1910 г.) или специального училища молодой подпоручик (корнет) получал направление в ту или иную воинскую часть. Как правило, он назначался младшим офицером (другое название – субалтерн-офицером) в роту, батарею, эскадрон[1].

Особенностью прохождения службы младшими офицерами являлось то, что в официальных документах их обязанности были регламентированы недостаточно точно. Современник в этой связи писал: «Ненормальность положения младших офицеров в строю давно уже сознавалась всеми… и обусловливалась…, неопределенностью служебных обязанностей и связанной с ними ответственности, которые возлагаются законом на младшего офицера в роте»[2].

Так, в книге V Свода военных постановлений 1869 г., где довольно подробно излагались должностные обязанности командиров и начальников, о младших офицерах роты и эскадрона говорилось лишь, что они «исполняют обязанности, определенные для них в уставах строевой и внутренней службы»[3].

В свою очередь, в уставах указывалось, что младшие офицеры назначаются командирами взводов или полурот, и отвечают за весь порядок внутренней службы, а также за успех строевого обучения своей полуроты или взвода. Дополнительно каждому младшему офицеру поручалась определенная отрасль обучения или хозяйства[4]. Так, они могли быть назначены для обучения нижних чинов гимнастическим упражнениям. Кроме того, субалтерн-офицеры обязаны были на-

---

[1] *Глиноецкий Н.* Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чинопроизводства в русской армии // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 36.
[2] Младшие офицеры // Разведчик. 1909. № 954. С. 78.
[3] Свод военных постановлений 1869 года. Книга V. Устройство и состав войск и управление ими. С. 101.
[4] № 33247. Устав внутренней службы, Высочайше утвержденный 23 марта 1910 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXX. Отделение I. 1910 г. От № 32883–34628. СПб., 1913. С. 346.

блюдать за сохранностью оружия, особенно за его чисткой, после стрельбы, и не реже одного раза в месяц проводить осмотр оружия[1].

Очевидно, что обязанности субалтерн-офицеров излагались в самом общем виде и практически не предусматривали решение конкретных задач. По сути, младшие офицеры выступали в роли своего рода кураторов взвода или полуроты. Между тем, в соответствии с Уставом внутренней службы в каждом взводе был взводный унтер-офицер, который являлся прямым начальником нижних чинов своего взвода в пехоте, инженерных войсках, крепостной и осадной артиллерии, и непосредственным начальником – в кавалерии. При этом его обязанности, изложенные весьма подробно, включали практически все аспекты повседневной службы взвода и отдельных нижних чинов[2].

В офицерской среде существовало мнение, что обязанности субалтерн-офицеров, изложенные в уставах, в действительности являются «мертвой буквой». В этой связи произошел обмен мнениями в военной прессе, в котором участвовали как сами младшие офицеры, так и их начальники. Причины неопределенности служебной роли младших офицеров старшие начальники объясняли поразному. Одни считали, что «корень зла» лежит в безынициативности и равнодушном отношении субалтерн-офицеров к исполнению своих обязанностей, другие объясняли сложившееся положение их недостаточной подготовкой и неопытностью. Указывалось также, что субалтерн-офицеры «перегружены теоретическими сведениями в ущерб практике дела», что и создавало «неопределенность служебной роли младших офицеров»[3].

Один из военных публицистов, отмечая, что неясность положения субалтерн-офицеров в ротной (эскадронной) иерархии стала «притчей во языцех», писал, что такая ситуация определялась следующим: управление ротой по вопросам внутренней службы осуществлялось командиром роты через фельдфебеля, взвод-

---

[1] Настольная справочная книга для строевых обер-офицеров / сост. гв. штабс-капитан Егоров. Изд. четвертое. СПб., 1913. С. 14.

[2] 33247. Устав внутренней службы, Высочайше утвержденный 23 марта 1910 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXX. Отделение I. 1910 г. С. 343–344.

[3] Младшие офицеры // Разведчик. 1909. № 954. С. 79.

ных унтер-офицеров и командиров отделений, по хозяйственным вопросам – через фельдфебеля, каптенармуса и артельщика[1]. То есть, субалтерн-офицеры в вертикали управления подразделением практически отсутствовали.

В такой ситуации младшие офицеры в роте являлись своего рода порученцами, выполнявшими те или иные задания командира роты (эскадрона). Аналогичная ситуация существовала и в артиллерии, где «до получения должности старшего офицера батареи, что случалось в порядке старшинства обычно на пятнадцатом году службы, младшие офицеры чувствовали себя вполне безответственными»[2].

Сами субалтерн-офицеры высказывали мнение, что их положение и роль в подразделениях «ничтожны», вплоть до того, что, в соответствии с Уставом внутренней службы дежурный по роте им не рапортовал. Как считали некоторые младшие офицеры, это подчеркивало незначительность их роли в глазах нижних чинов[3].

Несмотря на неопределенность обязанностей субалтерн-офицеров, их повседневную деятельность отнюдь нельзя было назвать легкой и необременительной. Рутинная служба занимала 10–11 часов в летнее время и 9–10 часов зимой. Служебный день начинался в казармах в 8 часов и включал занятия с солдатами, офицерские занятия, решение хозяйственных проблем, канцелярские дела, работу в различных комиссиях, производство дознаний и т.д. В летний период войска отправлялись в полевые лагеря, где занятия начинались в 6 часов утра и завершались примерно в 17–18 часов. Вечером требовалось участвовать в заседаниях различных комиссий и тактических играх. Вечером и ночью младшие офицеры контролировали порядок в казармах: несмотря на то, что назначался дежурный офицер, большинство ротных (эскадронных) командиров считали этого недостаточным, и проверяли сами или же направляли своих субалтерн-офицеров. В период проходивших осенью подвижных сборов, как в то время называли маневры, офи-

---

[1] *Бутовский Н.* Военная молодежь и ее неудачи // Военный сборник. 1902. № 1. С. 151.
[2] *Барсуков Е. З.* Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.): в 4 т. Т. 4. С. 62.
[3] Офицерская жизнь. 1909. № 191. С. 1326.

церы отбывали вместе с частью в поле, где находились от двух до трех недель. Частыми были наряды: дежурства по части, несение гарнизонной и иной караульной службы и т.п. Наряд длился сутки, но после его окончания офицер не всегда мог уехать домой для отдыха. В праздничные дни поводились парады и различные другие мероприятия[1]. Даже когда офицер был не занят, он «… не был вполне свободен в выборе способа своего отдыха…, он обязан был проводить часть своего свободного времени в офицерском собрании…»[2].

В период военных реформ, начавшихся после Русско-японской войны 1904 – 1905 гг., были предприняты попытки повысить роль субалтерн-офицеров в жизни подразделений, прежде всего, путем развития их инициативы и повышения личной ответственности. На это, в частности, была направлена новая система аттестаций, которую с 1906 г. в виде эксперимента начали вводить для всех категорий офицерского состава, в том числе, младших офицеров. Так, в 1908 г. было утверждено «Временное положение об аттестациях младших офицеров в пехоте и кавалерии». В документе указывалось, что оценка служебных качеств каждого младшего офицера основывается на аттестации, определявшей его пригодность к офицерской службе. Диапазон оценок был достаточно широким: от возможности выдвижения на должность командира роты (эскадрона) до необходимости увольнения со службы. Кроме того, документ регламентировал подготовку аттестаций, их рассмотрение и утверждение[3].

В 1912 г. было утверждено «Положение об аттестовании военнослужащих», касавшееся всех категорий офицеров и генералов, в том числе, субалтерн-офицеров. В документе отмечалось, что характеристика служебных качеств офицеров излагается в аттестациях, которые должны давать максимально объективную характеристику всех «служебных, физических, умственных и нравственных

---

[1] Российские офицеры / Е. Месснер и [др.] // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 143–144.

[2] *Чунина Е. Г.* Специфика положения офицерства в российском обществе (последняя четверть XIX – начало XX вв.) // Русский исторический сборник. Вып. II. М., 2010. С. 299.

[3] Временное положение об аттестациях младших офицеров в пехоте и кавалерии: приказ по военному ведомству от 26 июля 1908 года № 341 // Приказы по военному ведомству за 1908 год. СПб., 1908. С. 554–557.

качеств аттестуемого» офицера. Указывалось, что «аттестуемый должен быть определен… по степеням»: отличный, хороший, удовлетворительный, неудовлетворительный. На основании этого вывода требовалось указать: может ли аттестуемый офицер быть выдвинут на вышестоящую должность, заслуживает ли оставления на занимаемой должности, подлежит ли предупреждению о неполном служебном соответствии или же должен быть уволен от службы. Аттестация происходила ежегодно; составление аттестаций возлагалось на непосредственных начальников аттестуемых военнослужащих. После этого аттестации рассматривались на аттестационных совещаниях и утверждались их председателями, каковыми являлись вышестоящие начальники[1].

Определенную положительную роль аттестации играли, однако практика показала серьезные недостатки, им присущие. В большинстве случаев аттестации носили неконкретный характер, не давали всесторонней характеристики офицера, страдали субъективностью, не всегда основывались на фактах. Более того, фактически аттестации представляли собой субъективное мнение готовившего ее непосредственного начальника, так как рассматривали их аттестационные комиссии, состоявшие, по большей части из лиц, не знавших аттестуемых. Соответственно, в основе решения комиссии лежало мнение одного человека – начальника, написавшего аттестацию[2].

По истечении положенного количества лет офицер получал чин поручика, затем, через определенное законом время ему присваивался чин штабс-капитана (штабс-ротмистра). Это повышение в чинах не сказывалось на его служебном положении, он, как и ранее, был младшим офицером роты (эскадрона, батареи). Хотя после производства в чин штабс-капитана (штабс-ротмистра) офицер считался кандидатом на вышестоящую должность, действительное повышение по службе нередко происходило через длительное время. Многое зависело от ситуации с ва-

---

[1] Положение об аттестовании военнослужащих: приказ по военному ведомству от 10 сентября 1912 года № 480 // Приказы по военному ведомству за 1912 год. СПб., 1912. С. 1109–1114.

[2] См.: *Н. Ф.* Аттестации офицеров // Разведчик. 1910. № 1014. С. 207–209; «*Прибой*». Аттестации // Разведчик. 1912. № 1105. С. 5–6; *Неудачник М.Н.* Аттестационная комиссия // Разведчик. 1914. № 1218. С. 156–157.

кансиями в каждой конкретной части, при этом особенно сложной была ситуация в пехотных частях. В некоторых полках вакансию ротного командира можно было получить относительно быстро, на 10–11 году офицерской службы, в то время как в большинстве частей субалтерн-офицеры оставались таковыми гораздо дольше, в течение 20 – 22 лет[1].

Например, в одной из резервных пехотных бригад средний возраст обер-офицеров в 1908 г. был таким: подпоручиков – 23,4 года, поручиков – 28 лет, штабс-капитанов – 34,5 года, капитанов – 43,4 года[2]. Как видно, средняя разница в возрасте между подпоручиками и капитанами составляла 20 лет. В Офицерской стрелковой школе, где в 1903 г. проходили обучение 160 капитанов, 61 офицер имели выслугу от 25 до 30 лет, еще 35 слушателей – 24 – 25 лет. Очевидно, что стаж офицерской службы у большинства лиц, проходивших обучение, был весьма значителен. Несмотря на это, 105 человек из 160 слушателей носили капитанский чин в течение всего трех лет, 18 человек – четырех лет[3]. Учитывая, что чин подпоручика присваивался офицерам в среднем в 20 лет, становится очевидной следующая ситуация. Большинство офицеров, обучавшихся в стрелковой школе и служивших в упомянутой бригаде, были произведены в невысокий капитанский чин и, следовательно, назначены на соответствующие должности после 40 лет. О том, что подобные факты представляли собой тенденцию, писал официальный журнал военного ведомства «Военный сборник», констатировавший, что ротными командирами офицеры, в большинстве своем, становились к 44–45 годам[4]. Это означало, что для большинства из них дальнейший служебный рост был маловероятен, ввиду пожилого возраста. Такие офицеры находились в положении, которое один из видных русских военачальников генерал от инфантерии В. Е. Флуг

---

[1] Столетие военного министерства. 1802–1902. Книга I. Отдел III-а. Чинопроизводство по военному ведомству. Исторический очерк / сост. А.В. Никифоров. СПб., 1912. С. 183.
[2] *И. Почин.* Армейские заметки // Разведчик. 1908. № 908. С, 197.
[3] *Бутков Ф.* Капитанский вопрос // Разведчик. 1903. № 670. С. 734.
[4] Военный сборник. 1898. № 1. С. 4.

характеризовал как «беспросветность карьеры и быта армейского пехотного офицера»[1]; такого же мнения придерживались многие современники.

Следует отметить, что подобная ситуация не являлась чьим-то злым умыслом. Во-первых, большинство ротных и равных им командиров, служили до предельных сроков, чтобы после увольнения в запас получать максимальную пенсию (подробнее об этом будет сказано далее). В каждом пехотном или стрелковом полку было 16 строевых рот и 1 нестроевая рота, то есть, 17 капитанских должностей. В то же время количество младших офицеров в каждой роте составляло по штату четыре человека (согласно количеству взводов). Полностью штаты были заполнены субалтерн-офицерами не всегда, но, несмотря на это, на место каждого увольнявшегося в запас (отставку) ротного командира претендовали десятки младших офицеров из всех рот (эскадронов) полка. На появление вакансий влияли и случайные факторы (например, серьезное заболевание ротного командира), однако они не могли решить проблему неравномерности чинопроизводства[2]. Во-вторых, долгая служба в качестве младших офицеров обусловливалась тем, что дождаться вакансии в пехоте и кавалерии, можно было, как правило, только в своей части. Закон определял: «Назначение на должности, положенные в капитанском (ротмистрском) чине, и сопряженное с этим производство в капитаны (ротмистры) совершается… в пехоте и кавалерии – на вакансии по каждой отдельной части»[3].

В случае неравномерного открытия вакансий существовала возможность перевода офицера из одной части в другую, однако, это было сложно, так как требовалось обращение высших начальников в Главный штаб[4] – главное управление Военного министерства, где были сосредоточены дела по личному составу армии.

---

[1] *Флуг В*. Высший командный состав // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 284.

[2] Столетие военного министерства. 1802–1902. Книга I. Отдел III-а. Чинопроизводство по военному ведомству. С. 183.

[3] Свод военных постановлений 1869 года. Книга VII. Прохождение службы по военному ведомству. С. 68.

[4] *Кашкаров Д.* Военно-административные заметки // Военный сборник. 1898. №11. С. 202.

Ходатайствовать о переводе из одной части в другую офицера, прослужившего субалтерн-офицером длительное время и являвшегося кандидатом на должность ротного командира, в своем корпусе имел право корпусной командир. В исключительных случаях допускался перевод из корпуса в корпус, но это могло произойти уже по представлению командующего войсками округа. Сам же перевод офицеров из одной отдельной части в другую совершался Высочайшим приказом по военному ведомству[1].

Вряд ли рядовые офицеры в большинстве своем могли рассчитывать на то, что их карьерой будут заниматься столь высокопоставленные персоны, поэтому обычно продвижение офицеров полкового звена в пехоте и кавалерии практически полностью зависела от командира полка. Именно он выбирал и назначал на должности всех офицеров в части, за исключением старшего штаб-офицера в пехотном полку[2].

Попытки добиться упрощения перевода офицеров из части в часть, в случае неравномерного открытия вакансий, предпринимались, однако не достигали успеха. Руководство военного ведомства считало, что такое решение потребует чрезмерных денежных расходов, связанных с переездами на дальние расстояния большого количества офицеров[3].

В случае если командир части, в силу каких-либо обстоятельств, не считал возможным назначить на вакансию ротного или эскадронного командира старшего из претендентов, он мог предложить эту должность следующему по старшинству офицеру. Требовалось лишь одно: объяснить при представлении к утверждению в должности «причины, по которым обходится старший офицер»[4].

---

[1] Свод военных постановлений 1869 года. Книга VII. Прохождение службы по военному ведомству. С. 68, 94.

[2] Приказ по военному ведомству от 16 ноября 1912 года № 649 // Приказы по Военному ведомству за 1912 год. С. 1544.

[3] Столетие военного министерства. 1802–1902. Книга I. Отдел III-а. Чинопроизводство по военному ведомству. С. 183–184.

[4] Свод военных постановлений 1869 года. Книга VII. Прохождение службы по военному ведомству. С. 110–111.

Многолетнее ожидание и неопределенность сроков назначения на самостоятельную должность, каковой являлась вакансия командира роты, порождала негативные настроения в офицерских кругах. Современники отмечали, что характерными чертами долго служивших субалтерн-офицеров (в войсках их называли «вечными штабс-капитанами») являлись пессимизм, разочарование, склонность к хандре, еще более усугублявшиеся дислоцированием многих частей в отдаленных местностях и низким уровнем материального благосостояния. По заявлению военного публициста Н. Д. Бутовского, подобные настроения являлись типичными для армии. Он указывал, что подобное утверждение не голословно, а сделано им «… на основании многих сведений, полученных от наших читателей…»[1].

Только в мае 1914 г. ситуация с производством пехотных офицеров в капитаны изменилась. Было установлено производство на капитанские вакансии «… по одной общей линии в армии, … по мере открытия таковых…»[2]. Иными словами, проблема неравномерного открытия вакансий была решена. Однако воспользоваться благоприятными изменениями в законодательстве удалось немногим: менее чем через три месяца началась мировая война.

Более благоприятной была ситуация в инженерных войсках и артиллерии, где служило многократно меньшее количество офицеров, чем в пехоте. В артиллерии назначение на капитанские должности происходило «по общим линиям для каждого рода артиллерии», аналогично было в инженерных частях, где назначения совершались «на вакансии по всем инженерным войскам»[3].

Иными словами, если, например, в какой-либо части полевой артиллерии открывалась вакансия, то на нее мог быть назначен офицер из любой другой части этого рода войск; аналогично происходило и в инженерных войсках. В силу данного обстоятельства назначение субалтерн-офицеров в артиллерии и инженерных

---

[1] *Бутовский Н. Д.* Военная молодежь и ее неудачи // Военный сборник. 1902. № 1. С. 137, 144–145.

[2] Приказ по военному ведомству от 9 мая 1914 года № 274 // Разведчик. 1914. № 1232. С. 361–362.

[3] Свод военных постановлений 1869 года. Книга VII. Прохождение службы по военному ведомству. С. 68.

войсках на вышестоящие должности происходило быстрее, чем в пехоте и кавалерии.

Получение должности ротного (эскадронного) командира и чина капитана сопровождалось значительным увеличением служебной нагрузки на офицера. Как отмечалось в те годы, «выше капитана – штаб-офицеры и генералы, т.е. руководители и контролеры его работ, ниже – безответственные младшие офицеры. А работник-то в строю… все тот же капитан»[1]. Подобная оценка не была случайной: в пехоте – главном и самом многочисленном роде войск русской армии, именно рота являлась основной единицей, могущей самостоятельно решать тактические задачи, соответственно, командиры рот считались «основой армии»[2].

Обязанности командиров рот и эскадронов были чрезвычайно многочисленными: на них возлагалось управление вверенными им подразделениями, как в строевом, так и в хозяйственном отношении. Они должны были воспитывать у подчиненных преданность императору и родине, равно как и добросовестное отношение к долгу службы. В их обязанности входило знать лично всех военнослужащих роты (эскадрона), наблюдать за выполнением всеми начальствующими лицами подразделения своих обязанностей, вникать в нужды личного состава, заботиться о сбережении здоровья нижних чинов. Чрезвычайно хлопотными являлись хозяйственные обязанности: как «главный распорядитель всем хозяйством в роте или эскадроне», ротный командир был обязан «постоянно заботиться о своевременном требовании и раздаче нижним чинам всего положенного для них довольствия, и о возможно лучшем приготовлении пищи…»[3].

На питание нижних чинов отпускался провиант и так называемые «приварочные деньги». Провиант (мука, или печеный хлеб, или же сухари, а также крупа) по установленным нормам отпускался в натуральном виде, то есть продуктами. На «приварочные деньги» закупались мясо, масло, овощи, соль и другие при-

---

[1] «*Офицер*». Удаление от командования ротой // Разведчик. 1907. № 879. С. 500.
[2] *Грулев М.* Злобы дня в жизни армии. С. 210.
[3] Свод военных постановлений 1869 года. Книга V. Устройство и состав войск и управление ими. С. 99–100.

пасы в количествах, соответствовавших установленным нормам[1]. Хотя снабжение подразделений хлебом (мукой) и крупами возлагалось на офицера, занимавшего должность заведующего хозяйством полка (в кавалерии – помощник командира полка по хозяйственной части), питание нижних чинов организовывалось в подразделениях. «Приварочные» деньги выдавались из полковой казны ротному командиру, на него же возлагалось повседневное руководство организацией питания рядовых и унтер-офицеров. Например, командир роты был обязан ежедневно осматривать кухню и пекарню, «наблюдая, чтобы пища была питательна и приготовлена из доброкачественных продуктов»[2].

Он же организовывал закупки провизии: выдавал артельщику, по мере надобности, «приварочные деньги» для текущих расходов, наблюдая за тем, чтобы припасы покупались хорошего качества и, по возможности, по недорогим ценам. При этом ротный командир обязан был не допускать «предосудительных сделок» между артельщиком и торговцами. Закупавшиеся для роты продукты, равно как и доставлявшиеся со склада мука и крупы представлялись командиру роты, который должен был проверять их на предмет доброкачественности.[3].

Кроме того, ротный командир был обязан организовывать своевременное обеспечение ротного хозяйства топливом (дровами), фуражом для лошадей, «осветительными припасами», «подстилочными принадлежностями» и т.д. Сложная система ротного делопроизводства и отчетности по большей части тоже лежала на командире. По утверждению военной прессы тех лет, хозяйственная деятельность отнимала «все силы войск и все внимание начальников». Отмечалось, что офицерская служба, особенно ротных командиров превратилась во всевозможные покупки и проверку разных отчетностей. «Драгоценное время тратится на ведение

---

[1] Справочная книжка офицера / сост. В. Малинко. 7-е изд. С. 146–147.

[2] Свод военных постановлений 1869 года. Книга V. Устройство и состав войск и управление ими. С. 100.

[3] Свод военных постановлений 1869 года. Книга XX. Внутреннее хозяйство частей войск. Издание второе (по 1 января 1907 г.). СПб., 1907. С. 34, 41, 46, 47.

прошнурованных, пронумерованных и казенной печатью пропечатанных книг самого разнообразного характера»[1].

Командир роты лично принимал все положенное для подразделения довольствие, снаряжение и вооружение, а также выдавал его на руки нижним чинам. В числе прочего, он получал причитавшееся нижним чинам ежемесячное жалованье и был обязан лично, «каждому отдельно» выдавать причитавшиеся солдатам деньги. Положенное нижним чинам имущество (шинели, мундиры, шаровары, шапки, сапоги, амуницию и др.) также получал сам ротный командир. Выдавались эти вещи нижним чинам «тем же порядком, как и деньги», т.е. командиром роты лично и каждому отдельно. Он же был обязан обеспечить, «чтобы все… мундирные и амуничные вещи, выданные нижним чинам на руки, содержались в полной исправности, а употреблялись опрятно и бережно»[2].

Если учесть, что в приграничных военных округах в роте по штату состояло свыше полутора сотен нижних чинов, а во внутренних округах – около ста, то становится очевидным, как много времени уходило на организацию и решение указанных проблем.

Повседневная служебная деятельность командиров подразделений регламентировалась перечнем из нескольких десятков документов. В их число входили планы занятий с офицерами и солдатами, инструкция для занятий с офицерами, воинские уставы, наставления, Положение об обучении молодых солдат, Положение о хозяйстве в роте, приказы вышестоящих строевых начальников и многое другое. Один из ротных командиров подсчитал, что выполнение требований всех документов требовало не менее 113 часов в неделю (без учета воскресенья), или примерно 19 часов в сутки. Однако обязанности ротного командира этим не исчерпывались: смотры, учения, наряды, стрельбы, маневры, командировки, мобилизационная работа и многое другое в указанном перечне документов не отражались. Выполнять такой объем обязанностей было невозможно физически, что вы-

---

[1] Цит. по: *Изонов В.В.* Подготовка русской армии накануне Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2004. № 10. С. 36.

[2] Свод военных постановлений 1869 года. Книга XX. Внутреннее хозяйство частей войск. С. 33, 34, 38, 39, 40.

нуждало командиров подразделений прибегать к «… обману, доведенному некоторыми до виртуозности»[1]. Соответственно, найти недостатки и упущения в работе ротных командиров можно было всегда, что ставило их в уязвимое положение перед вышестоящим командованием.

Одной из важнейших обязанностей ротных (эскадронных) командиров являлось поддержание воинской дисциплины в своих подразделениях[2]. Между тем, в мировоззрении и психологии населения страны, в том числе молодежи, призывавшейся для прохождения срочной службы, происходили серьезные изменения. Под влиянием социально-политических процессов, происходивших в стране, стал ослабевать стихийный монархизм, присущий крестьянству в предыдущие исторические периоды. «Нарастающий аграрный голод, волнения в деревне и невнятная политика властей привели к тому, что образ Николая II в глазах крестьян стал противоречить их представлению об идеальном монархе…»[3].

В стране отмечались сотни крестьянских волнений, в 1905–1907 гг. в массовых количествах совершались поджоги и погромы дворянских усадеб, значительно выросло число уголовных дел, возбужденных в связи с сопротивлением властям, постоянно происходили забастовки сельскохозяйственных рабочих. Кроме того, в сельской местности, откуда призывалось большинство солдат, в начале XX века «… увеличилось употребление спиртного, резко пошла вверх кривая деревенской преступности, прежде всего за счет имущественных преступлений и преступлений против личности»[4].

Подобная остановка не могла не сказываться на призывной молодежи, притом, что ежегодно в армию вливалось «… до полумиллиона молодых людей, развращенных деревенской анархией»[5].

---

[1] *Семенов А.* Работа командира роты за неделю // Разведчик. 1907. № 857. С. 172.
[2] Свод военных постановлений 1869 года. Книга V. Устройство и состав войск и управление ими. С. 99.
[3] *Безгин В. Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века) [Электронный ресурс]. Москва – Тамбов, 2004. // Библиотека Гумер-история [сайт]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bezg/06.php (дата обращения: 07.05.2017).
[4] Там же.
[5] *Рычков В.*Чего не хватает нашим кадетским корпусам? // Военный сборник. 1911.№ 4. С.52.

Морально-психологическое состояние городских призывников был ничуть не лучше, что обусловливалось как низким уровнем жизни и условиями труда большинства рабочих и других слоев городского населения, так и деятельностью политических сил, стремившихся к изменению государственного строя. Соответственно, обстановка в стране сказывалась на состоянии дисциплины среди солдат. Как указывал один из строевых офицеров, отрицание власти, законного порядка и авторитета старших, ставшее обычным явлением в обществе, вызвало приток в армию новобранцев, «лишенных нравственных устоев воспитания, не привыкших к повиновению», не поддававшихся «не только исправлению, но даже и временному укрощению своих дурных наклонностей»[1].

По наблюдениям некоторых военных обозревателей, ухудшение порядка в армии стало проявляться на рубеже XIX–XX веков: «Явление упадка дисциплины представляется отнюдь не только что народившимся и временным. Оно зародилось давно, как результат перемены народной психики, реально начавшей выясняться лет 10 тому назад»[2]. Еще одним фактором, влиявшим на состояние воинской дисциплины, являлось неумение многих офицеров проводить воспитательную работу и выстраивать отношения с нижними чинами. Между тем, поддержание дисциплины было невозможно без тесной связи с личным составом и поиска подхода, как к каждому нижнему чину, так и воинскому коллективу в целом. В этой связи передовые офицеры отмечали, что «в курсах военных училищ нет ни психологии, ни педагогики»[3], хотя педагогика была нужна «… как воздух с первого шага офицерской службы»[4].

В результате, как отмечал один из военных авторов, ратовавших за введение в военно-учебных заведениях психолого-педагогического образования, молодой офицер «… при всех своих достоинствах и доблестях, оказывается почти невеж-

---

[1] *Ф. И.* Упадок дисциплины // Разведчик. 1910. № 1022. С. 326.
[2] *Н.* Война с Японией (итоги) // Разведчик. 1905. № 783–784. С. 815, 817.
[3] Разведчик. 1910. № 1023. С. 343.
[4] *Галкин М.* Новый путь современного офицера. С. 63.

дой в вопросах психологии, педагогики и физиологии», предоставляя «на произвол судьбы решение такой важнейшей задачи, как воспитание солдат»[1].

Совокупность этих и некоторых других факторов привела к падению дисциплины, увеличению количества нарушений, совершавшихся солдатами, ослаблению авторитета власти командиров. Особенно осложнилось положение с воинской дисциплиной в годы революции 1905–1907 гг. и последующее время. Если, например, в 1902 г. в нарушении чинопочитания и порядка подчиненности обвинялись 2374 нижних чина, в нарушении обязанностей службы в карауле и во время дежурства – 1245 человек[2], то вскоре ситуация резко ухудшилась. В 1906 г. число нижних чинов, обвинявшихся в нарушении чинопочитания и порядка подчиненности, составило 12778 человек, в 1907 г. – 11907, в 1908 г. – 8730. Грубых нарушений обязанностей службы в карауле и во время дежурства было зафиксировано 2636, 3551 и 3864 соответственно[3]. Очевидно, что количество нарушений резко выросло. Кроме того, заметно увеличилось количество краж, а также утрат и порчи казенного имущества.

Безусловно, даже в те непростые времена было немало солдат, честно выполнявших воинский долг. Однако количество нарушителей, прежде всего, в силу сложной внутриполитической обстановки в стране, увеличивалось, ответственность же за поддержание порядка в подразделениях по-прежнему целиком возлагалась на их командиров. Строевой офицер писал: «… отдыха у ротного командира нет никогда…, напился, кто-нибудь допьяна, произошла драка, оскорбление начальства, случилась кража, солдат не отдал чести – ротный командир первый ответчик»[4].

То, что командиры отвечали за поддержание воинской дисциплины, закономерно, однако специфика момента заключалась в том, что дисциплинарная практика была серьезно искажена. Сложилась обстановка, когда ответственность за все проступки и нарушения несли, главным образом, не сами солдаты, а офице-

---

[1] *Энгельман И. Г.* Воспитание современного солдата и матроса. СПб., 1907. С. 235.
[2] Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1902 год. С. 80.
[3] Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1910 год. С. 61, 62.
[4] «*Бинокль».* Армейские беседы // Разведчик. 1902. № 620. С. 801.

ры ротного, эскадронного и батарейного звена. Дознание практически всегда делало выводы о вине офицеров, предъявляя им обвинения в недостаточной работе с личным составом. Подобную формулировку вряд ли можно было оспорить, так как упущения в деятельности офицеров, как и представителей любой другой профессии, конечно же, были. В действительности, однако, это являлось бюрократической казуистикой, игнорировавшей реальное положение вещей в стране и армии.

Дисциплинарные взыскания, являвшиеся средством борьбы с нарушителями, в эпоху социальных катаклизмов далеко не всегда давали желаемый результат. Прежде всего, это касалось солдат, по выражению того времени, «лихих» или же «отчаянных», в том числе распропагандированных, не желавших служить, оказывавших разлагающее влияние на остальных нижних чинов. Максимально строгое дисциплинарное взыскание, которое имел право наложить командир роты на подчиненных солдат – подвергнуть аресту до пяти суток[1]. Более строгие наказания входили в компетенцию командира батальона и полка, а направление в дисциплинарный батальон назначалось по приговорам военно-окружных судов. Поэтому командиры подразделений, вынуждены были «заниматься укрывательством серьезных проступков», чтобы самим не получить взыскание[2].

Более того, среди части старшего и высшего командного состава возникло такое парадоксальное явление, как своего рода мода на попустительство в отношении недисциплинированных нижних чинов. Ситуацию в те годы обрисовал известный публицист князь А. Волконский в статье, опубликованной в газете «Новое время» и перепечатанной в «Разведчике». Он указывал, что в обществе широкое распространение получили взгляды, смысл которых сводится к тому, что армия – это «отживший плод старого режима», дисциплина – «пережиток старины», генерал – «держиморда или идиот». В ответ на заявления некоторых военачальников о том, что в армии необходимо военное воспитание, в прессе началась такая активная кампания против «муштровки», что многие предпочитали усту-

---

[1] Устав дисциплинарный (исп. и доп. по 1 октября 1915 г.). Пг., 1915.С. 17.
[2] *В. В.* Личная ответственность // Разведчик. 1910. № 1031. С. 260.

пить новым веяниям. «Высокий строевой начальник… приказывает освободить из-под ареста унтер-офицера, посаженного ротным за провинность по караульной службе; там начальник принимает «требования» бунтовщиков…», часть начальников, перестала требовать от солдат отдания чести[1]. Аналогично оценивал ситуацию один из военных обозревателей, который отмечал: «Признаками «новых взглядов» общества… явились в войсках снисходительность к подчиненным (под видом гуманности) там, где ее не должно быть, отрицание необходимости строевого порядка, одиночной выправки…»[2].

В то же время, отношение многих старших и высших военачальников к рядовым офицерам было иным, они нередко подвергались наказаниям даже тогда, когда нарушения совершались нижними чинами целенаправленно, дабы доставить неприятности тому или иному командиру. Например, бывали случаи, когда «… нижние чины крали оружие и бросали в помойную яму единственно с целью подвести под ответственность начальника»[3]. В военной прессе неоднократно отмечалось, что командиров рот, эскадронов, батарей отстраняли от должности по самым незначительным поводам. «Капитан, командир роты, вдруг оказывается в положении… школьника, которого можно за всякий пустяк осрамить лишением роты…»[4]..

На ненормальность подобного положения указывали некоторые крупные военачальники, как например, генерал-лейтенант М. В. Грулев. Характеризуя абсурдность сложившейся атмосферы, он привел пример, когда только что призванный солдат, заготавливавший хворост, отрубил себе палец. Было это сделано умышленно или случайно, установить не удалось. Ротного командира в связи с происшествием сняли с должности, хотя он в то время находился в карауле[5].

В другом случае во время маневров батарея выдвинулась на позицию недостаточно быстро, так как она передвигалась по глубокому и сыпучему песку.

---

[1] *Волконский А.М.* Дух времени и военная дисциплина // Разведчик. 1906. № 831. С. 709.
[2] *Н.* Война с Японией (итоги) // Разведчик. 1905. № 783–784. С. 817.
[3] *В. В.* Личная ответственность // Разведчик. 1910. № 1031. С. 261.
[4] «*Офицер».* Удаление от командования ротой // Разведчик. 1907. № 879. С. 500.
[5] *Грулев М.* Злобы дня в жизни армии. С. 210.

Присутствовавший при этом генерал, командовавший бригадой, немедленно отстранил батарейного командира от должности. Не менее показателен следующий факт: в период, когда подразделение находилось в лагерях, нижний чин, оставленный в городе для присмотра за казармами, совершил правонарушение. Несмотря на то, что командир подразделения вместе с личным составом находился в лагере, он был отстранен от должности. В связи с подобными случаями в прессе отмечалось, что «удаление от командования… ротой, эскадроном, батареей и батальоном применялось и применяется в наших войсках весьма нередко, преимущественно высшими начальствующими лицами…»[1].

Такой вид наказания, несмотря на то, что офицер мог быть знающим и добросовестным командиром, крайне отрицательно сказывался на моральном состоянии военнослужащих и их последующей службе; многие в этой связи подавали в отставку и увольнялись из армейских рядов. Один из много лет служивших офицеров отмечал, что прежде добросовестный военнослужащий мог рассчитывать на то, что «… случайный промах не приведет к катастрофе, что высшее начальство ценит его службу и постоит за него»[2], однако теперь случайная оплошность приводила к отстранению от должности или увольнению от службы.

Еще одним распространенным видом дисциплинарных взысканий являлись аресты с содержанием гауптвахте. Генерал А. И. Деникин отмечал, что «аресты… офицеров за маловажные служебные проступки…»[3], применялись широко, при этом срок ареста (домашнего или на гауптвахте) был достаточно продолжительным – до одного месяца. Командиры рот имели право подвергать обер-офицеров домашнему аресту на одни сутки, командиры батальонов – на трое суток домашнему аресту и на трое суток гауптвахты. Командиры полков могли подвергать аресту домашнему и на гауптвахте обер-офицеров на срок до 7 суток, штаб-

---

[1] *Матвеев М.* Дисциплинарно – уголовное указание // Разведчик. 1903. № 671. С. 752–753.
[2] *Злобин И.* Что нужно армии? // Разведчик. 1913. № 1182. С. 384.
[3] *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 85.

офицеров – до 3 суток[1]. Вышестоящие начальники обладали еще большими правами.

Масштабы применения арестов офицеров в дисциплинарном порядке можно продемонстрировать на следующем примере. В одной из дивизий, где проходили службу 25 штаб-офицеров и 175 обер-офицеров, в течение 1909 года на штаб-офицеров арест был наложен 28 раз, на обер-офицеров – 133 раза[2]. Как видно, число арестов почти равнялось количеству офицеров, то есть, в течение года аресту подвергся почти каждый офицер. Взыскания всех видов, включая аресты, выговоры, замечания и т.п. на офицеров этого соединения накладывались 469 раз, что составило более чем по 2 взыскания на человека[3].

Вряд ли все без исключения офицеры соединения настолько плохо выполняли свои обязанности, что практически никто не избежал дисциплинарных наказаний. Вероятнее всего, командование соединения, а также частей, в него входивших, несоразмерно использовало предоставленную им дисциплинарную власть. Как отмечал современник, «… некоторые начальники слишком злоупотребляют своим правом арестовывать, как наиболее легким, но, увы, далеко не всегда действительным способом управлять частью»[4]. Безусловно, так происходило не повсеместно, но и не так редко: военная пресса регулярно публиковала материалы о злоупотреблениях арестами офицеров со стороны начальников.

Существование такой меры взыскания, как арест, вызывало возмущение в офицерской среде. Под арестом мог оказаться любой офицер, от молодого подпоручика до старого полковника, если только он не был командиром отдельной части. «… Аресты офицеров подрывают их авторитет в глазах нижних чинов, приносят прямой вред службе отвлечением от занятий и, как бы ни было, порождают озлобление»[5]. Видный военный писатель генерал Е. И. Мартынов в этой связи отмечал: «…такая средневековая мера совершенно не соответствует современным

---

[1] Устав дисциплинарный (исп. и доп. по 15 октября 1915 г.). Пг., 1915. С. 22–23.
[2] *Л.* Еще о взысканиях на офицеров // Разведчик. 1910. № 1034. С. 499.
[3] Там же.
[4] *Ю.* Офицерский арест // Разведчик. 1914. № 1231. С. 355.
[5] Там же.

воззрениям. Для офицера не может быть других наказаний, кроме замечаний и выговоров; тот же, на которого эти меры не действуют, должен быть удален из армии»[1].

Нередко бывало, когда солдаты охраняли своего арестованного ротного или батальонного командира, что еще более роняло в глазах солдат «… авторитет начальников, посаженных на гауптвахту», давало им «повод для насмешек»[2].

Конечно, не все наказания были несправедливыми. В военной среде встречались разные люди, в том числе те, кто недобросовестно исполнял свои служебные обязанности. Каково было их число, установить вряд ли возможно, как невозможно установить число «справедливых» и «несправедливых» наказаний: такая оценка всегда субъективна, поэтому какой-либо статистики существовать не могло. Однако в военной прессе встречались упоминания о том, что часть командного состава являлась «негодным офицерским элементом». Отмечалось, что поступив на военную службу не из любви к военному делу, а «ради средств к жизни», такие военнослужащие дискредитировали «… свое офицерское достоинство несоответственным поведением вообще и несоответственным отношением к службе в частности»[3]. Встречались также офицеры, совершавшие преступления, чаще всего, связанные с военной службой. В 1910 г. за различные правонарушения к суду привлекалось 245 офицерских чинов, что составляло 0,6 % от списочного состава корпуса офицеров. Из них 58 человек были оправданы, остальные приговорены к различным наказаниям. Наиболее распространенными проступками и преступлениями являлись нарушение воинского чинопочитания и подчиненности, нарушения в карауле и в период дежурства, а также нарушение воинского благочиния (совокупности правил или установленных в военном быту норм служебного и общего поведения)[4].

В 1911 г. к суду было привлечено 317 человек (0,784 % от общего числа всех офицеров). Из них 64 человека были оправданы, остальным вынесены обви-

---

[1] *Мартынов Е.* И. Из печального опыта Русско-японской войны. С. 47.
[2] *Логофет Д.* Арест офицеров // Разведчик. 1913. № 1175. С. 292.
[3] *Ф. И.* Упадок дисциплины // Разведчик. 1910. № 1022. С. 326.
[4] Военно-статистический ежегодник армии за 1910 г. С. 318–319.

нительные приговоры. Кроме тех видов правонарушений, которые были указаны в 1910 г., отмечалось превышение власти и противозаконное бездействие, проступки и преступления по службе государственной, нанесение ранений, увечий и повреждений[1]. Очевидно, что число правонарушений было невелико, но, тем не менее, они были.

Общеуголовные преступления совершались относительно редко, и были связаны, в основном, с хищениями. Например, в 1910 г. было возбуждено уголовное преследование против 30 лиц военно-интендантского ведомства, в том числе – 1 генерала и 9 штаб – и обер-офицеров, обвинявшихся в получении взяток от гражданских подрядчиков. За деньги эти должностные лица закрывали глаза на низкое качество выполнявшихся работ и нарушение сроков их исполнения[2].

Продолжая рассматривать прохождение службы офицерами, следует отметить, что с должности командира роты (эскадрона) большинство капитанов, достигнув предельного возраста нахождения на службе, уходили на пенсию. Это обусловливалось тем, что в пехотных частях на одну должность штаб-офицера в среднем приходилось 10 обер-офицерских должностей[3]. То есть, лишь меньшинство ротных командиров, могли получить повышение по службе и стать подполковниками[4]. О сложности продвижения по службе даже для весьма способных офицеров, свидетельствует следующий факт. Генерал от инфантерии П. А. Лечицкий, в годы мировой войны командовавший армией, и сыгравший выдающуюся роль в ходе Брусиловского прорыва, получил чин подполковника «за отличие по службе» в 40 лет, причем считалось, что он стал подполковником очень рано[5].

Среднее число капитанов, ежегодно производившихся в подполковники, характеризуют данные, приведенные в табл. 2.4.

---

[1] Военно-статистический ежегодник армии за 1911 г. С. 428–429.
[2] Всеподданнейший отчет о произведенной в 1910 году по высочайшему повелению сенатором Дедюлиным ревизии учреждений и установлений военного ведомства Киевского и Одесского военных округов. СПб., 1910. С. 119.
[3] Содержание офицеров // Разведчик. 1899. № 455. С. 582.
[4] *Парский Д. П.* Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. С. 90.
[5] *В. Б – к*. Генерал Платон Алексеевич Лечицкий // Военная быль. 1965. № 72. С. 1.

Таблица 2.4.

Число капитанов и ротмистров, произведенных в подполковники в 1904–1905 гг.

Годы	Общее число капитанов	Произведено в подполковники	Общее число ротмистров	Произведено в подполковники
1904	4994	120 (2,4 %)	338	21 (6,2 %)
1905	4325	230 (5,3 %)	341	20 (5,9 %)

Составлено по: *Новицкий В.Ф.* На пути к усовершенствованию государственной обороны. СПб: Изд. В. Березовский, 1909. С. 114.

Из таблицы видно**,** что даже в период войны с Японией, когда было возможно получить очередной чин досрочно, число производимых в следующий чин капитанов и ротмистров было невелико, особенно в пехоте.

Обязанности батальонных командиров, являвшихся «ближайшими во всех отношениях, начальниками вверенных им батальонов» были достаточно обширными, отчасти схожими с обязанностями ротных командиров. Однако они носили более общий характер и, в отличие от ротных командиров, не были столь разнообразными, прежде всего, в хозяйственной сфере[1]. В частности, это вызывалось тем, что в батальонах не велось свое хозяйство, как в ротах, эскадронах и батареях.

Дальнейший служебный рост был возможен для еще меньшего числа армейских офицеров, в связи с чем в военной прессе встречались нелицеприятные оценки положения веще в данной области. «Должность батальонного командира и чин подполковника составляют обыкновенно венец карьеры армейского пехотного офицера. Далее в командиры полков и даже отдельных батальонов попадают лишь единичные личности, так как эти должности почти исключительно замещаются офицерами гвардии, Генерального штаба и разных центральных учреждений»[2], – отмечал современник. Однако автор диссертации считает, что заявление

[1] Свод военных постановлений 1869 года. Книга V. Устройство и состав войск и управление ими. С. 98–99.
[2] *Мартынов Е. И.* Из печального опыта Русско-японской войны. С. 45.

о «почти исключительном» назначении командирами частей представителей привилегированных групп офицерства не в полной мере корректно. В то же время, следует признать: ситуация с назначением армейцев на должности командиров полков и отдельных батальонов, которыми по штатному расписанию командовали полковники, на самом деле была сложной. Так, в соответствии с введенными в 1901 г. правилами о назначении командиров отдельных частей в пехоте, кавалерии и инженерных войсках, устанавливался следующий порядок. Кандидаты вносились в специальный список Высочайшим решением, при этом соблюдались определенные пропорции: например, при назначении на должности командиров пехотных полков в список включался один кандидат от гвардии, два кандидата от Генерального штаба и три армейских кандидата. В кавалерии на одного кандидата из гвардейской кавалерии приходился один кандидат от Генерального штаба и два от армейской кавалерии. При назначении командиров батальонов инженерных войск на одного кандидата от единственного гвардейского саперного батальона приходилось девятнадцать кандидатов от армейских частей инженерных войск[1]. Иными словами, для каждой категории офицеров существовала отдельная очередь на вакантные должности.

Подобные пропорции, с учетом того, что количество армейских офицеров значительно превышало число офицеров гвардии и Генерального штаба вместе взятых, вызывали нарекания со стороны армейцев, так как армейская очередь была гораздо больше. Например, для 53 гвардейских пехотных батальонов выделялась одна вакансия командира отдельного батальона или полка, в то время как для 1190 армейских батальонов – 3 вакансии. Получалось, что на одну освободившуюся должность в армейской очереди приходилось 397 человек, а в гвардейской – лишь 53[2].

Впоследствии пропорции претерпевали некоторые изменения, но они не носили принципиального характера. Например, в 1914 г. была установлена следую-

---

[1] Приказ по военному ведомству от 8 октября 1901 года № 331 // Приказы по военному ведомству за 1901 год. СПб., 1901. С. 862.
[2] *«Дельта».* Гвардия // Разведчик. 1908. № 898. С. 20.

щая очередь назначения на должности командиров армейских кавалерийских полков: по две кандидатуры от Генерального штаба и армейской кавалерии, одна – от гвардии[1].

В результате подобного подхода большая часть командиров армейских частей назначались из гвардии и Генерального штаба. Например, в 1913 г. выходцы из гвардии возглавляли 17% пехотных полков (57 полков), притом, что, как отмечалось ранее, гвардейское офицерство составляло в пехоте менее 5% от числа офицерского состава полков, к гвардии не принадлежавших. Офицеры Генерального штаба составляли 30% полковых командиров (96 полков), хотя число генштабистов составляло около 2 % корпуса офицеров; некоторая часть из них ранее также служила в гвардии. Выходцы из среды строевого армейского офицерства, составлявшего свыше 90 % всего командного состава в пехоте, были командирами лишь 34 % пехотных полков (108 полков). Остальными пехотными полками (62 полка) командовали лица, назначенные с административных должностей: адъютантов окружных штабов, уездных воинских начальников, офицеров из военных училищ и т.д.[2].

В кавалерии бывшие гвардейцы по числу полковых командиров превосходили даже генштабистов: они занимали 48 % должностей командиров полков (часть офицеров Генерального штаба в прошлом служила в гвардии). Сами генштабисты командовали 25 %,кавалерийских полков, армейские офицеры – 27% (данные на 1901 г.). Подобное положение сохранилась и в более поздние времена[3].

Таким образом, необходимо констатировать следующее. Действовавшая в начале XX века система чинопроизводства обусловливала преимущественное продвижение по службе офицеров Генерального штаба и гвардии. Именно они составляли большую часть командиров полков и отдельных батальонов. Соответственно, высших командных постов в армии со временем достигали, чаще всего,

---

[1] Приказ по военному ведомству от 11 января 1914 года № 27 // Разведчик. 1914. № 1215. С. 97.
[2] *М.* Некоторые цифры административного засилья в строевой армии // Разведчик. 1914. .№ 1215. С. 107.
[3] *Залесский,* полковник. Немного статистики // Разведчик. 1906. № 794–795. С. 31.

представители этих групп офицерского корпуса. Количественные данные о ген-штабистах и гвардейцах, являвшихся начальниками дивизий и командирами корпусов в 1912 г., приведены в параграфе 2.2.

Представляется, однако, что «перекос» в сторону офицеров Генерального штаба, в немалой степени, был оправдан. Именно они в академии были обучены выполнять наиболее сложные задачи, которые вряд ли смогли бы решить другие офицеры. В число таких задач входили составление дислокаций, маршрутов и диспозиций войск для боя и движения, производство съемок, рекогносцировок, подготовка вождения колонн на театре военных действий вообще и на поле сражения – в особенности, выбор, совместно с военными инженерами позиций и пунктов для укреплений и т.д.[1]. Подобные знания и служба в штабах способствовали выработке у офицеров Генштаба необходимых навыков и умений для выполнения обязанностей командиров полков. Данное обстоятельство являлось немаловажным, так как полковые командиры решали весьма сложные и многообразные задачи. Они должны были поддерживать на необходимом уровне боевую готовность полка, вырабатывать у подчиненных сознание долга службы и дисциплины, следить за точным исполнением в полку воинских уставов, инструкций, правил, в случае беспорядков принимать меры к их прекращению. От полковых командиров требовалось знать «поведение, способности, особенности характера и наклонности» офицеров полка, заботиться о здоровье нижних чинов, принимать меры по предупреждению заболеваний личного состава, управлять хозяйством полка, следить за поддержанием в рабочем состоянии всего полкового имущества, наблюдать за правильным ведением хозяйства в ротах (эскадронах). Командир полка был обязан заботиться об обучении личного состава всем «отраслям знаний, требуемых службой», руководить офицерскими занятиями, требовать от батальонных командиров наблюдения за точным исполнением требований воинской службы во вверенных им подразделениях. В случае объявления мобилизации командиры полков обязаны были обеспечить

[1] Свод военных постановлений 1869 года. Книга V. Устройство и состав войск и управление ими. С. 34.

выполнение комплекса мероприятий, необходимых для «успешного приведения полка в военный состав», касавшихся военнослужащих всех категорий, их обмундирования, снаряжения, вооружения, обоза[1] и т.д.

В то же время, следует отметить: в преимущественном назначении на должности командиров частей генштабистов были и отрицательные моменты. Так, в то время отмечалось, что значительную часть времени офицеров Генерального штаба в период службы в войсковых штабах занимала рутинная работа, связанная с канцелярской перепиской. На каждый входящий документ (которых, например, в штабы корпусов поступало до 30–40 тысяч в год) требовалось подготовить и дать официальный ответ, что отнимало массу времени[2]; такая практика не способствовала развитию офицеров Генштаба, как будущих командиров частей и соединений. Кроме того, практический опыт командования войсками, как уже отмечалось ранее, у них был невелик, и служба в штабах не могла в полной мере восполнить его недостаток. Несмотря на это, примерно через 12–13 лет службы в штабах такие военнослужащие становились командирами полков, и именно они впоследствии занимали большинство высших командных постов. В этой связи один из представителей корпуса офицеров Генерального штаба справедливо отмечал следующее. «Представьте, себе офицера, совершенно позабывшего строй, являющегося в роли ответственного начальника и руководителя… много ли пользы принесет такой начальник, хотя бы и окончивший 15 лет тому назад высшую военную школу»[3]. Чтобы войти в курс дела и стать умелым командиром полка, такому офицеру требовалось несколько лет.

Более того, бывало и так, когда офицеры Генштаба, служившие в центральных управлениях Военного министерства, становились генералами, вообще минуя должность командира полка, и со временем назначались «по дошедшей до них очереди начальниками дивизий, а иногда даже и командирами корпусов»[4].

---

[1] Там же. С. 78–83.
[2] *Чистяков С.* Нелепая работа // Разведчик. 1907. № 894. С. 733–734.
[3] *О. Г. Ш.* Генеральный штаб и строй // Разведчик. 1913. № 1206. С. 764, 765.
[4] Там же. С. 765.

Сами представители Генерального штаба, находясь после Гражданской войны уже в эмиграции, также указывали, что в «автоматическое выдвижение» офицеров Генштаба «следовало бы внести поправки, чтобы сблизить их со строем… , чтобы не отстать в военном деле и не оказаться, как это случалось у нас очень часто, позади своего академического патента»[1].

Значимые привилегии гвардейцев в процессе развития карьеры и прохождения службы, а также предпочтение, отдававшееся им при назначении на старшие и высшие командные должности, также вряд ли можно назвать оправданными. В том числе и потому, что далеко не все офицеры гвардии оканчивали высшие учебные заведения.

Воинская служба во все времена требовала значительных усилий со стороны военнослужащих, причем по мере развития вооружения и способов ведения боевых действий напряженность службы увеличивалась. Особенно заметным это стало с появлением массовых армий. Уже Русско-японская война 1904–1905 гг. показала, какое огромное физическое и нравственное напряжение требовалось в современной войне от военнослужащих вообще и командного состава в особенности. В мирное время подготовка войск к ведению боевых действий также требовала все больших усилий со стороны командиров и начальников всех рангов, в то время как среди командного состава различных категорий было много лиц пожилого возраста. В этой связи военная пресса указывала, что «… престарелый командный состав, всегда в армии вредный, ныне… представляется совершенно нетерпимым»[2]. Иными словами, требовалось ограничение возраста как для нахождения на военной службе, так и при назначении на должности.

Такая попытка была сделана еще в 1899 г., когда был введен предельный возраст нахождения на действительной службе, просуществовавший до начала Русско-японской войны 1904 –1905 годов. По ряду причин эта мера не дала ожидаемого результата, и проблема обострилась настолько, что военнослужащих, неспособных в силу возраста выполнять свои обязанности, приходилось увольнять

---

[1] *Геруа Б. В*. Воспоминания о моей жизни: в 2 т. Т. 1. С. 149.
[2] Цит. по: Разведчик. 1910. № 1005. С. 64.

даже в период войны на Дальнем Востоке, хотя армия испытывала недостаток в опытном командном составе. Во избежание повторения таких ситуаций в 1906 г. были приняты временные правила коллегиальной аттестации, позволявшие увольнять непригодных к службе военнослужащих по результатам аттестаций[1]. Однако принятые ранее правила о предельном возрасте были отменены. В результате численность командного состава, физически непригодного к службе, в том числе лиц, занимавших высокие должности, вновь увеличилась. Подобное положение вещей объяснялось неуместной снисходительностью членов аттестационных комиссий, не связанных при аттестации какими-либо возрастными нормами. В сложившейся ситуации было принято решение вновь ввести увольнение от службы по предельному возрасту для всех лиц командного строевого состава, а также для тех, кто занимал нестроевые должности, назначение на которые совершалось по списку.

В январе 1910 г. такие ограничения были введены. В соответствии с принятым решением по достижении определенного возраста подлежали увольнению военнослужащие, занимавшие весьма широкий круг должностей – от младших офицеров в ротах до командиров корпусов включительно. Приведем предельный возраст нахождения на военной службе по наиболее типичным должностям[2]:

командиров корпусов – 67 лет;

начальников пехотных дивизий – 63 года;

командиров артиллерийских бригад – 60 лет;

командиров кавалерийских полков и отдельных кавалерийских дивизионов и эскадронов – 56 лет;

командиров отдельных частей в пехоте, железнодорожных и инженерных войсках – 58 лет;

командиров артиллерийских полков, дивизионов – 58 лет;

командиров отдельных рот в инженерных и железнодорожных войсках – 58 лет;

---

[1] Там же.

[2] Распоряжения по военному ведомству // Разведчик. 1910. № 1005. С. 63.

командиров артиллерийских батарей – 56 лет;

для строевых штаб-офицеров, не командующих отдельными частями – 58 лет, строевых обер-офицеров – 55 лет.

Одновременно был установлен предельный возраст для зачисления в кандидаты и назначения на должности. Например, для начальников пехотных дивизий такой возраст составлял 60 лет, командиров кавалерийских полков и отдельных кавалерийских дивизионов – 53 года, командиров отдельных частей в пехоте, инженерных и железнодорожных войсках – 55 лет[1].

Несколько раньше отдельно были выделены капитаны (ротмистры), для которых предельный возраст производства в чин подполковника был установлен в 50 лет[2].

В результате принятых мер, как отмечало Военное министерство, «движение на командные в армии должности в 1910 г. имело особенно интенсивный характер, что объясняется введением правил о предельном возрасте…», число уволенных по возрасту офицеров и генералов составило 884 человека[3].

В 1911 г. эта тенденция продолжилась, было заменено достаточно большое количество лиц высшего и старшего командного состава. Так, было назначено 8 новых командиров корпусов (из общего числа в 37 человек), 18 командиров пехотных бригад, 56 командиров пехотных полков, 13 командиров кавалерийских полков[4].

В 1913 г. предельный возраст нахождения на службе для отдельных категорий офицеров и генералов вновь был уменьшен. Так, командиры корпусов могли служить не до 67, а до 66 лет, начальники пехотных дивизий – не до 63, а до 62 лет, штаб-офицеры, не командовавшие отдельными частями – не до 58, а до 56

---

[1] Настольная справочная книга для строевых обер-офицеров / сост. гв. штабс-капитан Егоров. С. 104–105.

[2] Приказ по военному ведомству от 29 января 1910 г. № 53 // Приказы по военному ведомству за 1910 год, СПб., 1910. С. 49.

[3] Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1910 год. СПб., 1912. С. 2, 6.

[4] Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1911 год. Приложение к общему обзору за 1911 год. СПб., 1913. С. 6–7.

лет[1]. Для остальных категорий должностных лиц предельный ценз остался прежним.

В общем и целом, принятые меры способствовали омоложению командного состава. Вместе с тем, очевидцы событий указывали на некоторые отрицательные явления психологического характера. По их утверждению, тот факт, например, что предельный возраст для производства в подполковники равнялся 50 годам, а предельный возраст нахождения капитанов на службе составлял 55 лет, приводил к тому, что 50-летний капитан терял «… всякую надежду на какое бы то ни было движение по службе». Он мог служить еще 5 лет, в течение которых рота находилась «… в руках командира, которому на службе уже пропели отходную»[2].

Выводы по главе 2

Система комплектования корпуса офицеров, существовавшая в начале прошлого века, в целом, обеспечивала потребности армии в офицерском составе. Вместе с тем, она страдала серьезными недостатками, главным из которых было то, что выпускники пехотных, а также кавалерийских училищ обладали различным уровнем профессиональной подготовки: у одной части офицеров он был ниже, чем у другой. Подобное положение вызывалось тем, что, командный состав для службы в этих родах войск готовили два вида училищ – военные и юнкерские (до 1910 г.). Большая часть офицеров имела за плечами юнкерские училища, который давали менее высокий уровень образования, в силу причин, указанных в параграфе 2.1.

Для исправления ситуации были приняты меры, направленные на унификацию образования в учебных заведениях военного ведомства. Прежде всего, ими стали преобразование юнкерских училищ в военные, повышение требований к уровню общего образования поступавших в такие училища лиц, введение едино-

---

[1] Положение о предельном возрастном цензе для состоящих на службе в строю и в войсковых управлениях генералов, штаб и обер-офицеров: Приказ по военному ведомству от 1 июля 1913 г. № 349 // Приказы по военному ведомству за 1913 год. СПб., 1913. С. 1164–1165.
[2] О предельном возрасте // Разведчик. 1910. № 1007. С. 91.

образных усовершенствованных программ обучения. В результате различия в профессиональной подготовке выпускников военно-учебных заведений постепенно стали уменьшаться. Вместе с тем, полностью проблема не была решена: часть лиц, поступавших в «новые» военные училища, созданные на базе юнкерских, не обладала достаточным уровнем общего образования. Во многом это вызывалось недостаточно развитой системой народного образования и некоторыми пережитками, присущими общественно-политической системе той поры.

В годы Первой мировой войны подготовка офицеров военного времени происходила, главным образом, в военных училищах на ускоренных курсах обучения и в школах прапорщиков. Несмотря на неизбежные недостатки, такой подход в целом обеспечил армию необходимым количеством строевых офицеров. Кроме того, боевую подготовку такие офицеры совершенствовали на повторительных курсах и в ходе боев.

Корпус офицеров в мирное время в начале XX столетия был неоднородным, и состоял из нескольких групп и подгрупп, отличавшихся между собой уровнем образования, возможностями служебного роста и престижностью службы. Подобные отличия вызывали недовольство в среде армейских офицеров, приводили к некоторой отчужденности во взаимоотношениях с офицерами гвардии и Генерального штаба, а также между пехотными офицерами и офицерами технических родов войск. В основе данного явления лежали не только остатки сословного неравенства, сохранявшиеся в обществе и армии, но и определенные свойства человеческой натуры.

Военная служба требовала максимальной ответственности, значительных психологических и физических усилий, высоких интеллектуальных нагрузок. Между тем система чинопроизводства в русской армии носила сложный характер, повышение по службе происходило очень медленно. Значительную роль в чинопроизводстве и связанном с ним продвижении по служебной лестнице играли формальные обстоятельства, такие, как старшинство в чине и старшинство училищ. Кроме того, важную роль в карьере играла принадлежность к той или иной группе корпуса офицеров. Гвардия и офицеры Генерального штаба имели льготы

и преимущества при прохождении службы, что приводило к замещению большинства высших и старших должностей в армии представителями этих групп. Свою роль играли также субъективные факторы. Все это способствовало тому, что далеко не всегда по службе продвигались наиболее достойные военнослужащие. Подобная ситуация обусловливалась не только разнородностью офицерского корпуса, но и особенностями социально-политического устройства того времени. Попытки совершенствования системы чинопроизводства в мирное время заметных результатов не дали. В годы мировой войны порядок присвоения система чинопроизводства, ввиду внесенных изменений, предоставляла большую возможность продвигаться по служебной лестнице способным, инициативным и волевым военнослужащим.

ГЛАВА 3. ОФИЦЕРСТВО И ОБЩЕСТВО

3.1. Сословное происхождение офицеров

В некоторых трудах советского периода утверждалось, будто для лиц, не принадлежавших к высшему сословию, служба в качестве офицера была почти невозможна. Так, в Большой советской энциклопедии отмечалось, что «офицерские чины присваивались преимущественно лицам дворянского происхождения. Классовый подход к комплектованию офицерских должностей обособил офицеров внутри армии и флота в особую касту, в т. н. офицерский корпус, ядро которого составляли наиболее реакционные представители дворянского сословия»[1].

Аналогичная точка зрения высказывалась в Советской военной энциклопедии, в которой система военно-учебных заведений дореволюционной России характеризовалась как носившая «…ярко выраженный дворянско-сословный характер…»[2].

Подобный подход был характерен и для ряда исследователей. Например, Л. Г. Бескровный писал: «Правящие круги проводили в вопросе военного образования четко выраженную классовую политику… офицерские кадры…, комплектовались выходцами из правящего класса»[3]; аналогичных взглядов придерживались многие другие авторы[4].

В наше время, несмотря на постепенно происходящие изменения во взглядах, также встречаются утверждения о том, что «… военная офицерская служба оста-

---

[1] Офицеры // Большая советская энциклопедия: в 51 т. 2-е изд. М., 1949–1958. Т. 31. С. 452.

[2] Военно-учебные заведения России // Советская военная энциклопедия: в 8 т. М.: Воениздат, 1976–1980. Т. 2. С. 260.

[3] *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в.: очерки военно-экономического потенциала. С. 28.

[4] *Петров Ю. П.* Военные комиссары в годы гражданской войны (1918–1920 гг.). М., 1956. С. 6; *Минц И. И.* История Великого Октября: в 3 т. / 2-е изд. М., 1977–1979. Т. 1: Свержение самодержавия. С. 357; *Спирин Л. М.* В.И. Ленин и создание советских командных кадров // Военно-исторический журнал. 1965. № 4. С. 10; *Буравченков А. А.* Изменения в социальном составе офицерского корпуса в России (1914–1917гг.) // Украинский исторический журнал. 1987. № 2. С. 73–75 и др.

валась традиционной дворянской привилегией, проникновение в офицерскую среду представителей низших сословий было затруднено»[1].

На иных позициях находятся некоторые другие современные исследователи истории русского офицерства, в частности, С. В. Волков, считающий, что офицерство изначально не являлось замкнутой корпорацией[2].

Некоторые аспекты данной проблемы рассмотрены автором настоящей диссертации в одной из своих статей[3], однако необходимо рассмотреть проблему шире. Бесспорно, различие точек зрения на данную проблему требует проанализировать два важнейших ее аспекта. Первый заключается в выявлении того, кто действительно мог стать кадровым офицером, прежде всего, с точки зрения сословного происхождения. Второй состоит в поиске ответа на вопрос: обладало ли офицерство, как часть дворянского сословия, привилегиями?

Рассматривая первый аспект проблемы, необходимо обратиться к соответствующим источникам, определявшим порядок поступления в военно-учебные заведения, а также свидетельствам современников.

Группа офицеров, в том числе, профессор Е. Э. Месснер, находившихся после Гражданской войны в эмиграции, в своем коллективном труде отмечала, что законодательные ограничения по сословному признаку для лиц, желавших стать офицерами, отсутствовали, и каждый, «по суду непорочный гражданин» имел право стать офицером[4].

Авторами указывались три способа реализации этого права. Первый способ: окончив среднее общеобразовательное учреждение (гимназию, реальное училище, кадетский корпус и т.д.), поступить в военное или юнкерское училище и закончить его. Второй способ: быть произведенным в офицеры с правом достичь чина штабс-капитана (штабс-ротмистра) нижним чинам, отличившимся в военное вре-

---

[1] *Гребенкин И. Н.* Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. С. 19–20.
[2] *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. С. 266.
[3] *Суряев В. Н.* «Не дворянское звание делало офицером, а офицерское звание делало дворянином». Сословное происхождение русского офицерства начала XX века // Военно-исторический журнал. 2017. № 4. С. 4–10.
[4] См.: Российские офицеры / [Е. Месснер и др.] // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 128.

мя. Кроме того, в мирное время любой нижний чин, произведенный в период срочной службы в унтер-офицерское звание, имел право сдавать вступительные экзамены в военно-учебные заведения. Третий способ: имея документы о полном среднем образовании, поступить на военную службу вольноопределяющимся, и после года службы сдать экзамен на чин прапорщика запаса. Затем для производства в чин подпоручика и зачисления на действительную военную службу требовалось сдать экзамен за курс военного училища[1].

В официальных документах начала XX столетия, определявших порядок поступления в военно-учебные заведения, ограничения по сословному признаку почти во всех училищах отсутствовали. Это касалось пехотных[2], артиллерийских[3], кавалерийских[4] училищ (следует отметить, однако, что в некоторых военно-учебных заведениях были особенности, о которых будет сказано далее).

Вместе с тем, существовало военно-учебное заведение, в которое могли поступать только потомственные дворяне, то есть, оно комплектовалось исключительно по сословному признаку. Речь идет о Пажеском Его Императорского Величества корпусе, поступление в который требовало зачисления в пажи к Высочайшему двору. При этом в соответствии с законом, зачисление в пажи непременно требовало представления свидетельства о дворянстве[5]. Однако далеко не все представители даже потомственного дворянства могли поступать в Пажеский корпус. В пажи к Высочайшему двору могли зачисляться лишь сыновья и внуки лиц, имевших чины первых трех классов, а также занимавших должности губернаторов, посланников и губернских предводителей дворянства, если им был присвоен чин не ниже генерал-майора или действительного статского советника. Подобное право имели также сыновья и внуки генерал-майоров, убитых или умерших от ран, полученных в боях, сыновья генерал-майоров, участвовавших в боях

---

[1] Там же.
[2] Приказ по военному ведомству от 24 апреля 1900 г. № 137 // Разведчик. 1900. № 502. С. 506–507.
[3] Свод военных постановлений 1869 года. Книга XV. Заведения военно-учебные. С. 177.
[4] Приказ по военному ведомству от 19 июля 1902 г. № 280 // Приказы по военному ведомству за 1902 год. СПб., 1902. С. 445.
[5] См.: Свод военных постановлений 1869 года. Книга XV. Заведения военно-учебные. С. 122.

с противником или походах против него, прослуживших в генеральском чине не менее пяти лет и некоторые другие[1].

Некоторые особенности существовали при поступлении в пехотные и кавалерийские училища, которые подразделялись на две группы. Первая группа состояла из всесословных учебных заведений, и включала юнкерские училища (после их преобразования – «новые» военные училища) и два «старых» пехотных военных училища. Ко второй группе относились военные училища, куда принимались, главным образом, выпускники кадетских корпусов и лица, пользовавшиеся правом на поступление в эти корпуса. В официальном списке, составленном Главным управлением военно-учебных заведений (ГУВУЗ), к первой группе, то есть, к всесословным училищам были отнесены 9 пехотных и 2 кавалерийских училища. В их число входили два пехотных училища в столицах – Алексеевское (Москва) и Владимирское (Санкт-Петербург). Кроме того, в эту группу входили Киевское, Казанское, Виленское, Одесское, Иркутское, Тифлисское, Чугуевское училища. К этой же категории принадлежали два кавалерийских училища – Елисаветградское и Тверское[2].

Что касается второй группы училищ, то в труде, подготовленном уже упоминавшейся группой офицеров во главе с Е. Э. Месснером, назывались два училища – Павловское пехотное и Николаевское кавалерийское, находившиеся в Петербурге. В них, по утверждению авторов, принимались, по большей части, дети потомственных дворян. «Не закон ставил это ограничение, а традиция гвардии, требовавшая, чтобы ее полки комплектовались офицерами из потомственного дворянства – эти два училища служили главным образом для укомплектования гвардии»[3]. То есть, по утверждению современников, в эти училища прием осуществлялся по сословному принципу.

---

[1] Там же. С. 122–123.

[2] Отчет о состоянии военно-учебных заведений за 1910 год // Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1910 год. Приложение 9. С. 9.

[3] Российские офицеры / [Е. Месснер и др.] // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 129.

Изучение источников показало, что существовало еще одно военно-учебное заведение – Александровское пехотное училище в Москве, которое не считалось всесословным, и поступать в которое также могли вполне определенные категории молодых людей[1]. Однако утверждение, будто в эти три училища принимались преимущественно дети потомственных дворян, некорректно. В официальных документах требование о принадлежности к дворянскому сословию отсутствовало, указывалось лишь, что предпочтение при поступлении отдается выпускникам кадетских корпусов[2]. Между тем в кадетские корпуса имели право поступать не только выходцы из среды потомственных дворян. В них принимались сыновья действующих и отставных офицеров, в том числе, в чинах, не дававших право на потомственное дворянство. Кроме того, кадетами могли стать сыновья военных врачей, военных священников, гражданских чиновников всех ведомств, погибших или раненых на войне, нижних чинов в чине подпрапорщика, участвовавших в боях, получивших ранения или награжденных орденами[3].

Иными словами, учиться в кадетских корпусах, а впоследствии стать юнкерами самых престижных Николаевского кавалерийского училища и пехотных Павловского и Александровского училищ могли представители разных сословий, не только дети потомственных дворян. Существовавшие при приеме в корпуса ограничения касались не сословного происхождения, а осуществлялись на иной основе: предпочтение отдавалось тем, чьи отцы так или иначе были связаны с вооруженными силами. В то же время, по некоторым причинам, о которых будет сказано далее, более половины кадет по происхождению действительно были дворянами. Например, в 1910 г. 59,47 % учащихся всех кадетских корпусов были выходцами из среды потомственного дворянства[4].

Выпускники кадетских корпусов имели право поступать в училища без экзаменов и, по понятным причинам, стремились попасть в самые престижные

---

[1] Свод военных постановлений 1869 года. Книга XV. Заведения военно-учебные. С. 152.
[2] Там же. С. 152, 154.
[3] Там же. С. 505.
[4] Отчет о состоянии военно-учебных заведений за 1910 год // Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1910 год. СПб., 1912. Приложение 9. С. 9.

учебные заведения. Соответственно, в таких училищах большую часть юнкеров составляли бывшие кадеты, многие из которых являлись выходцами из потомственных дворян, чем свидетельствуют данные, указанные в табл. 3.1.

Таблица 3.1.

Сословное происхождение юнкеров военных училищ в 1910 г. (в %)

Тип училищ	Потомств. дворяне	Из крестьян	Из мещан	Из семей офицеров и чиновников	Из духов. сословия	Из почетных граждан и купцов	Из др. сословий
Всесословные	15,77	17,92	14,57	20,13	2,45	22	–
Другие	51,24	–	–	32,05	1,37	13,03	1,71

Составлено по: Отчет о состоянии военно-учебных заведений за 1910 год // Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1910 год. СПб: Военная типография, 1912. Приложение 9. С. 9.

Данные, приведенные в таблице, показывают, что в процентном отношении потомственных дворян во всесословных училищах было гораздо меньше, чем в училищах другой группы. Одновременно достаточно большой процент юнкеров во всесословных военно-учебных заведениях происходил из бывших податных сословий, в то время как в Павловском, Александровском и Николаевском училищах выходцев из «простонародья» практически не было. Процент юнкеров, чьи отцы были личными дворянами (офицеры в чине до подполковника и чиновники соответствующих рангов), почетными гражданами, купцами и священнослужителями в обеих группах училищ был сопоставимым.

Официальные данные подтверждаются воспоминаниями современников. Например, в Виленском пехотном юнкерском училище, указывал В. В. Чернавин, служивший в штабе Виленского военного округа и изучавший списки юнкеров, принятых в училище, указывал, что в 1908–1914 гг. более 75 % юнкерского состава не относились к дворянству. Он писал: «Отчетливо помню, что преобладали в этих списках сыновья крестьян и мещан, затем шли сыновья купцов, духовных и,

наконец, дворяне»[1].

Вопрос о принадлежности к потомственному или личному дворянству и значении данного обстоятельства будет рассмотрен в данном параграфе несколько позже. Здесь же отметим только, что личное дворянство к потомству не переходило[2], поэтому даже в группе училищ, в которые поступали, в основном, выпускники кадетских корпусов, почти половина юнкеров не имела отношения к потомственному дворянству.

Ситуация в специальных училищах (артиллерийских, инженерном и военно-топографическом) была следующей. В оба артиллерийских училища – Константиновское и Михайловское – принимались «…лица всех сословий, не исключая и нижних чинов»[3].

В этой связи необходимо отметить, что характеристика социального состава юнкеров артиллерийских училищ, дававшаяся в некоторых трудах советского времени, не всегда корректна. В некоторых из них сыновья офицеров в чине подполковника и ниже, а также гражданских чиновников подобных рангов отнесены к категории личных дворян[4]. Однако эти молодые люди в принципе не могли быть таковыми: личное дворянство, как уже отмечалось, от отцов детям не передавалось.

Например, в Михайловском артиллерийском училище к 1 января 1907 г. числилось 425 юнкеров, из которых 108 являлись потомственными дворянами, 253 – «сыновьями подполковников, майоров, обер-офицеров и чиновников», 61 – выходцами их других сословий; несколько юнкеров являлись иностранцами. В

---

[1] *Чернавин В.* К вопросу об офицерском составе старой русской армии к концу ее существования // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1924. Кн. 5. С. 223.

[2] Свод законов о состояниях. Кн. 1. О разных родах состояний, и различии прав, им присвоенных // Свод Законов Российской империи, издания 1857 г. Т. 9: Законы о состояниях. СПб., 1857. С. 13.

[3] Свод военных постановлений 1869 года. Книга XV. Заведения военно-учебные. С. 177.

[4] *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в.: очерки военно-экономического потенциала. С. 35.

Константиновском артиллерийском училище сословное происхождение юнкеров характеризовалось примерно таким же образом[1].

В Николаевское инженерное училище принимались не только выпускники кадетских корпусов и лица, имевшие право на поступление в эти корпуса, но и «молодые люди не из кадетских корпусов». Для последних требовалось окончить полный курс правительственных гимназий или выдержать соответствующие экзамены при кадетских корпусах[2]. То есть, требовалось образование, а не происхождение. В военно-топографическое училище принимались лица с образованием, которое давало им право поступать на службу в войска вольноопределяющимися первого разряда, а также уже служившие в таком качестве[3]. Иными словами, училище, по сути, было всесословным.

Перед мировой войной офицеров для регулярной армии готовили 18 училищ и Пажеский корпус. При этом прямые сословные ограничения при поступлении существовали только в Пажеском корпусе, имевшем особый статус. В трех училищах предпочтение при поступлении отдавалось детям лиц, служивших или работавших в военных структурах, что не являлось сословным ограничением. Вряд при таком соотношении можно говорить о том, что возможность стать офицерами имели, преимущественно, лица дворянского происхождения.

Более того, в 1913 г. был издан приказ по военному ведомству, в соответствии с которым право на поступление в Павловское, Александровское и Николаевское училища приобрели «… молодые люди всех сословий», имевшие среднее образование[4], то есть, они также стали всесословными.

Следует отметить также, что действовавшая в пехоте и кавалерии система старшинства училищ, о чем шла речь в параграфе 1.3, не предоставляла привилегии исключительно потомственному дворянству. В юнкерских, а впоследствии в

---

[1] Отчет Главного артиллерийского управления за 1906 г. // Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1906 г. СПб., 1908. Приложение 3. С. 65, 67–68.
[2] Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1906 г. С. 193, 194.
[3] Приказ по военному ведомству от 26 мая 1906 г. № 337 // Приказы по военному ведомству за 1906 г. СПб., 1906. С. 554.
[4] Приказ по военному ведомству от 31 июля 1913 г. № 410 // Приказы по военному ведомству за 1913 год. СПб., 1913. С. 1261.

созданных на их базе «новых» военных училищах училось немалое число потомственных дворян. Например, в 1911 г. оно составляло 15,39 % от числа всех юнкеров, обучавшихся во всесословных училищах[1], в 1912 г. – 15,27 %[2]. По окончании училищ никакие привилегии для них не предусматривались, старшинство в чине они получали, как и остальные, в зависимости от успеваемости и поведения.

Более того, эти потомственные дворяне по старшинству в чине ставились позади выпускников «старых» военных училищ и оказывались в худших условиях в плане карьерного роста, чем их ровесники из относительно привилегированной очереди. Между тем, как уже указывалось, даже в Павловском и Александровском пехотных и Николаевском кавалерийском училище почти половина юнкеров была недворянского происхождения. Что касается «старых» Алексеевского и Киевского военных училищ, то в них изначально принимались молодые люди всех сословий[3].

Следовательно, выпускники недворянского происхождения, учившиеся в «старых» училищах, по выпуску имели старшинство в чине в сравнении с потомственными дворянами, окончившими юнкерские или «новые» военные училища. Выпускники инженерного и топографического училищ выстраивались в свои отдельные очереди, в которых старшинство определялось не происхождением, а успехами в учебе. Очередь по старшинству у выпускников обоих артиллерийских училищ была единой: «В отношении… прав юнкеров по выпуску, … Константиновское училище… сравнено с Михайловским артиллерийским училищем»[4].

Происхождение командного состава в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, характеризуют данные, приведенные в табл. 3.2. и 3.3.

---

[1] Отчет о состоянии военно-учебных заведений за 1911 год // Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1911 год. Приложение к общему обзору. С. 9.
[2] Отчет Главного управления военно-учебных заведений за 1912 год // Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1912 год. Приложение 9. С. 9.
[3] Свод военных постановлений 1869 года. Книга XV. Заведения военно-учебные. С. 154.
[4] *К.-К.* Константиновское артиллерийское училище // Энциклопедический словарь. Т. XVI / под ред. К. К. Арсеньева и Е. Е. Петрушевского. СПб., 1895. С. 49.

Таблица 3.2.

Сословное происхождение офицерского состава по степеням воинских чинов в 1912 году (в процентах и абсолютных величинах)

Степени воинских чинов	Из потомств. дворян	Из духовного звания	Из купеческого звания	Из потомств. почетных граждан	Из бывших податных сословий
Обер-офицеры	50,36 % (16883 чел.)	3,60 % (1208 чел.)	3,61 % (1211 чел.)	14,44 % (4841 чел.)	27,99 % (9385 чел.)
Штаб-офицеры	71,46 % (4608 чел.)	4,22 % (272 чел.)	2,31 % (149 чел.)	10,53 % (679 чел.)	11,48 % (740 чел.)
Генералы	87,45 % (815 чел.)	1,39 % (13 чел.)	0,75 % (7 чел.)	7,72 % (72 чел.)	2,69 % (25 чел.)

Составлено по: Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. СПб: Военная типография, 1914. С. 228–229, 232–233.

Что касается корпуса офицеров в целом, без разделения на воинские чины, то сословное происхождение офицерства представлено в табл. 3.3.

Таблица 3.3.

Сословное происхождение офицерского состава по данным 1910 года (в процентах и абсолютных величинах)

Год	Из потомств. дворян	Из духовного звания	Из купеческого звания	Из потомств. почетных граждан	Из бывших податных сословий	Всего офицеров
1910	54,7 % (22398 чел.)	3,8 % (1552 чел.)	2,6 % (1078 чел.)	14 % (5715 чел.)	24,8 % (10155 чел.)	40898

Составлено по: Военно-статистический ежегодник армии за 1910 год. СПб: Военная типография, 1911. С. 172–173.

Данные, приведенные в таблице 3.3. показывают, что более половины офицеров всех чинов принадлежали к потомственному дворянству. В то же время, почти половина офицерского состава имела недворянское происхождение, при этом практически четвертая часть происходила из бывших податных сословий. Однако в различных родах войск соотношение представителей тех или иных сословий среди офицерского состава заметно отличалось, что показано в табл. 3.4.

Таблица 3.4.

Сословное происхождение офицеров по родам войск в 1910 году (в процентах и абсолютных величинах)

Род войск	Из потомств. дворян	Из духовного звания	Из купеческого звания	Из потомств. почетных граждан	Из бывших податных сословий	Всего офицеров в роде войск
Пехота	44,3 % (11642 чел.)	4,8 % (1256 чел.)	2,5 % (666 чел.)	15,7 % (4124 чел.)	32,6 % (8564 чел.)	26252
Кавалерия	60,9 % (2588 чел.)	1,6 % (68 чел.)	2,6 % (112 чел.)	5,8 % (248 чел.)	5,5 % (232 чел.)	4248
Артиллерия	76,8 % (4483 чел.)	1,1 % (62 чел.)	1,5 % (88 чел.)	10,9 % (633 чел.)	9,7 % (566 чел.)	5832
Инженерные войска	69,5 % (1108 чел.)	1,7 % (27 чел.)	1,9 % (30 чел.)	16,0 % (255 чел.)	10,9 % (174 чел.)	1594
Железнодорожные войска	54,3 % (181 чел.)	2,7 % (9 чел.)	2,1 % (7 чел.)	19,5 % (65 чел.)	21,3 % (71 чел.)	333

Составлено по: Военно-статистический ежегодник армии за 1910 год. С. 172–173.

Исходя их данных, приведенных в таблице 3.4., становится очевидным, что в процентном отношении наименьшее число потомственных дворян служило в пехотных частях, хотя в абсолютных величинах большинство из них проходили службу именно в пехоте. В этом роде войск число дворян по происхождению превышало число потомственных дворян во всех остальных родах войск, вместе взятых. В последующее время данная тенденция сохранилась[1]. Подобное положение обусловливалось тем, что пехота составляла свыше 70 % численности армии. Одновременно данные показывают, что значительное количество офицеров во всех родах войск не принадлежало к потомственному дворянству и являлось выходцами из других сословий. Следовательно, офицерство отнюдь не являлось кастой, в которую не допускались представители широких слоев народа. «Кадровым офицером мог стать княжеский сын и сын дворянина, и сыновья священника, купца,

[1] Военно-статистический ежегодник армии за 1911 год. С. 172–173, 176–177; Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. С. 228–229, 232–233.

почетного гражданина, крестьянина, мещанина, ремесленника и рабочего. И не только мог стать теоретически, по закону, но и становился фактически…»[1].

При наличии качеств, необходимых военачальнику, выходцы из простонародья могли достичь вершин военной карьеры. Так, начальник штаба Верховного Главнокомандующего в годы Первой мировой войны генерал от инфантерии М. В. Алексеев и главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта в ту же войну генерал от артиллерии Н. И. Иванов были сыновьями нижних чинов сверхсрочной службы. Генерал от инфантерии П.А. Лечицкий, в годы той же войны командовавший 9-й армией, был сыном сельского священника. Генерал-лейтенант В. Г. Болдырев, родившийся в крестьянской семье, в 1916 г. стал генерал-квартирмейстером штаба армий Северного фронта, а осенью 1917 г. – командующим 5-й армией. Командирами корпусов стали генерал-лейтенант Л. Г. Корнилов, вышедший из семьи отставного хорунжего Сибирского казачьего войска, и генерал-лейтенант А. И. Деникин, отец которого был крепостным крестьянином, отданным помещиком в рекруты и дослужившимся до офицерского чина. Есть множество не столь известных примеров успешной военной карьеры выходцев из недворянских сословий, успешно служивших по линии Генерального штаба. Приведем лишь отдельные примеры из множества: в штабе Северного фронта служили офицеры Генерального штаба капитан Л. А. Шумов, выходец из крестьян, подполковник О. Г. Дитц, происходивший из мещан, полковник П. И. Поляков – из «купеческих детей»[2] и т.д.

В то же время, ситуация была неоднозначной. Несмотря на то, что в составе офицерского корпуса почти половина офицеров дворянами по происхождению не являлась, потомственные дворяне составляли большинство офицерства (см. табл. 3.3.). Офицеры, по происхождению являвшиеся выходцами из крестьян, рабочих, городских мещан составляли явное меньшинство. Такое соотношение существовало, несмотря на то, что первая всеобщая перепись населения Российской импе-

---

[1] Российские офицеры / Е. Месснер и [др.] // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 129.
[2] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 168433. Л. 13, 67, 146 об.

рии 1897 г. показала: в стране проживало свыше 126 млн. человек, из которых потомственных дворян (мужчин, женщин и детей) было немногим более 1 млн. 220 тысяч. При этом крестьян насчитывалось почти 97 млн. человек, мещан – свыше 13 млн. 386 тысяч[1]. К 1 января 1913 г. население страны превысило 174 млн. человек[2], главным образом, за счет роста численности крестьян, мещан и рабочих.

Не может не возникнуть вопрос: почему при столь значительном численном преобладании крестьян, рабочих, ремесленников и т. д. процент офицеров, происходивших из их среды, был относительно невелик? Представляется, что такое положение обусловливалось, прежде всего, тем, что значительная их часть не имела возможности дать образование своим детям. Поэтому значительная часть молодых людей, происходивших из «простонародья» были либо малообразованны, либо вообще безграмотны, вследствие чего не могли реализовать свое законное право на поступление в военные училища. Например, в 1911 г. среди сельского населения лишь 33,3 % мальчиков в возрасте 7–14 лет обучались в сельских начальных школах[3]. В целом же, по данным Министерства внутренних дел, накануне Первой мировой войны грамотным являлся лишь 21 % населения России. Хотя грамотность среди мужчин была распространена больше, чем среди женщин, но и среди них приходилось всего 293 грамотных на 1000 лиц мужского пола[4].

При этом граждане, отнесенные статистикой к категории грамотных, в большинстве своем окончили только начальные учебные заведения (церковно-приходские школы, школы грамоты, воскресные школы, начальные училища министерства народного просвещения и т. п.). В том же 1911 г. лишь 12 % мальчиков и 8 % девочек учились в школе более 3 лет. При этом, как отмечал общественный деятель того времени А. В. Захаров, «трехлетняя по курсу школа, …

---

[1] *Рубакин Н. А.* Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. Опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства. СПб., 1912. С. 54.
[2] Статистический ежегодник России. 1913 г. СПб., 1914. С. 58.
[3] *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913): статистические очерки. М., 1956. С. 318.
[4] Статистический ежегодник России. 1913 г. С. 84.

большинству учащихся дает только грамотность, – умение читать и не всегда писать»[1].

Очевидно, что в такой ситуации получить не только среднее, но и низшее (неполное среднее) образование, позволявшее поступить в то или иное военно-учебное заведение, готовившее офицеров, могло относительно небольшое количество выходцев из крестьян, рабочих, ремесленников и т.д.

В начале параграфа указывалось, что вопрос о том, было ли офицерство закрытой кастой, требует рассмотрения еще одного аспекта. Речь идет о привилегиях, которыми якобы обладали офицеры, в силу того, что одна часть из них принадлежала к потомственному дворянству, другая являлась личными дворянами (о том, кто относился к личным дворянам в офицерской среде, будет сказано в конце настоящего параграфа).

В. О. Ключевский отмечал, что «существенным и наиболее осязательным признаком сословного деления служит различие прав…», при этом сословные права он определял как «… всякое преимущество, даваемое законом целому классу общества в постоянное обладание»[2].

Главным правом потомственного дворянства в свое время являлось «… право сельской недвижимой собственности, а при крепостных отношениях – право владения крепостными людьми»[3]. Кроме того, в дореформенный период в число дворянских привилегий входили освобождение от призыва на обязательную военную службу, физических наказаний, личных податей. К привилегиям относились также право поступать на службу в государственные организации, учиться в привилегированных учебных заведениях и создавать корпоративные организации. Однако к рассматриваемому в данной работе историческому периоду все указанные привилегии оказались либо аннулированными, либо потеряли практический смысл. Крепостное право было отменено, воинская повинность стала всеобщей, подушная подать отменена для всех категорий населения, от телес-

---

[1] Цит. по: *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913): статистические очерки. С. 317.
[2] *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. Т. VI: Специальные курсы. История сословий в России. М., 1989. С. 226.
[3] Там же. С. 231.

ных наказаний постепенно освободили всех граждан. Что касается получения образования в привилегированных учебных заведениях, то в военной области таковым оставался только Пажеский корпус. Предоставление дворянам права поступления на государственную службу также потеряло былую значимость. Один из современных исследователей истории российского дворянства отмечает, что к началу XX в. «... происходит наступление «разночинцев» на важнейшую дворянскую привилегию – государственную службу, … первостепенное значение приобретают наличие специального образования, служебного опыта, ведомственная специализация, особенно в условиях модернизации, требовавшей повышения способности государственной машины к эффективному функционированию»[1].

В этой связи известный юрист начала XX в. Н. М. Коркунов писал: «Права, составлявшие некогда исключительную принадлежность дворянства, мало-помалу распространялись на лиц других состояний, и теперь осталось весьма немного таких прав, которые предоставлены только дворянам, да и те не имеют особого практического значения»[2].

В число оставшихся прав потомственного дворянства входило право иметь родовой герб, «право писаться помещиком своих поместий» и право учреждать заповедные имения[3]. Очевидно, что подобные привилегии являлись не более чем почетными отличиями, и практического значения не имели. Не случайно дворянский публицист конца XIX столетия, задавшийся вопросом «что такое дворянин?», отметил, что это – «общее понятие, скорее чувствуемое, чем осознаваемое», являющееся «… в виде неясного представления чего-то избранного, привилегированного, неодинакового со всеми остальными людьми»[4].

Что касается личного дворянства, то его престиж был минимален даже в дореформенную эпоху. Значимых привилегий у личных дворян не было никогда,

---

[1] *Курков К. Н.* Российское дворянство в контексте модернизации в начале XX в. (экономический и социокультурный аспекты).: автореф. дис. … доктора ист. наук. М., 2006. С. 20.

[2] *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. Т. 1: Введение и общая часть / 6-е изд. СПб., 1909. С. 291–292.

[3] Там же. С. 292.

[4] Цит. по: *Шепелев Л. Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. М., 1991. С. 27.

они не могли «… владеть ни деревнями, ни крепостными людьми с землею, или без земли…»[1]. Личные дворяне не имели права даже на участие в дворянском самоуправлении и работе собраний дворянства, состоявших «токмо из потомственных дворян» губернии или уезда[2].

Более того, как уже отмечалось, личное дворянство распространялось только на жену, на детей оно не распространялось. Таким образом, роль дворянства, как сословия, в жизни государства стала менее значимой. «Период 1900–1914 гг. характеризуется серьезными изменениями социальной структуры, перераспределением экономической и политической власти между дворянством и буржуазией…»[3]. Принадлежность к дворянскому сословию сама по себе уже не играла серьезной роли и не обеспечивала достойного общественного положения.

В полной мере все сказанное касалось и офицерства. В рассматриваемый исторический период не только рядовые офицеры, но и большинство армейского генералитета не имели реального влияния на государственное управление, положение дел в промышленности, сельском хозяйстве, финансовой сфере и т.д. Однако, несмотря на это, более половины офицерского корпуса, как показано ранее, составляли потомственные дворяне. Данное обстоятельство, как видится, объяснялось следующими причинами.

Во-первых, дворяне изначально традиционно являлись «государевыми служилыми людьми», а офицерскую службу, несмотря на падение ее престижа в обществе (об этом будет сказано в параграфе 3.3.) часть дворянства по-прежнему считала наиболее почетной. Особое совещание по делам дворянского сословия (существовало до 1901 г.), действовавшее при Государственном Совете, в этой связи отмечало: «Исторически сложившимся призванием нашего дворянства всегда было служение государству, причем главным поприщем сего служения иско-

---

[1] Свод законов о состояниях. Кн. 1. О разных родах состояний, и различии прав, им присвоенных // Свод Законов Российской империи, издания 1857 г. Т. 9: Законы о состояниях. СПб., 1857. С. 52.
[2] Там же. С. 26.
[3] *Курков К. Н.* Российское дворянство в контексте модернизации в начале XX в. (экономический и социокультурный аспекты).: автореф. дис. … докт. ист. наук. С. 20.

ни была служба военная»[1]. Нередкой была семейная традиция, когда военная профессия наследовалась из поколения в поколение. Даже члены императорской фамилии Романовых несли военную службу и носили военную форму, что было закреплено законодательно. «Члены Императорского Дома, по достижении совершеннолетия, избирают части войск для несения действительной службы и в этих частях представляются к производству в обер-офицерские чины…»[2]. Впоследствии они представлялись к штаб-офицерским чинам, вслед за стоявшими перед ними строевыми офицерами.

Во-вторых, важным фактором, обусловливавшим приток молодых дворян на военную службу, являлось обеднение большей части дворянства, связанное с социально-экономическими процессами в пореформенной России. В 1897 г. Николай II лично отметил «переживаемые местным дворянством затруднения…» и заявил о необходимости изыскать «… средства облегчить современное положение дворянства…»[3]. Основой материального благосостояния той части потомственного дворянства, которое называлось поместным, являлось владение земельными угодьями (поместьями). Однако после отмены крепостного права ситуация развивалась таким образом, что многие дворяне-землевладельцы в силу «крайней задолженности» вынуждены были продавать имения[4], чтобы погасить кредиты, займы и т.п. Предпринимавшиеся правительством меры, например, льготное кредитование заметного результата не приносили. К 1897 г. помещичьи землевладения в сравнении с 1870 г. уменьшились на 40 %. Одновременно в руках крупнейших землевладельцев сосредоточивались все большие земельные ресурсы: в 1905 г. 102 дворянских семьи владели 30 % земли, принадлежавшей всему дворянскому сословию. Между тем большую часть дворянских поместий (59,7 тыс. из общего числа примерно 101 тыс.) в 44 губерниях Европейской России составляли мелкие и мельчайшие поместья, средним размером около 30 десятин. Уро-

---

[1] Цит по: *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 77.
[2] Свод военных постановлений 1869 года. Книга VII. Прохождение службы по военному ведомству. С. 64.
[3] Государственный Совет. 1801–1901. СПб., 1901. С. 205.
[4] *Семенов Н. П.* Наше дворянство. СПб., 1898. С. 55

вень доходов их владельцев незначительно отличался от доходов зажиточных крестьян[1]. Особое совещание по делам дворянского сословия, рассмотрев вопрос о состоянии поместного дворянства, отметило, что в ряде губерний «проживают сотни семей безграмотных, превратившихся в простых хлебопашцев, дворян», при этом «экономически многие из них беднее крестьян…»[2].

Часть поместного дворянства владела средними поместьями (от 100 до 1000 десятин). Их число сокращалось, и в 1905 г. составляло 34 тысячи. «Среднепоместное дворянство хотя и сводило концы с концами, но в основном за счет натурального хозяйства, постоянно нуждаясь в наличных деньгах и закладывая и перезакладывая свои имения…»[3]. Государственный дворянский земельный банк, выдававший кредиты помещикам, постоянно публиковал объявления о выставлении на продажу имений неисправных должников. Лишь около 7 тыс. дворянских семей владели поместьями больше среднего размера (от 1 до 5 тыс. десятин)[4].

Сложное материальное положение вынуждало поместных дворян определять сыновей в военно-учебные заведения. «… Многие дворянские, помещичьи роды разорились, и… определение 17–18-летнего сына на казенное иждивение в военное училище было решением тяжелых проблем: оно снимало с семьи мучительную заботу о даче образования сыну и о подготовке его к самостоятельному существованию»[5], – отмечали современники.

О невысоком уровне материального достатка большей части потомственного дворянства свидетельствует, в частности, следующий факт. В 1903 г. был издан приказ по военному ведомству, в соответствии с которым учреждались дворянские кадетские школы. Эти учебные заведения предназначались «… доставлять

---

[1] *Нефедов С. А.* История России. Факторный анализ. Т. 2. От окончания смуты до Февральской революции. М., 2010. С. 391, 392, 393.

[2] Цит. по: *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. С. 65.

[3] *Беловинский Л. В.* Энциклопедический словарь российской жизни и истории: XVIII – начало XX в. М., 2003. С. 184.

[4] *Нефедов С. А.* История России. Факторный анализ. Т. 2. От окончания смуты до Февральской революции. С. 393.

[5] Российские офицеры / Е. Месснер и [др.] // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 147.

сыновьям недостаточных потомственных дворян, предназначаемым к военной службе в офицерском звании, соответствующее их будущему предназначению воспитание и подготовлять их к поступлению в юнкерские училища»[1].

Срок обучения составлял 5 лет, окончившим такие школы кадетам предоставлялось право без экзаменов поступать в юнкерские училища, а наиболее успешным в учебе выпускникам предоставлялась возможность без экзаменов переходить в 6 класс кадетских корпусов. Школы могли открываться по ходатайству и на средства дворянских обществ, при этом казна выделяла единовременные пособия на строительство школьных зданий и первоначальное их обзаведение, а также постоянные пособия на содержание школ, в размере «от половины до трех четвертей всех исчисленных по штату оных издержек»[2].

Определялось также, что кадеты будут находиться на полном содержании школы, при этом выделялись две категории учащихся: бесплатные и платные, за которых требовалось платить 200 рублей в год[3].

Однако даже при таких льготных условиях, со стороны дворянства «… ходатайств об открытии дворянских кадетских школ не возбуждалось, и материальное оскудение дворянства в этом отношении сыграло, конечно, не последнюю роль»[4].

О скромном достатке родителей большинства учащихся военно-учебных заведений свидетельствует циркулярное письмо Главного управления военно-учебных заведений, разосланное во все училища и кадетские корпуса. В нем сообщалось о многочисленных заявлениях родителей по поводу «… разорительности для них… подписок и сборов между воспитанниками на устройство вечеров, обедов по различным случаям (вне стен заведения)…»[5].

В этом же письме отмечались жалобы родителей на приобретение учащимися за свой счет необязательных предметов обмундирования. Подобной пробле-

---

[1] Приказ по военному ведомству от 27 мая 1903 г. № 208 // Приказы по военному ведомству за 1903 год. СПб., 1903. С. 404.
[2] Там же. С. 399, 407.
[3] Там же. С. 404.
[4] Дворянские кадетские школы // Военная энциклопедия: в 18 т. Т. 9. С. 6.
[5] Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 2613. Оп. 1. Д. 108. Л. 28.

ме была посвящена и заметка в журнале «Разведчик». В ней говорилось о тяжком бремени, ложившемся на родителей из-за покупки юнкерами предметов обмундирования более высокого качества, чем те, которые бесплатно выдавались в училище (сапог с лакированными голенищами, штыковых ножен из лакированной кожи, перчаток и т.д.). Подобная «роскошь» стоила не так дорого, но автор, отмечая невысокий уровень доходов семей воспитанников военно-учебных заведений, подчеркнул, что юнкера живут в обстановке, «… в которой… могут обходиться без обременительной для родителей денежной подмоги…»[1].

Другой частью потомственного дворянства являлось беспоместное служилое дворянство. К нему принадлежали лица, чьи предки выслужились из других сословий, достигнув высоких чинов на гражданской или военной службе, или же те, кто сами выслужили такие чины. Еще в советское время отмечалось, что «… никаких точных не только обобщенных, но и разрозненных данных о численности и соотношении… дворян-помещиков и беспоместных служилых дворян – не существует»[2].

Однако, как уже указывалось, потомственных дворян насчитывалось свыше 1,2 млн. человек, притом, что поместий было чуть более 101 тыс. Исходя из этих данных, можно сделать вывод: беспоместное дворянство в численном отношении составляло большую часть высшего сословия Российской империи. Получая только жалованье, оно в большинстве своем не имело значительных материальных благ. К началу XX столетия к служилому дворянству относилось практически все офицерство. Военная пресса отмечала, что единственным источником доходов офицеров являлось незначительное денежное содержание, получаемое на службе[3]. Уровню их жизни посвящен параграф 3.5., здесь же отметим только, что, например, земельная собственность была редким явлением даже среди генералитета. П.А. Зайончковский, исследовавший этот вопрос, отмечал, что, по сохранившимся сведениям только 15,2 % генерал-лейтенантов в том или ином виде

---

[1] *«Старый педагог».* Кредит в юнкерской среде // Разведчик. 1901. № 572. С. 884.
[2] *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. 1881–1903. С. 207.
[3] Военный сборник. 1898. № 1. С. 17.

владели землей (в том числе, учитывалась собственность, принадлежавшая женам). Из 266 военнослужащих этой категории, послужные списки которых сохранились и были проанализированы, 3 человека владели мелкими земельными участками, 10 человек – поместьями среднего размера – от 100 до 1000 десятин. Поместья размером более среднего – от 1 до 5 тыс. десятин принадлежали 11 военачальникам. 7 генералов имели крупные поместья, размером от 5 до 10 тыс. десятин и более. Из строевых генералов землей владели только 2 % начальников дивизий (категория генерал-лейтенант) и 5 человек из 36 командиров корпусов (категория «полный» генерал). Среди генерал-майоров Генерального штаба земельной собственностью владели лишь 8,1 % из 185 человек, среди полковников Генерального штаба – 4,2 % из 283 человек[1]. То есть, земельными участками той или иной величины владели несколько десятков человек из нескольких десятков тысяч офицеров и генералов.

Возникавшие трудности в достойном содержании детей и получении ими образования в обычных учебных заведениях, являвшихся платными, побуждали многие дворянские семьи не только определять взрослых юношей в военные или юнкерские училища, но и направлять малолетних сыновей в кадетские корпуса. Последний тип учебных заведений ставил целью «… доставлять малолетним, предназначаемым к военной службе в офицерском звании… общее образование и соответствующее их предназначению воспитание»[2]. Поступать в 1-й класс можно было с десятилетнего возраста, однако для этого требовалась сдача вступительных экзаменов. Условия проживания в кадетских корпусах были очень хорошими, современник писал, что «содержание кадет не оставляет желать лучшего… обстановка их житья может быть названа даже роскошною»[3]. Дети проживали в благоустроенных помещениях, получали обмундирование и качественное четырехразовое питание. Например, в провинциальном Полоцком кадетском корпусе в меню

---

1 *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. С. 207–210; Он же. Офицерский корпус русской армии перед первой мировой войной// Вопросы истории. 1981. № 4. С. 27.

2 Свод военных постановлений 1869 года. Книга XV. Заведения военно-учебные. С. 257.

3 *«Старый педагог».* Кредит в юнкерской среде // Разведчик. 1901. № 572. С. 884.

входили разнообразные салаты, первые и вторые блюда, постоянно подавались котлеты, бифштексы, отварная говядина, битки и т.д. Кроме того, меню включало пирожки с вареньем, ватрушки, пирожные, землянику, мороженое и т. д.[1]. Обучение в корпусах вели высококвалифицированные преподаватели, по окончании полного курса заведения (семь классов) выпускники получали аттестат зрелости, с которым могли продолжить образование, как в военных, так и в общегражданских учебных заведениях.

Однако за счет государства содержались не все учащиеся. Кадеты-интерны подразделялись на три категории: а) «казеннокоштных», содержавшихся за государственный счет; б) учащихся, содержание которых оплачивалось процентами от средств, пожертвованных гражданами и организациями – «стипендиатов»; в) «своекоштных», учебу которых оплачивали родственники. Количество кадет-интернов в каждой категории определялось специальными штатами[2].

Плата за обучение и содержание учащихся, не находившихся на попечении государства, почти во всех кадетских корпусах составляла 250 рублей в год. В нескольких корпусах она была ниже, в одном корпусе – несколько выше[3]. Анализ источников показывает, что выплата этих относительно небольших сумм была затруднительна, как для мелкопоместных дворян, так и многих дворян, находившихся на гражданской или военной службе. Об этом, в частности, свидетельствует следующее: так как вакансий на казеннокоштные места для всех дворянских детей не хватало, губернскими дворянскими учреждениями устанавливалось некоторое количество специальных стипендий. На каждую такую стипендию приходилось по несколько претендентов, отчего родители обращались к губернским предводителям дворянства с прошениями «… о представлении сыновей… кандидатами на дворянские стипендии». Например, в августе 1905 г. на одну стипендию в Ковенской губернии претендовало шесть кандидатов, в возрасте от 9 до 13 лет. На две стипендии в Смоленской губернии поступили прошения от родителей

---

[1] НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 104. Л. 3 – 3 об.
[2] Свод военных постановлений 1869 года. Книга XV. Заведения военно-учебные. С. 258, 259.
[3] Там же. С. 262.

четырех несовершеннолетних. В случае перехода кадета-стипендиата в другой корпус, вопрос о том, сохранится ли за ним стипендия, или же она остается в корпусе и передастся другому несовершеннолетнему, решало собрание уездных предводителей дворянства и депутатов дворянского депутатского собрания губернии. Если стипендия освобождалась (ввиду отчисления учащегося, окончания корпуса и т.д.), она передавалась следующему претенденту[1].

Таковы, как видится, основные причины, обусловливавшие положение, когда более половины офицерского корпуса в довоенный период составляли потомственные дворяне. Следует отметить, что постепенно круг лиц, имевших право поступать в кадетские корпуса, расширялся. В 1912 г. было принято решение допускать «… к приему во все кадетские корпуса своекоштными воспитанниками сыновей лиц всех сословий, на общих основаниях»[2]. Весной 1916 г. вышел приказ по военному ведомству, разрешавший прием в кадетские корпуса детей нижних чинов на казенный кошт[3].

В период Первой мировой войны сословное происхождение офицерского состава претерпело значительные изменения, за счет офицеров военного времени. Генерал-майор В. В. Чернавин, анализируя состав офицерского корпуса в военное время, обращал внимание на «огромный процент офицеров» в чине прапорщика, происходивших из простонародья. По его подсчетам, в 1917 г. например, на Румынском фронте прапорщики составляли более 60 % от общего числа офицеров. Характеризуя офицерский состав семи пехотных дивизий, входивших в состав 6-й армии Румынского фронта, где он исполнял обязанности генерал – квартирмейстера, В. В. Чернавин отмечал, что в 1917 г. офицерство в пехоте отличалось «большой пестротой». В составе корпуса офицеров находилась мобилизованная учащаяся молодежь, сельские учителя, учителя средних учебных заведений, зем-

---

[1] НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 139. Л. 6, 24, 38, 44.
[2] Приказ по военному ведомству от 15 ноября 1912 г. № 628 // Приказы по военному ведомству за 1912 год. СПб., 1912. С. 1389.
[3] Приказ по военному ведомству от 3 марта 1916 года № 119 // Приказы по военному ведомству за 1916 год. Пг., 1916. С. 125, 126, 128, 136, 137.

лемеры, лесники, земские статистики[1]. При этом следует иметь в виду, что многие офицеры, носившие к тому времени более высокие чины, также начинали офицерскую службу с чина прапорщика. Официальные данные, характеризовавшие картину сословного происхождения офицеров военного времени, отсутствуют: документы, подобные довоенным Военно-статистическим ежегодникам армии и Всеподданнейшим отчетам о действиях Военного министерства в годы мировой войны не готовились. Однако очевидцы и участники событий тех лет приводили данные, подтверждавшие утверждение генерала В. В. Чернавина о большом числе офицеров военного времени, не имевших дворянского происхождения. Так, генерал Н. Н. Головин, занимавший пост начальника штаба 7-й армии Юго-Западного фронта указывал, что зимой 1915–1916 гг. 80% прибывавших на пополнение офицерского корпуса прапорщиков происходили из крестьян и лишь 4% – из дворян[2].

В завершение параграфа следует указать: в ходе написания диссертации у автора возникло сомнение в справедливости утверждения о том, что «… весь офицерский корпус всегда был только дворянским по своему составу и другим быть не мог»[3]. Действительно, почти все время так и было. Часть офицерства принадлежала к потомственному дворянству, часть являлась личными дворянами. Еще в Табели о рангах 1722 года говорилось: «Воинским чинам, которые дослужатся до обер – офицерства не из дворян; то когда кто получит вышеписанной чин, оной суть дворянин и его дети, которые родятся в обер – офицерстве…»[4]. То есть, производство в первый обер-офицерский чин давало его обладателю права потомственного дворянина.

---

[1] *Чернавин В. В.* К вопросу об офицерском составе старой русской армии к концу ее существования // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1924. Кн. 5. С. 217, 224.

[2] *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. Т. 2. С. 212.

[3] *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 266.

[4] № 3890. 24 января. Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое. Т. VI. 1720–1722 гг. [Б.м.], 1830. С. 492.

Со временем число лиц, служивших как на военном, так и на гражданском поприще, значительно выросло и вызвало «чрезвычайное… умножение дворянского сословия». Данный факт был воспринят высшей властью негативно, поэтому в 1845 г. был издан императорский манифест, усложнявший обретение потомственного дворянства. «Поступивший не из дворян в военную службу, при производстве на действительной службе в первый офицерский чин, получает право личного дворянства; дослужившийся же до штаб-офицерского чина приобретает дворянство потомственное»[1].

С конца 1856 г. получение потомственного дворянства службой в армии требовало уже выслуги чина полковника[2]. Личное же дворянство по-прежнему обреталось офицерами с получением первого офицерского чина[3], которым в то время был прапорщик в пехоте, инженерных войсках и артиллерии, корнет – в кавалерии. Однако в 1884 г. было объявлено Высочайшее повеление, упразднить «… чин прапорщика во всех войсках гвардии и армии…», и «допустить на будущее время иметь чин прапорщика только в запасе армейских войск всех родов оружия…»[4].

Одновременно чин корнета был приравнен к чину подпоручика, и оба чина повышены в Табели о рангах с XIII до XII класса. Прапорщик запаса был причислен к XIII классу. Так как стать личным дворянином путем получения офицерского чина можно было лишь в случае, если чинопроизводство совершалось на дей-

---

[1] № 19086. 11 июня. О порядке приобретения дворянства службою // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. Отделение первое. 1845. От № 18573–19303. СПб., 1846. С. 450.

[2] № 31236. 9 декабря. О приобретении потомственного дворянства производством по гражданской службе в действительные статские советники или соответствующий сему чину 4-й класс, а по военной в полковники или же в соответствующий оному чин флота капитана 1-го ранга // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXI. Отделение первое. 1856. От № 30013–31348. СПб., 1857. С. 1052.

[3] Свод законов о состояниях. Кн. 1. О разных родах состояний, и различии прав, им присвоенных // Свод Законов Российской империи, издания 1857 г. Т. 9: Законы о состояниях. С. 12.

[4] Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главный штаб. Чинопроизводство по военному ведомству. Книга I. Отдел III а. СПб., 1912. С. 102–103.

ствительной военной службе[1], то первым офицерским чином, обеспечивавшим обретение личного дворянства, стал чин XII класса – подпоручик (корнет). Хотя закон прямо не указывал, что чин прапорщика не позволяет обрести личное дворянство, однако содержал указание на то, что в казачьих войсках, «сравненных в чинах с войсками регулярными», личное дворянство обреталось лишь с получением чина хорунжий[2].

Между тем чин хорунжего был равен чину корнета в кавалерии и подпоручика в других родах войск. Следовательно, чин прапорщика, относившийся к XIII классу, с 1884 г. не давал его обладателю статуса личного дворянства. Соответственно, лица, получившие чин прапорщика в последующее время, в том числе, в годы Русско-японской и Первой мировой войны, не являлись личными дворянами. В случае награждения прапорщика орденом св. Георгия любой степени, или орденом св. Владимира первых трех степеней, или любым российским орденом первой степени, такое лицо, в соответствии с действовавшим законодательством обретало потомственное дворянство[3].

Что касается чина прапорщика запаса, то он стал присваиваться молодым людям, отказавшимся от «военно-офицерской карьеры», и выдержавшим «льготный экзамен». В мирное время этот чин могли получить унтер-офицеры срочной службы, окончившие одно из высших или средних учебных заведений в полном объеме, или же в объеме не менее того, какой предусматривался для каждого учебного заведения отдельно. После сдачи соответствующего экзамена они увольнялись в запас, не дослуживая срока[4]. В качестве примера приведем приказ, когда в 1913 г. были уволены в запас унтер-офицеры срочной службы, произведенные в прапорщики запаса армейской пехоты[5].

---

[1] Свод законов о состояниях. Кн. 1. О разных родах состояний, и различии прав, им присвоенных // Свод Законов Российской империи, издания 1857 г. Т. 9: Законы о состояниях. С. 12.
[2] Там же.
[3] *Зайцев В. Н.* Руководство для адъютантов / Изд. 11-е. СПб., 1908. С. 638.
[4] Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главный штаб. Прохождение службы по военному ведомству. Книга I. Отдел III. СПб., 1912. С. 104, 604.
[5] Высочайшие приказы по военному ведомству от 31 июля, в Красном Селе // Русский Инвалид. 1913. 2 августа. С. 1.

Занимать офицерские должности прапорщики могли только в военное время. Во время войны 1904–1905 гг. в войсках на действительной службе находилось определенное количество прапорщиков, призванных из запаса, или получивших чин за боевые отличия. В соответствии с действовавшим законодательством, они не являлись личными дворянами. По окончании военных действий все без исключения прапорщики, желавшие продолжить службу, должны были либо поступить в военно-учебные заведения, либо сдать при этих заведениях экзамен на чин подпоручика. В противном случае они увольнялись со службы. В соответствии с действовавшими правилами, именно такое решение было принято в отношении всех прапорщиков, участвовавших в войне 1904–1905 гг.[1].

Бывали, однако, исключения. В 1909 г. был издан приказ, который, предоставляя прапорщикам запаса право сдачи офицерского экзамена и получения чина подпоручика (корнета), в то же время, предусматривал вариант, когда претенденты не смогли сдать такой экзамен, но на службе оставлялись. В случае оставления таких лиц в мирное время на действительной службе они могли производиться до чина штабс-капитана (штабс-ротмистра), после выслуги шести лет в предыдущем чине, и оставаться в строю в течение 25 лет офицерской службы. По окончании 25 лет офицерской службы лица, служившие по административной линии, могли допускаться к производству в чин капитана (ротмистра) и подполковника после шести и более лет службы в предыдущем чине[2].

Из вышеприведенных фактов следует вывод: в мирное время практически все офицеры являлись или потомственными, или личными дворянами. Но не являлись личными дворянами прапорщики, оставлявшиеся на действительной службе по приказу № 22 от 1909 г.: в соответствии с действовавшим законодательством, они становились личными дворянами только после производства в следующий чин.

В годы Первой мировой войны состав офицерства радикально изменился и с точки зрения сословной принадлежности, и по социальному происхождению. До

---

[1] Приказ Военного Совета от 11 декабря 1905 г. № 790 // Разведчик. 1906. № 793. С. 2.
[2] Приказ по военному ведомству от 14 января 1909 г. № 22 // Разведчик. 1909. № 954. С. 80.

войны почти все офицеры, исключая немногочисленных прапорщиков, были или потомственными, или личными дворянами, при этом потомственные дворяне составляли более половины корпуса офицеров. В 1914–1917 гг. офицеры военного времени, постепенно составившие большинство офицерского состава, выпускались в чине прапорщика, и поэтому не могли быть личными дворянами. Его они обретали только после производства в чин подпоручика (корнета). То есть, в военное время подавляющее большинство офицерского состава не только не принадлежало к потомственному дворянству, но не являлось даже личными дворянами.

Соответственно, в течение войны значительно изменилось и социальное происхождение офицерского состава, так как в большинстве своем офицеры военного времени была выходцами из крестьян. Вдобавок, кроме офицеров военного времени, получивших чин прапорщика после окончания ускоренных курсов военных училищ и школ прапорщиков, в этот же чин было произведено значительное число нижних чинов, не окончивших военно-учебные заведения, в качестве награды за боевые отличия.

3.2. Этика офицеров русской армии

В толковом «Словаре русского языка» С. И. Ожегова понятие «этика» трактуется следующим образом: «Этика – одна из форм идеологии…, совокупность норм поведения, мораль какой-либо общественной группы, профессии»[1]. Проблема офицерской этики многогранна, поэтому ей посвящено несколько статей[2] автора диссертации. Что касается самой диссертационной работы, то здесь ука-

---

[1] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / 19-е изд., испр. М., 1987. С. 744.

[2] *Суряев В. Н.* Этика офицеров российской императорской армии (1900–1917 гг.) // Идеологические аспекты военной безопасности. 2011. № 1. С. 48–54; *Он же.* «Обычаем этим поступаться нельзя». Дуэли в Русской императорской армии // Военно-исторический журнал. 2015. № 11. С. 41–45; *Он же.* «Для охранения достоинства военной службы и поддержания доблести офицерского звания». Суды чести в Русской армии в конце XIX – начале XX вв. // Военно-исторический журнал. 2015. № 9. С. 30–33; *Он же.* О служебных взаимоотношениях офицеров и солдат Русской императорской армии в начале XX века // Вестник Пермского университета. Сер. «История». 2015. Вып. 2 (29). С. 123–130.

занная проблема раскрыта более глубоко, чем в публикациях, и затрагивает аспекты, в них не упомянутые.

Основу офицерской этики составляли духовно-нравственные ценности, связанные с главным предназначением русской армии – обеспечением внешней безопасности государства. Подобный род деятельности, связанный с реальной угрозой жизни и здоровью требовал соответствующих личных качеств, прежде всего, нравственных. Возникнуть и развиться сами по себе эти качества не могли, поэтому государство ввело «… в программу боевой подготовки личного состава армии, сверх технического его обучения военному делу…, также и подготовку его к войне…» в нравственном отношении[1].

В многотомной «Военной энциклопедии» указывалось, что нравственное воспитание означает «… воздействие на разум и сердце человека, таким образом, чтоб развить в нем навык руководиться в службе и деятельности высшими представлениями и побуждениями, которые служат источником военных доблестей…»[2]. Таковыми признавались патриотизм, религиозность, чувство долга, чувство чести. При этом отмечалось, что нравственное воспитание, как часть военного воспитания является наиболее важным и сложным отделом боевой подготовки[3]. Процесс воспитания военнослужащих является предметом педагогической науки, однако проанализировать офицерскую этику, не затронув при этом некоторые аспекты военного воспитания, вряд ли возможно.

Этические основы личности офицера закладывались в военно-учебных заведениях. В этом контексте один из современных исследователей отмечает, что воспитание в военно-учебных заведениях Российской империи «… хотя так и не называлось, но, по сути, было этическим»[4]. Данный тезис представляется верным и подтверждается содержанием военно-воспитательной подготовки юнкеров, ос-

---

[1] Военное воспитание // Военная энциклопедия: в 18 т. Т. 6. С. 485.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] *Сушанский А. С.* Духовно-нравственное воспитание в военно-учебных заведениях России XVIII – начала XX вв.: автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 2002. С. 13.

новные направления которой были изложены в специальной инструкции военного ведомства:

«…глубокое укоренение чувства долга христианского…, верноподданнического и воинского»;

формирование «честного строго-исполнительного и мужественного характера»;

«…упрочение сознания о высоком значении воина, призванного к защите Престола и Отечества»;

«прочное усвоение воинской дисциплины и чинопочитания»;

«поддержание между… юнкерами духа доброго товарищества…»[1].

В документе указывалось, что юнкера должны быть поставлены в училище в такую обстановку, которая заставила бы их отказаться от взглядов, мешавших выработке необходимых офицерам качеств. Эта задача решалась «… установлением в училище соответственного внутреннего порядка, определяющего обязанности и права юнкеров и характер отношений начальников к юнкерам, юнкеров к начальникам и юнкеров между собою»[2].

Отмечалось, что «…ежедневно повторяемое, упражнение в проявлении высших и ограничении низших склонностей… постепенно вырабатывает в молодых людях соответственное нравственное настроение, которое с течением времени… становится их второю натурою…»[3]. Здесь же указывалось, что поддержание установленного в училище внутреннего порядка, направленного на достижение целей военного воспитания, представляло собой главнейший воспитательный прием. Эффективность такого подхода отмечал А.И. Деникин. Обращаясь к воспоминаниям о своих юнкерских годах, он писал, что «…строго установленный распорядок жизни, постоянный труд, дисциплина, традиции… все это… создава-

---

[1] Инструкция, определяющая правила военного воспитания и устройства внутреннего порядка в юнкерских училищах: приказ от 31 августа 1901 г. № 319// Приказы по военному ведомству за 1901 год. СПб., 1901. С. 807.
[2] Там же. С. 808.
[3] Там же.

ло военный уклад и военную психологию, сохраняя живучесть и стойкость не только в мире, но и на войне, в дни великих потрясений…»[1].

Духовно-нравственное воспитание юнкеров происходило в соответствии с указаниями и требованиями учебно-воспитательных планов, различных методических пособий. «К разработке этих документов привлекались лучшие научно-педагогические силы военного ведомства и всей России. При этом широко использовался также опыт военно-учебных заведений зарубежных стран, прежде всего Франции, Германии и Австро-Венгрии»[2].

Как справедливо отмечает один из современных российских исследователей истории русского офицерства, на протяжении длительной истории развития военно-учебных заведений в них были выработаны традиции организации учебно-воспитательной работы[3]. В процессе воспитательной работы с юнкерами использовался индивидуальный подход. Внимание офицеров-воспитателей обращалось на то, что в деле воспитания молодежи недопустимы формализм и педантизм, что нужно узнать способности и наклонности каждого юнкера, «… с которыми необходимо соображаться при предъявлении служебных требований»[4].

Большое значение придавалось опоре на положительные качества в личности юнкеров. «В виду преобладающего значения в военном деле нравственной силы, необходимо с особенною заботливостью относиться к возможно большему усовершенствованию нравственной стороны у людей, посвятивших себя этому делу…»[5].

Обращалось внимание на разумную требовательность воспитателей, при этом подчеркивалось, что применять взыскания, следует только тогда, когда без них обойтись невозможно. «Необходимо остерегаться… неразборчивого наложе-

---

[1] *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 49.
[2] *Каморников В. Ф.* Учебная и воспитательная работа в военных и юнкерских училищах России (1863–1917 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2008. С. 21.
[3] См.: *Гребенкин А. Н.* Военно-культурные традиции подготовки русского офицерского корпуса (2-я половина XVII – нвачало XX в.): дис…. докт. ист. наук. Орел, 2017. С. 7.
[4] Инструкция, определяющая правила военного воспитания и устройства внутреннего порядка в юнкерских училищах: приказ от 31 августа 1901 г. № 319 // Приказы по военному ведомству за 1901 год. С. 809.
[5] Там же. С. 810.

ния дисциплинарных взысканий…, бывают случаи, когда прощением вины достигается лучший результат, чем наложением взыскания»[1]. Решение воспитательных задач являлось служебной обязанностью всех без исключения офицеров военно-учебных заведений. Главную роль, однако, играли те из них, кто занимал должности младших офицеров. В одном из документов отмечалось, что «две трети всех преследуемых… учебно-педагогических целей находятся в полной зависимости…» от выполнения своих обязанностей именно этой категорией офицерского состава[2]. Они являлись ближайшими начальниками и воспитателями юнкеров, непосредственно наблюдавшими «душевные проявления их при самых разнообразных условиях»; каждодневное общение позволяло младшим офицерам училищ изучить духовный мир каждого юнкера, и «… посредством… системы нравственных, а в случае надобности и дисциплинарных воздействий, – направить его на путь истинной воинской порядочности…»[3].

Младшие офицеры училищ должны были иметь соответствующее образование: окончить Николаевскую императорскую военную академию, Пажеский корпус, военное училище или одно из высших гражданских учебных заведений. Стаж офицерской службы должен был составлять не менее пяти лет, из них непосредственно перед откомандированием в училище не менее двух лет в строевых частях. Для замещения должностей этой категории офицерского состава в Главном управлении военно-учебных заведений (ГУВУЗ) велся специальный список, в который включались кандидаты, предлагавшиеся начальниками дивизий и равными им по власти командирами. В число таких кандидатов могли включаться только «выдающиеся офицеры» (так называли тех, кто получил отличные аттестации). Кандидаты, выбранные из списка начальником того или иного училища, на два года прикомандировывались к учебному заведению «для испытания» и

---

[1] Там же. С. 812.
[2] Николаевское кавалерийское училище: Инструкция для младших (сменных) офицеров училища. СПб., 1900. С. 5.
[3] Там же. С. 7.

лишь после этого утверждались в должности. Не прошедшие испытательный срок направлялись к прежнему месту службы[1].

Иными словами, действовала система отбора офицеров-воспитателей, в определенной мере позволявшая комплектовать эти должности соответствовавшими своему предназначению кадрами. В целях повышения качества воспитательной работы в марте 1900 г. при ГУВУЗ начали работу педагогические курсы, на которых в течение года совершенствовали свою подготовку воспитатели. С 1903 г. стали действовать двухгодичные курсы, на которых повышали квалификацию преподаватели[2]. Качество учебной и воспитательной работы контролировалось управлением главного начальника военно-учебных заведений, а с 1910 г., дополнительно – управлением генерал – инспектора военно-учебных заведений[3]. Все это давало определенные положительные результаты. Конечно, добиться решения всех воспитательных задач целиком и полностью, вряд ли было возможно, ибо практически нереальна подготовка идеального, совершенного специалиста. В процессе воспитательной работы с юнкерами действовало немало факторов, снижавших ее эффективность. Например, отрицательное влияние на нравственное состояние, как воспитателей, так и юнкеров, бесспорно, оказывала морально-психологическая атмосфера в обществе, которая во многом не соответствовала этическим нормам и правилам, прививавшимся юнкерам.

Кроме того, в военно-учебные заведения, как и в любые другие учебные заведения, поступали люди с различными природными задатками и склонностями, в том числе, те, кому военная службы была чужда. Воспитательная работа с ними вряд ли могла принести должные плоды. Часть таких юнкеров отчислялась в процессе учебы за различные проступки, по собственному желанию, за неуспехи в

---

[1] № 37112. 22 мая. Высочайше утвержденное 22 мая 1912 г. положение Военного совета об изменении статей… // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье: 1881–1913 гг. Т. XXXII. Отделение I. 1912 г. От № 36391–38603. Пг., 1915. С. 475, 476, 477.

[2] *Греков Ф. В.* Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. 1700–1910. М., 1910. С. 30.

[3] Приказ по военному ведомству от 4 февраля 1910 г. № 67 // Приказы по военному ведомству за 1910 год. СПб., 1910. С. 79–83.

учебе. Однако некоторые из них оканчивали училища, попадали в войска в офицерском чине и, чаще всего, впоследствии отчислялись от службы за различные нарушения, в связи с нежеланием служить и т. п.

Представляется, что подобные проблемы существовали и существуют в любой армии мира, во все времена, прежде всего, в силу несовершенства человеческой природы.

По окончании военно-учебных заведений молодые офицеры направлялись для прохождения службы в войска и учреждения военного ведомства, где их военное воспитание продолжалось в направлении, начатом в училищах. Военный публицист начала прошлого века полковник В. Л. Райковский называл его совершенствованием «… всех качеств и достоинств высшего порядка в командном составе…», в целях подготовки офицеров к выполнению своего основного предназначения – защите Родины, прежде всего, в военное время[1].

Иными словами, речь шла о закреплении у офицерского состава ценностной ориентации, которая должна была проявляться в практической деятельности и поведении каждого офицера. Работу в этом направлении проводили, в основном, командование подразделений и частей, общество офицеров, суды офицерской чести, периодическая военная печать, церковь[2].

Эффективность воспитания в каждой конкретной воинской части или учреждении военного ведомства зависела от многих факторов, в том числе, сложившейся там морально-психологической атмосферы, индивидуальных особенностей лиц, проводивших воспитательную работу, направленности личности старших товарищей и т.д. Видный военный педагог генерал от инфантерии Н. Д. Бутовский отмечал, что «… молодой офицер, за весьма малыми исключениями, способен перевоспитываться к лучшему, если будет окружен приличием и порядочностью со

---

[1] *Райковский В.* Военное воспитание. М., 1908. С. 21.

[2] *Симашенков П. Д.* Государственное регулирование системы патриотического воспитания офицеров русской армии (кон. XIX – начало XX вв.). Москва – Берлин, 2015. С. 58.

стороны старших. Общественное мнение в полку, всегда находящееся в руках старших товарищей, – огромная сила…»[1].

Важнейшая роль в формировании личности офицера принадлежала исторически сложившейся офицерской этике, выступавшей в роли регулятора поведения каждого офицера. Существовавшая в то время система отношений в офицерской среде, равно как и мнение офицерской общественности, достаточно строго оценивали случаи пренебрежения этическими нормами. «Каждый офицер, как член этой корпорации, не может относиться безразлично… к установившимся в этой корпорации правилам и обычаям, и не может оставаться равнодушным, видя попрание этих правил другим ее членом»[2]. Подобным образом рассуждает наш современник А. Н. Гребенкин, утверждающий: «Русский офицерский корпус, как устойчивая социопрофессиональная корпорация, имел свои специфические традиции, служившие средством его профессиональной и социокультурной самоидентификации, превращавшие его в некое подобие военно-рыцарского ордена, поведение членов которого было обусловлено комплексом правил, обычаев и ритуалов»[3].

Официального документа, регламентировавшего офицерскую этику, не существовало. Но этические нормы играли столь значимую роль в жизни офицерства, что во время Великой Отечественной войны один из советских журналов писал: «Большинство этих норм нигде записано не было. Они издавна утвердились в офицерской среде и соблюдались всеми офицерами»[4]. Воссоздать этический кодекс возможно при помощи приказов, издававшихся военачальниками различного уровня, литературы и прессы тех лет, записок, мемуаров, дневников, писем современников.

---

[1] *Бутовский Н.* Чувство порядочности в офицерской среде (очерк военного быта) // Военный сборник. 1898. № 11. С. 124.

[2] Суд общества офицеров и дуэль в войсках российской армии: Действующее законодательство со всеми комментариями: Настольная книга для офицеров всех родов оружия / сост. П. А. Швейковский. 2-е изд. СПб., 1898. С. 19.

[3] *Гребенкин А. Н.* Военно-культурные традиции подготовки русского офицерского корпуса (2-я половина XVII – начало XX в.): дис. … докт. ист. наук. Орел, 2017. С. 5–6.

[4] *Ярушевич Е.* О лучших традициях русского офицерства // Военный вестник. 1943. № 15–16. С. 37.

Нормы офицерской этики касались как службы, так и частной жизни офицеров, при этом основой этики являлась главная армейская моральная ценность – воинская честь. Исторически сложилось так, что в офицерской среде считалось: «… идея воинской чести обнимает собою понятия, как личной общечеловеческой чести, так и чести корпоративной, присущей исключительно военному сословию»[1]. Главное ее содержание отчетливо сформулировал участник Русско-японской и Первой мировой войн генерал-лейтенант А. Н. Апухтин, отмечавший: «Воинская честь, личная или корпоративная, есть высшее проявление нравственных качеств отдельного бойца или целого полка. Непоколебимая верность Царю и Отечеству, своему знамени, храбрость и дисциплина – вот главнейшие основы специальной воинской чести»[2].

Аналогично рассуждал военный юрист полковник П. А. Швейковский, автор трудов, неоднократно переиздававшихся и имевших широкое хождение в офицерской среде. Он отмечал, что, прежде всего «воинская честь выражается в верности Престолу, мужестве против неприятеля, в презрении к трусу; она есть высшее духовное благо армии; армия погибла, если потеряна ее честь»[3].

По устоявшемуся мнению, понятия «офицер» и «честь» должны были быть неразделимыми. Военный публицист генерал-майор М. С. Галкин в этой связи указывал: «Обладать честью, во все времена, было признано необходимостью для офицерского кадра. При всех остальных хороших служебных качествах, офицер не может быть терпим, если он … марает мундир»[4].

Рассуждая о чести, современники отмечали, что «… офицеры являются… носителями воинской чести и в этом смысле составляют особое сословие в госу-

---

[1] Приказ войскам Туркестанского военного округа № 239 // Разведчик. 1903. № 655. С. 634.
[2] *Апухтин А.* Командный состав армии // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 168.
[3] *Швейковский П. А.* Суд чести и дуэль в войсках российской армии: Действующее законодательство со всеми комментариями: Настольная книга для офицеров всех родов оружия / 3-е изд. СПб., 1912. С. 44.
[4] *Галкин М.* Новый путь современного офицера. СПб., 1907. С. 22.

дарстве»[1], указывали, что понятие о чести издавна было распространено и имело особое значение для каждого кадрового офицера[2].

Среди нравственных качеств, которыми должен был обладать офицер как воин и руководитель, особое внимание обращалось на твердость воли и неустрашимость[3]. Поведение офицеров в боевой обстановке будет рассмотрено в параграфе 4.4., здесь же отметим лишь одно: сдача в плен в военной среде традиционно считалась позором. Когда во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. в плен стали попадать легкораненые и вовсе не раненые офицеры, военная среда отнеслась к этому отрицательно. «Я боюсь, как бы понятие о позорности плена не изменилось у нас в армии вследствие последней войны с Японией»[4], – писал на страницах «Разведчика» один из участников боевых действий. Возмущение автора тем, что, в плен попадали раненые, еще могущие сопротивляться, поддержало громадное большинство командного состава армии: подтверждением тому служила публичная дискуссия в офицерской среде. Как известно, по приказу начальника Квантунского укрепрайона генерал-лейтенанта А. М. Стесселя капитулировала крепость Порт-Артур, при этом в соглашении о капитуляции было сказано: «Все военные чины… в порт-артурском гарнизоне и фортах сдаются в плен»[5].

В донесении японского генерала М. Ноги говорилось о пленении 8 генералов, 4 адмиралов, 57 полковников и подполковников, 531 обер-офицера[6]. Там же приводилось количество взятых в плен морских офицеров. В день сдачи Порт-Артура состоялся общий обед, на котором с японской стороны присутствовал генерал М. Ноги со своим штабом, с российской стороны – А. М. Стессель и некоторые другие представители командования крепости. Японцы не преминули воспользоваться ситуацией: фотоснимок участников обеда использовался ими в про-

---

[1] Офицер // Военная энциклопедия: в 18 т. Т. 17. С. 234.
[2] *Швейковский П. А.* Суд чести и дуэль в войсках российской армии: Действующее законодательство со всеми комментариями. С. 41.
[3] *Галкин М.* Новый путь современного офицера. С. 20.
[4] *Глинский С.* Боевые традиции армии // Разведчик. 1907. № 862. С. 219.
[5] Соглашение о капитуляции крепости и сдаче в плен гарнизона Порт-Артура // Разведчик. 1905. № 741. С. 19.
[6] Разведчик. 1905. № 741. С. 19.

пагандистских листовках, распространявшихся на позициях русских войск под Мукденом и призывавших русских сдаваться[1].

В связи со сдачей Порт-Артура в рядах командного состава возникла дискуссия: как должны были поступить офицеры после приказа о капитуляции, сдаваться в плен или нет? Ситуация возникла противоречивая, ибо, с одной стороны, был приказ, но, с другой стороны, он противоречил понятиям о чести. Многие считали, что такой приказ выполнять было нельзя, и что решительное выступление даже небольшой группы офицеров против сдачи крепости могло бы повлиять на слабовольное руководство Порт-Артура. Свою точку зрения они обосновывали, в частности, тем, что лица, принявшие решение о сдаче крепости были преданы суду, а главный виновник – А. М. Стессель – приговорен к смертной казни (ее заменили 10-летней каторгой, позже он был помилован указом Николая II).

В ходе дискуссии был поднят вопрос: почему офицеры выполнили преступный приказ и не выступили против сдачи Порт-Артура? Вопрос возник потому, что действовавшее законодательство определяло следующее. Если военнослужащий считал полученное приказание «незаконным или… вредным», то должен был доложить об этом своему начальнику или же «командующему над ним генералу». В случае подтверждения приказания беспрекословно исполнить его, кроме случаев, «… когда он не может не видеть, что приказанием этим ему предписывается нарушить присягу и верность службы, или совершить деяние, явно преступное»[2].

После длительных споров и обсуждений был сделан вывод о том, что причина сдачи в плен сотен офицеров «… кроется в общем духе нашего законодательства, которое… стремится, прежде всего, оградить требования формальной дисциплины, и… престиж начальства…»[3], пусть даже ложный. В резюмирующем итоги дискуссии материале, автор которого не указан, отмечалось, что закон не позволял подчиненным вмешиваться в действия вышестоящих начальников. Следствием такого положения явилось то, что армия переживала «… великую

---

[1] Разведчик. 1906. № 812. С. 396.
[2] Свод военных постановлений 1869 года. Книга VII. Прохождение службы по военному ведомству. С. 13.
[3] Разведчик. 1907. № 893. С. 709.

драму, в виду… суда над… ее представителями, не сумевшими отстоять до конца честь русского оружия в Порт-Артуре»[1]. Аналогичное мнение высказал участник Русско-японской войны генерал-лейтенант М. В. Грулев[2].

Нельзя не отметить, что положение действительно было противоречивым: с одной стороны, армия невозможна без единоначалия и дисциплины, с другой – командование крепости нанесло явный ущерб военной мощи России и чести русской армии. Тем более что в соответствии с действовавшим законодательством, даже вступление в переписку или иное сношение с противником, «без всякого злого умысла», но «без надлежащего разрешения» каралось увольнением со службы и лишением чинов или разжалованием в рядовые. В случае же нарушения обязанностей службы, «… с намерением способствовать… неприятелю в военных или других враждебных его действиях…» виновные подвергались лишению всех прав состояния и смертной казни[3].

Дискуссия не способствовала принятию официального решения в отношении ситуаций, подобных порт-артурской, однако показала, насколько важна была для офицеров нравственная сторона проблемы. В этой связи следует отметить, что в 1906 г. в военном ведомстве был издан приказ, определявший дальнейшее прохождение службы возвращавшимися из плена генералами и офицерами:

если офицеры попали в плен «ранеными и лишенными, вследствие полученных ран, возможности защищаться», то предписывалось возвращать их в части, в которых они служили ранее;

в случае попадания в плен «контуженными или вовсе не ранеными», офицеров можно было зачислять в части, где они служили, не иначе, как с «согласия всего общества офицеров этих частей». Если общество офицеров возражало, то таких военнослужащих увольняли от службы в порядке дисциплинарном;

генералов и командиров отдельных частей, «независимо от того, были ли они взяты в плен ранеными, контуженными или здоровыми», прикомандировы-

---

[1] Там же. С. 709,710.
[2] *Грулев М.* Злобы дня в жизни армии. С. 268.
[3] Воинский устав о наказаниях / 2-е изд. СПб., 1899. С. 95.

вать на один год к штабам соответствующих армейских корпусов с тем, чтобы было «произведено подробное расследование всех обстоятельств взятия их в плен». Если возможно было оставить их на службе, то, по представлению военного министра, окончательное решение принималось императором Николаем II. Особо подчеркнем: эти правила не касались чинов «… бывшего порт-артурского гарнизона, взятых в плен вследствие капитуляции крепости»[1].

В том же году военным министерством был издан приказ, в котором объявлялось повеление императора Николая II: офицерам крепости время, проведенное в плену, из срока действительной службы не исключать. Что касается других офицеров, то приказывалось «… плен этот не исключать…, если особым расследованием в каждом отдельном случае будет установлена полная невозможность, избежать плена»[2].

Более того, при определении выслуги лет для получения пенсии офицерами, участвовавшими в защите крепости, предписывалось «…считать каждый месяц пребывания в Порт-Артуре в течение времени с 1 мая по 20 декабря 1904 г. за год, а каждый день – за 12 дней»[3].

Представляется, что подобные решения официально признавали тот факт, что вынужденная сдача в плен по приказу не затронула честь офицеров порт-артурского гарнизона.

В годы Первой мировой войны подавляющее большинство офицеров соблюдало традицию не сдаваться в плен, сражаясь с врагом до последней возможности. Данное обстоятельство подтверждается тем, что основные потери среди офицеров приходились на «кровавые потери» (термин, введенный генералом Н. Н. Головиным). К ним относились убитые, умершие от ран, раненые, контуженные, отравленные газами. Соотношение между «кровавыми потерями» и плен-

---

[1] Приказ по военному ведомству от 27 января 1906 г. № 68 // Сборник приказов по военному ведомству за 1906 г. СПб., 1906. С. 108–109.

[2] Приказ по военному ведомству от 13 августа 1906 г. № 494 // Сборник приказов по военному ведомству за 1906 г. С. 808.

[3] Приказ по военному ведомству от 24 мая № 351 // Приказы по военному ведомству и циркуляры Главного штаба за 1905 год. СПб., 1905. С. 515.

ными среди офицеров русской армии в годы Первой мировой войны показано в табл. 3.5.

Таблица 3.5.

Взаимоотношение кровавых потерь и пленных среди командного состава в годы Первой мировой войны (в процентах)

Род войск	Кровавые потери	Пленные
Пехота	85	15
Кавалерия	95	5
Артиллерия	81	19
Крепостные войска	25	75
Инженерные войска	86	14
Авиа- и воздухоплавательные части	82	18
Автомобильные и самокатные части	98	2
Железнодорожные войска	93	7
Военные топографы	65	35
Штабы действ. армии и тыла	77	23
Общее для всей армии	85	15

Составлено по: *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. Париж: Товарищество объединённых издателей, 1939. Т. 1. С. 165.

Данные, приведенные в таблице, говорят о том, что кровавые потери составляли несравненно большую часть потерь среди офицеров. Отметим также, что процент взятых в плен офицеров был в разы меньше аналогичного показателя среди нижних чинов. Если сравнить число попавших в плен офицеров и солдат, приходившихся на каждые 10 раненых и убитых в обеих категориях военнослужащих, то в 1914–1915 гг. офицеров, попавших в плен, было меньше в 2,2 раза, в 1916 г. – в 1,8 раза, в 1917 г. – в 4,6 раза. В целом за войну по этому показателю офицеров оказалось в плену в 2,3 раза меньше, чем солдат[1].

Количество офицеров, попавших в плен в условиях, когда еще можно было сопротивляться, установить вряд ли возможно. Но, вероятно, их было относи-

[1] *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. Т. 1. С. 160, 161.

тельно немного. В РГВИА хранится «Список офицеров, врачей и классных чиновников, против которых имеются показания о преступных деяниях, совершенных при сдаче в плен и в плену». Документ был подготовлен в штабе Западного фронта, датирован 12 ноября 1916 г. и содержал данные за 2 года; всего приводилось 83 фамилии[1]. На Западном фронте находились десятки тысяч офицеров (например, в октябре 1917 г. их было 22731)[2], поэтому число сдавшихся в плен добровольно выглядит небольшим. Кроме того, как видно из названия документа, не все 83 лица, в нем перечисленные, были офицерами. Вряд ли Западный фронт был каким-то исключением. Следовательно, позволительно сделать вывод о том, что большинство из попавших в плен офицеров были либо ранеными, либо, в силу сложившихся обстоятельств, лишенными возможности сопротивляться, либо оказавшимися, по тем или иным причинам, безоружными.

Одной из самых важных этических норм в русской армии являлось почитание знамени (штандарта) части, являвшегося символом воинской чести. «Штандарт есть священная хоругвь, под которым соединяются верные своему долгу воины. Штандарт – святыня, слава и честь служащих. <...> Штандарт заключает в себе все священные драгоценности наши: Веру, Государя и Отечество»[3]. Генерал от инфантерии М. И. Драгомиров, характеризуя знамя как символ духовного единения воинов, писал: «Часть, в бою сохранившая знамя, сохранила свою честь неприкосновенной, несмотря на самые тяжелые, иногда гибельные положения; часть, потерявшая знамя, то же, что опозоренный и не отплативший за свой позор человек»[4].

Утрату знамени М.И. Драгомиров приравнивал к поражению, так как его потеря во всех армиях мира воспринималась как свидетельство нравственной победы противника. В русской армии потеря знамени считалась не только позором, но и воинским преступлением, поэтому лица, непосредственно отвечавшие за его

---

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 2. Д. 157. Л. 104–105 об.

[2] *Гаврилов Л. М., Кутузов В. В.* Перепись русской армии 25 октября 1917 г. // История СССР. 1964. № 2. С. 89.

[3] Войсковые учебники. Кавалерия: учебник для рядового / Изд. 6-е. СПб., 1914. С. 178.

[4] *Драгомиров М. И.* «Война и мир» гр. Толстого с военной точки зрения: Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. 1858–1880. Т. 1. СПб.,1881. С. 475.

охрану, приговаривались к расстрелу[1]. Полк, «который подвергнет себя такому бесславию», расформировывался[2].

Для сохранения знамени и, соответственно, чести своего полка военнослужащие русской армии делали максимум возможного. Так, в бою под Мукденом 25 февраля 1905 г. сводная рота капитана Жирнова, при которой находилось знамя 162-го пехотного Ахалцихского полка, была окружена японцами. Сознавая опасность захвата знамени, капитан Жирнов приказал унтер-офицеру Гришанову сорвать его с древка и спрятать, сам же поднял древко и бросился в другую сторону, отвлекая внимание врага от Гришанова (вскоре капитан Жирнов погиб). Впоследствии знамя оказалось у поручика Хондажевского, который, попав в плен, хранил его более 8 месяцев. После этого он сумел доставить знамя на Родину[3]. Высочайшим повелением все трое военнослужащих были зачислены в списки полка навечно[4].

Там же, под Мукденом, был окружен почти весь 55-й пехотный Подольский полк. Командир полка полковник А. Н. Васильев, «видя неминуемую гибель» вручил знамя конным ординарцам и приказал прорваться к ближайшей русской войсковой части, чтобы там передать знамя под защиту. «… Все сложили головы под ударами противника, командир полка был поднят японцами на штыки»[5], но знамя было спасено. В 19-м стрелковом полку, оказавшемся в безвыходном положении, знамя, чтобы не допустить его попадания в руки противника, было сожжено. Знамя 4-го стрелкового полка сумел спрятать и сохранить оказавшийся в плену штабс-капитан Ожизневский (совместно с унтер-офицером Ратниковым)[6]. В 1-м Восточно – Сибирском стрелковом полку, во время отступления от Мукде-

---

[1] Воинский устав о наказаниях / 2-е изд., исп. и доп. СПб., 1899. С. 96.
[2] Войсковые учебники. Кавалерия: учебник для рядового. С. 178.
[3] Распоряжения по военному ведомству // Разведчик. 1907. № 893. С. 711–712.
[4] Приказ по военному ведомству 12 января 1908 г. № 15 // Сборник приказов по военному ведомству за 1908 год. СПб., 1908. С. 20.
[5] Различные известия, относящиеся к войне // Разведчик. 1905. № 759. С. 382.
[6] Приказ по военному ведомству от 24 ноября 1906 г. № 689 // Сборник приказов по военному ведомству за 1906 год. СПб., 1906. С. 1071.

на, из нескольких тысяч человек осталось всего 3 офицера и 150 нижних чинов, однако знамя было сохранено[1].

В целом же, в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. ни одно русское знамя не попало в руки японцев, даже в Порт-Артуре: все они были вывезены на прорвавшемся миноносце «Статный». Характерная деталь: если бы по пути миноносец был перехвачен противником, «было решено взорваться. Снятые с древков знамена были прочно прикреплены к тяжестям, и к взрыву все было приготовлено» [2].

В годы Первой мировой войны знамена в русской армии всегда находились при полках (в отличие от германских и австро-венгерских частей, летом 1915 г. переправивших свои знамена в тыл). Естественно, в ходе боевых действий возникали ситуации, грозившие потерей воинской святыни. Для спасения знамен от захвата противником в таких случаях использовались различные способы, в том числе, закапывание в землю. Иногда такие знамена удавалось найти и вернуть, иногда они оставались в земле десятилетиями. Так, в 1969 г. на территории современной Польши был найдено знамя 30-го пехотного Полтавского полка, почти целиком погибшего в боях осенью 1914 г.[3].

Были случаи, когда от знамени оставляли лишь отдельные куски, раздававшиеся для хранения наиболее доверенным лицам. Так, произошло, например, во время Восточно-Прусской операции 1914 г., когда лейб-гвардии Кексгольмский полк оказался на грани гибели, и возникла угроза захвата знамени. Командир полка приказал срезать полотнище с древка и передать подпоручику К. Анучину, чтобы тот пробивался с ним в Россию. Офицер спрятал знамя, обмотав полотнище вокруг тела под мундиром, но в пути был захвачен немцами. Они не обыскали его, и подпоручик сумел пронести стяг в лагерь для военнопленных. Когда через некоторое время возникла угроза обнаружения знамени немцами, офицеры полка, находившиеся в лагере, разорвали его на куски и тайно сожгли в печи. Несколько

---

[1] Военный сборник. 1905. № 4. С. 185.
[2] Различные известия, относящиеся к войне // Разведчик. 1905. № 754. С. 289.
[3] *Андоленко С.* Находка зарытого в 1914 г. в Восточной Пруссии русского знамени // Военная быль. 1970. № 102. С. 31 – 32.

мелких кусков были розданы военнослужащим для сбережения, как доказательство сохранения знамени от захвата противником. После освобождения из плена, сохраненные части знамени были доставлены в Россию[1].

В бою под Орлау (Восточная Пруссия) противник попытался в рукопашном бою захватить знамя 29-го пехотного Черниговского полка. Схватка за знамя была столь ожесточенной, что впоследствии в немецких документах отмечалось следующее: «Может быть, не существует в мире другого военного трофея, за обладание которым шла бы такая героическая и драматическая с обеих сторон борьба, как велась за знамя Черниговского полка»[2]. В рукопашной схватке несколько русских офицеров погибло, но противнику захватить знамя не удалось.

В боях в Восточной Пруссии в августе – сентябре 1914 г. 1-й пехотный Невский полк оказался в окружении, что побудило командира части полковника М. Г. Первушина перед попыткой прорыва отдать приказ зарыть знамя в землю. Вышедшие из окружения остатки полка были направлены для переформирования в г. Лида. Прибывший в полк для дальнейшего прохождения службы подпоручик Игнатьев, узнав о ситуации со знаменем, решил вернуть его в полк. Вдвоем с подпрапорщиком Удалых, который знал, где закопано знамя, они пересекли линию фронта, пробрались в Восточную Пруссию и вырыли его. При обратном переходе они наткнулись на немцев, подпоручик Игнатьев был ранен в ногу, но их выручили подоспевшие казаки. Спасенное знамя было представлено императору Николаю II, который наградил подпрапорщика Удалых Георгиевским крестом 1-й степени[3]. Подпоручик Игнатьев «за мужество и храбрость, выказанные…при спасении знамени полка», был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом[4].

---

[1] *Он же*. Два знамени // Военная быль. 1968. № 90. С. 7, 9.
[2] Цит. по: *Андоленко С*. Два знамени. С. 11.
[3] *Андоленко С.* Судьба знамен армии генерала Самсонова // Военная быль. 1966. № 72. С. 41–42.
[4] Приказ Верховного Главнокомандующего от 5 ноября № 140 // Библиотека НИАБ. Инв. № 14990. Приказы Верховного Главнокомандующего 1914 года. Т. 1. (нумерация страниц отсутствует).

Случались, однако, и ситуации, когда знамена или их отдельные элементы попадали в руки противника. Главным образом, это происходило в период Восточно-Прусской операции 1914 г., когда полностью или частично были разгромлены или пленены три корпуса армии генерала А. В. Самсонова. Так, один из современников утверждал, что лично видел в берлинском Цейхгаузе (военном музее) выставленные на показ знамена 119-го пехотного Коломенского полка и 42-го Донского казачьего полка. По его информации, оба знамени были захвачены во время немецких рейдов по тылам отходивших русских войск, в результате нападений на деревенские дома, где находились знамена. Так, знамя Коломенского полка было захвачено в доме, в котором не было охраны, и ночевали командир полка, адъютант и еще один офицер, которые были пленены вместе со знаменем[1]. Штандарт казачьего полка был захвачен, когда возле него был только командир части; раненый, он был «...так поражен случившимся, что сошел с ума»[2]. Представляется, что захват противником знамен явился результатом преступной халатности, проявленной командованием этих частей. Интересна оценка, сделанная в изданном в то время германском музейном справочнике: «… к чести царской армии надо сказать, что она сделала все, что возможно, чтобы ее знамена не попали в руки противника. От большинства… знамен в наши руки попали только куски или части. Древки были распилены, полотнища сорваны, наконечники (копья), отвинчены…»[3].

Чрезвычайно важным элементом офицерской этики «… была забота о сохранении чести мундира, прежде всего офицерского мундира… <…> Мундир нужно было носить так, чтобы ничто не бросало тень на родной полк. Понятие чести мундира было неразрывно связано с гордостью тем, что ты являешься офицером русской армии, что ты служишь родине…»[4]. В соответствии с требования-

---

[1] *Бастунов В.* О знаменах армии генерала Реннекампфа (к статье С. П. Андоленко в № 78 «Военная быль») // Военная быль. 1968. № 90. С. 41.
[2] Ответ редакции. Русские знамена в германском плену // Часовой. 1934. № 133–134. С. 14.
[3] Цит: по: *Лампе А. А.*, фон. Русские знамена в плену (справка) // Часовой. 1934. № 131–132. С. 19.
[4] *Ярушевич Е.* О лучших традициях русского офицерства // Военный вестник. 1943. № 15–16. С. 37.

ми того времени, офицеры были обязаны как на службе, так и вне ее носить военную форму, « … и другого платья носить не должны»[1].

Будучи всегда в форме, офицеры своим видом выделялись среди окружающих, которые оценивали не только персональное поведение военнослужащих, но и видели в их лице представителей всего корпуса офицеров. В этой связи к офицерам предъявлялись требования вести себя в обществе так, чтобы не совершать поступков, несовместимых с понятиями «…о чести вообще и специально воинским понятиям о доблести и достоинстве офицерского звания, … и чтобы… избегнуть самого малейшего намека на что-либо противное чести и благородству»[2].

Значение, которое придавалось в русской армии поведению каждого офицера, отмечалось и советскими авторами: «В театре, в гостях, в поезде, в ресторане или гостинице – всюду офицер должен был помнить, что он носит мундир русской армии»[3]. В числе прочего, это означало, что «… офицер должен подчиняться в общественных местах всем правилам, существующим для публики»[4].

В отношении к представителям других слоев населения требовалось вести себя следующим образом: «Офицер должен относиться ко всем лицам других сословий с уважением и свое чувство собственного достоинства не должен выражать надменностью перед этими лицами»[5]. Подчеркивалось, что каждый офицер служит «… не только Государю, но и народу, главою которого является Государь»[6].

Взгляды о том, что мундир – это не более чем рабочая одежда, получившие распространение среди некоторых молодых офицеров на рубеже веков, вызвали реакцию генерала М. И. Драгомирова. Он опубликовал работу, в которой отметил

---

[1] Свод военных постановлений 1869 года. Книга VII. Прохождение службы по военному ведомству. С. 201–202.

[2] *Швейковский П. А.* Суд чести и дуэль в войсках российской армии: Действующее законодательство со всеми комментариями. С. 46.

[3] *Кривицкий А.* Традиции русского офицерства. М., 1945. С. 71.

[4] *Кульчицкий В.* Советы молодому офицеру / 3-е изд. Харьков, 1916. С. 15.

[5] *Швейковский П. А.* Суд чести и дуэль в войсках российской армии: Действующее законодательство со всеми комментариями. С. 46.

[6] *Португалов Н.* Этика офицера // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 336.

следующее. «… Работа-то наша особенная. Ведь, чтобы ее сделать, нужно жертвовать жизнью... Мы … уже, поэтому самому должны быть отмечены внешним образом от рабочих других профессий, и дорожить такими внешними отличиями»[1].

Военнослужащие, которые вели себя в общественных местах некорректно, подвергались осуждению офицерского общества, и наказывались командованием. Московский градоначальник генерал-майор Е. К. Климович в одном из своих приказов констатировал, что «… офицеры, нарушившие общественный порядок, подлежат, по сравнению с лицами гражданского состояния, несравненно более суровым карам, налагаемым на них военным начальством…»[2].

Например, командующий Кавказским военным округом указывал на необходимость уволить от службы офицера, который в пьяном виде неприлично вел себя на улице: стрелял в воздух из револьвера, плясал под гармошку, отказывался оплатить счет. В связи с этим в приказе отмечалось, что подобное поведение доказывало «… отсутствие…понятий о воинской чести и доблести офицерского звания» у этого военнослужащего[3]. Мимо внимания командующего войсками Туркестанского военного округа не прошел следующий факт. Два обер-офицера, бывших в ресторане, поссорились с пьяными чиновниками, и чиновник ударил одного из них. На следующий день оскорбленный вступил с чиновниками «в мировую сделку». Суд общества офицеров ограничился внушением, однако командующий указал, что такого офицера необходимо было удалить со службы. В своем приказе командующий отметил, что это прискорбные, унижающие офицерское достоинство факты, ибо налицо было не только участие в скандале, но и оскорбление воинской чести[4].

Важной проблемой этики считалась борьба со злоупотреблениями спиртными напитками: офицер «… в присутствии кого бы то ни было, … ни в каком

---

[1] *Драгомиров М.* Одиннадцать лет. 1895–1905 гг.: в 2 т. Т. 2. С 510.
[2] Цит. по: *Кульчицкий В.* Советы молодому офицеру. С. 23.
[3] Приказ по Кавказскому военному округу № 229 // Разведчик. 1906. № 794–795. С. 24.
[4] Приказ войскам Туркестанского военного округа № 239// Разведчик. 1903. № 655. С. 634.

случае не может себе позволить быть в нетрезвом, даже слегка, виде…»[1].

Специальный приказ указывал, что «появление офицера в нетрезвом виде, где бы то ни было, а особенно перед нижними чинами, считается тяжким проступком, не соответствующим офицерскому званию…»[2]. За подобное нарушение предписывалось налагать взыскания на нарушителей, вплоть до увольнения от службы в дисциплинарном порядке. Офицерам воспрещалось посещать места, которые не соответствовали офицерскому достоинству. В их число входили рестораны и гостиницы низших разрядов, все трактиры, чайные, кофейни, пивные, кухмистерские, портерные, буфеты 3 класса на железнодорожных станциях[3]. Не разрешалось посещение частных клубов и заведений, где играли на деньги. «Разведчик», в связи с увлечением некоторых офицеров биржевой игрой, отмечал, что если эти люди стремятся к легкой наживе, то пусть они увольняются из армии, «… и тогда уже смешиваются с толпой биржевых дельцов сомнительной репутации»[4].

В армии вообще, а в офицерской среде особенно, с презрением относились к доносам. Это проявлялось не только на бытовом уровне, но и на уровне официальном. Военная печать осуждала доносчиков[5], в воинских частях издавались приказы, в которых тех клеймили позором . Так, в одном из батальонов, где велось следствие о беспорядках нижних чинов, его командир потребовал от офицеров докладывать ему, что и кому говорится о делах в батальоне. Командующий войсками Киевского округа приказал командиру 10-го армейского корпуса «обуздать» батальонного командира, так как им «слабо усвоено понятие о служебном такте»[6].

---

[1] *Португалов Н.* Этика офицера // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 336.
[2] Приказ по военному ведомству 22 мая № 309 // Разведчик. 1914. № 1233. С. 378.
[3] Приказ войскам гвардии и Петербургского военного округа 1911 года № 13 // Разведчик. 1911. № 1067. С 222.
[4] Офицерство и биржевой азарт // Разведчик. 1913. № 1187. С. 457–458.
[5] *Сиваков Ф. К.* Анонимные доносы // Разведчик. 1906. № 822. С. 567–569.
[6] Приказ войскам Киевского военного округа № 136 // Разведчик. 1902. № 616. С. 716–717.

Важной нормой этики было уважение к старшим в чине. В сборнике этических норм, предназначенном специально для офицеров и выдержавшем множество переизданий, подчеркивалось: «Помни, что начальник всегда и везде начальник. Никогда не критикуй действий и поступков начальства вообще; при комлибо – особенно и, Боже избави, при нижних чинах»[1]. Одновременно этика предписывала «… помнить ту границу, где кончается полная достоинства вежливость и где начинается низкопоклонство»[2]. К людям, пытавшимся лестью добиться благосклонности начальников, в офицерских кругах относились неодобрительно. «Льстивость… никогда и нигде не считалась достоинством офицера. В старой русской армии таких «служак» презирали»[3]. Не случайно в офицерской среде пользовалось популярностью изречение генерала М. И. Драгомирова: «Ведет себя достойно пред неприятелем только тот, кто ведет себя достойно пред начальником»[4].

Вместе с тем, старший должен был уважать достоинство младшего офицера. «Истинная дисциплина именно к этому и ведет, ее девиз: отдай начальнику весь положенный долг и умей при этом держать себя с гордым сознанием своего офицерского достоинства», – указывал военный педагог генерал-лейтенант Н. Д. Бутовский[5].

Конечно, утверждение, будто нормы взаимоотношений между офицерами никем и никогда не нарушались, было бы неверным. Если поведение подчиненных в отношении начальников и старших строго регулировалось уставами, то отношение начальников к подчиненным практически полностью зависело от личных качеств того или иного руководителя. В повседневной жизни встречались несдержанность, иногда грубость старших по званию и должности в отношении к

---

[1] *Кульчицкий В.* Советы молодому офицеру. С. 9.
[2] Там же.
[3] *Морозов В*. Советы молодому офицеру // Военный вестник. 1943. № 19–20. С. 2.
[4] Мысли и афоризмы ген. М.И. Драгомирова о воен. деле. СПб., 1892. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vrazvedka.ru/main/main-idea/dragomirov.shtml (дата обращения: 03. 04. 2017).
[5] *Бутовский Н.* Очерки современного офицерского быта. СПб., 1899. С. 38.

подчиненным. Например, за какие-либо просчеты офицера могли «разнести» перед строем, так, что это слышали солдаты[1].

Генерал-лейтенант Е. И. Мартынов, командовавший полком, бригадой, дивизией, и одновременно являвшийся видным военным писателем того времени, отмечал, что достаточно часто встречались «крик, грубые, обидные выражения, иногда даже ругательства…»[2].

Современник писал, что встречались генералы, известные «… не одержанными ими победами над врагами Родины, а своею легендарной грубостью, граничившей с хамством»[3]. Бывали случаи откровенного самодурства, например, когда один из высокопоставленных начальников наложил взыскания на ряд офицеров за то, что от явившегося посыльного нижнего чина пахло чесноком[4].

Отметим, однако, что подобные факты в военной среде осуждались, против этого явления выступали пресса и военачальники, считавшие соблюдение этических норм обязательным для каждого офицера. Так, известен случай, когда командир полка смотрел показное ротное учение. Во время выполнения строевых приемов один из взводов сбился, и полковой командир громко выругался, за что ему был объявлен выговор главнокомандующим войсками округа. В соответствующем приказе по округу было указано, что «… начальник ни при каких обстоятельствах не должен и не имеет права допускать унизительное обращение со своими подчиненными…»[5].

Одним из важнейших компонентов офицерской этики считалось умение держать данное слово. «Верность слову, не только клятва, всегда отличала офицера. Измена слову, фальшь – низость, недостойная звания его»[6]. Выражение «слово во офицера» в те годы имело особое значение, предполагалось, что нарушить его

---

[1] *Парский Д.* Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. С. 98.
[2] *Мартынов Е. И.* Из печального опыта Русско-японской войны. С. 46.
[3] *Флуг В. Е.* Высший командный состав // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 270.
[4] *Грулев М.* Злобы дня в жизни армии. С. 52.
[5] Приказ Кавказскому военному округу от 1908 года № 62 // Разведчик. 1909. № 962. С. 209.
[6] *Галкин М.* Новый путь современного офицера. С. 20.

невозможно. Под «слово офицера» могли одолжить крупные средства, вверяли важные личные секреты. «Вверенную тайну или секрет, даже не служебного характера – храни. Тайна, сообщенная тобой, хотя только одному лицу – перестает быть тайной»[1]. Один из участников революционного движения в годы революции 1905 – 1907 гг. писал, что с точки зрения нелегалов офицеры, так или иначе знавшие о существовании подпольной организации, «…были ненадежны во всех отношениях, кроме одного – верности слову. За время существования «Союза», в тех или иных формах работавшего до 1908 года, у нас было много случаев ухода из «Союза», даже перехода в лагерь открытых и непримиримых врагов, но случаев предательства, выдачи не было ни одного»[2].

Слову, данному русскими офицерами, верили даже противники, против которых велись военные действия. Так, в договоре о сдаче Порт-Артура японская сторона указала, что, офицеры, давшие письменное честное слово не возвращаться в строй и не принимать участия в боях против японских войск до конца войны, могут вернуться на родину[3].

Отметим: после сдачи Порт-Артура японцы под честное слово освободили 675 офицеров из 942 взятых в плен[4], остальные отказались дать такое слово и последовали в плен вместе с солдатами.

В училищах будущих офицеров воспитывали так, что нарушение данного слова, даже по относительно незначительным поводам, считалось несмываемым позором. Иногда это приводило к трагическим последствиям. Так, один из юнкеров Елисаветградского кавалерийского училища чтобы не опоздать к вечерней перекличке из городского отпуска, взял извозчика. Расплатиться юнкер пообещал после доклада дежурному о своем прибытии. Извозчик остался ждать возле училища, но юнкер по какой-то причине деньги не принес, хотя прошло уже

---

[1] *Кульчицкий В.* Советы молодому офицеру. С. 13.

[2] *Мстиславский С.* Отрывки о пятом годе // Каторга и ссылка: историко-революционный вестник. 1928. № 2 (39). С. 19.

[3] См.: Соглашение о капитуляции крепости и сдаче в плен гарнизона Порт-Артура // Разведчик. 1905. № 741. С. 19.

[4] Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001. С. 51.

полтора часа. Проходивший мимо училища эскадронный командир юнкера, узнав, в чем дело, сам рассчитался с извозчиком, а на следующий день перед строем эскадрона рассказал о происшедшем «недопустимом и позорном случае». В тот же день юнкер выстрелил себе в сердце, смерть наступила мгновенно[1].

Особого внимания заслуживают этические нормы, определявшие отношение офицеров к нижним чинам, так как в свое время эта сфера внутриармейской жизни представлялась в крайне искаженном виде. Например, в одном из трудов 1930-х годов отношение офицеров к солдатам описывались следующим образом. «… Жестокие и унизительные наказания за малейшую провинность, грубое обращение и мордобой… разжигание национальной розни, поощрение неграмотности…»; далее утверждалось, будто такое отношение к солдатам существовало якобы ввиду убежденности офицеров в том, что «…солдат есть животное, обладающее даром речи»[2].

Подобные утверждения совершенно не соответствовали исторической действительности. Реформы, проведенные после отмены крепостного права, во многом изменили социально-психологическую обстановку в армии и стране, значительно повлияли на мировоззрение всего населения. Соответственно, изменилось психологическая атмосфера в армейской среде. Офицер Генерального штаба М. С. Галкин отмечал, что, если прежде в основе взаимоотношений военнослужащих находилась принадлежность офицерства к высшему сословию, то к началу XX столетия «…офицер-барин перестал существовать, нижний чин-холоп – отошел бесповоротно в область преданий»[3].

В новой обстановке только личные качества могли помочь офицерам завоевать авторитет и доверие у подчиненных. Ситуация, однако, осложнялась тем, что, существовавшее в течение длительного времени неравенство сословных прав и причины социально-экономического характера породили в широких слоях на-

---

[1] *Фурман, полковник.* Елисаветградское кавалерийское училище // Военная быль. 1956. № 21. С. 6–7.
[2] *Василенко В. О.* Офицеры в рясах: духовенство в царской армии / 2-е изд., перераб. и доп. М., 1933. С. 4, 5.
[3] *Галкин М.* Новый путь современного офицера. С. 17–18.

рода недоверчивое отношение к привилегированным сословиям и группам. В свое время к ним относилось и офицерство, хотя в рассматриваемый период времени его положение значительно изменилось. Офицерская служба утратила былую престижность, уровень жизни большинства офицеров в рассматриваемый период был невысоким (подробнее этот вопрос будет рассмотрен в параграфе 3.5.). Но исторически сложившееся у большинства населения негативное отношение к «господам» не могло исчезнуть само по себе.

Существование проблемы признавалось в военной среде, поэтому она выносилась на обсуждение офицерской общественности. Пример тому – статья подполковника Шарапова, повествовавшая о положении дел в этой сфере[1]. Иногда к данной теме обращались солдаты, письма которых публиковались в офицерских журналах. Так, один из нижних чинов писал о том, что в солдатах не воспитывали, а подавляли «и воина и гражданина и патриота», что вызывало чувство «…вражды ко всем носящим офицерский мундир»[2].

Офицерам требовалось завоевать доверие солдат. Добиться этого, как писал М. И. Драгомиров, можно было «знанием дела, заботливостью о солдате и, наконец, всяческой справедливостью…»[3]. Следует заметить, что идея духовного сближения с солдатами получила в рассматриваемый период времени достаточно широкое распространение. Приведем лишь несколько суждений из популярных книг и сборников того времени.

«…Старайтесь сблизиться с солдатом… и полюбить его. Сердце неиспорченного русского простолюдина можно назвать золотым сердцем… Вы найдете в нем неисчерпаемый источник самопожертвования; вы будете очарованы этой готовностью человека, отдать вам все за ваше доброе к нему участие»[4].

---

[1] *Шарапов, подполковник.* Клин, расколовший русскую армию // Разведчик. 1906. № 802. С. 180 – 183.

[2] «*Нижний чин».* Одна из причин успеха пропаганды в войсках // Разведчик. 1906. № 798. С. 97.

[3] Офицерская памятка: Мысли и афоризмы ген. М.И. Драгомирова о воен. деле [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vrazvedka.ru/main/main-idea/dragomirov.shtml (дата обращения: 03.04. 2017).

[4] *Бутовский Н.* Военная молодежь и ее неудачи // Военный сборник. 1902. № 1. С. 153.

«Офицер должен уважать человеческие права своего собрата – нижнего чина…»[1].

«Солдаты не безмолвные бараны, а беспощадные судьи, пришедшие из разных концов беспредельной России, уносящие обратно, туда же, всё пережитое на службе: благодарность и озлобленность; уважение и презрение; любовь и ненависть»[2].

Подобные мысли высказывались не прекраснодушными дилетантами, а опытными офицерами, служившими в войсках и анализировавшими процессы, протекавшие в армии. Поддержка идеи создания товарищеской атмосферы во взаимоотношениях между офицерским составом и нижними чинами поддерживалась некоторыми крупными военачальниками. Например, великий князь Сергей Михайлович, занимавший пост генерал – инспектора артиллерии, в 1906 г. издал приказ, в котором указывалось, что многие офицеры не знают в должной мере своих нижних чинов. При этом подчеркивалось, что «только те части стоят во всех отношениях на должной высоте, в которых начальники и офицеры живут общими интересами с нижними чинами, занимаются их обучением и воспитанием с любовью и неустанным рвением…»[3]. Генерал-инспектор потребовал изучать характер и потребности своих подчиненных. Кроме того, он предупредил, что знание офицерским составом своих солдат будет проверяться, причем результаты проверок станут играть особую роль в оценке службы каждого офицера[4].

В приказе по Кавказскому военному округу указывалось, что некоторые офицеры находятся в стороне от повседневной жизни подчиненных. Отметив, что подобная ситуация пагубно сказывается на состоянии войск, командующий округом предупредил, что случаи нарушений дисциплины в частях будут восприниматься, как недостаток «… воспитательной и товарищеской работы офицерского состава…»[5]. В том же приказе отмечалось, что создание атмосферы войскового

---

[1] *Галкин М.* Новый путь современного офицера. С. 22.
[2] *Кульчицкий В.* Советы молодому офицеру. С. 15.
[3] Приказ по артиллерии № 4 // Разведчик. 1906. № 798. С. 90.
[4] Там же.
[5] Приказ по Кавказскому военному округу 1905 года № 341 // Разведчик. 1906. № 803. С. 197.

товарищества, возможно при помощи каждодневной работы. «Подойдите ближе к солдату и к его жизни, говорите чаще с ним по душе… старайтесь… облегчить советом и делом его тяжелую подчас солдатскую долю…»[1]. Обращаясь к офицерам и генералам округа, он потребовал приступить к выполнению изложенных в приказе указаний.

Командующий войсками Киевского военного округа в приказе, посвященном началу периода зимних занятий, подчеркнул, что, эффективное обучение войск возможно только в случае духовной связи между офицерами и солдатами. Установление такой связи, подчеркнул он, возможно при «…строгом отношении к служебным обязанностям и сердечной отзывчивости к подчиненным вне службы…»[2].

Подобные приказы издавались по всей армии. Понятно, что задачи, в них поставленные, не могли решиться быстро, да и не весь командный состав был готов сосредоточить усилия на развитии гуманистической, нравственной составляющей отношений с подчиненными. В то же время, определенная работа в этом направлении велась, и свои результаты она приносила. Так, один из современных исследователей армии периода Русско-японской войны приводит характерные примеры такого отношения многих офицеров к солдатам, которые свидетельствуют о том, что в их глазах «…солдат был уже не крепостным, но представителем нации, а значит, требовал и соответствующего к себе отношения»[3].

Важным фактором в процессе сближения офицеров с солдатами являлось обучение неграмотных нижних чинов. Их число было достаточно большим (грамотных среди призывников в 1901–1910 гг. было от 39 до 64 %)[4], поэтому офицеры обучали солдат чтению и письму. Но даже среди тех, кто считался грамотными, очень многие «… могли читать только по–печатному, с превеликой медлен-

---

[1] Там же.
[2] Приказ войскам Киевского военного округа 1906 года № 656 // Разведчик. 1906. №837. С. 812.
[3] *Гущин А.В.* Русская армия в войне 1904–1905 гг.: историко-антропологическое исследование влияния взаимоотношений военнослужащих на ход боевых действий. СПб., 2014. С. 118, 115–121.
[4] *Варяжский К.* Язык цифр // Разведчик. 1913. № 1182. С. 386.

ностью и «пальчиком водя», а когда пускались писать, то выводили чудовищные загогулины»[1].

На обучение нижних чинов грамоте отпускались средства, на которые закупались азбуки, учебные руководства и книги для чтения в свободное время[2]. А. И. Деникин вспоминал, что «в очень многих частях» дело обучения грамоте было поставлено хорошо, в войсках внедряли прогрессивные системы преподавания. Результатом стало то, что ежегодно армия «… выпускала до 200 тыс. запасных, научившихся в ней грамоте»[3].

Важную роль в сближении военнослужащих играло приобщение солдат к чтению, хотя централизованная система комплектования солдатских библиотек литературой отсутствовала. Как правило, они представляли собой бессистемное собрание книг, зависевшее от «от личного вкуса и интересов командного элемента»[4]. Лишь в годы Первой мировой войны, военный министр утвердил список книг, которые разрешалось читать больным и раненым солдатам, находившимся в медицинских учреждениях[5].

В некоторых частях и соединениях предпринимались попытки внедрять новые для того времени формы работы с подчиненными. В их числе необходимо назвать создание советов офицеров, задачей которых было содействие умственному и нравственному развитию солдат. Такие советы были созданы, например, в 1-й и 2-й пехотных дивизиях, в 1-й гвардейской пехотной дивизии[6].

В 8-й Восточно – Сибирской стрелковой дивизии на ежемесячных офицерских совещаниях обсуждались формы обучения и воспитания солдат, рассматривались различные случаи из повседневной солдатской и офицерской жизни[7].

---

[1] *Макаров Ю. В.* Моя служба в старой гвардии. 1905–1917. Мирное время и война. С. 46.
[2] Свод военных постановлений 1869 года. Книга XX. Внутреннее хозяйство частей войск. С. 57.
[3] *Деникин А. И.* Старая армия. Офицеры. М., 2005. С. 365.
[4] *Галкин М.* Новый путь современного офицера. С. 125.
[5] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д 783. Л. 3–15.
[6] Заметки // Разведчик. 1906. № 805. С. 262; Положение о совете, учреждаемом при 1-й гвардейской пехотной дивизии по вопросам умственного и нравственного развития нижних чинов дивизии // Военно-исторический вестник (Париж). 1971. № 37. С. 30.
[7] Приказ 8-й Восточно – Сибирской стрелковой дивизии 1905 года № 178 // Разведчик. 1906. № 806. С. 280–281.

Определенную позитивную роль играл досуг нижних чинов, организации которого в XX в. стали уделять больше внимания, нежели прежде. Современник вспоминал: «В Петербурге широко организованы были солдатские чтения в Педагогическом музее…. В Вильно, в громадном гарнизонном манеже, шли по праздникам бесплатные народные спектакли для солдат. Не было гарнизона, полка, где бы не устраивались спектакли, концерты, чтения с туманными картинами и музыкой, впоследствии – соколиные праздники и кинематограф»[1].

Конечно, не все офицеры понимали требования времени и суть процессов, протекавших в обществе и армии. Были офицеры, считавшие, что в служебных отношениях с солдатами достаточно проявлять требовательность, а все остальное является излишним. В этой связи бывший офицер-гвардеец князь В. С. Трубецкой писал: «Теперь часто слышишь, что кадровые офицеры вообще-то солдат за людей не считали и относились к ним как к скотам. Могу лишь сказать, что среди моих полковых товарищей я таких офицеров не знал. <…> Среди офицеров встречались такие, которые относились к солдату безразлично, так сказать, казенно…, но нельзя же делать из этого вывод, что, … они относились к солдату, как к скотине. У нас в полку даже обзывать солдата площадной или матерной бранью считалось для офицера признаком дурного тона»[2].

Безусловно, в повседневной жизни отношения между людьми, да еще в условиях напряженной армейской службы вряд ли всегда могут быть ровными и спокойными. А. И. Деникин отмечал, что в казарменном быту не были изжиты «грубость, ругань, самодурство», но гораздо чаще офицерами проявлялась забота о солдатах, при этом они были простыми и доступными в общении[3].

Иными словами, в большинстве случаев, к солдатам относились не как к «скотине», а как к младшим товарищам по службе. В частности, показательными являлись факты, когда ради спасения нижних чинов офицеры в мирное время рисковали жизнью. Так, во время землетрясения в Андижане поручик Герцулин и

---

[1] *Деникин А. И.* Старая армия. Офицеры. С. 369.
[2] *Трубецкой В. С.* Записки кирасира: Мемуары. М.: «Россия», 1991. С. 132.
[3] См.: *Деникин А. И.* Старая армия. Офицеры. С. 129.

капитан Тучков выводили солдат из казарменных помещений, находясь там, пока не вышел последний человек. В результате поручик Герцулин погиб, а капитан Тучков получил тяжелейшие травмы[1]. Другой факт: во время учений в Киевском округе не взорвалась связка динамитных патронов, которую бросил солдат. Требовалось выяснить, продолжает ли гореть фитиль. Рискованную задачу взял на себя подпоручик Васильев, который сам извлек динамит, не подвергая опасности менее опытного нижнего чина. Героический поступок был отмечен командующим войсками округа, который выразил благодарность подпоручику «…за правильное понимание обязанностей офицера и примерное отношение к служебному долгу»[2].

Известно немало фактов, когда офицеры выносили с поля боя раненых нижних чинов, рискуя при этом жизнью. Так бывало и в Русско-японскую, и в Первую мировую войну. В свою очередь, солдаты выносили из-под огня раненых офицеров. Атмосферу, существовавшую в отношениях между офицерами и солдатами русской армии в большинстве подразделений, по всей вероятности, характеризует следующий случай. Когда раненому капитану Лебедеву, находившемуся в плену, японские врачи сказали, что, путем приращения «… пласта живого человеческого мяса с кожей» можно избежать ампутации ноги, двадцать солдат из разных частей, лежавших в лазарете, предложили себя в качестве доноров[3].

Вряд ли подобное было возможным, если бы офицеры унижали солдат и относились к ним жестоко.

Рассмотрим вопрос о физических расправах, якобы процветавших в русской армии. Телесные наказания в вооруженных силах, как и в стране в целом долгое время существовали официально, и были отменены в апреле 1863 г. Но наказание розгами было сохранено для нижних чинов в дисциплинарных батальонах, за серьезные проступки, совершенные уже в период отбывания наказания (так наз. «штрафованные»)[4].

---

[1] Заметки // Разведчик. 1903. № 645. С. 206.
[2] Приказ войскам Киевского военного округа № 394 // Разведчик. 1907. № 881. С. 526.
[3] См.: *Деникин А. И.* Старая армия. Офицеры. С. 130.
[4] Отмена телесных наказаний // Разведчик. 1901. № 552. С. 474.

В 1899 г. военный министр А. Н. Куропаткин поднял вопрос о полной отмене физических наказаний в армии. Большая часть командного состава, в том числе, командующие военными округами, поддержали предложение[1]. В 1902 г. руководство вооруженных сил представило Николаю II доклад, в котором говорилось о необходимости такого шага. По распоряжению императора была проведена соответствующая законодательная работа, и в июле 1904 г. «штрафованные» были освобождены от телесных наказаний[2]. Наказания розгами были сохранены лишь для некоторых заключенных в военных тюрьмах (для лиц, совершивших особо тяжкие преступления)[3]. Однако в годы Первой мировой войны, по воспоминаниям некоторых мемуаристов, в русской армии дисциплинарное наказание розгами стало использоваться вновь[4].

Для сравнения: в австро-венгерской армии начала XX в. официально использовались пытки, применявшиеся без суда, по решению соответствующих начальников[5].

В германской армии жестокость по отношению к солдатам была обыденным явлением. Это подтверждается тем, что в 1904 г. приказ вышел кайзера, в котором требовалось изжить подобные действия[6]. Несмотря на это, только в одном 1909 г. военные суды вынесли 583 приговора по фактам жестокого обращения начальников с солдатами[7].

Незадолго до Первой мировой войны в Германии проходил судебный процесс против Р. Люксембург, публично заявлявшей о жестоком обращении с солдатами в германской армии. Однако ее защита привела большое количество примеров, подтверждавших слова обвиняемой. Солдат кололи длинными иглами, плевали в лицо, окунали в воду в сильный мороз, совали лицом в плевательницы,

---

[1] *Виш Н.* Телесные наказания в войсках и их отмена // Военный сборник. 1904. № 12. С. 158.
[2] Там же. С. 160.
[3] *Лыкошин А. С.* К отмене телесных наказаний в войсках // Разведчик. 1904. № 734. С. 1164.
[4] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917 г.). Вып.1. Париж, 1921. С. 26; *Степун Ф.А.* Из записок прапорщика – артиллериста. Прага, 1926. С. 97, 98.
[5] *М. Г.* «Отмена» пыток в австро-венгерской армии // Разведчик. 1904. № 689. С. 6.
[6] Заграничные известия // Разведчик. 1904. № 694. С. 134.
[7] *Деникин А. И.* Старая армия. Офицеры. С. 131.

принуждали ложиться лицом в нечистоты, мыть пол в казарме зубными щетками[1].

Начальник германского генштаба П. фон Гинденбург, в сентябре 1916 г. издал приказ, в котором говорилось о «непрерывно возрастающем числе устных и письменных жалоб на обращение офицеров с солдатами в действующей армии – о физических насилиях, словесных оскорблениях и самых грубых ругательствах»[2].

Иным было положение в русской армии, что обусловливалось как моральной атмосферой в офицерской среде, так и действовавшими законодательными нормами. В конце XIX в. офицеры, нанесшие побои нижним чинам, подвергались аресту на гауптвахте на срок от одного до шести месяцев, или дисциплинарному взысканию, а «…в случае повторения – исключению от службы или отставлению от оной»[3].

С введением в 1910 г. нового Воинского устава о наказаниях, ответственность за рукоприкладство была ужесточена. Мерами ответственности офицеров за физическое оскорбление нижних чинов были определены не только арест с содержанием на гауптвахте и дисциплинарные взыскания, но и, в случае повторения – заключение в крепость до 2 лет и исключение со службы. В случаях, когда причинялись тяжкие телесные повреждения, или даже легкие, но мучительным способом, наказание виновному определялось общими уголовными законами, но всегда с ужесточением приговора, определявшимся Уголовным уложением и Воинским уставом о наказаниях[4].

Рукоприкладство в русской армии бывало, однако относительно нечасто. Каждый такой факт предавался огласке, вызывал осуждение старших начальников и товарищей. Например, когда стали известны случаи нанесения побоев солдатам в Туркестанском военном округе, командующий округом отметил в приказе: «Такое противозаконное обращение с подчиненными… унижающее достоинство человека вообще, а русского солдата, как Царского слуги, в особенности…», застав-

---

[1] Обзор печати // Разведчик. 1914. № 1235. С 417–418.
[2] Цит. по: *Деникин А. И.* Старая армия. Офицеры. С. 131.
[3] Воинский устав о наказаниях / 2-е изд., исп. и доп. СПб., 1899. С. 71.
[4] Приказ по военному ведомству от 7 мая 1910 г. № 434 // Приказы по военному ведомству за 1910 год. СПб., 1910. С. 729.

ляет предпринимать самые серьезные шаги по искоренению этого зла[1]. В приказе по Киевскому военному округу подчеркивалось: «Господа, воображающие, что кулаками они поддерживают дисциплину, не понимают, что сами ее этим подрывают, подавая пример нарушения закона»[2].

При обучении молодых солдат бывали случаи кулачной расправы со стороны учителей новобранцев, в роли которых выступали солдаты старших призывов. В этой связи в приказе войскам гвардии и Петербургского военного округа указывалось, что подобное происходит тогда, когда ротный командир, ввиду «преступного равнодушия» к своим обязанностям назначает на роль учителей молодых солдат непригодных для того людей. В приказе требовалось докладывать о каждом случае нанесения побоев, как о чрезвычайном происшествии, виновных предавать суду, а на ротных командиров, как ответственных за выбор учителей, налагать строгое взыскание, вплоть до отрешения от должности[3].

Ответственность за побои, нанесенные солдатам, наступала практически неизбежно, ибо вышестоящие начальники, учитывая действовавшее законодательство и мнение общественности, не могли и не желали скрывать случаи избиений. «Предупреждаю, что с виновными… буду поступать со всею строгостью закона», – указывалось в приказе по Московскому военному округу[4].

В ходе сбора материалов для данной диссертации фактов систематических избиений, тем более, пыток в русской армии начала прошлого века не обнаружено. В этой связи необходимо привести мнение известного советского историка П. А. Зайончковского: «Большое число офицерских воспоминаний, изученных нами, включая и мемуары тех офицеров, которые затем продолжали свою службу в Красной армии, не содержит упоминаний о подобных случаях. Ничего не говорят об этом в своих воспоминаниях и советские маршалы, служившие солдатами в дореволюционной армии (Жуков, Буденный). Это дает основание полагать, что

---

[1] Приказ войскам Туркестанского военного округа № 55 // Разведчик. 1900. № 495. С. 339.
[2] Приказ войскам Киевского военного округа № 127 // Разведчик. 1905. № 763. С. 451.
[3] Приказ войскам гвардии и Петербургского военного округа № 25 // Разведчик. 1902. № 610. С. 578.
[4] Приказ войскам Московского военного округа № 239 // Разведчик. 1902. № 626. С. 924.

каких-либо случаев систематического рукоприкладства, а тем более издевательств и истязаний солдат в армии не было»[1]. Выявленные автором настоящей диссертации случаи побоев – это удары, пощечины, толчки и т.п. При определении меры наказания офицеру, допустившему физическое насилие, принимались во внимание обстоятельства, при которых совершилось правонарушение. В частности, учитывалась личность виновного, а также поведение потерпевшего, так как своими поступками тот мог провоцировать побои. Например, в Казанском военном округе подпоручик ударил своего денщика за то, что тот пришел пьяным. Была учтена молодость офицера, и он получил 30 суток гауптвахты[2].

В другом случае командир роты ударил денщика за грубое обращение с членами своей семьи. Офицер характеризовался положительно, поэтому от должности он отстранен не был, получив наказание в виде 20 суток ареста. Кроме того, в приказе по Одесскому военному округу ротному было сделано внушение: «Не приличествует отцу-командиру бить вверенных ему нижних чинов…»[3].

В то же время, когда штабс-капитан одной из артиллерийских частей Киевского военного округа применил физическое насилие в отношении нескольких солдат (причины неизвестны), был поставлен вопрос о предании его суду. В конце концов, штабс-капитану предложили подать в отставку, указав, что иначе его уволят в дисциплинарном порядке[4].

«… Ко времени мировой войны рукоприкладство, как система, было изжито, безусловно. Это было… не характерным явлением, а уродством. Оно… таилось под спудом, встречая не только законное преследование, но и общественное осуждение»[5], – писал современник. Рукоприкладство преследовалось даже в военное время. Так, командир одной из ополченских дружин подполковник Хондзинский, в 1916 г. ударивший одного из подчиненных нижних чинов, был предан

---

[1] *Зайончковский П. А.* Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П. А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации, воспоминания о нем. М., 1998. С. 28.
[2] Приказ по Казанскому военному округу № 41 // Разведчик. 1902. № 599. С. 330.
[3] Приказ войскам Одесского военного округа № 193 // Разведчик. 1902. № 621. С. 820.
[4] Приказ войскам Киевского военного округа № 252 // Разведчик. 1902. № 630. С. 1020.
[5] *Деникин А. И.* Старая армия. Офицеры. С. 119.

киевскому военно-окружному суду[1]. В другом случае был объявлен выговор командиру железнодорожного батальона полковнику Липинскому, за то, что он нанес солдату удар по плечу и толкнул его. Кроме того, офицер был предупрежден, что в случае повторения правонарушения его снимут с должности[2].

Конечно, на войне случалось всякое. В боевой обстановке, когда нервное напряжение «зашкаливало», была распространена нецензурная ругань, случалось и рукоприкладство. Об этом, в частности, пишет один из офицеров, непосредственно участвовавших в военных действиях[3]. Подобное происходило, в основном, в стрессовых ситуациях, хотя это не оправдывало виновных. Следует отметить, однако, что такие факты бывали нечасто и, как описывал другой фронтовой офицер, встречали осуждение большинства офицеров. Когда ротный командир по фамилии Редькин ударил солдата, другой офицер в «большом обществе офицеров» заявил, что «… бить солдат не только недостойно офицера, но и порядочного человека вообще»[4], причем все присутствовавшие поддержали это заявление.

Особую роль в жизни офицерства играли суды общества офицеров (суды чести), наблюдавшие за тем, чтобы в любой ситуации, личной или служебной, офицер вел себя соответственно офицерской этике. С 1863 по до 1912 г. они назывались суды общества офицеров, и действовали в полках, отдельных батальонах, артиллерийских бригадах и равных им частях[5]. В юрисдикцию таких судов входили только обер-офицеры. В марте 1912 г. в организации судов произошли определенные изменения. Суды общества офицеров были переименованы в суды чести, к сфере их компетенции были отнесены не только обер-офицеры, но и большинство штаб-офицеров. Кроме офицеров строевых частей, суду чести стали подлежать также офицеры военных управлений,

---

[1] Приказы армиям Юго-Западного фронта // Библиотека НИАБ. Инв. № 15287. Т.1.Приказ от 12 июля 1916 года № 1152 (нумерация страниц в деле отсутствует).
[2] Там же. Приказ от 9 августа 1916 года № 1303 (нумерация страниц в деле отсутствует).
[3] *Степун Ф. А*. Из записок прапорщика – артиллериста. Прага, 1926. С. 66, 97.
[4] *Чемоданов Г. Н*. Последние дни старой армии. М. – Л., 1926.С. 16.
[5] *Швейковский П. А*. Суд чести и дуэль в войсках российской армии: Действующее законодательство со всеми комментариями. С. 8, 10.

заведений, учреждений и т. д.[1], то есть, почти весь командный состав. Исключение составляли командиры частей и генералы. Считалось, что рассмотрение их проступков в корпоративных судах чести могло подорвать «…авторитет высших начальников»[2]. Представители этой относительно немногочисленной категории военнослужащих, в случае совершения ими дискредитирующих офицерское звание поступков, увольнялись со службы в дисциплинарном порядке.

Предназначение офицерских судов не изменилось. Устав дисциплинарный указывал, что «суды чести учреждаются для охранения достоинства военной службы и поддержания доблести офицерского звания»[3]. Они были обязаны рассматривать поступки, не совместимые «…с понятиями о воинской чести, служебном достоинстве, нравственности и благородстве»[4], а также разбирать ссоры между офицерами. Необходимо отметить важный момент: суды чести, как и ранее существовавшие суды общества офицеров, не рассматривали служебные нарушения или деяния, подлежавшие уголовному преследованию. То есть, в их компетенцию не входили «поступки, соединенные с нарушением обязанностей службы, воинского чинопочитания или противные долгу службы и присяги…»[5]. Этим занимались военно-уголовные суды.

Специфику деятельности судов чести образно охарактеризовал один из современников. По его мысли, суды являлись «…блюстителями моральных устоев армии, того, что неуловимо для военно-уголовного суда, действующего на основании твердо установленных норм писаного закона, но что ясно чувствуется каждым, носящим офицерский мундир, и что имеет громадную важность, ибо из глубины этих психологических настроений… слагается чувство чести…»[6].

Иными словами, в число проступков, разбиравшихся в судах чести, входили только нарушения, связанные с нарушением моральных норм. Таковыми счита-

---

[1] Устав дисциплинарный. Изд. четвертое (исп. и доп. по 15 октября 1915 г.). Пг., 1915. С. 65.
[2] *Варяжский К.* Новый закон о судах чести // Разведчик. 1912. № 1115. С. 173.
[3] Устав дисциплинарный. С. 64.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] *Варяжский К.* Новый закон о судах чести. С. 173.

лись заём денег у солдат, написание анонимных доносов, появление в нетрезвом виде в общественных местах, ухаживание за женой товарища по полку, нечестная игра в карты и т.п. Даже в случае привлечения военнослужащего к уголовной ответственности не исключалась передача дела и для рассмотрения в суде чести. Так могло происходить, если военно-уголовный суд не обнаруживал в деяниях подсудимого состава преступления, но становились известными поступки, несовместимые с понятиями воинской чести. Уголовный суд их рассматривать не мог, однако суд чести рассмотреть их был обязан[1].

Офицерские суды имели немалые полномочия. Они могли вынести оправдательный приговор, тем самым защитив честь военнослужащего от необоснованных обвинений в поступках, несовместимых с офицерской честью. Однако если офицер признавался виновным, суды могли приговорить его к увольнению со службы, «… с наложением на всю жизнь позорного пятна…»[2], или же, вынести другое наказание, например, сделать ему внушение.

Жаловаться на решение суда чести не разрешалось. В то же время, лицо, которому вынесли приговор об увольнении со службы, имело право обжаловать нарушение правил, в соответствии с которыми суд должен был действовать. Например, если отсутствовал необходимый кворум, или суд не стал проверять доказательства, предъявленные обвиняемым в свое оправдание и т. п. Если жалоба оказывалась справедливой, то начальник, в ведении которого находился суд чести, мог отменить его решение и потребовать снова собрать заседание суда[3].

Суды чести избирались отдельно для обер-офицеров и отдельно для штаб-офицеров. Если ранее участие в выборах в суд принимали все офицеры части, то по новым правилам голосовали только те, кто отслужил в этой части год и более.

В компетенцию судов чести входили также дуэли. Их уважительной причиной признавались только конфликты в частной жизни, дуэли по служебным причинам считались недопустимыми. Вызов начальника на дуэль по служебному по-

---

[1] *Швейковский П. А.* Суд чести и дуэль в войсках российской армии: Действующее законодательство со всеми комментариями. С. 12, 13.
[2] *Варяжский К.* Новый закон о судах чести. С. 173.
[3] Устав дисциплинарный / Исп. и доп. по 15 октября 1915 г. Пг., 1915. С. 76, 77.

воду наказывался разжалованием в рядовые или заключением в крепость на срок не ниже 1 года и 4 месяцев. Если начальник принимал вызов, то он нес такую же ответственность, как и сделавший вызов[1].

Роль офицерских судов в вопросе о дуэлях состояла в следующем. Начальник, в ведении которого находился суд, информировал членов суда об оскорблениях, нанесенных или полученных офицерами. Суд чести мог принять решение о необходимости примирения лиц, участвовавших в ссоре, если это признавалось соответствующим достоинству офицера. Более того, от суда требовалось предотвратить поединок, если примирение сторон не противоречило достоинству офицера и традициям части. Но если признавалось, что только дуэль может быть средством удовлетворения оскорбленной чести, то принималось решение о проведении поединка. По его окончании проводилось дознание о поведении дуэлянтов и секундантов, а также рассматривалась техническая сторона дуэли, то есть, ее условия[2].

Каждый офицер самостоятельно принимал решение – участвовать в дуэли или нет. Но в случае отказа кого-либо от вызова на поединок, или же если оскорбленный не делал вызов для защиты чести, то такой офицер обязан был подать в отставку. В случае если такое прошение не подавалось, то командир части по истечении двух недель сам ходатайствовал об увольнении такого офицера[3].

После законодательного разрешения офицерских дуэлей (1894 г.) были изданы специальные труды, в которых подробно излагалась система дуэльных правил. Были установлены виды дуэлей, особенности их проведения на пистолетах, шпагах и саблях, определены обязанности и ответственность секундантов и т.д.[4].

---

[1] Воинский устав о наказаниях. Приказ по военному ведомству от 7 мая 1910 г. № 434 // Приказы по военному ведомству за 1910 год. С. 715.
[2] Устав дисциплинарный. С. 80, 81.
[3] См.: Там же. С. 81.
[4] *Дурасов В.* Дуэльный кодекс / 4-е изд. СПб., 1912. С. 13–131; *Швейковский П.А.* Суд чести и дуэль в войсках российской армии: Действующее законодательство со всеми комментариями. С. 73–176; *Микулин И.* Пособие для ведения дел чести в офицерской среде: в 2 ч. СПб., 1912. Ч. 1. 213 с.; Ч. 2. 234 с.

Легализация дуэлей вызвала рост их количества. Если в течение 1876–1890 гг. состоялось 14 поединков, то в 1894–1910 гг. произошло 322 дуэли. 256 из них произошло по решению судов общества офицеров (впоследствии – судов чести), 47 – с разрешения вышестоящих начальников и 19 без разрешения. В них приняли участие 367 поручиков и подпоручиков, 187 капитанов и штабс-капитанов, 14 штаб-офицеров, 4 генерала и, кроме того, 72 штатских лица[1].

Общественное мнение по-разному оценивало дуэли. Многие граждане считали их архаизмом, варварством, называли суд общества офицеров «узкосословным», который подвергал смертельной опасности не только оскорбителя, но и оскорбленного. В качестве способа разрешения конфликтов предлагалось обращение в судебные инстанции[2]. Против дуэлей выступали некоторые крупные военачальники, в том числе, генерал М. И. Драгомиров. Между тем были офицеры, которые относились к этому явлению по-другому. «Для людей со слабо развитым чувством чести дуэль – варварство, но для офицера готовность стать под пулю ради защиты чести (своей или взятого под защиту лица, или своего полка, или своей Родины) была доказательством чести»[3]. Аналогичных взглядов придерживались некоторые представители консервативной части общества. Известный юрист В. Д. Спасович в этой связи писал: «Обычай поединка является среди цивилизации как символ того, что человек может и должен в известных случаях жертвовать самым дорогим своим благом – жизнью – за вещи, которые, с материалистической точки, не имеют значению и смысла: за веру, родину и честь. Вот почему обычаем этим нельзя поступаться»[4]. Иными словами, дуэль воспринималась многими, как единственное средство, позволявшее оскорбленному лицу поддержать свое доброе имя.

В целом, деятельность судов чести (судов общества офицеров) была направлена на поддержание здорового морально-психологического климата в офи-

---

[1] *Хандорин В.* Дуэль в России // Родина. 1993. № 10. С. 92–93.
[2] *Орловский Д.* Дуэли // Разведчик. 1900. № 528. С. 1082–1083.
[3] Российские офицеры / Месснер Е. [и др.] // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 152.
[4] Цит. по: *Швейковский П. А.* Суд чести и дуэль в войсках российской армии: Действующее законодательство со всеми комментариями. С. 111.

церской среде, что способствовало укреплению морально-боевого потенциала русской армии. Суды чести самим фактом своего существования содействовали тому, что каждый офицер следил за своим поведением, стремился блюсти честь полка и свою собственную честь. Кроме того, офицерские суды не только карали, но и защищали ложно обвиненных, а также морально поддерживали оступившихся военнослужащих, не потерявших, однако, право носить офицерское звание.

Таким образом, офицерская этика достаточно жестко регламентировала поведение офицеров. В то же время, из этого не следует делать вывод, будто от них требовалось быть подобными «кисейным барышням». Один из военных журналов отмечал: «Офицер – не отшельник, не мальчик и не институтка, а взрослый и полноправный человек. Значит, следует только знать границу»[1]. Это означало, что офицер не должен пить до неприличия, при игре в карты не делать долгов, соблюдать приличия в отношениях с женщинами и т.д.

Необходимость соблюдения определенных ограничений в личной жизни обусловливалась не только морально-этической стороной дела, но и требованиями службы: офицер должен был «… до самого своего ухода в отставку быть пригодным и морально, и физически исполнить свое предназначение. Поэтому он не имеет права предаваться страстям, в большинстве случаев действующим пагубно»[2].

Что касается офицеров военного времени, то, по вполне понятным причинам, они не могли получить такое же военное воспитание, как кадровые офицеры, в полной мере основанное на традициях офицерской этики. Однако главные нравственные качества, являвшиеся фундаментом военно-профессиональной этики, такие, как преданность воинскому долгу и готовность к защите Отечества, многим из них были присущи. Как отмечал Н. Н. Головин, в составе младших офице-

---

[1] Цит. по: *Португалов Н.* Этика офицера // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 337.
[2] Там же.

ров действующей армии находились те элементы интеллигенции, которые были настроены наиболее патриотично, и избежали искушения «окопаться в тылу»[1].

Другой участник мировой войны указывал, что первые выпуски офицеров военного времени, состоявшие из лиц, добровольно стремившихся влиться в офицерские ряды, «были великолепны». В ходе боев они «офицерски возмужали, доучились, довоспитались и … вросли в нашу офицерскую семью»[2].

К аналогичным выводам пришли некоторые современные исследователи истории русского офицерства. Так, С. В. Волков отмечает, что, абсолютному большинству офицеров ускоренного производства офицерская этика не была присуща. «Однако, поскольку традиции воинского воспитания в военно-учебных заведениях не прерывались, нельзя сказать, чтобы офицерство радикально изменилось по моральному духу и отношению к обязанностям. Большинство офицеров военного времени не менее жертвенно выполняли свой долг, чем кадровые офицеры, и гордились своей принадлежностью к офицерскому корпусу»[3].

Другой современный исследователь – В. Л. Кожевин – считает, что «основной комплекс ценностных установок довоенного офицерства сохранял свое определяющее значение для всего офицерского сообщества и служил важнейшим ориентиром для офицеров военного времени вплоть до 1917 года»[4].

Однако, как указывал Е. Э. Месснер, «качество офицерского пополнения в различные периоды войны есть производное от качества народа в соответствующие периоды»[5]. Разочарование, охватившее общество в результате «великого отступления», привело к сокращению притока добровольцев в военно-учебные заведения. В большинстве своем это уже были лица, попадавшие в училища и школы прапорщиков по набору, становившиеся офицерами по призыву, а не добро-

---

[1] *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.: в 5 ч., 12 кн. [Париж – Таллинн], 1937. Ч. 1. Кн. 1: Зарождение контрреволюции и первая ее вспышка. С. 86.
[2] *Месснер Е.* Отрицательный миф // Вестник первопоходника. 1966. № 61–62. С. 36.
[3] *Волков С. В.* Русское офицерство как историко-культурный феномен // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 175.
[4] *Кожевин В. Л.* Проблема социальной адаптации русского офицерства в условиях Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Омский научный вестник. 2009. № 5 (81). С. 18.
[5] *Месснер Е.* Отрицательный миф // Вестник первопоходника. 1966. № 61–62 С. 36.

вольно. Постепенно увеличивалось число тех, у кого преобладало «…гражданское сознание над тем офицерским, которое было в них не очень плотно уложено – набито в короткие месяцы ускоренного обучения»[1]. Одновременно, ввиду боевых потерь, число кадровых офицеров в войсках заметно убавилось, и их воспитательное воздействие на офицерское пополнение уменьшилось. Иначе говоря, определенное количество офицеров военного времени составляли военнослужащие, которые по морально-этическому потенциалу вряд ли могли быть сравнимы с кадровыми офицерами и офицерами военного времени – добровольцами.

Усиление антимонархических настроений в обществе во второй половине 1916 г. также сказалось на качестве офицерского пополнения. Е. Э. Месснер говорил об этой части офицеров военного времени, как о представителях «…разочаровавшегося в войне народа, уставшего от войны народа, оппозиционно к власти настроенного общества и революционно-деятельной левой части этого общества»[2].

Таким был морально-этический облик офицерства, стержнем которого являлась его корпоративная этика. Офицерам, как и всем представителям рода человеческого, были присущи недостатки, слабости, те или иные отрицательные привычки. На них, живших в сложнейшую эпоху социально-политических событий начала XX в., не могло не оказывать влияние все, происходившее в стране и обществе. Однако все познается в сравнении. П. А. Зайончковский, вероятно, первый советский историк, стоявший на объективных позициях при изучении истории русского офицерства, указывал: «… некоторые стороны нравственных представлений офицерства, их понятие о морали, долге как-то игнорировались и не служили предметом рассмотрения… А между тем в этом отношении русский офицер стоял на высоте. Понятия об офицерской чести, а отсюда – нерушимость

[1] Там же. С. 37–38.
[2] Там же. С. 38.

«честного слова», долга перед родиной, сохранение чести мундира, … все это было широко присуще русскому офицерству»[1].

По всей вероятности, система ценностей, лежавшая в основе этики русского офицерства, позволяет согласиться со следующим утверждением Е. Э. Месснера и его соавторов. «В моральном отношении корпус офицеров стоял на высоте, возвышавшейся над всеми ... <…> Это не теория, это не лирика, это – действительность, подтвержденная тем непреложным фактом, что большая часть кадрового офицерства полегла на войне 1914–1917 гг., а оставшиеся в живых все, за малыми исключениями, были многократно ранены…»[2].

3.3. Проблемы взаимоотношений офицерства и общества в начале XX столетия

Отношение общества, прежде всего, образованных слоев населения, к офицерам и военной службе во многом определялось морально-психологической атмосферой в стране. Не ставя целью дать ее всеобъемлющую характеристику, приведем лишь оценки некоторых современников. Так, участник Русско-японской войны генерал-майор Е. А. Мартынов, являвшийся известным военным писателем, отмечал: «Наш век есть время самого грубого материализма, откровенного преклонения перед золотым тельцом. Положение в широких общественных кругах дают почти исключительно деньги, причем никто не интересуется способом их приобретения. Добыты ли они воровством… или темными коммерческими спекуляциями – это безразлично, лишь бы деньги были»[3]. Барон Н. Е. Врангель, отец одного из будущих руководителей Белого движения генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля, описывал общественную атмосферу тех лет следующим образом: «Урвать кусок тем или иным способом, сделать карьеру – все только руководи-

---

[1] *Зайончковский П. А.* Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П. А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации, воспоминания о нем. М., 1998. С. 28.
[2] Российские офицеры / Месснер Е. [и др.] // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 150.
[3] *Мартынов Е. И.* Из печального опыта Русско-японской войны. С. 48–49.

лись этим »[1]. Еще один современник, военный публицист генерал-лейтенант Н. Д. Бутовский, писал, что «…все бросилось на наживу…»[2].

Подобных оценок, данных людьми, жившими в то время, известно множество. Исходя из них, можно сделать вывод о том, что среди широких слоев населения, прежде всего, образованной их части, распространение получили взгляды, в основе которых лежал безусловный приоритет материального обогащения. Напротив, высшие духовные ценности потеряли свое прежнее значение. Как писал один из самых известных русских публицистов конца XIX – начала XX вв. М. О. Меньшиков, «Родина», «церковь», «героизм»… какие все это нелепые, отсталые понятия в глазах множества интеллигентных людей! Ныне опять широкая мода на нигилизм, и признаком ума считается «отрицать» почти все»[3].

Значительное влияние на морально-психологический климат в обществе, особенно в среде интеллигенции оказывало уменьшение влияния религии, одновременно сопровождавшееся возрастанием роли декадентства. Современные исследователи, специализирующиеся в богословско-исторической сфере, указывают, что «… результатом влияния деструктивных духовно-нравственных тенденций в литературе и искусстве явились рост безверия и порожденные им пессимизм, настроения отчаянья, разочарования в жизни, цинического отвержения ее»[4].

Кроме того, на рубеже XIX–XX вв. немалое влияние среди населения получили идеологические конструкции, особенностью которых являлось отрицательное отношение к действовавшей власти и государственной политике, а также пренебрежение традиционными духовно-нравственными ценностями.

Подобная общественная атмосфера не могла не сказаться на отношении граждан к военной службе вообще и офицерской службе, в частности. Если в пре-

---

[1] *Врангель Н. Е.* Воспоминания: от крепостного права до большевиков // Бароны Врангели: воспоминания. М., 2006. С. 161.
[2] *Бутовский Н.* Очерки современного офицерского быта. С. 36.
[3] *Меньшиков М. О.* Родина и герои // Как воскреснет Россия? Избранные статьи. СПб., 2007. С. 24.
[4] *Алексеев А. В.* Духовно-нравственное состояние русского общества конца XIX – начала XX веков: историко-конфессиональный (православный) взгляд: автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 2008. С. 19.

дыдущие исторические периоды она считалась среди образованных слоев населения самой почетной, «…не служить офицером хотя бы какое-то время для дворянина считалось неприличным… и почти все помещики… некоторое время служили офицерами «из чести»[1], то в пореформенное время ситуация стала меняться. Падение престижа военной службы среди дворянской молодежи отмечалось уже в 80-е годы XIX в. публицистом С. Н. Терпигоревым. Он писал, что еще недавно положение было иным: «…не только деды, но и отцы и дяди наши – все сплошь почти были армейские и гвардейские отставные поручики и штабс-ротмистры»[2].

Меркантильные расчеты побуждали молодежь пренебрегать офицерской службой и отдавать предпочтение гражданской карьере. Это позволяло достигать большего материального достатка, нежели на военной службе, притом, что любая гражданская профессия не была связана с опасностью для жизни, не требовала такого напряжения моральных и физических сил, не была связана с тяготами и лишениями, присущими ратному труду. В дворянской среде значение финансового фактора увеличилось и потому, что, как отмечалось ранее, материальное положение большей части дворянства ухудшалось. В одном из военных журналов была опубликована статья, в которой давалась следующая оценка ситуации: «…нужно заметить, что карьера офицера перестала быть заманчивой: прежнее дворянство разорилось, обеднело, стало искать средств к жизни, которых не давала военная служба, и поневоле стало служить там, где лучше платят…»[3].

Военный министр (1905–1909 гг.) генерал от инфантерии А. Ф. Редигер указывал, что уровень жизни офицеров всегда был невысоким, но, несмотря на это обстоятельство, военная служба в глазах многих граждан ранее выглядела привлекательной. В значительной степени это объяснялось «почетом, которым поль-

---

[1] *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. С. 30.
[2] Цит. по: *Волков С. В.* Русское офицерство как историко-культурный феномен // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. С. 169.
[3] *Куб В.* Гвардия и армия // Разведчик. 1913. № 1182. С. 389.

зовались офицеры не только в войсках, но и в обществе; теперь же и этот почет был утрачен, и офицерский мундир стал мишенью для всяких нападок»[1].

Снижение социального статуса дворянства, происшедшее в пореформенный период, также сыграло свою роль в падении престижа военной профессии. Возможность стать членом дворянского сословия, путем выслуги офицерских чинов, уже не выглядела так привлекательно, как прежде. Один из военных педагогов отмечал, что родители нацеливали мальчиков на карьеру инженеров, медиков, юристов, чиновников, где можно было добиться материального достатка, но только не на военную службу[2]. В этой связи представляется верной ремарка, сделанная другим современником: «При таком мировоззрении военная служба с ее скудным материальным вознаграждением, с ее странными для современных дельцов идеалами патриотизма и самоотвержения представляется каким-то донкихотством»[3].

Одним из последствий падения престижа военной службы стала нехватка офицерского состава. «С течением времени комплектование офицерского корпуса все более затрудняется», – докладывал Николаю II военный министр А.Н. Куропаткин[4]. О количественной стороне проблемы некомплекта офицерского состава подробнее говорилось в параграфе 2.1. Здесь же отметим, что даже преобразование юнкерских училищ в военные не обеспечивало поступление в них необходимого количества лиц, имевших общее среднее образование. Подобная ситуация сложилась в стране, население которой на 1913 г. превышало 174 млн. человек, в то время как число юнкеров всех пехотных и кавалерийских училищ в 1912 г. составляло лишь 5837 человек. То есть, в стране с таким значительным населением не находилось неполных 6 тысяч человек со средним образованием, желавших стать пехотными и кавалерийскими офицерами. Проблему не решало даже то, что лица, имевшие среднее образование, принимались без экзаменов, а обучение было

---

[1] *Редигер А. Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра: в 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 77.
[2] См.: *Райковский В.* Военное воспитание. М., 1908. С. 5.
[3] *Мартынов Е. И.* Из печального опыта Русско-японской войны. С. 49.
[4] Цит. по: *Зайончковский П. А.* Офицерский корпус русской армии перед первой мировой войной // Вопросы истории. 1981. № 4. С. 21.

бесплатным. Например, в 1912 г. в пехотные и кавалерийские училища без экзаменов были зачислены только 1715 человек «со стороны», то есть, гражданских. После сдачи экзаменов были приняты 452 человека вольноопределяющихся из войск[1]. Остальные места в училищах занимали выпускники кадетских корпусов. При этом часть молодых людей, окончивших корпуса, в училища не поступала, а выбирала гражданское поприще. Если в конце XIX в. отказывались поступать в военно-учебные заведения 6–10% кадет, то к 1914 г. их число увеличилось до 18–20%[2], притом, что кадеты также поступали в училища без экзаменов.

Непрестижность военной службы побуждала многих молодых офицеров, прослужив по выпуску из училищ некоторое время, уходить в отставку. Масштабы этого явления были значительными, причем из числа уходивших со службы офицеров 75% составляла молодежь[3]. Например, в течение 1896–1906 гг. в армейскую кавалерию были направлены 2526 выпускников училищ, из которых в течение этих же лет службу оставили 43,5% (1169 человек)[4].

В 1900–1908 гг. средняя убыль офицеров во всех родах сухопутных войск составляла 2240 человек в год (лица, уволенные в запас, отставку, умершие, серьезно заболевшие и т.д.), в то время как ежегодный выпуск из училищ в среднем составлял 2190 человек[5].

Падение престижа офицерской службы сказывалось даже на числе лиц, стремившихся продолжить учебу в академии Генерального штаба. Если в 1903 г. экзамен в академию держали около 350 человек, то в последующие годы – от 100 до 200 человек. В то же время, количество офицеров, желавших поступать в Артиллерийскую, Инженерную или Военно-юридическую академию, не уменьшалось. Это было вызвано тем, что учеба в этих академиях позволяла приобрести и

---

[1] Отчет главного управления военно-учебных заведений за 1912 год // Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1912 год. Пг., 1916. Приложение 9. С. 3, 4.
[2] *Морозов С. Д.* Военное образование в России на рубеже XIX–XX вв. // Военно-исторический журнал. 1998. № 5. С. 84.
[3] Обзор печати // Разведчик. 1907. № 880. С. 519.
[4] *Геруа А. В.* К познанию армии // Военно-исторический журнал. 1998. № 3. С. 80; Обзор печати // Разведчик. 1907. № 880. С. 519.
[5] *Грулев М.* Злобы дня в жизни армии. С. 30.

гражданскую профессию, в то время как в академии Генерального штаба такая возможность отсутствовала[1].

Среди части офицерского состава существовало мнение, что если кто-то находил «…местечко, например, в частном банке с содержанием, превышающим офицерское, то… он счастливец, не говоря уже про должности гражданского ведомства с будущностью и положением...»[2].

В то же время, было немало офицеров, придерживавшихся другой точки зрения, не соглашавшихся с мнением, будто «офицер – это тот же ремесленник, занявшийся ремеслом только ради куска хлеба»[3]. Они считали, что истинный смысл военной службы предполагает возвышенную цель – служение Отечеству и защиту его от врагов. Взгляды таких военнослужащих выразил уже упоминавшийся В. Л. Райковский, не только военный педагог, но и боевой офицер: «Людям, ищущим покойной жизни и жирных окладов, не место в рядах командного состава армии; здесь нужны деятели и люди высшего порядка…»[4]. Аналогично рассуждал участник Русско-японской войны полковник Д. И. Аничков: «… Если ты можешь каждую данную минуту переменить свою службу на любую другую, лишь бы получить больше жалованья, то уходи скорее: ты не должен быть офицером»[5]. Возможно, люди подобных взглядов были идеалистами, но они существовали. Каким было их число среди офицерского состава, подсчитать не представляется возможным: духовная сфера во многом неосязаема, нематериальна, здесь вряд ли возможны доказательства в виде цифр, таблиц или графиков. Но, судя по всему, такого мнения придерживались отнюдь не единицы, свидетельством чему являлось, прежде всего, исполнение воинского долга в боевой обстановке (об этом будет сказано в параграфе 4.4.).

---

[1] *А.Р.* Уменьшение числа желающих поступить в академию Генерального штаба // Разведчик. 1908. № 906. С. 166, 167.
[2] *Дмитревский А.* Идеал офицера // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 381.
[3] Там же.
[4] *Райковский В. Л.* Военное воспитание. С. 3.
[5] *Аничков Д. И.* Офицерский вопрос в современной армии // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 331.

Драматизм сложившегося положения состоял в том, что, ценностная ориентация офицерства вошла, по сути, в противоречие с настроениями, господствовавшими в обществе. Офицерская этика, как своего рода военная идеология, принципиально отличалась от широко распространенного индивидуализма и нигилизма. «Разношерстность… общества, состоявшего из людей самого различного воспитания, образования, из людей весьма пестрых этических понятий и политических воззрений, стояла в резком противоречии с душевным, духовным… единообразием и своеобразием офицерства»[1].

В то время как среди политизированной части населения были распространены самые разнообразные взгляды на будущее России – от идей анархистов до установления диктатуры пролетариата, в офицерской среде настроения были совершенно иными. «Государственный строй был для офицерства фактом предопределенным, не вызывающим ни сомнений, ни разнотолков. «За веру, царя и отечество». Отечество воспринималось горячо, как весь сложившийся комплекс бытия страны и народа…»[2]. Конечно, офицеры, далекие от любых политических учений, в большинстве своем вряд ли были идейными монархистами. Более того, самими военнослужащими отмечалось, что после неудачной войны 1904–1905 гг. «мистическое обожание монарха начало постепенно меркнуть», среди офицеров появлялось все больше людей, «умевших различать идею монархизма от личностей, счастье родины – от формы правления»[3].

В этом контексте представляется верным мнение современного российского исследователя И. Н. Гребенкина, который указывает: «Монархическим офицерство того периода могло считаться в силу того, что в его представлениях образ монарха… символизировал российскую государственность. Это сочетание составляло фундамент офицерской лояльности политическому режиму, которая, в массо-

---

[1] Российские офицеры / Е. Месснер и [др.] // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 134.
[2] *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 58.
[3] *Он же.* Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917 г.). С. 12.

вом варианте существовала как конформистски – пассивная…»[1]. Иными словами, монархия в глазах офицерства олицетворяла власть, способную обеспечить как защиту страны от внешних врагов, так и устойчивость внутриполитического положения. Тем самым мировоззрение кадрового офицерства принципиально отличалось от господствовавших в обществе взглядов. Не случайно генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов в своих мемуарах указывал, что до мировой войны «вне оппозиции… оставалась лишь одна армия, воспитывавшаяся своим монолитным офицерским составом в духе глубокой преданности родине, отождествлявшейся им с государственным строем, издавна установившимся в России»[2].

Падению престижа военной службы способствовало не только изменение системы ценностей в обществе, но и политическая ситуация в стране. Немалую роль в этом играла антиармейская пропаганда, представлявшая собой заметное явление, особенно в период неудачной Русско-японской войны и первые годы после ее окончания. Дискредитация русской армии являлась одной из форм борьбы с самодержавием, при этом главным ее орудием являлась пресса, как единственное в то время средство массовой информации. В военной среде понимали, что пропаганда, направленная против армии, преследовала более масштабные цели, чем просто дискредитация вооруженных сил. «Интеллигенция смотрела на войну, как на время, удобное для достижения своей цели. Эта цель состояла в том, чтобы сломить существующий режим. Так как достигнуть этого при победоносной войне… труднее, чем во время войны неудачной, то наши радикалы не только желали поражений, но и старались их вызвать. Поражениям армии открыто радовались…, вся радикальная пресса была полна нападками на армию и офицеров»»[3]. В этом контексте военный писатель генерал Е. И. Мартынов подчеркивал, что «…армия является, … самой могучей опорой существующего строя, и за это ее ненавидят все враги последнего»[4].

---

[1] *Гребенкин И. Н.* Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. С. 44.
[2] *Данилов Ю. Н.* Россия в мировой войне. 1914–1915 гг. Берлин, 1924. С. 27.
[3] *Вишняков Н.* Пять лет военной публицистики. Помни войну!: сб. статей на современные военные темы. М., 1911. С. 66.
[4] *Мартынов Е.* Защита армии от оскорблений // Разведчик. 1903. № 681. С. 973.

Подобные оценки делались не только внутри страны. Так, стремление некоторых сил в России использовать войну в политических целях отмечал апологет пангерманизма генерал от кавалерии Ф. фон Бернгарди. Он писал, что война с Японией «…вызвала в самой России… противогосударственные силы, которые вздумали использовать войну для целей внутренней политики и привели, в конце концов, к революции»[1]. Он же отмечал, что в России «…всюду распространяли взгляд, что патриотизм – пережиток прошлого», а «война – преступление и анахронизм»[2].

Подобные взгляды способствовали распространению соответствующего отношения общества к армии и к восприятию событий на Дальнем Востоке. Известный писатель В. В. Вересаев, принимавший участие в войне в качестве врача, отмечал: «… в интеллигенции было враждебное раздражение отнюдь не против японцев. Вопрос об исходе войны не волновал, вражды к японцам не было и следа, наши неуспехи не угнетали; напротив, … было почти злорадство. Многие прямо заявляли, что для России полезнее всего было бы поражение»[3].

Автор, пожелавший остаться неизвестным, указывал, что оппозиционная печать всемерно способствовала «…искажению фактов, ложному освещению их… и пристрастным похвалам японцам»; большое внимание уделялось распространению недоверия «…к офицерам вообще, развитию злобы ко всему военному, к изображению военной среды в возможно более непривлекательном виде»[4].

На русских солдат и офицеров «…полился поток обвинений, огульных и непроверенных…, а общество верило и ужасалось»[5]. Другой современник событий тех лет отмечал, что «…большая часть прессы…, с редким единодушием обрушилась на армию. «Русь», «Русское слово», «Русские ведомости» наперерыв стараются подыскивать обвинения. Слепая война, генералы бездарны, офицеры

---

[1] *Бернгарди Ф., фон.* Современная война. Т. II. Бой и ведение войны / пер. с нем. Ю. Лазаревича. СПб., 1912. С. 136.
[2] Цит. по: *Геруа А.* Полчища. София, 1923. С. 92.
[3] *Вересаев В. В.* Записки врача. На японской войне. М., 1986. С. 269.
[4] Война с Японией // Разведчик. 1905. № 779. С. 744.
[5] Там же.

невежественны, солдаты дураки…»[1]. Лишь некоторые публицисты консервативно-патриотических взглядов, как, например, М. О. Меньшиков, стояли на более объективных позициях[2].

Многие офицеры считали, что оппозиционная пресса откровенно способствовала противнику: «…она дискредитировала власть, она стремилась внести деморализацию в армию…, порицая всех: генералов, офицеров и даже самих солдат, … и это делала не подпольная печать, не прокламации революционных кружков…»[3].

Один из фронтовиков указывал, что «многие периодические издания …, часто даром раздаваемые в госпиталях и тыловых учреждениях, были весьма усердными союзниками врага»[4]. Другой участник боевых действий отмечал: «Все громче и громче раздавались голоса, требующие мира, хотя бы позорного… появилось даже злорадство, желание собственного погрома»[5].

Иной раз в легальной печати, по сути, пропагандировались откровенно циничные поступки. Например, в одной из газет приводилось высказывание некого господина Новикова, который заявлял, что студенты, участвовавшие в проводах войск, уходивших на войну, тем самым замарали свой мундир. В той же газете сообщалось, что в Самаре священник отказался соборовать умиравшего от ран солдата, привезенного из Маньчжурии, по причине, что «на войне он убивал людей»[6].

Свою лепту в развернувшуюся кампанию вносили и некоторые писатели. Вышел в свет целый ряд литературных опусов, направленных на дискредитацию армии, прежде всего, офицерского состава. Одним из них являлась повесть «Побежденные», автором которой был И. А. Будний. В произведении, имевшем подзаголовок «Повесть горькой действительности» офицеры изображались в виде

---

[1] *Светлов Н.* Пресса и армия // Разведчик. 1905. № 770. С. 593.
[2] См.: *Меньшиков М. О.* Родина и герои // Как воскреснет Россия? Избранные статьи. СПБ., 2007. С. 30.
[3] Мысли по поводу пережитого // Разведчик. 1905. № 781–782. С. 778.
[4] *В.А.К.* Мысли о Мукденских боях // Вестник русской конницы. 1906. № 14. С. 597.
[5] *Толузаков С.* Настроение в корпусе офицеров армии // Разведчик. 1906. № 803. С. 203.
[6] См.: *Галкин М.* Новый путь современного офицера. С. 27.

трусливых, подлых и лишенных малейшего чувства чести людей. Например, утверждалось, будто большинство из них стремились «… уклониться от боя и уехать домой», «…придумывали болезни и уходили, …позорно и хладнокровно, …цинично улыбаясь…»; если им все же приходилось оказаться в боевой обстановке, то они «прятались за курганы и могилы». Офицер, один из главных персонажей повести, характеризовал себя и своих товарищей следующим образом: «мы развратничали, а не служили, с тем сюда и приехали», «…фигуры наших офицеров… в высшей степени некрасивы и преступны, отталкивающи и пошлы…»[1].

Подчеркнем: подобная литература издавалась массовыми тиражами в то время, когда потери убитыми и ранеными, например, среди офицеров 1-й Маньчжурской армии к 1 марта 1905 года составили 91 % (395 убитых, 1733 раненых из 2200 человек)[2].

А. И. Куприн, одно время находившийся под влиянием оппозиционных идей, в период войны с Японией опубликовал повесть «Поединок». Произведение, несмотря на бесспорный талант писателя, во многом носило печать политической конъюнктуры того времени. Например, вот как описывалась подготовка полка к смотру: «… со всех сторон, изо всех рот и взводов слышались беспрерывно звуки пощечин. Часто…, Ромашов наблюдал, как какой-нибудь рассвирепевший ротный принимался хлестать по лицам всех своих солдат поочередно, от левого до правого фланга». Другие начальники якобы вели себя так же: «Унтер-офицеры жестоко били своих подчиненных за ничтожную ошибку в словесности, за потерянную ногу при маршировке, – били в кровь, выбивали зубы, разбивали ударами по уху барабанные перепонки, валили кулаками на землю»[3].

Подобные описания вряд ли могли выйти из-под пера автора, заинтересованного в отображении подлинной картины армейской жизни. В параграфе 3.2. диссертации показано, что отношения между офицерами и солдатами регламентировались не только морально-этическими нормами, но и законами, строго ка-

---

[1] Цит. по: *Толузаков С.* Будний или «Блудний»? // Разведчик. 1907. № 883. С. 565, 566.
[2] *Куропаткин А. Н.* Русская армия. С. 515.
[3] *Куприн А. И.* Поединок // Собрание сочинений в 6 т. [Электронный ресурс]. Том 3. М., 1957. Режим доступа: http://www.ilibrary.ru/text/1201/p.15/index.html (дата обращения: 18.05.2016).

равшими за физические оскорбления, вплоть до привлечения к уголовной ответственности и лишения свободы. Не случайно выход повести в свет вызвал протесты в офицерской среде. Так, в одном из публичных отзывов отмечалось, что А. И. Куприн вложил всю силу своего таланта «…чтобы унизить и оплевать русское офицерство… он удачно выбрал момент для напечатания своей повести, так как спрос на подобного рода литературу, по нынешним временам, огромный…». Автор отзыва прямо указал, что «несчастная война, с одной стороны», и «внутренняя смута и неизбежные при ней столкновения населения с войском, с другой, подняли в некоторых слоях интеллигентного общества температуру враждебности по отношению к военному сословию до высшего градуса…»[1].

В другом отзыве говорилось: «Не подлежит сомнению, что автор, между прочим, задался целью своим произведением дискредитировать офицера в глазах общества, усилить рознь между ними… Вследствие этого вполне понятно, что вся жизнь и служба офицеров изображены в самом неприглядном виде; почти все действующие лица, которыми исключительно являются офицеры, охарактеризованы какими-то нравственными уродами»[2].

Еще одну повесть А.И. Куприна «На переломе (Кадеты)» в военной среде оценили следующим образом: «Талант автора – несомненен…. Но – ради Бога! Зачем же говорить только о дурном, исключительно о гадостях, подчеркивая и выделяя их! Почему обойдено молчанием все светлое, благородное, хорошее, а разве его было мало?»[3].

В аналогичном ключе написан нашумевший роман М. П. Арцыбашева «Санин». Кавалерийский офицер Зарудин – один из главных персонажей произведения – изображен откровенным негодяем, остальные офицеры названы «чугунно-лобыми господами»[4], каковыми и показываются на протяжении всего романа. Отношение многих литераторов к армии было столь негативным, что один из воен-

---

[1] *Колбе С.* Повесть господина Куприна «Поединок» // Разведчик. 1905. № 788. С. 892-893.
[2] *Дрозд-Бонячевский А.* «Поединок» Куприна с точки зрения строевого офицера // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 361.
[3] *«Росс».* Прогулки по садам российской словесности (продолжение) // Разведчик. 1907. № 874. С. 431.
[4] *Арцыбашев М. П.* Санин // Собр. соч. в 3 т. Т. 1. М., 1994. С. 7.

нослужащих отмечал: «… наши писатели, затрагивая быт армии, неуклонно и тенденциозно вели кампанию против офицера. <…> Литература наша, за некоторым небольшим отклонением, являла собой какое-то кликушество – подлых и незаслуженных наветов»[1].

Авторы публикаций, направленных на дискредитацию армии, ничем не рисковали, так как привлечь их к ответственности за заведомо ложные сообщения и оскорбления практически было невозможно. «Пользуясь несовершенством наших законов о клевете, виновный всегда найдет средства затянуть дело до бесконечности; в случае же явной опасности – скрыться вовсе»[2]. Так, сотрудник газеты «Русь» Купчинский, «оболгавший почти всех начальствующих лиц Маньчжурских армий», и по суду признанный виновным, бежал за границу[3].

Возбуждение дела против клеветников в частном порядке требовало непосильных для офицеров расходов. Автор одной из статей в «Разведчике» отмечал, что за ведение такого дела юрист потребовал с него 3 тыс. рублей[4] (при денежном содержании обер-офицеров менее 100 руб. в месяц). Сами офицеры противодействовать клевете не могли: официально указывалось, что «… долг воинской дисциплины препятствует воинским чинам входить в газетную полемику хотя бы в ответ на оскорбительное обвинение»[5].

Цензура печати существовала, однако утверждения, будто она носила всеобъемлющий характер, являлись сильно преувеличенными. Так, мер, направленных на пресечение антиармейской кампании, властями практически не предпринималось почти до окончания войны с Японией. Оппозиционные журналисты сами отмечали, что разрешение военной цензуры для публикации статей «о внутренней жизни отдельных войсковых… частей» стало требоваться лишь с середины июня 1905 г.[6], когда военные действия практически прекратились.

---

[1] *Мариюшкин А.* Трагедия русского офицерства // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 405.
[2] *Ухач-Огорович Н .А.* Удушливая атмосфера // Разведчик. 1909. № 995. С. 665.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 666.
[5] Правительственное сообщение // Разведчик. 1905. № 783–784. С. 804.
[6] *Валле-де-Барр Е.А.* «Свобода» русской печати (после 17 октября 1905 г.). Самара, 1906. С. 5.

Своего рода идейное противостояние, существовавшее между офицерством и другими образованными слоями населения сложно оценивать и в XXI столетии. Нынешнее общество также разделяется на консерваторов и «модернистов», «белых» и «красных», при этом свои аргументы есть у каждой из сторон. Офицеры считали своим долгом служить императору и стране, сохранение верности присяге в их понимании означало быть преданным Родине, хотя не видеть пороков и недостатков самодержавия они не могли. В условиях напряженной внутриполитической ситуации в стране и нападок на армию «офицерство… относилось с предубеждением не только к левой, но и к либеральной общественности. Левая отвечала враждебностью, либеральная – большим или меньшим отчуждением»[1]. Иными словами, в основе взаимного непонимания лежали, главным образом, политические мотивы и различное понимание блага Отечества.

Радикализм целей противников самодержавия приводил к опасным крайностям в действиях и неразборчивости в выборе средств борьбы. Такая деятельность являлась катализатором социальных потрясений, в результате чего страдал народ, служение которому оппозиция провозглашала своей главной задачей. Представляется, что причину данного парадоксального явления сумел определить русский философ и религиозный мыслитель С. Л. Франк. Он писал: «…отвлеченный идеал абсолютного счастья в отдаленном будущем убивает конкретное нравственное отношение человека к человеку, живое чувство любви к ближним, к современникам и их текущим нуждам. Социалист… любит уже не живых людей, а лишь свою идею – именно идею всечеловеческого счастья. Жертвуя ради этой идеи самими собой, он не колеблется приносить ей в жертву и других людей»[2]. Не случайно российский историк А. И. Уткин утверждал, что «трагедия русской жизни заключается не в неверно понятом идеале, а в степени некритического, жертвенного следования ему»[3].

---

[1] *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 58.

[2] *Франк С. Л.* Этика нигилизма (к характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Вехи. Интеллигенция в России: сб. статей 1909–1910. М., 1991. С. 168.

[3] *Уткин А.* Первая мировая война. М., 2002. С. 48.

После окончания Русско-японской войны антиармейская пропаганда не прекратилась. Журнал «Офицерская жизнь» писал: «Благодаря этой травле, русское общество, в массе и до войны сочувственно не относившееся к армии, теперь совершенно отшатнулось от нее…. Что же касается офицерства, то… положению его вряд ли кто позавидует. <…> Последние остатки … уважения к офицеру среди простого народа, вследствие безрассудной травли, исчезли…»[1].

Негативное отношение значительной части общества к офицерству и армии проявлялось не только в падении престижа офицерской службы и антиармейской пропаганде. В начале 1900-х гг. «была эпидемия: офицеров оскорбляли на улице словами и действием»[2]. Постоянно происходили случаи вмешательства посторонних лиц в действия офицеров, останавливавших на улице нижних чинов и делавших им замечания за неприличное поведение или не отдание воинской чести. Нередко собиралась толпа, которая вела себя по отношению к офицерам агрессивно. Между тем служебный долг обязывал офицеров требовать от нижних чинов выполнения положений, изложенных в дисциплинарном уставе. Подобное происходило так часто, что, например, в Санкт-Петербурге вызвало появление приказа градоначальника, в котором от полиции требовалось оказывать содействие офицерам в случаях таких стычек[3].

Офицеров избивали, калечили, бывали случаи убийств. «Дня не проходит, чтобы мы не читали о нападениях на офицеров… Все эти убийства отличаются… характерной подлостью: в офицера, мирно идущего на занятия, неизвестный… выпускает несколько пуль в спину. Целый синодик можно уже составить из имен невинно убитых мучеников долга»[4] (о терактах в отношении военнослужащих будет сказано в другом параграфе). Каждодневным явлением были «вызывающие

---

[1] Печать и армия // Офицерская жизнь. 1908. № 102. С. 19.
[2] *Волковицкий В*. Все законные средства хороши для поддержания дисциплины // Разведчик. 1910. № 1024. С. 348.
[3] Заметки // Разведчик. 1905. № 780. С. 763.
[4] *Эл-Эс.* Час испытания // Вестник русской конницы. 1906. № 19. С. 812–813.

взгляды, циничные позы, хохот, свист, ругань, как бы нечаянные толчки, с нахальным заглядыванием в глаза вместо извинения»[1].

На таком фоне происходили личные трагедии. Так, одного из офицеров, подпоручика Кублицкого на улице в присутствии солдат просто так ударил прохожий. Тот никак не ответил, а потом застрелился; подобные случаи нападения на офицеров, находившихся в строю, повторялись[2], и приобрели такой масштаб, что в военной прессе публиковались статьи, в которых шла речь об этом больном вопросе. Автор одной из них, подписавшийся псевдонимом «Строевой», обращался к общественности с вопросом: «как в подобных случаях поступать офицерам?»[3].

Вопрос отнюдь не был риторическим. Дело в том, что законодательство не определяло, как реагировать офицеру в случае нападения. Считалось, что неприкосновенность офицера, как личности, защищается законом, наряду со всеми остальными гражданами (заметим, однако, что никакая другая категория граждан не подвергалась нападениям из-за профессиональной деятельности). Возникло противоречие между общегражданскими законами, которым офицеры, как и все граждане, подчинялись, и офицерскими традициями, на страже которых стояли суды общества офицеров (с 1912 года – суды чести). «…Битого офицера изгоняли со службы судом общества офицеров, если он не действовал немедленно оружием... Но… военный суд за покушение на убийство или за убийство… приговаривал виновного к лишению прав и заключению в арестантские роты…»[4].

Суд общества офицеров требовал ухода избитых офицеров со службы потому, что этого требовало понятие офицерской чести того времени. Было принято, что офицер, подвергшийся оскорблению действием, т. е. побоям, должен уйти со службы, «поскольку считалось, что пребывание среди офицерского корпуса публично униженных людей наносит ущерб офицерскому званию, как

---

[1] *Бутовский Н.* Еще раз о дерзости хулиганов // Разведчик. 1904. № 693. С. 107.
[2] *Мартынов Е.* Защита армии от оскорблений // Разведчик. 1903. № 681. С. 973.
[3] Цит. по: *Драгомиров М.* Одиннадцать лет. 1895–1905 гг.: в 2 т. Т. 2. С. 510.
[4] *Волковицкий В.* Все законные средства хороши для поддержания дисциплины // Разведчик. 1910. № 1024. С. 348.

таковому»[1]. О том, что дело обстояло именно так, неоднократно писала гражданская и военная пресса[2].

Вступать в уличную драку считалось недостойным офицерского звания, поэтому применение оружия, по мнению многих офицеров, было единственным средством сохранения чести. Одним из первых на эту тему высказался генерал М. И. Драгомиров. Он публично заявил: «Офицер должен быть смирен и безобиден как овечка, но малейшее посягательство на оскорбление его действием должно вызвать с его стороны возмездие оружием мгновенное, рефлекторное… Офицер, допускающий оскорбить себя безнаказанно, не подав к тому никакого повода, не заслуживает ни сочувствия, ни… одобрения»[3].

При этом нападения на офицеров М. И. Драгомиров охарактеризовал как акции против «…представителей власти и… призванных охранять ее и общественный порядок…», совершаемые «распропагандированными босяками»[4].

Многие офицеры поддержали позицию генерала. Например, когда в Санкт-Петербурге офицеры братья Коваленские, один из которых был кавалером ордена св. Георгия, подверглись оскорблениям и нападению со стороны толпы прямо на Невском проспекте, в ответ те начали стрелять[5]. Случай получил широкую огласку, при этом мнения в обществе разделились. «В деле Коваленских борются два разных взгляда – военный и штатский. Это совсем две разные веры, две как бы перепутавшиеся цивилизации. Я не знаю братьев Коваленских, но из дела они представляются мне типически военными людьми»[6], – писал М. О. Меньшиков.

Один из военных авторов задавался вопросом: что же, «надо не выходить на улицу без крайней нужды, притворяться, что не видишь и не слышишь ничего,

---

[1] *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. С. 290–291.
[2] Обзор печати // Разведчик. 1911. № 1062. С. 149.
[3] *Драгомиров М.* Одиннадцать лет. 1895–1905 гг.: в 2 т. Т. 2. С. 125.
[4] Там же. С. 112, 113, 114.
[5] Военный сборник. 1909. № 3. С. 320.
[6] *Меньшиков М.* Офицеры – душа армии // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 350.

потихоньку ускользать от скандала, лишь бы не сталкиваться с уличными негодяями?»[1].

Своего рода ответ был дан в пособии для офицеров, где в отношении подобных ситуаций говорилось, что каждый сам должен выбирать, как себя вести. Предлагалось одно из двух: «или, снеся оскорбление, лишиться уважения товарищей и оставить военную службу, или же, смыв оскорбление кровью, подвергнуться за это каре закона»[2]. Иными словами, ситуация была парадоксальной. Доходило до того, что в виду готовившихся нападений общее собрание офицеров Бакинского гарнизона (август 1906 г.) постановило предупредить «преступников, агитаторов и революционеров» о том, что нападавших отныне «будут не ловить, а убивать». Тем, кто скрывал нападавших в толпе, указывалось, что им лучше «немедленно удаляться, дабы не попасть под выстрелы»[3]. Решение собрания было напечатано в местной газете.

Еще одним фактором, способствовавшим негативному восприятию армии и офицерства многими гражданами, являлось отсутствие того, что ныне называют военно-патриотическим воспитанием. Один из военных авторов писал, что «…ни в семье, ни в школе, ни в обществе в большинстве случаев нет и следов подготовки к воинскому воспитанию»[4]. Официальный журнал Военного министерства «Военный сборник» отмечал: «В наших гражданских учебных заведениях до сего времени нет и помина о вооруженной силе государства, и громадное количество наших будущих граждан в этом отношении воспитываются в полном невежестве. О высших учебных заведениях и говорить не приходится…»[5]. В учебниках по истории ничего не говорилось о воинах-героях, в школе «не произносилось ни одного слова о том, что такое армия, каковы ее задачи, что она сделала на благо родины»[6].

---

[1] *Бутовский Н.* Еще раз о дерзости хулиганов. С. 107.
[2] *Кульчицкий В.* Советы молодому офицеру. С. 21.
[3] *Волконский А. М.* Дух времени и военная дисциплина // Разведчик. 1906. № 831. С.709.
[4] *Энгельман И. Г.* Воспитание современного солдата и матроса. С. 141.
[5] *Галкин М. С.* К познанию армии // Военный сборник. 1914. № 1. С. 12.
[6] Там же. С. 14.

В военной печати постоянно высказывалось мнение, что за 3–4 года срочной службы подготовить настоящего солдата из малограмотных или же вовсе необразованных людей невозможно, что необходима работа с молодежью в допризывный период. Однако обсуждавшиеся предложения касались только физической и начальной военной подготовки допризывной молодежи; проблема патриотического, идейно-нравственного ее воспитания практически не рассматривалась[1]. Вероятно, свою роль здесь играла инерционность мышления: часть офицеров считала, что солдат и так обязан выполнять требования присяги и уставов.
Лишь иногда высказывалось мнение о том, что офицер не только сам должен быть «…рыцарем «без страха и упрека», но иметь силу и умение превращать в таких же верных защитников Родины «свой народ в лице его сынов, вверяемых на несколько лет офицеру для создания армии»[2].

Однако проблема существовала, и ее надо было решать. По инициативе штабс-капитана О. И. Пантюхова в России с 1909 г. началось скаутское движение, дававшее подросткам немало полезного. Серьезное внимание уделялось спортивным играм, физическим упражнениям, обучению первой помощи при несчастных случаях, организации помощи при пожарах, выживанию в природных условиях и т.д. Не было лишь одного, как представляется, самого важного в тот период: воспитания молодежи как граждан своей страны.

В 1908–1910 гг. в стране началось движение «потешных», названное так по петровскому образцу. 18 июля 1911 г. императором Николаем II было утвержден документ, которым предусматривалось создание дружин и отрядов, куда могла входить молодежь до 15 лет, «не обучающаяся в учебных заведениях». Кроме того, создавались смешанные дружины, в которых состояла как внешкольная, так и

---

[1] См.: *Грулев М.* Военное воспитание учащейся молодежи // Разведчик. 1910. № 1007. С. 96–99: № 1008. С.117–119; *Преженцов Я*. Воинская подготовка в сельских школах // Разведчик. 1910. № 1004. С. 52–53.
[2] *Дмитревский А.* Идеал офицера // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 378.

школьная молодежь[1]. Одной из целей движения провозглашалось знакомство с «доблестным духом» русской армии. Кроме того, предусматривалось обучение военному строю и физическое развитие, а также привитие духовных и физических качеств, требующихся солдату во время войны[2]. Однако если о занятиях по физической и военной подготовке говорилось достаточно подробно, то о занятиях по идейно-патриотическому воспитанию не было сказано ничего. Подобный характер носила и соответствующая учебная литература. Так, в учебнике, предназначенном для допризывной молодежи, из 160 страниц лишь полстраницы отводилось разъяснению понятия «Отечество», и менее двух страниц – параграфу под названием «Для чего существует в каждом государстве войско». В качестве главных аргументов существования армии приводилось монгольское нашествие и стремление Наполеона «победить весь мир». Остальная часть учебника посвящалась титулованию начальников всех рангов, вплоть до императора, строевым приемам, гимнастическим упражнениям, спортивным играм и состязаниям[3]. В подобном ключе были составлены и другие пособия, при этом некоторые из них были посвящены исключительно физическим упражнениям и играм[4].

Современник, характеризуя деятельность движения «потешных», отмечал: «Нет заботы о складывающемся мировоззрении; вместо этого лишь… показные стороны: послушание, дисциплина, зубрежка…. Взгляните на обучение потешных,… там все есть для того, чтобы можно было поскорее хвастнуть обучением

---

[1] № 35668. 18 июля. Высочайше утвержденное Положение о внешкольной подготовке русской молодежи к военной службе // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. XXXI. Отд. I. 1911. От № 34629–36390. СПб., 1914. С. 831–833.

[2] Там же. С. 831.

[3] Учебник для народных школ и потешных рот «Юный воин». Изд. 1-е / сост. штабс-капитан Акулинин. Одесса, 1912. С. 3–160.

[4] *Кавтарадзе П.* Потешные и воспитание в народной школе. СПб., 1911; *Макуев Е.Ф.* Потешный гимнаст, строевик, разведчик. Руководство для учителей гимнастики и военного строя во всех учебных заведениях с приложением инструкции ученического лагерного сбора. Екатеринослав., 1911; *Иванов Н.П.* Подвижные игры в школах и «потешных» войсках русской молодежи. СПб., 1911.

потешных как настоящих солдат; одного только нет – внушения национального и воинского идеалов…»[1].

Аналогичные выводы сделаны в наше время Е. Ю. Сейку: «…методы воспитания, применявшиеся в отрядах, не были подробно разработаны (в отличие от программ по гимнастике и строю)… Таким образом, воспитание патриотизма оказалось наиболее слабо разработанным и практически не реализованным пунктом программ»[2].

Соответственно, будущие призывники в этом отношении были совершенно неподготовленными, однако многие их них находились под влиянием настроений, царивших в политизированных кругах общества. Будучи призванными в армию, они также не получали необходимых знаний, о чем будет сказано в параграфе 3.4.

Положение, в котором оказалось офицерство, не могло не сказываться на его моральном состоянии. Военный публицист писал о «бесчисленных письмах», получавшихся им из войск. По его утверждению, в них говорилось о брожении в офицерском корпусе и уходе из армии многих лучших офицеров[3]. Сложность психологической ситуации, в которой оказалось офицерство, отмечалась некоторыми гражданскими публицистами: «В то время как в последней адской войне офицеры гибли тысячами – и не бежали – сейчас, в мирное время, они бегут от каких-то условий хуже шимоз и пулеметов. Выталкивает из армии не физическая, а нравственная сила»[4]. Ему вторил военнослужащий, указывавший, что офицеры оказались в положении «…каких-то заклейменных людей… труд, лишения, даже жертвование жизнью которых никем не признается за нечто нужное, полезное»[5], и что это морально убивает офицерство.

---

[1] *Дмитревский А*. Идеал офицера // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 380.

[2] *Сейку Е. Ю.* Детские и юношеские организации в России в начале XX века (военно-патриотический и культурно-просветительский аспект): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2009. С. 15.

[3] *Толузаков С.* Настроение в корпусе офицеров армии. С. 201–202.

[4] *Меньшиков М*. Офицеры – душа армии // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 344.

[5] Офицерская жизнь.1908. № 102. С. 19.

Подобное отношение к армии и офицерству не осталось незамеченным и за рубежом. Германский генерал Ф. фон Бернгарди указывал на распространенность в России взглядов о том, что «воинские подвиги не заслуживают ни малейшего уважения», что «армия главное препятствие к прогрессу», а военная служба является «позорным ремеслом»[1].

По сути, произошло обособление корпуса офицеров, его отчуждение от других социальных слоев и групп. «При таких ужасных условиях у офицера неминуемо должно было возникнуть чувство нравственной отчужденности от своих сограждан, известный разлад с ними. И он налицо…»[2], – писал современник. Отмечалось, что простой народ, ранее всегда сочувственно относившийся к армии, стал менять отношение к ней, так как правительство использовало вооруженные силы для подавления беспорядков в стране. Поместное дворянство, ранее связанное с армией «прочными узами», начинало отрываться от нее, растворяясь в общей массе интеллигенции. Сама же интеллигенция относилась к военному делу, как к профессии, недостойной культурного человека; кроме того, к русскому офицерству она была настроена враждебно, ибо видела в нем главную опору самодержавия. Чиновничество проявляло недовольство тем, что «…в некоторых сферах государственного управления, при дворе и на официальных торжествах оно должно уступать первое место военным властям»[3].

Но, как ни парадоксально, тяжелое моральное положение, в котором оказалось офицерство, в определенном смысле играло и полезную роль. Происходила своего рода селекция: случайные и нестойкие элементы, попадавшие в офицерскую среду, уходили из армии, в то время как военнослужащие, преданные своему делу и соответственно настроенные, оставались в армии, составляя костяк корпуса офицеров. Представители русской военной эмиграции первой волны, характеризуя офицерство начала XX столетия, отмечали: «Нередко можно было слышать мнение, что в офицеры шли или те, кого привлекала красота мундира,

---

[1] Цит. по: *Геруа А.* Полчища. С. 92.
[2] *Галкин М.* Новый путь современного офицера. С. 29.
[3] *Мартынов Е. И.* Из печального опыта Русско-японской войны. С. 49, 50, 51.

или те, кто не имел финансовой возможности получить какое-либо иное образование. Верно, были и те, и другие, но военная школа… и полковая среда… и войсковой быт, и войсковая служба превращали и этого… любителя формы, и этого бедняка, вынужденного пойти по пути бесплатного военного образования, в воина до мозга костей»[1]. Аналогично считал А. И. Деникин: «Военный уклад перемалывал все те разнородные социальные, имущественные, духовные элементы, которые проходили через военную школу»[2].

В данном контексте считаем необходимым высказать утверждение о том, что большей части кадрового офицерства того времени был присущ особый психический склад. Этим термином называют «относительно устойчивую … систему психических свойств и качеств личности, определяющую специфику отражения и переживания различных сторон… социальной действительности… и проявляющуюся в особенностях деятельности и поведения личности»[3].

Несомненно, в основе психического склада многих офицеров лежало чувство патриотизма и воинского долга, выделявшее его среди других социальных слоев и групп. Аналогично рассуждал М. О. Меньшиков – крупнейший русский публицист начала прошлого века, писавший, что для большинства обывателей военная служба тяжела, и мало кто готов по собственному желанию выполнять тяжкий и опасный долг. «Но вот находятся молодые люди, которые добровольно идут защищать родину, защищать кровью и своею жизнью. Тут психология, согласитесь, особая, чрезвычайно мало схожая с вульгарной логикой»[4]. Действительно, офицерская служба была трудна в физическом и морально – психологическом отношении, сопряжена с опасностями, как в военное, так и в мирное время. Кроме того, она была связана с тяготами и лишениями, не присущими другим видам профессиональной деятельности. Высокая степень ответственности, доходившая

---

[1] Российские офицеры / Е. Месснер и [др.] // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 152.
[2] *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 49.
[3] *Абельская Е. Ф.* Типоведческое исследование психического склада личности: автореф. дис. … канд. психол. наук. Екатеринбург, 2006. С. 3.
[4] *Меньшиков М.* Офицеры – душа армии // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 348–349.

до необходимости жертвовать здоровьем и даже жизнью, ограничение личных и гражданских прав при невысоком материальном вознаграждении, требовали совершенно особых психологических качеств и свойств личности.

В канун Первой мировой войны нападок на армию в печати стало меньше: «…с подобными явлениями приходится сталкиваться все реже и реже»[1], – отмечал «Разведчик». В то же время, обсуждение военного бюджета в Государственной думе в 1912 г. ознаменовалось резкими нападками ряда депутатов на Военное министерство, что, в свою очередь, вызвало в печати появление громких статей о «полной неготовности» армии. По оценке военной прессы, в основу подобных материалов «…были положены или прямо неверные данные, или же неверно понятые… речи и положения, высказанные… в Государственной думе»[2].

Так, сделанное представителем Военного министерства в Госдуме заявление о проводившейся крупномасштабной военной реформе неоднократно высмеивалось печатью, хотя серьезные меры по укреплению армии действительно предпринимались[3].

Начало мировой войны значительно повлияло на отношение населения к офицерам. Офицерами отмечалось, что не было возражений, когда им вне очереди отпускали билеты в железнодорожных кассах или товары в магазинах, уступали места в трамваях и поездах, иными способами выражали свое расположение. Однако в военной прессе указывалось, что в случаях, когда офицер останавливал нижнего чина за не отдание чести или нарушение дисциплины, «…публика немедленно берет якобы обиженного страдальца под свою защиту»[4]. В результате происходили столкновения гражданских лиц и офицеров.

Подобные случаи, подрывали дисциплину и наносили серьезный ущерб авторитету офицеров, призванных обучать и воспитывать солдат, вести их в бой.

У многих граждан отношение к офицерству изменили революционные события 1917 года. «Я, как и все поколение 900-х годов, был воспитан если не в

---

[1] Обзор печати // Разведчик. 1911. № 1062. С. 149.
[2] Хроника // Разведчик. 1912. № 1125. С. 335.
[3] Там же.
[4] *А. К.* Офицеры и публика // Разведчик. 1916. № 1313. С. 10.

прямом презрении, то в холодном пренебрежении к офицерству … Я стал прозирать в 1917 г. … когда мне выпало… провести несколько дней в боевой обстановке. <…> Геройство без рисовки, …, самопожертвование без позы, патриотизм без фразы – вот русский офицер…»[1], – писал один из таких современников.

Известный до революции прозаик и литературовед П. Ф. Арзубьев обратился к офицерам в статье, опубликованной в декабре 1917 г. в газете «Наш век» и перепечатанной журналом «Разведчик». В частности, в ней говорилось: «Хочется сказать офицерам только одно: если можете, простите нас. Простите нас всех – мужчин и женщин, молодых и старых, все русское образованное общество, всю русскую интеллигенцию. Мы недостаточно ценили вас, мы не умели надлежащим образом защищать вас, ваши права, ваше положение в армии. Теперь мы видим тяжкие последствия нашей непредусмотрительности, но слишком поздно. Приходится теперь пить чашу до дна, и вам – невинным, и нам – виноватым»[2].

Приведенные высказывания эмоциональны, но, как представляется, искренни и, тем самым – символичны, так как отражали радикальную перемену взглядов на офицерский корпус со стороны образованного общества.

В завершение параграфа отметим, что некоторые аспекты, в нем изложенные, рассмотрены в опубликованных статьях автора[3].

3.4. Офицерство в период революции 1905–1907 годов

Офицерство, прежде всего, в силу своего мировоззрения, в революционном и протестном движении практически не участвовало. Лишь незначительное количество лиц, относившихся к офицерскому корпусу, придерживалось оппозиционных взглядов, и в той или иной форме выступало против существовавшего госу-

---

[1] Цит. по: *Волков С. Н.* Русское офицерство как историко-культурный феномен // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. С. 176.
[2] Обзор печати // Разведчик. 1917. № 1411–1412. С. 582.
[3] *Суряев В. Н.* Военная служба в восприятии российского общества начала XX в. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 2. С. 122–134; *Он же.* Российское общество и армия: восприятие русско-японской войны 1904–1905 гг. // Преподавание истории и обществознания в школе. 2016. № 8. С. 3–13.

дарственного строя. Активный участник революционного движения в армии К. М. Оберучев, состоявший в партии эсеров, отмечал, что «… ко времени революции 1905 года, в сущности, специально военно-революционных организаций не было»[1].

Однако попытки создания подпольных структур в армии были. Так, весной 1905 г. г. по инициативе некоторых слушателей военных академий, прежде всего, Александровской военно-юридической, состоялось учредительное собрание организации с громким названием «Всероссийский офицерский союз». По воспоминаниям участника собрания С. Д. Мстиславского, кроме лиц, учившихся в юридической академии, на собрании присутствовали несколько слушателей инженерной академии, 2–3 офицера артиллерийской академии, 1 человек от академии Генерального штаба. Строевых и гвардейских офицеров не было. На собрании было заявлено, что Союз не будет зависеть от политических партий и официальных связей с ними поддерживать не станет. Отдельным членам Союза состоять в партиях не возбранялось, но при условии подчинения, в первую очередь, союзной дисциплине. Вскоре отделения Союза были организованы в Киеве, Выборге, Луге, Ярославле, Астрахани, Варшаве. Программа организации включала в себя требование демократизации армии, а также трафаретные требования союзов других специальностей – врачей, инженеров и т.д., при этом «…конкретных… задач союз пред собой не ставил»[2].

Позже некоторые члены Всероссийского офицерского союза, в основном, слушатели академии Генерального штаба создали негласное объединение, вошедшее в контакт с революционными партиями и ставившее задачу подготовки вооруженного восстания в Петербурге. По некоторым данным, это расслоение Союза и выделение в нем революционного ядра, связанного с эсерами, произошло в конце 1906 года[3].

---

[1] *Оберучев К. М.* Офицеры в русской революции. Нью-Йорк, [б. г.]. С. 35.
[2] *Мстиславский С.* Отрывки о пятом годе // Каторга и ссылка. 1928. № 2 (39). С. 13,14, 15, 16, 17.
[3] *Ахун М. И., Петров В. А.* Большевики и армия в 1905–1917 гг. Л., 1929. С. 28.

Точное количество членов Союза установить вряд ли возможно, ввиду соблюдавшейся конспирации, однако, судя по косвенным данным, оно было невелико. Б. В. Савинков вспоминал, что в начале декабря 1905 г. в Петербурге состоялось совещание эсеров и социал-демократов, где от офицерского союза присутствовал «некий поручик». По словам поручика, в Союзе числилось около 60 офицеров, преимущественно флота и гвардии. Однако Б. В. Савинков отметил, что поручик «явно преувеличивал, ибо не ответил на вопрос, какие части в Петербурге не будут стрелять в случае восстания»[1].

В свою очередь, С. Д. Мстиславский также писал, что «… подлинную работу приходилось вести силами очень маленькой… группы, выделившейся из слушателей академии Генерального штаба»[2]. К их числу он относил офицеров Кареева, Менчукова, Бобрищева, Чарноцкого, Лихошерстова. Печатный орган союза – журнал, называвшийся «Народная армия», и получавший идейную и материальную поддержку от эсеров, также отмечал, что лишь отдельные представители офицерства участвовали в революционной борьбе[3].

Подобную оценку дала офицерам и конференция военных и боевых организаций РСДРП (ноябрь 1906 г.), которая отметила, что «офицерство в целом играет роль реакционную», и что оппозиционные группы офицерства не проявляют активности. В этой связи было признано невозможным, создавать в офицерской среде самостоятельные партийные организации; отдельных офицеров, приходивших в партию, рекомендовалось использовать в качестве инструкторов по военному делу[4].

Провозглашение Манифеста 17 октября 1905 г. привело к уменьшению и без того незначительного количества членов Союза. Вскоре после его обнародования к С. Д. Мстиславскому приехал штабс-капитан Финляндского полка и от имени офицеров полка – членов Союза высказался в том смысле, что не только

---

[1] Былое. 1918. № 1 (29). С. 65.
[2] *Мстиславский С.* Отрывки о пятом годе. С. 20.
[3] Народная армия. 1907. № 1–2. С. 5.
[4] См.: О работе среди офицеров: резолюция первой конференция военных и боевых организаций РСДРП, 29 ноября –5 декабря (16–22 ноября) 1906 г.// ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 2 ч. Ч. 1. М., 1936. С. 94–95.

отпала необходимость выступления, но под сомнение ставится сама целесообразность дальнейшего существования Союза. Вообще, в организации «… большинство офицеров держалось того мнения, что «Конституция» коренным образом изменила программу и тактику Союза, что о каких-либо самостоятельных выступлениях и действиях не приходится говорить, а дальнейшая ориентация Союза должна идти на Думу»[1].

Сведений о непосредственном участии членов Союза в революционных выступлениях и революционной практической работе немного. Участник революционного движения в армии К. М. Оберучев писал о том, что «работе членов этого Союза принадлежит целый ряд вооруженных выступлений войск в разных частях России в 1907 году…». Однако он привел лишь один пример – выступление 21-го саперного батальона в Киеве[2]. С. Д. Мстиславский в своем труде упоминает два факта деятельности организации. Первый из них состоял в том, что осенью 1905 г. три члена Союза вошли в межпартийный комитет по подготовке восстания в Петербурге. Второй факт заключался в подготовке лично С. Д. Мстиславским брошюры «Руководство к уличному бою»[3].

В журнале «Народная армия» упоминалось также о неком съезде делегатов местных офицерских групп и организаций, состоявшемся в 1906 г. Отмечалось, что съезд выработал программу, тактику и устав для революционного офицерского союза. Журнал писал, что союз ставил целью создание в среде офицерства прочной революционной, но в то же время внепартийной организации, которая служила бы ядром, собирающим всех офицеров, способных «…содействовать народу в революционной борьбе». Политическая часть программы провозглашала «…признание необходимости уничтожения самодержавия и установление полного народовластия – через… Учредительное собрание»[4]. Однако каких-либо фактов о реальной деятельности этого революционного союза обнаружить не удалось. Кроме того, «Народная армия» писала об офицерском корпусе в таком тоне,

---

[1] *Мстиславский С.* Отрывки о пятом годе. С. 34, 36.
[2] *Оберучев К. М.* Офицеры в русской революции. С. 38.
[3] *Мстиславский С.* Отрывки о пятом годе. С. 21, 32.
[4] Народная армия. 1907. № 1–2. С. 7.

что возникают сомнения в причастности офицеров, пусть и революционно настроенных, к подготовке публикаций. Офицерство называлось «продажным», «оплотом реакции», о его составе говорилось, что «… это все то же дворянство, те же землевладельцы: до сих пор военная служба остается главным поприщем дворянства»[1] и т.п. В подобном стиле могли писать авторы, преднамеренно искажавшие положение дел, или же не знавшие действительной ситуации. Что касается самого Всероссийского офицерского союза, то в 1908 г. он прекратил свое существование[2]; в 1909 г. за принадлежность к нему были осуждены 5 человек[3].

В 1910 г. партия социалистов-революционеров создала так называемый «Всероссийский союз армии и флота», общий для офицеров и солдат, и имевший отделения в Петербурге, Финляндии, Кронштадте и Москве. Его члены похищали оружие для передачи революционерам, вели пропаганду среди солдат, распространяли революционную литературу. В июне 1911 г. организация была ликвидирована[4]. Количество офицеров, участвовавших в ее работе, установить не удалось, однако, учитывая неприятие революционной идеологии подавляющим большинством офицерства и спад революционного движения в стране в тот период, вряд ли оно было значительным.

Отдельные армейские офицеры, связанные с политическими партиями, участвовали в революционных выступлениях. Так, в ноябре 1905 г. произошло восстание некоторых инженерных подразделений в Киеве. Во главе восставших стоял подпоручик Б. П. Жадановский, связанный с социал-демократами. Кроме него, в выступлении участвовали еще 5 офицеров[5]. В одном из приказов войскам Иркутского военного округа говорится о штабс-капитане Н. А. Неплюеве и прапорщике Н. А. Золотареве, которые установили «в ноябре месяце 1905 года сношения с тайными солдатскими организациями… взяли на себя руководство солдатским движением…». В этом же приказе упоминаются подполковник Г. П. Коновкин и

---

[1] Там же. С. 3, 5, 56.
[2] *Мстиславский С.* Отрывки о пятом годе. С. 19.
[3] *Ахун М. И., Петров В. А.* Большевики и армия в 1905–1917 гг. С. 124.
[4] Там же. С. 132.
[5] Там же.

поручик Д. И. Домусчи, выразившие «…свою солидарность восставшим нижним чинам», а также поручик Осберг, лично руководивший «толпой восставших нижних чинов»[1].

Выступление солдат и матросов в Свеаборге (июль 1906 г.) возглавили члены большевистской партии подпоручик А. П. Емельянов и подпоручик Е. Л. Коханский[2]. В 1907 г. за «преступные деяния политического характера» были преданы суду 10 офицеров[3]. Но подобных случаев было немного. Один из военных журналов писал: «…явно изменившие долгу и ставшие во главе бунтовщиков офицеры насчитываются единицами среди десятков тысяч лиц офицерского состава армии…»[4].

Таким образом, в годы революции 1905–1907 гг. почти весь офицерский корпус сохранил лояльность к действовавшей власти. Как отмечалось в военной прессе, «…офицеры армии не склонились ни на посулы, ни на оскорбительную травлю, ни на угрозы»[5], и не изменили присяге.

Может возникнуть вопрос: если офицерство в большинстве своем отвергало революцию, то почему оно не участвовало в политической жизни страны и деятельности партий, поддерживавших государственные устои? Главная причина состояла в том, что офицерам в приказном порядке запрещалось заниматься политической деятельностью. В решении Совета Министров, утвержденном императором Николаем II и объявленном в армии специальным приказом, говорилось: «Всем офицерам и всем нижним чинам воспрещается:

а) входить в состав и принимать участие, в каких бы то ни было союзах, группах, организациях, товариществах, партиях и т. п., образованных с политической целью, а равно присутствовать на… собраниях, обсуждающих политические вопросы…;

---

[1] Приказ войскам Иркутского военного округа № 97 // Разведчик. 1908. № 911. С. 249.
[2] Народная армия. 1907. № 1–2. С. 71.
[3] Всеподданнейший отчет о действиях военного министерства за 1907 год. С. 94.
[4] Агитация в войсках (автор не указан) // Вестник русской конницы. 1906. № 23. С. 1003.
[5] *Эл-Эс.* Час испытания // Вестник русской конницы. 1906. № 19. С. 812.

б) принимать непосредственное участие или присутствовать в скопищах, сходках и манифестациях, какого бы они рода ни были»[1].

Нарушение требований приказа предусматривало, в числе прочего, уголовную ответственность. В случае если нарушение было незначительным, офицеры подлежали дисциплинарной ответственности, в том числе, увольнению со службы[2]. В 1906 г. вышел еще один приказ по военному ведомству. В соответствии с ним должны были увольняться со службы начальники лиц, причастных к политической деятельности, если те не принимали немедленных мер по привлечению виновных к ответственности[3].

Запрет на участие в политической деятельности распространялся не только на офицеров, состоявших на действительной службе, но и находившихся в запасе и отставке, имевших право носить военный мундир[4].

Следует подчеркнуть: военнослужащим запрещалось заниматься любой политической деятельностью, в том числе, той, которая была направлена на поддержку государственных устоев. Возбранялось даже публичное выражение симпатий к политическим силам, боровшимся против революции. Например, в конце 1906 г. в прессе сообщалось том, что командиры некоторых частей послали приветственные телеграммы в адрес съезда монархических организаций, проходившего в Киеве. В этой связи ситуации военный министр заявил, что «в виду приказов по военному ведомству 1905 года № 804 и 1906 года № 626, проводящих безусловный принцип внепартийности армии… таковые выражения сочувствия, хотя бы и правым политическим партиям, не должны быть допускаемы»[5].

Выражение «армия должна быть вне политики», в то время трактовалось так: «Войско само не должно вмешиваться в ход политической жизни, оно не

---

[1] Приказ от 19 декабря 1905 года № 804 // Приказы по военному ведомству и циркуляры Главного штаба за 1905 год. СПб., 1905. С. 1352–1353.
[2] Там же. С. 1353.
[3] Приказ по военному ведомству от 8 октября 1906 г. № 626 // Приказы по военному ведомству за 1906 год. СПб., 1906. С. 986.
[4] Свод военных постановлений 1869 года. Книга VII. Прохождение службы по военному ведомству. С. 222.
[5] Распоряжения по военному ведомству // Разведчик. 1907. № 854. С. 133.

должно допускать в своей среде никакой пропаганды, все равно, будет ли она социалистической или черносотенной; офицер не должен быть членом ни правых, ни левых союзов…»[1], он должен быть политически нейтральным и быть верным присяге. В 1913 г. военное ведомство специальным приказом подтвердило запрет на участие военнослужащих в политической деятельности[2].

Аполитичность, насаждавшаяся в армии, привела к тому, что большинство офицерского состава не понимало сути происходивших в стране политических событий, даже самых значимых из них, таких, например, как Манифест 17 октября. «… Не только солдаты, но и офицеры стоят перед величайшим актом 17-го октября в полном недоумении… Проповедь представительного образа правления, считавшаяся до вчерашнего дня преступной, сегодня – исполнение… непреклонной воли Государя…»[3], – писал один из офицеров. Другой военнослужащий отмечал: «Армия была не готова к этому Манифесту: ни офицерам, ни солдатам не разъяснили сверху, какое имеет отношение к армии эта царская милость и как нужно ее понимать. Поэтому каждый высший начальник молчал, дожидаясь соответственной инструкции, что носило характер как бы умышленного скрывания свобод…»[4].

Дело доходило до курьезных ситуаций. Например, один из местных воинских начальников, затрудняясь объяснить солдатам, что такое «свобода союзов», о которой шла речь в Манифесте 17 октября, сказал следующее: «Если, например, у мужиков уродится очень много капусты, то для удобной и успешной продажи ее они могут сообща, «союзами», отправлять ее в город по железной дороге…»[5].

Стремление властей полностью изолировать армию от политических процессов приводило к тому, что многие нижние чины, не получив ответов на волновавшие их вопросы, начинали искать ответы на них вне своих подразделений. В

---

[1] Князь А. М. Волконский напоминает несколько «азбучных для военного человека» истин // Разведчик. 1906. № 816. С. 479.
[2] Приказ по военному ведомству от 26 марта 1913 г. № 120 // Приказы по военному ведомству за 1913 год. СПб., 1913. С. 332.
[3] *А.Н.Р.* Брожение в армии и средства к его устранению // Разведчик. 1905. № 791. С. 951.
[4] *Толузаков С.* Настроение в корпусе офицеров армии // Разведчик. 1906. № 803. С. 204–205.
[5] *Толузаков С.* Настроение в корпусе офицеров армии. С. 205.

этой связи строевой офицер писал: «Солдат захвачен происходящим вокруг него движением; уставы и законы не дают ответа к разъяснению происходящего, он ищет его вне казарм, и попадает в лапы ловкого агитатора, или бросается на чтение радикальных газет и листовок»[1].

В сложившемся положении некоторые офицеры высказывали мнение в печати, что в военных училищах необходимо давать юнкерам ясные представления о современном государственном, общественном и политическом строе ведущих стран мира, функциях и задачах государства, отношении армии к государству, разъяснять основные положения политической экономии. В целях эффективного обучения и воспитания солдат предлагалось ввести изучение педагогики и психологии в училищах. Как писал один из авторов предлагавшихся нововведений, юнкерам необходимо давать «…недостающие до сих пор знания и понимание главного боевого элемента – человека. Если до сих пор существовал этот странный и непонятный пробел в программах учебных заведений, готовящих офицеров, то надо… его немедленно заполнить»[2].

Видимо, понимая абсурдность полной политической неосведомленности офицерства, в военном ведомстве было решено предпринять некоторые шаги для исправления положения вещей. Так, в 1906–1907 учебном году было принято решение «для подготовки будущих офицеров к… противодействию распространяемым противогосударственным учениям, путем разъяснения нижним чинам сущности этих учений… ознакомить выпускных пажей и юнкеров с определенным кругом недостающих им знаний…»[3]. Подобное решение было, как представляется, правильным, хотя и запоздалым. Вдобавок оно касалось лишь тех, кому еще только предстояло стать офицерами. При организации таких занятий возникли проблемы с подбором преподавателей, компетентных в политической проблематике. В силу данного обстоятельства занятия были организованы не во всех военных и юнкерских училищах. Лишь с 1907–1908 учебного года в курсе законове-

---

[1] *А.Н.Р.* Брожение в армии и средства к его устранению // Разведчик. 1905. № 791. С. 950–951.
[2] *Энгельман И. Г.* Воспитание современного солдата и матроса. С. 140, 233, 234.
[3] Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1906 год. СПб., 1908. Часть военно-учебная. С. 102.

дения в военных и юнкерских училищах был введен небольшой дополнительный раздел, знакомивший юнкеров «с крайними учениями», в целях их подготовки, как будущих офицеров, к борьбе с революционной пропагандой в войсках[1].

Некоторая часть офицеров, самостоятельно приходила к выводу, что в современных условиях требуется не только обучать солдат военному делу, но и воспитывать, как граждан. «Воин-гражданин полнее и лучше воплощает в себе национальные силы… народа и при надлежащем воспитании его нравственные силы могут достичь значительной высоты и совершенства»[2]. Однако для этого была необходима организация политического просвещения, то есть, сосредоточение внимания на темах, обсуждать которые, в армии ранее было не принято. Вместо политического просвещения и эффективной работы по военному воспитанию с солдатами проводилась «словесность», которой в то время назывались устные занятия с нижними чинами по изучению воинских уставов. В числе прочего, солдаты изучали такие темы, как «назначение солдата и сущность присяги», «значение знамени», «суть воинской дисциплины»[3] и т.д. Однако, как отмечали современники, «словесность» чаще всего проводились формально, отчего у многих солдат эти понятия были не чем-то осознанным, а лишь зазубренными фразами, без понимания их внутреннего содержания. «Занятия устные или так называемая «словесность» едва ли не составляла отдел наименее удовлетворительно поставленный. Обыкновенно дело заканчивалось заучиванием наизусть кратких сведений о назначении солдата и сведений из различных уставов»[4].

Более того, проверка боевой подготовки в Виленском, Варшавском, Киевском и Одесском военных округах показала, что «в большинстве частей словесные занятия о дисциплине, присяге, долге службы, преданности Государю Императору и Родине…» в основном проводили нижние чины, только старших сроков службы. Между тем согласно действовавшему положению, проведение таких за-

---

[1] См.: *Ахун М. И., Петров В. А.* Большевики и армия в 1905–1917 гг. С. 124.
[2] *Энгельман И.Г.* Воспитание современного солдата и матроса. С. 4.
[3] Приказ по военному ведомству от 5 ноября 1910 г. № 620 // Приказы по военному ведомству за 1910 год. С. 1164.
[4] *Драгомиров В.* Подготовка русской армии к Великой войне. Ч. 2. // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1924. Кн. V. С. 201.

нятий возлагалось «непосредственно на ротного командира»[1]. Выяснилось также, что, если занятия проводились офицерами, то, «… за редкими исключениями замечалась недостаточная с их стороны подготовка», они ограничивались книжными определениями, «…будучи не в состоянии давать ясные и толковые объяснения…»[2].

Кроме «словесности», с нижними чинами проводились беседы на различные темы, но, чаще всего, лекторы были готовы к ним недостаточно. «Обычно лектор делал ошибку, предполагая, что с солдатом надо говорить о простейших вещах и деланным простонародным языком». В результате солдаты, «…чувствуя умалчивание о каких-то неизвестных им вещах, … настораживались и становились подготовленными к восприятию учений, проповедуемых со стороны людьми, преследующими свои особые цели и умело эксплуатирующими отрицательные стороны военного быта»[3].

Некоторые командиры и начальники, не получая распоряжений сверху, по собственной инициативе пытались изыскать меры, направленные на нейтрализацию внешних влияний на умонастроения войск. Так, в 1-й и 2-й пехотных дивизиях одной из задач учрежденных там советов офицеров, о которых шла речь ранее, являлась борьба с революционной пропагандой[4]. В приказе по 2-му Туркестанскому армейскому корпусу отмечалось, что продолжается подбрасывание в казармы прокламаций и других нелегальных изданий. Приказ требовал от офицеров «…не скрывая сущности содержания прокламаций от нижних чинов», разъяснять им, к чему может привести «торжество учений крайних партий»[5]. В 1-й гвардейской пехотной дивизии предлагалось знакомить солдат с революционной литературой, одновременно делая их разбор, чтобы показать их «лживость, наглость и бессмысленность». Планировалось также готовить и издавать брошюры патриотической направленности, составлять программы бесед ротных командиров с

---

[1] Приказ по военному ведомству от 19 февраля 1907 года № 106 // Приказы по военному ведомству за 1907 год. СПб., 1907. С. 102.
[2] Там же.
[3] *Драгомиров В.* Подготовка русской армии к Великой войне. Ч. 2. С. 201.
[4] Заметки // Разведчик. 1906. № 805. С. 262.
[5] Приказ по 2-му Туркестанскому армейскому корпусу № 33 / Разведчик. 1906. № 806. С. 280.

нижними чинами по злободневным темам, каталоги книг для пополнения ротных библиотек, приглашать лекторов для проведения бесед по определенным темам[1].

Подобные приказы издавались и в некоторых других соединениях, но в них не указывалось, кто конкретно и когда должен разъяснять политическую ситуацию, о чем именно необходимо вести речь и в какой форме; о планировании каких-либо специальных занятий или мероприятий в приказах не упоминалось. Кроме того, даже сами приказы подобного рода издавались далеко не везде. Ситуация осложнялась и тем, что необходимости радикальных перемен в работе с личным составом не понимало не только руководство Военного министерства, не предпринимавшее реальных мер, но и часть рядового офицерства. Существовали настроения, что «солдат не должен рассуждать», так как «…обязанности его во всех случаях жизни определены уставами и законами»[2]. Такие офицеры считали, что нижние чины обязаны выполнять требования, предъявлявшиеся начальниками, без каких бы то ни было объяснений. Мнение таких военнослужащих было отражено в статье, автор которой недоумевал по поводу развернувшихся дискуссий о необходимости понимания солдатами целей войны и нравственного аспекта военной службы. Он утверждал, что раньше такого не было, но армия была способна решать все поставленные задачи. «…Разве понимали солдаты высокую цель борьбы за независимость болгар? Они никогда и не слыхали про этих болгар, … и тем не менее воевали… не жалея себя, добивались победы. Воевали потому, что так приказал царь, а он знает, что нужно России и чего не нужно»[3].

По всей вероятности, такие офицеры не понимали, что настала новая историческая эпоха, и солдаты во многом изменились. Существовавшее в свое время среди простого народа уважение к власти и лично к монарху исчезали, равно как

---

[1] Положение о совете, учреждаемом при 1-й гвардейской пехотной дивизии по вопросам умственного и нравственного развития нижних чинов дивизии // Военно-исторический вестник (Париж). 1971. № 37. С. 31.
[2] *А.Н.Р.* Брожение в армии и средства к его устранению // Разведчик. 1905. № 791. С. 950–951.
[3] Мысли по поводу пережитого // Разведчик. 1905. № 783–784. С. 806.

и вера в то, что высшая власть способна «привести порядки на земле в соответствие с Божественной правдой»[1].

Суммируя вышесказанное, необходимо констатировать: действенной воспитательной работы в условиях социально-политической напряженности в стране с нижними чинами не проводилось. Инерционность, косность и неповоротливость военно-бюрократической системы не позволяла реализовать разумные предложения, исходившие от передового офицерства. Вместо этого, как отмечал один из военнослужащих, основными средствами борьбы с революционной пропагандой в армии являлись внезапные осмотры солдатских сундучков (с целью изъятия нелегальной литературы, прокламаций, листовок) и усиленный надзор за нижними чинами в увольнении и на вольных работах[2].

Что касается офицеров, выступавших за введение своего рода политического просвещения среди нижних чинов, то они не имели права принимать подобные решения. Кроме того, в громадном большинстве своем сами офицеры не владели азами политических знаний и не были обучены ведению политических дискуссий, посему, вряд ли могли хоть как-то влиять на настроения нижних чинов. Сформированные военной системой как государственники, они в массе своей добросовестно несли армейскую службу и являлись опорой существовавших в стране порядков; воспитывать же в подобном духе солдат в сложной конкретно-исторической ситуации офицеры просто не умели. Ситуация не изменилась и в более поздний период. Когда в начале 1917 г. в Ставке было принято решение о проведении с солдатами бесед на политические темы, это вызвало недоумение в рядах командного состава. Генерал от инфантерии Н. В. Рузский, занимавший пост главнокомандующего армиями Северного фронта указал, что офицерство всегда стояло вне политики, и поэтому оно мало подготовлено «… для широкой

---

[1] *Безгин В. Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX–начала XX века). Москва – Тамбов, 2004 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bezg/02.php (дата обращения: 15.09.2016).
[2] *Панков П.* Революционная пропаганда в войсках // Разведчик. 1905. № 790. С. 934–935.

организации политических бесед»[1]. Аналогично рассуждал А. И. Деникин. «Недостаточная осведомленность в области политических течений и особенно социальных вопросов русского офицерства сказалась уже в дни первой революции… А в годы второй революции, большинство офицерства оказалось безоружным и беспомощным перед безудержной революционной пропагандой…»[2].

Между тем, как писал современник, левые партии прилагали «… особые усилия и старания… на развращение армии»[3], среди нижних чинов велась пропаганда, направленная на демонтаж порядка воинской подчиненности (субординации), солдат призывали к неповиновению командирам. Была налажена система «военной работы», цель которой, по взглядам ее организаторов, состояла в обеспечении «…открытого перехода на сторону восставшего народа» как армии, так и флота[4].

Деятельности различных партий по организации революционной работы в армии посвящен ряд исследований, о которых говорилось в параграфе 1.1 Поэтому здесь лишь следует отметить, что под влиянием революционных событий в стране и соответствующей пропаганды в сухопутных войсках произошло значительное количество беспорядков. За 1905–1906 годы отмечено 437 выступлений солдат в различных формах: забастовки, предъявление требований, митинги, демонстрации, выступления против офицеров; имели место и вооруженные восстания. Масштабы беспорядков были различными – от частей и гарнизонов до
рот[5].

---

[1] Отношение главнокомандующего Северным фронтом ген. Рузского на имя вр. и. д. начальника штаба верх. главнокомандующего ген. Гурко от 19 февраля 1917 г. № 1666 // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 48.
[2] *Деникин А.И.* Путь русского офицера. С. 50.
[3] Агитация в войсках // Вестник русской конницы. 1906. № 23. С. 997.
[4] Задачи военных организаций: резолюция первой конференция военных и боевых организаций РСДРП, 29 ноября – 5 декабря (16–22 ноября) 1906 г.// ВКП (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 2 ч. М., 1936. Ч. I. С. 93.
[5] *Петров В. А.* Очерки по истории революционного движения в русской армии в 1905 году. М.-Л.: Наука, 1964. С. 383.

По оценкам Военного министерства, наиболее крупные беспорядки имели место в 38 случаях[1]. В то же время, необходимо отметить, что почти все выступления не носили политического характера и не имели серьезной идеологической подоплеки. Расследования беспорядков в войсках показали, что агитаторы сыграли свою роль, но протест солдат «…был направлен отнюдь не против государственной власти, а главным образом, против ближайшего начальства»[2]. Современник отмечал, что «…несмотря на старания партийных агитаторов, движение имело сумбурный характер, и также сумбурны были предъявляемые ими требования»[3].

Содержание документов, в которых содержались солдатские требования, подтверждает, что они сводились, в основном, к улучшению бытовых условий и предоставлению большей личной свободы[4]. Но, как бы то ни было, различного рода выступления в армии снижали боеспособность войск, отрицательно влияли на их способность выполнять задачи по предназначению.

Особенностью положения военнослужащих являлось то, что, не имея права заниматься любым видом политической деятельности, они в то же время использовались властями для подавления вооруженных выступлений, массовых беспорядков, борьбы с боевиками и т.п. В этой связи оппозиционные силы упрекали армию в неспособности бороться с внешним врагом, противостоянии с собственным народом, поддержке антинародного правительства[5].

Подобные обвинения были вполне объяснимы, так как армия являлась главным препятствием на пути сил, стремившихся произвести изменения в стране. С. Ю. Витте писал, что существовало «…общее полное недовольство существующим положением, что объединило все классы населения; все требовали ко-

---

[1] Ведомость частям войск, в коих произошли наиболее крупные беспорядки, с показанием командиров этих частей, высших над ними начальников и аттестаций тех и других // Красный архив. 1932. Т. 1–2 (50–51). С. 215–223.
[2] *Колбе С.* В добрый час // Разведчик. 1906. №. 800. С. 134.
[3] *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 181.
[4] Армия в первой революции. Материалы и документы. 1905 / Под. ред. М.Н. Покровского. М.-Л., 1927. С. 118, 178, 306–307, 309–314, 316–317.
[5] *А.А.Н.* Солдат и «свободы» // Вестник русской конницы. 1906. № 8. С.335.

ренных мер государственного переустройства, но в мечтах различных классов желательные преобразования представлялись различно»[1].

Между тем бюрократическая система не могла обеспечить эффективное управление государством и провести необходимые реформы. Не случайно известный публицист и общественный деятель консервативного толка А. С. Суворин характеризовал ситуацию следующим образом: «…правителей нет, и дело идет и пойдет под гору <...> Ничего не будет хорошего, когда нет государственных людей. Страна не может управляться сама собой»[2].

Оппозиция, придерживавшаяся самых разных политических убеждений, использовала не только мирные средства борьбы, но и те, что несли угрозу общественной безопасности. Происходили массовые беспорядки, создававшие угрозу жизни граждан, под видом борьбы за революционные идеалы совершалось множество уголовных преступлений. Более того, радикальная часть антиправительственных сил с оружием в руках выступала против власти, при этом в ходе боевых столкновений страдало множество мирных граждан. Обычным явлением стали террористические акты, в большом количестве совершавшиеся по всей стране.

Как относилось офицерство к происходившим событиям? В большинстве своем оно оценивало революцию как угрозу традиционной государственности, разрушение которой, по их мнению, могло привести к катастрофическим последствиям. Поэтому в своих действиях офицеры руководствовались не только соответствующими приказами, но и гражданской позицией. «На совесть наших военных ляжет слишком тяжелый груз, если они не постараются сохранить за армией значение опоры государства…», – писал один из таких военнослужащих[3].

Другой офицер считал, что надежда на то, что Россия выйдет «сильной и могущественной из тяжелых мук» опирается, главным образом, на армию, кото-

---

[1] *Витте С. Ю*. Воспоминания / 2-е изд. Л., 1924. Т. 2: Царствование Николая II. С. 106.
[2] Дневник А. С. Суворина / Ред. и прим. М. Кричевского. М.– Пг., 1923. С. 333.
[3] *А.А.Н*. Солдат и «свободы». С. 337.

рая должна водворить порядок, «…при котором только и возможна плодотворная работа обновления»[1].

В офицерских кругах превалировало мнение, что армия, независимо от того – извне или изнутри возникают угрозы государству – должна стоять на страже безопасности и целостности страны[2]. Поэтому вооруженные выступления, бунты, массовые беспорядки, особенно во время войны с внешним врагом трактовались офицерским корпусом как измена Родине.

Безусловно, оппозиционные партии отражали запросы той или иной части общества, в определенной мере – потребности общественного развития. Однако для достижения своих политических целей некоторые из них сотрудничали с Японией, страной, которая находилась в состоянии войны с Россией. Связям некоторых российских политических партий с японской разведкой посвящена монография Д. Б. Павлова[3], в которой, в числе прочего, раскрывается финансовая и военно-техническая помощь японской стороны некоторым революционным силам.

В первый период революции офицерство вряд ли могло знать о переговорах оппозиции с японцами и операциях по закупке и переброске оружия в Россию. Однако в 1906 г. вышла в свет брошюра, в которой была опубликована переписка японского резидента полковника М. Акаси с представителями революционного движения. Письма касались главным образом закупок и нелегальных отправок в Россию партий оружия для революционных организаций. О брошюре много говорили и писали, офицерство не могло не знать о ней, хотя вначале общественность отнеслась к ней с недоверием. В этой связи через некоторое время после выхода брошюры в свет ее издатель А. С. Суворин записал в своем дневнике: «Наши левые газеты верят, что деньги для восстания на юге Франции получались из-за границы. А когда мы говорили, что деньги для русской революции получались из-за

---

[1] *Глинский С.* Честь или позор // Разведчик. 1906. № 834. С. 754.
[2] *А.А.Н.* Солдат и «свободы». С. 335.
[3] *Павлов Д. Б.* Японские деньги и первая русская революция. М.: Вече, 2011. С. 67–97, 135–180.

границы, над этим смеялись»[1]. Но когда газета «Новое время», принадлежавшая А. С. Суворину, предложила всем желающим опровергнуть подлинность опубликованных в брошюре писем, никто не отозвался на это предложение. Вероятно, потому, что опубликованные материалы представляли собой фотокопии и даже подлинники документов, хранившихся в специальном деле Департамента полиции[2].

В период революционных выступлений боевые дружины нападали на воинские части и подразделения, что не могло не привести к ответным действиям со стороны войск. Еще за несколько дней до начала московского восстания неоднократно открывался огонь по драгунам, на которых были возложены обязанности по поддержанию общественного порядка. В доме Фидлера собралось около 500 вооруженных дружинников, которым было предложено сдать оружие и разойтись В ответ на предложение те открыли огонь по войскам из винтовок и револьверов, а также бросили две бомбы. Один из офицеров был убит, другой – тяжело ранен. Ответным огнем было убито 5 человек, 16 ранено. Кроме того, вооруженное столкновение произошло на Тверской и Садовой улицах, где драгуны и пехота штурмовали баррикаду, построенную дружинниками и сочувствовавшими им гражданами. В ходе столкновений погибли как военнослужащие, так и дружинники, а также мирные жители, случайно оказавшиеся в этом районе. 10 декабря исполком Совета рабочих депутатов специальными прокламациями объявил о начале вооруженного восстания. В этот и последующие дни воинские подразделения постоянно обстреливались из домов, переулков и баррикад. Так, войска были обстреляны из дома в Неглинном проезде, близ Красных ворот, из окон типографии газеты «Вечерняя почта»; на Пресне, где дружинниками был захвачен ряд жилых домов, по войскам велся пулеметный огонь. Подобные обстрелы фиксировались многократно, в результате армия несла потери убитыми и ранеными. Естественно,

---

[1] Дневник А.С. Суворина. С. 342.
[2] См.: *Павлов Д. Б.* Японские деньги и первая русская революция. С. 5.

войска вели ответный огонь, в ходе боев в городских условиях гибли не только представители противоборствовавших сторон, но и любопытствующие зрители[1].

Следует отметить, что, отвечая на действия вооруженных дружинников, войска неоднократно допускали чрезмерное использование силы. Например, на Тверском бульваре после одиночного выстрела из дома по военному патрулю в ответ был открыт огонь из артиллерийского орудия. В свою очередь, дружинники начали стрелять по войскам с баррикад на улице Бронной и от Никитских ворот; завязался бой, в ходе которого погибли и были ранены люди. В другом случае артиллерия, размещенная на Миусской площади, обстреляла парк городских конно-железных дорог, где, по предположению, могла укрываться боевая дружина. От артиллерийского огня пострадало много зданий[2].

С обеих сторон допускались внесудебные расправы. Так, в своих квартирах или на улице были захвачены начальник сыскной полиции А. И. Войлошников, околоточные надзиратели Сахаров и Яковинский, почти сразу же расстрелянные[3]. Зарегистрированы и другие подобные случаи. Неоднократно фиксировались убийства на улице одиночных офицеров, не пожелавших отдать дружинникам свое оружие[4].

В свою очередь военные без суда и следствия расстреливали членов боевых дружин, лиц, у которых находили оружие, а также местных жителей, застигнутых при грабеже железнодорожных составов. Так произошло, например, на нескольких станциях Московско-Казанской железной дороги, где действовали подразделения лейб-гвардии Семеновского полка во главе с полковником Н. К. Риманом[5].

---

[1] Ужасные дни в Москве // Московские ведомости. 1905. 17 (30) декабря. № 324. С. 2 – 3; События в Москве // Московские ведомости. 1905. 18 (31) декабря. № 325. С. 2.

[2] События в Москве // Московские ведомости. 1905. 18 (31) декабря. № 325. С. 2.

[3] Ужасные дни в Москве // Московские ведомости. 1905. № 324. С. 3; События в Москве // Московские ведомости. 1905. 18 (31) декабря. № 325. С. 2.

[4] *Климков В.* Расправы и расстрелы (письма, очерки и наброски специального корреспондента газеты «Русь»). М., 1906. С. 16, 25.

[5] *Владимиров В.* Карательная экспедиция отряда лейб-гвардии Семеновского полка в декабрьские дни на Московско-Казанской железной дороге. М., 1906. С. 14–22, 48, 61, 62, 65, 68.

Подобные случаи происходили не только в Москве и Подмосковье, но и в Царстве Польском, Прибалтийском крае, Сибири и некоторых других регионах. Например, в январе 1906 г. в Варшаве были расстреляны 11 человек, принадлежавших к сообществу анархистов-коммунистов, уличенных в изготовлении и применении бомб, а также 5 лиц, виновных в «изготовлении и бросании разрывных снарядов, в вымогательствах, грабежах и насилиях»[1].

В Сибири жестокость при подавлении революционных выступлений проявили карательные экспедиции под командованием генералов П. К. Ренненкампфа и А. Н. Меллер-Закомельского. Например, в январе 1906 г. на станции Иланская Сибирской железной дороги солдаты и офицеры из отряда А. Н. Меллер-Закомельского вошли в здание депо, где собрались сотни рабочих, добивавшихся освобождения арестованных политзаключенных, и открыли стрельбу. В результате по разным данным, было убито от 25 до 50 и ранено около 70 человек[2].

Необходимость выполнять приказы о расстрелах приводила к значительным нагрузкам на психику офицеров, что иной раз приводило к суицидам. Например, известен случай самоубийства ротмистра барона Корфа, смерть которого прямо связывали с участием в расстрелах. В момент приведения казни в исполнение ротмистр Корф, сдав команду другому офицеру, отошел в сторону и застрелился[3]. Офицеры лейб-гвардии Литовского полка отказались приводить в исполнение смертные приговоры, заявив, что они не палачи, а защитники отечества[4].

В начале 1906 г. в газете «Забайкальские областные ведомости» было опубликовано письмо, подписанное командиром и 43 офицерами и врачами 2-го пехотного Сибирского Читинского полка, в котором говорилось об отказе

---

[1] *Кузьмин-Караваев В.Д.* Из эпохи освободительного движения. Ч. 2 (17 октября 1905 г. – 8 июля 1906 г.). СПб., 1907. С. 109, 111.

[2] Карательные экспедиции в Сибири / Подг. к печати В. Максаков. М. – Л., 1932. С. 142.

[3] *Кузьмин-Караваев В.Д.* Из эпохи освободительного движения. Ч. 2 (17 октября 1905 г. – 8 июля 1906 г.). С. 109.

[4] *Колчигин Б.К.* Пятидесятилетие славы и горечи гвардии // Первая мировая война 1914–1918 гг. в дневниках и воспоминаниях офицеров Русской императорской армии: сб. документов / Отв. сост. С. А. Харитонов. М., 2016. С. 108.

выполнять полицейские функции при разгоне мирных митингов. В то же время, в письме отмечалось, что в случае возможного кровопролития, полк, по просьбе гражданских властей, будет принимать меры по предупреждению и прекращению «братоубийственной резни»[1]. Однако в ходе вооруженных столкновений возникало взаимное ожесточение, иной раз приводившее к жестокости с обеих сторон. Например, в г. Туккум (Курляндская губерния) восставшие окружили отряд драгун из 40 человек, укрывшихся в корчме. Повстанцы подожгли здание, при этом от огня и пуль погибли 20 военнослужащих, в том числе командир отряда подполковник Миллер; трупы погибших были изуродованы. В г. Тальсен кавалеристы, мстя за погибших в Туккуме, сожгли 23 дома подозреваемых в причастности к восстанию, погибли до 25 человек[2].

В то же время утверждения, будто войска систематически и бесконтрольно использовали оружие против мирного населения, демонстраций, митингов и т.п. не соответствовали действительности. Противники самодержавия в пропагандистских целях нередко намеренно дискредитировали армию, обвиняя ее в преступлениях, которых на самом деле не было. Например, И. Г. Церетели, лидер меньшевистского крыла социал-демократов обвинил 132-й пехотный Бендерский полк в жестоком и неправомерном отношении к жителям селения Ланчхуты (Кутаисская губерния). В ответ офицеры полка возбудили ходатайство о расследовании действий их части в ходе пресечения беспорядков, чтобы изобличить И. Г. Церетели во лжи. В своем заявлении офицеры отметили: «…он и ему подобные, не смели бы клеветать, если бы не поддержка… со стороны думского большинства… и той части российской интеллигенции, которая стремится… руководить у нас общественным мнением»[3].

Представляется необходимым отдельно рассмотреть вопрос о применении оружия при подавлении беспорядков, ибо обвинения в постоянных злоупотреблениях вооруженной силой в те годы звучат и поныне. Большая доля вины при этом

---

[1] Карательные экспедиции в Сибири. С. 126.
[2] *Климков В.* Расправы и расстрелы (письма, очерки и наброски специального корреспондента газеты «Русь»). С. 146–147.
[3] *Колбе С.* Дума и армия // Разведчик. 1907. № 866. С. 303–304.

возлагается на офицеров, как лиц, командовавших действиями подразделений и частей во время столкновений. Сразу же отметим: использование армии в целях обеспечения общественного порядка было достаточно строго регламентировано. Действовали законы, определявшие порядок привлечения войск для помощи гражданским властям, в том числе, в случаях массовых беспорядков и волнений. До февраля 1906 г. действовал закон, утвержденный в 1877 г. Войска могли призываться для содействия гражданским властям при «недостаточности полицейских средств», в целях «охранения порядка и внутренней безопасности». О применении оружия говорилось следующее: «При народных беспорядках и волнениях, определение времени, когда войско должно приступить к действию оружием, зависит от усмотрения гражданского начальства. Оно дает старшему начальнику отряда указание, по этому предмету, не иначе, как исчерпав все зависящие от него средства к усмирению неповинующихся»[1].

Оружие могло применяться только после троекратного предупреждения о том, что оно будет пущено в дело. Что касается огнестрельного оружия, то закон требовал, чтобы к нему прибегали лишь в случае крайней необходимости, «когда никакими другими способами нельзя будет прекратить беспорядок»[2]. В случаях нападения на войска или необходимости спасти жизнь лиц, подвергшихся нападению, разрешалось применять оружие без предупреждения и указаний гражданских властей. Использование оружия без крайней необходимости, равно как и его употребление без «приказания начальства, коему поручено усмирение» относилось к особенным видам превышения власти по службе. В зависимости от последствий и обстоятельств к виновным офицерам применялись такие наказания, как увольнение со службы, разжалование в рядовые, заключение в крепость, лишение всех прав и преимуществ и ссылка в Сибирь[3].

---

[1] № 57748. 3 октября. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О правилах, определяющих порядок призыва войск для содействия гражданским властям» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. LII. Отделение второе. 1877 г. От № 57529–58047. СПб., 1879. С. 161.
[2] Там же. С. 161–162.
[3] Воинский устав о наказаниях / 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1899. С. 56, 57.

Кроме того, применение оружия не против внешнего противника, а внутри страны создавало серьезные морально-этические проблемы для офицерства. В силу перечисленных обстоятельств офицеры приказывали применять оружие далеко не всегда даже в тех случаях, когда этого требовала обстановка. Например, во время нападения гражданских лиц на караул в Варшавском военном округе военнослужащие, отступая, стреляли только вверх; подобные инциденты происходили неоднократно. В этой связи командующий войсками округа, подчеркнув необходимость проявлять осмотрительность при применении оружия, одновременно потребовал использовать оружие в соответствии с инструкцией[1]. Заметим: в случае нападения на караул военнослужащие имели законное право открыть огонь.

Современник отмечал, что пассивное поведение офицеров, командовавших частями, вызванными для наведения порядка, приводило к тому, что в войска бросали камни, грязь, кололи лошадей булавками, плевали солдатам в лицо и т.п., причем как действовать в подобных ситуациях, закон не определял[2].

Необходимо отметить: при участии в бесчинствах гражданского населения, офицеры оказывались в особенно сложной этической ситуации. Представляется, что именно этим обстоятельством вызывалась их нерешительность и ожидание указаний свыше в случаях, когда приходилось действовать против разношерстной толпы. Видимо, подметив эту тенденцию, командующий войсками Виленского военного округа генерал-лейтенант К.Ф. Кршивицкий в своем приказе указал, что подобное поведение демонстрирует «…боязнь взять на себя решение или даже растерянность испрашивающего приказаний»[3].

В этой связи командующий потребовал проявления «… в действиях войск, и особенно в случаях применения оружия… быстроты и решительности, без которых присутствие войск на местах беспорядков ведет лишь…к развитию самих беспорядков…»[4].

---

[1] Приказ войскам Варшавского военного округа № 150 // Разведчик. 1904. № 731. С. 1074.
[2] *Мартынов Е.* Защита армии от оскорблений // Разведчик. 1903. № 681. С. 973.
[3] Приказ войскам Виленского военного округа № 18 // Разведчик. 1906. № 797. С. 71.
[4] Там же.

Бывали трагические случаи, когда офицеры погибали, пытаясь предотвратить столкновение между участниками беспорядков и войсками. Так, в декабре 1904 г. в городе Радом собравшаяся толпа напала на дежурную роту 26-го пехотного Могилевского полка. Командир части полковник И. И. Булатов отдал приказ не стрелять, подошел к нападавшим и был убит[1].

В случаях волнений и беспорядков в воинских частях оружие также стремились применять лишь в крайних случаях. Так, в октябре 1905 г. во Владивостоке произошел бунт запасных нижних чинов, недовольных тем, что их не распустили по домам. Пьяная толпа начала грабить магазины и торговые заведения, разгромила базар. Бесчинства сопровождались поджогами зданий, в результате чего сгорела часть города. Как отмечала пресса, беспорядки «приняли большие размеры потому, что власти, руководясь гуманными побуждениями, пытались прекратить их, не пуская в ход оружие»[2].

Во время выступления саперов в ноябре 1905 г. в Киеве вооруженная толпа численностью до тысячи человек двигалась по улицам, пытаясь присоединить к себе другие части и подразделения. Военное командование сосредоточило необходимые силы для противодействия восставшим, но оружие решено было не применять, так как в результате столкновения могли пострадать жители города. Казакам, преградившим путь толпе на одной из улиц, во избежание кровопролития, было приказано пропустить ее. Представители военного командования, в том числе, командир 21-го армейского корпуса генерал-лейтенант Л. Л. Драке неоднократно пытались убедить солдат прекратить беспорядки и вернуться в казармы, но их усилия были напрасны. Когда толпа подошла к казармам 45-го пехотного Азовского полка, отказавшегося присоединиться к восстанию, из рядов мятежников прозвучали выстрелы в сторону пехотинцев. Только после этого были произведены три ответных залпа[3].

---

[1] Корреспонденция «Разведчика» // Разведчик. 1905. № 742–743. С. 30 –31; *Деникин А.И.* Путь русского офицера. С. 94.
[2] Заметки // Разведчик. 1905. № 788. С. 896.
[3] Там же. С. 896–897.

В ноябре 1905 г. начались волнения в одном из резервных батальонов в Ташкенте. После прибытия вызванных для восстановления порядка войск восставшим было предложено сложить оружие, однако они открыли огонь по правительственным силам. После этого войска применили оружие, вынудив мятежников скрыться в казармах и вскоре сдаться[1].

О неправомерности обвинений армии в систематическом и необоснованном применении оружия свидетельствуют статистические данные. Например, в течение 1905 г. для содействия гражданским властям войска вызывались 3893 раза, в то время как оружие применялось 311 раз. Очевидно, что оружие употреблялось в дело в абсолютном меньшинстве случаев. Можно предположить, что так происходило в критических ситуациях, ибо при этом было убито 73, ранено 350, травмировано 179 солдат и офицеров[2]. В 1906 г. войска вызывались гражданскими властями 2559 раз, оружие употреблялось в 164 случаях. Потери среди военнослужащих составили 28 убитых, 98 раненых, 5 травмированных[3]. Количество погибших в столкновениях с войсками граждан неизвестно.

Особняком стоят события 9 января 1905 г., которые описывали и до сих пор описывают по-разному. Не рассматривая общую картину происшедшего, и не вдаваясь в политические оценки, сосредоточим внимание на положении и действиях войск, участвовавших в трагических событиях. Синоидальная комиссия по канонизации святых, образованная по решению Священного Синода в 1989 г., проанализировала события того трагического дня и, в числе прочего, отметила, что полицейские власти загнали себя в тупик, разрешив массовые шествия рабочих вплоть до самой Дворцовой площади, но запретив на нее вступать. В результате полиция уже утром 9 января утратила контроль над ситуацией в столице. При этом официальный представитель для приема петиции, которую рабочие готовились передать Николаю II, назначен не был, хотя это могло бы отчасти разрядить обстановку. Военное командование считало, что

---

[1] Приказ войскам Туркестанского военного округа № 423 // Разведчик. 1906. № 797. С. 71.
[2] Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1905 год. СПб., 1907. С. 27, 28.
[3] Всеподданнейший отчет о действиях военного министерства за 1906 год. СПб., 1908. С. 18.

переговоры с рабочими будут вестись представителями гражданских и полицейских властей. Переговоров, однако, не было, и «…воинские части, лишь выполняя имевшийся у них приказ не пропускать рабочих в центр города, вынуждены были… после троекратных предупреждений открывать огонь по игнорировавшим их требования рабочим. <…>… В сложившихся условиях ожидать от связанных присягой и приказом воинских частей каких-либо иных действий было бы совершенно немыслимо»[1].

Колонны рабочих шли несколькими маршрутами. Участник шествия так описывал ход событий на маршруте, проходившем через Нарвские ворота. «Когда толпа находилась в 80 шагах от сторожевой цепи, то начальник команды… приказал остановиться и мирно разойтись, так как иначе он будет принужден стрелять»[2]. Вышедший из толпы Г. А. Гапон вступил в переговоры с офицером, прося его передать петицию императору. Просьба была отклонена, после чего Г. А. Гапон вернулся к толпе и скомандовал «вперед». Солдаты стали стрелять холостыми патронами, «но рабочие не испугались и пошли смело вперед», после чего был открыт огонь боевыми патронами[3].

Есть и другое описание событий возле Нарвских ворот, где находились эскадрон конных гренадер и две роты 93-го пехотного Иркутского полка. По свидетельству одного из юристов той поры, колонна отказалась подчиниться требованиям полицейского пристава Значковского и остановиться, несмотря на его предупреждение о применении военной силы. По просьбе пристава командир конных гренадер, направившись с кавалеристами в толпу, разделил ее на две части, причем кто-то из рабочих ударил вахмистра образом по голове. Еще в одного нижнего чина был произведен выстрел из револьвера. Когда эскадрон прошел через толпу, она вновь сомкнулась, и двинулась дальше. В этой ситуации командир пехотных подразделений приказал протрубить несколько раз боевой сигнал, а затем четырежды скомандовал «К прицелу». После этого был дан первый залп, толпа

---

[1] Император Николай II и события 9 января 1905 года в Санкт – Петербурге (материалы Синоидальной комиссии по канонизации святых) // Православная газета. 2003. № 32. С. 7.
[2] Кровавое воскресенье в Петербурге 9/22 января 1905 г. Берлин, [б. г.]. С. 17–18.
[3] Там же.

легла на землю, однако, поднявшись, вновь попыталась пройти. После этого был открыт огонь на поражение. В результате было убито и ранено 45 человек[1].

Аналогично события развивались в некоторых других районах города, при этом еще до открытия огня войсками были зафиксированы выстрелы в сторону воинских подразделений, нападения на отдельных полицейских и военнослужащих, в том числе, двух генералов, нанесение им физических травм холодным оружием, грабежи магазинов[2].

Еще в одном документе тех лет также говорилось о выстрелах в сторону войск, избиении на улицах проезжавших мимо офицеров и юнкеров, грабежах лавок. Отмечалось, что перед каждым случаем применения оружия войсками толпа троекратно предупреждалась. В то же время в районе Московской заставы кавалерии удалось рассеять толпу без применения оружия[3].

В аналогичном ключе описаны события 9 января 1905 г. в монографии нашего современника И. Н. Ксенофонтова, который указывает, что при подобных обстоятельствах открывался огонь по участникам шествия на Невском проспекте, Васильевском острове, на Дворцовой площади и некоторых других районах. Одновременно он отмечает, что офицеры Московского и Егерского полков, исходя из складывавшейся обстановки, не давали команду применять оружие. Без стрельбы порядок поддерживался в районах Выборгской, Казанской, Спасской и Литейной частей. Были факты, когда офицеры, не желая использовать оружие против демонстрантов, но имея соответствующий приказ, действовали иначе. Командир одной из частей предупредил рабочих, что он не имеет права пропустить их к центру, и вынужден будет применить оружие. При этом, однако, он отметил, что приказа не позволять им идти, через Неву у него нет. Манифестанты сломали забор, отделявший улицу от реки, и по льду перешли на Дворцовую площадь[4].

---

[1] Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 9 января 1905 г. // Красный архив. 1935. Т. 1 (68). С. 48–49.
[2] Там же. С. 49–50.
[3] Описание действий войсковых частей 9 января 1905 г. // Красный архив. 1930. Т. 1. (38). С. 4–11.
[4] *Ксенофонтов И. Н.* Георгий Гапон: вымысел и правда. М., 1996. С. 119, 121, 122.

Представляется, что большинство участников шествия верили в его мирный характер, и не предполагали возможность трагедии. Однако организаторы выступления – Г. А. Гапон, тесно сотрудничавший с эсерами, и его помощники, отнюдь не были уверены в мирном исходе мероприятия[1]. Пресса указывала, что рабочих вовлекли «в демонстрацию бунтовскую, причем политические требования, … даже не были известны самим рабочим»[2].

В этой связи можно предположить, что действовали силы, по тем или иным причинам заинтересованные в кровопролитии. Некоторые современные исследователи отмечают, что в рядах шествия находились люди, откровенно провоцировавшие военнослужащих не только швырянием камней, неподчинением приказам и попытками прорваться сквозь строй, но и стрельбой по солдатам и офицерам[3].

Факт того, что «из толпы раздались отдельные выстрелы», подтверждается и некоторыми лицами, находившимися в числе людей, шедших на Дворцовую площадь[4].

Известно, что участники шествия несли церковные хоругви и царский портрет. Однако один из офицеров, участвовавших в событиях 9 января, писал об этом так: «В своей дикой лжи он (Г. А. Гапон. – В. С.) не погнушался даже святотатством, чтобы обмануть рабочих: он повел их через несколько застав, причем, впереди шли агитаторы-студенты, переодетые священниками, для того, чтобы показать, что дело хорошее...»[5]. Не отрицал такой «маскировки» и сам Г. А. Гапон: «… я подумал, что хорошо было бы придать всей демонстрации религиозный характер, и немедленно послал… в ближайшую церковь за хоругвями и образами, но там отказались дать нам их. Тогда я послал 100 человек взять их силой, и через несколько минут они принесли их. Затем я приказал принести из нашего отделе-

---

[1] Там же. С. 101.
[2] Рабочий вопрос и политическая смута // Московские ведомости. 1905. 12 (25) января. № 12. С. 2.
[3] *Чувардин Г. С.* Русская императорская гвардия в событиях революции 1905–1907 гг. [Электронный ресурс] // Всероссийская общественная организация «Общество историков России» [сайт]. Режим доступа: http://www.oiros.ru/publick/p04/004.htm (дата обращения: 02.09.2017).
[4] Кровавое воскресенье в Петербурге 9/22 января 1905 г. С. 18.
[5] Цит. по: Чувардин Г. С. Указ. соч.

ния царский портрет, чтобы этим подчеркнуть миролюбивый и пристойный характер нашей процессии»[1].

О том, что организаторы шествия вовсе не исключали возможные столкновения с войсками, свидетельствует также следующее: в тот же день Г. А. Гапон обратился к рабочим с письмом-воззванием, в котором были такие слова: «Смерть им всем, вредите всем, кто, чем и как может!»[2]. Также в письме содержались призывы строить баррикады, использовать бомбы и динамит, уничтожать полицию. По некоторым данным, автором воззвания являлся эсер П. М. Рутенберг, сотрудничавший с Г. А. Гапоном.

Еще одной важной деталью, свидетельствовавшей об отнюдь не мирных замыслах организаторов шествия 9 января, являлся следующий факт. В декабре 1905 г. Г. А. Гапон вернулся из-за границы и стал секретным сотрудником Департамента полиции. Встретившийся с ним генерал отдельного корпуса жандармов А. В. Герасимов в этой связи вспоминал, что в ответ на вопрос: «…верно ли, что 9/22 января был план застрелить Государя при выходе его к народу», Гапон ответил утвердительно. При этом он утверждал, что он узнал об этом плане позже, так как это был не его план, а П. М. Рутенберга[3].

Таким образом, представляется верным вывод Синоидальной комиссии о том, что «представители революционных партий накануне 9 января определенно стремились превратить шествие гапоновских рабочих в революционное выступление против власти»[4]. При этом реакция и действия войск не могла не учитываться организаторами шествия заранее. Но, как бы то ни было, события 9 января вызвали массовое возмущение населения, и стали одним из важных факторов, способствовавших началу революции 1905–1907 гг.

---

[1] Записки Г. Гапона (Очерки рабочего движения в России 1900-х годов). М., 1918. С. 71.
[2] Письмо Г. Гапона к рабочим // В кн.: Л. Троцкий. Сочинения. Наша первая революция. Т. 2. Ч. 1. М. – Л., 1925. Приложение № 2. С. 485.
[3] См.: *Герасимов А. В.* На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. М., 2004. Т. 2. С. 206.
[4] Император Николай II и события 9 января 1905 года в Санкт – Петербурге (материалы Синоидальной комиссии по канонизации святых) // Православная газета. 2003. № 32. С. 6.

Ситуацию в стране еще более обостряло то, что были случаи, когда местные власти, иной раз отличавшиеся приверженностью исключительно силовым методам разрешения вопросов, сочетавшейся с личной безответственностью, использовали войска беспричинно. Так, минский губернатор П. Г. Курлов, в нарушение действовавших в то время «Правил, определяющих порядок призыва войск для содействия гражданским властям» 1877 г. передал свои полномочия использовать войска младшим полицейским офицерам, не имевшим на то законных полномочий. На разрешенном властью митинге, собравшемся в связи с опубликованием Манифеста 17 октября, не было ни губернатора, ни вице-губернатора, ни чиновников, их представлявших, ни даже полицмейстера. Однако были вызваны войска, которые стояли рядом с местом проведения митинга несколько часов. Среди митингующих возникла давка, ситуация накалялась, присутствовавшие полицейские и жандармы не знали, как действовать далее. По неизвестным причинам по собравшимся на митинг гражданам практически без предупреждения был открыт огонь, несмотря на то, что массовых беспорядков они не допускали, и лишь отдельные выступающие провозглашали антиправительственные лозунги. Командир одной из рот капитан Пучковский пытался остановить стрельбу, но сам попал под огонь и сделать ничего не смог. В результате было убито около 50 человек, около 100 ранено. Правительствующий сенат обвинил П. Г. Курлова в превышении власти, выразившемся в нарушении правил о призыве войск для содействия гражданским властям, а также в личном бездействии в предупреждении применения оружия без необходимости[1].

В феврале 1906 г. был принят новый закон, определявший правила использования войск при содействии местным властям, который уточнял некоторые положения прежнего закона. Так, было определено, что в число лиц, имевших право требовать от военного командования выделить войска для восстановления порядка, входили генерал-губернаторы, губернаторы, градоначальники, начальники по-

[1] Дело об ответственности и. д. минского губернатора П. Г. Курлова за неправильные действия по службе // Материалы к истории русской контрреволюции. Т. 1. Погромы по официальным документам. СПб., 1908. С. 299–309, 317–319, 326–327.

лиции в городах и уездах. Оружие (холодное или огнестрельное) при наведении порядка могло применяться «для рассеяния неповинующейся толпы» или в случае препятствования движению войск, но, как и ранее, только после передачи гражданскими властями соответствующих полномочий войскам. Применению оружия, как и в прежнем законе, должно было предшествовать троекратное предупреждение сигналом на трубе или на барабане. Новым было то, что разрешалось применять оружие против толпы, оскорбляющей войска словами. В данном случае передача полномочий со стороны гражданских властей не требовалась, однако, троекратное предупреждение должно было делаться. Без предупреждения оружие могло применяться в случае нападения на войска или совершения против них враждебных действий. При этом, как и ранее, указывалось, что применении огнестрельного оружия разрешается лишь в «неизбежных» случаях, когда никакой другой способ не помогает прекратить беспорядок[1].

В официальных документах Военного министерства, что содействие гражданским властям «является для войск наиболее тяжелым видом службы»[2]. Один из оппозиционных журналистов писал, что, несмотря на «целый ряд жестокостей» со стороны военнослужащих, он не может «предъявить огульное обвинение» войскам. По его наблюдениям, их положение «было очень мучительное, тяжелое», при этом, говоря об офицерах, он писал: «Я знаю, как мучились и нравственно терзались некоторые московские офицеры-артиллеристы, когда на их долю выпадало отправляться в наряд»[3].

Об огромной морально-психологической нагрузке, ложившейся на офицеров в случаях массовых беспорядков, требовавшей от них «…высшего напряжения всех сил душевных и физических», писал один из военнослужащих – участников событий тех лет. При этом он подчеркивал: «…велика власть

---

[1]№ 27371. Высочайше утвержденные Правила о призыве войск для содействия гражданским властям. 7 февраля // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. Отделение I. 1906 г. От № 27173–28753. СПб: 1909. С. 105, 106, 108, 109.

[2] Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1906 год. С. 18.

[3] *Климков В.* Расправы и расстрелы (письма, очерки и наброски специального корреспондента газеты «Русь»). С. 58.

представителей армии при настоящих условиях, но столь же огромна и ответственность их перед всей страной, перед измученной родиной»[1].

Возвращаясь к случаям расстрелов без суда, следует отметить, что подсчитать их количество вряд ли возможно. Отметим, однако, что даже в экстремальной обстановке, когда происходили вооруженные столкновения, подобные факты в офицерской среде осуждались. Во второй половине 1906 г. была опубликована статья, посвященная этической стороне вопроса о действиях войск в период революции. Автор осуждал насилие по отношению к невинным, или даже виновным, но обезоруженным, указывал, что такие случаи должны караться так же строго, как и преступное бездействие. «…Поступки, совершенные офицерами, должны иметь своим неизбежным последствием предание виновного суду общества офицеров, как за проступок явно несовместимый с понятием о воинской чести – доблести офицерского звания. Здесь лучше быть слишком строгим…»[2].

Почему бывали случаи неоправданного или чрезмерного применения оружия? Вероятнее всего, одной из причин совершения внесудебных расправ было нервное напряжение, царившее в войсках. Корреспондент газеты «Русь», освещавший события в декабре 1905 г. в Москве с явной симпатией к восставшим, писал: «Сбитые войсками баррикады быстро воздвигаются вновь. Войска озлоблены и утомлены беспрерывной службой»[3]. Кроме того, значительное влияние на настроения офицерства и его отношение к революционным событиям 1905–1907 гг. оказывал революционный террор. Наряду с эсерами, большое число терактов совершали различные группы анархистов, не были чужды терроризма социал-демократы. Многие их жертвы были случайными людьми, убитыми или ранеными во время «революционных экспроприаций» или в ходе перестрелок с полицией. Израильско-американская исследовательница А. Гейфман, изучающая проблему революционного террора в России, отмечает, что в первое десятилетие XX в. политические убийства были «действительно массовыми явлениями». За

---

[1] *Глинский С.* Честь или позор // Разведчик. 1906. № 834. С. 753.
[2] Там же. С. 753, 754.
[3] *Климков В.* Расправы и расстрелы (письма, очерки и наброски специального корреспондента газеты «Русь»). С. 22.

один год, начиная с октября 1905 г., террористами было убито и ранено 3611 государственных чиновников; к концу 1907 г. их число достигло почти 4500 человек. С учетом 2180 убитых и 2530 раненых частных лиц, общее число жертв в 1905–1907 гг. составило более 9000 человек[1].

Постоянно совершались теракты против военнослужащих. Например, командир лейб-гвардии Семеновского полка генерал-майор Г. А. Мин был застрелен в присутствии своей семьи на железнодорожной станции. Герой русско-турецкой войны генерал-майор К. А. Карангозов был убит в период прохождения лечения, начальник 78-й пехотной дивизии генерал-лейтенант В. Я. Лисовский убит на улице, военный прокурор генерал-майор И. М. Ринкевич застрелен во время судебного заседания. Во внеслужебной обстановке были убиты командир 5-го армейского корпуса генерал от кавалерии Н. М. Вонлярлярский, бывший военный министр генерал-лейтенант В. В. Сахаров и ряд других военачальников. Ряд терактов не принес ожидавшегося результата. Так, неудачной оказалась попытка убить генерал-лейтенанта П. К. фон Ренненкампфа, восстанавливавшего со своим отрядом сообщение наших войск в Маньчжурии с российской территорией, которое было прервано революционными событиями в Сибири. Не удались два покушения на полковника Ф. А. Келлера, когда он временно исполнял обязанности генерал-губернатора в одной из губерний Царства Польского.

Погибли или были ранены многие менее высокопоставленные офицеры, в удобных случаях покушения совершались на целые группы военнослужащих. Так, в декабре 1905 г. была брошена бомба в магазин офицерского экономического сообщества, взрывом которой были ранены 5 человек[2].

Только в Царстве Польском количество убитых и умерших от ран военнослужащих, жандармов, полицейских за 1905 г. и четыре первых месяца 1906 г. составило 127 человек, раненых – 207 человек. Следует отметить, что в числе про-

---

[1] *Гейфман А.* Революционный террор в России. 1894–1917/ Пер. с англ. Е. Дорман. М., 1997. С. 31.

[2] Приказ по войскам Туркестанского округа № 453 // Разведчик. 1906. № 834. С. 752; *Обнинский В.* Полгода русской революции: сб. материалов к истории русской революции (октябрь 1905 – апрель 1906 гг.). Вып. 1. М., 1906. С. 160.

чих терактов, совершались взрывы бомб в православных церквях и у памятников русским солдатам, погибшим во время польского восстания 1863 года[1].

Действия террористов вызывали у офицеров враждебное отношение к революционному движению в целом и конкретным его представителям, что сказывалось на их поведении во время подавления революционных выступлений. Часто спутником терактов являлись вооруженные грабежи и разбои (т.н. «экспроприации»), в которых принимали участие представители практически всех революционных партий. Формально это делалось для пополнения партийных касс, но попадали туда далеко не все изымаемые средства, что признавалось самими революционерами. Как отмечалось на II съезде партии эсеров, в годы первой русской революции получили «эпидемическое распространение» различные экспроприации, которые позволяли «…множеству недобросовестных элементов совершать в видах личной выгоды самые возмутительные действия, маскируясь революционными целями…»[2]. Иными словами, под видом революционной необходимости совершались обычные уголовные преступления. Как указывает А. Гейфман, в течение только одного года (с октября 1905-го), был совершен 1951 грабеж, совершенный членами радикальных партий. Из этого числа 940 ограблений пришлись на государственные и частные финансовые учреждения[3].

О значительном увеличении числа тяжких уголовных преступлений в сравнении с предреволюционными годами свидетельствуют следующие данные. В 1906–1909 гг. за «государственные преступления, восстание и сопротивление» к смертной казни было приговорено 387 человек, в то время как за разбой и грабеж – 1197[4].

Армия принимала активное участие в борьбе с терроризмом и преступностью: в соответствии с законодательством, войска призывались не только для

---

[1] *Будько Г. Г.* Деятельность польских террористических организаций на территории Беларуси в период первой русской революции // Западный регион Беларуси глазами историков и краеведов: сб. научных статей. Гродно, 2006. С. 146, 151.
[2] Памятная книжка социалиста-революционера. Вып. 1. С. 51.
[3] *Гейфман А.* Революционный террор в России. 1894 – 1917. С. 33.
[4] *Таганцев Н. С.* Смертная казнь, как наказание по русскому уголовному праву // Смертная казнь: сб. статей. С. 90, 91.

борьбы с массовыми беспорядками, но и для «поимки и задержания разбойников, грабителей, зажигателей и других преступников, при их многочисленности или ожидаемом сопротивлении вооруженной рукой»[1].

По требованию гражданских властей выделялись патрули (разъезды), получавшие от полиции указания, какую именно территорию они должны обходить или объезжать. Патруль следовал в сопровождении полицейского чина, по требованию которого, оказывал необходимое содействие в поддержании порядка. Военнослужащие имели право применять оружие по правилам, установленным для часового на посту. Задержанных правонарушителей патрули и разъезды сдавали в ближайшее полицейское управление. Кроме того, содействие полиции, в случае необходимости, оказывали караулы, наряжаемые воинскими частями; для этого могло назначаться до одной трети караула[2].

Для борьбы с преступностью и беспорядками выделялось значительные силы. За 1905 год общее число составило 25283 роты, 5354 эскадрона и сотни (общее число вызовов – 3893). Из этого числа 15 % использовались «для поимки бродяг и разбойников, для производства обысков и отобрания оружия»[3]. Естественно, командовали выделенными подразделениями офицеры.

Офицеры привлекались к борьбе с террором, беспорядками, грабежами и разбоями не только в составе частей и подразделений. По указанию Николая II в местностях, где было объявлено военное положение или введен режим чрезвычайной охраны, военным властям разрешалось создавать военно-полевые суды (действовали с 20 августа 1906 г. по 20 апреля 1907 г). Отличие этих судов от всех остальных, в том числе, военных, состояло в том, что они действовали не в соответствии с предусмотренной законом процедурой уголовно-процессуальной дея-

---

[1] № 57748. 3 октября. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О правилах, определяющих порядок призыва войск для содействия гражданским властям» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. LII. Отделение второе. 1877 г. От № 57529–58047. СПб,. 1879. С. 160.

[2] № 7142. 22 октября. Высочайше утвержденный Устав гарнизонной службы // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. X. Отд. I. 1890 г. От № 6505–7339 и дополнения. СПб., 1895. С. 689, 701.

[3] Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1905 год. С. 27, 28.

тельности, а в особом порядке. Условием предания военно-полевому суду являлись случаи, «…когда учинение преступного деяния лицом, подсудным военному суду, является настолько очевидным, что нет надобности в его расследовании…»[1], при этом наказание назначалось по законам военного времени.

Очевидными случаями преступных деяний считались, например, покушение на жизнь минского губернатора П. Г. Курлова, полицмейстера Д. А. Норова, убийство в Минске постового тюремного надзирателя. Эти дела были изъяты из общей подсудности и переданы для осуждения виновных по законам военного времени[2]. Военно-полевой суд, действовавший при отряде П. К. фон Ренненкампфа, также неоднократно выносил смертные приговоры в подобных случаях[3].

Формирование военно-полевого суда должно было происходить сразу же «за совершением преступного деяния», по возможности, в течение суток. В состав суда входили председатель и четыре члена суда из войсковых офицеров. На рассмотрение дела отводилось не более двух суток, приговор вступал в силу немедленно после объявления, и не позже чем через сутки приводился в исполнение. В официальных сообщениях не указывались причины введения военно-полевых судов. «Разведчик» высказал предположение, что так как «дело скорого, не тянущегося годами, и беспощадно строгого суда оказалось не по плечам гг. юристам», то это «безмерно тяжелое и ответственное дело взвалено на плечи строевых офицеров»[4].

Не исключено, что данная ремарка соответствовала действительности, и власти таким путем решили восстановить внутриполитическую стабильность.

Нельзя, однако, не отметить, что вряд ли строевые офицеры, назначавшиеся членами военно-полевых судов, обладали какими-либо юридическими знаниями. Учитывая, что расследование не проводилось, а участие адвокатов не предусматривалось, в решениях военно-полевых судов, вероятнее всего, было немало су-

---

[1] № 28257. 20 августа. Об установлении Правил о военно-полевом суде // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. Отделение I. 1906 г. От № 27173–28753. СПб., 1909. С. 815, 816.
[2] ГАРФ. Ф. 102. Д-7. 1906 г. Д. 8. Ч. 32. Т. 5. Л. 14–14 (об.).
[3] Карательные экспедиции в Сибири / Подг. к печати В. Максаков. М. – Л., 1932. С. 250–289.
[4] *Глинский С.* Честь или позор // Разведчик. 1906. № 834. С. 754.

дебных ошибок. По сути, деятельность военно-полевых судов осуществлялась вне уголовно-процессуальных норм. Как отмечал один публицистов тех лет, «никаких полевых судов законодательство Российской империи не знает», единственно компетентными органами для вынесения смертного приговора «в местностях, объявленных на военном положении», являлись обычные военные суды, которые действовали с соблюдением установленных процессуальных форм[1].

Военно-полевые суды рассматривали дела только об убийствах, разбоях, грабежах, нападениях на военных, полицейских и должностных лиц. Соответственно, часть подсудимых была приговорена к суровым наказаниям: решениями военно-полевых судов всего было казнено 683 человека[2]. В то же время, нередко бывали случаи вынесения более мягких приговоров, и даже оправдания подсудимых. Так, военно-полевыми судами и обычными военными судами в 1906 г. рассматривались дела 2021 гражданского лица. Из них 643 человека были оправданы, 182 приговорены к смертной казни, остальные понесли более мягкое наказание. Кроме того, смертные приговоры были вынесены 2 офицерам и 63 нижним чинам[3].

Следует отметить, что известны случаи, войска пресекали погромы по национальному признаку. Как писал один из военных авторов, «защита населения от …всякого посягательства на чужую жизнь…составляет священную обязанность армии. Здесь…не может быть различия, чьи жизнь или имущество мы защищаем…. для армии в России не может быть ни эллина, ни иудея; каждый гражданин… имеет полное право требовать от нас защиты…»[4].

При этом, однако, следует еще раз подчеркнуть, что действие, или же, напротив, бездействие войск по закону напрямую зависели от указаний гражданских властей. Бывали случаи, когда войска не принимали участия в пресечении бесчинств, что вело к многочисленным жертвам. Так было, например,

---

[1] *Кузьмин-Караваев В. Д.* Из эпохи освободительного движения. Ч. 2 (17 октября 1905 – 8 июля 1906 г.). С. 126.
[2] *Таганцев Н. С.* Смертная казнь, как наказание по русскому уголовному праву // Смертная казнь: сб. статей. С. 91.
[3] Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1906 год. С. 85.
[4] *Глинский С.* Честь или позор // Разведчик. 1906. № 834. С. 753.

во время армянских погромов в Баку в октябре 1904 г.[1]. Причиной тому стала позиция бакинского губернатора М. А. Накашидзе, не проявившего в ходе армяно-азербайджанского конфликта качеств государственного деятеля и, в силу особенностей своих взглядов, не предпринявшего мер по пресечению погромов[2].

Во время еврейского погрома в октябре 1905 г. в Одессе, вызванного столкновением участников двух демонстраций: одной – в поддержку манифеста 17 октября, другой – сторонников революции, войска несколько дней практически не участвовали в пресечении беспорядков. Такая ситуация была вызвана бездействием одесского градоначальника Д. Б. Нейдгарта, который «…сам ничего не предпринимал для водворения порядка и, вместе с тем, не передал военному начальству власти самостоятельного подавления силой оружия возникших беспорядков»[3]. Погромы и столкновения, в ходе которых были убиты и ранены сотни человек, стали прекращаться лишь после того, как в городе повсюду было вывешено объявление, подписанное командующим войсками Одесского военного округа. В нем говорилось, что «…войскам приказано истреблять на месте оружием всех без исключения грабителей, нападающих на дома, магазины и мирных жителей»[4].

В то же время, когда взаимодействие гражданских и военных властей было организовано на необходимом уровне, ситуация складывалась иначе. Например, когда в июне 1906 г. начались еврейские погромы в Белостоке, а также столкновения погромщиков с вооруженными боевыми дружинами Бунда, войска 6-го армейского корпуса пресекли и погромы, и столкновения[5].

---

[1] Русская мысль. 1905. Книга III. С. 192.
[2] *Дан Ф.* Бакинские зверства // За два года: сб. статей из «Искры». Ч. 1. С. 416 – 418.
[3] Дело об ответственности бывшего одесского градоначальника Нейдгарта за неправильные действия по службе // Материалы к истории русской контрреволюции. Т. 1. Погромы по официальным документам. СПб., 1908. С. 13.
[4] Там же. С. 66, 176.
[5] Приказ войскам 6-го армейского корпуса // Разведчик. 1906. № 821. С. 551–552.

Факт того, что, еврейские погромы в Ровно, а также населенных пунктах Смеле и Сосновицы были быстро прекращены «энергией полиции и войска», признавали даже видные представители революционного движения[1].

Резюмируя сказанное в настоящем параграфе, необходимо отметить, что роль офицерства в революции 1905–1907 гг. была противоречивой, и дать ей однозначную оценку не представляется возможным. С одной стороны, офицерство приняло активное участие в борьбе против неизбежной в той конкретно-исторической обстановке революции. Это выражалось не только в подавлении войсками вооруженных выступлений, но и расправах над участниками революционного движения, вплоть до расстрелов без суда. Кроме того, бывали случаи необоснованного и неспровоцированного применения оружия против участников митингов и демонстраций. В то же время следует указать, что само присутствие войск в местах массовых беспорядков, чаще всего локализовало их, предотвращало гибель еще большего количества людей, способствовало восстановлению общественной безопасности, сохранению жизни и здоровья граждан в случаях пресечения погромов.

По мнению автора диссертации, ответственность за жертвы, как со стороны участников выступлений, так и в рядах военнослужащих, лежала не столько на офицерах, сколько на верховной власти и местных структурах гражданской власти. Немалую долю вины несли и те политические силы, которые стремились любой ценой захватить власть, и пытались использовать народное недовольство в своих целях.

В завершение отметим, что некоторые аспекты проблемы, рассмотренной в данном параграфе, изложены автором в двух публикациях[2].

---

[1] *Мартов Л.* Либерализм кишиневских громил // За два года: сб. статей из «Искры». Ч. 1. СПб., [б. г.]. С. 145.

[2] *Суряев В. Н.* В целях «охранения порядка и внутренней безопасности». Армия и общественная безопасность (1900–1910 гг.) // Военно-исторический журнал. 2018. № 2. С. 4–11; *Он же.* Армейское офицерство и революция 1905–1907 гг. в России // Codrul Cosminului. 2015. № 1. С. 125–142.

3.5. Материально-бытовое положение офицерства

До наших дней встречается мнение о высоком уровне материального благосостояния офицеров русской армии. Изучение проблемы, однако, показывает, что историческая действительность была иной. В общем виде материальное положение офицерства рассмотрено в одной из наших публикаций[1], в диссертации же проблема рассматривается более обстоятельно.

Военнослужащим запрещалось заниматься предпринимательством, банковским делом, торговлей. Закон указывал, что военная служба «…несовместима с участием в торговых и промышленных товариществах и компаниях, а также в общественных и частных кредитных установлениях…»[2]. Что касается владения землей, то, как уже отмечалось в параграфе 3.1., кадровое офицерство ею не обладало. Среди более чем сорокатысячного корпуса офицеров и генералов земельными участками, в основном, небольшими, обладали всего несколько десятков человек, то есть, офицерство в массе своей не владело землей, как средством производства. Учитывая существовавшее положение вещей, военная пресса констатировала, что содержание, получавшееся на службе, было единственным источником доходов офицеров[3].

Из чего состояло содержание офицеров и генералов? Оно включало в себя жалованье, столовые, добавочные, квартирные и фуражные деньги[4]. Однако расходовать на себя и семью офицеры могли только жалованье и столовые деньги, ибо остальные средства имели другое предназначение. Так, добавочные деньги, предназначавшиеся на представительские расходы, получали всего несколько десятков генералов, занимавших должности от командира корпуса и выше. Фураж-

---

[1] *Суряев В. Н.* «Военная служба, при всей своей почетности, есть самая невыгодная по денежному вознаграждению». Уровень жизни армейского офицерства Русской императорской армии в 1905 –1914 гг. // Военно-исторический журнал. 2014. № 10. С. 52–57.

[2] Свод военных постановлений 1869 года. Книга VII. Прохождение службы по военному ведомству. С. 221.

[3] Военный сборник. 1898. № 1. С. 17.

[4] *Макшеев Ф.* О размерах содержания офицерам и военным чиновникам // Военный сборник. 1901. № 8. С. 125.

ные деньги предназначались для закупки корма для лошади, которую обязаны были иметь по службе некоторые категории офицеров, квартирные деньги расходовались на наем квартиры.

Жалованье всем строевым офицерам платилось по чинам, равно как и военнослужащим, служившим в штабах и управлениях. Исключение составляли офицеры на должностях, которые могли замещаться гражданскими лицами (так наз. классные должности). Эта категория военнослужащих получала жалованье в зависимости от занимаемой должности, без учета чина офицера (например, в управлениях округов или Военного министерства по интендантской линии)[1].

Размер столовых денег зависел от должности того или иного офицера. Особенностью здесь было то, что на должностях командира части и выше, столовые деньги были больше жалованья по чинам. У командиров батальонов, рот и им равных столовые деньги были меньше жалованья, субалтерн-офицерам столовые деньги вовсе не полагались[2].

Размеры жалованья и столовых денег, выплачивавшихся офицерскому составу с 1899 по 1909 г., указаны в табл. 3.6.

Таблица 3.6.

Годовые оклады содержания по характерным должностям (рублей)

Должности	Жалованье	Столовые	Добавочные	Всего
Командир корпуса, полный генерал	2100	5700	1500	9300
Нач. дивизии, ген.- лейтенант	1800	4200	–	6000
Командир бригады, ген.-майор	1500	2700	–	4200
Командир полка, полковник	1200	2700	–	3900
Командир батальона, подполковник	1080	660	–	1740
Командир роты, капитан	900	360	–	1260

[1] Там же.
[2] Там же. С. 126.

Штабс-капитан	780	–	–	780
Поручик	720	–	–	720
Подпоручик	660	–	–	660

Составлено по: К № 16811. 1 мая. Высочайше утвержденная 1 мая 1899 г. ведомость окладам столовых денег, с указанием лиц и должностей, кому таковые присвоены // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XIX. Отделение II: Приложения. СПб: Государственная типография, 1902. С. 151–156.

В отдаленных местностях, таких как Приамурский, Иркутский, Туркестанский и Кавказский военные округа, Забайкальская, Закаспийская, Акмолинская области[1] и в некоторых других регионах оклады были несколько выше, чем в остальных частях страны (так наз. усиленные оклады). Например, жалованье полковника составляло 1536 рублей в год, подполковника – 1466, капитана (ротмистра) – 1080. Штабс-капитан получал 948 рублей, поручик – 876, подпоручик (корнет) – 804 рубля[2]. Выплачивались также некоторые суммы в так называемых особых случаях. К ним относились прогонные деньги (на переезд к новому месту службы), порционные деньги (на оплату переездов и питание в командировках, полевых поездках, рекогносцировках), суточные деньги, выплачивавшиеся в период нахождения в караулах, походах и лагерях. Следует, однако, отметить, что выплаты суточных денег происходили лишь эпизодически и были крайне невелики. Например, за несение караульной службы выплачивались суточные деньги в размере 30 копеек обер-офицерам и 60 копеек штаб-офицерам[3].

О том, какой уровень жизни обеспечивало такое денежное содержание, будет сказано ниже, пока же отметим, что чиновники невысокого ранга и образованные слои населения зачастую имели большие доходы, чем офицеры. Например, директор Лодзинского мануфактурно – промышленного училища получал в год 3000 рублей жалованья и квартиру натурой, что значительно превышало доходы командира батальона в чине подполковника. Учитель чистописания и рисо-

[1] Справочная книжка для офицеров: в 3 ч. / сост. полк. Малинко и подполк. Голосов. М., 1903. Ч. I. С. 83.
[2] К № 16811. 1 мая. Высочайше утвержденная 1 мая 1899 г. ведомость окладам столовых денег, с указанием лиц и должностей, кому таковые присвоены // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XIX. Отделение II: Приложения. СПб., 1902. С. 156.
[3] Справочная книжка офицера / сост. В. Малинко. 7-е изд. М., 1915. С. 125–128.

вания в Якутской женской гимназии имел годовое жалованье в 1000 рублей, что превышало доходы офицеров в чине до штабс-капитана включительно. Директор Брянского среднего семиклассного технического училища получал в год 1560 рублей жалованья и 1040 рублей столовых денег (всего – 2600 рублей), а также квартиру натурой. В совокупности это в разы превышало содержание не только субалтерн-офицеров, но и командиров рот (эскадронов), а также было намного больше содержания командиров батальонов. Жалованье ученого хранителя музея Императорской Академии наук составляло 1800 рублей, столовые – 700 рублей (всего –2500 рублей) в год; кроме того, ему полагалась служебная квартира. В сумме это намного превышало денежное содержание офицеров, до уровня подполковника включительно. Директору Екатеринославского высшего горного училища в год полагалось 2400 рублей жалованья и 1800 рублей столовых (всего – 4200 рублей), а также квартира натурой. Очевидно, что доходы этого чиновника были равны содержанию генерал-майора, командира бригады. Директор Электротехнического института получал в год 3000 рублей жалованья и 2000 – столовых (всего – 5000), а также обеспечивался казенной квартирой. Иными словами, это должностное лицо имело доходы, превышавшие содержание генерал-майора – командира бригады. Инспектор того же учебного заведения в сумме получал 3500 рублей жалованья и столовых, что почти равнялось содержанию командира полка в чине полковника[1].

В женской гимназии провинциального города Царевококшайск учителя получали в месяц до 105 руб. (1260 руб. в год, как командир роты в чине капитана).

Денежные доходы заведующего земской больницей в том же городе составляли 125 руб. в месяц (1500 руб. в год), больше, чем капитан. Учителю закона божьего в женской гимназии г. Шуя ежемесячно полагалось 102 руб. (1224 руб. в год, что значительно превышало содержание штабс-капитана). В губернских и других крупных городах начальники почтовых, железнодорожных, пароходных станций получали до 300 рублей в месяц. Так, 290 руб. в месяц (3480 руб. в год,

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XIX. Отделение II: Приложения. 1899. СПб., 1902. С. 226, 230–233, 235.

вдвое больше, чем у подполковника, командира батальона) составляло жалованье начальника Орловского почтово-телеграфного округа[1]. Подобные ситуации отнюдь не были исключениями.

Даже у генералитета денежное содержание было гораздо меньше, чем у гражданских чиновников сопоставимого ранга. Конечно, доходы генералитета тех лет нельзя назвать незначительными, но все познается в сравнении. Так, по табели о рангах командиры корпусов (категория полный генерал) были равны министрам, имевшим чин II класса – действительного тайного советника[2]. Но жалованье министра составляло 20 тыс. руб. в год, а годовое содержание командира корпуса – 9 тыс. 300 руб., вместе с деньгами на представительские расходы. При содержании начальников дивизий (категория генерал-лейтенант) в 6 тыс. руб. в год, жалованье губернаторов составляло от 9 тыс. 600 руб. до 12 тыс. 500 руб., хотя они были равны по рангу[3].

Один из современных исследователей подсчитал, что реальное жалованье чиновников IV класса в 1900-е годы составляло 189 % по отношению к доходам военнослужащих, имевших равный IV классу чин «генерал-майор». С V по VIII класс чиновники получали в среднем 125 % жалованья офицеров, равных им по классу (воинского звания, равного V классу, в армии не было; VI класс был равен чину полковника, VII класс – чину подполковника, VIII класс – чину капитана). Доходы чиновников низших рангов и офицеров от штабс-капитана до подпоручика были практически равными. В усредненном виде жалованье чиновников всех категорий составляло 105 % денежного содержания, получавшегося офицерским составом всех званий[4].

---

[1] *Широкогоров В.* Цены и оклады: дореволюционная Россия [Электронный ресурс] // «Позитивный маркетинг»: [сайт]. Режим доступа: http://p-marketing.ru/publications/general-questions/social-dynamics/prices-salaries-before-wwi (дата обращения: 31.05 .2017).

[2] *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 313.

[3] *Зайончковский П. А.* Офицерский корпус русской армии перед Первой мировой войной // Вопросы истории. 1981. № 4. С. 28.

[4] *Миронов Б. Н.* Жалованье офицеров русской армии в XVIII – начале XX века // Военно-исторический журнал. 2016. № 2. С. 49.

В то же время, офицерская служба оплачивалась выше, чем труд некоторых других категорий населения. Например, даже наиболее высокооплачиваемые рабочие профессии в 1911 г. приносили следующие доходы: работа на электростанциях – 485 рублей в год, в области машиностроения – 418 рублей, в сфере обработки металлов – 397 рублей, добыча нефти – 367 рублей, типографско – литографское дело – 390 рублей[1].

Рабочих других профессий получала еще меньшие доходы. Так, в Петербургской губернии рабочие, занятые обработкой хлопка, получали в год в среднем 235, 76 рубля, в остальной части Европейской России – 171 рубль; занятые обработкой шерсти – соответственно 209,24 рубля и 170 рублей; в области полиграфического производства – 312,01 и 217 рублей соответственно[2]. Меньшие, чем у офицеров, доходы были также у письмоводителей, библиотекарей, фельдшеров, некоторых учителей в начальных школах и некоторых других[3].

Какой уровень материального благосостояния обеспечивало денежное содержание офицерского корпуса? Еще в 1895 г. командующий войсками одного из военных округов заявил, что «существующие оклады при постепенно увеличивающейся… дороговизне жизни не удовлетворяют даже скромным потребностям военнослужащих»[4]. В 1899 г. денежное содержание офицеров было несколько увеличено, до размеров, указанных выше, в таблице 3.6. Однако инфляция и значительный рост цен вскоре обесценили прибавку. Если принять уровень цен по всем товарам за десятилетие с 1890 по 1899 г. за 100 %, то в 1905 г. он составил 115,4 %, в 1907 г. – 131,1 %, в 1910 г. – 128,8 %. Дорожали все без исключения группы товаров, особенно росли цены на продукты питания и одежду. В 1907 г. в сравнении с 1890–1899 гг. цены на хлебные продукты выросли до 144,3 %, про-

---

[1] *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М., 1979 С. 102.

[2] *Бернштейн-Коган С.* Численность, состав и положение петербургских рабочих: опыт статистического исследования. СПб., 1910. С. 182, 183.

[3] Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXII. Отделение II: Приложения. 1902. СПб., 1904. С. 164–168; *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX века. М., 2012. С. 424, 425.

[4] Содержание офицеров // Разведчик. 1899. № 455. С. 581.

дукты животноводства – до 148, 4 % (в 1910 г. – до 154,6 %), на одежду – до 146,4 % (в 1910 г. – до 154,3 %)[1].

Сложилась ситуация, когда, как отмечала военная пресса, «фраза: офицеру не хватает жалованья, стала аксиомой, в которой никто не сомневается»[2]. Указывалось также, что денежное содержание офицеров не может в необходимой мере обеспечивать даже элементарные потребности людей[3].

Так, существует множество свидетельств современников о том, что многим военнослужащих размер денежного содержания не позволял полноценно питаться. Один из обер-офицеров подсчитал, что на оплату одних только обедов в офицерском собрании, хлеба и булок из полковой булочной, заменявших ужин, а также сахара, чая и хозяйственных мелочей из полковой лавки уходило более половины его бюджета. Скрупулезные расчеты, проведенные им, показали, что с учетом расходов на другие предметы первой необходимости, ему ежемесячно недоставало 10 рублей 45 копеек. Нередко встречались факты, когда младшие офицеры, из соображений экономии, питавшиеся в офицерском собрании полка, отдельный ужин не заказывали, а оставляли на ужин часть обеда, которая вечером разогревалась. В качестве доказательства можно привести такой факт: если число обедов, ежедневно заказывавшихся в одном из полков, равнялось в среднем 25, то число ужинов составляло 2–3. Существовало также другое явление, когда офицеры, желая скопить больше денежных средств на поездку в отпуск к родным, вообще отказывались от обедов и ужинов, «…добровольно переходя… на молоко с черным хлебом»[4].

Аналогичную картину описывал кавалерийский офицер, отмечавший, что «если офицер привык ежедневно обедать, ужинать и пить чай, то почти все свое

---

[1] *Пажитнов К. А.* Современная дороговизна на Западе и в России. Харьков, 1912. С. 22.
[2] *Левитский М.* Офицерский бюджет // Офицерская жизнь. 1908. № 101. С. 4.
[3] *Любимов, штабс-ротмистр.* Меры, необходимые для удержания лучших офицеров на службе // Вестник русской конницы. 1907. № 23. С. 1021.
[4] Содержание офицеров // Разведчик. 1898. № 387. С. 234.

содержание он должен оставить в буфете, а на одежду, обувь… на духовные потребности, денег не хватит»[1].

Значительную часть расходов офицеров составляла оплата военной формы одежды, приобретавшейся на свои средства (исключая выпуск из училища). При этом стоимость формы находилась «в разительном противоречии к финансовым возможностям офицера… Мундир стоил 65 рублей (в коннице – дороже), китель – 25 рублей, сапоги – 20 рублей»[2]. Ввиду подобных обстоятельств, в маленьких гарнизонах большинство младших офицеров носили старое обмундирование, иногда даже заплатанное[3].

Особенно сложным было положение семейных офицеров. В военной прессе отмечалось, что нередко они вынуждены отказывать себе в предметах первой необходимости, переселяться в меньшие квартиры, сокращать расходы на питание и одежду[4]. В числе прочего, подобное положение вызывалось расходами на образование детей: большинство мест в средних и высших учебных заведениях были платными. Стоимость обучения, например, во многих гимназиях и прогимназиях в среднем составляла 150–200 рублей в год за одного учащегося. Для скромных семейных бюджетов офицерских семей это составляло значительные суммы.

В качестве примера приведем бюджет одного штабс-капитана и его семьи, состоявшей из жены и троих детей. В 1907 г. сведения о нем попали на страницы одной из газет и послужили темой своего рода дискуссии. Тщательные подсчеты минимальных бытовых расходов, а также обязательных трат по служебным вопросам показали, что ежемесячно они не должны быть менее 110 руб. 90 коп. (одежда, обувь и питание для членов семьи, квартира и ее отопление, обязательные полковые вычеты, лечение, военное обмундирование и т.д.). Но даже эта сумма не включала расходы на лакомства для детей, игрушки, расходы на улучшенное питание в дни праздников, театры, концерты, выписку газет и т.д. При

---

[1] *Любимов, штабс-ротмистр.* Меры, необходимые для удержания лучших офицеров на службе // Вестник русской конницы. 1907. № 23. С. 1021.
[2] Российские офицеры / [Е. Месснер и др.] // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 144.
[3] *Блюмер,* полковник. Обмундирование // Разведчик. 1905. № 781–782. С. 784.
[4] Содержание офицеров // Разведчик. 1898. № 387. С. 234.

этом все доходы этого офицера, учитывая квартирные деньги, составляли 89 руб. 50 коп. То есть, ежемесячно недоставало в среднем 21 рубль 40 копеек. «Мы не знаем, что такое именины, рождение, крестины…»[1], – писал штабс-капитан.

Учитывая, что пропитание одного человека в то время стоило в среднем 15 рублей в месяц[2], становится, очевидно, насколько скромно жила эта семья из 5 человек, равно как и многие другие офицерские семьи. «Возможность существовать на эти средства (имелось в виду денежное содержание офицеров – В.С.), особенно в большом городе, для человека семейного, да еще при необходимости поддерживать некоторую представительность, составляет неразрешимую математическую задачу»[3], – писал современник.

Непростое материальное положение офицеров и их семей отмечали известные в стране люди. Так, протопресвитер русской армии и флота о. Г. И. Шавельский отмечал: «Офицер был изгоем царской казны. […]. Офицер получал нищенское содержание, не покрывавшее всех его неотложных расходов. И если у него не было собственных средств, то он, в особенности, если был семейным, – влачил нищенское существование, не доедая, путаясь в долгах, отказывая себе в самом необходимом»[4].

Уровень жизни офицеров был настолько невысоким, что А. И. Гучков на одном из заседаний Государственной думы в 1908 г. официально заявил: «…материальные условия, в которых находятся офицеры, в высшей степени неудовлетворительны»[5], многие офицеры вместе с семьями вынуждены переходить на довольствие из ротного котла. Было отмечено также, что другие группы населения сумели добиться улучшения своего положения путем забастовок, в то вре-

---

[1] Цит. по: Обзор печати // Разведчик. 1907. № 855–856. С. 158.
[2] Российские офицеры / [Е. Месснер и др.] // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 145.
[3] *Мартынов Е. И.* Из печального опыта Русско-японской войны. С. 48.
[4] *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 1. С. 94.
[5] Цит. по: *Гучков А. И.* О проекте сметы доходов и расходов Военного министерства на 1908 год // Избранные выступления депутатов Государственной Думы с 1906 года до наших дней. М., 2013. С. 64.

мя как содержание офицеров осталось на прежнем уровне, несмотря на значительный рост цен[1].

Кроме того, положение дополнительно осложнялось тем, что полагавшееся офицерам денежное содержание часто выдавалось в урезанном виде. В то время существовала практика так называемых «обязательных вычетов» из офицерского жалованья, производившихся решением командира части или постановлением общества офицеров. Вычитавшиеся средства направлялись в Красный Крест, сиротские приюты, на покупку книг для библиотеки, призов нижним чинам за отличную стрельбу, юбилейные подарки и т.д.[2]. Вычеты преследовали достойные цели, однако, в совокупности они были «настоящим бичом для материального положения офицера»[3].

В 1909 г. под председательством генерал-лейтенанта И. И. Мрозовского в Петербургском военном округе работала специальная комиссия, которая анализировала, какие вычеты делались из офицерского жалованья. Выяснив, что часть вычетов составляли подношения и подарки, делавшиеся почетным гостям при посещении воинских частей, комиссия рекомендовала офицерам отказаться от вручения подарков гостям[4]. Однако эту рекомендацию вряд ли можно было осуществить в повседневной жизни. Обычай дарить почетным гостям подарки на память о посещении той или иной части существовал длительное время, и ни командир, ни общество офицеров не могли поставить свой полк в неудобное положение, нарушив давнюю традицию.

Одним из главных праздников в войсках являлся годовой праздник полка, которым считался день образования той или иной части. Этот день в полку был выходным и ежегодно отмечался в чрезвычайно торжественной обстановке. Современники отмечали, что, если полк размещался в каком-либо провинциальном городе, то на праздник было принято приглашать всех старших офицеров и начальствующих лиц всего гарнизона. Кроме того, неписаные правила требовали

---

[1] См.: Там же.
[2] *Тарасов Н.* Отчего не хватает офицерам жалованья // Разведчик. 1908. № 911. С. 254.
[3] *Грулев М.* Злобы дня в жизни армии. С. 22.
[4] Хроника // Разведчик. 1909. № 964. С. 223–224.

приглашать городские власти и всех гражданских начальников, хотя практически никто из офицеров полка не имел с ними «ничего общего, ни по службе, ни по жизни»[1]. Источником средств для проведения праздника и организации банкета также являлись вычеты из офицерского жалованья.

Нередко часть жалованья уходила на наем квартиры, хотя офицерам выплачивались так называемые «квартирные оклады». Их размер зависел от местности, в которой стояла часть, так как населенные пункты по всей стране были разделены на разряды – от столиц до самых захолустных местечек. В каждой местности выплаты производились или по чинам, или по должностям. В 1903 г. было введено новое расписание квартирных окладов, а также 9 разрядов местностей вместо 8, существовавших ранее. С тех пор расписание окладов не менялось, и действовало вплоть до 1917 г. Размер квартирных денег, в зависимости от разряда местности, показан в табл. 3.7.

Таблица 3.7.

Расписание квартирных окладов, введенное в 1903 году (в рублях)

ЧИНЫ	Разряды местностей								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
	Годовые квартирные оклады								
Полный генерал	1692	1392	1284	1044	996	750	690	534	426
Генерал-лейтенант	1512	1296	1146	972	906	660	612	444	396
Генерал-майор	1332	1128	984	792	642	612	552	426	348
Полковые командиры и равные им лица	906	732	684	552	456	426	372	306	264
Прочие штаб-офицеры	594	498	462	386	322	276	246	198	168
Ротные командиры и равные им по власти	426	348	300	258	192	180	168	132	114
Прочие обер-офицеры	246	216	204	180	142	132	114	102	72

Составлено по: Приказ по венному ведомству от 4 февраля 1903 г. № 40 // Приказы по военному ведомству за 1903 год. СПб: Военная типография, 1903. С. 100–101.

Из таблицы видно, что суммы выплачивавшихся квартирных денег значительно различались, ибо военнослужащие, в зависимости от чина, имели право нанимать за казенный счет неодинаковое количество комнат. Так, генералам по-

[1] *Грулев М.* Злобы дня в жизни армии. С. 22.

лагалось 8, 7 и 6 комнат (полному генералу, генерал – лейтенанту и генерал-майору соответственно). Командирам полков и равным им по должности лицам полагалось 5 комнат, прочим штаб-офицерам – 3, командирам рот и им равным – 2, остальным обер-офицерам – 1 комната. Площадь каждой комнаты определялась в 6,5 квадратных сажен[1]. Количество членов семьи при этом не учитывалось.

Квартирные деньги, выделявшиеся соответствующим категориям военнослужащих на наем больших (свыше 6 комнат) и средних (4–6 комнат) квартир, позволяли нанимать жилье практически без проблем. Так, в Риге, относившейся ко 2 разряду местностей, средняя по размеру квартира стоила 750–900 рублей в год, Новгороде (3 разряд местностей) – 190–500 рублей, Пскове (3 разряд) – 168–600 рублей[2]. Квартирные оклады позволяли соответствующим должностным лицам, например, командирам полков, нанимать жилье, не выходя из лимита квартирных денег. Аналогичная ситуация существовала с наймом больших квартир, полагавшихся генерал-лейтенантам и «полным» генералам.

В то же время, цены на наем малых квартир (такими считались квартиры от 1 до 3 комнат) в начале прошлого века росли особенно быстро: в 1900–1910 гг. они увеличились практически в полтора раза[3]. Между тем всем обер-офицерам и большей части штаб-офицеров полагались именно малые квартиры. В силу данного обстоятельства на выплачивавшиеся им квартирные деньги в одних местностях можно было снять квартиру, в других – нет.

Например, в 1904 г. цены на квартиры были следующими: в Вильно (3 разряд местностей) малые квартиры стоили 80–240 рублей в год, Витебске, также относившемся к 3-му разряду местностей – 100–250 рублей. В Минске (4-й разряд) такие квартиры стоили 120–300 рублей в год, в Ревеле (Таллинне), относившемся к 5 разряду – 50–180 рублей[4]. Таблица 3.7. показывает, что

---

[1] Приказ по военному ведомству от 4 февраля 1903 г. № 40 // Приказы по военному ведомству за 1903 год. СПб., 1903. С. 98.

[2] Города России в 1904 году. СПб., 1906. С. 94, 95, 96, 97; Справочная книжка для офицеров / Сост. В. Малинко. и В. Голосов Изд. 3-е, испр. и доп. Ч. 1. М., 1902. С.22, 94.

[3] *Пажитнов К. А*. Современная дороговизна на Западе и в России. С. 27.

[4] Города России в 1904 году. С. 94, 95, 96, 97; Справочная книжка для офицеров / Сост. В. Малинко и В. Голосов Изд. 3-е, испр. и доп. С. 161.

квартирные оклады обер-офицеров и штаб-офицеров, не командовавших отдельными частями, вполне позволяли нанимать жилье в этих городах. Однако так было далеко не везде. Например, в Брест – Литовске (местность 6-го разряда) малая квартира стоила 150–280 рублей в год[1], в то время как квартирные деньги у обер-офицеров составляли 132 рубля. В Пятигорске обер-офицерам выплачивалось на наем квартиры 12,5 руб. в месяц, хотя цены на сдававшиеся квартиры были гораздо выше. Так, в прессе приводился пример, когда за квартиру без мебели многосемейный штабс-капитан был вынужден платить 26 рублей в месяц, при этом указывалось, что подобные случаи были отнюдь не единичными[2].

В Киеве, Одессе, Харькове за съемную квартиру малого размера требовалось платить от 30 до 50 рублей ежемесячно, в то время как квартирные деньги обер-офицеры получали в сумме 22 руб. 69 коп. в месяц[3]. Во Владивостоке стоимость малой квартиры доходила до 80 руб. в месяц. Так как стоимость продуктов на Дальнем Востоке был намного выше, нежели в центральной полосе России, на питание требовалось ежемесячно еще около 75 рублей. Между тем например, подпоручик, получавший усиленный оклад за службу в отдаленной местности, в месяц получал гораздо меньше – около 100 рублей[4]. В такой ситуации обер-офицеры, проходившие службу на Дальнем Востоке, были вынуждены жить по 3–4 человека в одной квартире. В ряде Владивостокских фортов и на Русском острове некоторые из них жили в землянках[5].

Оценивая сложившееся положение вещей, некоторые строевые офицеры указывали, что во многих регионах на квартирные деньги «…хоть сколько-нибудь подходящей квартиры нанять нельзя»[6].

---

[1] Там же.
[2] *Т. В.* Корреспонденция «Разведчика» // Разведчик. 1901. № 544. С. 281.
[3] Российские офицеры / [Е. Месснер и др.] // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 145.
[4] *Довбор-Мусницкий, генерал-майор*. Почему офицеры уходят с Дальнего Востока? // Разведчик. 1907. № 847–848. С. 50.
[5] *Верцинский Э*. Почему офицеры бегут с Дальнего Востока // Разведчик. 1907. № 879. С. 497.
[6] *Мартынов Е. И*. Из печального опыта Русско-японской войны. С. 47–48.

Следует также учитывать, что наиболее многочисленной категории офицеров, каковой являлись младшие офицеры, полагалась только одна комната, даже если они были многосемейными. Поэтому за съем жилья, более или менее соответствовавшего потребностям семьи, таким военнослужащим приходилось доплачивать из жалованья и столовых денег.

Объективность требует учитывать, что военнослужащим отдельно выплачивались средства на отопление и освещение квартиры, при этом величина выплачивавшихся сумм различалась, так как тоже зависела от разряда местности, чина и должности офицеров и генералов. Например, в местности 4-го разряда лица, пользовавшиеся правами полковых командиров, получали для этих целей 112 руб. 50 коп. в год, ротные и равные им командиры – 68 руб. 75 коп., прочие обер-офицеры – 45 руб.[1].

В то же время, отопление и свет не входили в стоимость съемного жилья, оплачивались совершенно отдельно, поэтому наем квартир не становился для офицеров дешевле.

Анализируя уровень материального благосостояния русского офицерства, необходимо отдельно остановиться на гвардейских офицерах. В параграфе 3.1. отмечалось, что эта социальная группа стояла особняком в офицерской среде, причем не только ввиду достаточно быстрой служебной карьеры, но и знатного происхождения многих гвардейцев. Однако материальный достаток этой группы военнослужащих также был невысоким. Денежное содержание в гвардии мало отличалось от армейского, лишь гвардейские обер-офицеры получали жалованье одной степенью выше, чем равные им по чину армейцы: капитаны и ротмистры – в размере, назначенном для подполковников армии, штабс-капитаны (штабс-ротмистры) – как армейские капитаны, поручики – как штабс-капитаны, подпоручики и корнеты – как поручики армии[2].

---

[1] К № 21484. 20 мая. Расписание окладов для офицерских чинов на отопление и освещение квартир // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXII. 1902. Отделение II: Приложения. СПб.,1904. С. 172.

[2] *Гофман Г. Э.* Служебная книжка строевого офицера / изд. 19-е. Пг., 1916. С. 52.

Как отмечал современник, «служба в гвардии по-прежнему стоила дорого, особенно в гвардейской кавалерии. Большинство же старых дворянских родов к 20 веку прожилось настолько, что оплачивать гвардейские расходы сыновей было отцам не по средствам…»[1].

В силу данных обстоятельств юнкеров, желавших после выпуска из училища служить в гвардии и посещавших для ознакомления полк, а также молодых офицеров после зачисления в списки полка, заранее просили соизмерять свои финансовые возможности с требованиями, предъявлявшимися к материальной стороне жизни гвардейского офицера. Проходивший службу в гвардии князь В. С. Трубецкой упомянул обращение старшего начальника к молодым офицерам-кирасирам: «Полк требует от своих офицеров, чтобы они жили прилично, но... если у вас нет для этого средств – постарайтесь сами скорее покинуть полк. Жизнь выше средств, неоплаченные счета, долги и векселя – все это, в конце концов, приводит офицера к совершению неблаговидных, даже бесчестных поступков»[2]. В случае, если такие поступки совершались, это приводило к немедленному исключению из рядов полка.

Подобные слова были обусловлены не только понятием чести, культивировавшимся в гвардии, но и тем, что в среде гвардейских офицеров существовала нерушимая традиция, которая требовала от них вести «гвардейский образ жизни». Это означало, что гвардеец не мог жить в дешевой квартире, иметь плохую лошадь, ездить на трамвае (передвигаться можно было только на дорогих извозчиках), ездить в поездах в вагонах ниже первого класса и т.п. В театре гвардейский офицер был обязан занимать места не далее определенного ряда, посещать только дорогие рестораны, отчислять средства на многочисленные приемы гостей, полковые праздники, светские обеды, офицерское собрание, покупку подарков уходившим из полка офицерам, цветов посещавшим полк знатным дамам и т. д.[3].

---

[1] *Мстиславский С.* Отрывки о пятом годе // Каторга и ссылка. 1928. № 2 (39). С. 17–18.
[2] *Трубецкой В. С.* Записки кирасира: Мемуары. С. 176–177.
[3] *Марыняк А.* Погибнуть или победить: Быт и традиции российской императорской гвардии // Родина. 2000. № 11. С. 111.

Один из гвардейцев вспоминал, что холостые гвардейские офицеры были обязаны столоваться в офицерских собраниях своих частей, где цены были высокими и соответствовали ценам первоклассных столичных ресторанов. В результате только на питание в офицерском собрании, у гвардейцев уходило 75–100 рублей в месяц[1]. Аналогичные цифры приводил в своих мемуарах офицер лейб-гвардии Семеновского полка, указывавший, что только скромные завтраки и обеды в собрании полка стоили 70–80 рублей в месяц[2], что равнялось месячному обер-офицерскому жалованью. Офицер лейб-гвардии Егерского полка отмечал, что в офицерском собрании всегда можно было пообедать в долг. При этом в специальном документе, где записывалась задолженность за блюда и напитки, «стояли фамилии всех офицеров»[3].

Невысокий уровень доходов и, в то же время, необходимость вести гвардейский образ жизни, приводили к случаям, когда некоторые офицеры в течение нескольких месяцев не могли рассчитаться за обеды и ужины в офицерском собрании, хотя их жалованье сразу же переводилось на покрытие долга. По традиции, к 1 мая каждого года, официальному дню выступления в лагери, все счета по офицерскому собранию должны были быть ликвидированы. Отсрочки предоставлялись не более чем на 3–4 месяца, после чего, если долг не погашался, такой офицер обязан был уволиться и уйти из полка. Его долг раскладывался на всех, имя вносилось в «черную книгу», и он не имел права появляться на территории части. Например, в лейб-гвардии Семеновском полку в 1908 г. произошло четыре подобных случая, на следующий год – еще два[4].

Чрезвычайно строгими были требования к внешнему виду гвардейцев: они должны были быть одеты безукоризненно. Это обусловливало немалые затраты на поддержание формы одежды в должном виде (в гвардии количество форм оде-

---

[1] *Воронович Н.* Всевидящее око. Из быта русской армии. С. 61.
[2] *Макаров Ю. В*. Моя служба в старой гвардии. 1905–1917. Мирное время и война. С. 222.
[3] *Геруа Б.В*. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969. Т. 1. С. 64.
[4] *Макаров Ю. В*. Моя служба в старой гвардии. 1905–1917. Мирное время и война. С. 223.

жды доходило до 7, для каждой из которых требовалось приобретать различные предметы обмундирования и обувь)[1].

Иными словами, расходы в гвардии неизбежно были более значительными, нежели в армейских частях, и при жалованье обер-офицеров гвардии менее 100 рублей в месяц, требовалось тратить гораздо больше. Германский военачальник Г. фон Базедов, неоднократно бывавший в России, указывал, что, для службы в гвардии, кроме казенного денежного содержания необходим дополнительный доход в сумме не менее 200 рублей в месяц в кавалерии и 100 рублей в пехоте. В противном случае было невозможно «свести концы с концами»[2].

Те или иные гвардейские части в глазах императорского двора, светского общества и офицерского корпуса обладали разным престижем. Соответственно, в наиболее известных гвардейских полках – Преображенском, Семеновском, Кавалергардском, кирасирских полках 1-й гвардейской кавалерийской дивизии и некоторых других расходы на «гвардейскую жизнь» были больше, в других – меньше. Генерального штаба генерал-майор Б. В. Геруа, много лет, прослуживший в гвардейских частях, писал: «Даже в скромных гвардейских полках, к каковым принадлежал и лейб-гвардии Егерский, нельзя было служить, не имея никаких собственных средств или помощи из дому. В некоторых же полках… необходимый добавок к жалованью должен был превышать последнее в 3–4 раза и больше. В лейб-гвардии Егерском можно было обойтись 50 рублями, и даже меньше»[3].

Возникает вопрос: как удавалось соответствовать материальным требованиям, предъявлявшимся к офицерам гвардии, тем из них, кто не имел состоятельных родственников? Один из гвардейцев давал следующий ответ: такие офицеры «… должны были как-то выворачиваться, старались через два года после производства выдержать… экзамены в одну из военных академий, или, прослужив 1–2 года, переводились в армию»[4].

---

[1] *Воронович Н.* Всевидящее око. Из быта русской армии. С. 61.
[2] *Базедов Г, фон*. Путевые впечатления о военной России. С. 11.
[3] *Геруа Б. В*. Воспоминания о моей жизни. Т. 1. С. 65.
[4] *Воронович Н.* Всевидящее око. Из быта русской армии. С. 61.

То есть, те, кто не обладал необходимыми средствами, через некоторое время вынуждены были оставлять гвардию. В определенной мере облегчало жизнь офицеров-гвардейцев следующее обстоятельство: большинство гвардейских частей размещалось в Петербурге, где было немалое количество хороших казенных квартир. Многие из офицеров пользовались именно такое жильем, и были избавлены от необходимости нанимать частные квартиры, стоившие в столице особенно дорого. В некоторых полках ситуация отличалась своеобразием. По воспоминаниям офицера Семеновского полка, например, в лейб-гвардии Гусарском и лейб-гвардии Конном полку служили только состоятельные люди. Уникальная ситуация сложилась в Преображенском полку: это был единственный полк не только в гвардии, но и русской армии в целом, где все общие расходы относились на полковые средства. Полк обладал капиталом, «… который пополнялся из доходов с земли и недвижимости, которыми, как юридическое лицо, владело общество офицеров. Доходы эти были настолько крупные, что позволяли оказывать ежемесячную помощь некоторым из наиболее нуждавшихся офицеров»[1].

Таким образом, уровень доходов гвардейских офицеров, как правило, был невысоким, хотя их траты значительно превосходили аналогичные расходы армейского офицерства. Как отмечал один из военнослужащих, служба в гвардии «не только не оплачивалась, но требовала еще значительных расходов собственных средств», бывших «непосильными для многих молодых людей»[2].

Незначительные доходы офицерского состава создавали ограничения в личной жизни военнослужащих. Так, официально было определено, что разрешение на вступление в брак давалось офицеру не ранее 23 лет, в том случае, если он получал не менее 1200 руб. в год жалованья и столовых денег. Если офицер получал меньше, то до 28 лет брак разрешался только при предоставлении имущественного обеспечения[3], носившего название «реверс». Оно могло быть в виде недвижимого имущества, приносившего чистый ежегодный доход в размере не ме-

---

[1] *Макаров Ю. В*. Моя служба в старой гвардии. 1905–1917. Мирное время и война. С. 222.
[2] *Воронович Н.* Всевидящее око. Из быта русской армии. С. 59, 60–61
[3] Приказ по военному ведомству от 19 марта 1901 года № 102 // Приказы по военному ведомству за 1901 год. С. 280–281.

нее 300 руб., или единовременного вклада в сумме 5 тыс. руб. деньгами или процентными бумагами. Деньги и процентные бумаги, а также документы, удостоверявшие право владения недвижимым имуществом, после представления командиру части хранились в казенном денежном ящике на общих основаниях. Из внесенных денег или наросших процентов офицеру по приказанию командира части периодически выдавались определенные суммы, размером до 300 руб. в год[1].

Имущественного обеспечения, как правило, офицеры, предоставить его не могли. Один из современников в эмоциональной форме следующим образом охарактеризовал требования об имущественном обеспечении брака: «Пять тысяч! Два слова, два коротких слова, но, сколько молодых жизней, сколько юных… сердец повергли они в безысходное отчаяние. Где взять эти пять тысяч? На чувство, узкими рамками неумолимого закона наложены тяжелые цепи…»[2]. Только вдовые офицеры, имевшие малолетних детей, могли жениться без предоставления имущественного обеспечения, вне зависимости от размера их денежного содержания[3].

Требования к имущественному обеспечению брака обусловливались тем, что «нищенское положение офицерских семей косвенно роняло престиж офицерского звания в глазах общества»[4]. По достижении офицером 28 лет имущественное обеспечение возвращалось по принадлежности.

Приведенные в таблице 3.6. данные о содержании офицеров показывают, что жалованье и столовые деньги в размере не менее 1200 рублей в год, позволявшие получить разрешение на вступление в брак, получали капитаны в должности командира роты. Как уже отмечалось, такой чин и должность большинство офицеров получали в возрасте, когда им было более 40 лет. Следовательно, официально обзавестись семьей офицеры, которые не могли предоставить реверс, до 28 лет не имела права. В 1911 г., через полтора года после отмены реверса, не со-

---

[1] Свод военных постановлений 1869 года. Книга VII: Прохождение службы по военному ведомству. С. 224–225, 372.
[2] *Гиллессем А. Н.* Нелегальные браки // Разведчик. 1902. № 619. С. 783–784.
[3] Приказ по военному ведомству от 24 августа 1902 года № 323 // Приказы по военному ведомству за 1902 год. С. 519.
[4] *Кашкаров Д.* Военно-административные заметки // Военный сборник. 1898. № 11. С. 203.

стояли в официальном браке 46,38 % обер-офицеров, в то время как среди штаб-офицеров, денежное содержание которых отвечало предъявлявшимся требованиям, холостых было гораздо меньше – 12,57 %[1].

Не имея возможности выполнить требования, необходимые для официального разрешения брака, многие военнослужащие не регистрировали отношения с женщинами и, как писал современник, были вынуждены «…невольно связывать себя с женщиной, стоящей, в большинстве случаев, далеко ниже его во всех отношениях»[2].

После рождения детей офицеры, выполняя нравственный долг, обращались с просьбой о разрешении на брак к командиру полка и начальнику дивизии. Разрешение в таких случаях давалось, однако сопровождалось требованием перевода в другую часть или даже дивизию. Современник утверждал, что такие случаи насчитывались сотнями[3].

Требование старших начальников перевестись в другую часть вызывались тем, что к офицерским бракам официально предъявлялись определенные требования. «Для пристойности брака требуется, чтобы невеста была доброй нравственности и благовоспитанности. Кроме того… должно быть принято во внимание общественное положение невесты»[4].

Право решения вопроса о пристойности брака имел командир части, окончательное же слово принадлежало начальнику дивизии[5]. Офицеры, вступавшие в брачный союз без соответствующего разрешения, наказывались в дисциплинарном порядке или увольнялись со службы, в зависимости от мнения командующего войсками округа[6].

Если не были соблюдены требования пристойности брака и его имущественного обеспечения, то лица, вступившие в брак до поступления на действитель-

---

[1] Военно-статистический ежегодник армии за 1911 год. С. 183.
[2] *Гиллессем А. Н.* Нелегальные браки // Разведчик. 1902. № 619. С. 783.
[3] Там же.
[4] Приказ по военному ведомству от 19 марта 1901 г. № 102 // Приказы по военному ведомству за 1901 год. С. 280.
[5] Там же.
[6] Приказ по военному ведомству от 4 ноября 1905 г. № 718 // Разведчик. 1905. № 789. С. 907.

ную военную службу, в мирное время при производстве их в первый офицерский чин увольнялись со службы[1].

Существование подобных юридических норм, вероятнее всего, было обусловлено сложившимся в военно-бюрократических кругах мнением о том, что офицер не должен жениться на любой женщине, готовой выйти за него замуж. Мотивация была следующей: «… доступ в офицерскую семью из среды чуждой, не военной, отличающейся материализмом взглядов, по возможности, должен быть ограничен. Дворянские семьи, богатые высокими традициями, наиболее желательны»[2].

Положение с получением разрешения на браки явно не отвечало духу времени, и в 1909 г. соответствующая процедура была упрощена. Имущественное обеспечение при вступлении в брак до 28 лет отменялось. Пристойность офицерских браков предварительно его заключения решал суд общества офицеров, окончательное же решение принимал командир части[3].

В то же время, женатые военнослужащие, не имевшие офицерского звания, при производстве их в первый офицерский чин, как и ранее, не оставлялись в мирное время на действительной службе, в случае, если требования о пристойности брака не были соблюдены[4].

В военное время офицеры, находившиеся на театре военных действий, также имели право обращаться к непосредственным начальникам с ходатайством о вступлении в брак. Те, в свою очередь, могли обращаться к командирам частей, которые могли разрешить такой брак. Учитывая, что в военное время командиры частей не имели возможности лично познакомиться с офицерскими невестами, было принято следующее решение. В случае вступления офицеров в брачные союзы, нарушающие понятия о пристойности брака, считать такие поступки не-

---

[1] Приказ по военному ведомству от 24 августа 1902 г. № 323 // Приказы по военному ведомству за 1902 год. С. 519.
[2] *Кашкаров Д.* Военно-административные заметки // Военный сборник. 1898. № 11. С. 207.
[3] № 31633. 22 марта. Высочайше утвержденное положение Военного Совета от 5 февраля 1909 г. «Об изменении закона о браках офицеров» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIX. 1909. Отделение I. От № 31330–32882. СПб., 1912. С. 213.
[4] Там же.

совместимым с понятиями о воинской чести, и рассмотреть их после окончания войны в соответствующих судах чести[1].

Возвращаясь к рассмотрению уровня денежного содержания офицеров, необходимо отметить, что в Военном министерстве понимали необходимость его повышения, и неоднократно поднимали данную проблему в соответствующих инстанциях. Однако ее решению противодействовали некоторые политические силы. Например, против увеличения жалованья офицерам выступали трудовики и социал-демократы, представленные в Государственной думе[2], а также ряд оппозиционных изданий. Публиковались статьи, в которых содержались призывы не повышать содержание офицерам, так как это «не вызывается действительной потребностью». Делались заявления, что «офицеры должны служить даром, почерпая свою награду не в плате, а в чувстве долга и благородного призвания»; кроме того, публиковались абсурдные заявления о том, будто военная служба является «сплошным праздником»», а офицерская служба носит «антинародный характер»[3].

Вопрос, все же, был решен положительно. Жалованье строевых офицеров увеличивалось с 1 января 1909 г. за счет выдачи добавочных денег соответственно чину. Было учтено также медленное продвижение по службе, не позволявшее присваивать очередной воинский чин, и некоторым категориям офицеров ввели доплаты за выслугу лет в одном и том же чине. Суммы увеличения денежного довольствия указаны в табл. 3.8.

Таблица 3.8.

Табель добавочных денег офицерам строевых частей пехоты, кавалерии, артиллерии, инженерных, железнодорожных и казачьих войск, а также соответствующих строевых штабов и управлений

Наименование чинов	Добавка по чинам (руб. в год)	За выслугу лет в строевых частях (руб. в год)
Подпоручик (корнет)	180	–

[1] Распоряжения по военному ведомству // Разведчик. 1914. № 1256. С. 811.
[2] Военный сборник. 1909. № 3. С. 320.
[3] Цит. по: *Колбе С.* Прибавка содержания офицерам и г. Меньшиков // Разведчик. 1907. № 896. С. 772–773.

Поручик	240	–
Штабс-капитан (штабс-ротмистр)	300	–
Штабс-капитан (штабс-ротмистр) по выслуге 4 лет в чине	300	120
Капитан (ротмистр)	360	–
Капитан (ротмистр) по выслуге 4 лет в чине	360	120
Подполковник	480	–
Подполковник по выслуге 5 лет в чине, кроме младших штаб-офицеров	480	180

Составлено по: К № 31323. 24 декабря. Табель № 1 добавочных денег офицерам строевых частей пехоты, кавалерии и артиллерии и инженерных, железнодорожных и казачьих войск, а также соответствующих строевых штабов и управлений // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVIII. 1908 г. Отделение II: Приложения. СПб., 1911. С. 820.

В примечании к табели № 1 указывалось, что полковникам жалованье увеличивалось на 480 рублей ежегодно, как и подполковникам. Офицерам гвардии добавочные деньги отпускались по тем чинам, в которых они состояли[1].

Таким образом, после повышения жалованья и введения доплат за выслугу лет, офицеры, в зависимости от чина и должности, стали получать, в зависимости от чина, примерно на 25–40 % больше. Это представляло собой достаточно большое увеличение денежного содержания, которое в определенной мере смягчило проблему безденежья офицеров, хотя к качественному изменению уровня жизни привести не могло.

В годы мировой войны военнослужащие получали штатное содержание. Встречающиеся иногда в современной литературе утверждения о выплате фронтовым офицерам усиленных окладов, не соответствуют действительности. Военным советом было принято следующее решение: «… так как в военное время…

[1] К № 31323. Табель № 1 добавочных денег офицерам строевых частей пехоты, кавалерии и артиллерии и инженерных, железнодорожных и казачьих войск, а также соответствующих строевых штабов и управлений // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье: Т. XXVIII. 1908 г. Отделение II: Приложения. СПб., 1911. С. 820.

офицерам… отпуск содержания из усиленных окладов производится только в отдаленных местностях, где таковой установлен и в мирное время, то не распространять действие закона, специально установленного для отдаленных местностей, вообще на все театры военных действий»[1].

В то же время с учетом особых условий и дороговизны походной жизни офицерам, кроме жалованья, выплачивались порционные деньги (порционы)[2]. Порционы были двух видов: походные и полевые. Походные порционы выплачивались всем офицерам со дня мобилизации, кроме состоявших в запасных войсках и тех, кто не подлежал отправке в действующую армию. После того, как военнослужащие оказывались на театре военных действий, взамен походных порционов им выплачивались полевые порционы. При этом полевые порционные деньги были вдвое больше походных порционов. Оба вида порционов делились на разряды, в зависимости от занимавшейся должности; расписание должностей, которые были отнесены к тем или иным разрядам, в период войны менялось и дополнялось. Так, в начале войны, например, у командиров корпусов походные порционы составляли 10 руб. в сутки, полевые – 20 руб., у начальников дивизий – 5 и 10 руб. соответственно, командиров полков – 3 руб. 50 коп. и 7 руб., командиров рот (эскадронов) – 1 руб. и 2 руб. соответственно. Обер-офицеры в ротах и равных им подразделениях получали 75 коп. в сутки походных порционов или 1 руб. 50 коп. полевых порционов[3]. На эти деньги приобретались продукты питания, а также предметы обмундирования, снаряжения и вооружения взамен утраченного или поврежденного в ходе боевых действий[4].

Отдельно были выделены военачальники, занимавшие высшие командные посты в войсках. Для главнокомандующих армиями фронтов и командующих армиями денежное довольствие было увеличено за счет введения добавочных денег,

---

[1] Распоряжения по военному ведомству // Разведчик. 1914. № 1250. С. 700.
[2] О распространении на морское ведомство положения о пособиях в военное время //. Законодательные акты, вызванные войной 1914–1915 гг. / Изд. 2-е. Пг., 1916. Т. 1. С. 152.
[3] Приказ по военному ведомству от 12 августа 1914 г. № 505 // Разведчик. 1914. № 1244. С. 568–569; *Гофман Г. Э.* Служебная книжка строевого офицера / изд. 19-е. Пг., 1916. С. 404; Справочная книжка офицера / сост. В. Малинко. 7-е изд. М., 1915. С. 137.
[4] *К. Р. Т.* Послесловие к статьям К. Р. Т. // Военная быль. 1974. № 129. С. 33.

которые составляли крупные суммы. Их размер, например, у командующих армией доходил до 8000 рублей в год, главнокомандующих армиями фронта – до 12000. Помимо того, этим же категориям должностных лиц предусматривались в повышенных размерах столовые деньги. Главнокомандующему армиями фронта они полагались в размере всей суммы добавочных денег, командующему армией – в размере их половины[1].

Однако, несмотря на выплату порционов, материальное положение строевых офицеров и членов их семей в годы Первой мировой войны нельзя назвать безбедным. В октябре 1916 г. Петроградское охранное отделение отмечало, что цены на продукты за годы войны выросли в среднем на 300%, а отдельных их видов – на 500 %. При этом отмечалось, что заработок рабочих ненамного, но увеличился[2], в то время как содержание офицеров оставалось прежним. (Полевые порционы расходовались на питание и другие материальные нужды лиц, находившихся на фронте).

Говоря об уровне жизни офицерского состава, необходимо отметить, что офицеры и их семьи имели определенные привилегии. Так, им официально предоставлялась казенная прислуга из нижних чинов. Генералам, штаб-офицерам и обер-офицерам полагалось 3, 2 и 1 человек[3] казенной прислуги соответственно. В марте 1908 г. был издан приказ, в соответствии с которым, вместо казенной прислуги были введены денщики, которых в мирное время каждому строевому генералу, штаб и обер-офицеру полагалось по 1 человеку. В обязанности денщика входило «прислуживать офицеру и его семейству, охранять их имущество и исполнять все возлагаемые на него по дому поручения». При этом денщик получал от государства денежное, провиантское, вещевое и приварочное довольствие, ко-

---

[1] *Тиванов В. В*. Финансы русской армии (XVIII век – начало XX века). М., 1993 [Электронный ресурс] // Сайт военных финансистов, выпускников и сотрудников Военного финансово-экономического университета. Режим доступа: http://vfeu.ucoz.ru/news/finansy_armii_v_gody_pervoj_mirovoj_vojny_chasti_4_i_5/2014-08-07-222 (дата обращения: 14.06.2017).

[2] Доклад Петроградского охранного отделения особому отделу департамента полиции. Октябрь 1916 г. // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 11.

[3] Мысли по поводу пережитого // Разведчик. 1905. № 783–784. С. 806.

торое было присвоено всем другим рядовым. Лица, пользовавшиеся правом на денщика в мирное время, сохраняли его и в случае выступления в поход. В военное время семьям офицеров, служивших в отдаленных местностях, разрешалось оставлять денщиков при себе. Самим же офицерам на это время назначались вестовые[1]. Семействам офицеров, в которых глава семьи ушел в поход вместе с денщиком, отпускалось по 10 рублей в месяц на наем прислуги[2].

Квартирное довольствие семействам офицеров, мужья или отцы которых ушли в поход, производилось в прежнем размере, в соответствии с чинами военнослужащих. Кроме того, формально члены семей имели право на «безденежное получение лекарств из казенных аптек, на помещение в госпитали…»[3]. Следует заметить, однако, что получение лекарств и лечение были не совсем безденежными. У офицеров постоянно производились вычеты: 1 % жалованья на госпитали и 1,5 % на медикаменты[4].

С согласия военнослужащих часть их жалованья могла удерживаться в пользу семьи; без их согласия семья могла требовать не более 1/3 жалованья. При перемене места жительства, вызванного обстоятельствами военного времени, квартирные деньги платились по тому окладу, который был установлен для местности, избранной семьей для жительства[5].

В завершение параграфа, посвященного уровню жизни офицерства, рассмотрим вопрос отпусков и пенсионного обеспечения. Прохождение офицерской службы предусматривало предоставление офицерам отпусков. В соответствующем приказе говорилось, что офицеры могли просить о предоставлении отпуска по болезни, домашним делам и для отдыха. По болезни могли предоставляться продолжительные отпуска, сроком до 4 месяцев. Такие офицеры отчислялись от должности, но оставлялись в списках своих частей. Лица, занимавшие должности

---

[1] Приказ по военному ведомству от 18 марта 1908 г. № 126 // Приказы по военному ведомству за 1908 год. С. 150, 151, 152.
[2] Циркуляр Главного штаба № 200 // Разведчик. 1914. № 1250. С. 700.
[3] Свод военных постановлений 1869 года. Книга VII. Прохождение службы по военному ведомству. 1907. С. 228.
[4] *Малинко В.* Справочная книжка для офицеров / Изд. 7-е. С. 122 .
[5] Там же. С. 138.

от командиров частей и выше, права на продолжительный отпуск не имели. Продолжительность обыкновенного отпуска составляла от 28 дней до 2 месяцев. Штаб-офицерам и капитанам такой отпуск мог предоставляться один раз в год, остальным обер-офицерам – один раз в два года. Лицам, которым был предоставлен отпуск продолжительностью до 2 месяцев, а также по болезни сроком до 4 месяцев, сохранялось все денежное содержание, включая квартирные деньги. Не допускалось предоставление отпусков офицерам, имевшим взыскания или же неудовлетворительно аттестованным[1].

Следует отметить особенность, связанную с офицерскими отпусками. В приказе не говорилось о праве военнослужащих на отпуск, а лишь указывалось, что они «могут просить об увольнении в отпуск» и что им такой отпуск могут предоставить. В этой связи современник писал, что данное обстоятельство давало «широкое право войсковым начальникам к урезыванию отпусков», так как их предоставление зависело не столько от закона, сколько от «индивидуальных взглядов начальников частей»[2].

Рассматривая пенсионное обеспечение офицеров, необходимо отметить следующее. Вплоть до 1906 г. пенсии офицерскому составу выплачивались по пенсионному уставу, принятому еще в 1827 г., и имевшему существенные недостатки. Так, было установлено всего 2 срока для получения пенсии – 25 и 35 лет службы[3]. Лица, прослужившие 25 и более лет (до 35 лет), получали при отставке половину размера пенсии, определявшейся пенсионными табелями. Иными словами, в случае, если кто-либо из офицеров увольнялся, прослужив более 25, но менее 35 лет, то выслуженные после 25-летнего срока годы при расчете пенсии не учитывались. Полная пенсия выплачивалась тем, кто прослужил 35 и более лет[4].

Пенсия выплачивалась из двух источников – государственного казначейства и эмеритальной кассы военно-сухопутного ведомства. Средства эмеритальной

---

[1] Приказ по военному ведомству от 19 мая 1901 года № 389 // Приказы по военному ведомству за 1901 год. С. 974, 975, 976.
[2] *Дунин А.* Права офицеров // Разведчик. 1917. № 1385. С. 319.
[3] Пенсии // Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 18. С. 339.
[4] Свод военных постановлений. Книга VIII. Награды, пенсии, пособия и призрение чинов военного ведомства. / Изд. второе (по 1 января 1902 г.). С. 50.

кассы были образованы из крупного единовременного пособия в виде 4 % бессрочного долга государственного казначейства, по которому касса получала ежегодно 300 тыс. руб. процентов, и из 6 % вычетов, производимых из содержания участников касс. Участие в эмеритальной кассе было обязательным для всего офицерского состава. Размеры эмеритальных пенсий зависели от числа лет, в течение которых офицер участвовал в платежах в кассу. Пенсии делились на 4 разряда, в диапазоне от 20 до 35 платных лет. При расчете лет участия в кассе учитывалось только время, полностью оплаченное взносами в 6 %, какие-либо сокращения не допускались. Раненым I и II класса и тяжелобольным пенсионное обеспечение назначалось по сокращенным срокам. Но даже в случае получения максимальной пенсии, как из государственного казначейства, так и эмеритуры общая сумма была невелика. Например, полковнику, получавшему максимальную пенсию, выплачивалось в год 575 рублей из государственного казначейства и 863 рубля из эмеритальной кассы, подполковнику – 430 и 645 рублей соответственно, капитану (ротмистру) – 345 и 473 рубля[1].

Чтобы выслужить полную пенсию, офицеры старались уйти в отставку как можно позже. «Начальство из жалости держало стариков, ибо увольнение было равносильно разорению семьи и лишению в старости средств к существованию»[2], – писал «Военный сборник». В 1906 г. были приняты новые правила о пенсионном обеспечении офицерского состава, которые не ограничивались обязательной выслугой только одного из двух сроков – 25 или 35 лет. Был введен принцип постепенного возрастания пенсии с каждым прослуженным годом. Появилось понятие «совокупная пенсия», которое включало в себя пенсии из государственного казначейства и эмеритальной кассы, а также так называемую добавочную пенсию. Для определения совокупной пенсии сначала рассчитывались пенсии из государственного казначейства и эмеритальной кассы, а затем их общая сумма доводилась до размера, указанного новыми правилами, путем назначения добавочной

---

[1] *Лыкошин А. С.* Эмеритальные кассы военно-сухопутного и морского ведомства // Энциклопедический словарь. СПб., 1904. Т. XL-А (80). С. 727–728.
[2] *Г-Ъ.* Предельный возраст военнослужащих // Военный сборник. 1898. № 11. С. 180.

пенсии. Полная совокупная пенсия назначалась за 35 лет службы, и составляла 80 % содержания (от основного оклада жалованья и столовых денег). Такая пенсия не могла увеличиваться при дальнейшей (свыше 35 лет) службе на той же должности. Неполные совокупные пенсии рассчитывались следующим образом. А) Лица, увольнявшиеся «по совершенно расстроенному здоровью» получали за 10 лет службы 30 % содержания, после чего их пенсии увеличивались на 2 % за каждый год службы, прослуженный после 10 лет. Б) Те, кто прослужил 25 лет и более, имели право на пенсию, которая рассчитывалась так же, как в пункте А). За 25 лет службы пенсия составляла 60 % содержания. За каждый год, прослуженный после 25 лет, к пенсии добавлялось 2 % содержания, получавшегося на службе. Кроме того, в новых правилах указывались нормы совокупных пенсий в процентах содержания для офицеров, получивших ранения, неизлечимо больных, уволившихся по домашним обстоятельствам и других, в зависимости от числа лет службы[1]. Эти правила действовали до 1 января 1912 г.

В 1912 г. был введен новый пенсионный устав, в соответствии с которым пенсионное обеспечение уходивших в отставку офицеров, как и до 1906 г., состояло из пенсии, выплачивавшейся из государственного казначейства и пенсии, выплачивавшейся из эмеритальной кассы. Лица, увольнявшиеся в отставку по военному ведомству, но часть времени прослужившие в других ведомствах, имели право на пенсию, если прослужили на военной службе, хотя бы с перерывами, не менее 23 лет. В таком случае служба вне военного ведомства засчитывалась из расчета пяти лет за четыре года. Тем, кто не удовлетворял таким требованиям, пенсии назначались за всю их совокупную службу по правилам того ведомства, в котором они состояли на службе. Пенсия назначалась в размере определенных процентов годового содержания, положенного для мирного времени (оклад жалованья и столовые деньги, а также добавочные деньги, если они были положены увольнявшемуся офицеру). За выслугу 25 лет назначалась пенсия в размере 50 % от получавшегося на службе содержания. За каждый прослуженный год сверх 25

[1] Приказ по военному ведомству от 7 мая 1906 г. № 280 // Приказы по военному ведомству за 1906 год. С. 438 – 441.

лет, до 35 лет включительно, пенсия увеличивалась на 3 % получавшегося содержания (максимальный ее размер составлял 80 % содержания). Лицам, увольнявшимся ввиду болезней, не позволявших продолжать службу, но не требовавших постоянного ухода, за 10 лет службы назначалось 30 % получавшегося на службе содержания. Если срок службы превышал 10 лет, то за каждый год службы сверх этого срока пенсия увеличивалась на 2 %. Тем, кто увольнялся по тяжелым и неизлечимым болезням, не позволявшим обходиться без постороннего ухода, за 5 лет службы назначалось 30 % пенсии. За каждый прослуженный сверх 5 лет год пенсия увеличивалась на 2 % содержания (до 15 лет), а далее до 35 лет – на 1,5 %. Офицерам, раненым на войне и причисленным к раненым I класса назначалась пенсия в размере полного оклада содержания, независимо от числа лет службы. Раненым II класса, неспособным продолжать службу, за 5 лет службы и менее назначалась пенсия в 60 % годового содержания. За каждый прослуженный сверх 5 лет год размер пенсии увеличивался на 2 %, вплоть до 100 % содержания[1].

Предусматривались льготы в военное время для тех, кто находился в боевом походе. В случае участия хотя бы в одном бою или нахождения хоть раз под огнем неприятеля срок выслуги на пенсию определялся из расчета одного дня за два. Льгота эта прекращалась со дня заключения мира, а в течение войны – со дня выбытия из района военных действий. Право на пенсию имели также вдовы и дети лиц, на которых распространялся пенсионный устав. Сыновья военнослужащих пользовались этим правом до 17 лет, дочери – до 21 года или до замужества, или до устройства на работу. Вдова получала половину выслуженной мужем пенсии, каждый ребенок – одну треть второй половины, вплоть до размера полной пенсии[2].

Таким образом, принимавшиеся в России меры несколько улучшили положение военных пенсионеров и их семей. Например, если в 1909 г. ротный командир на пенсии получал за 25 лет службы 756 рублей в год, то по новому уставу –

---

[1] Устав о пенсиях и единовременных пособиях чинам военного ведомства и их семействам: Приказ по военному ведомству от 31 июля 1912 г. № 400 // Приказы по военному ведомству за 1912 год. С. 911–925.
[2] Там же. С. 914, 919, 920.

870 рублей; за 35 лет службы – 1008 и 1392 рубля соответственно[1]. Однако, в абсолютных размерах пенсии офицеров иностранных армий, например, германских, были выше. Так, полная пенсия командира роты составляла в России 1392 рубля в год, а в Германии (в пересчете на рубли) – 2400, командира батальона – 1920 и 2900 рублей соответственно, командира полка – 3120 и 3600 рублей[2].

Пенсии, назначавшиеся лицам, занимавшим в русской армии высшие ступени в военной иерархии, были выше, чем у рядовых офицеров. Например, генералу от кавалерии Н. А. Сухомлинову , занимавшему посты командующего округом и генерал-губернатора в марте 1917 г. была назначена следующая пенсия: от государственного казначейства – 1614 руб. 70 коп. в год, от военной эмеритальной кассы – 2145 руб. в год[3].

Выводы по главе 3

В рассматриваемый исторический период офицерами русской армии могли стать представители любого сословия, национальности и религии, кроме лиц, исповедовавших иудаизм. Следовательно, офицерство не являлось замкнутым социально-профессиональным слоем, и обвинения в кастовости, звучавшие в свое время, несправедливы. В то же время, говорить о равных условиях для получения офицерского чина представителями всех сословий не представляется возможным. В стране отсутствовала система всеобщего начального образования, не говоря уже о среднем, что не позволяло значительной части граждан из бывших податных сословий поступать в военно-учебные заведения. Не случайно выходцы из крестьян, рабочих, ремесленников, городских мещан составляли в мирное время лишь около 1/4 части корпуса офицеров. Свою роль в том, что представителей бывших податных сословий в рядах офицерства было меньшинство, играло и то, что в наиболее престижных училищах предпочтение

---

[1] Хроника // Разведчик. 1912. № 1134. С. 481.
[2] Там же.
[3] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173542. Л. 5.

при поступлении отдавалось кадетам, большая часть которых были сыновьями лиц, профессионально связанных с армией. Однако в чистом виде сословный подход при приеме в военные учебные заведения сохранялся только в Пажеском корпусе.

Преобладание в рядах офицерского корпуса потомственных дворян во многом обусловливалось тем, что получение дворянскими детьми образования в общегражданских платных учебных заведениях, затруднялось нехваткой средств у их родителей. По причине невысокого материального достатка направляла своих сыновей в военно-учебные заведения и немалая часть личных дворян, прежде всего, офицеров. Определенную роль в наличии большого количества потомственных дворян в рядах кадрового офицерства играло также сохранение преемственности семейных традиций военной службы, особенно в среде кадровых офицеров.

Весьма заметную роль в жизни и службе каждого офицера, независимо от сословного происхождения, играла офицерская этика. Ее основу составляли духовно-нравственные ценности, связанные с главным предназначением русской армии – обеспечением внешней безопасности государства. Представляется, что офицерская этика вобрала в себя многие лучшие воинские и общечеловеческие традиции, нормы, правила поведения, соблюдение которых обеспечивало поддержание морального и профессионального облика офицерского состава. За соблюдением этических норм достаточно строго наблюдали командиры, офицерская общественность и суды чести (суды общества офицеров). Несмотря на то, что, с точки зрения сегодняшнего дня, некоторые нормы военной этики тех лет устарели (например, поединки), большинство ее положений сохраняют актуальность и поныне. Специфическая воинская этика была присуща, главным образом, кадровому офицерству, хотя важнейшие ее требования, касавшиеся исполнения долга перед Отечеством, соблюдались и многими офицерами военного времени.

Нараставший системный кризис в стране способствовал формированию у значительной части населения негативного отношения к офицерской службе и офицерству, как таковому. Это проявлялось в снижении социального статуса

военнослужащих, определенном некомплекте офицерского состава, напряженных взаимоотношениях офицерства и политизированной части общества. Подобное положение негативно влияло на морально-психологическое состояние командного состава.

Учитывая все это, а также то, что военная служба не обеспечивала достаточный уровень материального благосостояния, можно утверждать: многим офицерам был присущ особый психический склад. При всем разнообразии характеров, темпераментов, взглядов на жизнь, неодинаковости интеллекта и много другого, у этих людей существовало нечто единое в психическом облике и складе личности. Данное обстоятельство во многом определяло их своеобразие в сравнении с другими группами населения. Представляется, что своеобразие это заключалось в особенностях мировоззрения и специфической этике, а также отличавшемся от большинства граждан восприятии социальной и политической действительности. Эти свойства, пожалуй, прежде всего проявлялись в том, что люди поступали на военную службу в качестве офицеров, несмотря на всю сложность и противоречивость обстановки в стране.

Отстраненность офицерства от социально-политической жизни страны обусловливалась, главным образом, его консервативным мировоззрением и существовавшими запретами. Лишь отдельные представители офицерского корпуса тайно состояли в тех или иных партиях и политических организациях. В целом командный состав армии сохранял лояльность к существовавшему государственному строю, что отчетливо проявилось в период революции 1905–1907 гг. и Первой мировой войны; положение изменилось в 1917 г.

В своих действиях офицеры в большинстве своем руководствовались присягой и убеждениями о пагубности революционных событий для России. В ситуациях вооруженных выступлений, массовых беспорядков, погромов, активизации террористической деятельности радикальных элементов, офицерство активно способствовало сохранению существовавшей политической системы и обеспечению общественной безопасности. Как правило, сила применялась в соответствии с законодательством тех лет. В то же время, известны случаи внесудебных рас-

прав над участниками революционных выступлений, в ходе которых иной раз страдали и мирные жители.

Уровень материального благосостояния большей части офицерства в начале XX столетия был невысоким, нередко ниже, чем у других слоев образованной части общества. Данное положение обусловливалось тем, что содержание, получавшееся строевыми офицерами на службе, было небольшим, при этом офицерство не имело права заниматься предпринимательством, банковским делом и торговлей. Земельными участками различной величины владели буквально считанные единицы из всего корпуса офицеров. В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, были приняты меры, несколько улучшившие положение офицерства.

ГЛАВА 4. БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА И МОРАЛЬНО-БОЕВЫЕ КАЧЕСТВА РУССКОГО ОФИЦЕРСТВА

4.1. Уровень подготовки командного состава во время Русско-японской войны 1904–1905 годов

Данный параграф несколько выходит за хронологические рамки диссертации, однако чтобы рассмотреть изменения, происходившие в профессиональной подготовке офицерства после окончания войны с Японией, необходимо сравнение с предыдущим периодом. Для этого представим панорамное обозрение, в общем виде показывающее, насколько офицерский состав был готов к выполнению задач в соответствии с предназначением в период военного конфликта на Дальнем Востоке. Представляется, что обозрение послужит своего рода фоном, позволяющим более подробно охарактеризовать уровень готовности командного состава к ведению боевых действий в годы мировой войны.

После окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг. в обществе и армии развернулась дискуссия, в ходе которой обсуждались причины, обусловившие неудачный исход военного конфликта. В их числе назывались факторы как общегосударственного масштаба – политические, экономические, социальные, так и сугубо внутриармейские. В числе последних наибольшей критике подвергалась боевая подготовка, под которой понималась «… совокупность всех сведений, приемов и навыков, необходимых войскам для боевой службы в военное время»[1].

Иными словами, боевая подготовка представляла собой организованный процесс воинского обучения и воспитания военнослужащих, подразделений, частей и соединений для выполнения боевых задач в соответствии с предназначением. Видами и формами боевой подготовки являлись одиночное обучение, обучение в составе подразделений и частей, тактические занятия, учения, стрельбы, маневры, полевое инженерное дело и т.д.

---

[1] Боевая подготовка войск // Военная энциклопедия: в 18 т. Т. 4. С. 602.

В ходе дискуссии отмечалось, что серьезные недостатки в боевой подготовке присущи всем категориям военнослужащих, в том числе, офицерам. Суть претензий, предъявлявшихся к офицерскому составу в этой области, в обобщенном виде заключалась в следующем:

неумение ориентироваться в конкретной ситуации;

отсутствие прочных навыков в управлении войсками в боевой обстановке;

недостаток инициативы;

слабое знакомство «начальников одного рода оружия с тактическими свойствами и употреблением в бою других родов оружия»[1].

Кроме того, указывалось на незнание «свойств и сил» противника, незнакомство с театром военных действий, неподготовленность высшего командного состава и офицеров Генерального штаба, «несоответствие нашей тактики силе современного огня»[2].

Критика во многом была справедливой: в предвоенный период организация занятий по боевой подготовке в военно-учебных заведениях, а также занятий с офицерами в строевых частях во многом не отвечала требованиям времени. В значительной мере это обусловливалось недооценкой роли военной науки в среде высшего военного руководства страны. Специалисты академии Генерального штаба считали, что «пренебрежение военной наукой в широких кругах армии и сосредоточение ее данных в руках незначительного числа лиц, в свою очередь оторванных от войска, создает весьма неблагоприятные условия для совершенствования нашей военной системы»[3].

Между тем мировой технический прогресс стимулировал развитие вооружения и военной техники. В конце XIX – начале XX вв. значительно повысились боевые свойства ручного огнестрельного оружия: дальность и точность стрельбы, скорострельность, пробивная способность пули. Принятие на вооружение пуле-

---

[1] Заметки // Разведчик. 1906. № 808. С. 332.

[2] *Лукомский А.* Изменения в уставах на основании опыта русско-японской войны // Разведчик. 1906. № 798. С. 94.

[3] Цит. по: *Гучков А.И.* О проекте сметы доходов и расходов Военного министерства на 1908 год // Избранные выступления депутатов Государственной Думы с 1906 года до наших дней. С. 62.

метов и скорострельной полевой артиллерии, использование воздушных шаров для наблюдения на поле боя, появление переносных радиостанций и т.п. – все это вносило серьезные изменения в тактику и стратегию, влияло на виды, формы и способы боевых действий. (Необходимо отметить, что понятия «оперативная подготовка» в то время еще не существовало). Требовалось учитывать происходившие изменения, изучать их, внедрять в практику подготовки и ведения вооруженного противоборства.

Однако изменения, происходившие в военном деле в тот период, в российских военно-учебных заведениях до Русско-японской войны 1904–1905 гг. учитывались далеко не полностью. В системе военного образования сложилось такое положение вещей, когда главное внимание уделялось изучению теории; практическим занятиям по военным наукам отводилась второстепенная роль. Военные специалисты указывали, что, например, выпускники кавалерийских училищ лишь теоретически знали съемки, средства связи, обращение с артиллерийскими орудиями, не обладали необходимыми навыками в решении тактических задач и т.д. Юнкерам-кавалеристам преподавалось множество теоретических вопросов об устройстве пушек, но в практической плоскости положение было иным: они не были обучены, даже заряжать орудия[1]. В пехотных военных и юнкерских училищах практическим занятиям также посвящалось меньше времени, чем теоретическим. Например, на лекции по артиллерии в младшем классе военных училищ отводилось 3 часа в неделю, а на практические занятия – 1 час. Количество лекций по фортификации превышало время, отводимое на практические занятия, средства связи не изучались вообще. В юнкерских пехотных училищах, как в младшем, так и в старшем классе, читались только лекции по артиллерии, практические занятия не предусматривались вовсе, как не предусматривались практические заня-

[1] *С.К. Х-ъ*. Теории много – практики мало // Разведчик. 1906. № 825. С. 615.

тия по фортификации. Средства связи в юнкерских училищах также не изучались[1].

Одновременно неоправданно большое количество учебных часов отводилось на строевые занятия, то есть на то, что необходимо рядовому солдату. В кавалерийских училищах до 8 часов в день занимали верховая езда, рубка, фехтование, седловка, вольтижировка и т.п. Такие знания, навыки и умения были нужны, но они не могли заменить того, что было необходимо офицеру, как руководителю, обязанному знать разнообразную военную технику и управлять подчиненными в бою. В одной из статей был задан вопрос: «Какой офицер принесет более пользы на войне? Тот ли, который будет чудно ездить, рубить и т.п. и весьма слабо будет знать: съемки, подрывное дело, работу с гелиографом и телеграфным аппаратом, обращение с артиллерийскими орудиями, … или… посредственный строевой офицер, но знающий практически все вышеупомянутые работы?»[2]. Автор считал, что ответ очевиден: эффективнее в бою будет действовать офицер, относящийся к последнему типу. Однако в действительности внеклассные практические занятия (задания) должны были выполняться юнкерами «в свободное от строевых занятий время»[3], то есть, по остаточному принципу.

В пехотных училищах, составлявших большинство военно-учебных заведений, ситуация была аналогичной. Один из офицеров указывал: «…наших юнкеров обыкновенно учат прекрасно делать ружейные приемы, великолепно маршировать… заставляют их старательно изучать обязанности часового, дежурного по роте, дневальных и т.д., то есть готовят из юнкеров хороших рядовых…, совершенно забывая, что из них должны выйти… офицеры…»[4].

Накануне Русско-японской войны строевые офицеры отмечали, что учебные программы в училищах не предусматривали подготовку к управлению подразде-

---

[1] Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению / сост. генерал-майор Лалаев. СПб., 1880. Приложение I и II (в приложениях страницы не пронумерованы).
[2] *С.К. Х*-ъ. Теории много – практики мало. С. 615.
[3] Инструкция для юнкеров Николаевского кавалерийского училища. СПб., 1900. С. 49.
[4] *М.А.Н.* Военные училища // Разведчик. 1901. № 542. С. 222.

лением в бою, руководству его огнем, применению к местности, выбору места для застав и т.д.[1].

Иначе говоря, изучение тактики, являвшейся важнейшей частью боевой подготовки офицеров, без которой невозможно управление войсками и достижение победы в бою, носило формальный характер. В пехотных военных училищах, наряду с лекциями, определенное количество практических занятий по тактике все же предусматривалось, но в пехотных юнкерских училищах изучалась лишь теоретическая часть[2].

В этой связи один из офицеров Генерального штаба указывал, что изучение основ военного дела ограничивалось «лишь пределами общих идей», и было оторвано от практики. Этот же офицер отмечал, что аналогично происходило изучение стратегии в военных академиях. Что касается изучения тактики, то высказывались даже предложения вообще прекратить ее изучение в академиях, так как она «…и без того читается в училищах»[3].

О ненормальности существовавшего положения писали многие военнослужащие, указывавшие, что тактика в военно-учебных заведениях преподавалась «слишком книжно», в то время как жизнь требовала проводить больше практических занятий, как в поле, так и в классе[4]. Кроме того, отмечалось, что времени на изучение тактики отводится явно недостаточно. Например, в Офицерской стрелковой школе, задачей которой была практическая подготовка капитанов из войск к выполнению обязанностей батальонных командиров, ситуация была следующей. Утвержденная в 1903 г. учебная программа предусматривала изучение таких предметов, как:

курс теории тактики и практические занятия в аудитории и в поле;

занятия по чтению планов и карт в аудитории и в поле;

курс ручного оружия.

---

[1] Там же.

[2] Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. Приложение I и II (в приложениях страницы не пронумерованы).

[3] *Геруа А.* После войны. О нашей армии. СПб., 1906. С. 10, 15.

[4] *Парский Д.* Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. С. 60.

При этом на изучение тактики отводилось всего 24 часа. В этой связи один из офицеров, обучавшихся в школе, писал, что «на теорию тактики – этот в высшей степени интересно читаемый предмет, не хватает у преподавателя времени»[1].

Между тем изучению личного оружия времени посвящалось в несколько раз больше – 144 часа. Например, на изучение сборки и разборки винтовки отводилось 48 часов, и это притом, что обучавшиеся в школе офицеры прослужили по 20 и более лет и сами учили этому унтер-офицеров; на изучение револьвера времени отводилось, как на изучение тактики – 24 часа[2].

Внедрение в практику передовых идей из области военной теории и практики происходило медленно. В 1902 г., незадолго до начала Русско-японской войны состоялись большие маневры под Курском, проходившие, как отмечал их участник, в соответствии с правилами военной науки времен русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – последнего на тот момент крупного военного конфликта, в котором участвовала русская армия. Пехотные цепи шли во весь рост, резервы передвигались без маскировки, с музыкой и знаменами, артиллерия открыто выезжала на пригорки. Однако первые же столкновения в Маньчжурии показали, что «…не ложиться в цепи – преступление, а располагать артиллерию на открытых пригорках – это обрекать ее на быструю и бесславную гибель. Короче говоря, первые же бои выявили несостоятельность тактических, а как следствие этого, и организационных основ мирного времени»[3], – писал участник войны 1904–1905 гг.

В таком же ключе оценивал тактическую подготовку русских войск другой офицер: «Русско-японскую войну начали с тактики войны русско-турецкой и думали, что, способ ведения войны в 1904–1905 гг. таков же, какой он был в 1877–1878 гг.»[4].

Генерал Б. А. Штейфон, участвовавший в Русско-японской и Первой мировой войне, указывал: «…эта война, не только хронологически, но и идейно оказа-

---

[1] *Драгомиров М.* Одиннадцать лет. 1895–1905 гг.: в 2 т. Т. 2. С. 76–77.
[2] Там же.
[3] *Штейфон Б.* Русско-японская война // Военная мысль в изгнании: творчество русской военной эмиграции. Российский военный сборник: выпуск 16. М., 1999. С. 62–63.
[4] *С – ов Д.* Горе побежденным! // Разведчик. 1914. № 1214. С. 88

лась на рубеже двух различных эпох. С военным мировоззрением XIX века мы начали и вели борьбу, сущность и формы которой уже явно вырисовывали контуры будущей Великой войны»[1].

Иными словами, появление новых видов вооружения и военной техники не сразу привело к изменениям во взглядах на ведение боевых действий, опыт войны 1877–1877 гг. продолжал доминировать в сознании большинства высшего и старшего командного состава. Между тем наступила эпоха войн нового поколения, что, однако, не было осознано нашим военным руководством. Генерал-лейтенант В. М. Драгомиров в своем труде, посвященном подготовке русской армии в начале XX в., подчеркивал: «Лица, стоявшие во главе русского командования, пропустили и оставили незамеченной всю работу иностранных армий в 80–90 годах прошлого столетия, выразившуюся в переработке их полевых уставов… даже новейшие издания русского полевого устава не учитывали всей этой подготовки»[2].

В этой связи необходимо указать, что современный российский военный теоретик В. И. Слипченко считает данное обстоятельство характерным не только для русской армии начала прошлого века, но и для всех армий, во все эпохи. Он утверждает: «…можно буквально сосчитать на пальцах рук те исторические периоды…, когда появление нового оружия приводило к кардинальному изменению форм и способов вооруженной борьбы, что и… означало переход к новому поколению войн. От зарождения нового поколения войн до готовности стран к их ведению всегда проходил определенный, иногда длительный переходный период»[3].

На рубеже XIX –XX веков так произошло в русской армии. В период, предшествовавший войне с Японией, разработка новых уставов, инструкций и наставлений, регламентировавших содержание и методику боевой подготовки непосредственно в войсках, происходило с запозданием. Например, тактические занятия с офицерами накануне войны 1904–1905 гг. проводились в соответствии с вы-

---

[1] *Штейфон Б.* Русско-японская война. С. 62.
[2] *Драгомиров В.* Подготовка русской армии к Великой войне // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1923. Кн. IV. С. 109.
[3] *Слипченко В.* Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М., 2002. С. 2.

пущенной еще в 1879 г. «Инструкцией для полевых занятий со строевыми офицерами»[1].

В силу того, что устаревший руководящий документ не отражал динамику развития военного дела, боевая учеба офицеров в войсках в большинстве случаев организовывалась рутинно. В одной из военно-теоретических статей офицер Генерального штаба указывал, что она нередко сводилась к тому, что «…в полках из года в год велись снотворные занятия по чтению планов и карт»[2].

Другой современник отмечал, что подобные тактические занятия «...пользы никакой не приносят, наоборот, все ими обыкновенно тяготятся и считают в душе излишними»[3]. Лишь в 1903 г., буквально накануне войны в войска поступила новая «Инструкция для занятий с офицерами в полевой поездке»[4].

Подобное происходило и с документами, регламентировавшими боевую подготовку армии в целом. Так, 20 лет действовал «Устав полевой службы», принятый в 1881 г. и к началу XX в. значительно устаревший. Лишь в 1901 г. вышел в свет проект «Устава полевой службы и Наставления для действия в бою отрядов из всех родов оружия»»; после некоторой переработки документ был утвержден в 1904 г.[5].

Несмотря на возрастание роли взаимодействия всех родов войск, до начала XX столетия оно организовывалось в соответствии с «Инструкцией для действия в бою отрядов из всех родов оружия» 1882 года. Несмотря на то, что в 1886 и 1899 годах в войска поступали документы, уточняющие и развивающие положения Инструкции[6], они не могли придать ей в полной мере современное звучание. Лишь в 1901 г. она была заменена уже упоминавшимся выше проектом, а с 1904 г.

---

[1] Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главный штаб: образование (обучение) войск / СПб., 1914. Ч. I. Кн. II. Отд. 3. С. VII.
[2] *Апухтин А. Н.* Тактические занятия с офицерами // Военный сборник. 1911. № 2. С. 3.
[3] *Парский Д. П.* Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. С. 64.
[4] Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главный штаб: образование (обучение) войск. Ч. I. Кн. II. Отд. 3. С. 265–266.
[5] Там же. С. IV, V.
[6] Там же. С. VIII, X.

– полноценным «Уставом полевой службы и Наставлением для действия в бою отрядов из всех родов оружия»[1].

Однако времени на обстоятельное изучение новых руководящих документов и обучение войск не оставалось, что не могло не оказать отрицательного влияния на ход военных (боевых) действий в начавшейся Русско-японской войне.

Например, одним из существенных просчетов в довоенных тактических взглядах в нашей армии являлась недооценка силы ружейного и артиллерийского огня противника, что привело к закреплению в руководящих документах ряда неверных положений:

густое построение пехотных цепей в ходе наступления, с интервалом между бойцами всего в полтора шага, что влекло за собой большие потери на поле боя. Резервы, следовавшие за наступавшими войсками, передвигались в сомкнутых строях, не рассыпаясь в цепь. В силу увеличившейся дальности действительного стрелкового огня это приводило к неоправданным потерям;

отсутствие артиллерийской подготовки атаки, что позволяло оборонявшемуся противнику организовать ее отражение;

неполное использование огневых возможностей станковых пулеметов, ввиду недооценки их возможностей[2].

Неверной оказалась разработанная схема использования боевого порядка войск в наступательном бою. Боевой порядок включал боевую часть, предназначавшуюся для ведения огневого боя и подготовки удара, и резервы – для пополнения потерь в боевой части, решения внезапно возникавших задач и нанесения штыкового удара. Было определено, что при завязке боя в боевую часть выделяется меньшая часть сил, а большая остается в резерве. По мере сближения с противником, уточнения его сил и слабых мест в обороне, боевая часть должна была увеличиваться. К моменту атаки предполагалось увеличение боевой части до трех четвертей соединения, части или подразделения, в то время как в резерве остава-

---

[1] Там же. С. 116–119.

[2] *Корсун Н. Г., Харкевич П. Х.* Тактика русской армии в русско-японской войне 1904-1905 гг. // Развитие тактики русской армии (XVIII в. – начало XX в.): сб. статей. М., 1957. С. 239–240.

лась одна четверть наличных сил. Однако боевая практика показала, что такая схема неэффективна: в огневом бою в течение почти всего наступления участвовала меньшая часть сил, в то время как большая часть была лишена такой возможности[1].

Неправильность такого боевого порядка отмечал известный германский военачальник генерал Ф. фон Бернгарди, писавший, что во время войны с Японией русское командование распределяло свои войска чисто теоретически, зачастую совершенно не считаясь с действительной обстановкой. «Поэтому на самых боевых позициях… было сравнительно мало войск, а главные массы оставались позади…», и так было в тот момент, когда надо было наступать. В результате японцы, несмотря на то, что «…были в общем численно слабее, зачастую вели бой на решительном пункте с значительным перевесом»[2]. Исправлять неверные тактические установки приходилось уже в ходе боевых действий.

Что касается проводившихся в мирное время учений и маневров, то современник отмечал, что в процессе их проведения нередко нарушались основополагающие требования ведения боя. К ним относились случаи, когда:

слабейший атаковал более сильного противника на открытой местности, даже тогда, когда тот занимал выгодную, а иной раз укрепленную позицию;

кавалерия, чтобы занять удобную для атаки позицию, подолгу маневрировала в густых колоннах на дистанциях действительного огня артиллерии и даже пехоты противника;

батареи в ходе наступления выезжали на открытые позиции, долго стояли в сфере действительного огня вражеской артиллерии;

пехотные цепи не всегда использовали складки местности, резервы открыто располагались в густых колоннах на расстояниях, доступных огню артиллерии противника и т.д.[3].

---

[1] Там же. С. 238, 239.
[2] *Бернгарди Ф., фон.* Современная война: в 2 т. СПб., 1912 / пер. с нем. Т. 2. Бой и ведение войны. С. 88.
[3] *Киркин М.* Тактическая подготовка частей // Разведчик. 1904. № 715. С. 687.

В реальном бою подобные неверные действия, как показала война, привели бы к большим потерям и поражению наступавших войск. Необходимо отметить, что еще до войны отмечалось: «Если судить о тактической подготовке частей по ходу сражений на маневрах, то признать ее отвечающей современным требованиям никак нельзя»[1].

В частях и соединениях нередко отсутствовали условия для проведения тактической подготовки. Один из русских военачальников писал, что весной приходилось учиться исключительно на лагерных полях, дополняемых различными пустырями, паровой землей, иногда отводом земель с уплатой владельцам за потравы. «При этом лагерные участки соответствовали незначительным прежним нормам, соображенным, главным образом, с потребностями обучения сомкнутому строю и устройства стрельбищ. Полей для тактических учений с ротами было недостаточно»[2].

В летний период обучения, когда проводилось большинство учений, поля уже были засеяны, и окрестную местность использовать запрещалось. Своих же полигонов у частей часто не было, поэтому для учений и маневров использовались учебные плацы, площадью всего в 38 десятин[3], где качественная боевая учеба была невозможна. «Не только отдельные полковые части, но и целые дивизии лишены земель для лагерей, для стрельбищ и для полигонов…», – отмечал в своем докладе депутат Государственной думы А. И. Гучков. В качестве одного из примеров он привел Вильно, где находился гарнизон из 5 пехотных полков, вынужденных, для обучения стрельбе, уходить за 90 верст от места дислокации[4].

Не менее сложным было положение дел в артиллерии. Большая часть земель принадлежала частным лицам, и войсковое командование не могло приобрести удобные для полигонов участки, в том числе, ввиду их дороговизны. Так, в Киевском военном округе был только один пригодный для стрельбы полигон,

---

[1] Там же.
[2] *Драгомиров В.* Подготовка русской армии к Великой войне // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1925.. Кн. V. С. 203.
[3] *Киркин М.* Тактическая подготовка частей // Разведчик. 1904. № 715. С. 687–688.
[4] *Гучков А. И.* О проекте сметы доходов и расходов Военного министерства на 1908 год // Избранные выступления депутатов Государственной Думы с 1906 года до наших дней. С. 66.

Одесский военный округ вообще не имел своих артиллерийских полигонов, и артиллерия этого округа стреляла на полях, арендованных у частных лиц. Многие артиллерийские учебные полигоны до начала Первой мировой войны оставались «… совершенно неудовлетворительными по своим размерам, не позволявшими вести стрельбу на предельные дальности из современных полевых орудий… Большинство полигонов не давало возможности разнообразить стрельбу и вести ее с разных направлений»[1]. Подобное положение приводило к тому, что артиллеристы не могли получить полноценную практику боевой стрельбы.

Нередко бывало, когда учения проводились с целью произвести впечатление на старших начальников, а не для реального обучения войск. Как писал один из ротных командиров, в ходе тактических учений представления о реальном бое не давались, «…мы заботились о стройности наступления, о том, чтобы… не нарушить уставных правил и тем не разгневать старшего начальника и не «провалить» учения или смотра»[2].

Иными словами, акцент в обучении офицеров часто делался не на том, что было действительно необходимым: освоению всего того, что способствовало сокращению потерь от огня противника, увеличению мощи своего огня, искусному пользованию местностью, маневрированию и т.д. «Показуха» в боевой учебе вела к соблюдению различных внешних «красивостей», не позволявших организовать действительно эффективную боевую подготовку частей и подразделений. «В войсках занимались гимнастикой,… сомкнутыми учениями и парадами, стрельбой и тактикой довольно примитивного вида, сельским хозяйством, изменением форм одежды…, и меньше всего тем, чем следовало заняться больше всего: подготовкой командного состава»[3].

Аналогично обстояло положение вещей с обучением военному делу нижних чинов. На собрании офицеров Генерального штаба, служивших в Варшавском во-

---

[1] *Барсуков Е. З.* Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.): в 4-х т. Т. 4. С. 101, 102.
[2] *Гусев А. Н.* Из воспоминаний участника русско–японской войны // Военный сборник. 1910. № 9. С. 69.
[3] *Драгомиров В.* Подготовка русской армии к Великой войне. Ч. 1. // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1923. Кн. IV. С. 88, 89.

енном округе один из докладчиков отмечал, что до Русско-японской войны «…на боевую подготовку нижних чинов обращалось вообще мало внимания, а на подготовку одиночного бойца и того меньше»[1].

Недостатки в боевой подготовке командного состава и войск в целом проявились в ходе войны на Дальнем Востоке. В частности, командиры пехотных подразделений и частей не могли организовать на должном уровне разведку, взаимодействие между пехотой, конницей и артиллерией, а также между самими пехотными частями. Пехота во время наступления не умела применяться к местности, не использовала самоокапывание. Построение боевого порядка частей и соединений в обороне оказалось не соответствующим условиям современной войны, занимаемые позиции сильно растягивались по фронту, на переднем крае сил размещалось недостаточно[2].

Дополнительные сложности вызывались тем, что новому «Уставу полевой службы и Наставлению для действия в бою отрядов из всех родов оружия» также были присущи недочеты. Например, в документе отсутствовали указания для действий в бою пехоты: как организовать отражение атаки кавалерии противника, атаковать неприятельскую батарею, последовательно развивать пехотный бой, выбирать вид огневого поражения противника в различные периоды боя и т.д. То есть многого из того, что требовалось ротным и батальонным командирам, в Уставе и Наставлении не было, хотя в более ранних документах подобные указания были. В ходе наступления предпочтение в новом документе отдавалось фронтальным атакам, несмотря на их трудность; как следствие, мало внимания уделялось обходам и охватам, хотя прибегать к ним приходилось часто[3].

Существенным недостатком этого документа являлось и то, что отсутствовали практические указания по организации и ведению встречного боя, в то время

---

[1] Цит. по: *Изонов В. В.* Подготовка русской армии накануне Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2004. № 10. С. 35.

[2] *Сорокин А. И.* Русско-японская война 1904–1905 гг. (военно-исторический очерк). М., 1956. С. 27, 28.

[3] Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главный штаб: образование (обучение) войск. Ч. I. Кн. II. Отд. 3. С. 126–127.

как в ходе Русско-японской войны крупные встречные бои происходили многократно.

Справедливость, однако, требует указать: не следует считать, будто тактика, с которой русская армия вступила в войну с Японией, целиком и полностью являлась устаревшей. Некоторые разделы тактики русских войск в сравнении с армиями других стран были наиболее передовыми. Это проявлялось, в частности, в следующем: наступление пехоты в зоне действительного ружейного огня противника организовывалось цепями; перебежки требовалось производить применительно к местности и в зависимости от обстановки (повзводно, по отделениям, звеньями, по одному); было теоретически разработано ведение артиллерийского огня с закрытых позиций[1] и т.д.

На боевую выучку наших войск отрицательно влияла не только не соответствовавшая потребностям армии и требованиям времени организация боевой подготовки, действовали и другие факторы. Один из них заключался в том, что тактическая учеба, при всей своей первостепенной значимости, не находилась в центре внимания командиров и начальников. Причина такого парадоксального положения состояла в том, что в войсках главное внимание уделялось не боевой подготовке частей и подразделений, а хозяйственным вопросам. Участник войны 1904–1905 гг. Д. П. Парский, автор ряда трудов, посвященных армейской жизни начала XX в. отмечал, что в повседневной жизни требования были обращены «…почти исключительно на строй, стрельбу и хозяйство…», в то время как на «боевую, тактическую сторону образования» внимания обращалось мало[2].

Подобный перекос имел свои объяснения. Так, чрезмерное внимание к строевой подготовке вызывалось исторически сложившейся практикой проведения инспекций и проверок. Как правило, они начинались со строевого смотра, результаты которого ложились в основу оценки подразделений и частей, а значит, и их командиров. Во многом это обусловливалось пристрастием некоторых высо-

---

[1] *Корсун Н. Г., Харкевич П. Х.* Тактика русской армии в русско-японской войне 1904–1905 гг. С. 239.

[2] См.: *Парский Д.* Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. С. 64.

ких начальников к внешней, парадно-показной стороне военной службы. Главное внимание при этом уделялось таким вопросам, как «пригонка амуниции, длина шинелей, даже цвет и величина пуговиц на разрезе шинели…», «…дистанции, интервалы, равнение…»[1] и тому подобному, не имевшему отношения в боевой учебе. Один из современников отмечал тенденцию: «Заботы об истинной боевой подготовке войск были столь же редки, сколь часты были заботы о «внешности», о парадах и о приеме начальства»[2].

Кроме того, для проверки боевой подготовки требовались знания в области современного военного дела, которыми многие высокие военачальники не обладали. Не случайно в те годы отмечалось: чтобы проверить боевую выучку войск, требовалось наличие «гораздо больших знаний и развития начальствующего персонала…», чем при проверке строевой подготовки и винтовочной стрельбы[3].

Значительный урон боевой подготовке наносило привлечение офицеров и нижних чинов к решению хозяйственных вопросов (подробнее о хозяйственных обязанностях офицеров говорится в параграфе 2.4.). Следует также иметь в виду, что централизованное обеспечение вещевым, провиантским и некоторыми другими важнейшими видами довольствия в русской армии практически отсутствовало, и войска решали эти вопросы, по большей части, самостоятельно. Так, части и подразделения закупали продовольствие и фураж, шили обмундирование и амуницию, строили учебные полигоны, казармы, здания для военных управлений, заведений и учреждений, занимались различного вида заготовками, подрядами и т.д. В войсках функционировали хлебопекарни, швальни (портняжные мастерские), сапожные мастерские, шорни, столярные и плотничьи артели и т.п. Чтобы заработать дополнительные деньги и полнее обеспечить потребности войск, солдат во главе с унтер-офицерами и офицерами официально командировали на частные и казенные предприятия, стройки, сельскохозяйственные работы (так называемые «вольные работы»). В документе, регламентировавшем этот вид работ,

---

[1] *Залесский П. И.* Возмездие (причины русской катастрофы). Берлин, 1925. С. 130.
[2] Там же. С. 107.
[3] *Парский Д.* Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. С. 64. .

указывалось, что они выполняются в «свободное от служебных занятий время», однако здесь же отмечалось, что работы производятся до полного их выполнения, без возвращения в расположение части. Количество наряжаемых на работы людей, судя по документу, ограничивалось лишь необходимостью несения военнослужащими, оставшимися в части, караульной и внутренней службы[1]. Иными словами, офицерам и солдатам приходилось часто заниматься проблемами, ничего общего с военным делом не имевшими. В частности, так происходило потому, что, как писала военная пресса, «половина нашей армии» не имела своих казарменных помещений. Для решения этой проблемы требовалось 155 млн. руб., в то время как государство могло выделить только 14 млн. руб., и то не сразу, а в течение 5 лет[2]. Работая на «вольных работах», солдаты, в том числе, зарабатывали средства на покупку стройматериалов для казарм.

Генерал А. Ф. Редигер, являвшийся военным министром с 1905 по 1909 год, отмечал: «…на громадную армию отпускали совершенно недостаточные средства. Поэтому армия и должна была сама себя обслуживать и даже, на вольных работах, сама зарабатывала себе средства на свое пропитание и мелкие нужды солдата»[3]. Всю работу по хозяйству организовывали строевые офицеры, прежде всего, командиры подразделений, на которых лежала главная ответственность за состояние дел. Соответственно, время на боевую подготовку офицерского состава и нижних чинов сокращалось.

Хозяйственная сфера деятельности строго контролировалась: действовала система проверок ротного хозяйства, в ходе которых проверялось наличие всех видов имущества, а также денежных средств. Проверки обязаны были проводить командиры батальонов, полков и создававшиеся приказами командиров частей комиссии. Проводились как неплановые, так и плановые проверки. Например, состояние финансов в ротах проверялось ежемесячно, для чего в части создавалась

---

[1] № 58069. 7 января. Высочайше утвержденное Положение о хозяйстве в роте // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. LIII. Отделение I. От № 58048–58673. 1878. СПб, 1880. С. 34.
[2] Заметки // Разведчик. 1901. № 576. С. 982.
[3] РГВИА. Ф. 280. Оп. 1. Д. 4. Л. 100.

специальная комиссия. В ее состав входили как штаб-офицеры, так и ротные командиры, проверявшие командиров других рот. Кроме полковых комиссий и лично командира полка финансы обязан был проверять начальник дивизии – во время полковых смотров и посещений полка по другим причинам.

Что касается проверок многочисленного имущества, то они бывали «общими или частными», проводились «во всякое время», так, «…чтобы к концу года все… было проверено и осмотрено»[1]. В случае каких-либо упущений в ведении хозяйства предусматривалось наказание, в том числе, материальная ответственность. «За неправильные действия по заведыванию хозяйством в роте… командир роты подвергается ответственности по законам. Допущение им каких-либо беспорядков в хозяйстве роты… признается равносильным упущению по службе»,[2] – указывалось в руководящих документах.

В кавалерии ситуация была аналогичной. Нормативные документы указывали, что правила, определявшие порядок ведения хозяйства в роте «применяются также к эскадрону и, вообще, ко всяким командам, имеющим штатное устройство». Отмечалось также, что «командир эскадрона соответствует командиру роты»[3].

Несколько иным было положение в артиллерии. Хотя батарея в организационном отношении являлась единицей, аналогичной роте и эскадрону, в хозяйственном отношении она приравнивалась к отдельной части. У командира батареи была выше должностная категория (подполковник), чем у командира роты или эскадрона (капитан), в батарее по штату состояло больше офицеров, чем в соответствующих пехотных и кавалерийских подразделениях. Один из офицеров батареи назначался заведующим батарейным хозяйством, другой – делопроизводителем, для ведения переписки, счетоводства и отчетности. Это позволяло командиру батареи большую часть своего времени уделять не хозяйственным проблемам, а боевой подготовке. Не случайно уровень подготовки артиллерийских час-

---

[1] Свод военных постановлений 1869 года. Книга XX. Внутреннее хозяйство частей войск. Издание второе (по 1-е января 1907 года). С. 8, 21, 22.
[2] Там же. С. 34.
[3] Там же. С. 33.

тей, как правило, был достаточно высоким. В то же время, вся полнота ответственности за ведение и состояние батарейного хозяйства лежала на командире батареи. В соответствии с действовавшим законодательством командир батареи управлял хозяйством, за его подписью производилась вся переписка по хозяйственной части. Кроме личной служебной ответственности за невыполнение обязанностей по хозяйственным вопросам, он мог привлекаться к материальной ответственности, решением суда или в административном порядке, в зависимости от того, наносился ли ущерб им лично, или от его приказания, упущения или бездействия[1].

При столь строгой ответственности за упущения по хозяйственным вопросам, прямая ответственность за недостатки в боевой подготовке действующими документами не предусматривалась. Соответственно, командирами подразделений ведению хозяйства уделялось основное внимание. Аналогичной была ситуация и со старшим командным составом: командиры полков в пехоте и кавалерии, в силу сложившегося положения, также вынуждены были уделять основное внимание хозяйственным делам, а не боевой подготовке. Перед вышестоящим командованием они отвечали не только за ведение полкового хозяйства, но и за состояние дел в ротных и эскадронных хозяйствах. Конечно, в управлениях полков были офицеры, непосредственно занимавшиеся решением хозяйственных вопросов, но персональную ответственность за состояние дел несли, в конечном итоге, их командиры. А.Н. Куропаткин, до начала войны с Японией занимавший пост военного министра, писал: «При настоящем положении командир полка… так обременен ответственными хозяйственными заботами, что главное внимание уделяет не живым людям, а мертвому инвентарю полка. За упущения по хозяйственной части командиру полка грозит большая ответственность, и притом материальная, чем за недостаточную тактическую подготовку полка»[2].

В батальонах (дивизионах) своих хозяйств не было, но их командиры отвечали перед командиром части за решение хозяйственных вопросов в подчинен-

---

[1] Там же. С. 71, 74.
[2] *Куропаткин А. Н.* Русская армия. СПб., 2003. С. 499.

ных подразделениях. Таким образом, в войсках сложилась система, когда ведение хозяйства и решение сопутствующих проблем носило довлеющий характер. В мирное время не только роты (эскадроны, батареи), но и целые части оценивались, прежде всего, по хозяйственным критериям. Соответственно, от этих оценок во многом зависела дальнейшая служебная карьера офицеров. Современник отмечал, что командиры, зарекомендовавшие себя на ниве хозяйственных дел и успехов в строевой подготовке, были на виду, в то время как те, кто отличался боевым складом, находились в тени[1].

Естественно, офицеры были вынуждены исполнять те требования, которые предъявляло вышестоящее командование, тем более что боевая подготовка проверялась несравненно реже, чем хозяйство, а ее качество, например, в пехоте, оценивалось по результатам стрельбы из винтовок. При этом практически не учитывалось, что даже отличная стрельба, показанная на полигоне, в боевых условиях не может дать нужных для победы результатов, если она не подкреплена тактической выучкой.

Негативно сказывались на боевой подготовке войск многочисленные наряды. Строевые офицеры указывали, что в пехоте в гарнизонный и полковой наряд ежедневно заступали до 2 рот, и еще одна рота отряжалась на полковые работы. То есть, изо дня в день 3 роты из 16 строевых рот в пехотном (стрелковом) полку поочередно не занимались боевой учебой. Кроме того, в день, когда то или иное подразделение заступало в караул, занятия тоже не проводились. Следует учитывать и то, что во внутренних военных округах, где количество нижних чинов в роте по штату было меньше, чем в приграничных, после увольнения в запас старослужащих в подразделениях оставалось такое количество солдат, которое могло обеспечить лишь несение службы в нарядах. Соответственно, боевая подготовка с ними не проводилась, так как они или находились в суточных нарядах, или отдыхали после них, готовясь заступить в очередной наряд. Так бывало в течение 1,5–2 месяцев ежегодно, пока новобранцев обучали азам воинской службы (призыв на

[1]См.: *Парский Д.* Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. С. 95.

службу и, соответственно, увольнение старослужащих происходили один раз в год)[1].

Иными словами, бывали периоды, когда в большинстве частей ряда военных округов проводить занятия по боевой подготовке было просто не с кем.

В одном из номеров «Разведчика» ротный командир, на основании «долголетнего опыта», отмечая почти «невозможную обстановку», в которой приходилось обучать солдат, в качестве среднестатистической привел выписку «фактического состояния людей в одном из батальонов» своего полка. По его данным, в батальоне из 462 человек по списку на занятиях находилось 153 человека[2], то есть, менее трети.

В артиллерии положение вещей в этом отношении было более благоприятным. Как отмечал один из российских военачальников, в мирное время артиллерия не несла никаких нарядов, кроме внутренней службы. «Последние были предусмотрены ее штатами и поэтому не мешали учебной работе…, командировки от войск на различные надобности почти не касались артиллерии. Артиллерия могла учиться и действительно училась своему делу»[3].

Естественно, все указанные выше факторы негативно влияли на умение командного состава решать задачи в боевой обстановке. Военные действия в 1904–1905 гг. показали, что среди командного состава к ведению современной войны наиболее слабо были подготовлены генералитет и часть штаб-офицеров: управление русскими войсками ухудшалось по мере роста масштабов боевых действий. В этой связи констатировалось, что «отменно дрались роты, не уступали им батальоны, а иногда и целые полки, и небольшие отряды. Но стоило бою распространиться на значительный участок фронта, и… мы отступали»[4].

Другой участник войны с Японией писал: «…уже бригада, а тем более высшие соединения совершенно не могли идти… в сравнение…» с японскими соеди-

---

[1] *А.К.Р.* Курс солдатской науки // Разведчик. 1910. № 1028. С. 422–424.
[2] *Анто Э.* Неприкосновенный состав рот // Разведчик. 1907. № 880. С. 513.
[3] *Драгомиров В.* Подготовка русской армии к Великой войне. Ч. 3 // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Белград, 1925. Кн. VI. С. 57.
[4] *Н.* Война с Японией. Итоги // Разведчик. 1905. № 781–782. С. 787.

нениями. По его мнению, особенно неподготовленными к выполнению своих обязанностей оказались высшие начальствующие лица – командиры корпусов и командующие армиями. «…Эта категория издавна была и есть слабейшей в армии…»,[1] – отмечал он.

А. И. Гучков, выступая в Государственной думе, ссылался на труд «Сообщения о Русско-японской войне», подготовленный в Николаевской академии Генерального штаба. В нем говорилось, что уже в начале боя старшие начальники выпускали руководство из своих рук и ограничивались «… руководительством только одним каким-либо участком, часто же только присутствуют на поле сражения, разъезжая вдоль цепи и позируя своей храбростью, но, отнюдь не вникая в условия… современного боя»[2].

Неподготовленность значительной части старшего и высшего комсостава к ведению современной войны, в числе прочего, обусловливалась недостаточным уровнем его военного образования. Например, в 1903 г. только 29,8 %, полковых командиров имели высшее образование; среди начальников дивизий таковых было 56,5%, среди командиров корпусов – 57,1%[3]. При этом часть командиров дивизий и корпусов, прослужив большую часть времени в штабах, имела незначительный строевой ценз (прохождение службы на командных должностях).

Кроме того, если с обер-офицерами и штаб-офицерами в войсках, пусть и не на должном уровне, но все же проводились занятия по боевой подготовке, то со старшим и высшим командным составом они не проводились вообще. А.И. Деникин отмечал, что до Русско-японской войны 1904–1905 гг. «… начальник, начиная с должности командира полка, мог жить спокойно с тем «научным» багажом, который был вынесен из военного или юнкерского училища; мог не следить вовсе за прогрессом военной науки, и никому в голову не приходило поинтересо-

---

[1] *Парский Д.* Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. С. 79.

[2] Цит. по: *Гучков А. И.* О проекте сметы доходов и расходов Военного министерства на 1908 год // Избранные выступления депутатов Государственной думы с 1906 года до наших дней. С. 62–63.

[3] *Зайончковский П. А.* Офицерский корпус русской армии перед Первой мировой войной // Вопросы истории. 1981. № 4. С. 26.

ваться его познаниями»[1]. Иначе говоря, командиры корпусов, начальники дивизий, командиры бригад и полков не участвовали ни в каких занятиях, хотя это было необходимо для «… поддержания их военных познаний соответственно современным взглядам»[2].

Даже в маневрах, являвшихся «лучшей школой для подготовки строевых начальников в мирное время» принимала участие лишь небольшая часть старшего и высшего командного состава, так как вопрос обновления их знаний не ставился, и средств на это не отпускалось. «…Престиж начальствующих лиц, в силу их положения, стоял настолько высоко, что посадить их на школьную скамью… казалось невозможным… господствовавшие взгляды того времени на этот счет были безапелляционны»[3].

Между тем большинство высоких строевых начальников стратегию, например, изучали только в период учебы в военной академии. Несмотря на то, что военное дело претерпевало серьезные изменения, никаких курсов по повышению квалификации для них не существовало. Таким образом, значительная часть генералитета (за исключением лиц, специально занимавшихся военной наукой) систематический курс стратегии не проходила. Подобное положение вещей привело к тому, что Русско-японская война изобиловала примерами, «…где наряду с высокой личной храбростью мы встречаем разительное неумение ориентироваться в стратегической обстановке, иногда буквально невежество в этом отношении»[4].

Зачастую не обладая необходимыми теоретическими знаниями, старшие и высшие командиры не имели и боевой практики. Не считая эпизодических столкновений во время похода в Китай в 1900–1901 гг., в которых русские войска действовали против практически необученных и вооруженных устаревшим оружием китайских войск и повстанцев, армия не воевала со времен войны с Турцией в 1877–1878 гг., то есть, более четверти века. Естественно, многие военачальники

---

[1] *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 188.
[2] Заметки // Разведчик. 1906. № 808. С. 333.
[3] *Драгомиров В.* Подготовка русской армии к Великой войне. Ч. 1 // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1923. Кн. IV. С. 99–100.
[4] *Ночин И.* Армейские заметки // Разведчик. 1909. № 951. С. 40.

не умели руководить крупными войсковыми формированиями в боевой обстановке. М. В. Алексеев, во время войны с Японией занимавший пост генерал – квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии характеризовал высший командный состав русских войск на Дальнем Востоке следующим образом: «Вообще наши начальники мало образованы в своем специальном военном деле и совершенно не подготовлены к управлению большими силами»[1].

Негативную роль в управлении войсками играл также военный бюрократизм, проявлявшийся в огромном количестве разнообразных документов, поступавших в войска. Например, в штаб 17-го армейского корпуса в период войны с Японией в течение года пришло более 20 тысяч документов, касавшихся только административной переписки, боевые документы в их число не входили. Это негативно сказывалось не только на работе штаба корпуса, но и деятельности штабов дивизий и полков[2]. На каждый документ требовалось подготовить и дать официальный ответ, что отнимало массу времени у большого количества штабных офицеров, в том числе офицеров Генерального штаба. В мирное же время поток документов был еще больше: в корпусные штабы их поступало не менее 30 тыс. в год[3].

Однако, несмотря на все упущения и недостатки в боевой подготовке русского офицерского корпуса и армии в целом, не следует считать, будто положение дел повсюду было неудовлетворительным. Участник Русско-японской войны Д. П. Парский, в чине полковника служивший в оперативном отделении штаба 3-й Маньчжурской армии, и в силу своей должности имевший доступ к информации о боевых действиях, отмечал: «Грешно было бы сказать, что наш офицерский состав, до ротного и батарейного командиров включительно, показал себя плохо на войне; справедливо будет заключить, что он мало, или даже вовсе не уступал

---

[1] Цит. по: *Алексеева-Борель В. М.* Аргентинский архив генерала М.В. Алексеева // Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 54.
[2] *Бильдерлинг А.* Прохождение службы и подготовка офицеров Генерального штаба по опыту минувшей войны // Военный сборник. 1906. № 6. С. 184.
[3] *Чистяков С.* Нелепая работа // Разведчик. 1907. № 894. С. 733.

японскому»[1]. Он указывал, что наши роты и батареи часто одолевали японцев[2], в том числе, потому, что по мере обретения боевого опыта офицеры ротного (эскадронного, батарейного) звена устраняли недостатки боевой подготовки мирного времени. Более того, приобретенный боевой опыт позволял им самостоятельно вносить необходимые изменения в формы и способы боевых действий, приспосабливать их к требованиям современной войны. Например, была значительно увеличена протяженность боевых порядков подразделений и частей в наступлении. Интервал между бойцами в цепи, как при наступлении, так и нанесении удара был увеличен до 4–5 шагов. Рота, имея три взвода в цепи и один взвод в резерве, стала наступать на фронте в 450 метров (до этого было 200 метров); данные изменения способствовали уменьшению потерь личного состава. В силу того, что сплошной линии фронта не было, стал широко использоваться маневр, как средство поставить свои войска в выгодное положение для удара по противнику. В ходе оборонительных боев создавалась непрерывная линия окопов, уставами не предусматривавшаяся, но способствовавшая увеличению прочности обороны. Русские артиллерийские батареи в ходе боев освоили стрельбу с закрытых позиций, чем наносили японским войскам весьма ощутимые потери. В ходе наступления батареи стали специально придаваться пехотным полкам, для уничтожения огневых точек японцев[3]. Кавалерия училась вести бой не только в конном, но и в пешем строю. При этом передовые офицеры, осознав необходимость оснащения конницы пулеметами, сами принимали меры по устранению недостатков в вооружении. Так, во 2-м Дагестанском конном полку офицеры приобрели пулеметы за собственные средства[4]. Именно благодаря строевым офицерам ротного и батальонного звена русские войска нередко побеждали в столкновениях тактического масштаба, и противнику не удалось полностью разгромить наши силы ни в одном из крупных сражений.

---

[1] *Парский Д. П.* Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. С. 76–77.
[2] Там же. С. 79.
[3] *Корсун Н. Г., Харкевич П. Х.* Тактика русской армии в русско-японской войне 1904–1905 гг. С. 247, 248, 259, 260.
[4] *Толузаков С.* Настроение в корпусе офицеров армии // Разведчик. 1906. № 803. С. 203.

Следует иметь в виду, однако, что офицеры ротного и батальонного звеньев в пехоте, равных им подразделений в кавалерии и артиллерии управляли небольшими подразделениями. Часто они не знали замысла крупномасштабного боя или сражения, выполняя узкие задачи, не видели картину боя целиком, многие не знали, «что делается в соседних боевых участках»[1]. Они не могли планировать совместные действия с соседними подразделениями, это была прерогатива старших начальников; тем более, они не имели права отдавать им распоряжения или использовать резервы вышестоящего командования. Даже командиры частей и бригад во всех родах войск имели в подчинении относительно ограниченные силы и средства, и не могли принимать решения, влиявшие на ход и исход широкомасштабных боевых действий. Некоторые из них в боях зарекомендовали себя с хорошей стороны, однако на уровне высшего комсостава, как показали результаты войны, дело обстояло гораздо хуже. В этой связи представляется верной общая характеристика офицерского корпуса периода войны с Японией, данная уже упоминавшимся офицером Генерального штаба Д. П. Парским. «…У нас много хороших младших офицеров и ротных командиров, гораздо меньше подходящих штаб-офицеров, в особенности командиров частей, совсем уже мало соответственных генералов и почти нет высших руководителей»[2].

Для краткой характеристики высшего командного состава, который в силу своего служебного положения играл ключевую роль в планировании операций и управлении войсками, приведем два характерных примера. Первый – неудача русских войск, случившаяся в первом крупном сухопутном сражении на р. Ялу весной 1904 г., второй – наиболее масштабное сражение русско-японской войны, происшедшее под Мукденом в 1905 г.

В первом случае численность японских войск значительно превышала русские силы: там находилась 1-я японская армия, включавшая три дивизии, которой противостояли не более пяти полков Восточного отряда русской Маньчжурской

---

[1] Приказ войскам 10-го армейского корпуса № 49 // Разведчик. 1905. № 768. С. 553.

[2] *Парский Д. П.* Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. С. 94.

армии[1], что составляло чуть более одной дивизии. При таком неравенстве сил, как отмечали современники, нашими войсками командовали «генералы, не обладавшие военно-научной подготовкой, не оправдавшие и впоследствии… возлагавшихся на них надежд»[2].

Восточному отряду, которым командовал генерал-лейтенант М. И. Засулич, конкретные задачи поставлены не были, и командующий Маньчжурской армией генерал от инфантерии А. Н. Куропаткин пытался руководить боевыми действиями, находясь в городе Ляоян, за 200 км от места боя. Его распоряжения касались даже батальонов и отдельных орудий, но при этом указывалось лишь на необходимость препятствовать переправе неприятеля и задерживать его наступление. Сам генерал М. И. Засулич, по мнению современников, не обладавший необходимыми полководцу качествами, «…более думал о том, что будет сказано в Ляояне по поводу всякого его распоряжения…, чем о непосредственных своих задачах»[3].

Так, возможности укрепления оборонительного рубежа, которые давала местность, использованы не были, русские позиции оказались незамаскированными, окопы вырыты лишь для отдельных рот, артиллерия размещалась открыто, в результате чего она вскоре была подавлена. Достоверные данные о силах противника отсутствовали (что не позволило правильно расположить войска), резервы находились в отдалении от боевой линии, порядок и пути отступления не определены. Кроме того, командующий Восточным отрядом не использовал возможность для перегруппировки сил, что могло бы помочь в ходе оборонительного боя. После того, как стало известно направление главного удара противника, русское командование не сосредоточило силы на угрожаемом участке и не организовало контратаку, используя превосходство русской кавалерии над кавалерией противника[4].

---

[1] *Н.О.* С. На реке Ялу // Летопись войны с Японией. 1904. № 6. С. 109, 111.
[2] *Апушкин В. А.* Русско-японская война 1904–1905 г. М., 1910. С. 70.
[3] *Бархатов М. Е., Функе В.В.* (ред.-изд.) История Русско-японской войны: в 6 т. СПб., 1907 – 1909. Т. I. С. 154.
[4] См.: *Левицкий Н. А*. Русско-японская война 1904 –1905 гг. М., 2003. С. 94–95.

В результате поражения и беспорядочного отступления русских войск противник получил возможность вырваться на оперативный простор и высадить в нужном месте 2-ю японскую армию генерала О. Ясуката, которая отрезала Порт-Артур от основных русских сил.

В сражении под Мукденом (18 февраля –10 марта 1905 г.) русские войска в составе 1-й, 2-й и 3-й Маньчжурских армий насчитывали свыше 300 тыс. человек, против 270 тыс. японцев. Общее руководство ими осуществлял генерал от инфантерии А. Н. Куропаткин, к тому у времени занявший пост Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами, действовавшими против Японии. Однако подготовка сражения практически не велась: план боевых действий отсутствовал, войска не были сосредоточены в районах, удобных для наступления, напротив, разбросаны на фронте в 130 километров. В результате армии утратили ударную мощь и потеряли возможности для своевременного маневрирования и перегруппировки. Даже ближайшие помощники А. Н. Куропаткина были лишены возможности руководить вверенными им войсками, так как он стремился сосредоточить все управление в своих руках. При этом командовать столь значительными силами, да еще разбросанными на большом пространстве, главнокомандующий не мог. Ученый и хороший администратор, он, однако, «…оказался неспособным вести порученное ему огромное дело.<…>. Относительная непоследовательность, растерянность и, поразительное подчас, непонимание обстановки, неумение решаться, … постоянная нервная перемена своих намерений, неумение ставить цели и направлять силы к их достижению…характеризовали деятельность этого полководца»[1].

Без всякой нужды постоянно формировались многочисленные сводные отряды, состоявшие из военнослужащих, служивших не только в совершенно разных полках и дивизиях, но даже корпусах и армиях. Характерной чертой таких отрядов являлось отсутствие сплоченности и слаженности. Командовать ими назначались начальники, не знавшие поступившего в их распоряжение личного со-

---

[1] [1] *Бархатов М. Е., Функе В. В.* (ред.-изд.) История Русско-японской войны. Т. V. С. 1278.

става и, кроме того, такие отряды не имели штабов, «то есть, тех необходимых органов, посредством которых войска только и могут воспринимать приказания и приводить их в исполнение»[1].

Подобное положение нарушало структуру частей и соединений, дезорганизовывало войска и отнюдь не способствовало устойчивости управления ими. Использовать такие отряды в качестве активной силы было почти невозможно, они могли лишь держать отдельные участки обороны, в случае, если их командир был инициативен и обладал необходимыми знаниями в военном деле.

Полевой штаб самого А. Н. Куропаткина «уже по своему составу… не мог обеспечить руководство операциями»[2]. Его начальником был генерал-лейтенант Владимир Викторович Сахаров, известный лишь тем, что был братом военного министра генерала от инфантерии Виктора Викторовича Сахарова. Генерал – квартирмейстером штаба А. Н. Куропаткина являлся генерал-лейтенант В. И. Харкевич, известный серьезными историческими трудами о войне 1812 года, но далекий от передового военного искусства того времени.

Командующие русскими армиями (1-я армия – генерал от инфантерии Н. П. Линевич, 2-я армия – генерал от кавалерии А. В. Каульбарс, 3-я армия – генерал от кавалерии А. А. фон Бильдерлинг) также «…проявили непонимание обстановки и полное отсутствие инициативы». Например, командующий 2-й Маньчжурской армией А. В. Каульбарс, имея в своем распоряжении значительные силы (около 100 тыс. человек), вводил их в бой маленькими частями, и в то время, пока одни участвовали в сражении, другие пассивно созерцали происходившее[3].

Н. П. Линевич, возглавлявший 1-ю армию, характеризовался современниками следующим образом: «Очень уже преклонного возраста, с мизерным образованием, чуть не на столетие отставший от требований современности...»[4]. Не самым лучшим образом зарекомендовал себя и командующий 3-й армией А. А. фон Бильдерлинг. Безынициативными и нерешительными военачальниками

---

[1] Там же.
[2] *Левицкий Н. А*. Русско-японская война 1904–1905 гг. С. 446.
[3] *Бархатов М. Е., Функе В. В.* (ред.-изд.) История Русско-японской войны. Т. III. С. 728.
[4] Там же. Т. V. С. 1278.

показали себя на поле боя командиры корпусов генералы от инфантерии Л. М. Дембовский, Н. П. Зарубаев, Л. Н. Соболев, С. Н. Мылов, генерал от кавалерии Ф. Е. Мейендорф, генерал от артиллерии Д. А. Топорнин, генерал-лейтенант Г. К. Штакельберг и другие. Из начальников дивизий лишь отдельные военнослужащие показали себя знающими и волевыми военачальниками.

В результате сражение с самого начала превратилось во множество самостоятельных боев, в которых нашими силами командовали ротные и батальонные командиры, умело сдерживавшие натиск противника. Однако после совершения японцами обходного маневра А.Н. Куропаткин отдал приказ отводить войска. Между тем в условиях, когда централизованное управление войсками отсутствовало, правильно организовать отступление было невозможно, и сражение стало катастрофой именно во время хаотического отхода наших войск, принявшего форму панического бегства. А. И. Деникин, принимавший участие в Мукденском сражении в должности начальника штаба дивизии, считал, что главной причиной поражения стал «… кризис русского командного состава девятисотых годов и неуменье Петербурга разбираться даже в высших представителях генералитета»[1].

Впоследствии он писал, что даже с учетом недостаточной подготовки командного состава и войск, «никогда еще судьба сражения не зависела в такой фатальной степени от причин не общих, органических, а частных. Я убежден, что стоило лишь заменить заранее несколько лиц, стоявших на различных ступенях командной лестницы, и вся операция приняла бы другой оборот, быть может, даже гибельный для… противника»[2].

Например, по неизвестным причинам во время Мукденского сражения свыше 45 тыс. русских войск без всякой надобности стояли во Владивостоке, при этом введение их в бой могло бы «…повернуть успех в нашу сторону»[3].

Иными словами, некомпетентные и в морально-психологическом отношении неподготовленные к бою высшие военачальники, занимавшие ключевые по-

---

[1] *Деникин А. И.* Путь русского офицера. М., 1991. С. 153.
[2] Там же. С. 152.
[3] Основы стратегии: курс Интендантской академии / сост. Н. П. Михневич. СПб, 1913. С. 127–128.

сты в период кампании на Дальнем Востоке, оказывали негативное влияние на ход боевых действий. Исходя из того, что в параграфе 1.4. умение управлять войсками в боевой обстановке, рассматриваемое через призму результатов вооруженного противоборства, определено в качестве главного критерия профессионализма командного состава, представляется закономерным вывод: многие высокопоставленные генералы были не способны решать боевые задачи в соответствии с предназначением.

В то же время, генералитет имел в своих рядах группу командиров и начальников, в ходе боевых действий выделявшихся в лучшую сторону. Однако они занимали должности, не позволявшие решать задачи стратегического масштаба (понятие оперативное искусство в то время еще не существовало). Так, один из будущих лучших командармов Первой мировой войны генерал-майор П. А. Лечицкий командовал бригадой в одной из Восточно–Сибирских стрелковых дивизий, другой будущий талантливый командарм генерал-майор В. И. Ромейко-Гурко был командиром бригады в казачьей дивизии. Прославленный генерал-лейтенант Р. И. Кондратенко, руководивший отражением четырех неприятельских приступов Порт-Артура, до своей гибели являлся начальником сухопутной обороны крепости. Зарекомендовавший себя как отличный кавалерийский военачальник П. К. фон Ренненкампф, в годы войны с Японией получивший за боевые отличия звание генерал-лейтенанта, командовал казачьей дивизией. Во время Мукденского сражения он возглавлял сводный отряд, состоявший из нескольких кавалерийских и пехотных полков, и проявил при этом отличные боевые качества, что позволило задержать наступление одной из японских армий. Будущий автор славных побед на Кавказе в годы Первой мировой войны Н. Н. Юденич, дважды раненный в боях с японцами, был командиром бригады в одной из стрелковых дивизий.

В целом, несмотря на недостатки, присущие высшему командному составу русской армии, следует констатировать: утверждения, будто японские военачальники несравненно превосходили его, вряд ли соответствуют действительности. Уже в советское время военные ученые подчеркивали, что «в ходе войны ни тому,

ни другому из противников не удалось решить проблему прорыва фронта с решительными результатами», и что японским полководцам «…ни разу не удалось… довести проводимые ими сражения до полной победы (Ялу, Ляоян и Мукден)»[1].

Так могло быть только потому, что японское командование допускало ошибки в управлении войсками и не могло решить в полной мере задачи, стоявшие перед ним. Важную роль сыграло также русское строевое офицерство, оказывавшее достойное сопротивление противнику, возглавляя свои подразделения и части. Японская армия вела войну на пределе своих возможностей, понесла весьма значительные потери и почти исчерпала свой потенциал. Между тем русские войска на театре военных действий, после прибытия весной 1905 г. свежих сил значительно усилились, и могли вести военные действия еще длительное время. Учитывая этот фактор, Япония обратилась к США с просьбой о посредничестве в начале мирных переговоров с Россией. В ходе их проведения японская сторона отказалась от многих претензий, так как опасалась возобновления военных действий.

В конечном итоге Россия подписала Портсмутский мирный договор, обязывавший ее к уступкам на Дальнем Востоке и в Китае. Однако сделано это было не по причине невозможности русской армии вести дальнейшие военные действия, а ввиду эскалации внутриполитической напряженности в стране.

Вопрос о том, как могло случиться, что важнейшие посты в русской армии нередко занимали люди, не способные выполнить возложенные на них задачи, будет рассматриваться в последующих параграфах главы – 4.2. и 4.4.

Как бы то ни было, война показала: вооруженные силы России нуждаются в проведении реформ, в том числе, в области подготовки командного состава к ведению современных боевых действий.

---

[1] *Сорокин А. И.* Русско-японская война 1904–1905 гг. (военно-исторический очерк). С 322.

4.2. Новые подходы к подготовке офицеров в межвоенный период (1906–1913 гг.)

Вскрывшиеся в ходе Русско-японской войны недостатки в подготовке армии побудили российское правительство принять меры к улучшению положения дел. После окончания боевых действий в войсках и органах военного управления был проведен целый ряд преобразований, в том числе, перераспределены функции Главного и Генерального штаба, реорганизован ряд главных управлений Военного министерства, составлено новое мобилизационное расписание. В целях быстрейшего перехода к выполнению боевых задач в случае начала войны была сокращена разница между численностью армии мирного времени и армией, развертываемой в военное время. Для этого за счет упраздненных в 1910 г. крепостных, местных и резервных частей было увеличено количество полевой пехоты, усилена полевая артиллерия, несколько увеличено количество инженерных войск и воздухоплавательных подразделений, внедрена более рациональная организация частей и соединений. В конце 1913 гг. была утверждена так называемая «Большая программа» по усилению армии в 1914–1917 гг., предусматривавшая ее дальнейшее совершенствование[1].

В настоящей диссертации не ставится задача рассмотреть все реформы, происходившие в армии в целом. Внимание будет сосредоточено на мерах, предпринимавшихся в области повышения боевой подготовки офицерства. Часть проблем подготовки офицеров в межвоенный период рассмотрена в одной из публикаций автора[2], но в диссертации представляется необходимым рассмотреть данный вопрос более подробно.

Определенную роль в повышении боевой подготовки сыграло создание Комитета по образованию войск, начавшего работу в мае 1906 г. В этот орган, действовавший при Военном совете, входили военачальники, имевшие боевой опыт. Комитет, с учетом опыта военных действий 1904–1905 гг. определил основные

---

[1] *Данилов Ю. Н.* Россия в мировой войне. 1914–1915 гг. Берлин, 1924. С. 53–55.

[2] *Суряев В. Н.* Организация и уровень боевой подготовки офицеров русской армии в начале XX в. // Клио. 2014. № 9 (93). С. 97–101.

пути совершенствования боевой учебы вы войсках. При этом подчеркивалось, что «обеспечение армии соответствующим офицерским и командным составом составляет краеугольный камень предположенных преобразований»[1].

Одним из главных направлений повышения качества боевой подготовки была определена переработка соответствующих руководящих документов. Так, в связи с развитием вооружения и военной техники было запланировано внести необходимые изменения в Устав полевой службы и Наставление для действия в бою отрядов из всех родов оружия. Предусматривалась также переработка строевых уставов всех родов войск, устава внутренней службы и гарнизонного, Наставления для войскового окопного дела.

1907 г. был знаменателен тем, что в военных и юнкерских училищах в виде опыта ввели переработанные учебные программы, акцентирующие внимание на изучении проблем тактики. В последующие годы, как уже отмечалось, юнкерские училища были преобразованы в военные, с соответствующими изменениями в содержании учебного процесса. С 1910 г. были введены новые учебные программы, учитывавшие опыт использования программ 1907 г. Главенствующую роль в обучении юнкеров стала играть тактика, на изучение которой отводилось гораздо больше учебного времени, нежели прежде. В первом специальном классе еженедельно предусматривалось 8 часов тактических занятий, во втором – 10 часов[2]. Одновременно было принято решение изменить метод изучения тактики: на преподавание теории выделялось лишь время, необходимое для освещения главных ее положений. Остальная проблематика изучалась путем разбора и решения конкретных задач на практике. Практические занятия должны были состоять из двух частей: а) из бесед у карты или на местности, рассматривавших тактическое положение в различных ситуациях, б) из задач (групповых, одиночных, устных,

---

[1] Заметки // Разведчик. 1906. № 815. С. 459, 460.

[2] Приказ по военному ведомству от 31 июля № 459 // Приказы по военному ведомству за 1910 год. С. 762; Отчет о состоянии военно-учебных заведений за 1910 год // Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1910 год. Приложение 9. С. 12.

письменных, на карте, на местности), для обучения юнкеров применению полученных знаний в разнообразных случаях[1].

В этой связи один из военных специалистов отмечал, что стал изучаться особый общепризнанный курс прикладной тактики, «изучающей типичные случаи применения основных тактических истин»; «… ради пользы практического дела, не постеснились пожертвовать научною чистотою и стройностью изложения курсов тактики (даже в академии) и сделать из них, в сущности, сводку действующих уставов и законоположений, снабженных комментариями…, которые и составляли большую часть теоретического курса»[2].

Для достижения «однообразия и единства в деле тактического образования юнкеров» был предпринят ряд мер. В частности, вместе с новыми программами по тактике во все училища была разослана «Объяснительная записка» с описанием метода преподавания, а также брошюра «Преподавание тактики в германских и французских училищах»[3]. В определенной мере были оптимизированы учебные программы по курсам артиллерии и фортификации. Так, курс артиллерии в пехотных и кавалерийских училищах был нацелен на решение сугубо практических задач. Имелось в виду усвоение юнкерами сравнительно кратких сведений, достаточных, однако, для того, чтобы знать, какую помощь может получить пехота и кавалерия от артиллерии, и что может потребовать от нее начальник отряда из разных родов войск. Центр тяжести при изучении курса фортификации был перенесен на полевую фортификацию, долговременная фортификация стала изучаться кратко, по готовым чертежам, а не по чертежам, которые ранее юнкера обязаны были готовить сами, затрачивая на это массу времени.

---

[1] Отчет о состоянии военно-учебных заведений за 1910 год. // Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1910 год. Приложение 9. С. 12–15; Распоряжения по военному ведомству // Разведчик. 1910. № 1033. С. 482.

[2] *Геруа А.* После войны. О нашей армии. С. 14.

[3] Отчет о состоянии военно-учебных заведений за 1910 год // Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1910 год. Приложение 9. С. 13.

В 1909 г. в войска поступило новое «Наставление для офицерских занятий», представлявшее собой, как утверждали некоторые современники, «…огромный шаг на пути ведения тактической подготовки офицеров…»[1].

В соответствии с Наставлением, обучение офицеров в войсках состояло из трех отделов: занятий военно-научных, упражнений в составе войсковых частей и особых тактических занятий. Военно-научная подготовка предполагала расширение военных познаний офицеров путем ознакомления с соответствующей литературой, для чего предписывалось выписывать в библиотеки наиболее значимые военно-теоретические и военно-технические труды, а для офицерских собраний – журналы и газеты.

В этой связи необходимо отметить, что в военных журналах той поры, как официальных, так и частных, публиковалось значительное количество материалов, посвященных проблемам ведения боя и тактической подготовки офицеров. Центральное место среди таких изданий занимал официальный журнал Военного министерства «Военный сборник», выходивший ежемесячно. В рамках диссертации невозможно показать всю тематику, в нем освещавшуюся, поэтому, чтобы охарактеризовать ее хотя бы частично, лишь назовем некоторые статьи, опубликованные в журнале:

«Тактика крепостной артиллерии»[2];

«Тактическая подготовка офицеров кавалерии»[3];

«Тактика в действиях под крепостями»[4];

«Преподавание тактики в германских и французских военных училищах»[5];

«Об организации ротных и батальонных тактических учений»[6];

«Пулеметные вопросы»[1];

---

[1] *Апухтин А. Н.* Тактические занятия с офицерами // Военный сборник. 1911. № 2. С. 1.
[2] *Карпов Я.* Тактика крепостной артиллерии // Военный сборник. 1906. № 7. С. 117–136.
[3] *Ладыженский Г.* Тактическая подготовка офицеров кавалерии // Военный сборник. 1908. № 10. С. 69–84.
[4] *Елчанинов А.* Тактика в действиях под крепостями // Военный сборник. 1909. № 1. С. 79–106.
[5] *Виднэс Б.* Преподавание тактики в германских и французских военных училищах // Военный сборник. 1909. № 5. С. 161–194.
[6] *Н.* Об организации ротных и батальонных тактических учений // Военный сборник. 1909. № 5. С. 109–119.

«Взаимное отношение при атаке и обороне огня артиллерии и пехоты»[2];

«Тактическая разведка кавалерии»[3] и множество других.

В каждом номере публиковалось 2–3 статьи по вопросам ведения современных боевых действий, в которых поднимались и обсуждались спорные вопросы, показывавшие решение заявленной проблемы с точки зрения военной науки. Кроме того, постоянно размещались материалы, в которых анализировались боевые действия русских частей и соединений в годы Русско-японской войны, разбирались совершенные ошибки, оценивались действия командования.

«Наставление для офицерских занятий» требовало также проводить беседы и лекции по военной тематике, изучать бои и сражения последних войн, в том числе, те, в которых участвовала данная войсковая часть. Ставилась задача анализировать «исполненные в поле маневры» на основе их описания в отчетах и приказах по полкам, дивизиям, корпусам, округам. Формами практических занятий для всех категорий командного состава были установлены тактические учения, маневры, тактические занятия на планах и в поле, военные игры (маневры на планах), полевые поездки, занятия по своей специальности в каждом роде войск. От командиров частей требовалось разрабатывать план занятий с офицерами на зимний и летний период обучения, при этом должен был определяться персональный состав руководителей занятий по военно-научной подготовке и практическим упражнениям. Все офицеры должны были принимать участие в занятиях, или в качестве руководителей, или исполнителей. Главным руководителем тактической подготовки офицеров являлся командир части, которому обязаны были оказывать помощь командиры батальонов, дивизионов и некоторые другие категории военнослужащих. В Наставлении были указаны также задачи и пути совершенствования тактической подготовки в ходе упражнений в составе войсковых частей[4].

---

[1] *Федоров С.* Пулеметные вопросы // Военный сборник. 1909. №. 7. С. 131–145.

[2] *Иванов А.* Взаимное отношение при атаке и обороне огня артиллерии и пехоты // Военный сборник. 1909. № 9. С. 55–79.

[3] *Петерс К.* Тактическая разведка кавалерии // Военный сборник. 1909. № 11. С. 71–84.

[4] Справочная книжка офицера / сост. В. Малинко. 7-е изд. С. 788, 789, 790, 791, 792.

На основе требований, изложенных в новом Наставлении, в военных округах издавались приказы, в которых конкретизировались задачи по организации занятий с офицерами. В качестве примера приведем приказ по Кавказскому военному округу, как типичный для подобных приказов по остальным округам. Он был направлен на то, чтобы «пробудить усиленную деятельность» всего комсостава в направлении, которое обеспечивало бы «непрерывный прогресс в знаниях офицеров»[1].

В этих целях в приказе предписывалось проводить так называемые «военные беседы», тактические занятия и военные игры, организовав их «в самых широких размерах». «Военные беседы» признавалось необходимым проводить как при штабе округа, так и в штабах (управлениях) соединений и частей. К участию в них предписывалось привлекать не только младших офицеров, но и старших начальников. Темами для бесед требовалось выбирать проблемы «…возможно ближе касающиеся дела воспитания и подготовки различных родов оружия в духе требований времени». В качестве докладчиков на этих занятиях выступали наиболее квалифицированные офицеры, прежде всего, офицеры Генерального штаба. Каждый из них ежегодно был обязан подготовить и представить в штаб округа либо доклад по одной из актуальных военных проблем, либо обзор новейшей отечественной и зарубежной военной литературы. В этих целях управлениям и штабам частей и соединений предписывалось выписывать такие издания. Для проведения бесед, кроме офицеров Генерального штаба, привлекались военные инженеры, саперы, артиллеристы, связисты, знакомившие офицеров с достижениями техники своего рода войск. Каждое такое занятие предполагало обязательный обмен мнениями по изложенной проблеме[2].

Чтобы повысить уровень тактических занятий, приказ требовал отказаться от шаблонов и, напротив, рассматривать в ходе учебы самые различные ситуации, которые могли возникнуть «при отправлении боевой службы». Совершенствовать свою боевую подготовку обязаны были все генералы, штаб – и обер-офицеры,

---

[1] Приказ по Кавказскому военному округу № 250 // Разведчик. 1906. № 794–795. С. 24.
[2] Там же.

«начиная со старшего присутствующего начальника, который, руководя занятиями, должен и сам практиковаться и показывать пример младшим»[1].

Предпринимались и другие меры по повышению качества проводимых с офицерами занятий. Одним из примеров тому является «Перечень указаний, данных командующим войсками Виленского округа при поверке в частях войск зимой 1910–1911 года офицерских занятий». Документ состоял из трех разделов: первый – «Организация и руководство офицерскими занятиями»; второй – «Офицерский состав и отношение его к занятиям»; третий – «Главнейшие неправильности и ошибки в управлении и тактических действиях». В Перечне довольно подробно анализировались наиболее распространенные недостатки, проявлявшиеся в ходе организации боевой подготовки, отмечались ошибки, допускавшиеся командирами и начальниками различного ранга в ходе учений, указывались оптимальные пути решения той или иной задачи[2].

В свою очередь, Военное министерство обращало внимание на то, чтобы в процессе занятий решались задачи по организации обороны, атаки, расположения на отдыхе, охраны войск на отдыхе, походного движения и т.д.[3]. Кроме того, с офицерами каждого рода оружия проводились занятия по своей воинской специальности.

Одной из самых распространенных форм тактической подготовки командного состава всех уровней являлись полевые поездки. На таких занятиях офицеры тренировались в чтении карт и планов, «…решении тактических задач на планах и в поле, производили различного рода разведки, составляли описание маневров и тактических учений…»[4].

Новым явлением стала организация учебы со старшим и высшим командным составом. К учебе стали привлекать не только командиров частей, но и начальников дивизий и даже командиров корпусов. Военный министр потребовал от

---

[1] Там же. С. 25.
[2] Перечень указаний, данных командующим войсками Виленского округа при поверке в частях войск зимой 1910–1911 года офицерских занятий // Разведчик. 1910. № 1095. С. 661–663.
[3] Справочная книжка офицера / сост. В. Малинко. 7-е изд. С. 797–801.
[4] Цит. по: *Изонов В. В.* Подготовка русской армии накануне Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2004. № 10. С. 37.

командующих войсками округов специально проводить с этими категориями военнослужащих тактические занятия, «…направленные к развитию военных познаний и поддержанию их на должной высоте»[1].

«Наставление для офицерских занятий» определяло также, что командиры бригад, отдельных частей и начальники штабов дивизий должны ежегодно привлекаться к военной игре тактического характера при штабе корпуса, сроком от 3 до 7 дней. Руководил военной игрой командир корпуса.

Организовывались также стратегические военные игры, проводившиеся, главным образом, в штабах военных округов (хотя современная военная наука, скорее, назвала бы их масштаб оперативным или оперативно-тактическим). В них, под руководством командующих войсками округов, участвовали начальники штабов корпусов, начальники дивизий, соответствующие им по рангу начальники всех родов войск. Целью этого вида боевой учебы являлось следующее: «… доставить начальникам всех степеней упражнения в таких распоряжениях на войне, которые не зависят от воли руководителей, как это бывает на тактических задачах, а вызываются действиями противника, насколько это может быть достигнуто на картах и планах»[2].

Военные игры представляли собой моделирование боевых действий на картах. В 1908 г. Генеральный штаб ввел в действие «Указания по ведению военной игры», имевшие «…на подготовку начальствующих лиц и офицеров Генерального штаба большее влияние, чем какое бы то ни было другое наставление или руководство того времени. В них были установлены методы разработки военных операций, организация маршей, употребление войск в бою»[3]. Этот документ во многом ориентировался на теорию германского военного искусства, что, по мнению неко-

---

[1] Заметки // Разведчик. 1906. № 808. С. 333.

[2] Цит. по: *Алпеев О. Е.* Организация и порядок проведения стратегических военных игр Генерального штаба русской армии в 1906–1914 гг. // Государственное управление: Электронный вестник. 2014. Выпуск № 42. С. 231. Режим доступа: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2014/vipusk__42._fevral_2014_g._/iz_istorii_upravlenija/alpeev.pdf (дата обращения: 16.07.2017).

[3] *Драгомиров В.* Подготовка русской армии к Великой войне. Ч. 1 // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1923. Кн. IV. С. 101.

торых современников, вносило определенный порядок в разнообразные взгляды того времени. Участие в военных играх и полевых поездках, представлявших собой ту же военную игру, перенесенную на местность, стало обязательным. Как отмечал один из русских военачальников, «Указания по ведению военной игры» получили широкое распространение среди офицеров различных родов оружия, «… усваивались все больше и больше и проникали в среду начальствующих лиц»[1].

Проводились также стратегические игры в масштабах театра военных действий, однако нечасто. В качестве примера можно привести лишь военную игру высшего командного состава, проведенную в апреле 1914 г. в Киеве. Она преследовала цель проверить оперативные разработки Генштаба на военное время и определить готовность высшего комсостава к выполнению обязанностей на тех должностях, на которые они должны были назначаться в случае войны. В игре приняли участие почти все генералы, намечавшиеся на посты командующих и начальников штабов армий[2], в ходе ее проведения использовались действительные данные о развертывании русской армии в случае начала военных действий[3].

Кроме того, для всех категорий старшего и высшего комсостава по специальному плану должны были проводиться лекции, сообщения, доклады по актуальным проблемам военного дела. Эти категории военачальников были также обязаны выезжать на артиллерийские полигоны, в целях «…практического ознакомления с условиями боевой стрельбы артиллерии и ее материальной частью…»[4].

Был заметно обновлен состав этих категорий военнослужащих. Так, в течение 1906–1907 гг. были уволены и заменены от 50 до 80 % старших и высших начальников – от командиров полков до командующих войсками округов[5]. Причи-

---

[1] Там же. С. 102.
[2] *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в.: очерки военно-экономического потенциала. С. 27.
[3] *Алпеев О.Е.* Документы стратегических военных игр Генерального штаба русской армии 1906 –1914 гг.: источниковедческое исследование: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2015. С. 5.
[4] Справочная книжка офицера / сост. В. Малинко. 7-е изд. С. 789.
[5] *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 188.

нами увольнения, как правило, являлись несоответствие должности и возраст. В частности, в 1907 г. были назначены 7 новых командиров корпусов, 11 комендантов крепостей, 24 начальника пехотных и 11 начальников кавалерийских дивизий. Были назначены также новые начальники в 33 отдельных бригадах, новые командиры в 44 пехотных и 23 кавалерийских бригадах, 122 командира полков, 65 командиров отдельных батальонов[1].

При этом на вакантные должности чаще стали назначаться люди, имевшие более высокое образование: если в 1903 г. полковых командиров с высшим образованием было 29,8 %, то к 1914 г. – 39 %; начальников дивизий 56,5% и 63,2 % соответственно; командиров корпусов – 57,1% и 90,1% соответственно[2].

В период, предшествовавший Первой мировой войне, гораздо больше внимания, нежели прежде, уделялось боевой подготовке нижних чинов, которая проводилась на основе специальных планов и наставлений для ведения занятий[3]. Положительную роль в улучшении подготовки солдат сыграло то, что к обучению нижних чинов стали активно привлекать субалтерн-офицеров. По этому поводу Военным министерством был издан специальный приказ, причем качество проводившихся занятий и уровень выучки нижних чинов учитывались при аттестации субалтерн-офицеров[4].

Следует отметить, что, участвуя в подготовке личного состава к ведению боевых действий, офицеры повышали собственный профессиональный уровень, практиковались в управлении войсками и организации взаимодействия различных родов оружия. На первом этапе обучения, продолжавшемся четыре месяца, офицеры принимали участие в одиночной подготовке солдат. Она включала общие сведения о воинской службе, изучение уставов, строевую и физическую подготовку, устройство индивидуального оружия и материальной части (в зависимости от рода войск), стрельбу, штыковой бой и т.д. Изучались и закреплялись на прак-

---

[1] Всеподданнейший отчет военного министерства за 1907 год. СПб., 1909. С. 5.
[2] *Зайончковский П. А.* Офицерский корпус русской армии перед первой мировой войной // Вопросы истории. 1981. № 4. С. 26.
[3] Справочная книжка офицера / сост. В. Малинко. 7-е изд. С. 725–757.
[4] Приказ по военному ведомству от 28 июля от 1908 г. № 355 // Приказы по военному ведомству за 1908 год. С. 587.

тике обязанности при несении внутренней и караульной службы, в дозоре, полевом карауле, действия наблюдателя, связного и т.д. Помощь офицерам в проведении занятий оказывали заблаговременно подготовленные учителя молодых солдат, выбиравшиеся их лучших старослужащих нижних чинов. Первый этап подготовки проводился в зимний период обучения, причем независимо от занятий по одиночной подготовке проводились и занятия для поддержания боевой готовности частей в целом; в этих целях проводились учения и маневры с боевой стрельбой. Второй этап обучения, начинавшийся после завершения одиночной подготовки, включал совместные действия военнослужащих в составе отделения, взвода, роты (батареи, эскадрона) и батальона (дивизиона). Этот этап проходил в основном в летний период, когда проводились лагерные сборы. Боевая подготовка на лагерных сборах делилась на два периода. В ходе первого периода занятия проводились по родам войск. В пехоте занятия продолжались: поротно – 6 недель, побатальонно – 4 недели, в составе полков – 2 недели. В кавалерийских частях занятия продолжались 4–6 недель в составе эскадронов, 4 недели в составе полков. Кроме того, проводились сборы кавалерии и конной артиллерии, продолжительностью в 3,5–4,5 недели. Тактическая подготовка в пешей и конной артиллерии проводилась в течение 8 недель, как в составе одной, так и нескольких батарей. Затем 2–3 недели продолжались практические стрельбы[1]. К занятиям привлекался весь командный состав, а также нижние чины.

Второй период летних занятий, длившийся до 4 недель, включал общие сборы всех родов войск. В числе прочего, проводились учения, на которых отрабатывалось их взаимодействие. Совместные занятия родов войск требовалось проводить так, чтобы они дополняли курсы их раздельного обучения. В завершение боевой учебы проводились маневры, в ходе которых офицеры практиковались в управлении подразделениями и частями в обстановке, приближенной к боевой[2].

Положительное влияние на повышение качества боевой подготовки оказало запрещение «вольных работ» (1906 год), а также некоторое улучшение тылового

---

[1] Справочная книжка офицера / сост. В. Малинко. 7-е изд. С. 726–728.
[2] Там же. С. 757–759.

обеспечения армии. С подразделений и частей (прежде всего, с офицеров) был снят немалый объем хозяйственных забот. Так, снабжение подразделений и частей вещевым довольствием было возложено на интендантские органы, которые были обязаны поставлять в войска обмундирование, обувь, белье носильное и постельное в готовом виде. В этой связи воинские части были обязаны немедленно закрыть свои «обмундировальные мастерские»[1].

Значительную роль в повышении боевой выучки офицеров сыграло то, что во многом были учтены уроки войны 1904–1905 годов. Так, пехотный, пулеметный и артиллерийский огонь был признан фактором принципиальной важности, принято положение о наступлении пехоты только после огневой подготовки, особое внимание стало уделяться взаимодействию пехоты и артиллерии. Были расширены боевые порядки, наступление цепями заменили накапливанием, серьезное внимание стало уделяться индивидуальной подготовке стрелков и развитию самостоятельности младших начальников. Маневры и учения стали проводиться исключительно в форме встречного боя и решительных активных действий[2].

Русские военные ученые – А. А. Незнамов, А. Г. Елчанинов, Н. П. Михневич, В. А. Черемисов немалое внимание уделяли развитию теории военного искусства, сосредоточив внимание на исследовании стратегической и тактической проблематики. Был обоснован тезис о коалиционном характере войны будущего, показана сущность и содержание коалиционной стратегии. Делались серьезные попытки определить характер, методы и приемы полевых операций в условиях современной войны. По видам действий операции разделялись на наступательные и оборонительные, по целям и задачам – на общие (стратегические) и частные (армейские). Ученые показали, что цель современной войны не может быть достигнута «генеральным сражением», как в прежние времена: она будет достигаться путем выполнения частных задач, которые будут решаться в ходе операций. Была обоснована необходимость и возможность проведения операций в будущей войне

---

[1] Инструкция по снабжению войск предметами вещевого довольствия в готовом виде: приказ по военному ведомству № 503 // Приказы по военному ведомству за 1908 год. С. 858, 859.

[2] *Зайончковский А. М.* Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов (по архивным документам). С. 95.

не только силами одной армии, но и группой армий (фронтом). В этой связи русскими учеными впервые в истории был поставлен вопрос о введении промежуточной инстанции управления между главнокомандующим и командующими армиями[1].

Данная прогрессивная идея нашла воплощение в принятом в 1914 г. «Положении о полевом управлении войск в военное время», в котором развивалась идея фронтовой организации[2]. В Положении регламентировалось управление войсками, участвовавшими в военных действиях, устройство их тыла, обязанности и права высших должностных лиц и т.д.

В то же время, в организации боевой подготовки по-прежнему существовали недостатки, что было обусловлено, в частности, достаточно медленной разработкой новых руководящих документов, которые, с учетом опыта Русско-японской войны должны были определить основы ведения современных боевых действий. «С большим опозданием были изданы разные боевые уставы и наставления…» для пехоты, артиллерии и кавалерии, а также организации их совместных действий[3].

Например, только в 1912 г. был принят новый Устав полевой службы – документ, определявший единые взгляды на ведение боя, в том числе, на действия отрядов из всех родов войск[4]. Новый Строевой кавалерийский устав, в котором был раздел о бое, тоже был принят только в 1912 году[5].

С достаточно большой задержкой был принят ряд руководящих документов для артиллерии и пехоты. Например, «Положение об обучении пехоты» было ут-

---

[1] Русская военная мысль: конец XIX – начало XX в. / под ред. П.А. Жилина. М., 1982. С. 114, 115.

[2] См.: *Михалев С. Н.* Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. М., 2003. С. 609.

[3] *Драгомиров В.* Подготовка русской армии к Великой войне. Ч. 1 // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1923. Кн. IV. С. 103.

[4] Устав полевой службы (изд. 1912 г.) / В кн. Полевой устав для унтер-офицера. Саратов, 1913. С. 1–71.

[5] Строевой кавалерийский устав. Высочайше утвержден 12 февраля 1912 г. СПб., 1912. Ч. 1: Одиночное обучение; Строевой кавалерийский устав. Пг., 1917. Ч. 2: Взвод, эскадрон, полк, высшие соединения. С. 13–213: Ч. 3. Бой. С. 214–384. Пг., 1917.

верждено в конце 1911 г.[1], «Наставление для действий пехоты в бою» – в начале 1914 г.[2]. Естественно, отсутствие в течение нескольких лет ряда основополагающих уставов, наставлений и других руководящих документов отрицательно сказывалось на подготовке войск.

Существовали проблемы при тактической подготовке строевых офицеров и юнкеров военных училищ. Так, современники отмечали затруднения, возникшие в связи с новыми требованиями в области преподавания тактики в военно-учебных заведениях. Одно из них состояло в том, что еще действовали устаревшие уставы и наставления, требовавшие переработки и не могшие быть фундаментом для изучения тех или иных разделов тактики. В объяснительной записке, разосланной в военные училища вместе с описанием нового метода преподавания тактики, было много неясностей и положений, допускавших различное истолкование; в учебной программе по тактике не указывалось, в каком объеме должны изучаться те или иные вопросы. Существовал ряд других проблем, влиявших на выполнение новых требований: недостаток преподавателей тактики, отсутствие учебников, отвечавших введенным программам, чрезмерно большое количество юнкеров в группах обучавшихся и т.д.[3]

В результате тактическая подготовка, например, будущих офицеров-артиллеристов имела определенные изъяны. Так, несмотря на то, что в артиллерии царил культ меткой стрельбы, специалисты отмечали, что «в тактическом отношении артиллерия была подготовлена значительно слабее», чем в сфере огневой подготовки, прежде всего в смысле взаимодействия с другими родами войск[4].

Отмечалось, что если на уровне командиров батарей и дивизионов этот недостаток не ощущался, то на должностях командира бригады и инспектора артил-

---

[1] Положение об обучении пехоты. Высочайше утверждено 22 декабря 1911 г. СПб., 1911.
[2] Наставление для действий пехоты в бою. Высочайше утверждено 27 февраля 1914 г. Киев, 1916.
[3] *Буняковский В.* Несколько слов по поводу новой реформы постановки преподавания тактики в военных училищах // Разведчик. 1910. № 1051. С. 777–780.
[4] *Барсуков Е. З.* Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.): в 4-х т. Т. 4. С. 16.

лерии становился заметным, так как «наш огонь был меток, но в крупных соединениях не гибок»[1].

Серьезным недостатком в боевой подготовке являлось такое положение вещей, когда полевые занятия проводились, главным образом в составе небольших отрядов не крупнее батальона и полка. Так, на маневрах, проводившихся в предвоенный период в приграничных военных округах (Киевский, Варшавский, Виленский) практически не проводились марш-маневры крупными силами пехоты, редко практиковалось решение задач совместными действиями различных родов войск. Соответственно, начальники дивизий и командиры корпусов имели недостаточный опыт в управлении своими соединениями в полевой обстановке, маршевая и маневренная подготовка крупных войсковых соединений и их командиров была ограниченной[2].

Учения с привлечением командующих войсками военных округов – потенциальных командующих фронтами, практически не проводились, не отрабатывались в должной мере вопросы стратегического взаимодействия, мало внимания уделялось стратегической обороне. Несмотря на то, что война с Японией отчетливо показала необходимость подготовки и ведения фронтовых и армейских операций, проблема в полной мере не исследовалась, и оперативное искусство как составная часть военного искусства определено не было. В тактике и стратегии не были разработаны вопросы ведения боевых действий в условиях сплошного позиционного фронта, что привело к необходимости пересмотра ведения обороны уже в ходе мировой войны. Кроме того, мало внимания уделялось инженерной подготовке войск. Не все руководители в полной мере понимали требования «Указаний по ведению военной игры», что приводило к ошибкам и нестыковкам в действиях. Подобное случалось в силу недостаточной подготовленности части военачальников, а также потому, что не были

---

[1] *Керсновский А. А* История русской армии: в 4-х т. М., 1992–1994. Т. 4. 1915–1917 гг. С. 230, 231.

[2] *Шафалович Ф.* Встречный бой 10-го армейского корпуса на р. Золотой Липе 26 – 29 августа 1914 г. М., 1938. С. 13–14; *Зайончковский А.М.* Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов (по архивным документам). С. 96.

разработаны указания по организации таких занятий; результатом оказывалась «несоответственная постановка военной игры и полевых поездок…»[1], что приводило к их недостаточной эффективности.

Кроме того, современные исследователи отмечают, что в Генеральном штабе отсутствовал единый взгляд на планирование первых операций в случае начала войны; данное обстоятельство стало основой неудачи русских войск в Восточно-Прусской операции 1914 г. Изучение материалов военных игр, проводившихся в 1906–1914 гг., привело современных специалистов к выводу о «…коллективной ответственности ГУГШ и окружных штабов за неудачное начало Первой мировой войны на Восточном фронте. Эти документы являются неопровержимым доказательством неудовлетворительной работы Генерального штаба императорской России перед Первой мировой войной»[2].

Однако, несмотря на указанные недостатки и упущения, уровень боевой подготовки значительной части командного состава в сравнении с предыдущим периодом заметно повысился. Оценивая подготовку строевого русского офицерства накануне Первой мировой войны, один из специалистов Генерального штаба писал: «Подготовка офицерского корпуса в младших чинах начала мало-помалу устанавливаться…»[3].

Советские военные специалисты, изучавшие тот период, указывали: «…под влиянием японской войны …, было обращено внимание на… индивидуальное обучение отдельного бойца, на подготовку… офицерского состава»[4]. Отмечалось также, что тактическая подготовка войск велась в духе самых активных, наступательных действий[5].

---

[1] *Драгомиров В.* Подготовка русской армии к Великой войне. Ч. 1. С. 102; *Зайончковский А.М.* Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов (по архивным документам). С. 95.

[2] *Алпеев О. Е.* Документы стратегических военных игр Генерального штаба русской армии 1906 –1914 гг.: источниковедческое исследование: автореф. дис. … канд. ист. наук. С. 24.

[3] *Махров П.* Современная война и высшее командование // Разведчик. 1912. № 1156. С. 868.

[4] *Зайончковский А.* Мировая война 1914–1918 гг. / изд. 3-е. В 2 т. М., 1938. Т. 1. Кампании 1914–1915 гг. С. 23.

[5] *Шафалович Ф.* Встречный бой 10-го армейского корпуса на р. Золотой Липе 26–29 августа 1914 г. С. 13.

Аналогичную оценку делал известный советский военный историк и участник мировой войны генерал А. М. Зайончковский, отмечавший, что «…русская армия выступила на войну с хорошими полками…»[1].

Подготовку офицеров других родов оружия положительно характеризовал генерал-лейтенант русской армии В. М. Драгомиров[2]. Другой российский военачальник, впоследствии видный советский военный ученый генерал-майор Е. З. Барсуков оценивал подготовку артиллерии следующим образом. «К началу мировой войны 1914–1918 гг. личный состав русской артиллерии оказался отлично подготовленным в техническом отношении к ведению стрельбы, за редким исключением – среди некоторых старших артиллерийских начальников… »[3].

Конечно, приведенные характеристики офицерского состава вряд ли могли быть отнесены ко всем без исключения командирам и начальникам; офицеры, отличавшиеся в худшую сторону, были во всех родах оружия. Однако, в общем и целом оценки, сделанные крупными военачальниками, заслуживают внимания.

Повышение уровня боевой подготовки офицерского корпуса сказалось на обучении нижних чинов всех родов оружия. Уже упоминавшийся генерал В. М. Драгомиров в своей работе, посвященной подготовке русской армии накануне Первой мировой войны, утверждал, что солдаты и унтер-офицеры кадровых частей всех родов войск были подготовлены гораздо лучше, чем в Русско-японскую войну[4]. Современные исследователи также считают, что русские солдаты-пехотинцы к началу мировой войны, были обучены не хуже германских солдат, а во многом – лучше. Так же оценивается подготовка кавалеристов. «Наши кавалерийские части не уступали германской кавалерии, в умении вести бой спешившись, при этом русские кавалеристы были лучше обучены верховой езде и владению холодным оружием. Русские кавалеристы, в отличие от немцев, умели

---

[1] *Зайончковский А.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 24.
[2] *Драгомиров В.* Подготовка русской армии к Великой войне. Ч. 3 // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1925. Кн. VI. С. 56, 62, 67.
[3] *Барсуков Е. З.* Артиллерия русской армии (1914-1917 гг.): в 4 т. Т. IV. С. 122.
[4] *Драгомиров В.* Подготовка русской армии к Великой войне. Ч. 2 // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1924. Кн. V. С. 195; Ч. 3. Кн. VI. С. 57, 67, 68.

стрелять с коня уже в начале войны. Умение вести бой в конном строю в русской кавалерии было выше, и это превосходство сохранялось все время»[1].

Представляется возможным сделать вывод: значительная часть обер-офицеров, часть штаб-офицеров, в том числе, командиров частей, а также основная масса нижних чинов в кадровых частях была достаточно подготовлена к ведению современной войны. В этой связи представляется верной резюмирующая оценка, сделанная в свое время в Советской военной энциклопедии: «По своей боевой подготовке русская армия не уступала армиям западноевропейских стран… <…> Средний и младший командный состав был хорошо подготовлен…»[2].

Представляют интерес оценки германских военных специалистов, сделанные ими накануне мировой войны. Характеризуя изменения в русской армии, происшедшие в предвоенный период, они отмечали следующее. «…Была проведена коренная реорганизация армии. Она… затронула подготовку к мобилизации, экономику, подготовку офицерского состава. С реорганизацией подвергались коренному изменению все уставы, был совершенно изменен устав боевой службы и введен новый метод обучения. При этом были учтены французские и в еще большей степени немецкие взгляды, приспособленные к своеобразию русских условий»[3].

В многотомном труде Государственного германского архива под названием «Мировая война 1914–1918 гг. Военные операции на суше», один из томов которого накануне Великой Отечественной войны был переведен на русский язык, но по политическим соображениям не издан, приводился характерный документ германского генштаба. В нем говорилось, что русская армия исключительно выросла и в отношении численности, и в отношении боевой подготовки, «… готовность России к войне… в некоторых отношениях выше готовности к войне других

---

[1] *Смирнов А.* Сибирский удар и саксонская сталь. Сравнительная характеристика противников на Восточном фронте // Родина. 2004. № 9. С. 18, 19.

[2] *Панков Д. В.* Русская армия // Советская военная энциклопедия: в 8 т. М., 1976 – 1980. Т. 7. С. 174.

[3] Drang nach Osten: Из секретной докладной записки Германского Большого генерального штаба. 1913 год // Родина. 1993. № 8–9. С. 14.

великих держав, включая и Германию»[1]. Аналогичную оценку давал в своем труде немецкий военный историк В. Бекман: «Начало войны 1914 года застало русскую армию вполне боеспособной и внутренне прочной»[2].

Однако ситуация с высшим командным составом во многом была иной. На недостаточную его подготовку указывалось как накануне Первой мировой войны, так и в советское время. То есть, чаще всего, начиная с уровня начальников дивизий и вплоть до главнокомандующих армиями фронтов, военачальники не были в должной мере подготовлены к управлению войсками в боевой обстановке[3].

Советская военная энциклопедия также отмечала, что «…старший, особенно высший (командный состав – В. С.) , в своем большинстве не имел достаточной подготовки в управлении войсками в полевых условиях»[4].

Серьезные недостатки высшего командования русской армии отмечал накануне мировой войны германский генеральный штаб. В их число входили неспособность правильно распоряжаться выгодным оперативным положением, медлительность при принятии решений в боевой обстановке, ожидание указаний старших начальников, принятие решений по шаблону. Отмечались также чрезвычайно медленные передвижения и маневрирование русских войск[5].

Иными словами, речь шла практически о тех же недостатках, которые отмечались в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. Как могло так случиться? Представляется, что одной из главных причин была действовавшая система отбора на высшие должности, когда знания, способности к военному делу, самостоятельность и инициативность были не главными качествами в карьере. Полковник (будущий генерал-лейтенант) Генерального штаба, автор ряда трудов по военной

---

[1] Цит. по: «Идя навстречу пожеланиям Франции…». Сражение в Восточной Пруссии в 1914 году по материалам германского рейхсархива / Публ. и примеч. А. В. Пронина // Военно-исторический журнал. 1994. № 7. С. 48.

[2] *Бекман В.* Немцы о русской армии / пер. и примеч. В.В. Чернавина. Прага, 1939. С. 12.

[3] См.: *Махров П.* Современная война и высшее командование // Разведчик. 1912. № 1156. С. 868; *Зайончковский А.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 24

[4] *Панков Д. В.* Русская армия // Советская военная энциклопедия: в 8 т. М., 1976 – 1980. Т. 7. С. 174.

[5] См.: Drang nach Osten: Из секретной докладной записки Германского Большого Генерального штаба. 1913 год. С. 14–15.

тематике Д. П. Парский так характеризовал ситуацию: «…талант и способность пробиваются только случайно», «идейность, твердость характера и убеждений, инициатива» не поощряются. Поэтому «… люди недюжинные обыкновенно… затираются», и высокие посты занимают преимущественно «знатные, ловкие или бесцветные», почти исключительно «из определенного круга высших классов и бюрократии»[1].

Существовавшая бюрократическая система чаще всего «задвигала» офицеров, проявлявших инициативу, могущих отстаивать свою точку зрения. Генерал от инфантерии А. Н. Куропаткин, сам отнюдь не отличавшийся инициативностью и решительностью, по окончании кампании на Дальнем Востоке издал приказ, в котором, были характерные строки. «Люди с сильным характером, люди самостоятельные, к сожалению, во многих случаях в России не только не выдвигались вперед, а преследовались. В мирное время такие люди для многих начальников казались беспокойными, … людьми с тяжелым характером… Наоборот, люди без характера, без убеждений, но покладистые, готовые во всем соглашаться с мнениями своих начальников, выдвигались вперед»[2].

К аналогичным выводам пришел прекрасно показавший себя в ходе Первой мировой войны генерал от инфантерии В. Е. Флуг, считавший, что государственная бюрократическая система оказалась главным фактором, лишившим «…русский образованный класс сильных и самостоятельных характеров, подведя его под общий уровень безволия, нерешительности и пассивности»[3].

В результате многим генералам, занимавшим высшие посты, не хватало гражданского мужества, готовности принять на себя ответственность за важные решения, которые, при определенных обстоятельствах, могли угрожать карьере и служебному положению (подробнее об этом будет сказано в параграфе 4.4.). Данное обстоятельство решающим образом сказывалось на их деятельности по

---

[1] См.: *Парский Д.* Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. С. 5–6.
[2] Цит. по: *Гучков А. И.* О проекте сметы доходов и расходов Военного министерства на 1908 год // Избранные выступления депутатов Государственной Думы с 1906 года до наших дней. С. 63.
[3] *Флуг В. Е.* Высший командный состав // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 271.

управлению войсками в боевой обстановке. Действовавший в России порядок приводил к тому, что очень многие военнослужащие были добросовестными и дисциплинированными исполнителями, боявшимися, однако, ответственности, пассивными, лишенными инициативы и самостоятельности[1]. Со временем именно такие люди занимали высокие должности, становились командирами соединений и объединений. При этом, по наблюдениям одного из русских генералов, часто бывало так, что, чем «…начальники были старше, тем менее они проявляли инициативы, боясь принять на себя самостоятельное решение, и это было прямым следствием особого подбора людей»[2].

Иначе говоря, в армии и государстве сложилась атмосфера, способствовавшая подбору и выдвижению подобных кадров. Не случайно один из военачальников – участников войны на Дальнем Востоке указывал, что поражение в войне с Японией было обусловлено «…главным образом государственным строем и укладом; в этом отношении мы были уже давно и серьезно нездоровы». Он сосредоточивал внимание на том, что недостатки в армии «… являлись только частью от плоти нашего государственного уклада, из него они исходили…»[3].

Важную роль в продвижении военнослужащих по служебной лестнице играли связи во властных структурах. Генерал русской армии Я. В. Червинка, чех по национальности, перешедший на службу в Россию из австро-венгерской армии, указывал: «Чему приписать столь частое тогда появление в роли высших начальников лиц, безусловно, неподходящих в армии, … я решить долго затруднялся. Впоследствии я понял, что… высшие должности давались… благодаря связям и протекции…»[4].

---

[1] См.: *Флуг В. Е.* Высший командный состав. С. 284.
[2] *Махров П.* Современная война и высшее командование // Разведчик. 1912. № 1155. С. 853.
[3] *Парский Д.* Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. С. 1.
[4] *Червинка Я.* Военная карьера у нас и за границею // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 188.

Подобное явление отмечал и германский военачальник Г. фон Базедов: «…при замещении высших должностей… принимаются в соображение не исключительно лишь одни способности, а часто родственные и другие связи…»[1].

Иначе говоря, действовавшая система власти и кадровая политика способствовали назначению на высокие военные посты лиц, по своим качествам не соответствовавших занимаемым должностям. По наблюдениям современников, многие из таких «выдвиженцев» совершенно не занимались совершенствованием собственных знаний и соответствующим обучением войск. При этом, как писал Генерального штаба генерал-майор Е. И. Мартынов, в военное время они нередко продолжали занимать должности, хотя их «бесполезность и даже вред были очевидны»[2]. Современные историки, исследующие деятельность высшего командования русской армии начала прошлого века, приходят к таким же выводам. Например, А. А. Порошин утверждает, что «имели место назначения по протекции, формализм при аттестовании, преувеличенное значение выслуги лет в той или иной должности, неспособность учитывать совокупность всех духовных качеств личности с точки зрения военной службы»[3] и т.д. В результате высшие должности нередко занимали лица, не способные выполнять сложные и ответственные функции по управлению войсками в ходе боевых действий.

В то же время, не следует считать, будто абсолютно все назначения совершались по протекции, и в рядах высшего командного состава не было людей, достойных своих высоких должностей. Такие генералы были, о чем пойдет речь в следующем параграфе.

Еще одной причиной слабой подготовки русского генералитета к ведению современной войны являлось отсутствие в русской армии единообразных взглядов на ведение боевых действий, когда часть высших военачальников придерживалась устаревшей теории и практики. В ходе обмена мнениями, проходившего в

---

[1] *Базедов Г., фон*. Путевые впечатления о военной России / пер. с нем. СПб., 1911. С. 9.
[2] См.: *Мартынов Е*. Из печального опыта Русско-японской войны. С. 37, 38.
[3] *Порошин А. А.* Главнокомандующие армиями фронтов Первой мировой войны: генерал от кавалерии Я. Г. Жилинский // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. «История. Международные отношения», Вып. 1. С. 85.

эмигрантских кругах в 1930-е годы, было отмечено, что в годы мировой войны часто не обеспечивалось единство действий между военными руководителями, возникали трения, непонимание и даже недоверие[1].

Таким образом, накануне Первой мировой войны, как и ранее, одной из самых серьезных проблем являлась неготовность многих высших командиров и начальников управлять войсками в боевой обстановке.

В то же время, необходимо подчеркнуть: в предвоенные годы армия России сделала серьезные шаги в своем развитии и совершенствовании. «Столь отсталая в военном смысле армия, каковою были русские перед японскою войной, … переродилась в течение 9 лет и начала мировую войну не только равноценной армиям союзников, но во многом их превосходящей»[2].

4.3. Управление русскими войсками в ходе боевых действий в 1914–1916 гг.

В предыдущем параграфе рассмотрены изменения, происшедшие в боевой подготовке офицерства, а также ее оценки, делавшиеся накануне мировой войны. Представляется необходимым проанализировать, насколько они оправдались в ходе военных действий. В этой связи следует подчеркнуть: оценка профессиональных качеств командного состава представляет собой самостоятельную, весьма обширную и сложную тему, относящуюся, по большей части, к военной науке. Однако совсем не затронуть данную проблематику в диссертации, посвященной комплексной характеристике офицерства, вряд ли было бы правильным.

Метод, в соответствии с которым в настоящей диссертации будет освещаться данный вопрос, изложен в параграфе 1.4 и предлагается потому, что способы оценки боевой подготовки в военное время не разработаны ни в исторической, ни в военной науке. Поэтому здесь мы лишь напомним, что исходим из следующего:

---

[1] См.: *Домнин И.* Грехи и достоинства офицерства в самосознании русской военной эмиграции // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 495–496.

[2] *Штейфон Б.* Русско-японская война // Военная мысль в изгнании: творчество русской военной эмиграции. С. 68.

главным в вооруженном противоборстве является достижение поставленной цели, которое воплощается в результатах боевых действий. Следовательно, важнейшей частью боевой подготовки офицеров является тактическая подготовка, как теория и практика ведения боя. В свою очередь, основой тактики является управление войсками в бою. Без эффективного управления воинскими формированиями в самых различных масштабах – от подразделений до оперативно-стратегических объединений реализация замысла боя, сражения, операции и т.д. невозможна.

Именно поэтому основным *критерием* профессионализма командного состава в военное время предлагается считать умение управлять подчиненными силами и средствами, рассматриваемое через призму результатов вооруженного противоборства. Содержание интегрального понятия «управление войсками» в боевой обстановке рассмотрено в параграфе 1.4., поэтому здесь назовем только принципы управления. К ним относятся единоначалие, личная ответственность командиров (начальников) за принимаемые решения, централизация управления в сочетании с инициативой подчиненных, знание обстановки, твердость в проведении принятых решений в жизнь[1] и некоторые другие.

При характеристике управления войсками акцент будет делаться на итоги боевых действий и проявлявшуюся в бою инициативу. Исходя именно из этих факторов, делается вывод о способности или неспособности командного состава к выполнению боевых задач в соответствии с предназначением.

Автор опирается на ряд фактов, выбранных случайно из почти 200 боевых примеров, что с большой долей вероятности показывает типичное в действиях офицеров по решению боевых задач и дает представление об управлении русскими войсками в годы мировой войны.

Действия командного состава рассматриваются в кампаниях 1914, 1915 и 1916 гг. Что касается 1917 г., то в январе – феврале проводилась лишь Митавская операция, носившая частный характер. На всех остальных участках Русского фронта значимых активных действий не велось. После Февральской революции

---

[1] Тактика / Под ред. В.Г. Резниченко. 2-е изд. М., 1987. С. 98.

произошел фактический развал системы управления войсками, солдаты вышли из повиновения и отказывались участвовать в боевых действиях; в подобной ситуации боевая подготовка офицеров и генералов уже не могла играть ту роль, которую играла прежде.

Внутри кампаний описание действий командного состава по управлению войсками сгруппировано по двум уровням. К первому уровню отнесены роты, батальоны, полки в пехоте и соответствующие им подразделения и части в других родах войск. Второй уровень – дивизии, корпуса, армии.

Кампания 1914 года. Уже в самом начале войны, выполняя просьбу стоявшей на грани разгрома Франции о помощи в отражении германского наступления, русское командование предпринимало меры для затруднения развертывания перебрасывавшихся в Восточную Пруссию немецких корпусов. Например, конно-саперная команда 1-й гвардейской кавалерийской дивизии под командованием штабс-ротмистра Соколова получила задачу вывести из строя железную дорогу у г. Прейсиш–Эйлау. Произведя разведку и прорвавшись через неприятельское охранение, саперы на глазах у противника сумели взорвать акведук и полотно железной дороги, после чего обстреляли остановившийся германский поезд с войсками; движение войск противника временно прекратилось. В ходе выполнения боевого задания с лучшей стороны проявили себя корнеты Третьяков и Аршеневский, проводившие разведку, и поручик Балицкий, командовавший саперами, взорвавшими военные объекты[1].

Умение управлять подчиненными силами в боевой обстановке показал под Сталлупёненом 4 (17 августа) полковник В. И. Медер. Командуя батальоном, под сильным артиллерийским и стрелковым огнем превосходящего по численности противника, он сумел выбить его с укрепленных позиций. Капитан С. Соболевский при обходе противником нашего левого фланга, оставшись без прикрытия, организовал огонь артиллерии таким образом, что сумел отбить атакующего с тыла неприятеля и спасти положение. Полковник 99-го пехотного Ивангородского

[1] РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 77. Л. 5–7.

полка Н. М. Миглевский, командуя полком, захватил деревни Шлейвен и Раудонен, открывавшие удобный подступ к г. Сталлупёнену. Понимая их значение для успеха боя, Н. М. Миглевский упорно удерживал обе деревни, в результате чего противник был вынужден отступить, оставив город[1]. В конце сентября этот офицер вновь проявил себя как умелый и волевой командир, и был награжден орденом[2].

В ходе боев под Сталлупёненом командиры русских кавалерийских и артиллерийских подразделений сумели создать единую систему огня, сочетавшую артиллерийский, пулеметный и винтовочный огонь. В числе офицеров, показавших умение эффективно действовать в современном бою, отлично зарекомендовал себя ротмистр П. Н. Врангель[3].

Штабс-капитан В.И. Александрович, командуя батареей, «по собственной инициативе переменил позицию, взял во фланг позицию противника, после чего «… заставил своим огнем бежать неприятеля»[4].

Когда под напором противника соседняя часть стала отходить, полковник А. Г. Голынец со своими подчиненными не только удержал позиции, но «…энергичными действиями заставил отступающие части вернуться…»; после этого он «…выдвинулся вперед, заставил неприятеля отступать и, обеспечивая правый фланг, способствовал… успеху дня»[5].

В тяжелейших условиях руководил арьегардным боем 1-й отдельной кавалерийской бригады полковник В. В. Бискупский. Он искусно использовал немногие оставшиеся огневые средства, и умело отводил эскадроны. Бригада «… гибко увертывалась из вражеских клещей, то стойко задерживая врага огнем на попутных складках местности, то… отходя не в пространство, а от рубежа к рубежу»[6].

---

[1] Летопись войны. 1915. № 36 (официальный отдел). С. 70, 71.
[2] РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 77. Л. 288.
[3] *Андреев В*. Первый русский марш-маневр в Великую войну. Гумбинен и Марна. Париж, 1928. С. 13.
[4] Летопись войны. 1915. № 44 (официальный отдел). С. 87.
[5] Там же. № 36 (официальный отдел). С. 71.
[6] *Андреев В*. Первый русский марш-маневр в Великую войну. Гумбинен и Марна. С. 23.

В бою под Франкенау инициативно действовал командующий 1-м батальоном 21-го пехотного Муромского полка капитан К. Ф. Юрьев, под Гумбиненом – ротные командиры 106-го пехотного Уфимского полка, организовавшие взаимодействие с дивизионной артиллерией, хотя это не входило в их компетенцию. Одним из них был командир 5-й роты 2-го батальона капитан Н. А. Пузиновский[1].

В бою 7 августа под Гумбиненом подполковник В. П. Воронов, командуя ротой, правильно выбрал время и место для атаки противника, выбил его из окопов и захватил вражеские пулеметы. Офицер погиб, но его действия «в сильной степени» способствовали общему успеху[2].

В том же бою подполковник Ю. Р. Гибшман, также командуя ротой, перешел в энергичное наступление, увлек за собой соседние части и захватил вражеские позиции[3].

Говоря о действиях русского командования на уровне соединений и объединений, необходимо отметить, что переброска дополнительных германских сил в Восточную Пруссию, куда вторглись 1-я и 2-я русские армии, была не случайной: в ходе Восточно-Прусской операции русские войска неоднократно добивались тактических успехов. Одним из примеров является первое крупное боевое столкновение у Сталлупёнена, происшедшее 4 (17) августа 1914 г. Непосредственно в бою с русской стороны участвовали III армейский корпус (командир корпуса – генерал от инфантерии Н.А. Епанчин) и пришедшая ему на помощь 29-я пехотная дивизия XX корпуса. В процессе боя противник пытался охватить одну из русских дивизий с правого фланга, но сделать этого ему не удалось благодаря умелым действиям начальника 29-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта А. Н. Розеншильда фон Паулина. В результате упорного боя

---

[1] *Смирнов А. А.*: И.Н. Гребенкин. Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. Рязань, 2010 // Русский сборник: исследования по истории России. Том XIII. М., 2012. С. 435.
[2] РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 77. Л. 288.
[3] Там же. Л. 288 об.

противник в беспорядке отошел, а с наступлением темноты отступил в район г. Гумбинен. Русские войска захватили пленных, два пулемета и семь орудий[1].

Сражение оперативного масштаба завязалось 7 (20) августа в районе г. Гумбинен. Противник имел 56 тяжелых орудий, в то время как русские войска вообще не имели тяжелой артиллерии[2]. Сражение началось одновременным наступлением германских 1-го и 17-го армейских корпусов. На фронте севернее Гумбинена частям 1-го корпуса противника удалось отбросить 28-ю русскую пехотную дивизию, но преследовать ее или развить успех он не сумел. Две дивизии 17-го германского армейского корпуса, действовавшие южнее Гумбинена, столкнулись с тремя русскими дивизиями. После нескольких неудачных атак, понеся тяжелые потери (до 10 тыс. чел.) противник в беспорядке отступил[3].

В ходе этого боя умело действовали части III армейского корпуса генерала Н. А. Епанчина[4]. Один из русских командиров дивизий отмечал, что сражение под Гумбиненом, «… было для нас победоносно. Немцы потерпели поражение и в ночь на 8 августа отступили»[5].

Кроме того, захлебнулось неприятельское наступление в районе населенного пункта Гольдап, где две немецкие дивизии атаковали 30-ю русскую пехотную дивизию под командованием генерал-лейтенанта Э. А. Колянковского. Дивизия не только удержала занятую позицию, но и перешла на следующий день в наступление, чем способствовала успеху русских войск[6].

В целом, Гумбинен-Гольдапское сражение окончилось поражением немецких войск, их поспешным уходом с поля битвы, оставлением большого числа ра-

---

[1] Гродно. Генералу Жилинскому. 5 (18) августа 1914 г. // Восточно-Прусская операция: сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914 –1917 гг.). М., 1939. С. 184.

[2] *Евсеев Н.* Августовское сражение 2-й русской армии в Восточной Пруссии (Танненберг) в 1914 г. М., 1936. С. 39.

[3] *Зайончковский А.* Мировая война 1914–1918 гг. В 2-х т. Т.1. С. 115.

[4] Командиру 3-го армейского корпуса. 8 (21) августа 1914 г. // Восточно-Прусская операция: сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). С. 195.

[5] *Розеншильд-Паулин А.* 29-я пехотная дивизия в первый поход в Восточной Пруссии // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1926. Кн. VIII. С. 233.

[6] Летопись войны. 1915. № 36 (официальный отдел). С. 71.

неных, оружия и техники, в том числе, 12 орудий[1]. Особенно большие потери понесли 1-й и 17-й германские корпуса, потерявшие до трети боевого состава пехоты[2].

«…Эта победа, даже, несмотря на последовавшую неудачу 2-й русской армии при Танненберге, привела к тому, что главные цели, поставленные перед армиями во время похода в Восточную Пруссию, – спасение Франции от поражения и срыв разработанного германским Генштабом плана войны – были полностью выполнены»[3].

Под влиянием успехов русских войск генерал М. фон Приттвиц, командующий 8-й германской армией, оборонявшей Восточную Пруссию, отдал войскам распоряжение отходить к Висле. Исходя из данной реальности, кайзер и начальник генштаба Мольтке – младший согласились на переброску в Восточную Пруссию войск из Франции. Германия оказалась вынужденной вести войну на два фронта.

В то же время, в действиях русского высшего командного состава в Восточной Пруссии имели место серьезные упущения. В должной мере не осуществлял руководство подчиненными войсками командир XX армейского корпуса генерал от инфантерии В. В. Смирнов. Дошло до того, что два командира полка 28-й пехотной дивизии, входившей в состав корпуса, без приказа отвели свои части с занимаемых позиций. За это командующий армией отстранил их от командования полками[4]. От должности был также отстранен командир 1-й отдельной кавале-

---

[1] Генералу Хану Нахичеванскому и генералу Шемякину через штаб 3-го и 20-го корпусов. 8 (21) августа 1914 г. // Восточно-Прусская операция: сборник документов мировой империалистической войны на Русском фронте (1914–1917 гг.). С. 194.

[2] *Таленский Н.А.* Первая мировая война (1914–1918 гг.). Боевые действия на суше и на море. С. 30.

[3] *Залесский К. А.* Поход русской армии в Восточную Пруссию в 1914 г., спасение Франции и перелом в ходе войны: новые подходы к истории Первой мировой войны // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 3. С. 45–46.

[4] Вержболово. Командиру 20-го армейского корпус. 8 (21) августа 1914 г. // Восточно-Прусская операция: сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). С. 195.

рийской бригады генерал-майор В. А. Орановский, за неготовность «… к роли самостоятельного кавалерийского начальника»[1].

Командующий 1-й армией генерал от кавалерии П. К. фон Ренненкампф и его штаб практически не сумели организовать управление действиями войск, в результате чего Гумбинен – Гольдапское сражение распалось на отдельные корпусные очаги. Практически не применялась многочисленная кавалерия, находившаяся в нескольких километрах от правого фланга русского XX корпуса[2].

Через некоторое время, когда ситуация изменилась, П. К. фон Ренненкампф не сумел организовать управление армией в период ее отступления; руководство действиями войск осуществлялось, в основном, в звене дивизия – полк – батальон – рота. «Все зло русской стороны состояло в отсутствии управления, что вообще характеризовало Ренненкампфа…, когда войска были предоставлены самим себе»[3].

Поражение 2-й армии генерала от кавалерии А.В. Самсонова, вместе с 1-й армией участвовавшей в Восточно-Прусской операции, также во многом связывают с безынициативностью П. К. фон Реннекампфа. Действительно, в ночь после поражения германских войск в Гумбинен – Гольдапском сражении главные силы противника оставили занимавшиеся ими позиции и отошли. Утром 8 (21) августа это стало известно командованию 1-й русской армии, но дальнейшее наступление и преследование противника началось лишь после полудня 9 (22) августа. Эта пауза в действиях русской 1-й армии во многом обусловила поражение 2-й русской армии. Начальник оперативного отдела штаба 8-й немецкой армии, действовавшей в Восточной Пруссии, М. Гофман в этой связи писал: «… никто же не мог предположить, что Ренненкампф, получив рано утром сообщение об отходе

---

[1] Генералу Орановскому. 8 (21) августа 1914 г. // Восточно-Прусская операция: сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). С. 196.
2 *Зайончковский А.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 117.
[3] *Коленковский А. К.* Маневренный период первой мировой империалистической войны 1914 г. М., 1940. С. 217.

германских войск, останется спокойно и пассивно на месте. Напротив, следовало предположить, что он со всеми силами энергично бросится преследовать нас»[1].

В то же время, действиям генерала от кавалерии П. К. фон Ренненкампфа нельзя отказать в логике. Командование 1-й армии не знало, в каком состоянии пребывали немецкие войска на следующий день после сражения, какова их численность и расположение. Было известно, однако, что изначально противник превосходил по численности войска 1-й русской армии. Люди были измотаны: от места сосредоточения войска прошли форсированным маршем около 110 верст, выдержав при этом ряд боев. В резерве у генерала П. К. фон Реннекампфа оставался всего один полк, тыловое обеспечение, в том числе, снабжение боеприпасами, было нарушено. Войскам требовалось некоторое время, чтобы привести себя в порядок после сражения.

Но как бы то ни было, более чем суточное бездействие командования 1-й армии негативно повлияло как на положение 2-й армии, так и всю операцию, проводившуюся войсками Северо-Западного фронта. Вскоре противнику удалось окружить два корпуса 2-й русской армии, частично уничтожить, частично пленить их, а 1-ю русскую армию оттеснить в пределы России.

В конечном итоге, в Восточной Пруссии русским войскам не удалось развить первоначальный успех. Один из русских генералов – участников Первой мировой войны, анализируя причины поражения армии генерала А.В. Самсонова, впоследствии отмечал: «…причину гибели 2-й армии следует искать не в деятельности того или другого отдельного лица, не в том или другом отдельно взятом факте, а в сцеплении целого ряда условий…»[2].

Одним из таких условий явилось то, что главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал от кавалерии Я. Г. Жилинский и его штаб не осуществляли непрерывное управление войсками. «Из наступления вышла, собственно говоря, не фронтовая операция, в которой действия армий, руководимых

---

[1] *Гофман М.* Война упущенных возможностей / Пер. с нем. М.- Л:, 1925. С. 19.

[2] *Цихович Я.* Операция 2-й армии в В. Пруссии в августе 1914 года // Военно-исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–18 гг. М., 1920. Вып. 3. С. 169.

штабом фронта, связаны общностью цели и взаимной поддержкой, а получились вместо нее две разрозненные операции, проводимые отдельными армиями вне всякой связи между собой»[1].

Следует отметить также, что маршрут движения армии генерала А. В. Самсонова в ходе операции был определен им неверно. Это привело к тому, что фронты нескольких корпусов значительно растянулись, и уязвимый левый фланг 2-й армии на целый переход приблизился к противнику. Одновременно увеличилось расстояние между 1-й и 2-й армиями, что предоставило германским войскам возможность свободно маневрировать в промежутке, образовавшемся между ними и наносить им удары порознь. Кроме того, соединения 2-й армии не вели боевые действия по единому замыслу: сражение 13 (26)–17 (30) августа расчленилось на ряд изолированных корпусных боев, в ходе которых управление со стороны командующего и штаба армии практически отсутствовало. Более того, 15 (28) августа генерал А.В. Самсонов понимая, что армия терпит катастрофу, убыл в расположение XV корпуса для личного руководства его действиями, приказав при этом снять в штабе армии телеграфный аппарат. Связь со штабом фронта, а также между корпусами и штабом армии при этом была потеряна[2].

Не на высоте оказались командиры корпусов армии А. В. Самсонова. Так, командир I армейского корпуса генерал от инфантерии Л. К. Артамонов показал неумение управлять подчиненными силами. Не представляя картину боя в целом, он разъезжал по местам расположения своих войск на автомобиле, постоянно вмешиваясь в распоряжения своих подчиненных. В результате управление корпусом отсутствовало, и в боях при Сольдау и Усдау он потерпел поражение. Командир XIII армейского корпуса генерал от инфантерии Н. А. Клюев в ходе боя проявил нерешительность, в результате чего была упущена реальная возможность достичь тактического успеха. Не показал необходимой распорядительности ко-

---

[1] *Перепеловский К.* Роль и значение Русского фронта в войну 1914-1917 гг. по иностранным военным источникам // Военная быль. 1971. № 111. С. 8.

[2] Доклад правительственной комиссии, назначенной в 1914 г. для расследования условий и причин гибели 2-й армии ген. Самсонова в Восточной Пруссии осенью 1914 г. // Восточно-Прусская операция: сборник документов мировой империалистической войны на Русском фронте (1914–1917 гг.). С. 550, 552, 553, 554, 557, 558, 559, 560.

мандир VI армейского корпуса генерал от инфантерии А. А. Благовещенский, в результате чего XIII, XV и часть XXIII армейских корпусов не смогли выйти из окружения[1].

В то же время, следует отметить, что генерал П. К. фон Ренненкампф вывел свою армию из-под удара немецких войск. Как отмечает современный британский историк Дж. Киган, «Реннекампф начал отступление с боем…, перебрасывая силы с фланга на фланг, туда, где возникала необходимость в подкреплении…» и «со всей своей армией пересек границу, преследуемый немцами»[2].

Просчеты и ошибки русского командования в ходе Восточно-Прусской операции очевидны. Но, даже учитывая их негативные последствия, не следует упускать из виду значимость действий русских войск. Как отмечал французский маршал Ф. Фош, «… своим активным вмешательством русская армия отвлекла на себя значительную часть сил противника и тем позволила нам одержать победу на Марне»[3].

Иными словами, несмотря на то, что Восточно-Прусская операция на оперативном уровне завершилась поражением русских войск, в стратегическом плане она стала фактором, повлиявшим на всю мировую войну и ее конечный исход. Начальник германского генерального штаба генерал пехоты Э. фон Фалькенгайн в этой связи отмечал: «Задача быстро добиться решений, что до сих пор являлось основой для немецкого способа ведения войны, свелась к нулю», поэтому исход войны отодвигался «…на совершенно неопределенное время»[4].

Одновременно с боями в Восточной Пруссии русская армия участвовала в Галицийской битве. Целью действий Юго-Западного фронта являлось «поражение австро-венгерских армий, имея в виду воспрепятствовать отходу значитель-

---

[1] *Беннигсен Г.П.* 1-й пехотный Невский полк в Восточной Пруссии в 1914 году // Военная быль. 1959. № 35. С. 17, 18.
[2] *Киган Дж.* Первая мировая война / пер. с англ. Т. Горошковой. М., 2002. С. 185.
[3] Цит. по: *Перепеловский К.* Роль и значение Русского фронта в войну 1914–1917 гг. по иностранным военным источникам // Военная быль. 1971. № 111. С. 10.
[4] *Фалькенгайн Э., фон.* Верховное командование 1914-1916 в его важнейших решениях / Пер. с нем. А.Е. Снесарева. М., 1923. С. 31.

ных сил противника на юг – за р. Днестр и на запад – к Кракову»[1], что в определенной мере могло способствовать облегчению положения в Восточной Пруссии. В свою очередь, австро-венгерское командование планировало разгромить 4-ю и 5-ю русские армии у Люблина и Холма, и выйти на тылы войск Юго-Западного фронта[2].

Бои начались на правом фланге 4-й русской армии (командующий армией – генерал от инфантерии А. Е. фон Зальца), которая начала наступление 10 (23) августа в направлении на Перемышль. Навстречу ей наступала 1-я австро-венгерская армия, имевшая ближайшую задачу разбить русские войска, сосредоточившиеся у местечка Красник, охватывая их правый фланг. Нанеся поражение правому флангу 4-й армии, противник распространил атаку на весь ее фронт и поочередно разбил входившие в нее корпуса: 11 (24) августа у населенного пункта Пилатка потерпел неудачу XIV армейский корпус (командир корпуса – генерал от инфантерии И. П. Войшин-Мурдас-Жилинский). На следующий день в ходе боя у местечка Грудки потерпели поражение и вынуждены были отойти Гренадерский корпус (генерал от инфантерии И. И. Мрозовский) и XVI армейский корпус (генерал от инфантерии П. А. Гейсман). Потери 4-й армии составили до 20 тыс. человек, в том числе, 6 тыс. пленных[3].

Неудачные действия русских войск во многом были обусловленным слабым составом высшего командования армии и корпусов. Сразу после окончания сражения был снят с должности командующий армией А. Е. фон Зальца, в октябре 1914 г. зачислен в резерв чинов при штабе Киевского военного округа командир XVI армейского корпуса П. А. Гейсман. Командир Гренадерского корпуса И. И. Мрозовский также не проявил необходимых военачальнику качеств, хотя и был оставлен на занимаемой должности.

В сложившейся ситуации 5-я русская армия во главе с генералом от кавалерии П. А. Плеве получила приказ нанести удар по войскам неприятеля, атако-

---

[1] Цит. по: *Шафалович Ф.* Встречный бой 10-го армейского корпуса на р. Золотой Липе 26 – 29 августа 1914 г. М., 1938. С. 3.
[2] *Ростунов И. И.* Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976. С. 130.
[3] *Залесский К. А.* Первая мировая война. Энциклопедия. В двух частях. Ч. 2. М., 2014. С. 206.

вавшим 4-ю армию, а также продолжить наступление в направлении, указанном ранее. В ходе выполнения поставленных задач произошел ряд боев, получивших название Томашевского сражения (с 13 (26) по 18 (31) августа).

У города Замостье противнику удалось разбить правофланговый корпус наступавшей 5-й армии и сковать в ходе сражения ее главные силы. В то же время в ходе сражения промежуточных успехов добивались не только австро-венгерские, но и русские войска. В ходе сражения, ставшего важной частью Галицийской битвы, с лучшей стороны показал себя командующий 5-й армией генерал от кавалерии П. А. Плеве. Он уверенно ориентировался в сложной оперативной обстановке, ставил верные задачи командирам корпусов, контролировал их выполнение, своими решительными действиями не позволил противнику окружить центральную группу корпусов своей армии[1].

С вечера 18 (31) августа командующий армией приказал начать отход на заранее намеченную линию, в ходе которого 5-я армия совершила искусный марш-маневр. Все попытки неприятеля преследовать отходившие русские войска были пресечены действиями арьергардов и конницы, при этом противник посчитал планомерный отход русских отступлением. Между тем вывод 5-й армии из Томашевского сражения на самом деле означал совершенно иное. Это было «… не отступление разбитой армии, а выход победоносной армии из сковывающего ее боя для производства нового стратегического маневра»[2]. В течение трехдневного марша армия генерала П. А. Плеве произвела перегруппировку и была в полной готовности к дальнейшим действиям.

Командование противника, посчитав, что русские силы разгромлены и отступают, приняло решение вывести из-под Томашева значительную часть своих сил с тем, чтобы ударить этими войсками по правому флангу русской 3-й армии, наступавшей на Львов. В результате этого ошибочного решения соотношение сил между Вислой и Бугом изменилось в нашу пользу, и было эффективно использо-

---

[1] *Олейников А. В.* Успешные генералы забытой войны. М., 2014. С. 26, 27, 30.
[2] *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 г. Дни перелома Галицийской битвы (1–3 сентября нового стиля). Париж, 1940. С. 32.

вано русским командованием. Так, Верховный Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич правильно распорядился имевшимися резервами и сформировал еще одну – 9-ю армию (хотя это не было предусмотрено планом стратегического развертывания). Командующий 9-й армией генерал от инфантерии П. А. Лечицкий умело руководил действиями войск в ходе боев южнее Люблина. В частности, именно по его инициативе к участку намеченного главного удара были подвезены батареи тяжелых 6-ти дюймовых гаубиц из крепости Ивангород, сыгравшие большую роль в подавлении огня неприятельской артиллерии. Передовые части его армии перешли государственную границу Австро-Венгерской монархии и начали переправу через реку Сан. В августовских боях войска 9-й армии захватили более 20 тыс. пленных, 32 орудия и несколько десятков пулеметов[1].

В бою у р. Ходель 21 августа (3 сентября) успешно действовали XVIII и XIV армейские корпуса, командирами которых являлись соответственно, генерал от кавалерии Н. Ф. Крузенштерн и генерал от инфантерии И. П. Войшин-Мурдас-Жилинский. Противник был вынужден очистить укрепления севернее р. Ходель и отойти на вторую линию обороны по южному берегу этой реки. Успех русских вынудил противника отказаться от отправки одной из своих пехотных дивизий для поддержки корпуса, производившего охват левого фланга 4-й русской армии – операцию, которую командование противника считало в то время главной. Вместо того эта пехотная дивизия была направлена в район р. Ходель для замены разбитых частей австро-венгерских войск[2].

Командир 17-й пехотной дивизии генерал-лейтенант П. С. Балуев успешно руководил полками своей дивизии в августовских боях у д. Тарнаватка и посада Комарово, показав умение вести один из самых сложных видов боя – встречный бой. В ходе боевых действий он разбил венгерскую дивизию, которая потеряла до 50 % личного состава, и штурмом захватил укрепленную позицию противника у

---

[1] *В. Б. – К.* Генерал Платон Алексеевич Лечицкий // Военная быль. 1965. № 72. С. 3.
[2] *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 г. Дни перелома Галицийской битвы (1–3 сентября нового стиля). С. 41.

д. Гуты. В последующих столкновениях с противником П. С. Балуев снова продемонстрировал высокую боевую подготовку. Так было, например, в ходе боев в окружении, когда он показал себя прекрасным тактиком, умело организовавшим контратаки противника[1].

Командующий 78-й пехотной дивизией генерал-майор В. А. Альфтан в бою 13 (26) и 14 (27) августа 1914 г. у станции Красне, умело управляя вверенными ему войсками, сумел нанести поражение противнику, захватил 25 неприятельских орудий и боеприпасов, а также свыше 500 пленных[2].

Начальник штаба 33-й пехотной дивизии Генерального штаба полковник Н. Э. Бредов в бою 18 и 19 августа (31 августа – 1 сентября) у д. Джибульки разработал план действий дивизии, обеспечивший полное взаимодействие всех частей соединения. На поле сражения он лично реализовал план и способствовал «завершению боя полной победой»[3].

Начальник 12-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенант А. М. Каледин в сражении при р. Гнилая Липа 16 (29) августа, получив сведения о движении неприятеля через лесное пространство к переправам, по своей инициативе спешил дивизию и принял бой. В результате он сумел предотвратить «… прорыв значительно превосходящих его сил противника» в промежуток между двумя дивизиями[4].

8 (21) августа 10-я кавалерийская дивизия под командованием генерал-лейтенанта Ф. А. Келлера у д. Ярославице атаковала в конном строю 4-ю австрийскую кавалерийскую дивизию и нанесла ей серьезное поражение. Нашими войсками были взяты в плен 250 кавалеристов и 400 пехотинцев, захвачено 8 орудий. По воспоминаниям одного из участников атаки, Ф. А. Келлер проявил в ходе боя

---

[1] *Олейников А. В.* Успешные генералы забытой войны. С. 208, 209, 211.
[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 7. Л. 307.,
[3] Там же. Л. 308.
[4] Летопись войны. 1915. № 32 (официальный отдел). С. 61, 62.

«… удивительное присутствие духа, ясность мысли, быстроту решений и отличный глазомер»[1].

13 (26) августа эта же дивизия первая завязала бой с наступающей пехотой противника, замедлила ее продвижение и удержала до подхода своей пехоты тактически важный рубеж р. Гнилая Липа[2].

Замыслы старших начальников реализовывали на местах нижестоящие командиры, нередко сами проявлявшие инициативу. Так, в боях у д. Суходолы отличился 81-й пехотный Апшеронский полк. Его командир полковник А. А. Веселовский заметил, что противник вступил во встречный бой с частями русской гренадерской дивизии. Оценив обстановку, командир полка повернул часть своего боевого порядка во фланг и отчасти в тыл противника. Удар Апшеронского полка оказался решающим, противник начал отходить, русские захватили ряд населенных пунктов[3]. Умение руководить подчиненными в сложной обстановке продемонстрировали в этом бою офицеры батальонного и ротного звена Апшеронского полка. В их числе – командир 1-го батальона подполковник Григорчук, командир 2-й роты капитан Иванов, офицер той же роты подпоручик Яцкевич[4].

В ходе боя лейб-гвардии 2-го стрелкового Царскосельского полка в районе фольварк Калишаны-Камень – деревня Войцехов в августе 1914 г. многие младшие офицеры рот, а также ротные командиры действовали умело и тактически грамотно. Не вдаваясь в описание боя, отметим, что под их командованием была захвачена, а затем уничтожена 6-ти орудийная гаубичная батарея противника, захвачена 4-х орудийная и 2-х орудийная легкие батареи, а также 2 пулемета. Кроме того, в лесу были захвачены 4 полевые орудия противника, оставленные им при отступлении. В числе отличившихся офицеров оказались подпоручики Пацковский, Успенский, Николаев, Де-Липпе-Липский,

---

[1] См.: *Гагкуев Р. Г., Балмасов С. С.* Генерал Ф. А. Келлер в годы Великой войны и русской смуты // Граф Келлер / науч. ред. В.Ж. Цветков. М., 2007 С. 1003.

[2] *Шафалович Ф.* Встречный бой 10-го армейского корпуса на р. Золотой Липе 26–29 августа 1914 г. С. 5, 111.

[3] *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 г. Дни перелома Галицийской битвы: (1–3 сентября нового стиля). С. 88.

[4] Там же. С. 184–192.

Добровольский 1-й, поручик Колобов, ротные командиры капитан Алексеев и поручик Вальден. В подобном ключе действовали другие части гвардейской бригады – 1-й и 3-й лейб-гвардии стрелковые полки, а также лейб-гвардии артиллерийский стрелковый дивизион[1].

4 (17) августа 1914 г. во время боя 17-го гусарского Черниговского полка за овладение городом Рава-Русская отличную тактическую выучку продемонстрировал полковник Д. И. Калинин, принявший командование над двумя эскадронами. В последующих боях под д. Зеленая и г. Новый Сандец тактическое мастерство показали многие офицеры этого же полка[2].

Офицеры ротного звена умело руководили подчиненными в кровопролитном бою у д. Тарнавка, причем выбывших в начале боя командиров трех рот лейб-гвардии Московского полка заместили младшие офицеры. В результате действий полка были захвачены сорок два легких и тяжелых германских орудия, в том числе, шесть 15-ти сантиметровых гаубиц. В течение следующих суток противник, неоднократно предпринимал попытки отбить занятые русскими позиции, однако все его усилия оказались безуспешными[3].

11 офицеров полка были награждены орденом св. Георгия 4-й степени, 7 человек – георгиевским оружием[4]. В том же бою точный огонь вели артиллеристы под руководством командиров батарей полковников Михайловского, Перрета и Глазкова[5].

В августе 1914 г. у д. Гарай 2-я батарея 1-й гренадерской артиллерийской бригады, выехав на открытую позицию под огнем противника, уничтожила четы-

---

[1] *Верцинский Э. А.* Из мировой войны. Боевые записи и воспоминания командира полка и офицера Генерального Штаба за 1914 – 1917 годы. Таллинн – Ревель, 1931. С. 19–24, 28.
[2] РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 77. Л. 432–434.
[3] Поздравление генерал-лейтенанта Гальфтера, командовавшего л. гв. Московским полком под Тарнавкой к 25-летнему юбилею этих боев: 1914 г. 24–27 августа // Тарнавка. 1914–1964. Пятидесятилетие боя у д. Тарнавка. Бюллетень объединения лейб-гвардии Московского полка. Париж, 1964. С. 2,3.
[4] *Некрасов С.* Восьмая рота л. гв. Московского полка под Тарнавкой // Тарнавка. 1914–1964. Пятидесятилетие боя у д. Тарнавка. Бюллетень объединения лейб-гвардии Московского полка. Париж, 1964. С. 15–23, 26.
[5] *Мандражи К.* Бой под Тарнавкой (26 августа 1914 года) // Тарнавка. 1914–1964. Пятидесятилетие боя у д. Тарнавка. Бюллетень объединения лейб-гвардии Московского полка. Париж, 1964. С. 13.

ре пулемета и рассеяла подходившие вражеские резервы. Через несколько дней у д. Высоке та же батарея своим метким огнем отбросила превосходящие силы противника, теснившего 161-й пехотный Александропольский и 163-й пехотный Ленкоранский полк. Роль батареи в этих боях была столь значительна, что ее представили к награждению Георгиевскими серебряными трубами. В документе, описывавшем бой, не указываются фамилии офицеров, отмечено лишь, что 2 офицера и 28 нижних чинов погибли[1].

27 августа 1914 г. в бою у села Ополе 2-я батарея 23-й артиллерийской бригады оказывала поддержку 89-му пехотному Беломорскому полку. Профессиональный уровень командира батареи характеризовался командиром полка так: «Действие и искуснейшее управление были столь блестящи и так способствовали общему наступлению полка, что вызвали единодушный восторг, и благодарность всех чинов части»[2].

Анализ действий командиров различного уровня, в том числе, офицеров ротного и равных ему звеньев в ходе Галицийской и Восточно-Прусской операций произвел наш современник А. А. Смирнов. Выяснилось, что умелое и инициативное руководство подразделениями со стороны командиров рот и субалтерн-офицеров встречалось достаточно часто. Число проанализированных им источников – около 80. По мнению исследователя, относительно небольшое количество источников компенсируется случайностью выборки, которая отражает типичное в действиях офицеров на поле боя. Даже в этой, сравнительно небольшой выборке источников им выявлено порядка 35 случаев разумной тактической инициативы, проявленной ротными командирами и субалтерн-офицерами в ходе боевых столкновений[3].

Галицийская битва, продолжавшаяся с 10 (23) августа по 8 (21) сентября 1914 г. закончилась крупным поражением австро-венгерской армии, что значительно ослабило ее морально-психологический потенциал. В этой связи генерал-

---

[1] РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 77. Л. 50–50 об.
[2] Там же. Л. 16.
[3] *Смирнов А. А.:* И.Н. Гребенкин. Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914 – 1918 гг. Рязань, 2010. С. 425, 436.

фельдмаршал П. фон Гинденбург отмечал: «… храбрость, и предприимчивость австро-венгерских войск сильно поколебалась под влиянием нанесенного им русскими поражения»[1].

В совокупности с действиями русских войск в Восточной Пруссии победа в Галицийской битве не позволила уничтожить русские армии в Польше. Более того, Галицийская битва вкупе с Восточно-Прусской операцией сыграла принципиально важную роль в срыве блицкрига – германского стратегического плана ведения войны.

В то же время, реализовать стратегическую идею операции – сокрушить противника и не позволить отойти его живой силе русским войскам не удалось, хотя боевой состав австро-венгерских армий уменьшился почти вдвое. Их общие потери составили 326 000 человек, в том числе более 100 000 пленных. Потери русских войск доходили до 230 000 человек, из них 40 000 пленных[2].

Вскоре началась Варшавско – Ивангородская операция (15 (28) сентября – 26 октября (8 ноября) 1914 г.), проводившаяся русскими войсками с целью отражения германского удара по войскам северного фланга Юго-Западного фронта. Эта операция, успешно проведенная войсками Юго-Западного и Северо-Западного фронтов, характеризовалась разнообразными формами маневра и способами боевых действий, при этом русское командование нередко действовало решительно и целеустремленно. Например, в ходе операции 9-я армия генерала П. А. Лечицкого, продвигаясь в общем направлении на юго-запад, разгромила противостоявшие войска противника под городами Опатов и Сандомир. Были захвачены 36 тыс. пленных, большое количество вооружения и имущества, передовые части армии подошли к австрийской крепости Краков. Через несколько дней противник, получив значительные подкрепления, и опираясь на форты Кракова, перешел в наступление на войска 9-й русской армии, занимавшие сильно растянутый фронт. Превосходящие силы противника стали охватывать правый, а затем и левый фланг русских войск, беря их в клещи. Однако генерал П. А. Лечицкий

---

[1] Воспоминания Гинденбурга / пер. с нем. Пг., 1922. С. 8.
[2] *Белой А*. Галицийская битва. М., 1929. С. 353.

проявил высокое полководческое мастерство. Умело маневрируя резервами, он сумел устранить угрозу охвата, разбил и отбросил противника[1].

В начале октября умело действовал командир XXIII армейского корпуса генерал от инфантерии В. Н. Данилов. Узнав об охвате левого фланга наших войск превосходящими силами противника, он сам перешел в наступление, удачно охватил правый фланг противника и отбросил его назад, взяв при этом более 5 тыс. пленных и 20 орудий[2].

Умение вести современный бой показали и командиры менее высокого ранга. Так, в бою 18-й пехотной дивизии у пос. Опатов (18–20 октября 1914 г. по ст. ст.) был обойден и подвергся обстрелу не только с флангов, но и с тыла 1-й батальон 71-го пехотного Белевского полка. Однако командир батальона подполковник Даценко верно оценил обстановку и, действуя в соответствии со сложившейся обстановкой, сумел атаковать обходящие части противника. На помощь ему пришли другие подразделения полка (командир полка – полковник С. В. Беляев), что помогло отбить атаки противника. На следующий день 18-я дивизия прорвала фронт двух противостоявших австро-венгерских дивизий и противник в беспорядке отступил. Русские войска пленили более 3 тыс. человек, захватили 16 легких орудий, 3 гаубицы, 17 пулеметов[3].

29-й артиллерийской бригады штабс-капитан С. П. Фищенко в ночь с 16 на 17 октября 1914 г. (по ст. ст.) всего с одним взводом уничтожил две вражеские батареи, чем обеспечил занятие немецких окопов нашей пехотой[4].

В октябре 1914 г. у д. Игнацувка 4-я и 5-я батареи 1-й гренадерской артиллерийской бригады под общей командой полковника Л. Н. Бельковича действовали настолько эффективно, что был разбит весь арьергардный отряд противника, вместе с подошедшим подкреплением. В документе, посвященном описанию боя, упоминаются умелые действия капитана Колпакова и штабс-капитана Язева. Че-

---

[1] *В. Б. – К.* Генерал Платон Алексеевич Лечицкий // Военная быль. 1965. № 72. С. 4,5.
[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 7. Л. 306.
[3] *Папенгут,* генерал-лейтенант. Бой 18-й пехотной дивизии 18, 19 и 20 октября 1914 года под п. Опатов // Военная быль. 1964. № 68. С. 13, 14.
[4] РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 77. Л. 244.

рез некоторое время 4-я батарея под командованием капитана Бартошевича и штабс-капитана Щеголева умелым маневрированием и ведением точного огня во многом обеспечила успех действий 4-го гренадерского Несвижского полка. Полк захватил позиции противника, пленил 18 вражеских офицеров и более 1000 солдат[1].

Примеров, подобных приведенным выше, в источниках отражено большое количество, привести их все или большинство из них не представляется возможным.

В целом, в ходе Варшавско–Ивангородской операции противник потерпел поражение. Цель германского наступления, состоявшая в оказании помощи союзной Австро-Венгрии, достигнута не была, войска генерала П. фон Гинденбурга, ведшие бои между Варшавой и Ивангородом оказались под угрозой окружения и отступили, а 1-я австро-венгерская армия была разгромлена. В то же время преследование противника русское командование организовать не сумело, ему удалось избежать решительного поражения и отойти.

В сложившейся обстановке русское командование приняло решение о вторжении в пределы Германии[2]. Однако немецкое командование, узнав о планах русских из перехваченных радиограмм, само начало превентивные действия в районе Лодзи. Их целью являлось нанесение ударов во фланг и тыл русских 2-й и 5-й армий, с последующим их окружением и разгромом. Начались боевые действия, получившие название Лодзинская операция (29 октября (11 ноября) – 6 (19) декабря 1914 г.).

Не вдаваясь в подробности вооруженного противоборства, отметим лишь, что Лодзинская операция стала одной из сложнейших операций маневренного периода войны. В ходе операции русское командование производило крупные перегруппировки войск, обходы и окружение сил противника, вело встречные бои и сражения, вело как наступательные, так и оборонительные действия. Так, ударная

---

[1] Там же. Л. 54–54 об.

[2] См.: Лодзинская операция: сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914 –1917 гг.). М. – Л., 1936. С. 58–80.

группа германских войск генерала Р. Шеффера 5–6 (18–19) ноября обошла правый фланг русской 2-й армии, вышла ей в тыл и почти завершила окружение. Но подошедшая 5-я русская армия генерала П. А. Плеве, который активно использовал маневр и фланговые удары, сумела остановить противника и не позволила завершить окружение[1]. Более того, в ходе боев группа генерала Р. Шеффера сама оказалась в окружении, и лишь с большими потерями сумела прорваться.

В ходе Лодзинской операции «мужественно и талантливо» руководил боевыми действиями начальник 24-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Н. П. Рещиков, неоднократно оказывавший помощь нашим войскам, «находившимся в трудном положении»[2].

К сожалению, в ходе боев со стороны командования фронта, армий и корпусов неоднократно наблюдалось неверное понимание обстановки, недооценка важных разведывательных данных и нераспорядительность. Подобное было характерно для командующего Северо-Западным фронтом генерала от инфантерии Н. В. Рузского, командующего 1-й армией генерала от кавалерии П. К. фон Ренненкампфа, командующего 2-й армией генерала от кавалерии С. М. Шейдемана и ряда командиров корпусов. В числе комкоров таковыми были командир II армейского корпуса генерал от инфантерии А. Е. Чурин, V Сибирского корпуса генерал-лейтенант Л. Л. Сидорин и некоторые другие[3].

Например, командование Северо-Западного фронта в лице генерала Н. В. Рузского не оценило возможность уничтожения группы генерала Шеффера, вырвавшейся из окружения, и приказало нашим войскам отходить. Между тем, как телеграфировал Н. В. Рузскому генерал П. А. Плеве, преследование немцев, с учетом усталости противника, могло «дать самые решительные результаты»[4].

50-я пехотная дивизия (входила в состав V Сибирского армейского корпуса), под командованием генерал-лейтенанта Н. С. Бердяева, располагавшаяся пра-

---

[1] Там же. С. 19–20.
[2] Награды георгиевским кавалерам // Разведчик. 1916. № 1339. С. 431.
[3] *Корольков Г. К.* Лодзинская операция 2 ноября – 19 декабря 1914 г. М., 1934. С. 35, 75, 95, 98, 99, 194, 195.
[4] 10 (23) ноября 1914 г. Варшава, главнокомандующему // Лодзинская операция: сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914 –1917 гг.). С. 288.

вее VI армейского Сибирского корпуса, отошла, не предупредив соседей. Противник воспользовался этим, и занял г. Гомбин, находившийся на фланге VI армейского Сибирского корпуса, в результате чего тот оказался в тяжелом положении, попал под сильный огонь противника и с опозданием начал намеченное наступление[1].

В то же время, в ходе Лодзинской операции зафиксировано множество примеров умелых действий офицеров полкового, батальонного, ротного звеньев и равных им частей и подразделений в других родах войск. В силу ограниченности объема диссертации, приведем лишь несколько фактов. Так, под Влоцлавском, в бою с превосходящими силами противника 30 октября (12 ноября) 1914 г., 198-й пехотный Александро–Невский полк, под командованием полковника В. И. Петровича долго держался в тяжелой ситуации и нанес тяжелые потери противнику: один из германских кавалерийских полков потерял до 50 % личного состава[2].

В бою у д. Виняры 140-го пехотного Зарайского полка подпоручик Херсонский, командовавший двумя пулеметными взводами, по собственному почину выставил пулеметы на дамбе, напротив правого фланга неприятеля, что позволило поражать противника в окопах продольным огнем. Это лишило неприятеля возможности стрелять по нашим атакующим частям, и во многом обеспечило успех нашей атаки. В этом же бою была продемонстрирована «полная гармония действий двух родов войск» – пехоты и артиллерии[3].

Капитан 94-го пехотного Енисейского полка А. П. Федоров вместе с батальоном, которым он командовал, оказался отрезанным от основных сил. В этой ситуации капитан принял неожиданное для противника решение: он повел подчиненных на прорыв, но не по направлению к русским позициям, а в тыл немцев. В

---

[1] 6 (19) ноября 1914 г. Генерал-адьютанту Рузскому // Лодзинская операция: сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914 –1917 гг.). С. 206.
[2] *Корольков Г. К.* Лодзинская операция 2 ноября – 19 декабря 1914 г. С. 33
[3] РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 77. Л. 42, 42 об.

конечном итоге, противник понес большой урон, а батальон сумел присоединиться к своему полку[1].

Боевые действия продолжались и в декабре, однако, несмотря на большие потери с обеих сторон, к каким-либо значимым результатам не привели. Результатом Лодзинской операции стало то, что наступление австро-германских войск было отражено, и противник не достиг намеченной цели. Как писал Э. Людендорф, «…крупная оперативная цель – уничтожить русских в излучине Вислы – не была достигнута»[2]. В то же время осуществить вторжение на территорию Германии русские войска уже не смогли и отступили вглубь Польши.

Кроме того, для проведения операции германское командование сняло с Французского фронта четыре корпуса и несколько кавалерийских дивизий, и перебросило их на Русский фронт. Это оказало значительную помощь союзникам России по Антанте, «… отняв у немцев возможность, продолжать наступательные действия и принудив их на западном фронте надолго зарыться в окопы»[3].

В ходе кампании 1914 г. на Русском фронте противник не достиг намеченных целей, о чем свидетельствуют итоги сражений, произошедших в первый год войны. Что касается мировой войны в целом, то в срыве стратегии блицкрига русская армия сыграла весьма значительную роль, как путем боевых действий против противника, так и отвлечением на себя его сил с западноевропейского театра военных действий. В том, что результаты кампании оказались именно такими, несмотря на ошибки и недостаточную компетентность ряда представителей высшего комсостава, вряд ли можно преуменьшить роль командного состава русской армии. Следовательно, большая часть русского офицерского корпуса проявила себя способной к решению боевых задач в соответствии с предназначением.

Кампания 1915 года. В 1915 г. германо-австрийские войска главные удары наносили не на Французском, а на Русском фронте, с целью разгромить русскую

---

[1] *Михайлов А. А.* Боевой путь 24-й пехотной дивизии в составе войск Северо-Западного и Северного фронтов. 1914 –1917 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. 2014. № 5 (29). С. 25.
[2] *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 2014. С. 98.
[3] *Данилов Ю. Н.* Россия в мировой войне 1914–1915 гг. Берлин, 1924. С. 245.

армию и вывести Россию из войны. В феврале немецкое командование приступило к проведению Августовской наступательной операции, цель которой состояла в разгроме 10-й русской армии, с осени 1914 г. действовавшей в Восточной Пруссии.

Разгром 10-й армии предусматривалось осуществить охватом ее с обоих флангов силами двух немецких армий. Однако, несмотря на обходный маневр противника, большей части сил 10-й армии, хотя и беспорядочно, но удалось отойти. Кроме того, несмотря на отступление, армия прикрыла пути сообщений Северо-Западного фронта с территорией России. Главную роль в обеспечении выхода армии из-под удара сыграли III Сибирский армейский корпус и XXVI армейский корпус, остановившие наступление германских войск. Действия корпусов возглавил генерал-лейтенант В. О. Трофимов, который, приняв общее над ними командование, «… выдержал бой с превосходящими силами противника, вывел войска на указанные ранее позиции и выручил их от грозящей им опасности»[1].

В то же время, немцы окружили XX армейский корпус, входивший в состав 10-й армии, между городами Августов и Гродно. Командование корпуса не сумело вывести его из окружения. В конечном итоге, корпус был разгромлен. Значительная его часть погибла при попытке прорыва, оставшиеся в живых были пленены; из окружения удалось вырваться лишь двум полкам. Непосредственными причинами того, что XX армейский корпус попал в окружение, явились неверные распоряжения командующего 10-й армией генерала от инфантерии Ф. В. Сиверса и командира корпуса генерала от артиллерии П. И. Булгакова. Начальник одной из дивизий, входивших в состав XX корпуса, впоследствии отмечал, что когда под ударом оказался правый фланг и тыл корпуса, Ф. В. Сиверс решил, что корпусу отступать не следует, из-за чего два дня были потеряны. Эта задержка послужила важнейшей причиной окружения и гибели XX армейского корпуса. Сам генерал Ф. В. Сиверс не организовал

[1] Награды георгиевским кавалерам, объявленные в высочайшем приказе от 21 июня 1915 г. // Разведчик. 1916. № 1339. С. 431.

взаимодействие между корпусами армии и уехал в Гродно. Более того, хотя в город вошло большое количество отступивших войск 10-й армии, ее командующий не сумел организовать действенную помощь окруженному корпусу генерала П. И. Булгакова[1].

Сам командир XX армейского корпуса также совершил ошибки. В частности, он единолично управлял всеми войсками в ходе отступления, не допуская к обсуждению обстановки даже начальников дивизий. Движение корпуса через Августовские леса совершалось «…вопреки основ военной науки… одной общей колонной, вперемешку войска и обозы, несмотря на то, что налицо представлялось три пути для каждой дивизии»[2].

Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал от инфантерии Н. В. Рузский недооценил опасность положения 10-й армии, имевшей открытый и лишенный резервов правый фланг, и не предпринял необходимых мер.

Иначе проявило себя, находясь в окружении, командование ряда частей и подразделений, входивших в состав XX армейского корпуса. Именно благодаря этим категориям офицеров корпус сражался в окружении длительное время. Они умело вели боевые действия, активно использовало тактические приемы. Так, при отходе 108-го пехотного Саратовского полка использовался способ, когда «… роты и пулеметы по очереди переходили с одного холма на другой», задерживая противника огнем, то есть, умело использовался рельеф местности. Несколько позже, при попытке XX армейского корпуса прорваться из окружения у д. Махарце искусно действовала 27-я артиллерийская бригада (командир бригады – генерал-майор В. Н. Фолимонов), батареи которой на виду у противника заняли открытые позиции. В результате появилась возможность вести огонь по противнику прямой наводкой, что создало благоприятную возможность для пехоты провести успешную атаку. Противник потерпел в том бою поражение,

---

[1] *Розеншильд – Паулин А.* Гибель XX армейского корпуса в Августовских лесах (из дневника начальника дивизии) // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1924. Кн. V. С. 285, 286.
[2] Там же. С. 287.

потеряв значительное количество убитыми, свыше 700 человек пленными, 13 орудий и 9 пулеметов[1].

Несмотря на поражение XX армейского корпуса, достичь цели Августовской операции противнику не удалось, 10-я армия не была разгромлена, и русские войска по-прежнему угрожали Восточной Пруссии. В силу данного обстоятельства германское командование в феврале 1915 г. начало наступление в направлении польского города Прасныш. Его целью являлся разгром 1-й и 12-й русских армий, чтобы те не смогли перебросить силы для поддержки 10-й русской армии. После этого предполагалось занять выгодное положение для наступления на Варшаву (навстречу австро-венгерским войскам, действовавшим со стороны Карпат) и, действуя совместно с ними, окружить все русские силы в Польше. Вначале противник добился некоторого успеха и захватил Прасныш. Однако 7 (20) февраля – 17 (30) марта русские войска провели Праснышскую операцию, в ходе которой немецкий план подготовки удара на Варшаву и глубокого обхода правого фланга Северо-Западного фронта был сорван. Один из советских военных историков отмечал, что «…немцы, заняв Прасныш, вынуждены были через два дня отдать его обратно, потеряв при этом свыше 6 000 пленными и оставив 58 орудий»[2].

Вскоре 10, 12 и 1-я русские армии перешли в общее наступление, нанесли поражение германским войскам и отбросили их на территорию Восточной Пруссии[3]. В ходе боев вновь прекрасно показал себя генерал от кавалерии П. А. Плеве, ставший командующим 12-й армией. Он действовал в активном наступательном духе, осуществлял фланговые удары, атаковал тыл и коммуникации противника[4]. Генерал-майор А. Н. Бунин, временно командовавший 4-й Сибирской стрелковой дивизией, в ходе Праснышской операции умело руководил действиями подчиненных частей, и нанес

---

[1] *Коленковский А.* Зимняя операция в Восточной Пруссии в 1915 году. М.-Л., 1927. С. 110.
[2] *Борисов А.* Праснышская операция // Военно-исторический журнал. 1941. № 3. С. 34.
[3] *Зайончковский А. М.* Маневренный период войны 1914–1915 гг. на Русском (европейском театре). М. – Л., 1929. С. 270.
[4] *Залесский К. А.* Первая мировая война. Энциклопедия. В 2-х ч. М., 2014. Ч. 2. Русская действующая армия. С. 412.

«решительное поражение» противнику. Начальник Уссурийской конной бригады генерал-майор Л. П. Киселев, удерживая важный участок фронта, в течение недели успешно отбивал атаки превосходящих сил противника «…и этим оберегал фланг расположения всего корпуса»[1].

С лучшей стороны показали себя в боях под Праснышем многие командиры частей и строевые офицеры. Командир 15-го гусарского Украинского полка полковник М. Н. Жуковский, получив боевой приказ, организовал взаимодействие с пехотными частями, поставил задачи каждому эскадрону, тактически верно руководил полком в ходе боя, маневрируя эскадронами в ходе атаки. Один из офицеров полка, участвовавший в бою у д. Козино, вспоминал, что «…глазам предстала редкая батальная картина: стремительная атака сибирских стрелков и проскакивающие их цепи, развернутые гусарские эскадроны»[2]. Боевая задача, стоявшая перед полком, была выполнена, указанные населенные пункты захвачены, взяты пленные и 4 орудия.

Командир 1-го дивизиона 9-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады полковник И. фон Гин в февральских боях у д. Малый Плоцк увидел, что противник атакует нашу пехоту, не успевшую окопаться. Под огнем неприятеля он быстро выдвинул свои батареи и занял позиции, с которых меткой стрельбой остановил наступление вражеских войск, дав нашей пехоте возможность закрепиться[3].

Лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады поручик Е. Шиловский в феврале 1915 г. в боях у д. Кобылин настолько искусно корректировал и управлял огнем полубатареи, что дал возможность своей пехоте отбить неоднократные атаки противника и заставил замолчать вражеские орудия[4].

Штабс-капитан Н. И. Ковалевский в бою 3 (16) февраля 1915 г. у с. Вариказа, командуя взводом из двух гаубиц, сумел заставить замолчать, а затем снять с

---

[1] Награды георгиевским кавалерам, объявленные в высочайшем приказе от 21 июня 1915 г. // Разведчик. 1916. № 1339. С. 431.
[2] *Левшин Б.* Атака Украинских гусар под г. Прасныш // Военная быль. 1972. № 116. С. 35.
[3] Георгиевские кавалеры // Разведчик. 1916. № 1358. С. 734.
[4] Георгиевские кавалеры // Разведчик. 1916. № 1359. С. 750.

позиции две вражеских батареи; одну в составе шести орудий, вторую – в составе четырех орудий[1].

Однако, в действиях русского командования, особенно высокопоставленного, были и ошибки. Например, командующий 1-й армией генерал от кавалерии А. И. Литвинов при решении наступать на левом фланге не обеспечил своего правого фланга, вследствие чего в начале операции Прасныш был захвачен противником. Отсутствовало должное взаимодействие между командующими армиями, что проявилось, в частности, в несогласованности действий I Сибирского (1-я армия) и II Сибирского (12-я армия) корпусов. Командиры корпусов также не всегда оказывались на высоте. Например, командир II Сибирского корпуса генерал от инфантерии А. В. Сычевский, получивший указание о преследовании противника и охвате его с севера, послал в обход лишь один полк. Этого было явно недостаточно для решения поставленной задачи[2]. Командир полка также проявил себя не с лучшей стороны, проявив полную пассивность. В целом, однако, итогом операции явился срыв замыслов германского командования по разгрому русских сил. В то же время, и планы русского командования по овладению Восточной Пруссией не увенчались успехом.

Параллельно с боевыми действиями на Северо-Западном фронте проходила Карпатская операция, которую в январе 1915 г. начали войска Юго-Западного фронта. Ее целью являлся прорыв через Карпаты на Венгерскую равнину и вывод Австро-Венгрии из войны. Карпатская операция проходила в тяжелейших горных условиях и в сильные морозы. В январе-феврале обе стороны понесли большие потери, но достичь решающих успехов не смог никто. В марте, однако, Блокадная армия генерала от инфантерии А. Н. Селиванова добилась крупной победы: была вынуждена сдаться крупнейшая австрийская крепость Перемышль, до того находившаяся несколько месяцев в осаде. В плену оказались свыше 110 тыс. военнослужащих противника, а также многочисленные трофеи[3].

---

[1] РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 77. Л. 322.
[2] *Борисов А.* Праснышская операция // Военно-исторический журнал. 1941. № 3. С. 34.
[3] Взятие Перемышля // Часовой. 1929. № 5–6. С. 18.

Однако немцы перебросили на этот участок дополнительные силы с других участков фронта, и развить успех русским войскам не удалось, Австро-Венгрия осталась в составе германского блока. В то же время, противнику был нанесен достаточно серьезный ущерб.

В апреле 1915 г. германское командование пришло к выводу о необходимости нанесения решающего удара по России и приняло решение прорвать оборону русских войск на узком (35 км) участке между верхней Вислой и подножием Бескид, представлявших собой систему горных хребтов в северной и западной части Карпат. Оборона русских войск здесь была слабее, так как ранее с этого участка были оттянуты значительные силы для проведения Карпатской операции. По названию расположенного в этой местности города Горлице задуманная операция получила название «Горлицкий прорыв».

В ходе подготовки операции противнику удалось создать решающее превосходство в силах и средствах, особенно в тяжелой артиллерии. Прорыв начался 19 апреля (2 мая) и уже к вечеру 22 апреля (5 мая), немцы прорвали все три линии русских позиций. Пробитая в русской обороне 35-километровая брешь вскоре была расширена до 100 километров, армии Юго-Западного фронта были вынуждены отойти. Впоследствии противник добился еще больших успехов на южном фланге русских армий. Наряду с недостатком материально-технического обеспечения наших войск, важной причиной успеха противника являлось то, что высшее русское командование допустило серьезные ошибки и просчеты. Так, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от артиллерии Н.И. Иванов свежие корпуса, передаваемые фронту Ставкой, вводил в бой небольшими частями, их контрудары были организованы плохо и не достигали цели[1].

Управление войсками на оперативном уровне в сложнейшей обстановке нередко было малоэффективным. Например, в ходе Горлицкой операции потерпела поражение 3-я армия Юго-Западного фронта (командующий – генерал от инфантерии Р. Д. Радко – Дмитриев). В этой связи командующий 8-й армией

---

[1] *Ростунов И. И.* Русский фронт Первой мировой войны. С. 242, 246.

того же фронта генерал от кавалерии А. А. Брусилов писал, что главная причина проигранного 3-й армией сражения – это «… отсутствие правильного управления армией… Связь штаба армии с корпусами была слабая; получались приказания противоречивые и запоздалые; приказания передавались зачастую не по команде, а прямо дивизиям и даже полкам… много частей войск, перепутанных и перемешанных, бродили, не зная куда идти и что им делать… Вообще, сумбур был полный»[1].

В то же время, столь жесткая оценка действий командования 3-й армии, вероятно, не во всем объективна. Следует учитывать, что Р. Д. Радко – Дмитриев в приказном порядке был вынужден выполнять указания главкоюза Н. И. Иванова, далеко не всегда соответствовавшие обстановке[2].

Кроме того, действия 3-й армии способствовали тому, что сам А. А. Брусилов отвел свою 8-ю армию без особых потерь; при этом отход войск 8-й армии создал еще большие сложности в положении 3-й армии.

В то же время, некоторые высшие военачальники проявляли себя с лучшей стороны. Во время Горлицкого прорыва австро-германских войск 9-я армия генерала от инфантерии П. А. Лечицкого неожиданно для противника начала наступление, и приковал к себе значительные силы противника, в том числе переброшенные с Горлицкого участка прорыва. В результате противник оказался отброшенным за реку Прут, облегчен отход 8 и 11-й русских армий. Лишь после этого 9-я армия стала отходить вместе с другими армиями Юго-Западного фронта[3].

Русское строевое офицерство, несмотря на тяжелое положение, в котором оказались наши войска, в локальных масштабах нередко организовывало эффективное сопротивление противнику. Например, в бою на хребте Яворник 23 апреля (по ст. ст.) 1915 г. 44-го пехотного Камчатского полка штабс-капитан Евнитский, находясь в составе батальона, которому угрожало полное окружение,

---

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 145. Л. 80.
[2] *Керсновский А. А.* История русской армии. Т. 4. С. 175.
[3] *В. Б. – К.* Генерал Платон Алексеевич Лечицкий (продолжение) // Военная быль. 1965. № 73. С. 14.

и в котором выбыли из строя комбат и почти все офицеры, принял командование на себя. Офицер «… с редким искусством восстановил строевую организацию, с частью оставшихся людей перешел в контратаку», опрокинул противника, а затем, расположившись на новой позиции, отбил повторные атаки неприятеля и обеспечил отряду, занимавшему хребет, возможность удержаться на своих позициях. На других участках на хребте Яворник высокие профессиональные качества показали того же полка подполковники Седлецкий и Полиновский[1].

27 апреля (по ст. ст.) 1915 г. 3-й взвод 2-й батареи 15-й артиллерийской бригады в районе с. Щавне вел арьергардный бой, прикрывая подступы к высотам, занятым нашей пехотой. Взводом на тот момент командовал офицер той же батареи капитан Мансурадзе, который разместил свои орудия всего в 50 шагах за линией наших стрелков, что позволяло вести огонь по противнику наиболее эффективно. Несмотря на то, что артиллеристы находились в зоне ружейного и пулеметного огня противника, в результате чего были убиты и ранены 12 человек, они, во главе со своим командиром, оказывали решающую помощь пехоте в отражении атак противника в течение всего дня[2].

30 апреля (ст. ст.) 1915 г. командовавший дивизионом 9-го гусарского Киевского полка подполковник Максимов принял верное решение не атаковать сильно укрепленные позиции пехоты противника в конном строю. Спешившись, гусары трех взводов под командой поручика Еремеева ударили с флангов и сумели очистить окопы, чем открыли путь на г. Снятин. Кроме того, гусары заняли переправу, по которой смогла перейти вся дивизия, притом, что мост был подготовлен противником к взрыву[3].

19–25 мая (по ст. ст.) 1915 г. в ходе отступления армий Юго-Западного фронта противнику был нанесен контрудар в районе р. Прут. Отряд из семи полков пехоты, с приданными артиллерийскими и кавалерийскими частями должен был форсировать реку и овладеть позициями противника. В сложнейших

---

[1] РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 77. Л. 86 об.
[2] Там же. Л. 95–96 об.
[3] Там же. Л. 296 об.–297 об.

условиях начальник отряда генерал-лейтенант Д. П. Парский сумел организовать скрытную переправу войск, после чего, несмотря на ожесточенное сопротивление противника, выполнил поставленную задачу. Действия отряда оказали существенную помощь 9-й армии Юго-Западного фронта, что было отмечено командующим армией. В ходе боя не только доблесть, но и высокое воинское мастерство показали многие офицеры, занимавшие различные должности. В их числе – командиры 320-го Чембарского, 317-го Дрисского и 319-го Бугульминского пехотных полков (подполковник Д. Д. Даценко, полковник П. М. Будилович и подполковник А. Р. Соболев соответственно), командир 8-го стрелкового полка полковник В. А. Рустанович и командир 318-го пехотного Черноярского полка полковник И. Ф. Лепик. Умело руководили подчиненными офицеры, входившие в состав отряда: подполковники Михайлов и Ягулов, капитан Свирин, штабс-капитан Ястребцов, поручики Попов-Преснов, Крылов, Белоножка, подпоручики Таланов, Мараев–Ферулев, Кобальский, прапорщики Панфилов и Гордеев[1].

В бою у г. Снятин участвовал 9-й гусарский Киевский полк, входивший в состав 9-й армии генерала П. А. Лечицкого. Поручик этого полка А. Еремеев с тремя взводами 30 апреля 1915 г. провел успешную разведку, после чего, заметив единственный на путях отступления противника мост через реку Прут, умело воспользовался местностью, скрытно подошел к переправе и после короткого боя овладел ею. Мост был удержан, несмотря на неоднократные контратаки противника. Это не позволило гарнизону противника г. Снятин отступить, и он в составе 2 тыс. человек был взят в плен подошедшими русскими частями. В том же бою поручик Е. Иванов, посланный с небольшой группой кавалеристов для рекогносцировки укрепленной позиции противника, проник в его тыл, определил точное распределение вражеских войск, расположение и устройство окопов и проволочных заграждений, взяв при этом трех человек в плен. Вернувшись, он

[1] Приказ 80-й пехотной дивизии № 114-а от 5 июня 1915 г. // Военная быль. 1965. № 73. С. 38–43.

своевременно доложил все добытые им сведения, чем «оказал незаменимое содействие занятию головными частями дивизии означенной позиции»[1].

Однако, несмотря на подобные примеры, в целом противник добился успехов на Юго-Западном фронте, и германское командование решило не останавливаться на вытеснении русских войск из Галиции и продолжить наступление на северном фланге русских армий – в Польше и Восточной Пруссии. Русские войска упорно сопротивлялись на всех направлениях, однако ввиду возможного окружения наших сил в западной части Польши было принято решение оставить Варшаву. При этом часть высшего комсостава русской армии проявила себя как умелые военачальники. Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал от инфантерии М. В. Алексеев разгадал намерение противника взять русские армии в Польше в клещи, и в сложнейших условиях руководил отходом войск через Польшу и Литву. Советские военные историки отмечали правильную организацию оборонительных действий командованием фронта. Отступая с рубежа на рубеж, наши войска отрывались от противника, что позволяло выходить из-под его ударов; искусно использовались резервы. В ходе 2-й Праснышской (оборонительной) операции, целью которой являлось прикрытие отхода русских армий из Польши, М. В. Алексеев своевременно перебрасывал подкрепления армиям, осуществлявшим прикрытие[2].

Несмотря на то, что в период эвакуации Варшавы командующий 1-й армией генерал от кавалерии А. И. Литвинов и его ближайшие помощники «не нашли в себе сил организовать и провести контрманевр»[3], русским войскам удалось решить стратегическую задау : обеспечить эвакуацию Варшавы и отход основных сил. Особенно отличился при этом командующий 12-й армией генерал от кавалерии П. А. Плеве, который «на каждый маневр германского командования… отве-

---

[1] Приказ по 9-й армии от 24 августа 1915 г. № 422 // Военная быль. 1973. № 122. С. 31.
[2] *Корольков Г.* Праснышское сражение. Июль 1915 года. Тактическое исследование. М.-Л.,1928. С. 142–143.
[3] Там же. С. 143.

чал соответствующим контрманевром и сам старался давить на волю противника»[1].

Способность управлять войсками в боевых условиях продемонстрировал ряд других генералов. IX армейский корпус генерал-лейтенанта А. М. Драгомирова участвовал в боях на Юго-Западном фронте, затем – на Северо-Западном фронте. «Умелое управление войсками, личный пример и доблесть командира корпуса…» явились важнейшим фактором того, что войска корпуса, несмотря на общее тяжелое положение 3-й армии, неоднократно переходили в частное наступление, завершавшееся успехом, с захватом трофеев и пленных. Так было, например, в боях под Рудником и Барановичами. В боях у населенного пункта Туробин IX армейский корпус «…искусно маневрируя… и переходя в частичные контратаки, не только сдержал втрое превосходного противника, но еще облегчил трудное положение соседей и положение всего правого фланга 3-й армии…»[2].

В июне 1915 г. XXXI армейский корпус генерала от артиллерии П. И. Мищенко участвовал в ряде непрерывных боев, совершив при этом фланговый марш и отходный маневр от позиции южнее Владимир – Волынска на Кобрин и далее на линию р. Ясельда. Сдерживая превосходящие силы противника, войска корпуса, искусно управляемые П. И. Мищенко «…не только не оставили противнику никаких трофеев, но переходя в… контратаки, наносили ему… чувствительные удары, причем под Логишином был разбит и в беспорядке отброшен за Ясельду весь 41-й германский резервный корпус»[3].

Командир V Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенант Н. М. Воронов, оборонявший со своими войсками, бывший фортовый пояс Варшавы, в течение 22 июля (ст. стиль) 1915 г. успешно отбил ряд немецких атак. Затем, выполняя приказание, в полном порядке и без потерь отвел корпус на правый берег Вислы, своевременно взорвав после этого мосты через реку. С 7 по 11 августа (по ст. стилю) в боях под г. Бельск искусными и решительными

---

[1] Там же.
[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 2. Д. 145. Л. 404 об. – 405.
[3] Там же. Л. 403–403 об.

действиями своего корпуса генерал предотвратил прорыв расположения русских войск. «При дальнейшем отходе армии к Лиде как арьергардными боями, так и занятием с корпусом ряда позиций… своими согласованными с обстановкой правильными и искусными действиями способствовал общему успешному выводу корпусов армии из-под ударов противника»[1].

В ходе Виленской операции в августе 1915 г. русские войска остановили германские войска, однако севернее Вильно между 10-й и 5-й русскими армиями образовался разрыв шириной в несколько десятков километров. Германское командование решило использовать этот фактор в своих целях. 27 августа (9 сентября) германская кавалерийская группа вошла в брешь в русской обороне и развернула наступление. Цель прорыва заключалась в окружении наших войск и нанесении им максимальных потерь[2]. Кроме того, противник стремился «… разъединить войска Северного фронта от войск Западного фронта»[3] (к этому времени Северо-Западный фронт был преобразован в два фронта – Северный и Западный).

Необходимо было заполнить брешь между Северным и Западным фронтом. «Выполнение этой задачи было построено на сочетании упорной, но пассивной обороны на фронте с активной обороной на фланге; для последней цели… была создана группа до 4 корпусов»[4]. Командовал сводной группой генерал от инфантерии В. Е. Флуг, одновременно являвшийся командиром II армейского корпуса. Шесть дней войска группы не только удерживали натиск превосходящих сил противника, но и переходили в наступление, приковывая его силы, предназначавшиеся для развития успеха неприятельской конницы в районе Вилейка – Молодечно. «Результатом… искусного руководства генералом Флугом войсками вверенной ему группы было то, что замысел немцев, намечавший окружение армии и угрозу тылу всех других армий фронта был разрушен…»[5], и русскому командованию удалось ликвидировать брешь в обороне на участке между 5-й и 10-й армиями.

---

[1] Там же. Д. 107. Л. 1087–1087 об.
[2] См.: *Баланин Д*. Вилейка. Бой 10-го сентября 1915 года // Военный сборник. 1916. № 10. С.41.
[3] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 2. Д. 138. Л. 26.
[4] Там же.
[5] Там же. Л. 26 об.

В сентябре 1915 г. немцы, прорвав расположение наших войск, подошли к важному железнодорожному узлу Молодечно. Генерал-майор Е. П. Карцов, приняв командование всеми частями, находившимися в Молодечно, быстро выработал план обороны и отбил все атаки противника, После этого, перейдя в наступление, обеспечил удержание Молодечно за собой[1].

В ходе боев, происходивших в период отступления русских войск из Польши и Литвы, нередко успешно руководили подчиненными и офицеры менее высокого ранга. Так, в начале июня 1915 г. два эскадрона лейб-гвардии Кирасирского полка получили приказ выбить противника из местечка Даукше. Местность, на которой располагались позиции противника, не позволяла провести разведку. По приказанию офицеров часть наших кавалеристов спешилась и, искусно маскируясь, заняла позиции для стрельбы за кустами, деревьями и бочками с водой. Затем кавалеристы окрыли залповый огонь и в пешем порядке пошли в атаку; одновременно был атакован правый фланг противника. Часть германского гарнизона была уничтожена, часть взята в плен. Населенный пункт был захвачен, что обеспечило нашим частям выход в тыл и во фланг противника и облегчило наступление нашей пехоте. Руководили боем штабс-ротмистр И. Л. Афанасьев и прапорщик А. М. Искандер[2].

В боях под Вильно в конце августа – начале сентября офицеры ротного звена лейб-гвардии 2-го стрелкового Царскосельского полка многократно проявляли тактическую смекалку и инициативу. В числе отличившихся офицеров были отмечены подпоручик Андреев, поручик Залесский 1-й, капитан Алексеев, поручик Добровольский 1-й, подпоручик Симонов, подпоручик Мандрыка и другие[3].

В бою, происшедшем 1 сентября (по ст. стилю) 1915 г. на участке Смердячи – Ляховичи (Западный фронт), наши части подверглись атаке превосходящих сил

---

[1] Там же. Д. 144. Л. 22–23.

[2] Там же. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 77. Л. 8–8 об.; *Искандер А.* Взятие деревни Даукше // Военная быль. 1965. № 74. С. 16–18.

[3] *Верцинский Э.А.* Из мировой войны. Боевые записи и воспоминания командира полка и офицера Генерального Штаба за 1914–1917 годы. С. 83, 89, 112, 113, 115, 122.

германских войск; русские войска были вынуждены оставить ряд населенных пунктов. Чтобы задержать дальнейшее продвижение противника, командир 300-го пехотного Заславского полка полковник А. Н. Михайлов ввел в бой свой последний резерв, однако немцы, получив подкрепление, начали охватывать фланговый 4-й батальон полка. Положение становилось критическим, но 4-й батальон под командой штабс-капитана Буланцева устоял и удержал позиции. Противник, получив новое подкрепление, повел наступление колоннами. В этот момент 6-я батарея 75-й артиллерийской бригады подполковника Василенко и 2-я батарея 26-го мортирного дивизиона подполковника Прибыловича «…метким огнем с близкой дистанции буквально смели эти колонны», чем задержали наступление противника до подхода корпусного резерва. С наступлением ночи противник прекратил атаки, и русские войска, получившие приказание отходить, выполнили его в полном боевом порядке[1].

8 октября (по ст. стилю) 1915 г. 81-й пехотный Апшеронский полк получил задачу перейти в наступление, чтобы сковать противостоявшего противника и лишить его возможности перебрасывать резервы на другие участки фронта. Полк перешел р. Щару и, преодолев несколько рядов проволочных заграждений, выбил противника из первой линии окопов. Затем командир полка полковник Е.В. Лебединский, не давая противнику опомниться, по собственной инициативе развил успех, захватив вторую линию укреплений и часть третьей. Два полка австро-венгерских войск были разгромлены полностью и один частично, взято в плен 25 офицеров, 1800 нижних чинов и 4 пулемета. Закрепившись на занятой высоте, полк отбил в течение дня две контратаки сил противника, прибывших на выручку разбитых частей, пока не получил приказание отойти на прежние позиции[2].

Говоря о кампании 1915 г., нельзя не отметить, что в целом она была для русской армии неудачной: наши войска понесли большие людские потери, пришлось оставить не только Галицию и Польшу, но и значительную часть Прибалтики. Не случайно современники назвали эти события «великим

---

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 2. Д. 138. Л. 350–351 об.
[2] Там же. Л. 134.

отступлением». Однако оно отнюдь не было паническим бегством разгромленных и неуправляемых русских армий, как это нередко изображалось. Русские войска сражались доблестно, при этом командование нередко проявляло себя с лучшей стороны. Офицеры в массе своей показали умение управлять войсками в боевой обстановке и решать поставленные боевые задачи. В то же время, негативное влияние небольшой по числу, но занимавшей принципиально важное положение в вопросах планирования и ведения боевых действий части высшего комсостава, оказывало крайне негативное воздействие на исход крупных операций и сражений. Однако другая часть генералитета, а также строевое офицерство и многие командиры частей своими действиями на поле боя отчасти «спасали» положение русской армии.

Не случайно начальник штаба германского Восточного фронта генерал пехоты Э. Людендорф, характеризуя действия русского командования в 1915 г., отмечал, что «русские часто предпринимали ожесточенные контратаки крупными силами…», искусно использовали пересеченную местность и успешно оказывали дальнейшее сопротивление. Он подчеркивал, что германским командованием «…производились попытки охватить русских, но они оставались всегда тщетными. Хотя русской армии и не позволили задержаться, но уйти ей удалось»[1].

Не случайно начальник германского генерального штаба Э. фон Фалькенхайн писал, что операции 1915 г. приняли «…другой оборот, чем это ожидалось» и «… задача уничтожения вооруженной мощи России в ее целом» не была решена[2].

Иными словами, противнику не удалось осуществить свой план по окружению и разгрому русских армий ни в Галиции, ни в Восточной Пруссии, ни в Польше. Несмотря на чрезвычайно тяжелое положение, в котором оказались на-

---

[1] *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. С. 136–137.
[2] *Фалькенхайн Э., фон.* Верховное командование 1914-1916 в его важнейших решениях. С. 179.

ши войска, русское командование сумело «…осуществить глубокий стратегический отход»[1].

Кампания 1915 г. на Русском фронте знаменовала собой крушение плана стран германского блока по выводу России из войны. Война на Восточноевропейском театре военных действий, как и на Западноевропейском, приобрела позиционный характер.

Кампания 1916 года. В 1916 г. державы Антанты приняли решение предпринять скоординированное наступление русских и англо-французских сил, при этом общее выступление союзных держав планировалось начать не позднее 1 июля (по нов. ст.). Однако 8 (21) февраля 1916 г. германские войска начали широкомасштабную Верденскую операцию, в ходе которой предполагалось достичь стратегической цели. Начальник германского генштаба Э. фон Фалькенгайн считал, что «задачу поражения Франции можно осуществить ограниченными силами. Для этого необходимо заставить французов истощать свои силы в борьбе за такой объект, для защиты которого французское командование будет вынуждено пожертвовать последним человеком»[2]. Как писал Н.Стоун, «таким местом, без сомнения, являлся Верден»[3]

В связи со сложившейся ситуацией сроки наступления были перенесены: его начало было запланировано на начало мая по новому стилю для русских войск и вторую половину мая для остальных союзных армий. Кроме того, французская сторона высказала просьбу еще об одном наступлении русской армии с целью «оказать… давление на неприятеля, дабы не дать ему возможности вывести с русского фронта свои войска»; в этой связи французское командование просило «немедленно начать все приготовления к переходу в наступление»[4]. Подобная просьба была высказана генералом Ж. Жоффром и в письме, переданном генералу

---

[1] *Ростунов И.И.* Русский фронт Первой мировой войны. С. 247.
[2] *Таленский Н. А*. Первая мировая война (1914–1918 гг.). М., 1944. С. 55.
[3] *Стоун Н*. Первая мировая война. Краткая история / пер. с англ. И. В.Лобанова. М., 2010. С. 110 –111.
[4] Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914–1918 гг. / Сост. Н.Валентинов; под ред. А.А.Свечина и др. М., 1920. Ч. I. С. 115, 117, 121.

М. В. Алексееву еще за несколько дней до начала работы межсоюзнической конференции.

Оценив ситуацию, русское командование пошло навстречу пожеланиям союзников. Как отмечал представитель Ставки в Союзном совете во Франции генерал Я. Г. Жилинский, намечавшееся мартовское наступление русской армии «…обрадовало Жоффра и штаб», но о нем «…старались не говорить, чтобы не обнаружить его»[1].

В этом контексте 5(18) –17 (30) марта 1916 г. была проведена Нарочская наступательная операция. Правофланговая 2-я армия Западного фронта и левофланговая 5-я армия Северного фронта предприняли наступление из района г. Двинска и озера Нарочь в общем направлении на Ковно (Каунас).

В первые дни операции ударная группа русских войск под командованием командира V армейского корпуса генерал-лейтенанта П. С. Балуева, наступавшая на левом фланге, достигла тактического успеха. Как отмечалось в документах того времени, «…расположение противника было прорвано, и войска овладели всей первой, сильно укрепленной полосой позиции противника на фронте озеро Нарочь – болото Оступы и на нем закрепились»; нашими войсками было захвачено 18 офицеров, 1255 нижних чинов, 18 пулеметов[2].

Однако наступление было предпринято в период большой весенней распутицы, на сильно укрепленные в инженерном отношении немецкие позиции. Командующий германскими войсками на Восточном фронте генерал П. фон Гинденбург в этой связи отмечал, что подобный выбор «…не столько зависел от свободной воли русского командования, сколько был продиктован необходимостью, связанной с просьбой союзников России о поддержке посредством нового наступления на Восточном фронте»[3].

---

[1] Представитель Ставки при штабе французского главнокомандующего начальнику штаба Верховного Главнокомандующего Алексееву. Телеграмма № 95. 12 марта (28 февраля) 1916 г. // Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств 1878-1917 гг. Серия 3: 1914-1917 гг. Т. 10. С. 388.

[2] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 2. Д. 144. Л. 60–61 об.

[3] *Гинденбург П., фон.* Из моей жизни / пер. с нем. М., 2013. С. 133.

Генерал от инфантерии А. Ф. Рагоза, в ходе наступления сменивший заболевшего генерала В. В. Смирнова на посту командующего 2-й армией, и генерал от кавалерии В. И. Гурко, буквально за несколько дней до начала наступления назначенный командующим 5-й армией, не сумели обеспечить взаимодействие подчиненных соединений. Наступление велось разрозненно, отдельными корпусами, наступавшими разновременно, без общей связи друг с другом, при значительной нехватке артиллерии[1].

Все вышеперечисленное привело к невозможности дальнейшего наступления и прорыва немецкого фронта. В ходе операции русские войска понесли серьезные потери и, в конечном итоге, оказать значимую помощь французской армии под Верденом не удалось. В то же время, если бы этого наступления не было, то, вполне вероятно, немцы перебросили бы на Западноевропейский ТВД более крупные силы. То есть, определенная помощь союзникам была все-таки оказана.

Выполняя решения, принятые на межсоюзнических конференциях, в Ставке приступили к подготовке операции в рамках запланированного общего наступления союзных армий. Потери французов под Верденом обусловили его перенос на Русском фронте – на 15 июня по новому стилю, Французском – на 1 июля[2].

В Ставке было запланировано, что главный удар будет наноситься Западным фронтом, вспомогательный – Северным и Юго-Западным фронтами[3].

Наступление русских войск, начавшееся на Юго-Западном фронте генерала от кавалерии А. А. Брусилова, как вспомогательное, через некоторое время приобрело совершенно иной характер, став главной частью действий русской армии против австро-германских войск. Замысел наступления предусматривал новую оперативную форму маневра в виде раздельных, но одновременных ударов в широкой полосе наступления. Преимуществом такого способа действий являлось то,

---

[1] *Зайончковский А.М.* Мировая война 1914–1918 гг. / изд. 3-е. В 2 т. М., 1938. Т. 2. С. 27, 28.
[2] *Базаревский А*. Наступательная операция 9-й русской армии. Июнь 1916 года. М., 1937. С. 8.
[3] См.: Директива начальника штаба Верховного Главнокомандующего от 11 апреля 1916 г. № 2017/806 // Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 5. Период с октября 1915 г. по сентябрь 1916 г. Позиционная война и прорыв австрийцев Юго-Западным фронтом (далее – Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 5). Приложение 3 / сост. В.Н. Клембовский. М., 1920. С. 111.

что противник не мог определить направление главного удара и сконцентрировать силы на наиболее опасном участке.

Авторство плана наступательных действий, особенно на главном Луцком направлении, традиционно отдающееся А. А. Брусилову, оспаривается некоторыми исследователями. Утверждается, что план прорыва под Луцком был подготовлен оперативным отделением штаба 8-й армии еще к ноябрю 1915 г., и развитие событий в мае – июне 1916 г. доказывает использование А. А. Брусиловым именно этих разработок[1]. Как бы то ни было, план был рожден русской военной мыслью.

В директиве на проведение фронтовой наступательной операции определялось, что главный удар должен был наноситься в направлении на Луцк силами 8-й армии генерала от кавалерии А. М. Каледина[2]. Фронт 8-й армии, наносившей главный удар, составлял более 230 километров, и проходил по болотистой местности. Удобным для прорыва являлся лишь участок в 22 километра. В такой ситуации А. М. Каледин принял смелое решение: сосредоточить на этом небольшом участке главные ударные силы армии – XL и VIII армейские корпуса, состоявшие из первоочередных дивизий, а также всю тяжелую артиллерию. Остальные три армейских и два кавалерийских корпуса обеспечивали действия армии на флангах и должны были удерживать позиции по всей остальной протяженности фронта. Начав наступление в указанный срок, 8-я армия в течение нескольких дней разгромила 4-ю австро-венгерскую армию, захватив 45 тыс. пленных, 66 орудий и 150 пулеметов. Был захвачен г. Луцк, где находился штаб 4-й армии противника[3]. В течение двух недель войска А. М. Каледина взяли в плен 1309 офицеров, 70 тыс. нижних чинов, захватила 83 орудия и 236 пулеметов[4].

В составе 8-й армии особенно успешно действовали части XL армейского корпуса. В силу сложившихся обстоятельств действительное управление войска-

---

[1] *Нелипович С.Г.* Наступление русского Юго-Западного фронта летом-осенью 1916 года: война на истощение? // Отечественная история. 1998. № 3. С. 42.
[2] Телеграмма А.А. Брусилова № 1048. Кому: Командарм 8, 11,7, 9, копия Наштаверх // Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. Приложение 4. С. 113.
[3] *А.К.* Луцкий прорыв // Часовой. 1929. № 9–10. С. 13.
[4] За неделю // Летопись войны 1914–1917 гг. 1916. № 96. С. 1529.

ми осуществлял начальник штаба корпуса генерал-майор М. М. Бутчик, волевой и способный военачальник. Прекрасно зарекомендовал себя в этих боях начальник 4-й стрелковой дивизии XL корпуса генерал-лейтенант А. И. Деникин, под командованием которого были прорваны все три линии неприятельских позиций и взят Луцк[1]. Не менее успешно действовала 2-я стрелковая дивизия XL корпуса, которой командовал генерал-лейтенант Ю. Ю. Белозора. Дивизия последовательно захватила все линии вражеских позиций, отбила контратаку противника, перешла к преследованию и форсировала р. Стырь, захватив неприятельские позиции на западном ее берегу[2].

Трофеями XL корпуса за первый же день наступления стали 34 орудия и 47 пулеметов, взяты в плен 254 офицера и 6386 солдат[3].

Значительных успехов добилась 9-я русская армия, которой командовал генерал от инфантерии П. А. Лечицкий. Перед решением каждой задачи он искусно перегруппировывал войска, в зависимости от того, куда направлялся центр их усилий. «При этом на главном направлении Лечицкий стремился развертывать и абсолютно и по сравнению с противостоящими силами противника максимальные силы…»[4]. В результате армия не только прорвала оборону противника, но и форсировала Прут, что привело к вытеснению 7-й австро-венгерской армии из Буковины и части Южной Галиции. В течение десяти дней 9-я армия продвинулась на 50 км, при этом противостоявшая ей 7-я австро-венгерская армия практически потеряла боеспособность. Ее потери составили свыше 133 тыс. человек, в том числе, 758 офицеров и около 40 тыс. солдат пленными. Трофеями русских войск стали 49 орудий, 120 пулеметов и 32 миномета[5].

Весьма эффективно командовал войсками II армейского корпуса генерал от инфантерии В. Е. Флуг (7-я армия). «Прорыв 2-го армейского корпуса генерала

---

[1] *Сергеевский Б. Н.* 50-летие со времени русской победы на Юго-Западном фронте 1-й мировой войны. Луцкий прорыв // Вестник первопоходника. 1967. № 69–70. С. 42.
[2] *Залесский К.А.* Первая мировая война. Энциклопедия. Ч. 2. Русская действующая армия. С. 54–55.
[3] *Рождественский М.* Луцкий прорыв. М., 1938. С. 16.
[4] *Базаревский А.* Наступательная армия 9-й русской армии. Июнь 1916 года. С. 146.
[5] *Рождественский М.* Луцкий прорыв С. 35.

Флуга удался блестяще. Позиции у Язловца, считавшиеся германцами неприступными…, были сокрушены…, 13-й австро-венгерский корпус был сброшен в Стрыпу»[1]. Только за два дня под Язловцом было пленено 235 офицеров и 9700 нижних чинов противника. Всего же за первые две недели наступления войска Юго-Западного фронта пленили 3350 офицеров, 169134 солдат, захватили 198 орудий, 550 пулеметов[2].

Что касается строевого офицерства, то оно в ходе боев не только управляло подразделениями и частями, но и совершенствовало тактику ведения боевых действий и внедряло ее в войсках. Например, опыт боевых действий показал, что для эффективного использования ручных гранат необходима особая согласованность в действиях военнослужащих, вооруженных гранатами. В этой связи несколько офицеров лейб-гвардии 2-го стрелкового Царскосельского полка во главе с капитаном Агаповым разработали и практически проверили тактику гренадерского боя. Была подготовлена специальная инструкция, вначале разосланная во все части дивизии, а впоследствии получившая более широкое применение. «Распоряжением штаба дивизии были, … учреждены учебные инструкторские курсы гренадерского боя, на которых подготовлялись инструктора для всех частей дивизии»[3].

Перед началом наступления 9-й армии была проведена эффективная артиллерийская подготовка, непосредственное руководство которой осуществлял помощник начальника артиллерии XI армейского корпуса подполковник Кирей. «Этот талантливый русский артиллерист сумел полностью использовать двухлетний опыт войны… и добиться наиболее четкого и эффективного плана артиллерийского огня и тщательного взаимодействия артиллерии с пехотой»[4]. Известно множество других примеров умелых действий офицеров в период летнего наступ-

---

[1] *Керсновский А. А.* История русской армии: в 4 т. Т. 4. С. 46–47.
[2] Летопись войны 1914–1917 гг. 1916. № 96 (официальный отдел). С. 168.
[3] *Верцинский Э.А.* Из мировой войны. Боевые записи и воспоминания командира полка и офицера Генерального штаба за 1914–1917 годы. С. 166.
[4] *Рождественский М.* Луцкий прорыв. С. 29.

ления 1916 г., привести которые не позволяет ограниченность объема диссертации.

К середине июня успехи русских войск привлекли пристальное внимание германского и австрийского командования. Сосредоточив на Юго-Западном фронте большое количество подкреплений, противник начал предпринимать серьезные контрмеры; последний успех наших войск в Галиции был достигнут в сентябре. После этого, несмотря на то, что попытки русских войск вести наступательные действия продолжались до декабря, заметных результатов они не принесли.

Говоря об итогах наступления, отметим следующее. О значительных потерях, понесенных противником в результате прорыва, облегчении положения Италии и французских войск под Верденом, а также отказе немцев от плана нанести удар по готовившим наступление на Сомме союзникам писалось неоднократно[1], поэтому отметим два менее известных момента.

Первое: с тех пор, как мировая война приобрела позиционный характер, и воюющие стороны построили сплошные полосы укреплений, прорвать такую оборону ни одной из сторон не удавалось. Например, на Западноевропейском театре военных действий попытки наступления завершались продвижением на несколько сот метров, при этом потери с обеих сторон составляли сотни тысяч человек. С осени 1914 г. был зафиксирован лишь один случай, когда наступавшие вклинились в оборону противника на 4,5 километра[2].

Между тем наступательная операция Юго-Западного фронта имела совершенно иные последствия: в ходе боев русские войска продвинулись на некоторых

---

[1] Напр.: *Бояринцев, полковник.* Страницы славы русского оружия: Луцкий прорыв // Военная быль. 1967. № 83. С. 32; *Сергеевский Б.Н.* 50-летие со времени русской победы на Юго-Западном фронте 1-й мировой войны, Луцкий прорыв // Вестник первопоходника. 1967. № 65–66. С. 37; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. Позиционная война и прорыв австрийцев Юго-Западным фронтом. С. 108; *Базанов С.Н.* Алексей Алексеевич Брусилов. М., 2006. С. 33–34; *Перепеловский К.* Роль и значение Русского фронта в войну 1914–1917 гг. по иностранным военным источникам (окончание) // Военная быль. 1971. № 112. С. 2–4; *Бобров А.А.* Брусиловский прорыв. М., 2014 и др.

[2] *Сергеевский Б.Н.* 50-летие со времени русской победы на Юго-Западном фронте 1-й мировой войны. Луцкий прорыв // Вестник первопоходника. 1967. № 65–66. С. 33.

участках на десятки километров, овладели большей частью Волыни и Буковины, частью Галиции.

Второе: общее положение Австро-Венгрии ухудшилось настолько, что ее армия до конца войны уже не могла самостоятельно вести активные действия. Более того, главное командование австро-венгерской армии обязалось «…не приводить в исполнение никаких… важных оперативных решений без предварительного соглашения с немецким верховным командованием»[1].

В то же время, первоначальный успех наступления в полной мере использован не был, и стратегических результатов на Русском фронте достигнуть не удалось. Одной из причин тому стал недостаток резервов на Луцком направлении, хотя на Юго-Западном фронте в целом их было вполне достаточно. Некоторые современники ставили в вину генералу А. А. Брусилову то, что он не создал сильный резерв для армии А. М. Каледина, стремясь добиться успеха и на остальных участках фронта, несмотря на их второстепенное значение. В результате развитие наступления 8-й армии стало невозможным, так как немцы перебросили из Франции дополнительные силы. Более того, в ходе прорыва командование фронта не только не усилило 8-ю армию, но, напротив, ослабило, изъяв из ее состава XXXII армейский корпус для наступления в другом направлении. Через некоторое время начальник штаба фронта генерал от инфантерии В. Н. Клембовский вообще приказал остановить наступление войск 8-й армии, несмотря на реальную возможность захвата такой «исключительно важной цели», как Ковельский узел сообщений. Между тем дальнейшее развитие наступления могло отрезать все германские войска, находившиеся в Белоруссии и Литве и оказать, тем самым, серьезную помощь войскам Западного фронта[2]. О неправильном использовании

---

[1] *Фалькенхайн Э., фон.* Верховное командование 1914–1916 в его важнейших решениях. С. 230.

[2] См.: *Сергеевский Б.Н.* 50-летие со времени русской победы на Юго-Западном фронте 1-й мировой войны. Луцкий прорыв // Вестник первопоходника. 1967. № 69–70. С. 49, 50.

резервов на Юго-Западном фронте говорит, в числе прочих, современный исследователь истории Брусиловского прорыва С. Г. Нелипович[1].

Негативную роль сыграла также несогласованность действий ряда высших военачальников, что привело к «невыполнению плана операций группы фронтов»[2] Наступление Западного фронта, неоднократно переносилось, и вместо 29 мая началось 20 июня (3 июля). Это позволяло противнику направлять почти все свои резервы против армий А. А. Брусилова, начинавших встречать все более сильное сопротивление австро-германских войск. В этой связи А. А. Брусилов писал М. В. Алексееву, что отказ командования Западного фронта переходить в наступление в намеченные сроки ставит Юго-Западный фронт «…в чрезвычайно опасное положение и, может статься, выигранное сражение окажется проигранным»[3].

Барановичская операция, проведенная 4-й армией Западного фронта (командующий армией – генерал от инфантерии А. Ф. Рагоза) успеха не принесла, фронт противника прорван не был. При подготовке операции 4-й армии сосредоточение наступательных группировок в корпусах во многом не соответствовало поставленным задачам[4].

Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал от инфантерии А. Н. Куропаткин 9 июля также попытался силами VI армейского корпуса 12-й армии прорвать оборону противника на участке Катериненгоф – Серуль. Попытка также закончилась безрезультатно[5].

Представляется, что эти и подобные им ошибочные решения были возможны в силу следующего. Управление огромными массами войск на протяженных фронтах и больших территориях, требовало «…помимо таланта…, больших тех-

---

[1] *Нелипович С.Г.* Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. М., 2006. С. 43.
[2] *Порошин А.А.* О некоторых уроках управления русской армией в 1916 г. // Доклады академии военных наук. Серия: Военная история. 2006. №. 5 (23). С. 142.
[3] Письмо главнокомандующего Юго-Западным фронтом А.А. Брусилова М.В. Алексееву от 5 июня 1916 г. Приложение 6 // Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 5. С. 115.
[4] *Порошин А.А.* О некоторых уроках управления русской армией в 1916 г. С. 145.
[5] Там же.

нических знаний и серьезной научной подготовки»[1]. Между тем командиры корпусов, командармы и главнокомандующие армиями фронтов изучали стратегию только во время учебы в академии Генштаба, в званиях поручиков или штабс-капитанов. Период их учебы хронологически относился ко времени, предшествовавшему русско-японской войне 1904–1905 гг., когда акцент делался на теорию, а не на практику. За длительное время, прошедшее с тех пор, военному делу они нигде больше не обучались, так как никаких курсов повышения квалификации для высших военачальников не существовало. Между тем теория и практика военного дела на рубеже веков значительно усложнились и изменились. Проводившиеся после неудачной войны с Японией раз в год стратегические военные игры вряд ли могли заменить собой систематическое изучение и получение практических навыков в столь сложной области, как управление соединениями и объединениями в боевой обстановке. Тем более что, как уже отмечалось, произошли значительные изменения в военном деле.

Невыполнению намеченных задач способствовало также отсутствие твердого руководства со стороны начальника штаба Ставки генерала от инфантерии М.В. Алексеева, проявлявшего недопустимую мягкотелость в служебных отношениях с главнокомандующими армиями фронтов[2].

Одним из последствий такого положения стало то, что когда наступательные действия на Западном и Северном фронте все же начались, ситуация на Русском фронте в целом, в том числе, в районе действий Юго-Западного фронта уже изменилась и не была столь благоприятной для русских войск. В июле на Русском фронте была «…сосредоточена вся австро-венгерская армия, за исключением сил, выделенных для обороны со стороны Италии, и до 70 германских дивизий, усиленных почти всей германской кавалерией»[3].

---

[1] Основы стратегии: курс Интендантской академии / сост. Н.П. Михневич. СПб., 1913. С. 28.
[2] См.: *Зайончковский А.М.* Мировая война 1914 – 1918 гг.: в 2 т. М., 1938. Т. 2. С. 47.
[3] Министр иностранных дел российским послам. Телеграмма № 3680. 29/16 июля 1915 г. // Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств 1878-1917 гг. Серия 3: 1914-1917 гг. Т. 8. Ч. 1. С. 519.

Таким образом, план общего наступления всех трех фронтов не был реализован, в основном, в силу причин субъективного характера. Вместо планировавшейся операции группы фронтов была проведена отдельная операция Юго-Западного фронта, которая, при всей ее значимости, стратегических результатов не дала.

Значительные успехи в 1916 г. были достигнуты русскими войсками на Кавказе. В начале года генерал от инфантерии Н. Н. Юденич, командовавший Кавказской армией, взломал систему укреплений противника и захватил крупнейшую крепость Эрзерум. Взятие крепости, являвшейся базой турецких сил в регионе, нанесло особенно сильный ущерб противнику, так как она являлась единственным укрепленным районом, прикрывавшим турецкие провинции Западная Армения и Анатолия и запиравшим пути из Закавказья внутрь Азиатской Турции[1].

Взятие Эрзерума, находившегося на высоте около двух километров над уровнем моря, происходило в сложнейших условиях. Многие военачальники считали, что атаковать крепость, обеспеченную с флангов труднопроходимыми горными массивами, в свою очередь, запиравшимися мощными фортами в зимних условиях невозможно[2].

Н. Н. Юденич, стремясь упредить переброску на Кавказ дополнительных турецких сил, освободившихся после поражения англо-французских войск в Галлиполийском сражении, в январе 1916 г., выбил противника с 60-верстной укрепленной полосы. Важным следствием этого успеха было то, что наши части спустились с горных областей в более удобные для ведения боевых действий районы[3]. В этот период отличились некоторые представители высшего комсостава, например, командир II Туркестанского армейского корпуса генерал-лейтенант М. А. Пржевальский. Получив задачу овладеть фортами, прикрывавшими один из горных проходов и выйти в тыл противнику, он, несмотря на активные действия двух турецких дивизий на флангах его корпуса, искусными действиями обеспечил

---

[1] Летопись войны (официальный отдел). 1916. № 84. С. 148.
[2] Штурм Эрзерума 2 февраля 1916 г. // Часовой. 1929. № 3–4. С. 19.
[3] Летопись войны (официальный отдел). 1916. № 78. С. 142.

прорыв обороны неприятеля и вывел свои войска в тыл Эрзерумского укрепленного района[1].

Умелое руководство подчиненными частями продемонстрировал начальник 4-й Кавказской стрелковой дивизии генерал-лейтенант Н. М. Воробьев. Под его руководством дивизия сломила сопротивление противника, находившегося перед ней и, глубоко продвинувшись вперед, оказалась в тылу турецких сил. Появление русских войск в тылу повергло турок в панику, и они бежали. Организовав преследование неприятеля, генерал Н. М. Воробьев захватил два важных населенных пункта, после чего русские части вплотную подошли к одному из крепостных фортов. 3-я турецкая армия оказалась в «совершенном расстройстве»[2].

Начальник 39-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Ф. Т. Рябинкин лично руководил действиями колонны войск их трех дивизий и шести дружин государственного ополчения. В результате был занят укрепленный горный массив, пленено свыше тысячи солдат и офицеров противника, захвачено 10 орудий[3].

В течение нескольких последующих дней турецкие войска были вынуждены отойти непосредственно к крепостным укреплениям. В дальнейших событиях следует особо отметить выдающуюся роль Н. Н. Юденича. Офицер штаба Кавказской армии полковник Е. В. Масловский отмечал, что, учитывая нарушение системы управления в турецкой армии и подъем морального духа в русских войсках, генерал Н. Н. Юденич принял решение о штурме Эрзерума. Однако наместник императора на Кавказе великий князь Николай Николаевич запретил атаку, считая обстановку неблагоприятной (в том числе, ввиду недостатка боеприпасов). Более того, он приказал отвести войска на зимние квартиры. В этой ситуации Н. Н. Юденич специально послал в район боевых действий группу офицеров штаба, которые, еще раз оценив обстановку, подтвердили правильность решения о штурме, могущего «…совершенно изменить в нашу пользу всю обстановку… на

---

[1] *Залесский К.А.* Первая мировая война. Энциклопедия. Ч. 2. Русская действующая армия. С. 434–435.

[2] См.: *Масловский Е.В.* Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 г. Париж, 1933. С. 253, 254.

[3] *Залесский К.А.* Первая мировая война. Энциклопедия. Ч. 2. Русская действующая армия. С. 477.

Кавказском театре». Генерал еще раз обратился к Николаю Николаевичу с настоятельной просьбой отменить приказ об отводе войск и добился этого, несмотря на возражения великого князя. При этом Н. Н. Юденич принял на себя личную ответственность за «могущие быть последствия»[1]. Представляется, что на подобный шаг мог решиться только полководец, обладавший не только большим военным талантом, но и гражданским мужеством.

Первым был взят форт, прикрывавший необходимое для продвижения войск ущелье. Эту сложнейшую задачу вместе со своими подчиненными решил полковник Д.-Б. А. Пирумов, являвшийся командиром 153-го пехотного Бакинского полка. Соседний 154-й пехотный Дербентский полк под командованием полковника К. К. Нижерадзе разгромил и взял в плен целый вражеский полк во главе с его командиром. Блестяще проявил себя командир 14-го Туркестанского стрелкового полка полковник Д. И. Андриевский, сумевший обойти еще один форт с флангов, после чего укрепление было захвачено. В последующие дни русские войска один за другим взяли все девять крепостных фортов. В ходе этих боев среди многих других офицеров отличился командир 3-го батальона 17-го стрелкового Туркестанского полка подполковник Кириллов. В зимнее время года он вброд перевел батальон под огнем противника через реку и взял форт. При этом 10-я рота батальона, которой командовал штабс-капитан Хаджи-Мурат, захватила четыре тяжелых орудия, другая рота – шесть полевых орудий[2].

3 (16) февраля 1916 г. Эрзерум полностью оказался в руках победителей. В ходе операции в руки победителей попали 323 орудия, большие склады оружия, боеприпасов, продовольствия, снаряжения, а также 235 офицеров и почти 13 тыс. солдат противника[3].

В течение 1916 г. произошел еще ряд сражений, в которых русские войска одержали победы над турецкими армиями. Почти все боевые действия проходили на территории Турции, в ее пределах было захвачено свыше 100 тыс. кв. км тер-

---

[1] См.: *Масловский Е.В*. Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 г. С. 259–260.
[2] Там же. С. 281, 282, 283, 290.
[3] Летопись войны 1916. № 84 (официальный отдел). С. 147.

ритории. На борьбу с русской Кавказской армией турецкое командование направило 54 % всех своих сил, что составило 29 дивизий, и почти все пополнения, предназначавшиеся для действий против англичан в Месопотамии[1].

Благодаря действиям русских войск положение Турции к концу 1916 г. было таково, что, по утверждению уже советских военных специалистов, если бы Англия не уклонялась от взаимодействия с левым крылом русской Кавказской армии, то Стамбул можно было бы принудить к сепаратному миру и вывести из войны[2].

Суммируя сказанное в настоящем параграфе, представляется необходимым высказать суждение об уровне боевой подготовки в годы Первой мировой войны обеих рассматриваемых групп комсостава: как строевых офицеров и командиров частей, так и высшего комсостава.

Большинство строевых офицеров русской армии с успехом руководили подчиненными силами в условиях боя и были подготовлены к ведению современной войны. С большой долей вероятности можно утверждать, что *именно данное обстоятельство* не позволяло противнику нанести решающее поражение русской армии, несмотря на ошибки и зачастую неэффективное руководство со стороны высшего комсостава. Иными словами, большинство строевых офицеров и командиров частей русской армии были способны решать боевые задачи в соответствии с предназначением. Главным доказательством тому служит тот факт, что в маневренный период войны и позже *противник не сумел достичь главной цели* – уничтожить русскую армию как организованную боевую силу, и война приняла позиционный характер «… на почве бессилия столкнувшихся друг с другом сторон найти решение прямым массовым ударом»[3].

То, что в ходе маневренной войны немцы не сумели разгромить русскую армию и вывести Россию из войны, имело особое значение, так как именно к такой войне в Германии готовили свои войска «…более сорока лет, воспитывая в

---

[1] Там же. С. 423.
[2] *Корсун Н. Г.* Первая мировая война на Кавказском фронте: оперативно-стратегический очерк. М., 1946. С. 77.
[3] Развитие тактики русской армии: сб. статей / сост. Д. В. Панков. М., 1957. С. 297.

духе ее свою армию…», будучи уверенными в своем превосходстве. Однако военный конфликт принял форму неподвижной позиционной войны, несмотря на все усилия немцев покончить с позиционным характером боевых действий[1].

Более того, в ходе позиционной войны развитие военного искусства во всех родах войск получило наибольшее развитие именно в русской армии, достигшей результатов, которых армии других стран не достигали.

Говоря о подготовке русских кадровых офицеров, вступивших в войну с ее началом, то, судя по результатам боевых столкновений на уровне вплоть до полков, она отнюдь не уступала подготовке германских офицеров. Недостатком русского офицерства, в сравнении с германским комсоставом, была его меньшая самостоятельность: в нашей армии существовала, как уже отмечалось ранее, чрезмерная опека и контроль вышестоящих начальников над подчиненными, в то время как в германской армии практиковалась самостоятельность командного состава. Однако в боевых условиях ограничивать самостоятельность офицеров было сложнее: строевые офицеры, в отличие от высших командиров во время боя находились среди солдат, и опека в это время вряд ли могла быть чрезмерной.

Интересны следующие данные: в 1909 г. среднее образование имели только 57, 86 % немецких офицеров, в 1912 г. – 65,1 %[2], что не позволяет говорить о неком их интеллектуальном превосходстве над нашими офицерами. Что касается сравнения подготовки русского офицерства и офицерства австро-венгерской и турецкой армий, то результаты боевых действий в годы мировой войны говорят сами за себя.

Конечно, в боях с таким сильным противником, как австро-германские войска, поражений в локальных боях не могло не быть. Однако это чаще всего это случалось не по причине тактической неподготовленности офицеров, а в силу иных обстоятельств. Имеются в виду явное превосходство противника в силах и средствах, что обусловливалось наличием у него более мощной артиллерии, не-

---

[1] *Герберт А.* Обучение и тактическая подготовка германской армии. М., 1925. С. 11.
[2] *Деметр К.* Германский офицерский корпус в обществе и государстве. 1650 –1945. М., 2007. С. 80.

распорядительностью и ошибками части русских генералов, отсутствием необходимых резервов, недостатком боеприпасов и т.д. Для пояснения этого тезиса укажем, что подразделения и части противника часто терпели поражения от русских войск, но это не означало, что командный состав врага был слабо подготовлен; в полной мере последнее относилось и к русскому офицерству. Что касается командиров частей, то советские военные специалисты отмечали: «В начале войны подлинными организаторами боя были командиры полков, которые ставили задачи пехоте и артиллерии и организовывали между ними взаимодействие»[1]. Об этом, в частности, свидетельствуют примеры, приведенные в параграфе.

В то же время, подготовка определенного числа командиров частей не соответствовала требованиям современной войны, о чем, в числе прочего, говорят факты отстранения их от должностей. Например, 35 бывших командиров пехотных полков в июне 1915 г. состояли в резерве[2] при штабе Двинского военного округа. При штабе Киевского военного округа в декабре 1915 г. состояли в резерве отчисленные от должности 9 командиров полков, а также 36 командиров частей, «удаленных от должности по болезни»[3].

Не способна была управлять своими подразделениями, в силу слабой подготовки, и некоторая часть офицеров, занимавших строевые должности. Как правило, они не являлись кадровыми офицерами. Так, артиллерийский офицер, участвовавший в обороне Варшавы осенью 1914 г. описывал следующую ситуацию. Командиры рот и младшие офицеры ополченской бригады, призванные из запаса «…спрашивали советов даже по части пехотной службы, о которой мы, артиллеристы, знали только по учебникам тактики да из частных разговоров с офицерами мирного времени»[4].

Конечно, подобный случай, вряд ли был единственным за все годы войны, но здесь необходимо учитывать, что это были офицеры запаса, которых призыва-

---

[1] Развитие тактики русской армии: сб. статей / ред. Панков Д.В., Гнедовец П.П. М., 1957. С. 313.
[2] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 155. Л. 4–4об.
[3] Там же. Д. 145. Л. 1–6.
[4] *Чижов П.Н.,* полковник. Артиллерийская оборона Варшавы в 1914 году (в районе 2-го сектора) // Военная быль. 1969. № 99. С. 4.

ли на службу без какой-либо дополнительной подготовки. В целом же, количество неподготовленных к выполнению своих обязанностей строевых офицеров не могло быть значительным в силу следующих обстоятельств:

офицеры военного времени, как отмечено в параграфе 2.1., проходили максимально насыщенный курс тактической подготовки на ускоренных курсах военных училищ и в школах прапорщиков;

после окончания этих военно-учебных заведений они дополнительно осваивали военное дело на повторительных курсах;

на фронте молодые офицеры приобретали практические навыки управления подразделениями в ходе военных действий, учились у старших товарищей по службе, имевших боевой опыт. Не случайно в источниках тех лет с лучшей стороны часто упоминаются офицеры в звании прапорщика. Через несколько месяцев они становились подпоручиками, а затем – поручиками и штабс-капитанами;

несмотря на то, что офицеры военного времени не были подготовлены на таком же уровне, как кадровые, подготовка обер-офицеров, окончивших ускоренные курсы военных училищ и школы прапорщиков, позволяла им успешно противостоять противнику. Тем более что германское офицерство также несло значительные потери, и ему на смену приходили военнослужащие, которые вряд ли могли быть обучены на уровне кадровых офицеров. Саратовский ученый Л. В. Ланник, исследующий германскую военную элиту времен Первой мировой войны указывает, что многие историки «…зачастую несколько преувеличивают уровень профессионализма германских солдат и офицеров»[1];

в случае если бы уровень боевой подготовки офицеров военного времени, число которых постепенно в разы превысило число кадровых офицеров, был низким и не позволял решать боевые задачи в соответствии с предназначением, то русские подразделения и части должны были бы постоянно терпеть поражения. Между тем, как было показано выше, в боях небольшого масштаба русские войска чаще одерживали победы над неприятелем. Не случайно описание случаев не-

---

[1] *Ланник Л. В.* Германская военная элита периода Первой мировой войны и Россия: восприятие и взаимовлияние: автореф. дис…. канд. ист. наук. Саратов, 2009. С. 10.

удач русских подразделений в боях на уровне взвод – рота – батальон и равных им подразделений в источниках встречается чрезвычайно редко. Многие участники Первой мировой войны отмечали, что в случаях равенства сил (например, рота против роты) германские подразделения не могли одолеть соответствующие русские подразделения. Участник мировой войны Я. А. Слащев, впоследствии ставший одним из самых талантливых военачальников Белого движения, указывал, что с немецким командованием наш высший командный состав бороться не мог, тогда как «…роты и батальоны боролись с успехом». Ему же принадлежат слова о том, что в ходе Первой мировой войны русские «...роты и батальоны и иногда полки действовали великолепно»[1].

В силу данных обстоятельств, примеры поражений наших войск в боях такого масштаба и неумелых действий командиров подразделений в диссертации не приводятся, как *немногочисленные* и *нехарактерные.*

Что касается подготовки значительной части высшего командного состава, то она, как и ранее, имела существенные недостатки. Сохранилось письмо в Ставку капитана Нарышкина, одного из офицеров Генерального штаба, изложившего свои наблюдения. Начав войну ротным командиром, он продолжил службу в качестве офицера Генерального штаба в штабах трех дивизий поочередно. Доложить о своих наблюдениях офицер посчитал своим долгом. В числе прочего он указал, что большинство неудач нашей армии связано с неумением высшего командного состава управлять войсками в бою, и привел целый ряд соответствующих примеров. Так, он описал случай, когда под г. Двинском ночная атака двух дивизий не удалась потому, что их послали наступать по глубокому белому снегу, и так продолжалось в течение 8–9 дней. В другом случае на фронте 400 шагов выставили на глазах немцев 9 тыс. штыков (3 полка), и приказали идти в атаку по болоту. Мнение ряда офицеров о том, что на этом участке атаковать нельзя (узость фронта, болото, перекрестный огонь, трудность борьбы с немецкими ба-

---

[1] *Слащев Я. А*. Причины разложения старой русской армии во время Европейской войны // Солдат удачи. 1996. № 12. С.16, 17.

тареями) было проигнорировано, более того, этих офицеров обвинили в трусости[1].

Другой фронтовой офицер, служивший в кавалерии, обратился в штаб Верховного Главнокомандующего с заявлением о том, что командиры кавалерийских корпусов генералы Г. О. Раух, В. А. Орановский, А. В. Новиков совершенно не пользуются авторитетом в офицерской среде. Причиной было названо то, что они «стяжали себе печальную славу», не умея управлять войсками в боевой обстановке. Начальник штаба Верховного Главнокомандующего М. В. Алексеев наложил на обращение резолюцию: «С этим согласен»[2].

Генерал-лейтенант В. М. Драгомиров, успешно командовавший рядом корпусов, а также служивший в должности начальника штаба Юго-Западного фронта, в свою очередь, указывал на ряд недостатков в подготовке военачальников высшего звена. Прежде всего, он отмечал неумение вести встречный бой, организовывать походные марши крупных войсковых единиц и ряд других[3]. Другой генерал-фронтовик – В. Е. Флуг – подчеркивал пассивность многих военачальников высокого ранга, выражавшуюся не только в отсутствии инициативы и предприимчивости, но и в замедленной реакции на действия противника[4].

Между тем без современных военных знаний, а также без инициативы, постоянно ожидая приказа свыше, который в условиях быстроменяющейся обстановки мог вовремя не поступить, вряд возможно было достичь успехов на поле боя. На подобные недостатки высшего комсостава указывал в своей работе советский военный теоретик Ф. П. Шафалович, отмечавший, кроме того, просчеты в оценке обстановки, медлительность в принятии решений, недостаток энергии и настойчивости в осуществлении намеченных планов[5].

---

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 47. Л. 9, 11.
[2] Там же. Д. 145. Л. 144.
[3] *Драгомиров В.* Подготовка русской армии к Великой войне. Ч. 1. С. 113–116.
[4] *Флуг В.Е.* Высший командный состав // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 268.
[5] *Шафалович Ф.* Встречный бой 10-го армейского корпуса на р. Золотой Липе 26–29 августа 1914 г. С. 107–109.

Не случайно некоторые военачальники высокого ранга отстранялись от должности именно в связи с несоответствующей подготовкой. Например, в декабре 1914 г. командующий 8-й армией Юго-Западного фронта А. А. Брусилов отчислил от должности командира VIII корпуса генерала от инфантерии Н. А. Орлова, так как выяснилась его полная неспособность командовать подчиненными частями. Доходило до того, что во время боев в декабре 1914 г. он в течение суток ничего не знал о положении двух дивизий своего корпуса, находясь от них в 10 верстах[1].

В 1915 г. были отчислены от должности генералы Н. В. Рузский и Н. И. Иванов, возглавлявшие Северо-Западный и Юго-Западный фронт соответственно[2], генерал от инфантерии Ф. В. Сиверс, командовавший 10-й армией[3], генерал от инфантерии Н. А. Епанчин, занимавший пост командира III армейского корпуса[4].

В июне 1915 г. при штабе Двинского военного округа состояли в резерве 32 отчисленных от должностей по несоответствию генерала[5], в декабре того же года – 2 бывших командира корпуса и 8 бывших начальников пехотных и кавалерийских дивизий[6].

В резерве при штабе Минского военного округа на 15 декабря 1915 г. числились 3 бывших начальника дивизий и 1 командир артиллерийской бригады[7].

При штабе Киевского военного округа в декабре 1915 г. состояли в резерве отчисленные от должности 1 командир корпуса и 3 начальника дивизии. Кроме того, в резерве состояли 13 генералов, «удаленных от должности по болезни»[8]. Такая формулировка часто использовалась, когда здоровых физически военно-

---

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 145. Л. 32.
[2] Там же. Л. 147.
[3] Там же. Л. 31.
[4] Там же. Л. 32.
[5] Там же. Д. 155. Л. 6–7об.
[6] Там же. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 185. Л. 48 –51, 70–76.
[7] Там же. Л. 64–66.
[8] Там же. Л. 1–6.

служащих, неспособных к управлению войсками, требовалось отстранить от должности.

О недостаточной подготовке многих представителей высшего командного состава писали некоторые деятели русской военной эмиграции. Так, бывший полковник Генерального штаба Б. Н. Сергеевский считал, что не обладали необходимыми для военачальников высшего ранга качествами генералы Я. Г. Жилинский, А. Е. Эверт, А. Н. Куропаткин, В. А. Сухомлинов, В. Н. Клембовский, Н. В. Рузский, М. Д. Бонч-Бруевич и другие. Все они занимали высокие посты в русской армии, вплоть до главнокомандующих армиями фронта. К числу талантливых военачальников Б. Н. Сергеевский относил великого князя Николая Николаевича, генералов М. В. Алексеева, П. А. Лечицкого, А. А. Брусилова, А .И. Деникина, В. Е. Флуга, А. М. Каледина и других, «усвоивших новые тактические взгляды»[1].

Аналогично рассуждал эмигрантский военный историк А. А. Керсновский. Он утверждал, что среди командующих армиями был ряд талантливых и волевых военачальников – генералы П. А. Плеве, В. И. Гурко, Д. Г. Щербачев, П. А. Лечицкий, В. Е. Флуг, Н. Н.Юденич. К ним же он относил неоднократно добивавшегося успехов в Галиции и Карпатах генерала Р. Д. Радко-Дмитриева, которого во время Горлицкого прорыва немцев в 1915 г. в приказном порядке принудили выполнять неверные распоряжения командующего фронтом генерал Н. И. Иванова. Однако их «… полководческое творчество было связано по рукам и ногам исключительно плохим» подбором главнокомандующих армиями фронтов (Н. И. Иванов, Н. В. Рузский, А. Е. Эверт, Я. Г. Жилинский)[2].

«Русский офицерский корпус имел в своих рядах многих выдающихся начальников»[3], – указывал германский военный историк В. Бекман. В их число он включал не только генералов, уже упоминавшихся авторами – эмигрантами, но и генерал-лейтенанта Н. Н. Головина, генерал-лейтенанта А. А. Гулевича, генерала

---

[1] *Сергеевский Б. Н.* 50-летие со времени русской победы на Юго-Западном фронте 1-й мировой войны // Вестник первопоходника. 1967. № 65–66. С. 35, 36, 37.
[2] *Керсновский А. А.* История русской армии. Т. 4. С. 175.
[3] *Бекман В.* Немцы о русской армии // пер. с нем. В.В Чернавина. Прага, 1939. С. 30.

от кавалерии Ф. А. Келлера, генерал-лейтенанта А. М. Крымова. К этой же категории он причислял генерала от инфантерии П. С. Балуева, генерал-лейтенанта К. Л. Гильчевского, генерал-майора В. В. Бискупского, генерал-лейтенанта К. К. Маннергейма и ряд других генералов русской армии[1].

Таким образом, оценки боевой подготовки кадрового командного состава русской армии, делавшиеся накануне Первой мировой войны, во многом оказались верными. Боевая подготовка, в том числе, тактическая у большей части русского офицерства (вплоть до командиров частей) в годы мировой войны была не ниже, чем у командного состава ведущих армий мира. Об этом свидетельствуют результаты кампаний 1914–1916 гг., в ходе которых противнику не удалось достичь намеченных стратегических целей. Кроме того, в боях на Юго-Западном и Кавказском фронте русской армией были достигнуты значительные успехи; некоторые успехи были достигнуты также на Северо-Западном фронте. Следовательно, офицеры русской армии, занимавшие основные строевые должности, в большинстве своем, были способны решать боевые задачи в соответствии с предназначением.

В то же время, значительная часть генералитета, занимавшая ключевые посты в системе военного управления (от начальников дивизий до главнокомандующих армиями фронтов) оказалась неспособной к управлению соединениями и объединениями в боевых условиях. Это происходило не только в силу недостатка современных военных знаний, но и ввиду отсутствия некоторых морально-боевых качеств. Речь об этом пойдет в следующем параграфе.

4.4. Морально-боевые качества русского офицерства

Моральный фактор играл и играет чрезвычайно важную роль в военных действиях. Данное обстоятельство отмечали как великие полководцы, так и теоретики военного дела. «Как бы хорошо ни была устроена, снабжена и обучена ар-

[1] Там же. С. 27–29.

мия… ее можно признать способною на победы… лишь постольку, поскольку ее личный состав удовлетворяет… нравственным… требованиям»[1], – отмечалось в Военной энциклопедии, издававшейся в начале прошлого столетия.

В рассматриваемый в диссертации период в русской армии употреблялся термин «воинский дух», которым обозначалась «…совокупность всех воинских качеств, присущих истинному воину…»: сознание своего долга, мужество, храбрость, дисциплина, самоотверженность[2], позволявших переносить испытания войны. В наши дни в российской армии и флоте чаще применяется термин «морально-боевые качества», включающий в себя аналогичные качества[3], что позволяет считать эти понятия тождественными.

Человеческая природа такова, что проявление морально-боевых качеств напрямую зависит от морально-психологического состояния военнослужащих, поэтому в настоящем параграфе эти понятия будут использоваться в тесной взаимосвязи. Способ, в соответствии с которым исследована проблема морального фактора в офицерской среде в военное время, изложен в параграфе 1.4. Ввиду принципиальной важности данного фактора, особенно в военное время, напомним, что показателями морально-психологического состояния офицеров являлись и являются значимость для них понятия воинская честь, внутренняя готовность выступить в любой момент на защиту Отечества, способность к самопожертвованию, когда этого требует выполнение боевой задачи. К таким же важным показателям следует относить верность присяге и следование боевым традициям русского офицерства. Квинтэссенцией всего перечисленного является поведение на поле боя.

Укажем также, что морально-психологическое состояние командного состава будет оцениваться, как здоровое, или нездоровое, с учетом внутренней градации этих понятий, предложенной психологами[4] и изложенное параграфе 1.4.

---

[1] Военное воспитание // Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 6. С. 484–485.
[2] Воинский (военный) дух // Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 7. С. 2.
[3] Война и мир в терминах и определениях / под общ. ред. Д. О. Рогозина М., 2004. С. 361.
[4] *Тютченко А.М.* Системный анализ понятия морально-психологического состояния военнослужащих и его оценки // Системная психология и социология. 2011. № 4 (11). С. 45.

В силу того, что морально-боевые качества и морально-психологическое состояние офицерства в хронологических рамках периода, указанного в диссертации, в общем и целом, не претерпевали значительных изменений, оставаясь стабильными, они, в отличие от уровня боевой подготовки, рассматриваются в одном параграфе.

Главным «экзаменатором» морально-боевых качеств и морально-психологического состояния военнослужащих являлась и является война. В этой связи показательна реакция офицерства на нападение Японии на Россию в 1904 г.. Один из современников описывал ее следующим образом: «…все лучшее, смелое, энергичное хлынуло на войну… перед глазами, стояла яркая, светлая цель – защитить Родину, пожертвовать собой ради нее»[1].

Чтобы попасть на войну, многие офицеры, служившие не на Дальнем Востоке, уходили в отпуска и добровольно поступали в части, участвовавшие в боевых действиях. Были случаи, когда родители военнослужащих обращались с прошениями к командованию не направлять их сыновей в район боевых действий, мотивируя это нахождением в рядах действующей армии других сыновей (в то время существовала возможность решения такой проблемы). Когда родители поручика Озевича и подпоручика Бенинсона, служивших в Виленском военном округе, не поставив сыновей в известность, обратились с такой просьбой к командующему округом, тот согласился удовлетворить просьбу родителей. Узнав об этом, оба офицера заявили, что не считают возможным не участвовать в боевых действиях, и обязаны исполнить воинский долг перед Родиной[2].

Как вели себя офицеры на полях сражений Русско-японской войны? Приведем некоторые факты из множества известных случаев. В апреле 1904 г. три русских стрелковых полка, участвовавшие в бою на р. Ялу, столкнулись с противником, пятикратно превосходившим их по численности. 11-й Восточно – Сибирский стрелковый полк был обойден с флангов и тыла и, чтобы прорваться к своим, командир неоднократно поднимал его в штыковую атаку. Впереди шли офицеры,

---

[1] *Толузаков С.* Настроение в корпусе офицеров армии // Разведчик. 1906. № 803. С. 203.
[2] Приказ войскам Виленского военного округа № 126 // Разведчик. 1905. № 766. С. 511.

среди солдат находился дважды раненый полковой священник о. С. Щербаковский и полковой оркестр, игравший полковой марш. Полк сумел прорваться, однако в ходе прорыва погибли полковой командир полковник Н.А. Лайминг, командиры двух батальонов из четырех – подполковники Дометти и Раевский, а также 10 обер-офицеров. Среди офицеров 12-го Восточно – Сибирского стрелкового полка в бою с противником в течение двух дней были убиты командир батальона подполковник Урядов и 9 обер-офицеров, получили ранения 11 обер-офицеров[1].

Очевидно, что в каждом из этих полков выбыло, по сути, до половины офицерского состава, однако оставшиеся в строю не впали в панику и продолжали выполнять свои служебные обязанности, как это делали их погибшие товарищи.

В ходе того же боя высокие морально-боевые качества проявил 22-го Восточно – Сибирского стрелкового полка капитан Зенкович, который «…присоединил к себе всех отставших, вынес всех раненых» и, находясь в окружении, сумел задержать противника, чем спас общее положение[2].

Командир одной из батарей 9-й Восточно – Сибирской стрелковой артиллерийской бригады подполковник Пащенко, получивший ранение в руку и контузию, в бою под Ляояном (июль 1904 г.) в течение 14-часового боя оставался в строю, осуществляя руководство огнем своих орудий. В том же бою подпоручик Соболевский, командуя отдельной полубатареей в 1-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригаде, противостоял артиллерии противника, превосходившей его силы в 5 раз, и уничтожил при этом 12 вражеских орудий. Во время атаки противника намеренно вызвал огонь на себя, чем способствовал отражению вражеского наступления[3].

В августе 1904 г. в одной из батарей 3-й Восточно – Сибирской стрелковой артиллерийской бригады в бою погибли все старшие офицеры. Ввиду этого обстоятельства командование батареей принял на себя штабс-капитан Соколовский,

---

[1] Официальные документы о войне с Японией // Военный сборник. 1904. № 6. С. 186, 189.
[2] Приказ 6-й Восточно – Сибирской стрелковой дивизии от 2 марта 1906 г. № 32 // Разведчик. 1906. № 812. С. 394.
[3] Военный сборник. 1904. № 11. С. 246.

который, несмотря на обстрел его позиций 44 орудиями противника, продолжал вести боевые действия. В бою погибли до 75 процентов орудийных расчетов, но огонь не был прекращен даже на краткое время[1].

Невзирая на то, что по приказу А. М. Стесселя Порт-Артур был сдан, оборона крепости, вне всякого сомнения, может быть названа героической. К середине декабря 1904 г. из 10 генералов, участвовавших в обороне крепости, погибли 2, умер 1, были ранены 2, получил контузию 1. Выбыли из строя почти все командиры полков: из 9 человек были убиты 2, умерли от ран 2, ранены 4. Потери среди 8 командиров полевых батарей были следующими: 1 человек убит, 4 ранены, 2 получили контузию. Большая часть других штаб-офицеров погибла или получила ранения. В госпиталях находилось до 14 тысяч больных и раненых, что составляло более ¾ гарнизона[2]. Один из корреспондентов писал, что накануне сдачи Порт-Артура раненых было столько, что они занимали все коридоры, и медицинский персонал по несколько часов не мог перевязать новых поступивших[3].

Проявление высоких морально-боевых качеств офицерами при обороне крепости признавалось даже видными деятелями революционного движения: «…как бы то ни было, в тесных пределах своей кастовой морали русское армейское офицерство проявило в Порт-Артуре высокую доблесть»[4].

214-му пехотному Мокшанскому полку была поставлена задача, прикрыть отход наших войск от Мукдена. В полку, не имевшем артиллерии и противостоявшем целой дивизии противника, в ходе боя выбыл из строя практически весь офицерский состав (37 раненых и убитых), а также 1606 нижних чинов, что составляло более половины личного состава. Командир полка полковник П. П. Побыванец, приказав оставшимся отойти, до последнего момента оставался на позиции и был смертельно ранен[5].

---

[1] Военный сборник. 1905. № 4. С. 194.
[2] Военный сборник. 1905. № 2. С. 175–176, 206.
[3] Различные известия, относящиеся к войне // Разведчик. 1905. № 747. С. 148.
[4] *Мартов Л.* Гибель Порт-Артура // За два года: сб. статей из «Искры». СПб., [б. г.]. Ч. 1. С. 673–674.
[5] *А – ов*. Полковник П. П. Побыванец // Разведчик. 1905. № 766. С. 516.

В начале февраля 1905 г. ротмистр Бояринов с 90 нижними чинами получил приказание задержать наступление японцев, чтобы можно было вывести артиллерию отряда, в который входили он и его подчиненные. У деревни Янцзитунь русские были окружены 6 эскадронами кавалерии и примерно 1 тысячью пехотинцев, однако, умело организовав бой, ротмистр успешно выполнил задачу. Отряд прорвался к своим, забрав при этом с собой всех убитых и раненых[1].

97-й пехотный Лифляндский полк в зимних боях 1905 г., стремясь предотвратить прорыв японцев в наш тыл, начал штыковую атаку. Командир полка полковник А. А.Молотков в ходе боя получил 5 ран, но разрешил эвакуировать себя с поля боя лишь после того, как наши войска закрепились на отбитом участке[2].

Случаи, когда раненые офицеры не покидали поле боя, были нередкими. Так, в 1-м Сибирском армейском корпусе в боях 12–15 января 1905 г. 27 раненых офицеров отказались покинуть строй. Об этом свидетельствует сохранившийся список офицеров, получивших ранения и контузии, но отказавшихся оставить поле боя. При этом в документе указывалось, что лица, получившие легкие ранения или контузии, в их число не были включены. В списке перечислялись такие офицер, как, например, капитан Евлампиев, служивший в 33-м Восточно – Сибирском стрелковом полку, который получил ранение в голову «с пробитием черепа». Служивший в том же полку штабс-капитан Зенкевич был ранен в живот, но отказался от эвакуации с поля боя и был вынесен только после тяжелого вторичного ранения в ту же область. В 35-м Восточно – Сибирском стрелковом полку полковник Славолинский остался на поле боя, несмотря на то, что получил три ранения – два пулевых и одно осколочное. Другой офицер того же полка, поручик Ягодкин, также трижды раненый, оставался на поле боя до окончания атаки[3]. 30-й артиллерийской бригады подпоручик Арне-Хоранов в бою под селением Инкоу

[1] Война с Японией: 30 января – 6 февраля // Разведчик. 1905. № 747. С. 145.
[2] Награждены орденом св. Георгия / Военный сборник. 1907. № 2. С. 287.
[3] РГВИА. Ф. 487. Оп. 1. Д. 258. Л. 254–255 об.

несколько раз участвовал в атаках, хотя до этого получил три пулевых ранения – в ногу, руку и лицо[1].

Известны случаи, когда офицеры, отказавшись долечиваться после ранений, и против воли врачей возвращались в свои части. В их числе, например, капитаны П. Носков, А. Погосский, а также подпоручик П. Шмидт, которые служили в 124-м пехотном Воронежском полку. В госпитале капитану П. Носкову ампутировали выше локтя левую руку, но он вместе с двумя другими офицерами возвратился в часть, которая вела активные боевые действия[2]. Примеров, подобных приведенным выше, было множество.

Через какую призму следует оценивать подобное поведение офицеров на полях сражений? М. И. Драгомиров, считающийся основоположником русской военной педагогики, писал: «Война и только война вызывает то страшное и совместное напряжение всех духовных сторон человека,… которое не вызывается никаким другим родом деятельности»[3]. С аналогичных позиций рассматривал поведение человека в экстремальных условиях войны другой военный ученый – Н. Н. Головин. Он указывал, что «…духовная сторона играет в боевой деятельности человека большее значение, чем в какой-либо другой отрасли его деятельности»[4].

Изучая поведение человека в боевой обстановке, Н. Н. Головин пришел к выводу, что смертельная опасность оказывает влияние на состояние человека или непосредственным образом, на уровне инстинкта, или опосредованно, через сознание. Непосредственной реакцией человека на опасность является стремление избежать ее. В том случае, когда это невозможно, возникает страх. Исследователь указывал, что его влияние на поведение большей части людей настолько велико, что он в огромной степени воздействует на их волю и чрезвычайно ослабляет ее. Если человек способен противостоять деморализующему воздействию страха, то

---

[1] Вестник русской конницы. 1907. № 18. С. 811.
[2] Приказ войскам 10-го армейского корпуса № 99 // Разведчик. 1905. № 768. С. 553.
[3] *Драгомиров М. И.* Разбор романа «Война и мир». Киев, 1895. С. 4–5.
[4] *Головин Н. Н.* Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца. СПб., 1907. С. 34.

это значит, что его мужество уравновешивает инстинкт самосохранения. Исходя из этих положений, Н. Н. Головин сделал неординарный, но, как представляется, правильный вывод: «…мужество никоим образом не есть акт рассудка, а представляет собою такое же чувство, как страх: последний направлен на физическое самосохранение, а мужество – на моральное»[1].

По мнению диссертанта, именно высокими морально-боевыми качествами и морально-психологической устойчивостью во многом объясняются большие потери среди офицерского состава, не искавшего безопасных мест. Так, 91 % офицеров 1-й Маньчжурской армии были убиты или получили ранения. Для сравнения: аналогичные потери среди нижних чинов составили 67 %[2].

Данные о потерях офицеров сухопутных войск за всю войну варьируются. Так, по одним данным, было убито 646, умерло от ран 194, пропало без вести 417, ранено 3689 офицеров. Общее число потерь среди офицеров, по этим данным, составляло 4946 человек[3].

Однако составители биографического сборника «Офицеры русской армии, погибшие в войне с Японией 1904–1905 гг.», подготовленного в РГВИА, ссылаясь на архивные источники, приводят несколько иные цифры. В частности, приводятся данные Главного военно-санитарного управления, в соответствии с которыми были убиты 841, ранены и контужены 4228 офицеров (количество умерших от ран среди общего числа раненых в сборнике не указывается)[4].

Офицеры, находившиеся в действующей армии, знали о социально-политической обстановке и революционных событиях в стране. В этом плане представляет интерес дневник командира артиллерийской батареи в Порт-Артуре штабс-капитан А. Н Люпова. Офицер неоднократно отмечал негативное влияние настроений в обществе на морально-психологическое состояние гарнизона крепости. В частности, он писал, что, судя по материалам, публиковавшимся в газетах,

---

[1] *Он же.* Наука о войне. О социологическом изучении войны. Париж, 1938. С. 98–99.
[2] *Колбе С.* Долг совести // Разведчик. 1906. № 809. С. 345.
[3] Заметки // Разведчик. 1906. № 793. С. 12.
[4] Офицеры русской армии, погибшие в войне с Японией 1904–1905 гг.: биографический справочник / сост. Д. К. Николаев [и др.]. М., 2018. С. 9.

многие выступают за поражение русской армии, что «…любви к своей Родине, там, в сердце России, уже нет…»[1].

Задав себе вопрос, необходимо ли в таких условиях «… проливать свою кровь и терпеть всю эту нравственную и физическую пытку войны…», офицер делает однозначный вывод: «… все должны биться до последнего»[2].

Другой военнослужащий, генерал-майор М. С. Столица, командовавший 54-й пехотной дивизией, в записях, сделанных в дневнике в январе 1905 г., отмечал: «Просто не верится, чтобы русские люди могли… не только не способствовать победить… врага, но еще и всеми мерами противодействовать!»[3]. Еще один офицер, участвовавший в войне, также отмечал негативное влияние событий в России на настроения офицерского состава[4].

Однако внутренние переживания не повлияли на морально-психологическую устойчивость офицеров и выполнение ими своего долга. Подтверждением тому, в числе прочего, служили 14 886 награждений боевыми орденами и наградным оружием, произведенных за участие в боях против японских войск[5].

Поведение большинства офицеров на поле боя показывало их здоровое (высокое) морально-психологическое состояние, духовность, стремление исполнить свой воинский долг, несмотря на смертельную опасность. Главным являлось сохранение воинской чести и выполнение боевой задачи, а не сохранение собственной жизни. Только нравственные побуждения могли подвигнуть офицеров, рискуя жизнью, вести себя подобным образом. Другие мотивы – желание прославиться, получить повышение по службе и награды, вероятнее всего, имели значение, но заставить жертвовать здоровьем и даже жизнью вряд ли были способны. Следовательно, Русско-японская война 1904–1905 гг. показала, что офицерский корпус русской армии обладал высоким морально-боевым потенциалом, а его вы-

---

[1] РГВИА. Ф. 487. Оп. 1. Д. 65. Л. 70, 95, 116.
[2] Там же. Л. 36, 95.
[3] Из дневника генерал-майора М.С. Столицы // Военный сборник. 1908. № 7. С. 82.
[4] *В.А.К.* Мысли о Мукденских боях // Вестник русской конницы. 1906. № 14. С. 597.
[5] *Иванов В. В.* Боевые награды российских героев войны 1904–1905 гг. // Россия и АТР. 2005. № 2. С. 26, 27.

сокое морально-психологическое состояние позволяло реализовать потенциал в боевых условиях. Данное обстоятельство свидетельствовало о том, что моральные качества командного офицерства позволяли ему решать боевые задачи в соответствии с предназначением.

Безусловно, в офицерских рядах были разные люди, в том числе те, кто не обладал необходимыми морально-боевыми качествами. По воспоминаниям современников, такими были, например, определенное число прапорщиков запаса, призванных в армию в ходе войны 1904–1905 годов. Один из кадровых военнослужащих писал, что офицерами такие прапорщики «…значились только по виду на жительство, а в действительности ушли от службы, потому, что или не любили ее, или оказались к ней непригодны»[1].

Отмечалось, что получив офицерский чин благодаря имевшемуся гражданскому образованию, они не обладали требовавшимися офицерам моральными качествами. Доходило до того, что такие лица, носившие офицерские погоны, в присутствии солдат отрицательно характеризовали армию, критиковали и осуждали действия командования, вели разговоры о бессмысленности военных действий, заявляли о желании как можно раньше вернуться домой[2].

По свидетельству современников, в бою они проявляли трусость и старались быть позади солдат[3]. Однако не эти чужеродные элементы определяли лицо русского офицерства, традиционно отличавшегося личной доблестью.

В годы Первой мировой войны морально-боевые качества русских офицеров проявились вновь. Один из немецких историков, участвовавших в мировой войне, писал: «За малыми исключениями, показал себя офицерский корпус русской армии в мировую войну доблестным и благородным противником»[4].

Отношение большинства русских офицеров к необходимости выступить на защиту Родины носило вполне предсказуемый характер. Как писал командир одной из кавалерийских частей, офицеры полка «словно опьянели от радости»,

---

[1] *В.А.К.* Мысли о Мукденских боях // Вестник русской конницы. 1906. № 14. С. 635.
[2] См.: *Уваров М.* О воинском звании и знании // Военный сборник. 1906. № 12. С. 131–132.
[3] *Толузаков С.* Настроение в корпусе офицеров армии. С. 203.
[4] *Бекман В.* Немцы о русской армии. С. 30.

готовясь к подвигам, славе и боевым наградам, «мысль об ужасах войны, в это время, никому не приходила в голову»[1].

Стремление «оградить честь, достоинство, целость России и положение ее среди великих держав»[2] было присуще самым широким кругам офицерства. Не только в самом начале войны, но даже в период «великого отступления» 1915 г., когда армия несла серьезные потери, офицеры, служившие в тыловых гарнизонах, стремились попасть в действующую армию. Об этом говорит, в частности, большое количество сохранившихся рапортов с просьбами отправить на фронт, в действующую армию[3].

Многие нижние чины не понимали причин войны и ее цели, поэтому наиболее доступным способом побудить их к выполнению обязанностей в ходе боевых действий являлся личный пример. О том, какое сильное влияние оказывало на солдат поведение офицеров, было известно с давних пор.

Наибольшая опасность для жизни военнослужащих возникала в период атаки, не случайно в войне 1812 г. ротные командиры, для воодушевления солдат, обязаны были идти в бою впереди подчиненных[4]. Однако в XX столетии технический прогресс обусловил качественные изменения в вооружении армий ведущих держав мира. В свою очередь, это значительно повлияло на военное искусство. Действовавшее в годы мировой войны в русской армии «Наставление для действий пехоты в бою» отнюдь не обязывало офицеров идти впереди солдат. «Каждый пехотный начальник должен находиться в районе действий своей части на таком месте, откуда ему удобно управлять подчиненными частями и, при возможности,

---

[1] *Устимович, генерал-майор.* Накануне Великой войны: из воспоминаний командира 8-го гусарского Лубенского полка // Военная быль. 1965. № 73. С. 8.

[2] Высочайший манифест // Русский инвалид. 1914. 22 июля. С. 1.

[3] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 2. Д. 19. Л. 1–773.

[4] *Воронцов М. С.* Наставление господам пехотным офицерам в день сражения [Электронный ресурс] // ArtOfWar: [сайт]. Режим доступа: http://artofwar.ru/k/kamenew_anatolij_iwanowich/nastawleniegospodampehotnymoficeram.shtml (дата обращения: 15.11.2016).

лично наблюдать за их действиями, а также за движениями противника и за соседними частями»[1].

Но не вести своих солдат в атаку лично среди офицеров считалось трусостью. Кроме того, в «Наставлении для действий пехоты в бою» отмечалось: «Офицеры должны подавать личный пример бодрости духа и беззаветной храбрости»»[2]. Поэтому только наблюдать и управлять подразделениями офицеры не считали возможным. Случаи, когда офицеры шли во главе атакующих цепей, доводя их, как требовало Наставление, до штыкового удара, были обыденным явлением. Офицеры, воевавшие в артиллерии, кавалерии, инженерных и прочих войсках, в силу специфики действий своих родов войск, как правило, не участвовали в штыковых атаках, но в ходе боев отличались не меньшей доблестью. Приведем некоторые характерные примеры поведения офицеров в сражениях 1914–1916 гг.

4 августа 1914 г. в бою у д. Допенен младший офицер пулеметной команды поручик Васильев, несмотря на разрешение уйти с позиции, по собственной инициативе остался прикрывать отступавшие под натиском противника русские части. Офицер продолжал огнем сдерживать противника, до тех пор, пока не был поднят немцами на штыки[3].

Прапорщик 2-й батареи 52-й артиллерийской бригады В. В. Щербаков в бою 11 октября 1914 г. у д. Бжустово выбрал наблюдательный пункт на крыше дома в 300 шагах от неприятельских окопов. Постоянно находясь под ружейным и пулеметным огнем противника, он корректировал стрельбу своей батареи. Будучи трижды ранен: в живот – смертельно, а также в плечо и руку, он продолжал передавать по телефону данные наблюдения на свою батарею[4].

Полковник В.-И. М. Тусский, командовавший 12-м уланским Белгородским полком, в бою у д. Руды 17 августа 1914 г. был ранен пулей в руку, но остался в строю. Был эвакуирован с поля боя только после второго ранения осколком в голову. В тот же день у д. Бржуховице вел бой 133-й пехотный Симферопольский

---

[1] Наставление для действий пехоты в бою. Киев, 1916. С. 6.
[2] Там же. С. 5.
[3] РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 77. Л. 253.
[4] Там же. Л. 304.

полк, которым временно командовал подполковник М. Аветчин. Получив ранение пулей в шею навылет, офицер не покинул поле боя[1].

27 августа 1914 г. 27-го пехотного Витебского полка прапорщик А. Кузнецов в бою под г. Томашов по собственной инициативе повел вверенную ему роту в штыки на неприятельскую батарею и окопы, увлек за собой другие роты полка и взял с боя 4 орудия противника[2].

В бою под Бялотарском в сентябре 1914 г. 50-й артиллерийской бригады капитан А. Ефремов, будучи старшим офицером на батарее, получил приказ об отходе. Снял батарею с позиции, сам же, жертвуя собой, из оставшегося на позиции орудия в упор расстреливал наступавшую немецкую пехоту, пока не закончились снаряды. После этого, несмотря на полученное ранение руки, лично снял орудие с позиции[3].

В бою под г. Гумбинен, происходившем 7 августа 1914 г., наша пехота вынуждена была отступать. Однако батарея подполковника П. Белоусова продолжала обстреливать наступавшего противника. Все офицеры и нижние чины батареи погибли, но их героическое поведение «выручило свою пехоту»[4].

В ноябре 1914 г. штабс-капитан Ф. Зенькович во главе взвода пулеметчиков прикрывал отход русских подразделений. Были отбиты три атаки противника, но в бою погиб весь личный состав. Штабс-капитан остался один, однако пулеметным огнем продолжал прикрывать отход нашей пехоты, до тех пор, пока не был заколот штыками[5].

26 ноября 1914 г. у с. Режице были окружены две русских роты. Командовавший ими 1-го Кавказского стрелкового полка полковник А. П. Микулинский, отверг предложение противника сдаться и отдал ротам приказ прорываться к

---

[1] Летопись войны 1914 года. Официальный отдел. 1915. № 32. С. 64.
[2] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 7. Л. 307.
[3] Георгиевские кавалеры // Разведчик. 1916. № 1360. С. 766.
[4] Летопись войны 1914–1915 гг. Официальный отдел. 1915. № 36. С. 70.
[5] Награды георгиевским кавалерам // Разведчик. 1916. № 1344. С. 509

своим. Сам офицер отходил последним. Вооруженный двумя револьверами, убил 6 немецких солдат, был дважды ранен – в ногу и бедро, и погиб в бою[1].

В бою 15 декабря 1914 г. у д. Виняры того же полка капитан М. Бобровников во главе батальона прорвал 3 ряда окопов противника, во время атаки был ранен разрывной пулей в руку, но продолжил участвовать в бою, закончив его разгромом немецких подразделений[2].

140-го пехотного Зарайского полка поручик Н. Клименко в ночь с 1 на 2 апреля 1915 г., при атаке укрепленной высоты в Венгрии с опасностью для жизни провел отряд русских войск, первым ворвался в окоп противника и, увлекая за собой нижних чинов, овладел высотой. В ходе боя был тяжело ранен, но до приведения роты в порядок остался в строю[3].

30 апреля 1915 г. 9-го гусарского Киевского полка поручик Е. Иванов всего с шестью гусарами атаковал полуроту противника, которая собиралась нанести удар с тыла нашему подразделению, прикрывавшему захваченный ранее мост. «Часть переколол и изрубил, остальных рассеял и захватил в плен 1 офицера и 20 нижних чинов и тем отразил грозившую опасность удара в тыл»[4].

6 июля 1915 г. лейб-гвардии Конно-гренадерского полка корнет В. Брилевич в бою на реке Западный Буг лично отбил пулемет, захваченный австрийцами, и под сильным огнем донес его (вес около 60 кг) до своих цепей, где был сражен неприятельской пулей[5].

В сентябре 1916 г. команду разведчиков 73-го пехотного Крымского полка, которую возглавлял подпоручик Волосатов, окружили превосходящие силы противника. В плен не сдался никто, все 9 человек полегли в неравном бою[6].

---

[1] Награды Георгиевским кавалерам // Разведчик. 1916. № 1343. С. 491.
[2] РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 77. Л. 30–30 об.
[3] Там же. Л. 30 об.
[4] Приказ по 9-й армии от 24 августа 1915 г. № 422 // Военная быль. 1973. № 122. С. 31.
[5] РГВИА. Ф. 2019. Оп. 2. Д. 440. Л. 8 об.
[6] Приказы армиям Юго-Западного фронта за 1916 год // Библиотека Национального исторического архива Беларуси (НИАБ). Инв. № 15288. Т. 2. Приказ от 11 октября 1916 г. № 1647 (нумерация страниц в деле отсутствует).

Поручик Т. А. Пудков, служивший в 167-м пехотном Острожском полку, в ходе боев неоднократно получал ранения, однако каждый раз оставался в строю, попадая на излечение лишь в бессознательном состоянии[1].

Известен случай, когда поручик Т. А. Пудков, чтобы поднять залегших под пулеметным огнем солдат, встал во весь рост и прошел вдоль цепи от фланга до фланга, поднял подчиненных в атаку и захватил первую линию окопов противника вместе с вражескими пулеметами[2].

Всего к июню 1916 г. имел 8 ранений и 1 тяжелую контузию, однако от должности в штабе корпуса, предложенной ему после очередного ранения, отказался[3].

Случаев, когда офицеры, рискуя и жертвуя жизнью, в тяжелейших ситуациях выполняли свой долг, в различных источниках зафиксировано великое множество, все их упомянуть невозможно.

Подобное поведение офицеров сильно влияло на солдат, но имело и негативные последствия – гибель большого количества офицерского состава. Генерал-лейтенант Н. Н. Головин указывал, что к весне 1915 г. кадровых офицеров в пехоте осталось от 1/3 до 2/5. Командиры батальонов и большинства рот были кадровыми офицерами, но все младшие офицеры – офицерами военного времени. «К осени того же года в пехотных полках остается всего от 10 до 20% кадрового офицерского состава. Уже не все батальонные командиры из кадровых; значительное же большинство ротных командиров – офицеры «военного времени»[4].

Через некоторое время кадровых офицеров в пехоте стало еще меньше. Его убыль демонстрируют, в частности, сведения об офицерском составе в некоторых полках. Так, изучение боевых аттестаций офицеров 1-го пехотного Невского полка за 1916 г. показало, что из 31 служившего в полку офицера (не считая командира полка) кадровых офицеров было лишь 4. Один из них занимал должность

---

[1] РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26983. Л. 418–419.
[2] Приказ Главнокомандующего армиями N- ского фронта от 25 июня 1916 г. № 3941 // Летопись войны 1914–1916 гг. 1916. № 104. С. 1667–1669.
[3] Там же. С. 1669.
[4] *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. Т. 1. С. 162.

помощника командира полка, двое были командирами батальонов, один – командиром роты[1]. В 24-м пехотном Симбирском полку во второй половине 1916 г. оставалось только 3 кадровых офицера. В 13-м лейб-гвардии Эриванском полку к концу лета 1915 г. кадровыми офицерами являлись только командиры батальонов. В 170-м пехотном Молодеченском полку к середине 1916 г. из «…вышедшего на войну офицерского состава уцелело менее 10 %»[2]. Подобная ситуация существовала почти во всех пехотных частях.

К 1917 г. потери офицеров в пехотных частях составляли 400–500 % (считая офицеров военного времени), то есть, командный состав сменился несколько раз. Не столь большими были потери в технических родах войск и кавалерии (например, в артиллерии, в зависимости от конкретной части они составляли от 15 до 40 %,)[3].

Как и в Русско-японскую войну, обычным явлением был отказ раненых офицеров покидать поле боя. Так, в «Разведчике» существовала специальная рубрика «Ранены, но остались в строю», в которой каждый раз назывались десятки фамилий.

Генерал-майор В. В. Чернавин, во время мировой войны занимавший ряд крупных должностей в штабах соединений и объединений, отмечал, что многие офицеры после ранения возвращались в части, «даже не долечившись». Более того, среди офицеров, после ранения признанных «… годными лишь для службы на тыловых и административных должностях», большинство возвращались на фронт, в свои части, «… если это не были совсем уж калеки…»[4].

Подобную тенденцию отмечал и генерал-лейтенант В. М. Драгомиров, бывший командиром корпуса и начальником штаба Юго-Западного фронта: «…поражало большое число раненых офицеров, возвращавшихся в строй. Солдат

---

[1] РГВИА. Ф. 2615. Оп. 1. Д. 208. Л. 2–48.

[2] *Чернавин В.* К вопросу об офицерском составе старой русской армии к концу ее существования // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1924. Кн. 5. С. 225, 226, 227, 228.

[3] Там же. С. 213.

[4] *Чернавин В.* К вопросу об офицерском составе старой русской армии к концу ее существования // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1924. Кн. V. С. 229.

пропорционально возвращалось втрое меньше»[1]. Представляется, что ничто иное не может показать нравственный уровень офицерского состава более отчетливо.

Важным показателем морально-боевых качеств офицеров являлось и то, что в плену оказывался относительно небольшой их процент. Этот вопрос рассмотрен в параграфе 3.2., поэтому отметим лишь, что в пропорциональном отношении офицеры попадали в плен в 2,3 раза реже, чем нижние чины[2].

Даже если учесть возможные неточности в подсчетах Н. Н. Головина, подобное соотношение вряд ли случайно: существует немало документальных свидетельств, говорящих о достаточно широком распространении среди солдат стремлений сдаться в плен и не участвовать в боевых действиях. Соответственно, солдаты нередко сдавались в плен добровольно, в то время как среди офицеров такие случаев фактически не было.

Среди офицеров практически не было дезертиров, в отличие от солдат, дезертирство среди которых приобрело в период мировой войны массовый характер. Известны только случаи, когда некоторые офицеры вовремя не прибывали к месту службы или без разрешения отлучались из части. Так, в прифронтовом Минском военном округе в декабре 1916 г. числилось 14 таких офицеров, несколько позже в приказе были упомянуты еще 6 человек[3].

В Киевском военном округе, также находившемся в прифронтовой полосе, в этот же период отсутствовали в своих частях 72 офицера[4]. Если учесть, что в офицерском корпусе в тот период насчитывалось несколько сот тысяч человек, то число таких военнослужащих можно признать незначительным.

Следует отметить, что все вышесказанное относилось не только к кадровым офицерам, но к большей части офицеров военного времени, показывавшего на полях сражений высокие моральные качества. Н. Н. Головин указывал на прочную спайку «нового офицерства» с оставшимися в живых кадровыми офицерами,

---

[1] *Драгомиров В.* Подготовка русской армии к Великой войне. Ч. 2 // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1924. Кн. V. С. 192.
[2] *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. Т. 1. С. 161.
[3] НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 2114. Л. 60, 170.
[4] Там же. Л. 82–82 об., 84.

отмечая, что спайка эта облегчалась причинами социально-психологического характера. Он указывал, что в отличие от лиц, находивших возможность устроиться в тылу, патриотично «… настроенная интеллигентная молодежь шла в армию и пополняла ряды нашего поредевшего офицерства. Происходил своего рода социальный отбор…. Этим и объясняется, почему наскоро испеченные прапорщики так скоро сливались со старыми боевыми офицерами в одно духовное целое»[1]. Как отмечал один из участников войны, «… прапорщик погибал и умирал совсем не хуже настоящих господ офицеров»[2].

Стремлением большей части офицерского состава участвовать в боевых действиях и достойно выполнить свой долг объясняется значительное число погибших, умерших от ран, раненых, пропавших без вести в годы мировой войны офицеров. Общее их число в звании от прапорщика до полковника, в соответствии с данными, приводимыми С. В. Волковым, составляет 57941 человек. Кроме того, было убито и умерло от ран 33 генерала, ранено и контужено – 97, пропало без вести – 2[3].

В другом современном исследовании указывается число в 51399 человек, в которое включены все виды потерь, в том числе, не боевые, а также военные чиновники[4].

На более значительную убыль офицерского состава – 90 000 человек, указывал Н.Н. Головин, использовавший термин «кровавые потери» (то есть, убитые, умершие от ран, раненые, контуженные и пропавшие без вести). По его подсчетам, в 1914 –1915 гг. они равнялись 53000 человек, в 1916 г. – 24500, в 1917 г. – 12500 человек[5].

Разница в числе называвшихся потерь, указывал Н. Н. Головин, существовала уже в годы мировой войны. По его мнению, это вызывалось тем,

---

[1] *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. Т. 2. С. 213.
[2] *Свидерский Д.* Об «отрицательных мифах» и о голой и горькой правде // Вестник первопоходника. 1967. № 65 – 66. С. 25.
[3] *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. С. 357.
[4] Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: статистическое исследование / Под общ.ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2001. С. 100.
[5] *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. Т. 1. С. 160.

что регистрацию потерь вели несколько различных организаций. При этом единообразная система регистрации потерь отсутствовала, сбор данных осложняло также «…беспримерное количество бойцов, переходы целых областей в руки неприятеля, длительность войны…»[1]. Кроме того, многие сведения были утеряны в период гражданской войны.

Исследования Н. Н. Головина показали, что «кровавые потери» среди офицеров доходили до 84 % всех потерь за годы войны, составляя у солдат 69 %[2].

Таким образом, можно утверждать, что в 1914–1916 гг. большая часть строевого офицерства показала морально-боевые качества, востребованные войной, при этом его морально-психологическое состояние было здоровым, устойчивым, и обеспечивало выполнение боевых задач в соответствии с предназначением.

Существовала и меньшая часть строевого офицерства, в основном, состоявшая из офицеров военного времени, ставших офицерами не добровольно, а в результате призыва в военные училища и школы прапорщиков. По морально-психологическому состоянию они вряд ли могли быть сравнимы с кадровыми офицерами и офицерами военного времени – добровольцами (см. параграф 3.2.)

Несмотря на то, что после Февральской революции 1917 г. развал армии приобрел необычайные масштабы, оказавшееся в тяжелейшем положении офицерство в массе своей по-прежнему показывало пример выполнения воинского долга. Например, 18 июля на Юго-Западном фронте в районе д. Конюхов в атаке участвовал весь офицерский состав дивизии, не исключая генерал-лейтенанта В.З. Май – Маевского, командовавшего дивизией. В районе населенного пункта Гусятин при отражении 19 июля наступления противника оборону держали только офицеры и «ничтожное количество стрелков»[3].

Во время боя у р. Быстрица все нижние чины одного из пехотных полков бросили окопы и ушли в тыловой район, в то время как весь офицерский состав продолжал оставаться на позиции. Другой аналогичный случай: когда почти все

---

[1] Там же. С. 125–126.
[2] Там же. С. 160.
[3] Доклад об офицерстве // Разведчик. 1917. № 1399–1400. С. 487.

солдаты 111-го пехотного Донского полка оставили позиции, за исключением несколько десятков наиболее сознательных из них, все офицеры остались на своих местах. На Западном фронте под Крево и Сморгонью летом 1917 г. весь офицерский состав ходил в атаки впереди солдатских цепей, неся при этом большие потери[1]. Подобные случаи самоотверженности не были чем-то исключительным.

Конечно, вряд ли можно утверждать, что морально-психологическое состояние офицерства в 1917 г., в период развала армии и дискриминации офицерства, находилось на высоком уровне, однако оно не было нездоровым, дошедшим до недопустимого уровня. Вне всякого сомнения, его можно охарактеризовать как удовлетворительное (минимально допустимое), ибо для выполнения боевых задач офицеры предпринимали все от них зависевшее.

Говоря о морально-боевых качествах офицерства, необходимо отдельно охарактеризовать высший командный состав. Отметим, что его нельзя было упрекнуть в элементарной трусости и отсутствии большинства морально-боевых качеств, названных в начале параграфа. Однако руководителям такого ранга непременно требовалось обладать еще одним, достаточно редким качеством, а именно гражданским мужеством. Не случайно один из крупных русских военных теоретиков начала XX века указывал: война требует от крупных военачальников, чтобы их воинский дух стоял выше «… моральных качеств подчиненных», так как от них, «кроме физического напряжения, требуется в бою… огромное самообладание»[2].

О высшем командном составе и проблеме гражданского мужества убедительно рассуждал русский генерал В. Е. Флуг, сам принадлежавший к нему (полный генерал, командир корпуса). Будучи одним из успешных полководцев Первой мировой войны, он считал, что личная храбрость и мужество относятся к понятиям одного порядка, но не смешивал их. Они включались им в более широкое понятие «сила духа», состоявшее, как он считал, из целого ряда качеств. К ним

---

[1] Сводка донесений о настроении в действующей армии за время с 1 по 9 июля // Революционное движение в русской армии в 1917 году. 27 февраля – 24 октября 1917 года. Сборник документов. М., 1968. С. 212.

[2] *Михневич Н. П.* Основы стратегии. СПб., 1913. С. 27.

относились готовность взять на себя моральную ответственность за исход военных действий, в том числе, за поражение и людские потери, непреклонная воля к победе, решительность, дерзновенность и т.д. По его определению, сила духа представляла собой «…так сказать, «храбрость» на все виды опасности…», а не только на «угрозу физическому благополучию»[1].

Аналогичной точки зрения придерживался генерал П. Н. Краснов, известный своими трудами по военной психологии. «…Храбрость старшего начальника, часто стоящего далеко от физической опасности, должна выливаться в гражданское мужество взять на себя ответственность за жертвы и за пролитую кровь, а в случае неудачи, за позор поражения. Качество, к сожалению, такое редкое среди высших начальников, более редкое, чем рядовая храбрость»[2].

Между тем в официальной военной прессе отмечалось, что немалое число военачальников, командовавших дивизиями, корпусами, армиями, фронтами и даже руководивших войсками на всем театре военных действий этим качеством не обладали. Опасаясь ответственности, они не принимали решений и не предпринимали действий, которые были связаны с каким-либо риском[3].

Не обладая гражданским мужеством, многие высокопоставленные генералы, как отмечал один из офицеров Генерального штаба, завоевывали себе славу ежедневным хождением по окопам, забывая, что «… храбрость солдата и храбрость генерала – разные вещи»[4].

Ярким представителем такого типа военачальников являлся генерал от инфантерии А. Н. Куропаткин, до Русско-японской войны бывший военным министром, а с началом военных действий назначенный Главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действовавшими против Япо-

---

[1] См.: *Флуг В. Е.* Высший командный состав // Военная мысль в изгнании: творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 291, 292, 294, 299.
[2] *Краснов П.* Душа армии: очерки по военной психологии. С. 53.
[3] *Баланин Д.* Дух и инициатива выше всего // Военный сборник. 1914. № 11. С. 84; *Махров П.* Современная война и высшее командование // Разведчик. 1912. № 1155. С. 852; *Теттау, фон.* Два месяца в гостях в русской армии. С. 149; *Парский Д.* Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. С. 78 и др.
[4] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 47. Л. 9.

нии. Этот человек, лично поднимавший полки в атаку, в бою «выбирал такое решение, которое никакого решительного успеха дать не могло, но не приводило также и к большому риску»[1].

Командир VI Сибирского армейского корпуса генерал Л. Н. Соболев, участвовавший в войне с Японией, в своем труде, посвященном кампании на Дальнем Востоке писал о Куропаткине: «… он строго придерживался обороны, а если… проявлял проблески наступления, то тотчас же давал отбой, переходил к обороне и отступал»[2].

Как при наступлении, так и в обороне А. Н. Куропаткин с самого начала выпускал инициативу из рук, лишь пытаясь отбить удары, но, практически, не нанося их. Ф. фон Бернгарди отмечал, что подобное поведение высшего русского командования сказывалось на подчиненных: «…отсутствием решимости и неуверенностью, которыми были проникнуты распоряжения… главнокомандующего»[3], страдали и многие начальники более низкого ранга.

Германский военачальник не ошибался. Например, в ту же войну, в сражении под Ляояном генерал от кавалерии А. А. Бильдерлинг, командовавший XVII армейским корпусом, имел значительные резервы, но не решился проявить инициативу и не принял мер к остановке совершавших обходный маневр японских войск, что привело к отступлению русских. При этом в начале сражения личный состав был воодушевлен, нацелен на победу, но «вся эта моральная сила были уничтожена одни м словом – «отступать»; в результате войска превратились в толпы «уставших, изможденных людей»[4].

Генерал-лейтенант Г. К. Штакельберг, командующий 1-м Восточно – Сибирским армейским корпусом проявил нерешительность в ходе наступления в сентябре 1904 г., в результате чего задуманная операция окончилась неудачей. В сражении под Мукденом командующий 3-й Маньчжурской армией генерал от ка-

---

[1] *Баланин Д.* Дух и инициатива выше всего. С. 84.
[2] *Соболев Л. Н.* Куропаткинская стратегия: Краткие заметки бывшего командира 6-го Сибирского армейского корпуса. СПб., 1910. С. VI.
[3] *Бернгарди Ф., фон.* Современная война. Т. 2. С. 88, 89.
[4] *Махров П.* Современная война и высшее командование // Разведчик. 1912. № 1155. С. 855.

валерии А. В. Каульбарс, несмотря на присланные ему подкрепления, не перешел в наступление и, таким образом, дал противнику серьезный выигрыш во времени[1].

Именно нерешительность, пассивность, безынициативность высшего командного состава, привели, по мнению некоторых участников войны, к проигрышу боя под Ляояном, в котором русские имели большие шансы победить, а также в сражениях на реке Шахе[2], при Сандепу и Мукдене[3].

Анализируя действия русских военачальников высшего звена в войне 1904–1905 гг., М. В. Алексеев в чине генерал-майора участвовавший в боевых действиях, резюмировал: «Колебания и боязнь – вот наши недуги и болезни, мы не хотим рисковать ничем,… противник остается хозяином положения, а… хозяевами… могли бы быть мы»[4].

Такая внутренняя настроенность была характерна для многих представителей высшего командного состава и в годы Первой мировой войны, в частности, для А. Н. Куропаткина и А. Е. Эверта в период проведения Брусиловского прорыва[5]. Командир 1-го Сибирского корпуса генерал от кавалерии М. М. Плешков для усиления своего корпуса запросил у командующего у 2-й армией генерала от инфантерии В. В. Смирнова такое количество орудий и снарядов, которое невозможно было удовлетворить. В этой связи командарм написал на телеграмме, что подобная просьба имела целью «…или добиться отмены, поставленной корпусу задачи, … или освободить себя от всякой ответственности за успех операции»[6]. В подобном ключе в течение всей войны действовали многие генералы, особенно во время боев в Восточной Пруссии в 1914 г., «великого отступления» 1915 г. и попытки наступления трех фронтов в 1916 г.

С большой долей вероятности можно предположить, что нежелание рисковать, даже в случаях, когда существовала реальная возможность разгромить про-

---

[1] *Мартынов Е. И.* Из печального опыта Русско-японской войны. С. 20.
[2] *Баланин Д.* Дух и инициатива выше всего. С. 86.
[3] *Гриппенберг О.* Истина о Сандепу // Разведчик. 1906. № 800. С. 132. С. 132.
[4] Цит. по: *Алексеева-Борель В. М.* Аргентинский архив генерала М.В. Алексеева. С. 55–56.
[5] См.: *Ростунов И. И.* Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976. С. 318, 322, 323.
[6] Цит по: *Порошин А.А.* О некоторых уроках управления русской армией в 1916 г. // Доклады академии военных наук. Серия: Военная история. 2006. №. 5 (23). С. 143.

тивника, вызывалось примерно следующими рассуждениями. Если удастся успешно провести операцию или выиграть сражение, то, в лучшем случае, можно получить орден или благодарность государя. Однако удастся победить или нет, неизвестно, в то время как в случае поражения вполне можно было быть обвиненным в самонадеянности и невыполнении распоряжений вышестоящего руководства, со всеми вытекающими последствиями. Вероятно, многие высокие начальники рассуждали подобным образом, не стремились к проявлению инициативы и, как отмечалось ранее, сдерживали активность подчиненных. В случае проигрыша позор поражения в глазах общественности и высшей власти, а также ответственность за людские, территориальные и материальные потери ложилась на военачальника, руководившего сражением. Все это могло привести к потере служебного и общественного положения, сохранить которое для многих было неизмеримо важнее возможного награждения даже самым высоким орденом. В то же время, ограничиваясь выполнением указаний сверху, можно было обезопасить себя от возможных неприятностей.

Между тем без готовности принять на себя ответственность и умения разумно рисковать, добиться победы над противником было весьма проблематично. Уже упоминавшийся генерал В. Е. Флуг, среди всех моральных качеств, необходимых полководцу, ставивший мужество на первое место, считал, что качеств обычной деятельной натуры крупному военачальнику недостаточно. «Я знал многих генералов, в мирное время обнаруживавших недюжинную энергию и совершенно терявших ее в обстановке войны. Только начальник, обладающий силою духа вообще, а, следовательно, и мужеством, как первым из составляющих ее качеств, свою энергию сохранит во всякой обстановке»[1].

Он утверждал, что секрет военных побед, одержанных даже величайшими полководцами в истории человечества, заключался не в самих замыслах, не выхо-

---

[1] *Флуг В. Е.* Высший командный состав // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 265.

дивших за пределы обычного здравого смысла, а «… в той огромной силе духа, которая была приложена для проведения замыслов в жизнь»[1].

Не может не возникнуть вопрос: почему многие высокие военные посты так часто занимали люди пассивные, безынициативные и нерешительные? Современники указывали: в русской армии командиры всех степеней, даже высокого ранга, фактически, были лишены самостоятельности в принятии решений, в их решения постоянно вмешивалось вышестоящее руководство. А. И. Деникин в статье, подписанной псевдонимом, указывал, что действовала система служебных отношений, подавлявшая смелость мысли, инициативу, твердость характера, при которой «… опека старшего в порядке подчиненности начальника простиралась на все мельчайшие проявления служебной деятельности младшего»[2].

Аналогично считал генерал-лейтенант В. М. Драгомиров, который, находясь уже в эмиграции, писал: «Лучшим начальником всегда считался тот, кто с… назойливой настойчивостью проникал во все служебные отношения, всем руководил…», чтобы исключить ошибки со стороны нижестоящих командиров и «… этим устранить возможность отвечать за подчиненного»[3].

Иными словами, система служебных отношений в русской армии была построена так, что совершенно не развивала инициативу и самостоятельность военнослужащих, не только офицеров, но и у генералов; во главу угла ставилось беспрекословное выполнение указаний сверху. В результате у военачальников формировалось пассивное отношение к службе, что особенно негативно сказывалось в военное время.

Подобным образом оценивал ситуацию германский генерал Ф. фон Бернгарди, бывший во время Русско-японской войны военным наблюдателем. Он указывал, что в русских войсках вышестоящие начальники постоянно вмешивались в дела своих подчиненных и отдавали распоряжения, «которые совершенно их не

---

[1] Там же. С. 266.
[2] *Ночин И.* Армейские заметки // Разведчик. 1909. № 951. С. 40.
[3] *Драгомиров В.* Подготовка русской армии к Великой войне // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1923. Кн. IV. С. 107.

касались». При этом, однако, четкие и ясные задачи перед войсками не ставились, так как «все боялись ответственности»[1].

Свою роль в том, что многие крупные военачальники не обладали качествами, необходимыми руководителям высокого уровня, играла также во многом порочная система отбора и выдвижения кадров на высшие должности, о чем говорилось в параграфе 4.2.

Серьезные ошибки в управлении войсками и ведении военных действий совершали военачальники всех воевавших стран: это становится очевидным при разборе операций и сражений Первой мировой войны. Здесь, однако, следует отметить, что наибольших успехов в действиях против союзников, в том числе, русских войск, добивались германские военачальники. Автор диссертации считает, что так происходило не потому, что все они являлись талантливыми полководцами, безупречно владевшими военным искусством, а по иной причине. Современный российский исследователь, изучающий немецкую военную элиту периода Первой мировой войны, указывает, что командиры германских дивизий, корпусов, командующие армиями обладали значительной самостоятельностью. В ходе военных действий нередко создавались армейские группы «под» конкретного военачальника, проявившего себя умелым командующим и наиболее подходившим для решения той или иной задачи. В числе таких генералов были А. фон Макензен, Г. фон Эйхгорн, Э. Людендорф, К. фон Эйнем, М. фон Фабек, П. фон Гинденбург и другие. Подобный подход зарекомендовал себя настолько хорошо, что использовался немцами и во Второй мировой войне[2]. А. А. Керсновский считал, что крупные германские военачальники времен Первой мировой войны в волевом отношении напоминали русских командиров времен А. В. Суворова и его последователей; при этом развитию их воли способствовал «…порядок прохождения службы, позволявшей выдвижение сильных характеров» [3].

В случаях, когда высшие командные посты занимали лица, не соответство-

---

[1] *Бернгарди Ф., фон.* Современная война: в 2 т. Т. 1. Основы современной войны / пер. с нем. К. Адариди. СПб., 1912. С. 229.
[2] *Ланник Л.* Состав германской военной элиты в 1914–1918 гг. // Власть. 2008. № 10. С. 123.
[3] *Керсновский А. А.* Философия войны. М., 2010 С. 108.

вавшие занимаемым должностям, но принадлежавшие к королевским и герцогским домам Германии, ситуация компенсировалась их начальниками штаба, которые, как правило, были лучшими штабными офицерами той поры[1].

Представляется, что возможность управлять войсками в ходе военных действий без мелочной опеки и непрерывного вмешательства вышестоящих начальников, как было принято в русской армии, позволяла германским полководцам добиваться успехов. Они имели возможность реализовывать свои военные знания на практике, добиваться достижения намеченных целей, будучи в моральном отношении готовыми принять на себя всю ответственность. «…Для войны необходимо знание и еще больше – умение, но ни то, ни другое не помогут, если у исполнителя нет достаточного запаса… качеств, относящихся к области не ума, а того, что… принято называть «характером» или «волей»[2].

Главный недостаток российского генералитета отмечался и гражданскими лицами. Например, Н. А. Кудашев, представлявший в Ставке министерство иностранных дел, считал, что важнейшей причиной поражений весной – летом 1915 г. стали «…боязнь инициативы и ответственности» у многих представителей высшего командного состава, и расчет на то, что все проблемы решатся усилиями других и распоряжениями вышестоящего руководства. «Хуже всех – наши руководители генералы. В них указанные недостатки наши выражаются самым роковым образом»[3]. А. И. Гучков в марте 1917 г. писал Верховному Главнокомандующему генералу М. В. Алексееву об отсутствии воли и характера у «некоторых из наших военачальников», как одной из главных причин неудач на фронтах[4].

---

[1] *Ланник Л.* Состав германской военной элиты в 1914–1918 гг. С. 122–123.

[2] *Флуг В. Е.* Высший командный состав // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 265.

[3] Директор дипломатической канцелярии при Ставке министру иностранных дел. Письмо от 16 /3 августа 1915 г. // Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг. Серия 3: 1914–1917 гг. М.-Л., 1931–1938. Т. VIII. Ч. 2. С. 89.

[4] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д 201. Л. 2.

В свою очередь, германские военные специалисты также указывали на недостаток самостоятельности, инициативы и дерзости у русских военачальников в годы мировой войны[1].

Таким образом, значительной части русского генералитета не были присущи те морально-боевые качества, которые являлись принципиально необходимыми для руководства крупными силами в военное время. Не обладая гражданским мужеством и способностью принимать ответственные решения, они, по сути, на первое место ставили собственное положение в армии и обществе, не желали рисковать им, вследствие чего, как правило, не предпринимали инициативных и решительных действий, требовавшихся для достижения общей цели и победы над противником. В то же время, определенное число генералов русской армии в целом обладали необходимыми качествами.

Выводы по главе 4

Уровень боевой подготовки (прежде всего, тактической: понятия «оперативная подготовка» тогда еще не существовало) командного состава русской армии, как показала Русско-японская война 1904–1905 гг., не в полной мере соответствовал требованиям времени. Во многом это обусловливалось слабой постановкой изучения тактики в военно-учебных заведениях, низким качеством организации занятий с офицерами в войсках, а также невниманием военного и военно-политического руководства страны к изменениям в военном деле, происходившим на рубеже XIX–XX веков. Важной причиной данного явления также была во многом порочная система подбора и назначения на высшие должности, когда преимущество отдавалось лицам со связями, независимо от их профессиональных качеств. «Мы должны признать, что в деле высшего управления армией, в деле замещения высших должностей в армии царят всё те же старые грехи, тот же не-

[1] См.: *Ланник Л.В.* «Кузница кадров»: Восточный фронт Первой мировой войны и германская военная элита // Россия от Первой мировой войны до образования СССР. Вып.1. Самара; М., 2011. С. 28.

потизм, те же общественные и семейные связи, то же однокашничество и …тот же… «придворный шёпот»[1].

На уровне подразделений и частей данное обстоятельство проявлялось не столь заметно, и строевые офицеры, в общем и целом, вели вооруженное противоборство практически на равных с японским комсоставом. Однако при столкновениях крупных сил становилось очевидным, что в большинстве своем русский генералитет был не способен эффективно управлять войсками в боевых условиях, использовать имеющиеся силы и средства, добиваться выполнения поставленной задачи и достигать победы над противником с минимальными издержками для своих войск. Соответственно, наиболее слабой частью командного состава показали себя военные руководители от командиров корпусов и выше.

Итоги неудачной войны с Японией обусловили принятие мер, направленных на повышение боевого потенциала русской армии. В числе прочего, были пересмотрены программы военно-учебных заведений, акцент в тактической подготовке перенесен на практические вопросы. Также была реорганизована система подготовки всех категорий командного состава в войсках, в том числе, впервые организована боевая учеба военачальников, принадлежавших к высшим эшелонам комсостава. С учетом опыта войны и достижений военной науки были переработаны документы, определявшие основы подготовки и ведения боевых действий.

В результате принятых мер уровень подготовки большей части офицерства повысился, что неоднократно отмечалось как отечественными, так и зарубежными специалистами. В то же время качественных изменений в подготовке высшего командного состава к ведению современных боевых действий не произошло. Это вызывалось не только недостатками в практической подготовке к управлению большими массами войск. Негативную роль по-прежнему играли система служебных взаимоотношений, подавлявшая самостоятельность и инициативу военнослужащих, а также сохранявшиеся недостатки в государственной системе, спо-

---

[1] *Гучков А.И.* О проекте сметы доходов и расходов Военного министерства на 1908 год // Избранные выступления депутатов Государственной Думы с 1906 года до наших дней. С. 63.

собствовавшие попаданию в ряды генералитета лиц, не соответствовавших занимаемым должностям.

Несмотря на влияние этого негативного фактора, в мировую войну наша армия вступила, будучи подготовленной, в целом, на уровне передовых военных держав того времени. Достаточно высокие оценки подготовки русской армии, делавшиеся накануне мировой войны, в целом, соответствовали действительности. Русское строевое офицерство и значительная часть командиров полков, а также некоторое число высших военачальников в боевой обстановке проявили себя с лучшей стороны, противнику не удалось достичь стратегических целей, которые он ставил перед собой на Русском фронте. Даже в случае крупных успехов как, например, это произошло в 1915 г. противнику не удалось добиться стратегических результатов – разгромить русскую армию и вывести Россию из войны. Представляется, что последнее обстоятельство во многом обусловливалось умением субалтерн-офицеров, ротных, батальонных, полковых командиров, им равных в других родах войск вести современный бой и управлять подразделениями и частями на поле боя.

В рядах высшего командного состава также была группа квалифицированных и волевых военачальников, что подтверждалось победами, одержанными нашей армией в ряде крупных операций и сражений. Советская военная энциклопедия в их число включала Галицийскую битву 1914 г., встречное сражение в Варшавско – Ивангородской операции 1914 г., разгром турецких войск в ходе Эрзерумской операции в 1915–1916 гг., прорыв позиционной обороны на Юго-Западном фронте в 1916 г.[1].

Представляется закономерным суждение современного российского исследователя А. В. Олейникова о том, что, несмотря на выход из войны за год до ее окончания боевой вклад России в разгром стран германского блока больше вклада любого из союзников по Антанте, взятого отдельно. Более того, он вполне сопос-

---

[1] *Панков Д.В*. Русская армия // Советская военная энциклопедия: в 8 т. М.1976–1980. Т. 7. С. 174.

тавим с совокупным вкладом Англии, Франции и Италии[1].

Пополнение офицерского корпуса в годы мировой войны за счет массового привлечения на службу офицеров военного времени, в количестве, многократно превышавшем численность довоенного офицерства, в целом, оправдало себя и обеспечило потребности армии в строевых офицерах. Офицеры военного времени, командовавшие взводами, полуротами и ротами, иногда даже батальонами, внесли немалый вклад в борьбу с противником в годы Первой мировой войны, несмотря на их более слабую, в сравнении с кадровыми офицерами, боевую подготовку.

В то же время, эффективность действий русских войск в большой, иногда решающей мере снижало то, что, как и в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. значительная часть генералитета, занимавшего ключевые должности в высших эшелонах военного управления, не соответствовала занимаемым должностям. В результате русская армия терпела поражения, в том числе, крупного масштаба, что, чаще всего вызывалось неумением управлять значительными силами и средствами со стороны почти всех главнокомандующих армиями фронтов, многих командующих армиями, командиров корпусов и начальников дивизий. Их численность была невелика (по подсчетам автора, несколько более 300 человек), но они играли определяющую роль в системе управления войсками. Неспособность и неумение многих из них решать боевые задачи в соответствии с предназначением приводила к тому, что эффективное руководство войсками на уровне соединений и объединений часто отсутствовало; в итоге снижалась боеспособность русских войск в целом.

Эта же часть высшего комсостава, как показала война, не обладала таким качеством, как гражданское мужество. Сформированные существовавшей системой служебных и общественных взаимоотношений, подавлявшей проявления самостоятельности, смелости и инициативы, эти военачальники занимали пассивную позицию в ходе военных действий. Главным образом, они ограничивались

---

[1] *Олейников А.В.* Вклад России в победу над германским блоком в Первую мировую войну (1914–1918 гг.): автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2012. С. 44–45.

исполнением указаний сверху, не позволяя и подчиненным проявлять инициативу, связанную с разумным риском. Соответственно, лишь меньшая часть высшего командного состава отвечала требованиям современной войны и могла эффективно руководить войсками и вести их к победе.

Несмотря на противоречивую ситуацию в среде высшего командования, правомерным представляется следующий вывод. Офицерский состав русской армии, занимавший наиболее многочисленные командные должности в войсках, а также определенная часть генералитета, в период мировой войны обладали необходимым уровнем боевой подготовки, и были и способны решать боевые задачи в соответствии с предназначением.

В 1914–1916 гг., несмотря на постепенный рост внутриполитической напряженности в стране, морально-психологическое состояние кадрового офицерства, а также части офицеров военного времени находилось на достаточно высоком уровне. Об этом свидетельствует их поведение на поле боя и исполнение главной обязанности – руководства подчиненными силами в боевой обстановке. В течение 1917 г., в связи с дискриминацией офицерства и разложением армии морально-психологическое состояние корпуса офицеров ухудшалось, но на проявлении морально-боевых качеств и выполнении служебных обязанностей это сказывалось не столь заметно.

Очевидно, можно согласиться с эмоциональной, но, по сути, верной оценкой, данной в труде, подготовленном группой бывших русских офицеров в эмиграции. Исходя из того, что именно у офицеров сознание долга в военное время было чрезвычайно обострено, они утверждали: «В моральном отношении корпус офицеров стоял на высоте, возвышавшейся над всеми… Это не теория, это не лирика, это – действительность, подтвержденная тем непреложным фактом, что большая часть кадрового офицерства полегла на войне 1914–1917 гг., а оставшиеся в живых все, за малыми исключениями, были многократно ранены…»[1].

---

[1] Российские офицеры / Е. Месснер и [др.] // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 150.

Не случайно в годы мировой войны почти 11 тыс. офицеров были награждены орденом Св. Георгия и Георгиевским оружием, о чем свидетельствует недавно вышедший в свет справочник[1].

В то же время морально-психологическое состояние части офицеров запаса, призванных в годы Русско-японской войны 1904 – 1905 гг., а также части офицеров военного времени в Первую мировую войну не отвечало требованиям, предъявлявшимся к офицерам русской армии. Имеются в виду лица, призванные в военные училища, начиная с «великого отступления» 1915 г., а не поступившие в них добровольно (см. параграф 3.2.), а также состоявшие в политических партиях.

[1] *Клепов М.Ю.* Офицеры – Георгиевские кавалеры Первой мировой войны. Мартиролог / ред. В. В. Савицкий. М., 2015.

ГЛАВА 5. ОФИЦЕРСТВО В КОНТЕКСТЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА

5.1. Свержение монархии в восприятии офицерства

Радикальное изменение государственного устройства России, происшедшее в результате Февральской революции 1917 г., представляло собой социально-политическое событие, масштаб и последствия которого осознать сразу вряд ли мог даже самый выдающийся человек. Следовательно, глубинный смысл происшедшего в первое время не осознавался и офицерами.

В условиях, когда большая часть населения приветствовала революцию, офицерство, в отличие от других категорий граждан с моральной точки зрения оказалось в сложном положении. Прежде всего потому, что офицеры принимали присягу, в которой содержалось клятвенное обещание «…Государю императору Николаю Александровичу… верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови…»[1].

В этой связи многим современникам казался удивительным и непонятным тот факт, что «крушение векового монархического строя не вызвало среди армии, воспитанной в его традициях, не только борьбы, но даже отдельных вспышек», и «… войска отнеслись ко всем событиям совершенно спокойно»[2].

Данной проблеме посвящена одна из публикаций автора[3], но необходимо рассмотреть ее более подробно.

Генерал от инфантерии М. В. Алексеев, некоторое время исполнявший обязанности Верховного Главнокомандующего, в середине марта 1917 г. представил на имя председателя совета министров Г. Е. Львова специальную записку, в кото-

---

[1] К № 17358. О новой форме верноподданнической присяги // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XIX. Отделение II: Приложения. СПб, 1902. С. 279–280.

[2] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: в 5 т. Т. 1. Вып. 1. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. С. 60, 61.

[3] *Суряев В. Н.* «Войска отнеслись ко всем событиям совершенно спокойно». Отношение офицерства Русской императорской армии к Февральской революции 1917 года // Военно-исторический журнал. 2015. № 7. С. 50–56.

рой доложил, «какое впечатление произвел переход к новому государственному строю» в армии и на флоте. В документе, опиравшемся на сводки сообщений главнокомандующих армиями фронтов и командующих флотами, при характеристике положения в войсках рефреном звучало слово «спокойно»[1]. Иными словами, активных действий по защите монархии армией и офицерством предпринято не было. Все свелось к тому, что отдельные генералы послали в адрес Николая II телеграммы, в которых выражалась готовность защитить императора. Кроме того, была сделана неудачная попытка направить отряд во главе с генералом от артиллерии Н. И. Ивановым в Царское Село, где находилась императорская семья[2].

Не может не возникнуть вопрос: почему офицерство не встало на защиту монархии и монарха? Представляется, что ответ на него заключается в действии нескольких факторов, проявлявшихся в различных сферах жизни общества тех лет, но одновременно диалектически взаимосвязанных между собой.

Во-первых, как уже отмечалось в параграфе 3.4., офицерству в приказном порядке было запрещено участвовать в общественно-политической жизни. В этой связи необходимо еще раз упомянуть приказы по военному ведомству от 19 декабря 1905 г. № 804, от 8 октября 1906 г. № 626 и от 26 марта 1913 г. № 120. Под угрозой увольнения и привлечения к уголовной ответственности офицерам запрещалось принимать участие в любой политической деятельности, в том числе, направленной на поддержку существовавшего строя. Жестко проводившаяся линия по обеспечению внепартийности армии предусматривала запрет даже на публичное выражение симпатий к любым политически силам, в том числе, поддерживавшим монархию. Таким образом, офицеры силой приказа удерживались в стороне от всяческого участия в социально-политической жизни. В результате у них выработался поведенческий стереотип, удерживавший подальше от любых событий, связанных с политическими проблемами.

---

[1] См.: Записка ген. М. В. Алексеева Временному правительству // Архив русской революции: в 22 т. Берлин, 1921–1937. Т. XVI. С. 286–288.
[2] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. С. 61.

Во-вторых, выступлению консервативно настроенной части офицерства в защиту монархии не могло не помешать то, что современник назвал «видимой легальностью обоих актов отречения»[1]. Они были опубликованы во всех газетах и журналах. При этом Михаил Александрович призвал население повиноваться новому правительству: «…прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному Правительству… впредь до того, как… Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа»[2].

В наши дни некоторые исследователи утверждают, что документ об отречении Николая II, подписанный 2 марта, является искусной подделкой, другие – что он нелегитимен[3]. Однако в 1917 г. сообщение об отречении императора, напечатанное во всех газетах и журналах, вряд ли вызывало сомнения. Более того, армии был отдан прямой приказ повиноваться новому правительству. Этого потребовал великий князь Николай Николаевич, сменивший Николая II на посту Верховного Главнокомандующего: «Установлена власть в лице нового правительства. Для пользы нашей родины я, Верховный Главнокомандующий, признал ее, показав тем пример нашего воинского долга. Повелеваю всем чинам славной нашей армии и флота неуклонно повиноваться установленному правительству через своих прямых начальников. Только тогда Бог нам даст победу»[4]. Сам Николай II в прощальном обращении к русской армии, датированном 8 марта, писал: «… защищайте… нашу Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайтесь ваших начальников»[5].

В-третьих, отсутствие активных выступлений со стороны офицеров во многом обусловливалось позицией высшего командования, которое само способствовало отречению главы государства, высказав свою позицию в известных теле-

---

[1] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. С. 61.

[2] Факсимиле акта отречения Михаила Александровича. Март 1917 г. // Государственное архивное управление Псковской области: [сайт]. Режим доступа: http://www.archive.pskov.ru/node/1211 (дата обращения: 07.09. 2017).

[3] *Мультатули П.* Николай II. Отречение, которого не было. М., 2010. С. 5, 522–615; *Рудаков В.* Акты об отречении / В. Рудаков, Н. Брусиловский, Е. Вильшанская // Историк. 2017. № 3. С. 18–24.

[4] Цит. по: *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. С. 62.

[5] Цит. по: *Соколов Н.* Убийство царской семьи. Берлин, 1925. С. 7.

граммах на имя императора. Многие представители российской военной и политической элиты указывали, что позиция Ставки, командующих фронтами и других высокопоставленных генералов оказала сильное влияние на императора, вынудив его подписать отречение. «Не подлежит… никакому сомнению, что решающим моментом в отречении императора Николая II явились телеграммы высшего командования», – писал Н. Н. Головин[1].

Роль высшего командования в отречении Николая II отмечал и непосредственный свидетель тех событий, генерал-майор Д. Н. Дубенский, состоявший в свите императора в качестве официального историографа. После разговора Николая II с главнокомандующим армиями Северного фронта генералом Н. В. Рузским он написал, что «…не только Дума, Петроград, но и лица высшего командования на фронте действуют в полном согласии и решили произвести переворот»[2].

Отношение высшего армейского командования к монарху и, в определенной мере, к монархии демонстрирует следующий факт: императора и Верховного Главнокомандующего арестовали всего четыре невооруженных гражданских лица, в Ставке, имевшей свой гарнизон. При этом к аресту был косвенно причастен собственный генерал-адъютант императора: когда эмиссары Временного правительства прибыли для ареста Николая II, один из них, А. А. Бубликов, попросил близкого императору «военного человека» – генерала М. В. Алексеева – вручить императору приказ об аресте, и тот согласился[3].

На сторону новой власти открыто перешли некоторые высокопоставленные военачальники. В этой связи Л. Д. Троцкий в 1918 г. отмечал, что когда «…царизму пришлось туго, царские генералы изменили ему, заняв по отношению

---

[1] *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.; в 5 ч., 12 кн. [Париж – Таллинн]: Приложение к «Иллюстрированной России» на 1937 год. Ч. 1. Кн. 1: Зарождение контрреволюции и первая ее вспышка. С. 35; *Ноблемонт М., де*. Какая причина толкнула генерал-адъютанта Алексеева предать своего Императора? [Б.м.] [б.г.]. С. 1; *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг.: в 3 кн. Нью-Йорк, 1960–1962. Кн. 3. С. 241–242; *Врангель П.Н.* Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г. В 2 кн. Кн. 1. С. 11; *Родзянко М.В.* Крушение империи / Изд. 3-е. Л., 1929. С. 205 и др.

[2] *Дубенский Д. Н.* Как произошел переворот в России // Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы / Ред. П.Е. Щеголева. 2-е изд., доп. Л., 1927. С. 61.

[3] См.: *Бубликов А. А.* Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы): впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918. С. 50.

к революции положение благожелательного нейтралитета и даже прямо перейдя к ней на службу»[1].

Некоторые современные российские исследователи[2] также доказывают важную роль генералитета в отречении императора от престола. Видимо, подлинные мотивы действий того или иного конкретного лица из состава высшего командования в то драматическое время вряд ли можно установить точно. Возможно, многие считали, что отстранение от власти Николая II будет благом для России, что монархия в той или иной форме сохранится и будет лишь заменен монарх. Как бы то ни было, высший командный состав действующей армии, в том числе, начальник штаба Верховного Главнокомандующего выступил за отречение Николая II от престола и признал новую власть. Представляется, что этот факт оказал значительное влияние на ту часть офицерства, которая при других обстоятельствах могла бы предпринять те или иные действия в защиту монархии. Обладавшие властью в отношении подчиненных офицеров, эти высокопоставленные военачальники своим решением не могли не оказать на них серьезного морально-психологического воздействия.

В-четвертых, за годы мировой войны настроения офицерского корпуса претерпели значительную трансформацию. Действовавшая система государственной власти была в значительной мере дискредитирована в глазах общества в целом и офицерства, в том числе. Не случайно В. М. Пуришкевич, являвшийся убежденным монархистом, с горечью писал: «… правительство наше все сплошь калейдоскоп бездарности, эгоизма, погони за карьерой; лиц, забывших о родине и помнящих только о своих интересах, живущих одним лишь сегодняшним днем»[3].

Петроградское охранное отделение в своем докладе, датированном октябрем 1916 г., отмечало, что политика правительства, недобросовестность

---

[1] *Троцкий Л. Д.* Военные специалисты и Красная Армия // Сочинения. М.- Л., 1924–1927. Т. 17. Ч. 1. Советская Республика и капиталистический мир. Первоначальный период организации сил. С. 367.

[2] См.: *Воронин В.* Крушение монархии // Историк. 2017. № 3. С. 10–13; *Мультатули П.В.* Николай II. Отречение, которого не было. С. 201 и др.

[3] Дневник члена Государственной думы Владимира Митрофановича Пуришкевича. Рига, [б.г.]. С. 5.

местных административных органов, а также безудержные хищения привели к тому, что «… расстройство… всей страны, носившее хронический и все прогрессировавший характер, достигло… максимального и чудовищного развития…»[1].

В докладе указывалось также, что среди самых широких слоев населения столицы очевидно резкое повышение «оппозиционности и озлобленности настроений», причем это касалось даже тех, кто ранее никогда не выражал недовольства, «…например, отдельные круги даже гвардейского офицерства»…»[2].

О настроениях фронтового офицерства по поводу положения в тылу сообщал офицер Генерального штаба, писавший, что офицеры внимательно читают газеты и знают, что происходит внутри страны. Особенно их возмущала безнаказанность расхитителей и взяточников, вызывавшая «…ненависть, апатию и нежелание работать…»[3]. В январе 1917 г. контрразведывательное отделение Северного фронта отмечало недовольство офицеров «… неорганизованностью глубокого тыла, следствием чего явилась потрясающая и совершенно необъяснимая дороговизна»[4].

Немалую роль в дискредитации высшей власти сыграл Г. Е. Распутин, которому, как указала на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства приближенная к императрице фрейлина А. А. Вырубова, в царской семье верили «…как отцу Иоанну Кронштадтскому, страшно ему верили…»[5].

Между тем отношение офицерства к Г. Е. Распутину может передать ситуация, описанная Г. И. Шавельским, занимавшим пост протопресвитера

---

[1] Доклад Петроградского охранного отделения особому отделу департамента полиции. Октябрь 1916 г. // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 5.
[2] Там же. С. 6, 7.
[3] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 47. Л. 14.
[4] Доклад военно-цензурного отделения штаба 12-й армии // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 418.
[5] Допрос А. А. Вырубовой 6 мая 1917 г. // Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / ред. П.Е. Щеголева. Л., 1925. Т. III. С. 238.

русской армии и флота (главы российского военного духовенства). 1 мая 1916 г. в 4-й армии Западного фронта освящались знамена одной из пехотных дивизий XXVI армейского корпуса. При этом присутствовали генерал от инфантерии А. Ф. Рагоза, командовавший армией, корпусной командир генерал от инфантерии А. А. Гернгросс, начальники всех трех дивизий, входивших в состав корпуса и сотни офицеров из всех частей. На состоявшемся после освящения знамен общем завтраке А. А. Гернгросс громко сказал, что, ради того, чтобы ему разрешили выдрать Г. Е. Распутина, он готов в течение полугода сидеть под арестом в Петропавловской крепости. В ответ раздался хохот сотен офицеров. По мнению протопресвитера, если на такую выходку, касавшуюся приближенного к монарху человека решился высокопоставленный генерал, а офицеры хохотали, «… не значило ли это, что… звучали не только ненависть и презрение к Распутину, но и грозное предостережение Государю?»[1].

Падению авторитета власти способствовали также слухи об императрице Александре Федоровне, циркулировавшие в самых различных слоях общества. В числе прочего, утверждалось, будто под ее влиянием Николай II отвергал необходимые изменения в политической сфере и выдвигал на высшие посты протеже императрицы, которые одновременно являлись протеже Г. Е. Распутина. Бывший товарищ министра внутренних дел, камергер императорского двора и член Государственного совета В. И. Гурко в своей книге, посвященной характеристике царствовавшей четы, писал, что подобные слухи были небеспочвенны. Он указывал, что Александра Федоровна «…с присущей ей страстной настойчивостью и даже нетерпимостью, … требовала от своего мужа увольнения или назначения того или иного лица, принятия той или иной меры»[2].

М. В. Родзянко отмечал, что в годы Первой мировой войны в обществе усилились слухи о желании императрицы отстранить государя от руководства внут-

---

[1] *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: в 2 т. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 22–23.
[2] *Гурко В. И.* Царь и царица. Париж, 1927. С. 50.

ренними делами, чтобы во время его нахождения в Ставке «распоряжаться в тылу самой»[1].

Г. И. Шавельский, в свою очередь, также указывал, что ее обвиняли во «всё усиливающемся вмешательстве… в государственные дела» и «продолжающейся распутинщине»[2]. Один из современных российский исследователей в связи с этим отмечает: «Пожалуй, ничто другое так не подрывало авторитет власти, как эти слухи об императрице. Даже идейные монархисты под их влиянием превращались в оппозиционеров»[3].

Дошло до того, что великая княгиня Мария Павловна в присутствии своих взрослых сыновей заявила председателю Госдумы М. В. Родзянко о чрезвычайно вредном влиянии императрицы на положение дел в стране. По словам великой княгини, императрица «… губит страну, благодаря ей, создается угроза царю и всей царской фамилии», поэтому императрицу «надо уничтожить»[4].

Даже брат Николая II Михаил Александрович в январе 1917 г. заявлял, что вся царская семья «…сознает, насколько вредна Александра Федоровна», и что необходимо «устранение императрицы от всякого вмешательства в дела… так как борьба с ней при несчастном безволии царя совершенно бесплодна»[5].

Падение авторитета правящей династии выражалось также в широком распространении слухов о шпионаже Александры Федоровны в пользу Германии. Подобные слухи циркулировали не только среди простонародья, но и в армейских кругах. Незадолго до февральских событий 1917 г. военная цензура отмечала, что многие офицеры были уверены в германофильских взглядах царицы и относились к царице враждебно. Нередко офицеры не скрывали своих настроений от нижних

---

[1] *Родзянко М. В.* Крушение империи / Изд. 3-е. Л., 1929. С. 128.
[2] *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. С. 197.
[3] *Колоницкий Б. И.* Слухи об императрице Александре Федоровне и массовая культура (1914 – 1917) // Вестник истории, литературы, искусства. Отд. ист-филол. наук РАН. М., 2005. С. 374.
[4] *Родзянко М. В.* Крушение империи. С. 206, 207.
[5] Там же. С. 209.

чинов, и многие солдаты тоже считали царицу немкой, игравшей на руку Германии[1].

Слухи об измене императрицы были распространены даже среди генералитета. Например, командир XLIX армейского корпуса генерал-лейтенант В. И. Селивачев в марте 1917 г. писал в своем дневнике: «…есть слух, будто из Царскосельского дворца от государыни шел кабель для разговоров с Берлином, по которому Вильгельм узнавал буквально все наши тайны. Страшно подумать о том, что это может быть, правда – ведь какими жертвами платил народ за подобное предательство?!»[2]. Отметим: предательство императрицы не было доказано ни в то время, ни в наши дни. Думается, не случайно М. В. Родзянко отмечал, что о царице «…наряду с правдой распространялись самые вздорные слухи…»[3], приобретавшие, однако, значение важных факторов политической жизни и влиявшие на настроения не только простонародья, но и общества в целом.

Как бы то ни было, все сказанное выше ослабляло авторитет монархии и в глазах офицерства. Характеризуя отношение офицеров к власти накануне революции, Н. Н. Головин писал, что «… внутреннее единство традиционной формулы «за Веру, Царя и Отечество» было разрушено. Царь противопоставлялся Отечеству»[4]. Иными словами, понятия «Родина» и «монархизм» перестали быть в глазах офицерства тождественными. Соответственно, это не могло не сказаться на отношении офицерства к Февральской революции и смене государственного строя. В этом контексте симптоматичным представляется мнение активного участника Белого движения генерал-лейтенанта В. Г. Болдырева, который считал, что Февральскую революцию офицерство «… подготовило своим безмолвным сочувствием и даже содействием Государственной думе…»[5]

---

[1] *Колоницкий Б. И.* Слухи об императрице Александре Федоровне и массовая культура (1914 – 1917). С. 366.
Там же. С. 366.
[2] Из дневника генерала В. И. Селивачева. 1917 г. // Красный архив. 1925. Т. 9. С. 110–111.
[3] *Родзянко М. В.* Крушение империи. С. 128.
[4] *Головин Н. Н.* Военные усилия России в Мировой войне. Т. 2. С. 441.
[5] *Болдырев В. Г.* Директория. Колчак. Интервенты: Воспоминания / под ред. В. Д. Вегмана. Новониколаевск, 1925. С. 21.

Об отсутствии у офицеров солидарности со свергнутой монархией писал П. Н. Врангель, находившийся в дни Февральской революции в Петрограде. Он отмечал «… огромное количество красных бантов, украшавших почти всех»; при этом в числе таких людей находилось большое количество офицеров и даже несколько генералов[1].

Однако часть офицеров, по всей видимости, испытывала определенный душевный дискомфорт в связи со сложившейся ситуацией. А. И Деникин, характеризуя психологическое состояние командного состава в те дни, отмечал: «Офицерство, несомненно, переживало тяжелую драму, став между верностью присяге…, – и велением целесообразности. … Большая часть в рядах полков, сохранивших относительный порядок, в лице Государственной думы искала разрешения вопросов мятущейся совести»[2]. Сам он в те дни записал в своем дневнике, что надеялся на то, что «страна получит государственное устройство, достойное великого народа», под которым подразумевал конституционную монархию. Кроме того, он высказал надежду на «конец немецкого засилья»[3].

Не поддержав монархию, значительная часть офицерства, в то же время, не проявила энтузиазма в связи с революционными событиями, тем более что сразу же стала падать дисциплина и отношение нижних чинов к офицерам резко ухудшилось. Об этом, в частности, свидетельствовала военная цензура. Например, в сводке сведений за март 1917 г., военно-цензурное отделение Румынского фронта отмечало: «Как видно из писем, офицеры приняли гораздо сдержаннее перемены и многие жалуются на создавшееся по отношению к ним недоверие и упадок дисциплины среди солдат»[4].

На местах иногда делались попытки предпринять меры, которые можно оценивать по-разному, в том числе, как подготовку к возможному подавлению массовых выступлений. Так, генерал от инфантерии А. Е. Эверт, возглавлявший войска Западного фронта, узнав о событиях в Петрограде, 28 февраля отправил

---

[1] См.: *Врангель П. Н.* Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г. Кн. 1. С. 22.
[2] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. С. 44.
[3] Там же. С. 61.
[4] РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 139. Л. 23.

командованию Минского военного округа телеграмму. В ней говорилось: «…ввиду возможности переброски происходящих ныне в Петрограде беспорядков в большие центры и железные дороги… подготовить… надежные части, преимущественно из учебных команд»[1]. На следующий день начальником штаба фронта генерал-лейтенантом М. Ф. Квецинским было указано, куда именно предстоит направить, если потребуется, эти надежные части. В их число вошли Брянск, Смоленск, Вязьма, Гомель, Орша, Могилев, Витебск и др. Предусматривалась также возможность переброски войск из одних городов в другие[2].

Телеграмма о переходе власти к Временному комитету Госдумы пришла на имя генерала А. Е. Эверта днем 1 марта, однако командование фронта не сразу известило об этом войска. В ночь с 1 на 2 марта штабом Западного фронта в штабы армий и управление Минского военного округа было отправлено специальное приказание. В нем указывалось на нежелательность попадания в войска телеграмм, рассылавшихся Временным правительством, а также газет, в которых есть информация о событиях в столице[3].

2 марта в штаб фронта поступил целый ряд объемных телеграфных сообщений, в которых раскрывался ход событий в Петрограде. Но о переходе власти «…в руки Временного правительства…»[4] штаб фронта сообщил в нижестоящие штабы лишь вечером, около 19 часов. На территории белорусских губерний о революции стало известно утром 3 марта, из московской газеты «Русское слово», однако войскам фронта генерал А. Е. Эверт сообщил об этом только 4 марта, издав соответствующий приказ[5].

В некоторых частях офицеры не сообщали солдатам о революции и смене власти, а также не доводили приказы вышестоящего командования, связанные со сменой государственного строя[6]. Были случаи, свидетельствовавшие о достаточно но упорном сопротивлении новым порядкам. Так, до 18 марта не приводилась к

---

[1] Там же. Ф. 1915. Оп. 2. Д. 9. Л. 2.
[2] Там же. Л. 2, 3.
[3] Там же. Л. 22.
[4] Там же. Ф. 2048. Оп. 1 доп. Д. 1352. Л. 31, 58.
[5] НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 2114. Л. 351.
[6] РГВИА. Ф. 1915. Оп. 1. Д. 58. Л. 291.

новой присяге 365-я Гродненская пешая дружина[1], хотя командирам частей было приказано, сделать это не позже 10 марта[2].

Некоторые офицеры делали попытки игнорировать изменения, происходившие в связи со сменой власти, как было, например, в 63-м Сибирском стрелковом полку. Нижние чины этой части подали жалобу в Минский совет рабочих депутатов, в которой сообщалось о непризнании офицерами полка новых порядков. Подобное положение, по словам солдат, сложилось во всей 16-й Сибирской стрелковой дивизии, начальник которой генерал-лейтенант А. Н. Бунин отказывался признавать Временное правительство и требовал от нижних чинов исполнения царского гимна. Солдаты 61-го Сибирского стрелкового полка также сообщали о конфликтах с командным составом на почве неприятия им «нового уклада военной жизни»[3].

В своих письмах домой солдаты отмечали, что происходили аресты офицеров, не подчинявшихся новым порядкам, и что часть офицеров «долго упорствовала» в связи с приемом новой присяги[4]. Подобные случаи фиксировались на различных фронтах. Настроения офицеров характеризовали выдержки из писем, подобные следующим строкам: «13 марта мы присягали Временному правительству с неохотой… Настроение мое и многих офицеров очень плохое…»[5].

Отрицательное отношение таких офицеров к революции значительно усилило чрезвычайно быстрое разложение дисциплины в войсках, дискриминация их со стороны солдат и т.п.

Однако некоторое число офицеров поддержало происшедшие перемены. Как правило, эти военнослужащие являлись членами революционных партий. Например, во время войны по мобилизации попали в армию и получили офицерский чин прапорщики А. Ф. Ильин-Женевский, Н. В. Крыленко, А. Ф. Мясников, И. П. Павлуновский, подпоручик Р. И. Берзин, штабс-капитан

---

[1] Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1337. Л. 10.
[2] Там же. Ф. 1915. Оп. 1. Д. 58. Л. 190.
[3] Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1337. Л. 1, 3,11.
[4] РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 139. Л. 24.
[5] Там же. Л. 36.

В. М. Турчан и некоторые другие. «Это были профессиональные революционеры, ко времени мобилизации не один год уже работавшие в большевистском подполье»[1].

В исследованиях советского времени общее количество таких офицеров не указывалось, так как это вряд ли было возможно ввиду соблюдавшейся ими конспирации; по фамилиям называлось лишь по 10–12 человек на каждом фронте. Кроме того, отмечалось, что во 2-й Петергофской, 2-й Московской и 4-й Киевской школе прапорщиков действовали большевистские ячейки[2]. В ходе июльских событий в Петрограде на стороне большевиков находились лишь около 10 офицеров, все в чине прапорщика[3].

Как считает С. В. Волков, к концу 1917 г. РСДРП (б) располагала офицерскими кадрами в лице членов своей партии и им сочувствовавших в количестве нескольких сот человек. Определенное число офицеров являлись эсерами – интернационалистами, левыми эсерами, членами других революционных партий. Общее число офицеров, участвовавших в той или иной форме в революционном движении, по его оценкам, составляло не более 2–3 тысяч по всей армии[4]. По сути, они не принадлежали к военной среде, так как являлись профессиональными революционерами. По всей видимости, именно представители этой части офицеров участвовали в деятельности новых органов власти и солдатских комитетов. Например, в составе Исполнительной военной комиссии Совета военных депутатов Иркутского гарнизона находилось 9 офицеров в чине от прапорщика до капитана (состав комиссии – 24 человека), ее председателем также был офицер – прапорщик Дресслер[5].

Еще одна часть лиц, формально принадлежавших к офицерскому корпусу, поддерживала перемены в стране и армии, руководствуясь при этом не идейными

---

[1] *Поликарпов В. Д.* Военная контрреволюция в России. М., 1990. С. 173.
[2] *Буравченков А. А*. В ногу с революцией. Демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции. С. 21, 41.
[3] *Ахун М. И., Петров В. А.* Большевики и армия в 1905–1917 гг. С. 248–249.
[4] *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 310.
[5] Состав Исполнительной военной комиссии Совета Военных депутатов // Армия и народ. 1917. 28 марта. № 1. С. 13.

соображениями, а инстинктом самосохранения и карьерными интересами. Очевидец событий той поры генерал-майор Э. А. Верцинский охарактеризовал таких военнослужащих следующим образом: «… беспринципные начальники стали заигрывать с солдатами в явный ущерб для армии и строить свое преуспевание на показной революционности»[1].

Аналогичного мнения придерживался А. И. Деникин, отмечавший, что в офицерской среде находились лица, старавшиеся «… угождением инстинктам толпы стать ей близким, нужным и на фоне революционного безвременья открыть себе неограниченные возможности военно-общественной карьеры»[2].

Подобную оценку делали и некоторые лица, работавшие в правительственных структурах. Так, управляющий делами Временного правительства В. Д. Набоков писал, что в командном составе обнаружился тип людей, которые поняли, что удержаться на своих местах могут только «безудержным потаканием» солдатам[3].

В источниках тех лет называются фамилии военнослужащих, публично срывавших с себя офицерские погоны, заявлявших о поддержке злостных нарушителей дисциплины, выступавших за увольнение со службы требовательных офицеров, открыто призывавших солдат к неисполнению приказаний своих командиров, в том числе, в боевой обстановке[4].

Таким образом, реакция офицеров на Февральскую революцию была различной. Офицерство не выступило в защиту монархии, потеряв доверие к ней, однако в последующие месяцы отношение к ситуации в армии и стране разделило офицерский состав на практически противостоявшие друг другу части. Не слу-

---

[1] *Верцинский Э. А.* Год революции. Воспоминания офицера генерального штаба за 1917–1918 года. С. 15.
[2] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. С. 74.
[3] См.: *Набоков В. Д.* Временное правительство (воспоминания). М., 1924. С. 132.
[4] РГВИА. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 20. Л. 93–93 об. , 107–107 об.; Ф. 2085. Оп. 1. Д. 141. Л. 58, 59; Сообщение командующего 12-й армией Р.Д. Радко-Дмитриева исполняющему должность начальника штаба армий Северного фронта М. И. Вахрушеву о положении в частях армии // Революционное движение в русской армии в 1917 году. 27 февраля – 24 октября 1917 года: Сборник документов. С. 131; *Граф Г. К.* На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб, 1997. С. 315; *Ахун М. И., Петров В. А.* Большевики и армия в 1905–1917 гг. С. 211, 261, 262.

чайно исследователи указывают на «неоднозначную позицию офицерства и различные примеры его самоопределения в начавшейся революции»[1].

5.2. Политика новой власти в отношении армии

В период двоевластия, возникшего после Февральской революции, на отношения между Временным правительством и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, наряду с прочими обстоятельствами влиял специфический фактор. Он заключался в том, что Совет имел поддержку со стороны солдатских масс, в то время как правительство таковой не обладало.

Уже в первый день революционных событий исполком Совета обратился к частям Петроградского гарнизона с предложением направить в Совет своих депутатов, через которых эта ветвь власти установила связь с войсками и получила мощную опору для ведения политической борьбы. В этой связи военный и морской министр А. И. Гучков писал начальнику штаба Верховного Главнокомандующего М. В. Алексееву: «В частности, по военному ведомству ныне представляется возможным давать лишь те распоряжения, которые не идут коренным образом в разрез с постановлениями… Совета»[2].

Было очевидно, что без лояльного отношения войск к Временному правительству оно вряд ли сможет удержаться у власти и проводить намеченные им преобразования. Не имея прочной опоры в армии и среди широких слоев населения, правительство вынуждено было лавировать между требованиями Петроградского Совета и самих солдат об окончании войны и расширении их прав, с одной стороны, и необходимостью удерживать фронт и обязательствами перед странами Антанты – с другой. В частности, в первые послереволюционные дни Временное правительство опубликовало ряд обращений, заявлений и воззваний к населению,

---

[1] *Гребенкин И. Н.* Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914–1918 гг.: дис…. докт. ист. наук. Разань, 2011. С. 9.

[2] Письмо Гучкова Алексееву 9 марта 1917 г. // См.: Стратегический очерк войны 1914 – 1918 г. Часть VII: Кампания 1917 г. / сост. А. Зайончковский. М., 1923. С. 121.

а также солдатам и офицерам. В этих документах подчеркивалась важность соблюдения дисциплины и продолжения войны во имя защиты революции[1].

Однако для усиления своего влияния правительству требовались шаги, которые могли бы обеспечить его поддержку со стороны армии, прежде всего, солдатских масс. В этом контексте начались преобразования внутреннего армейского порядка и взаимоотношений военнослужащих, совершенно не учитывавшие военную специфику. Так, почти сразу после смены власти была опубликована Декларация Временного правительства, в которой указывались главные направления его работы. В числе прочего там говорилось об амнистии по всем политическим делам, в том числе терактам и «военным восстаниям», а также о распространении на солдат свободы слова, печати, союзов, собраний и стачек[2].

Следует отметить, что пункт о распространении политических свобод на солдат был внесен в правительственную Декларацию ввиду требований солдатских депутатов, а требование об амнистии, в том числе по военным преступлениям – по требованию члена исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Н. Н. Суханова[3].

2 марта был опубликован известный «приказ № 1», подготовленный группой депутатов Петроградского Совета. По воспоминаниям генерал-майора А. И. Верховского, впоследствии ставшего военным министром, он был отпечатан гигантским тиражом в 9 миллионов экземпляров и разослан как в войска Петроградского гарнизона, так и в действующую армию[4].

Если оценивать приказ не с точки зрения интересов какой-либо партии, а с позиций сохранения армии, как социального института, то становится очевидным, что этот документ по своей сути был направлен на разложение войск. В нем содержались положения, нарушавшие важнейший принцип строительства воору-

---

[1] От Временного правительства // Разведчик. 1917. № 1374–1375. С. 153; Воззвание военного министра. 9 марта // Разведчик. 1917. № 1374–1375. С. 154 и др.

[2] Декларация Временного правительства о его составе и задачах от 3 марта 1917 г. // *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте: мемуары. М., 1993. С. 147, 148.

[3] *Старцев В. И.* Декларация Временного правительства от 3 марта 1917 г. // Нестор. 2000. № 3. С. 205.

[4] *Верховский А. И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 207.

женных сил – единоначалие, заключавшееся в наделении командиров всей полнотой распорядительной власти в отношении подчиненных и возложении на них личной ответственности за все стороны жизни и деятельности войск. Между тем только единоначалие могло обеспечить эффективное функционирование армии и выполнение стоявших перед ней задач. Кроме того, приказ негативно влиял на взаимоотношения между военнослужащими различных категорий, нарушал систему военного управления, превращал армию в инструмент борьбы за власть. Так, в соответствии с приказом в подразделениях и частях требовалось немедленно выбрать комитеты из солдат, при этом указывалось, что в ходе политических выступлений каждая часть подчиняется распоряжениям Совета рабочих и солдатских депутатов, а также своему комитету[1].

Иными словами, официально указывалась сфера, в которой войска не подчинялась своему командованию. Это значило, например, что войска, в том числе, ведущие боевые действия, получали право совершать некие политические выступления, под которыми можно было подразумевать любые акции и мероприятия. Абсурдность данного положения состояла в том, что ведение боевых действий принципиально не сочетается ни с какими политическими выступлениями личного состава. Это могло сорвать реализацию плана боя (операции, удара, маневра), лишало командиров полноты власти в управлении войсками, ставило их в зависимость от политических пристрастий и планов членов комитетов. Дальнейшие события на фронтах показали, что именно так и стало происходить.

В другом положении приказа говорилось: «Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам даже по их требованиям»[2]. Данный пункт приказа № 1 создавал официальный прецедент нарушения порядка подчиненности и дисциплины. В соответствии с действовавшими Уставами, воинская дисциплина оз-

---

[1] См.: Приказ № 1, выпущенный Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов 14 (1) марта 1917 г. // *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.; в 5 ч., 12 кн. [Париж – Таллинн]: Приложение к «Иллюстрированной России» на 1937 год. Ч. 1. Кн. 1. С. 93.
[2] Там же.

начала обязанность каждого военнослужащего «… точно и беспрекословно исполнять приказания начальства, строго соблюдать чинопочитание, добросовестно исполнять обязанности службы…», при этом указывалось, что начальник «… один отвечает за последствия своего приказания»[1].

Теперь же, в соответствии с приказом № 1, солдаты могли не выполнять требования своих офицеров о выдаче оружия, что, как показали дальнейшие события, послужило основанием для аналогичных действий солдат во всех сферах армейской жизни. Принцип единоначалия, предоставлявший право принятия решений, отдачи соответствующих распоряжений и приказов, обеспечения их выполнения только командиру, был вновь попран. В приказе № 1 упоминалось, что в строю и при выполнении служебных обязанностей солдаты обязаны соблюдать воинскую дисциплину. Однако далее указывалось, что «… вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане…»[2].

Подобный подход свидетельствовал о полном непонимании авторами приказа специфики воинской службы, тем более что в военное время и в боевой обстановке разграничить «служебное» и «внеслужебное» время военнослужащих практически невозможно. Негативный характер приказа признавали даже военнослужащие, начавшие сотрудничать с Временным правительством. Так, генерал М. Д. Бонч-Бруевич указывал следующее. «Я не мог не понять, что… приказ сразу подрывает все, при помощи чего мы, генералы и офицеры, несмотря на полную бездарность верховного командования, … все-таки подчиняли своей воле и держали в повиновении миллионы озлобленных, глубоко разочаровавшихся в войне вооруженных людей»[3].

Вскоре Временное правительство заявило, что приказ № 1 не относится к фронту и распространяется только на войска Петроградского военного округа[4], но

---

[1] Устав дисциплинарный / Исп. и доп. по 15 октября 1915 г. Петроград, 1915. С. 5.
[2] Приказ № 1, выпущенный Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов 14 (1) марта 1917 г. // *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. 1. Кн. 1. С. 93–94.
[3] *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам! М., 1958. С. 127.
[4] *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте: мемуары. С. 142.

это не возымело никакого воздействия на солдатские массы. На заседании комитета Государственной думы в начале мая генерал М. В. Алексеев, бывший в то время Верховным Главнокомандующим, высказал мнение, что приказ № 1 был преступным, положил начало развалу армии, поэтому необходимо начать работу по ее восстановлению. Однако член исполкома Петроградского Совета И. Г. Церетели возразил, сказав, что «приказ № 1 отвечал моменту»[1]. Временное правительство никаких мер по прекращению действия данного документа не предпринимало, более того, И. Г. Церетели заявлял, что никогда не было такого, чтобы правительство не шло навстречу пожеланиям Совета[2].

Постоянные заявления власти о наступившей свободе и правах солдат способствовали лавинообразным деструктивным процессам в армии: резкому падению дисциплины, потере управляемости войсками, террору в отношении командного состава (подробнее об этом будет сказано в параграфе 5.3.). Однако военный министр А. И. Гучков в ответ на предостережения военачальников о начавшемся развале армии и опасности проведения непродуманных решений в военной сфере заявил, что исходя из существующего положения в стране, «теперь нужно на все смотреть сквозь пальцы»[3].

В конце марта 1917 г. Временным правительством было объявлено «Временное положение об организации чинов действующей армии и флота». Во многом оно дублировало приказ № 1 но, кроме того, здесь излагалась организация всей системы комитетов в войсках – от ротных комитетов до фронтовых сходов. Члены ротных комитетов были объявлены «посредниками между ротным командиром и солдатами во всех вопросах внутреннего быта роты…»; боевые вопросы, в ротном комитете обсуждению не подлежали, но в «случае злоупотреблений …

---

[1] Из дневника генерала М. В. Алексеева // Русский исторический архив. Сборник первый. Прага, 1929. С. 41.
[2] См.: *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. С. 64.
[3] Из дневника генерала М. В. Алексеева // Русский исторический архив. Сборник первый. С. 20.

комитеты должны немедленно и совершенно секретно извещать полковой комитет…»[1].

Как показали последующие события, подобные формулировки позволяли считать «злоупотреблениями» практически все, что офицеры пытались сделать для сохранения боеспособности армии и обеспечения выполнения стоявших боевых задач. В апреле 1917 г. вышел приказ по военному ведомству, в соответствии с которым права комитетов расширялись. Они получили право наблюдать за поддержанием дисциплины в своих частях, контролировать хозяйственную деятельность, принимать меры «против злоупотреблений и превышения власти со стороны должностных лиц своей части»[2]. То есть, у офицерского состава официально изымалась значительная часть управленческих функций .

По всей действующей армии число комитетов достигло почти 50 тысяч. Офицер, бывший в то время на фронте, отмечал, что они «…часто вмешивались в… вовсе их не касающиеся области, и зачастую приносили немалый вред»[3]. В связи с выходом подобных приказов генерал М. В. Алексеев так характеризовал обстановку в войсках: «Приказ за приказом отнимал власть у начальников, дискредитировал их значение, уничтожал устои, на которых всегда покоились, покоятся и будут покоиться во всем мире способности армии к борьбе»[4].

Аналогично мнение современного отечественного исследователя В. П. Булдакова, утверждающего, что решающую роль в разложении армии сыграла «… вольная или невольная дискредитация офицерского корпуса, осуществленная военными министрами А. И. Гучковым и А. Ф. Керенским»[5].

В такой ситуации, писал сотрудник аппарата Временного правительства, роль А. И. Гучкова, как военного и морского министра, «оставалась неясной»: он

---

[1] Приказ Верховного Главнокомандующего от 30 марта № 51 // Библиотека НИАБ. Инв. № 14994. Приказы Верховного Главнокомандующего за 1917 год (нумерация страниц отсутствует).
[2] Приказ по военному ведомству от 16 апреля № 213 // Библиотека НИАБ. Инв. № 14971. Приказы по военному ведомству за 1917 год. С. 189, 190.
[3] *Черкасский И.* Воспоминания о полковом комитете // Военная быль. 1974. № 126. С. 9.
[4] Из дневника генерала М. В. Алексеева // Русский исторический архив. Сборник первый. С. 20.
[5] *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. С. 124.

редко бывал на правительственных заседаниях, практически не высказывал своего мнения, при этом к вооруженным силам относился чрезвычайно скептически[1]. Подобным образом характеризовался и глава правительства князь Г. Е. Львов, который «…не только не сделал, но даже не попытался сделать что-нибудь для противодействия все растущему разложению» армии, «был воплощением пассивности» и ни разу не принял «твердого, определенного решения»[2].

В мае А. Ф. Керенский, занявший пост военного и морского министра, подписал приказ, получивший громкое название «Декларация прав солдата». В соответствии с документом, выпущенным не только в виде приказа, но и специальной брошюры, каждый военнослужащий мог состоять в любой организации, носившей политический, национальный и т.п. характер. Одновременно он имел право высказывать устно или в печати свои политические, социальные и прочие взгляды, беспрепятственно получать все без исключения печатные издания, в том числе, непериодические[3], то есть, листовки, брошюры и т.д.

Подобного не было никогда ни в одной армии мира. В обстановке, когда шла война и в стране действовало множество конкурировавших и даже враждовавших между собой партий, когда активизировались националистические и сепаратистские движения это означало разделение военнослужащих по идеологическим, этническим и иным признакам. Кроме того, во внутренних округах, а с некоторыми ограничениями и в городах, находившиеся на театре военных действий, солдаты получили право носить вне службы гражданское платье; в округах, не находившихся на театре военных действий, солдаты могли покидать казармы, лишь уведомив об этом «надлежащее начальство». Этим же приказом было отменено даже внешнее проявление уважения к старшим по чину – обязательное отдание воинской чести[4]. Генерал М. В. Алексеев охарактеризовал

---

[1] См.: *Набоков В. Д.* Временное правительство (воспоминания). М., 1924. С. 68, 72.
[2] Там же. С. 66, 67.
[3] *Керенский А. Ф.* Декларация прав солдата. М., 1917. С. 1, 2.
[4] Там же. С. 3.

декларацию так: «…последний гвоздь, заколачиваемый в гроб доблести, стойкости и дисциплины русской армии»[1].

Генерал от кавалерии В. И. Ромейко-Гурко, занимавший пост главнокомандующего армиями Западного фронта, подал рапорт на имя Главковерха и министра-председателя Временного правительства. В рапорте указывалось, что в связи с введением подобного документа он снимает с себя всякую нравственную ответственность за положение дел на вверенном ему фронте. В ответ на это Временное правительство отстранило генерала от должности[2].

Армия стремительно разлагалась, неимоверно выросло число воинских преступлений и нарушений дисциплины, войска в массовом порядке отказывались выполнять боевые задачи, в то время как меры воздействия на правонарушителей командиры предпринять не могли. В «Декларации прав солдата» указывалось, что «… никто из военнослужащих не может быть подвергнут наказанию или взысканию без суда…»[3]. Иными словами, командный состав был лишен всякой дисциплинарной власти.

В боевой обстановке в соответствии с Декларацией начальнику предоставлялось право принимать необходимые меры, вплоть до применения оружия против подчиненных, не выполняющих его команды и приказания. Однако Н. Н. Головин указывал, что в общем контексте Декларации заявление об этом праве звучало настолько неубедительно, что производило впечатление, будто ее авторы стремились возложить на офицеров всю ответственность за возможные неудачи в боевой обстановке. «Так оно и было понято офицерским составом»[4]. Кроме того, применение оружия против неповинующихся подчиненных было практически невозможным, ибо вышедшие из повиновения солдаты сами нередко использовали оружие против командиров.

---

[1] Протокол совещания, бывшего 16-го июля 1917 года в Ставке // Стратегический очерк войны 1914–1918 г. Часть VII: Кампания 1917 г. / сост. А. Зайончковский. М., 1923. С. 168.
[2] Приказ армии и флоту (по кабинету министра) от 23 мая 1917 г. // Разведчик. 1917. № 1385. С. 326.
[3] *Керенский А. Ф.,* военный и морской министр. Декларация прав солдата. С. 4.
[4] *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. 1. Кн. 1. С. 72.

Армию разлагали не только приказы Временного правительства и военного министра по вопросу расширения прав солдат. Свою роль играло и то, что 18 марта правительством было опубликовано постановление об отмене смертной казни как таковой, за все виды преступлений, в том числе, за самые тяжкие воинские преступления. Казнь заменялась срочной или бессрочной каторгой[1]. В тот же день вышло еще одно постановление Временного правительства, в котором указывались категории лиц, уже совершивших преступления, но освобождавшихся от наказаний или же получавших значительное смягчение вынесенных ранее приговоров[2].

Несколько ранее, 6 марта была объявлена общая политическая амнистия, которая распространялась на деяния, предусмотренные военными и военно-морскими уголовными законами[3].

Разнообразные послабления в отношении солдат, наносившие прямой ущерб боеспособности войск, одновременно сопровождалась действиями властей, дискредитировавшими офицерский состав. Так, была организована масштабная чистка в рядах офицерского корпуса. Безусловно, в армии были генералы и офицеры, не соответствовавшие занимаемым должностям, однако поочередно возглавлявшие военное ведомство сугубо штатские люди – А. И. Гучков (политический и общественный деятель) и А. Ф. Керенский (адвокат) – вряд ли могли оценить профессиональные качества военачальников. Вероятнее всего, критерием увольнений являлись иные мотивы.

19 марта военный и морской министр А. И. Гучков обратился к Главковерху генералу от инфантерии М. В. Алексееву с письмом, в котором заявил о неподготовленности командного состава и необходимости увольнения вначале высшего комсостава, от командующих фронтами до корпусных командиров, затем командиров отдельных частей. «Эту меру нужно провести быстро и беспощадно, что

---

[1] Постановление Временного правительства об отмене смертной казни // Вестник Временного правительства. 1917. № 12 (58). 18 (31) марта. С. 1.
[2] Там же.
[3] Приказ Верховного Главнокомандующего от 15 мая № 284 // Библиотека НИАБ. Инв. № 14994. Приказы Верховного Главнокомандующего за 1917 год (нумерация страниц отсутствует).

вызовет доверие армии своим вождям…»[1]. В тот же день 19 марта А. И. Гучков прислал М. В. Алексееву еще одно письмо. В нем уже назывались конкретные фамилии тех, кого, по мнению министра, необходимо было уволить от должности. В их числе находились один главнокомандующий армиями фронта, три начальника штаба фронта, четыре командующих армиями, тридцать два командира корпуса. Кроме того, в письме, давались советы, кого следует назначить на освобождавшиеся должности[2].

Вскоре письмо М. В. Алексееву прислал министр-председатель Временного правительства Г. Е. Львов, в котором предлагалось не медлить с «чисткой»[3].

Генерал-лейтенант П. К. Кондзеровский, занимавший в тот период должность дежурного генерала Ставки, вспоминал в этой связи: «…началось что-то невероятное: пошли массовые отчисления от должностей и, соответственно с этим, замещения высших должностей и следующих за ними и т.д. <…> Перемены были массовые, так что почти ни один начальник дивизии не остался на своем посту; весь командный состав армии был переменен, все переезжали с одной должности на другую или были выброшены по «непригодности», и все это незадолго до готовившегося большого весеннего наступления»[4].

В одном из списков офицеров и генералов Западного фронта, подлежавших отчислению (документ составлен в конце марта), числилось 192 человека, от главнокомандующего армиями Западного фронта генерала от инфантерии А. Е. Эверта до командиров бригад[5].

По всей армии к 12 апреля от должностей были отчислены главнокомандующие армиями двух фронтов, командующие шестью армиями, командиры 32 корпусов, начальники 40 дивизий, командиры 17 бригад[6].

---

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 202. Л. 1.
[2] Там же. Д. 201. Л. 5 об., 6 об., 7, 8 – 8 об.
[3] Там же. Л. 9.
[4] Цит. по: *Жебровский С. С.* Высший командный состав русской армии весной 1917 г.// Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. Вып. 2. С. 199.
[5] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 201. Л. 47–49 об.
[6] Там же. Л. 69.

Генерал-майор Э. А. Верцинский, бывший в то время начальником штаба гвардейской стрелковой дивизии, писал: «Приказ военного министра А. И. Гучкова о массовом одновременном увольнении из армии до 150 старших начальников… был во всех отношениях неудачным… Попутно с небольшим числом слабых начальников, было уволено значительное число средних и даже хороших»[1].

Одним из подтверждений слов Э. А. Верцинского является следующий факт. 23 марта военный министр в очередном письме М.В. Алексееву потребовал уволить 14 начальников дивизий, в том числе, начальника 101-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта К. Л. Гильчевского. Это был тот самый генерал, который в ходе Брусиловского прорыва летом 1916 г. стал известен всей России как командир, добившийся целого ряда блестящих побед. Только то, что М. В. Алексеев лично знал начальника дивизии, уберегло того от увольнения. На полях письма Верховный Главнокомандующий начертал: «Генерала Гильчевского назначить командиром корпуса. Это доблестный начальник дивизии, умеющий вести, а не посылать дивизию в бой…»[2].

Некоторые крупные военачальники, в том числе, блестяще проявившие себя в ходе мировой войны, такие, как генерал от инфантерии П. А. Лечицкий, командовавший 9-й армией и генерал от кавалерии А. М. Каледин, возглавлявший 8-ю армию, сами сдали должности, отказавшись служить в подобных условиях.

К 1 мая 1917 г. были отстранены от занимаемых должностей 3 из 5 главнокомандующих армиями фронта, 7 из 14 командующих армиями, 39 из 77 командиров корпусов[3], 70 начальников дивизий[4], что составило до 60 % высшего командного состава армии[5].

---

[1] *Верцинский Э. А.* Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 года. Таллинн, 1929. С. 15.
[2] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 201. Л. 12–12 об.
[3] *Жебровский С. С.* Высший командный состав русской армии весной 1917 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. Вып. 2. С. 199.
[4] *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 17.
[5] Стратегический очерк войны 1914–1918 г. Часть VII: Кампания 1917 г. / сост. А. Зайончковский. М., 1923. С. 40.

Отчисления от должности затронули даже командиров полков: 2 марта только на Западном фронте были заменены 17 полковых командиров, 23 марта – 40, 13 апреля – еще 9 командиров полков[1]. В марте – апреле несколько десятков полковых командиров были отстранены от должности на Северном фронте[2].

Как отмечал Н. Н. Головин, массовые увольнения командного состава были демагогическим приемом Временного правительства, «чтобы понравиться солдатским массам»[3].

В условиях стремительной морально-психологической деградации войск подобное отношение к командному составу провоцировало не только падение его авторитета и разрушение дисциплины, но и насилие солдат в отношении офицеров, вплоть до убийств. А. И. Деникин так оценивал результаты «чистки»: «Массовое увольнение начальников окончательно подорвало веру в командный состав, и дало внешнее оправдание комитетскому и солдатскому произволу, и насилию над отдельными представителями командования»[4]. Выходившие одновременно с увольнениями командного состава обращения правительства к солдатам, призывавшие тех соблюдать дисциплину, были сугубо формальными и какого-либо значения не имели.

Дискредитации офицерства способствовали также популистские заявления и действия властей, отвечавшие настроениям разложившихся солдатских масс. Например, А. Ф. Керенский, выступая на митинге перед солдатами Западного фронта, заявил, что «при царях вас гнали в бой кнутами и пулеметами, начальники водили вас на бойню». В этой связи А. И. Деникин, присутствовавший на том митинге, через некоторое время на совещании в Ставке сказал ему: «Я… слушал, и сердце сжималось от обиды, потому что это была неправда»[5].

Официальная газета военного министерства «Армия и Флот свободной России» опубликовала статью «О дисциплине», в которой говорилось, будто в старой

---

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 199. Л. 101–106, 113–114.
[2] Там же. Д. 202. Л. 140, 176–177.
[3] *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. 1. Кн. 1. С. 71.
[4] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 2. С. 8.
[5] Протокол совещания, бывшего 16-го июля 1917 года в Ставке // Стратегический очерк войны 1914–1918 г. Ч. VII: Кампания 1917 г. С. 158.

армии была каторжная дисциплина, опиравшаяся исключительно на угрозу физической расправы, когда в солдате видели «бессловесное животное». Далее статья подводила к тому, что дисциплина опиралась на командиров и начальников, якобы бывших «палачами солдат, которые держали нижних чинов в каторжных условиях»[1].

В связи с подобными публикациями в частном журнале «Разведчик» была напечатана передовая статья, в которой анализировалось сложившееся положение. В частности, в ней говорилось, что военное ведомство ведет борьбу не с истинными виновниками разрухи армии, не с распущенными и забывшими свой долг элементами, а с «…офицерами, никогда не отказывавшимися от исполнения своего долга. Солдатская масса прекрасно понимает и чувствует это отношение к офицерам, и конечно учитывает это в своих выступлениях»[2].

Когда в марте Главковерх М. В. Алексеев приказал задерживать и предавать военно-полевому суду агитаторов, способствовавших разложению личного состава, Временное правительство направило к нему специального представителя, потребовавшего отменить приказ. Генерал отказался, после чего в прессе, контролировавшейся Петроградским Советом, началась кампания с требованиями принять самые жесткие меры против «реакционера». В результате военно-полевые суды были отменены правительством, а деятельность обычных военных судов приостановлена[3]. Подобный факт не мог не нанести серьезного ущерба авторитету Главковерха.

Негативное влияние на и без того стремительно ухудшавшееся морально-психологическое состояние войск оказал приказ, касавшийся боевых знамен. В нем требовалось, чтобы части, имевшие знамена с вензелем Николая II, доставили

---

[1] Цит. по: *Лазаревич Ю.* В защиту русского офицера // Разведчик. 1917. № 1393–1394. С. 429–431.
[2] Поднятие боеспособности армии // Разведчик. 1917. № 1393–1394. С. 427.
[3] Из дневника генерала М. В. Алексеева // Русский исторический архив. Сборник первый. С. 16.

«…означенные знамена… (без соблюдения церемонии, установленной для отвоза знамен) в Петроград… для выполнения работы по снятию означенных вензелей»[1].

Пренебрежительное отношение новой власти к боевым знаменам, олицетворявшим воинскую честь, не могло не сказаться на отношении солдат к выполнению своего долга: знамена, которые ранее требовалось защищать даже ценой жизни, приказали перевозить как обозное имущество.

На совещании в Ставке 16 июля 1917 г., на котором обсуждалось положение в армии, присутствовал А. Ф. Керенский, ставший к тому времени министром-председателем (с сохранением за собой поста военного и морского министра), и некоторые другие члены Временного правительства. Генералы А. А. Брусилов, А. И. Деникин, М. В. Алексеев и некоторые другие выступили с докладами, в которых высказались в том смысле, что причина падения боеспособности армии – ее безудержная «демократизация», лишение командного состава власти, деятельность в войсках комитетов, а также комиссаров Временного правительства. Для повышения боеспособности армии А. И. Деникин потребовал восстановить дисциплину. Он заявил о необходимости признания Временным правительством ошибок в отношении к офицерам, упразднения комиссаров и комитетов, возвращения всей власти командирам. Кроме того, было заявлено о необходимости введения законов, каравших за наиболее тяжкие воинские преступления. Его поддержали генералы В. Н. Клембовский, М. В. Алексеев, А. А. Брусилов, Н. В. Рузский[2].

Однако А. Ф. Керенский заявил, что подобные меры невозможны, так как надо верить в разум, совесть и патриотизм народа, и что «…все это нельзя приносить в жертву ради железной дисциплины»; дисциплину надо вводить, «…но так, чтобы не были затронуты основные завоевания революции…»[3].

---

[1] Приказ по военному ведомству от 4 апреля № 182 // Библиотека НИАБ. Инв. № 14971. Приказы по военному ведомству за 1917 год. С. 160.
[2] Протокол совещания, бывшего 16-го июля 1917 года в Ставке // Стратегический очерк войны 1914–1918 г. Часть VII: Кампания 1917 г. С. 151–165, 168–175.
[3] Там же. С. 177, 178.

Масштаб разложения армии, однако, был таков, что Временное правительство было вынуждено реагировать на происходившие события. Так, в начале июля в войсках был объявлен приказ, в соответствии с которым дезертиры лишались права участвовать в выборах в Учредительное собрание и органы местного самоуправления, а семьи дезертиров лишались пайка, до возвращения в свои части. Вернувшиеся в части солдаты могли быть освобождены от ответственности[1].

12 июля была восстановлена смертная казнь через расстрел за некоторые тягчайшие преступления: измену, переход на сторону неприятеля, бегство с поля боя, сдачу в плен без сопротивления и т.п. Выносить приговор могли военно-революционные суды, создававшиеся при дивизиях по распоряжению начальников дивизий или высших начальников[2].

Однако уже 9 августа был издан приказ по военному ведомству, в котором объявлялось постановление Временного правительства о необходимости утверждения смертных приговоров командующим армией и состоявшим при нем комиссаром Временного правительства[3].

В действительности же сложилось положение, когда, как писал один из офицеров, никто не знал, как привести смертный приговор в исполнение в случае его вынесения, ибо существовала реальная угроза расправы со стороны толпы[4].

Так, начальник 19-й пехотной дивизии, находившейся на Юго-Западном фронте, был вынужден ходатайствовать о смягчении приговора пяти приговоренным к смертной казни и девятнадцати – к каторге, «… страха ради перед угрозами солдат»[5]. Более того, солдаты мешали формированию любых судов. Например, в 8-м пехотном запасном полку (Западный фронт) был арестован солдатами коман-

---

[1] Приказ Верховного Главнокомандующего от 4 июля № 371 // Библиотека НИАБ. Инв. № 14994. Приказы Верховного Главнокомандующего за 1917 год (нумерация страниц отсутствует).

[2] Постановление Временного правительства о введении смертной казни на фронте и об учреждении военно-революционных судов (12 июля 1917 г.) // Хрестоматия по истории государства и права России / сост. Ю.П. Титов. М., 1997. С. 296.

[3] Приказ по военному ведомству от 9 августа № 504 // Библиотека НИАБ. Инв. № 14971. Приказы по военному ведомству за 1917 год. С. 607.

[4] *Верцинский Э. А.* Год революции. Воспоминания офицера генерального штаба за 1917 – 1918 года. С. 32.

[5] Из дневника ген. В. И. Селивачева // Красный архив. 1925. Т. 3 (10). С. 169, 170.

дир полка полковник Богдасаров и председатель полкового комитета прапорщик Сураев за отдачу приказа о выборах в дисциплинарный суд[1]. Иными словами, предпринятые правительством полумеры ничего не давали.

А. И. Деникин писал, что после провала наступления летом 1917 г., еще раз продемонстрировавшего всю глубину разложения армии, А. Ф. Керенский не мог не понимать, что только суровые меры, предлагавшиеся военным командованием, могли изменить ситуацию в армии и стране. В том числе, это касалось обеспечения независимости правительства от Совета. Но принятие таких мер означало бы «полный разрыв с революционной демократией, которая дала Керенскому имя, положение и власть, и которая, невзирая на оказываемое ею противодействие, все же, как это ни странно, служила ему хоть и шаткой, но единственной опорой»[2].

Современник отмечал, что, при определенных обстоятельствах «Временное правительство могло бы опереться на полную и безоговорочную поддержку офицерского корпуса. Но это оказалось для него психологически невозможным»[3], так как правительство опасалось противодействия со стороны консервативно настроенной части офицерства. Н. Н. Головин отмечал, что правительство, в том числе сам А. Ф. Керенский «… в своем узкопартийном мировоззрении… неразрывно сочетали понятие «контрреволюции» с реставрацией, а потому боялись всякой контрреволюционной силы»[4].

Один из участников обороны Зимнего дворца писал, что даже накануне штурма Зимнего дворца А. Ф. Керенский не привлек к его защите восемь военных училищ, располагавшихся в столице: Временное правительство не доверяло им, так как влияние офицеров на юнкеров было достаточно большим. Оно искало опоры «… в более демократических школах прапорщиков, укомплектованных частью из студентов»[5].

---

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1121. Л. 1.
[2] *Деникин А. И.* Борьба генерала Корнилова. М., 2014. С. 6.
[3] *Осипов Н.* Февральская революция // Мосты: сб. статей к 50-летию русской революции. Мюнхен, 1967. С. 74.
[4] *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. 2. Кн. 3. С. 28.
[5] *Гайлеш К., де.* Защита Зимнего дворца // Сопротивление большевизму. 1917–1918 гг. / Сост., науч. ред., предис. и ком. С. В. Волкова. М., 2001. С. 9–10, 16.

В завершение параграфа отметим, что Временное правительство, состоявшее из далеких от военного дела людей, было привержено переустройству внутреннего уклада жизни войск на совершенно неприемлемых основаниях. Поставленные новой властью задачи небывалой в истории «демократизации» армии противоречили важнейшим принципам строительства вооруженных сил, были несовместимы не только с сохранением боеспособности войск и возможностью ведения боевых (военных) действий, но и вообще с существованием армии как социального института. Морально-психологическое состояние войск, а также положение офицерства в этот период будут проанализированы в следующем параграфе.

5.3. Дискриминация офицерства в феврале – октябре 1917 г.

Революционному движению в армии и ее разложению посвящены разделы «…крупных трудов по истории революций 1917 г.», десятки исследований и книг по отдельным аспектам этого явления[1], а также большое количество статей. Но, несмотря на это, некоторые стороны столь многогранного явления, как разложение армии, недостаточно изучены и поныне.

Под разложением русской армии автор диссертации подразумевает состояние войск и отдельных военнослужащих, проявившееся, главным образом, после Февральской революции 1917 г. и продолжавшееся до юридической ликвидации старой армии и ее демобилизации. В этот период интенсивно происходили разрушение нравственных ценностей, распад воинского духа, отход от норм традиционной морали. В повседневной жизни это выражалось в массовых нарушениях гражданских законов, воинских уставов, большом количестве воинских и общеуголовных преступлений, фактической ликвидации системы управления войсками. В результате армия перестала быть социальным институтом и потеряла способность выполнять возложенные на нее функции. Стремительному разложению

[1] *Базанов С. Н.* Великая война: как погибала русская армия. М., 2014. С. 3.

армии способствовали многие факторы – политические, экономические, социальные, идеологические и иные. Современный исследователь И. Н. Гребенкин справедливо указывает, что кризис, в котором оказалась армия с началом революции, «…имел глубокие объективные предпосылки, вызванные логикой общественно-политического развития страны в предшествующие десятилетия»[1].

Не затрагивая положение вещей в стране в целом, проанализируем лишь ситуацию в армии. Разложение войск проявлялось в различных формах – массовом дезертирстве, братании с противником, отказе выполнять приказы, добровольной сдаче в плен, бегстве с боевых позиций, грабежах местного населения и т.д. В данной работе внимание сосредоточено на одной из таких форм, а именно – дискриминации офицерства, доходившей до террора.

Следует отметить, что вопрос дискриминации офицерства по профессиональному и социальному признаку исследован недостаточно. В документальных публикациях прежних лет факты дискриминации только фиксировались и оценивались как проявления антивоенного движения[2]. В современных документальных публикациях[3] нет ответа на вопрос, почему отношение солдат к офицерам было настолько негативным, что нередко приобретало форму террора и проявлялось чрезвычайной жестокостью в ходе внесудебных расправ. В силу данного обстоятельства автор видит свою задачу не только в общей характеристике положения, в котором находились офицеры в период между февралем и октябрем 1917 г., но и в анализе причин, вызвавших дискриминацию.

Уже в первые дни Февральской революции в Петрограде происходили убийства офицеров и генералов. В частности, об этом свидетельствует телеграмма генерала М. В. Алексеева от 27 февраля, в которой говорилось: «… войска стано-

---

[1] *Гребенкин И. Н.* Разложение российской армии в 1917 г.: факторы и акторы процесса // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 146.

[2] Разложение армии в 1917 году / подгот. к печати Н. Е. Какуриным. М. – Л., 1925; Революционное движение в русской армии в 1917 году. 27 февраля – 24 октября 1917 года: Сборник документов / Под ред. Л.С. Гапоненко. М., 1968; Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г.: сб. документов / Под ред. Л. С. Гапоненко. М., 1973 и др.

[3] 1917. Разложение армии / авт. – сост. В. Л. Гончаров. М., 2010; Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 году глазами современников: Воспоминания, документы, комментарии / Авт.-сост. С. Н. Базанов. М., 2010.

вятся на сторону населения и убивают своих офицеров»[1]. Так, 27 февраля в Петрограде был убит генерал-майор Н. А. Забудский, крупный ученый, член-корреспондент Парижской академии наук. В марте штыками были заколоты генерал-лейтенант Г. Г. Менгден, в свое время являвшийся командиром Кавалергардского полка, лейб-гусарского полка поручик В. К. Клейнмихель[2] и лейб-гвардии конно-гренадерского полка полковник Н. Н. Эгерштром[3]. Как указывал современник, только в Петрограде, в те дни было убито и ранено 60 офицеров[4].

О допущенных в дни революции «эксцессах толпы» в отношении к офицерам, имевших место не только в Петрограде, но и в Москве, а также других городах, сообщал Временному правительству М. В. Алексеев[5]. Вскоре начались самовольные аресты и смещения офицеров с должностей. Так, в начале марта под угрозой убийства солдаты вынудили уехать из Воронежа командира 8-й пехотной запасной бригады генерал-майора К. Д. Тимковского[6]. В Выборге арестовали коменданта крепости генерал-лейтенанта А. К. Петрова. Тогда же были арестованы командующие войсками Московского, Иркутского, Омского, Приамурского и Казанского военных округов. В Казанском военном округе солдатами были отстранены от должности 8 из 13 начальников запасных бригад (один из них, генерал-майор М. А. Бем был убит, 5 арестованы)[7].

3 марта был арестован ряд военачальников в Минском военном округе. В их числе оказались генерал от кавалерии Р. фон Траубенберг, начальник штаба округа генерал-лейтенант А. А. Мориц, комендант Смоленска генерал-майор

---

[1] Телеграмма начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерала Алексеева, на имя всех главнокомандующих фронтами // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927. С. 227.

[2] *Врангель П. Н.* Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г. Кн. 1. С. 21–22.

[3] *Волков С. В.* Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога: в 2 т. Т. 2. М., 2012. С. 691.

[4] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. С. 47.

[5] Записка ген. М. В. Алексеева Временному правительству от 14 марта 1917 г. // Архив русской революции: в 22 т. Т. XVI. С. 287.

[6] РГВИА. Ф. 2003. Оп.2. Д. 186. Л. 242.

[7] *Жебраковский С. С.* Высший командный состав русской армии весной 1917 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. Вып. 2. С. 198.

А. Р. Дунтен, инспектор запасных войск Западного фронта генерал-лейтенант М. М. Рындин [1].

В течение нескольких последующих дней в Минском военном округе солдатами были арестованы десятки командиров полков, бригад, начальников гарнизонов, большое количество штаб - и обер-офицеров[2]. В Центральной России только в 14-ти губерниях к 10 марта лишились своих постов не менее 25 командиров полков и 5 начальников бригад. К июлю в этих губерниях командование было сменено не менее чем в 68 полках, 18 бригадах; кроме того, солдаты отстранили от должностей 30 генералов[3].

Аресты и смещение командного состава происходили не только в тылу, но и в действующей армии. На Западном фронте, по данным главнокомандующего армиями фронта А. И. Деникина, к лету было 60 случаев смещения начальников[4]. Так, в конце марта солдатами был отстранен от должности и арестован командир 2-й Кавказской гренадерской дивизии генерал-майор К. В. Никольский. Тогда же арестовали командира II Кавказского армейского корпуса генерала от артиллерии С. Б. Мехмандарова[5].

На Румынском фронте командир XXVI армейского корпуса генерал-лейтенант Е. К. Миллер 7 апреля проводил смотр ротам, прибывшим для пополнения. На многих были красные банты, которые командир корпуса приказал снять, как нарушавшие форму одежды. Когда солдаты отказались выполнить приказ, стал срывать их. Толпа арестовала генерала и отвела на гауптвахту. Е. К. Миллер характеризовался вышестоящим командованием как военачальник, который работал сутками, постоянно бывал на позициях в тех местах, где не бы-

---

[1] РГВИА. Ф. 1915. Оп.1. Д. 58. Л. 44, 350.
[2] Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1337. Л. 40, 43, 95; Ф. 1915. Оп.1. Д. 58. Л. 350 об.
[3] *Протасов Л. Г.* Солдаты гарнизонов центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж, 1978. С. 40.
[4] Протокол совещания, бывшего 16-го июля 1917 года в Ставке // Стратегический очерк войны 1914–1918 г. Часть VII: Кампания 1917 г.С. 155.
[5] *Жебровский С. С.* Высший командный состав Русской армии весной 1917 г. С. 198.

вали даже ротные командиры, выходил за проволочные заграждения, проверял секреты. Требовал такой же службы от всех подчиненных[1].

22 мая во время панихиды в церкви по убитому офицеру, один из солдат не встал, как все присутствующие, на колени, стоял, демонстративно глядя на молившихся людей. Присутствовавший начальник гарнизона Кишинева генерал-лейтенант В. Е. Скорский, положив руку на плечо солдату, попросил опуститься на колени. Тот стал пререкаться. По выходе из церкви генерал был встречен толпой, которую солдат провоцировал на нападение; генерала схватили и поволокли по улице на гауптвахту. Вскоре его освободили, но происшедшие события так тяжело отразились на здоровье В. Е. Скорского, что он стал производить «впечатление психически расстроенного человека»[2].

Случаи ареста и отстранения от должностей командиров различных рангов постоянно происходили на всех без исключения фронтах. Общее количество офицеров всех рангов, смещенных солдатами, установить вряд ли возможно, но, представляется, что оно было весьма значительным. О масштабе этого явления свидетельствует то, что 15 мая в войска был направлен специальный циркуляр, в котором говорилось: «Военный министр приказал, чтобы строевые штаб и обер-офицеры, присутствие коих в своих частях вследствие нового уклада быта войск, является нежелательным, безотлагательно представлялись к переводу … в резерв чинов при штабах военных округов…»[3]. О значительном количестве отстраненных от должностей офицеров свидетельствовало также распоряжение по военному ведомству. В нем в целях заполнения образовавшихся вакансий требовалось «всех офицеров, занимающих нестроевые и административные должности, могущих по здоровью быть в строевых частях», отправить в «… строевые части действующей армии»[4].

Бессилие военных властей бороться с этим явлением демонстрировал тот факт, что незаконные действия солдат по смещению командиров и начальников

---

[1] РГВИА. Ф. 2085. Оп.1. Д.141. Л. 1.
[2] Там же. Л. 6, 17.
[3] Там же. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 14. Л. 3 об.
[4] Там же. Л. 10.

документально оформлялись вышестоящим командованием как нечто неизбежное. Для этого использовалась следующая формулировка: «По обстоятельствам современных событий…»[1].

Что касается офицеров, которые оставались на своих должностях, то их положение было крайне тяжелым. Анализ солдатских и офицерских писем за март 1917 г., проведенный цензурой 3-й армии Западного фронта, заканчивался таким выводом: «Авторитет офицерского состава подорван. Офицеры в громадном большинстве растерялись и потеряли возможность приказывать даже в боевой обстановке»[2]. Положение офицерства в масштабах всего Западного фронта военно-цензурное отделение характеризовало следующим образом: «Письма офицеров из действующей армии полны отчаяния. Таких писем – подавляющее большинство… жалуются на постоянные и незаслуженные оскорбления со стороны солдат»[3].

Аналогичное положение существовало на Северном фронте. «Ежедневные публичные аресты генеральских и офицерских чинов…, производимые при этом в оскорбительной форме, ставят командный состав армии…, в безвыходное положение. <…> Вместе с арестами продолжается, особенно на железнодорожных станциях, обезоруживание офицеров, в том числе едущих на фронт…»[4], – телеграфировал начальнику штаба Верховного Главнокомандующего М. В. Алексееву Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал от инфантерии Н. В. Рузский.

Военная цензура Румынского фронта отмечала, что солдаты видели в офицерах приверженцев старого строя, из-за чего и происходили, по мнению цензоров, все эксцессы. Например, один из солдат, воевавших на Румынском фронте, сообщал в своем письме: «4 апреля ротного нашего чуть не убили. Дело вышло

---

[1] Там же. Д. 20. Л. 176.
[2] Там же. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 905. Л. 54 об.
[3] Там же. Л. 55.
[4] Телеграмма главнокомандующего армиями Северного фронта Н. В. Рузского начальнику штаба Верховного Главнокомандующего М. В. Алексееву о массовом аресте солдатами генералов и офицеров. 6 марта // Революционное движение в русской армии в 1917 году. 27 февраля – 24 октября 1917 года: Сборник документов / Под ред. Л. С. Гапоненко. М., 1968. С. 26.

из-за пустяков. Ротный – Георгиевский кавалер, воюет с начала войны, был несколько раз ранен»[1]. Другой солдат писал, что «если офицер какой или генерал не хочет повиноваться республике, то немедленно солдаты его арестуют»[2].

Оценку офицерами своего положения могут охарактеризовать строки из их писем:

«В батальоне кавардак ужасный… только бы не избили или не убили случайно»[3];

«На каждом шагу солдат старается оскорбить офицера, или просто задеть»[4];

«Наше положение в отношении подчиненных мне напоминает первый месяц юнкерства на верховой езде, когда я, сидя на лошади, делал вид, что управляю ею, но на самом деле боялся ей перечить»[5].

Тогдашнюю обстановку в армии ярко характеризует случай, описанный одним из участников войны. Пехотный полк совершал поход, когда наступила Пасха. Солдаты потребовали, чтобы им устроили разговенье. Так как в разоренном войной Полесье не удалось найти ни яиц, ни муки, солдаты решили расстрелять командира полка за отсутствие заботы о них. Стоя на коленях, он божился, что употребил все усилия, чтобы достать разговенье, и только таким образом спас себе жизнь. Наказания никто не понес[6].

Один из офицеров так описывал картину, увиденную им на железнодорожных станциях при поездке в поезде из Ясс до Одессы. Солдатские патрули с повязками проверяли документы только у офицеров. Солдат при этом ни о чем не спрашивали, хотя они переполняли все станции, лежали и сидели на платформах. «…Обросшие длинными волосами, без поясов, с расстегнутыми воротниками, многие без погон… почти на каждом шагу встречаются солдаты, увешанные

---

[1] РГВИА. Ф. 2085. Оп.1. Д. 139. Л. 41.
[2] Там же. Л. 42.
[3] Там же. Л. 35.
[4] Там же. Л. 36.
[5] Там же. Л. 37.
[6] См.: *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте // Архив русской революции. Т. 1. Берлин, 1921. С. 98.

дамскими юбками, чулками и материями, или же носящие ящики с какой-то галантереей, спичками и папиросами»[1].

Во многих частях солдаты «… убивали офицеров, убеждавших не пачкать себя и исполнять свой долг…»[2]. Так, 2 июля за попытку остановить бегство с передовой был убит подполковник Рыков, командовавший 22-м гренадерским Суворовским полком. В том же полку от «своих» пуль погибло еще несколько офицеров. 22 июля попытки офицеров удержать один из пехотных батальонов на позиции ни к чему не привели, при этом во время уговоров поручик Благовещенский был ранен штыком своими же солдатами[3].

18 июля в 463-м пехотном Краснохолмском полку 116-й дивизии (Северный фронт) за приказ выйти на работы по укреплению позиции был убит прикладами командир батальона подполковник Фрейндлих[4]. 31 июля солдаты 299-го пехотного Дубненского полка зверски убили своего командира генерал-майора А. А. Пургасова и еще трех офицеров. Командир полка и офицеры пытались организовать боевую подготовку, в то время как солдаты не желали идти на занятия, заявив, что полк драться с «немцем» не будет. Автор письма в редакцию, в котором сообщалось об этом случае, завершил письмо следующими словами: «Положение в наших частях ужасное. Офицеры прямо забиты»[5]. В свою очередь, редакция журнала, опубликовавшего письмо, сообщала, что приведенный автором письма факт далеко не единичный.

Солдаты двух рот, явившиеся в полковой штаб, беспричинно и безнаказанно убили однорукого генерал-майора П. А. Носкова. Это был тот самый офицер, о котором уже упоминалось в данной работе: ему, капитану во время Русско-японской войны после ранения выше локтя ампутировали руку. Однако офицер поехал не домой, а возвратился в часть, ведшую активные боевые действия. В январе 1915 г., будучи полковником, он по пояс в снегу, в жестокий мороз и под

---

[1] *Логофет Д. Н.* Корреспонденция с театра военных действий // Разведчик. 1917. № 1397–1398. С. 467–468.
[2] Из дневника генерала В. И. Селивачева // Красный архив. 1925. Т. 3 (10). С. 147.
[3] Хроника // Разведчик.1917. № 1399–1400. С. 487.
[4] 1917. Разложение армии / Авт.-сост. В. Л. Гончаров. С. 301–302.
[5] Письмо в редакцию // Разведчик. 1917. № 1397–1398. С. 465, 466.

убийственным огнем противника повел свой полк в атаку на неприступную высоту[1].

Случаи угроз, убийств и применения насилия в отношении офицеров отнюдь не были исключением. Вот некоторые факты из донесений той поры, приведенные в одном из своих трудов современным исследователем истории русского офицерства С. В. Волковым. В мае в 707-м пехотном Нешавском полку солдаты убили начальника 177-й пехотной дивизии генерала Я. Я. Любицкого. В районе Пернова солдатами были убиты командир 539-го пехотного Боровского полка полковник Остапенко и один из командиров позиционных батарей Балтийского побережья. В 540-м пехотном Сухиничском полку ранен его командир полковник Селиванов. В начале июля солдатами был учинен самосуд в отношении поручика 78-го Сибирского стрелкового полка Антонова. В 673-м пехотном Прилукском полку часть офицеров подверглась насилию и, стремясь избегнуть расправы, ушла в дивизионный штаб. В 699-м пехотном Саровском полку офицерам заявляли в лицо, что их ждет кровавая расправа; 12 июля солдаты убили поручика Романенко, служившего в 1-м Сибирском корпусе. 18 июля в 56-м запасном пехотном полку был убит полковник Стрижевский[2].

Верховный Главнокомандующий Л. Г. Корнилов, выступая с докладом на Государственном совещании, проходившем в Москве 12–15 августа 1917 г., отметил, что в начале августа «озверевшими, потерявшими всякий образ воина солдатами» были убиты несколько офицеров. Среди них оказались полковник Быков, являвшийся командиром гвардейского стрелкового полка, и капитан Колобов, служивший в той же части. На станции Калиничи убиты офицеры братья Абрамовичи, жестоко избиты и ранены командиры 43-го Сибирского стрелкового полка и 437-го пехотного Сестрорецкого полка[3].

---

[1] Протокол совещания, бывшего 16-го июля 1917 года в Ставке // Стратегический очерк войны 1914 – 1918 г. Часть VII. 158.
[2] *Волков С. В*. Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 20.
[3] Государственное совещание 12–15 августа 1917 года: Стенографический отчет. М. – Л., 1930. С. 62.

Собрание офицеров Генерального штаба, состоявшееся в штабе Особой армии 25 марта, в своем постановлении указало, что немецкая пресса с удовлетворением отмечала факты убийства русских офицеров своими же солдатами. В этой связи 17 офицеров Генерального штаба подписали письмо, в котором говорилось о том, что убиты десятки офицеров, а «сотни и тысячи убиты нравственно»[1].

На одном из собраний офицеров отмечалось, что «в солдатской массе вышли на первый план личные счеты и разыгрываются страсти на почве сознания своей силы, безнаказанности и отсутствия у офицеров средств воздействия…»[2].

В подобной ситуации некоторые офицеры просили вышестоящее командование разрешить им служить в качестве рядовых. Например, офицеры авиационного отряда гвардии в июне приняли постановление, в котором говорилось, что Военным министерством уничтожаются последние остатки дисциплины, что побуждает их просить о переводе в союзную армию на правах офицеров или лишить офицерского звания и определить «на службу в качестве рядовых»[3].

В июле Верховному Главнокомандующему Л. Г. Корнилову были представлены рапорты трех офицеров 43-го Сибирского стрелкового полка, где они, говоря о крайне тяжелом положении офицеров вследствие пропаганды и падения дисциплины, невозможности взять на себя ответственность в бою при таких условиях, просят разжаловать их в рядовые. Главковерх наложил резолюцию, которую приказал довести до всех офицеров на фронтах: «Всем тяжело…, но уходить нельзя… Нехорошо офицеру терять гражданское мужество, без которого Россия может погибнуть»[4].

О рапортах офицеров VII Сибирского корпуса с просьбой разжаловать их в солдаты, писал генерал-лейтенант В. И. Селивачев, отмечая, что мотивировались эти просьбы тем, что «…положение офицера становится все бесправнее и бесправнее»[5].

---

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1115. Л. 4.
[2] Там же. Л. 2.
[3] Помогите офицерам // Разведчик. 1917. № 1386. С. 332.
[4] РГВИА. Ф. 2003. Оп.2. Д. 201. Л. 31.
[5] Из дневника генерала В. И. Селивачева // Красный архив. 1925. Т. 3 (10). С. 144.

С просьбой разрешить ему служить в качестве рядового, ввиду невозможности управлять полком, обратился к вышестоящему командованию командир 704-го пехотного Рионского полка полковник Н. В. Кирилович[1].

Эти и другие подобные факты свидетельствовали об отчаянии офицеров, оставшихся верными своему воинскому долгу в условиях, когда власть «сверху», а солдаты «снизу» сокрушали устои армии.

Несмотря на то, что офицеры были распылены на тысячах километрах фронта и на огромных территориях внутри страны, предпринимались попытки остановить деструктивные процессы в армии путем создания офицерских организаций. Уже в середине марта в 12-й армии Северного фронта была развернута деятельность организации офицеров, имевшей свой печатный орган – «Известия офицеров 12 армии». Организация ставила своими целями защиту родины от внешнего врага, подготовку армии к сознательным выборам в Учредительное собрание, объединение с солдатами на почве нового свободного быта и основанной на них воинской дисциплины[2].

В конце марта в Петрограде была создана офицерская организация, называвшаяся «Военная Лига». Ее цель состояла в усилении боеспособности российской армии, выработке сознательного отношения к своему долгу у офицеров и солдат, обеспечении их единения на почве взаимного доверия и уважения. Организация требовала принять в дополнение к декларации прав военнослужащих декларацию их обязанностей, предоставить дисциплинарную власть начальникам, прекратить пораженческую пропаганду, а также формировала ударные батальоны на Северном фронте[3]. В программных документах организации политическая деятельность не предусматривалась: «Военная Лига ограничивается обслуживанием

---

[1] *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. С. 19.
[2] См.: *Ахун М. И., Петров В. А.* Большевики и армия в 1905–1917 гг. С. 209.
[3] *Чаадаева О.* Корниловщина. М.-Л., 1930. С. 9–10.

лишь профессиональных интересов дела государственной обороны, исключая из сферы своей деятельности политику как таковую»[1].

Еще одна организация – «Союз воинского долга», также находившаяся в Петрограде, по воспоминаниям ее руководителя полковника Ф. В. Винберга преследовала цель возродить боевой дух русской армии. В этих целях Союз стремился создать образцовые добровольческие отряды, установить прочную связь офицеров с солдатами и поддерживать контакты с другими офицерскими организациями[2]. Большинство членов Союза солидаризировались с Л. Г. Корниловым и готовились поддержать его выступление. Планировалось, что к приходу в столицу войск Л. Г. Корнилова главные силы противостоявшей стороны будут разгромлены. Союз взаимодействовал с рядом других организаций, прежде всего, «Республиканским центром», на деле являвшемся «… главным штабом Петроградского отдела корниловского заговора»[3].

Видный член партии эсеров В. М. Чернов в своих воспоминаниях указывал, что количество вооруженных офицеров, группировавшихся вокруг «Республиканского центра», составляло от двух до четырех тысяч человек[4]. Их выступлению помешало то, что корниловские части, возглавлявшиеся генералом А. М. Крымовым, были остановлены на дальних подступах к Петрограду.

7 мая в Ставке (г. Могилев) начался организационный съезд «Союза офицеров армии и флота», самой крупной офицерской организации. В ходе его работы в выступлениях и принятых резолюциях подчеркивалась необходимость обеспечения единения армии, так как враг находился на территории России. Наряду с учреждением «Союза офицеров армии и флота» съезд утвердил его устав, в котором организация провозглашалась профессиональным союзом, без политической

---

[1] Цит. по: *Маслаков А.С.* Русский офицерский корпус и офицерские организации летом 1917 года [Электронный ресурс] // Научная сеть: [сайт]. Режим доступа: http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1154123&s=121301000 (дата обращения: 27.07.2017).

[2] Из дневника председателя «Союза воинского долга» полковника Ф. В. Винберга // В кн.: *Поликарпов В. Д.* Военная контрреволюция в России. М., 1990. С. 374.

[3] Там же. С. 375.

[4] *Чернов В*. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920. М., 2007. С. 319.

платформы и политических целей. Целью Союза было заявлено объединение офицеров для работы по укреплению боевой мощи армии и флота. Задачами организации являлись установление единства между офицерами и солдатами, укрепление дисциплины, борьба с пропагандой и т.д. Кроме того, декларировалась «защита корпуса офицеров от беспочвенных… выпадов со стороны различных лиц и групп»[1].

Некоторая часть офицерства выступила против создания «Союза офицеров армии и флота», считая, это вызовет недовольство солдат. В их числе оказался ряд офицеров 170-й пехотной дивизии, 15-й Сибирской стрелковой дивизии, 169-й пехотной дивизии, собрание офицеров штаба 1-й армии Западного фронта[2].

Телеграммы о проведении съезда офицеров в Могилеве были посланы в штабы фронтов, армий, корпусов, дивизий, полков. Однако если офицеры штабов Северного и Западного фронтов решили послать делегатов в Ставку, то например, офицеры штаба Омского военного округа телеграмму не получили. Причина была в том, что командовавший войсками Омского военного округа генерал- майор Г. В. Григорьев, сочувствовавший эсерам, задержал телеграмму, ибо решил послать делегатов на другой съезд, в Петроград, а не в Ставку[3].

В связи с действиями некоторых старших начальников, препятствовавших распространению телеграмм, касавшихся проведения съезда при Ставке, съезд офицеров в Могилеве выразил протест[4].

Практически одновременно со съездом в Могилеве проходил съезд офицеров в столице, собранный по инициативе Петроградского совета офицерских депутатов. В этот Совет в основном входили депутаты, поддерживавшие эсеров и социал-демократов – меньшевиков. Около 80 % делегатов съезда являлись офицерами военного времени[5].

---

[1] Союз офицеров армии и флота // Разведчик. 1917. № 1389. С. 379.
[2] РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 621. Л.142–143, 145, 151, 197.
[3] Там же. Л. 122, 136, 138.
[4] Там же. Л. 123.
[5] *Буравченков А. А*. В ногу с революцией. Демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции. С. 55.

Направленность работы съезда носила иной, нежели в Могилеве, характер. Заявление одного из выступавших о том, что издание приказа № 1 диктовалось исторической необходимостью, так как «солдат был подавлен и настоятельно нужно было освободить его», вызвало «продолжительные аплодисменты части собрания»[1].

В начале работы съезда поступило предложение обсудить собственно военные вопросы, однако ряд делегатов высказался в том смысле, что революционное офицерство обязано обсуждать военные вопросы только в связи с общими политическими вопросами. В результате съезд принял «… направление работы, не позволявшее уклоняться от обсуждения политических вопросов…»[2]. Были заслушаны и обсуждены доклады о положении рабочего класса, о землепользовании, об Учредительном собрании и др. Сугубо военные вопросы почти не обсуждались.

В ходе работы съезда выделилось две основных группы делегатов, которые А. И. Деникин характеризовал так: большую часть он отнес к «политиканствовавшим офицерам» тыла, меньшую – к «настоящему армейскому офицерству», попавшему на этот съезд «по недоразумению»[3]. Другой современник отмечал, что «… съезд кончился ничем. Он только внес в души многих офицеров горькое разочарование в возможности единения офицерства»[4].

Оценивая влияние обоих съездов на восстановление порядка в армии и повышение ее боеспособности, необходимо сделать вывод о практическом отсутствии такового. Несмотря на то, ячейки «Союза офицеров армии и флота» были созданы от штабов фронтов и округов до полков и батальонов, а также в тыловых гарнизонах, какой-либо заметной роли в возрождении армии организация не сыграла. В донесениях местных структур Союза сообщалось, что «наш союз почти не действует. Невозможно собрать кворум...», «организации

---

[1] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 2. С. 112.
[2] Там же. С. 147.
[3] Там же. С. 111.
[4] *Граф Г. К.* На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. С. 320.

подразделений союза... препятствуют: инертность, терроризированность основной массы строевых офицеров, ... разрозненность офицеров…»[1] и т.п.

Более активно «Союз офицеров армии и флота» действовал в другом направлении – подготовке выступления Л. Г. Корнилова. Главный комитет Союза под различными предлогами отправлял в Петроград офицеров для создания ударной части, а также пытался контролировать формирование добровольческих ударных батальонов в армейских дивизиях и на узловых железнодорожных станциях.

В период после неудачи выступления Л. Г. Корнилова раскол офицерства, в том числе, в среде высших чинов, проявился особенно заметно. «Генерал Корнилов рассчитывал на полное сочувствие своему плану всего генералитета… Но… ошибся… Были другие, которым тоже хотелось играть роль…»[2].

Не пошли на разрыв с Временным правительством генерал от инфантерии В. Н. Клембовский, возглавлявший Северный фронт, и генерал от инфантерии П. С. Балуев, командовавший армиями Западного фронта. Командующий Московским военным округом генерал-майор А. И. Верховский с началом выступления Л. Г. Корнилова объявил округ на военном положении, и выделил части для нанесения удара по Могилёву, где находилась Ставка Л. Г. Корнилова. По его приказу были арестованы или смещены со своих должностей сторонники Л. Г. Корнилова в Москве, проведены обыски в Московском отделе «Союза офицеров армии и флота». Немалую роль в подавлении выступления Л. Г. Корнилова сыграл ряд других офицеров и генералов.

Выступление Л. Г. Корнилова поддержали даже не все структуры «Союза офицеров армии и флота». Например, члены отделения Союза 8-го гренадерского Московского полка после провала выступления осудили Л. Г. Корнилова и его сторонников на своем собрании и потребовали предать суду членов Главного ко-

---

[1] Цит. по: *Маслаков А. С.* Русский офицерский корпус и офицерские организации летом 1917 года [Электронный ресурс] // Научная сеть: [сайт]. Режим доступа: http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1154123&s=121301000 (дата обращения: 27.07.2017).

[2] *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте. С. 122.

митета Союза, направив соответствующую телеграмму в вышестоящую инстанцию[1].

После неудачного выступления бывшего Главковерха в еще большем масштабе продолжилось самовольное смещение офицеров с должностей. Так, по подсчетам одного из советских историков, из войск было изгнано около 10 тыс. офицеров[2].

Началась новая волна солдатских расправ над своими командирами. 29 августа в Выборге по подозрению в сочувствии выступлению Л. Г. Корнилова были убиты 11 офицеров, в том числе, генерал от кавалерии В. А. Орановский. Перед казнью офицеров истязали, их тела были сброшены в залив[3]. Следствие показало, что 4 офицера были растерзаны толпой по мотивам политического характера, остальные «… убиты отдельными кучками солдат из личной мести»[4].

В сентябре в 34-й пешей дружине убили поручика Смеречинского и прапорщика Вильдта, при этом главной причиной преступления стало «недовольство серьезным отношением офицеров к службе»[5]. В том же месяце в 60-м Сибирском стрелковом полку в офицерское собрание была брошена бомба, в результате чего ранено 17 офицеров; в 132-м пехотном Бендерском полку жестокому избиению подвергся полковник Макаревич[6] и т.д. Всего же с 1 по 30 сентября 1917 г. в действующей армии было зарегистрировано 90 случаев убийств офицеров и насилия над ними[7].

8 октября в 217-м пехотном Ковровском и 218-м пехотном Горбатовском полках солдаты окружили офицеров, оскорбляли их и закидывали камнями. В

---

[1] Телеграмма комиссара 2-й армии верховному главнокомандующему, начальнику штаба верховного главнокомандующего и военному министру // Разложение армии в 1917 году. С. 114–115.

[2] *Буравченков А. А.* В ногу с революцией. Демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции. С. 54.

[3] Революционное движение в русской армии в 1917 году. 27 февраля – 24 октября 1917 года: Сборник документов. С. 590.

[4] Телеграмма комиссара XLII корпуса комиссару Северного фронта от 10 сентября 1917 года // 1917. Разложение армии. С. 328.

[5] Там же. С. 327.

[6] *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. С. 31.

[7] *Кизрин И. Г.* Распад старой армии. Воронеж, 1931. С. 92–93.

двадцатых числах октября был убит командир 174-го пехотного Роменского полка полковник Буланов, в 3-й Заамурской пехотной дивизии – прапорщик Сорокин, в 31-м пехотном Алексеевском полку избит ротный командир поручик Чуб, в 272-м пехотном Гдовском полку – капитан Заметнов[1].

В присутствии командира части и других офицеров в 227-м пехотном Епифанском полку был убит прапорщик Баранов; подпоручик 123-го пехотного Козловского полка был убит рядовым 43-го пехотного Охотского полка, произведшим два выстрела из винтовки. Солдаты не позволили задержать стрелявшего и тот скрылся. В XXXIX армейском корпусе в одной из артиллерийских батарей в землянку комбата бросили бомбу, контузившую трех офицеров; в 1-й Кавказской артиллерийской бригаде солдат произвел выстрел через окно и ранил командира батареи[2] и т.д.

Многочисленные случаи морального и физического насилия над офицерами, нередко убийств, начавшихся в дни Февральской революции и продолжавшихся вплоть до конца существования старой армии, требуют выяснения причин, вызвавших данное явление. Этот вопрос представляется весьма многогранным, изучение которого необходимо вести на стыке истории и других гуманитарных наук – исторической психологии, социологии, культурологии и других. По мнению диссертанта, можно выделить несколько причин дискриминации офицеров в 1917 г.

Первой и самой важной из них являлось противоречие между солдатами и офицерами, возникшее из-за разницы в отношении к войне. Офицерство, в большинстве своем, отрицательно относилось к заключению мира любой ценой, выступало за соблюдение государственных интересов России, исполнение ею обязательств перед союзниками. Для этого требовалось сохранять боеспособность армии. Подобная позиция противоречила желаниям солдатских масс, стремившихся остановить войну любыми средствами. Об этом свидетельствовали не только

---

[1] *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. С. 31–32.
[2] Сводка донесений о настроении армии за время с 15 по 30 октября 1917 года // Разложение армии в 1917 году / Подгот. к печати Н. Е. Какуриным. С. 145.

офицеры и генералы, но и гражданские лица, бывавшие в действующей армии. Так, в рапорте генерал-лейтенанта Н. Н. Стогова, занимавшего должность начальника штаба Юго-Западного фронта, отмечалось враждебное отношение солдат к офицерам. При этом генерал докладывал, что солдаты мотивируют такое отношение тем, что «… офицеры – враги солдат, ибо они за войну…»[1]. Аналогичное мнение высказывал генерал-майор П. Н. Краснов. Он отмечал, что солдаты были убеждены, будто «войны хотели только генералы и офицеры, потому что она им выгодна, так как дает им чины и награды, – так внушали солдату, и солдат этому верил»[2].

Генерального штаба полковник Ф. В. Костяев, прикомандированный к штабу Западного фронта, и ездивший для «успокоения частей», отказывавшихся выполнять боевые приказы, докладывал своему руководству: «Глубокое моральное разложение… объясняется психологией малосознательных масс. Полученная свобода, обещанная земля и другие блага сделали массы солдат очень чуткими к сохранению своей жизни и, как говорят сами солдаты, выдвинули так называемый «шкурный вопрос»[3].

Еще более резко оценивал ситуацию А. И. Деникин. «Фронт… забыл все: и честь, и долг, и Родину, и горы трупов своих братьев… Беспощадная рука вытравляла в душе русских солдат все моральные побуждения, заменяя единственным, доминирующим над всем, … чувством – желанием сохранить свою жизнь»[4].

Очевидно, что именно по этой причине крайне враждебно воспринимались любые попытки командования поддерживать боеспособность войск. Не случайно в одной из сводок штаба 2-й армии Западного фронта о настроениях войск отмечалось: «Всякое требование, направленное к оздоровлению армии рассматривает-

---

[1] Из рапорта начальника штаба армий Юго-Западного фронта Н. И. Стогова помощнику начальника штаба верховного главнокомандующего В. В. Вырубову о настроении в частях фронта с 8 по 16 октября // Революционное движение в русской армии в 1917 году. 27 февраля – 24 октября 1917 года. Сборник документов. С. 508.

[2] *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте // Архив русской революции. Т. 1. С. 120.

[3] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1121. Л. 154.

[4] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 2. С. 76.

ся, как желание продолжать войну, нужную, по мнению солдат, только офицерам и капиталистам»[1].

К таким же выводам в отношении настроений солдатских масс пришли политические деятели, посещавшие фронт. В их числе, например, комиссары 11-й армии Юго-Западного фронта И. И. Кириенко и А. М. Чекотило, доложившие об «инстинктах и пожеланиях шкурных элементов»[2], а также депутат Государственной думы Н. А. Маньков, объезжавший фронтовые части. Он сообщал М. В. Родзянко, что «во всех мотивах не исполнения приказа начальства у солдат доминирует… страх смерти», который с падением дисциплины стал играть «первенствующую роль» в поведении личного состава[3]. Аналогичный вывод сделал А. Ф. Керенский[4], посетивший Юго-Западный фронт и встречавшийся с солдатами.

Во многих частях солдаты делали все возможное, чтобы сорвать подготовку к ведению боевых действий и не допустить наступления. Одним из средств являлось запугивание и убийства офицеров в своих частях. Например, в июне в 61-м Сибирском стрелковом полку (Западный фронт) солдаты угрожали повесить командира полка и устроить самосуд над другими офицерами, в зависимости от их высказываний и взглядов на наступление. В конечном итоге, солдаты приняли решение повесить командира части и еще двух офицеров; только покинув расположение полка, те сумели спастись[5].

Аналогичное положение существовало на Юго-Западном фронте. В документах отмечалось, что офицеры не только лишены возможности управлять войсками, но и гражданских прав, например, свободы слова. Стоило им призвать

---

[1] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1123. Л. 18–19.
[2] Секретный отчет комиссаров 11-й армии И. Кириенко и А. Чекотило с 26 мая по 26 июня 1917 г. // Белое дело: сб. материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, белого движения и т.п. / под ред. Я.М. Лисового. Париж, 1926. Вып. 1. С. 29.
[3] Телеграмма члена Государственной Думы Манькова председателю Думы Родзянко от 10 мая 1917 г. // 1917. Разложение армии / авт. – сост. В. Л. Гончаров. С. 153.
[4] *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. С. 193.
[5] РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1121. Л 1, 10.

солдат к исполнению своих обязанностей, как начинались угрозы расправы оружием, «и это были не пустые угрозы»[1].

Положение офицерства в действующей армии в целом характеризовалось следующим образом. Сводка штаба Верховного Главнокомандующего за первую декаду июля 1917 г. сообщала: «В донесениях всех высших начальников указывается на крайне тяжелое положение… офицеров, их самоотверженную, протекающую в невыносимых условиях работу, в стремлении поднять дух солдат…»[2]. Однако усилия офицеров, пытавшихся поднять моральный дух подчиненных, как правило, были тщетными. Так, военная цензура Румынского фронта отмечала, что в большинстве солдатских писем говорилось о готовности к расправе над офицерами[3].

Расправам подвергались даже солдаты, поддерживавшие командование. Например, в июне за попытку разъяснить необходимость наступления в 703-м пехотном Сурамском полку были избиты и арестованы трое солдат – членов армейского комитета 10-й армии Западного фронта[4].

В тот же период времени на Северном фронте солдаты 87-го пехотного Нейшлотского полка в количестве 500 человек явились на митинг в 88-й пехотный Петровский полк. Там они избили двух солдат – ораторов, требовавших исполнения приказа о наступлении, и добились отказа от участия в боевых действиях остальных участников митинга[5]. Было немало других подобных случаев.

Отношение к войне решающим образом определяло восприятие солдатами не только офицеров. Заявления Временного правительства о необходимости продолжения войны резко ухудшили отношение к нему солдатских масс. Так, в кол-

---

[1] Секретный отчет комиссаров 11 армии И. Кириенко и А. Чекотило с 26 мая по 26 июня 1917 г. // Белое дело: сб. материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, белого движения и т.п. Вып. 1. С. 29.

[2] Сводка донесений о настроении в действующей армии за время с 1 по 9 июля // Революционное движение в русской армии в 1917 году. 27 февраля – 24 октября 1917 года. Сборник документов. С. 211.

[3] РГВИА. Ф. 2085. Оп.1. Д. 139. Л. 41.

[4] Телеграмма армейского комитета 10 армии Центральному Исполнительному комитету, 22 июня 1917 г. // Красный архив. 1937. № 84. С. 144–145.

[5] Телеграмма начальника штаба 5 армии Северного фронта наштасеву, 23 июня 1917 г. // Красный архив. 1937. № 84. С. 145–146.

лективном письме в августе 1917 г. солдат 217-го пехотного Ковровского полка в адрес правительства указывалось, что оно «льет солдатскую кровь», над ним будет «народный суд», при этом допускались нецензурные выражения лично в адрес А. Ф. Керенского[1].

Солдат 202-го пехотного Горийского полка сделал в письме вывод, что нет разницы «между Николаевским и Керенским кабинетами»[2]. Группа солдат в конце лета обратилась в Петроградский Совет: «Мы… заявляем, что мы жить в окопах дальше не станем октября месяца»[3]. Рядовой, служивший в 10-й армии Западного фронта, в своем письме в Петроградский Совет в августе 1917 г. писал, что необходимо «все начальство» на фронте и в тылу «провеять»[4].

Второй причиной дискриминации офицеров являлось информационно-психологическое воздействие на солдат, осуществлявшееся в виде агитационной и пропагандистской работы. Значительные усилия в этом направлении предпринимал противник, а также революционные российские партии. При этом следует учитывать, что конечные цели государств Четверного союза и нелегальных российских партий, были различными, во многом совпадали лишь формы и методы работы.

Автор отдельно выделяет эту причину в силу специфики, присущей армейской жизни: большинство солдат, особенно на фронте, находилось в отрыве от общества, соответственно, многие факторы, непосредственно влиявшие на гражданских лиц, на военнослужащих действовали опосредованно. Напротив, пропаганда противника, направленная на вывод России из войны и принуждение к сепаратному миру, а также агитация левых российских партий непосредственно влияли на морально-психологическое состояние и настроение войск. Безусловно, не пропаганда оказала решающее влияние на разложение армии. Большее значение имели иные, внутренние факторы жизни страны, но, тем не менее, роль пропаганды в разложении войск не следует недооценивать. Она серьезно влияла

[1] ГАРФ. Ф. Р-6978. Оп. 1. Д. 538. Л. 82.
[2] Там же. Д. 539. Л. 64 об.
[3] Там же. Д. 538. Л. 77 об.
[4] Там же. Д. 533. Л. 9–9 об.

на общественные настроения, снижала морально-боевой потенциал личного состава и, в конечном итоге, способствовала полному разложению армии, дошедшей до состояния полной невозможности противостоять внешнему противнику. О пропаганде, направленной на принуждение России к сепаратному миру, говорится в одной из публикаций автора[1]; в настоящей диссертации проблема рассмотрена шире, здесь в общих чертах показана также деятельность революционных партий.

Антивоенная агитация в русских войсках велась с первых месяцев войны. В начале ноября 1914 г. начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич отмечал: «По доставленным из департамента полиции сведениям… РСДРП, стремящаяся к ниспровержению существующего государственного строя, с начала открытия военных действий занялась пропагандой идей о необходимости скорейшего окончания войны…»[2].

Об антивоенной пропаганде в войсках сообщал в начале декабря того же года начальник штаба Северо-Западного фронта[3], штабы 2-й[4] и 10-й армий[5]. Штаб Минских военно-окружных управлений на театре военных действий отмечал, что агитаторы рекомендуют солдатам сдаваться в плен и уклоняться от участия в боевых действиях[6].

В первые месяцы 1915 г. была воссоздана «военная организация», действовавшая при Петербургском комитете РСДРП (б), целенаправленно занимавшаяся пропагандой среди нижних чинов на фронте и в Петроградском гарнизоне; при этом количество «военных организаций» в войсках постепенно увеличивалось. Накануне Февральской революции 1917 г. только на Северном фронте их действовало более 40. В гораздо более значительных, чем во время Русско-японской войны количествах, печатались и распространялись листовки, отрицательно влиявшие на морально-психологическое состояние войск. За годы мировой войны

---

[1] *Суряев В. Н.* Германская пропаганда как средство принуждения России к сепаратному миру (1915–1917 гг.) // Вестник Пермского университета. 2016. № 1 (32). С. 113–121.
[2] РГВИА. Ф. 2216. Оп. 3. Д. 243. Л.3.
[3] Там же. Ф. 2230. Оп. 1. Д. 315. Л. 67
[4] Там же. Ф. 2187. Оп. 1. Д. 570. Л. 4.
[5] Там же. Ф. 2230. Оп. 1. Д. 315. Л. 63.
[6] НИАБ в г. Гродно. Ф. 369. Оп. 1. Д. 114. Л. 34.

только большевистскими организациями было выпущено около 600 листовок, общим тиражом несколько миллионов экземпляров[1].

Дававшие эмоциональную оценку характера войны, а также положения дел в тылу и на фронте, листовки, вместе с тем содержали призывы к свержению действовавшей власти, борьбе против командиров и начальников, прекращению войны, созданию в войсках нелегальных солдатских организаций. С началом военных действий подобные листовки стали выпускать Уральская группа РСДРП, Московский, Тульский, Самарский, Петербургский, Екатеринославский, Харьковский, Донецкий и другие комитеты РСДРП[2].

Начиная с лета 1915 г. в листовках появились призывы к гражданской войне. Так, «…повернуть оружие в обратную стороны и превратить буржуазную войну в войну гражданскую», «обратить оружие против правительства» призывали прокламации социал-демократических групп Москвы, Твери, Тулы, Киевского, Кавказского и Петербургского комитетов РСДРП, Кронштадтской военной организации РСДРП и т.д.[3].

О распространении листовок в запасных и тыловых частях неоднократно сообщали Финляндское, Бакинское, Самарское, Иркутское губернские жандармские управления, Донское областное жандармское управление, Московское и Петроградское охранные отделения[4], а также другие структуры МВД.

Листовки выпускались «… с целью подорвать в нижних чинах твердое сознание долга»[5]; в войска они пересылались в посылках, бандеролях, подарках, вкладывались в ящики с двойным дном, кисеты с табаком, зашивались под подкладку пересылаемой одежды[6]. Аналогичным образом доставлялись в армию нелегальные газеты.

---

[1] Военно-боевая работа партии большевиков. 1903–1917 гг. / Н. Р. Панкратов [и др.] / под общ. ред. Н. Р. Панкратова. М., 1973. С. 208, 211.
[2] Большевики в годы империалистической войны (1914 – февраль 1917): сб. документов местных большевистских организаций. Л., 1939. С. 1–167.
[3] Там же. С. 22, 48, 58, 72, 123.
[4] Там же. С. 185–209.
[5] РГВИА. Ф. 741. Оп. 2. Д. 18. Л. 19.
[6] НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д.69. Л. 486.

Кроме распространения печатной продукции, использовалась устная агитация. Чаще всего, она маскировалась под видом чтения правительственных газет, особенно в периоды отступления. В это время, как писал один из агитаторов, «…условия для агитации… всегда были благоприятны… в такое время один партийный агитатор в армии ценнее для партии целого партийного комитета в тылу»[1].

Начальник контрразведывательного отделения 2-й армии (Западный фронт) указывал, что социал-демократы широко использовали в целях агитации и пропаганды летучие продовольственные отряды Союза городов (общественная организация, созданная в целях помощи фронту). «…Таковые отряды очень удобны для этого благодаря своей подвижности в районе передовых позиций»[2], – писал контрразведчик.

Немалое внимание уделялось военнослужащим, попавшим в плен. В Швейцарии весной 1915 г. для ведения пропагандистской работы среди них была создана «Комиссия интеллектуальной помощи военнопленным при Комитете заграничных организаций РСДРП», которую возглавлял Г. Л. Шкловский. Комиссия организовала издание и распространение революционной литературы в лагерях военнопленных. Например, в течение 1916 г. в лагеря было отправлено 4 тыс. экземпляров брошюры А. М. Коллонтай «Кому нужна война», 2200 кг других книг, брошюр, журналов и газет. Кроме того, отправлялись сборники «Социал-демократ», «Коммунист» и другие издания большевиков[3].

Значительные усилия на организации пропаганды в войсках, в том числе, среди офицерского состава сосредоточила партия социалистов-революционеров. Как отмечалось в документах одного из губернских жандармских управлений, путем «неустанной агитации» эсеры рассчитывали «вызвать в действующей армии массовые проявления бунтовщического характера, и тем заставить правительство

---

[1] *Пирейко А.* В тылу и на фронте империалистической войны (воспоминания рядового). Л., 1926. С. 24.
[2] РГВИА. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 408. Л. 196.
[3] Н. К. Крупская – Г. Л. Шкловскому // Ленинский сборник XI / под ред. Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, М. А. Савельева. М. – Л., 1929. С. 216.

поспешить с заключением мира»[1]. Такой мир оказался бы невыгодным для России, и должен был создать почву для революционного движения. Для решения этой задачи эсеры склоняли солдат к неподчинению командирам, сдаче в плен и дезертирству. Кроме того, они также вели работу среди военнопленных. Осенью 1915 г. в Гааге был организован «Комитет революционной пропаганды среди русских пленных в Германии», при этом немецкие власти согласились пропускать из Голландии в Германию все издания, скрепленные печатью комитета, без цензуры[2].

В январе 1916 г. эсеры создали в Женеве «Общество помощи военнопленным в Германии и Австро-Венгрии» и «Комиссию по распространению литературы между русскими военнопленными в Германии и Австрии», которые вели устную агитацию среди пленных, а также распространяли газеты, книги и листовки революционного содержания[3].

Характеризуя деятельность левых партий, один из высокопоставленных военачальников отмечал, что их деятельность «…идет внутри воинских частей и вне их и, конечно, работа эта связана между собой»[4].

Малообразованные или даже вовсе неграмотные солдаты достаточно легко поддавались на агитацию, в основе которой лежало воздействие на самые чувствительные стороны человеческой натуры – усталость от войны, желание избежать участия в боевых действиях, получить землю и начать новую жизнь. Последствия антивоенной пропаганды начали сказываться еще задолго до 1917 г. Например, в октябре 1915 г. из штаба Западного фронта в штаб Северного фронта пришло сообщение, свидетельствовавшее о довольно высокой результативности усилий нелегальных партий. В нем говорилось, что среди нижних чинов Сибирских корпусов под влиянием антивоенной пропаганды заметно «…отсутствие духа, нежела-

---

[1] НИАБ в г. Гродно. Ф. 366. Оп. 1. Д 449. Л. 33 об.– 34.
[2] Там же. Л. 66.
[3] НИАБ в г. Гродно Ф. 369. Оп. 1. Д. 127. Л. 14.
[4] РГВИА. Ф. 2354. Оп.2. Д. 700. Л. 50.

ние солдат ходить в атаки и что, вообще, … нижние чины стоят за прекращение войны независимо от результатов таковой»[1].

В апреле 1916 г. Министерство внутренних дел в специальном меморандуме отмечало, что деятельность революционных организаций «оказывает большое влияние на политические настроения в армии и стране»[2].

Влияние пропаганды на настроения нижних чинов отражали солдатские письма, в которых нередко шла речь о добровольной сдаче в плен, дезертирстве, отказах ходить в атаку, саморанениях и т.д.[3]. Широко известны цифры, показывавшие, что подобные настроения перерастали в массовое дезертирство, сдачу в плен и т.п.

Между тем офицеры, как правило, стремились препятствовать совершению воинских преступлений, что, соответственно, вызывало негативное отношение к ним со стороны потенциальных правонарушителей и лиц, им сочувствовавших. По мере накопления усталости от войны неприязнь к офицерскому составу у многих постепенно превращалась в ненависть, открыто проявившуюся в 1917 г.

Германия и Австро-Венгрия, преследуя собственные цели в пропаганде, направленной на Россию, особые усилия направляли на ухудшение морально-психологического состояния русской армии. Уже осенью 1914 г. в Германии заграничную пропаганду вели 27 бюро и ведомств, которые через некоторое время были объединены в Центральное бюро для пропагандистской работы за границей, курировавшееся МИДом. Был создан также военный отдел пропаганды, подчинявшийся германскому верховному командованию. В числе прочего, организовывалась пропаганда через линию фронта непосредственно среди неприятельских войск. Функционировало Управление печати военного времени,

---

[1] Отношение и. д. помощника начальника разведывательного отделения штаба главнокомандующего армиями Западного фронта // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 421.
[2] НИАБ в г. Гродно. Ф. 369. Оп. 1. Д. 127. Л.35.
[3] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 49; РГВИА. Ф. 2230. Оп. 1. Д. 315. Л. 282; Царская армия в период мировой войны и Февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны) / под ред. А. Максимова. Казань, 1932. С. 15–148; *Чаадаева О. Н.* Армия накануне Февральской революции. М – Л., 1935. С. 53; Голоса из окопов (солдатские письма 1915–1916 гг.) // Красная летопись. 1928. Т. 1 (26). С. 116.

занимавшееся выпуском газет для военнопленных и печатных изданий, распространявшихся в войсках противника. Пропаганда велась не только через газеты и журналы, в которых размещалась соответствующая информация и дезинформация. Работали графическое отделение, управление плакатов и кинофильмов, которые тиражировали карикатуры, иллюстрации, фильмы. Одновременно велась печатная пропаганда при помощи телеграмм, брошюр, листовок. Следует отметить, что в германских пропагандистских материалах затрагивались актуальные вопросы, волновавшие русских солдат: трудное положение их семей, произвол полиции, воровство тыловых чиновников, причины неудач русской армии и т.п. Регулярно поднимался вопрос о ненужности войны народу, причем государственные интересы и интересы «простых русских людей» противопоставлялись. Важную роль играла устная пропаганда, прежде всего, распространение слухов[1].

Главными направлениями пропаганды противника в начале войны были обращения к солдатам будто бы от имени Николая II о том, что он не желает войны с Германией, что его принудили к этому. В соответствующих листовках, под которыми противник ставил имя русского императора, в развязывании войны псевдонародным языком обвинялись великий князь Николай Николаевич и генералы. Далее следовали призывы не повиноваться «вероломным генералам» и обратить оружие против тех, кто угрожает «…жизни и свободе вашего царя, безопасности и прочности дорогой родины»[2]. В другой листовке от имени Николая II солдатам предлагалось расходиться по домам или же сдаваться в плен[3].

Несколько позже тактика изменилась: стали выпускаться прокламации, в которых императора Николая II, а также российские власти в целом всячески дискредитировали. Например, в их адрес звучали обвинения в развязывании войны в

---

[1] *Звонарев К. К.* Агентурная разведка: в 2 т. Т. 2: Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 1931. С. 136–145.
[2] РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 55. Л. 162.
[3] Там же. Л. 163–165.

целях отвлечения русского народа от борьбы за «землю и волю», а также ради захвата новых территорий[1].

В некоторых листовках противника на фоне заявлений о необходимости скорее окончить войну не только содержался призыв сдаваться в плен, но и предлагались деньги за сдачу в плен с оружием. Так, в одной из австрийских листовок, распространявшейся в 1915–1916 гг. предлагалось по 7 рублей за каждую винтовку и 1 копейке за каждый патрон, сданный австрийским властям[2]. В германских листовках за винтовку также предлагалось или 7 рублей, или 14 немецких марок[3].

Противник выпускал и распространял листовки систематически. В использованном диссертантом труде А. Б. Асташова приводятся тексты 123 листовок, выпущенных и распространенных австро-венгерской стороной среди русских солдат и тексты 75 аналогичных германских листовок.

Противник весьма оперативно реагировал на события в России. Например, уже в ночь с 27 на 28 февраля 1917 г. перед русскими окопами разбрасывались листовки, сообщавшие о революции в Петрограде. Одновременно в них говорилось о том, что война выгодна Англии, в то время как русские солдаты проливают кровь, а их семьи голодают[4].

Наряду с листовками на русском языке издавались газеты и брошюры, в которых также затрагивались и в выгодном для противника ключе разбирались различные проблемы, актуальные для личного состава, акцентировалось внимание на тяготах войны, пропагандировалась политика Берлина и Вены, якобы направленная на прекращение войны. В этой связи генерал – квартирмейстер штаба Верховного Главнокомандующего генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов писал о широком распространении «среди наших войск и

---

[1] Там же. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 964. Л. 74; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 783. Л. 18.
[2] *Асташов А.Б.* Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 119.
[3] Там же. С. 210.
[4] См.: Белый архив: сб. материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, белого движения и т.п. / под ред. Я.М. Лисового. Париж, 1926. Вып. 1. С. 12.

населения района военных действий» различной литературы, призывавшей к «прекращению борьбы и к миру»[1].

Подобная деятельность приносила противнику определенные результаты, о чем в конце 1915 г. докладывал главнокомандующий армиями Западного фронта генерал от артиллерии Н. И. Иванов. Он сообщал в Ставку, что противник распространяет массу прокламаций, в которых обещает вернуть сдавшихся в плен домой и снабжать их немецким пайком, указывал, что «усилилось до угрожающих размеров перебегание от нас к неприятелю… не только с передовых позиций, но и из тыловых учреждений»[2].

Несмотря на все это, до 1917 г. армия сохраняла боеспособность и была вполне управляемой. Ситуация стала быстро меняться после Февральской революции, когда, по утверждению А. Ф. Керенского, с первых недель «… именно на фронте… кризис приобрел наиболее глубокие и опасные черты… солдаты занялись дискуссиями, стали митинговать, беспрерывно обсуждая, когда и как смогут вернуться домой и, отказываясь выполнять приказы»[3].

Ухудшение морально-психологического состояния русских войск выражалось, прежде всего, в нежелании личного состава вести боевые действия и выступлениях за заключение мира любой ценой. В такой ситуации германское военно-политическое руководство значительно активизировало антивоенную пропаганду, направленную на сознание русских солдат. Предполагалось убедить их, будто Германия желает мира, в то время как офицеры и российская власть противодействуют этому. А. И. Деникин отмечал, что в этих целях германской стороной предусматривалось убеждение солдат в бессмысленности войны, настраивании солдатской массы против командного состава и властей, якобы заинтересованных в продолжении военного конфликта. «Груды пораженческой литературы, заготовленной в Германии, передавались в наши окопы»[4].

---

[1] *Данилов Ю.Н.* Россия в мировой войне. 1914–1915 гг. С. 309.
[2] Цит. по: *Звонарев К.К.* Агентурная разведка. Т. 2: Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. С. 146.
[3] *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. С. 180.
[4] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 2. С. 75.

Особенностью действий германской стороны было то, что оно действовало не дипломатическим путем, а пыталось оказывать влияние прямо на войска. Генерал Э. Людендорф отмечал: «В согласии с имперским правительством было постановлено, что если переговоры о перемирии будут начаты непосредственно через фронт, то руководить ими будет верховное командование, при участии представителя от имперского канцлера»[1].

Германское руководство пошло на необычный шаг: был отдан приказ прекратить «… все боевые действия против русских…»[2], так как Берлин принимал в расчет широкое распространение антивоенных настроений в русских войсках. П. фон Гинденбург, бывший в то время начальником германского генерального штаба, в этой связи указал, что цель такого шага состояла в том, чтобы, выждать время и дождаться «… перемен в ходе начавшегося разрушения Российской империи…»[3].

Неоднократно немцами совершались откровенно провокационные действия, рассчитанные на неискушенность в дипломатии рядового и унтер-офицерского состава, который не мог знать, что заключить мир имеет право только политическое руководство, а не военное командование. Так, германская сторона посылала парламентеров, предлагавших передать русскому командованию предложение о мире. Так, 23 апреля немецкий парламентер в чине полковника прибыл в расположение 151-го пехотного Пятигорского полка, и обратился с просьбой отправить его в штаб армии. После получения отказа солдаты полка начали выражать недовольство тем, что «… не допускают переговорщиков сговориться о мире…»[4]. Подобные акции позволяли противнику усугублять раскол между рядовым и командным составом русской армии.

Германский генерал М. фон Гофман описывал следующую ситуацию. Под давлением солдат генерал от кавалерии А. М. Драгомиров, командовавший

---

[1] *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. С. 453.
[2] *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. С. 180–181.
[3] *Гинденбург П., фон.* Из моей жизни / Пер. с нем. М., 2013. С. 214.
[4] Приказ Верховного Главнокомандующего от 29 апреля № 207 // Библиотека НИАБ. Инв. № 14993. Приказы Верховного Главнокомандующего за 1917 г. (нумерация страниц отсутствует).

5-й армией Северного фронта, был вынужден согласиться на встречу с германскими парламентерами. Они вручили ему письмо, подписанное главнокомандующим германским Восточным фронтом принцем Л. Баварским. А. М. Драгомиров расписался в получении письма, содержавшего предложение заключить мир, но ответа не дал. Немцы распечатали это письмо в виде отдельной листовки и добавили пояснение о том, что целью визита парламентеров являлась попытка заключить мир с Россией. К листовке было приложено факсимиле расписки А. М. Драгомирова в получении письма, после чего ее распространили на русских позициях[1].

22 мая принц Леопольд Баварский, командовавший германскими войсками на Восточном фронте, отправил радиограмму, в которой предложил мир «помимо союзников». Радиограмма были принята всеми русскими радиотелеграфными станциями[2]. А. Ф. Керенский писал: «Расположения русских войск были засыпаны листовками за подписью принца. В них он призывал русских солдат замиряться с германскими братьями по ту сторону окопов и обещал не вести против них боевых действий»[3]. Естественно, это производило большое впечатление на русских солдат. Следует отметить, однако, что одновременно в германском генштабе рассматривали возможность «… начать наступление, как только в стенах русской армии наметились первые трещины…»[4].

В ходе получившего огромные размеры братания также велась агитация за окончание войны, при этом значительное внимание уделялось критике действий русских властей и русского командования[5].

Германская пропаганда не была безрезультатной: слухи о предлагавшемся немцами мире, распространялись по всему фронту. «Уставшие от войны русские

---

[1] *Гофман М.* Главный противник – Россия. Воспоминания и дневники Максимилиана Гофмана о первой мировой войне / пер. с нем. М., 2015. С. 431.
[2] Приказ Верховного Главнокомандующего от 5 июня № 380 // Библиотека НИАБ. Инв. № 14994: Приказы Верховного Главнокомандующего за 1917 г. (нумерация страниц отсутствует).
[3] *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. С. 181.
[4] *Гинденбург П., фон.* Из моей жизни. С. 214.
[5] *Звонарев К. К.* Агентурная разведка. Т. 2: Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. С. 147.

солдаты, … становилась легкой добычей таких махинаций, многие из них искренне верили, что немцы хотят мира, в то время как их собственные офицеры, … выступают против него»[1].

То есть, в числе прочих последствий, пропаганда рождала в солдатской среде ненависть к офицерам, и являлась одной из причин их дискриминации.

Третьей причиной расправ над офицерами, по всей вероятности, являлись проявления социальной патологии своего времени, о чем еще в 1990-е годы писал В. П. Булдаков. Исследователь установил, что расправам над офицерами способствовал ряд психологических факторов. Важнейшей из них была убежденность солдат в том, что будто именно командный состав представлял собой воплощение пороков старого режима. Свою роль сыграла также политика властей в отношении офицерства, в результате которой его авторитет в глазах солдатской массы полностью пал. Поводом для расправы могло стать отличие облика того или иного офицера от психической ауры толпы, минутная слабость людей, оказавшихся в центре ее внимания, сокрытие какой-либо информации, некие «обиды». Кроме того, причиной убийства нередко становилось «массовое исступление» или же «уголовный кураж»[2].

По мнению В. П. Булдакова, расправа воспринималась «… как одномоментный акт восстановления справедливости неподсудной народной силой», причем «справедливым возмездием» считались, в числе прочего, акты садизма, когда даже у гражданского населения изуродованные трупы вызывали удовлетворение и смех. «Это и есть важнейший показатель психопатологического вырождения… За солдатским террором стояло нечто большее, чем минутное озлобление»[3].

Представляется, этим словам созвучна мысль русского философа Ф. А. Степуна, который сам воевал на фронтах Первой мировой войны в чине прапорщика. Он писал: «Наряду с высочайшими духовными прозрениями Россия все время не оскудевает сумрачными вспышками душевного подполья. Нет вопроса, – слова о

---

[1] *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары. С. 181.
[2] См.: *Булдаков В.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. С. 121, 122.
[3] Там же. С. 122, 123.

«Святой Руси» никогда не станут пустым звуком… Но, верно и то, что в недрах народных таится еще много вулканической, языческой мистики, а где-то и темный звериный лик»[1].

Чаще всего избиения и убийства офицеров совершались агрессивной толпой, в которой каждый отдельный человек не мог контролировать свое поведение, так как возникало особое психическое состояние, называющееся «синдром толпы». Это явление и поныне не изучено в достаточной степени, однако известно, что в этот момент люди, находящиеся в толпе, реагируют на происходящее бессознательно, на эмоциональном уровне. При этом моральные нормы и принципы не действуют, самые ужасные деяния кажутся справедливыми, тем более что так поступают все окружающие. «Синдром толпы» уникален в том смысле, что посредством слов, жестов, движений, реакций все находящиеся в толпе люди «заражаются» отрицательной энергией и чрезвычайно сильными эмоциями. В таком состоянии люди могут совершать поступки, которые они вряд ли совершили бы в другой ситуации.

Четвертой причиной террора в отношении офицеров являлось воздействие войны на психику солдат. «Диапазон воздействия факторов войны на человеческую психику… чрезвычайно широк. Он охватывает многообразный спектр психологических явлений, в которых изменения человеческой психики колеблются от ярко выраженных, явных патологических форм до внешне малозаметных, скрытых, пролонгированных, как бы «отложенных» во времени реакций»[2], – отмечает Е. С. Сенявская.

Попытки изучения воздействия войны на психику делались в России еще до революции[3]. При этом военные психологи отмечали, что длительное пребывание в условиях интенсивной опасности деформирует психику у части военнослужащих настолько, что они становятся пациентами психиатрических лечебниц. Так, было выяснено: за время относительно небольшой по масштабам Русско-

---

[1] *Степун Ф. А.* Из записок прапорщика-артиллериста. Прага, 1926. С. 192–193.
[2] *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 91.
[3] См., например: *Дружинин К. М.* Исследование душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту Русско-японской войны 1904–1905 годов. СПб., 1910.

японской войны 1904–1905 гг. через Харбинский психиатрический госпиталь прошло около 3 тыс. человек, ставших психически ненормальными, но не имевшими при этом физических травм. Средние потери в связи с психическими расстройствами составляли 2–3 случая на 1000 человек. В годы Первой мировой войны количество потерь, связанных с психическими расстройствами значительно увеличилось по сравнению с Русско-японской войной, и составило 6–10 случаев на 1000 человек[1].

Если исходить из этих усредненных цифр, можно приблизительно подсчитать количество психически заболевших. С учетом довоенной кадровой армии число «поставленных под ружье» в течение войны составило 15,378 млн. человек, однако не все из них попадали на фронт, часть военнослужащих находилась во внутренних округах. В статистических трудах указывается, что соотношение военнослужащих в тылу и на фронте равнялось примерно 1: 3. Например, к 1 сентября 1917 г. в вооруженных силах России состояло 7 949 тыс. человек. Из них в составе действующей армии – 6 512 тыс. человек, в составе тыловых формирований – 1 437 тыс. человек[2].

Исходя из указанной численности, можно допустить, что количество психически заболевших в рядах действующей армии в 1917 г. составляло от 39 тыс. до 65 тыс. человек (из расчета 6 – 10 случаев на 1 тысячу человек от общего числа 6 512 тыс. человек). Если учесть, что часть военнослужащих, находившихся в тылу, ранее также принимала участие в боевых действиях, то это число могло быть больше.

Однако этим относительно небольшим числом влияние войны на психику военнослужащих не ограничивалось. Выдающийся русский медик-психиатр и невропатолог академик В. М. Бехтерев, изучавший психику военнослужащих в годы Первой мировой войны, писал, что в первый период военных действий число собственно душевных заболеваний среди военнослужащих было не столь зна-

---

[1] *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. С. 91.
[2] Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил / Под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001. С. 102.

чительным. Но он отмечал значительное количество людей, подвергавшихся огромному влиянию «… испуга, т.е. нервного потрясения, обусловленного внезапным и неожиданным внешним воздействием», что приводило к большому количеству различных нервно-психических заболеваний. У лиц, предрасположенных к таким заболеваниям, быстро возникали истерия, психастения, невропсихозы и т.п. Через несколько месяцев тяжелых лишений и неблагоприятных условий военного времени развивались длительные психозы тяжелого характера[1].

Другой известный русский психиатр П. Я. Розенбах также указывал на «поразительно большое количество истерических заболеваний» среди военнослужащих в годы Первой мировой войны, проявлявшихся помрачением сознания, бредом, эмоциональной неуравновешенностью, припадками. По его мнению, возникновению таких заболеваний способствовали «…постоянная тревога, ожидание боя,… переживания от вида раненых или убитых товарищей… »[2] и т.п.

По мнению современного исследователя А. Б.Асташова проблема усугублялась тем, что порог заболеваемости в русской армии был сильно завышен, душевнобольные попадали в госпитали и больницы, в основном, после ранений и контузий. В результате «в армии оказалось намного больше душевнобольных в пограничных состояниях, чем было в мирное время…»[3].

Иными словами, в армии находилось немалое число военнослужащих, страдавших психическими расстройствами, но не имевших физических травм. Например, широко были распространены так называемые «психозы войны», известные в психиатрии под названием «реактивные психозы». Проявлявшиеся в виде патологической реакции на неблагоприятные обстоятельства они, несмотря на обратимый характер, отличались большой тяжестью психических травм и достаточно тяжелыми психическими расстройствами. Между тем военнослужащих, подвергшихся на фронте различным видам реактивных психозов, считали здоро-

---

[1] *Бехтерев В. М.* Война и психозы // Вопросы мировой войны: сб. статей / под. ред. М.Н. Туган-Барановского. Пг., 1915. С. 604.
[2] *Розенбах П. Я.* Современная война и истерия. Пг., 1915. С. 8, 15.
[3] *Асташов А. Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014. С. 347.

выми, хотя это вызывало разногласия между военными и гражданскими медиками[1].

Каково общее число военнослужащих, чья психика в той или иной степени пострадала от ужасов войны, неизвестно, данные об этом отсутствуют, однако их число можно попытаться установить опосредованным образом. Так, по данным Е. С. Сенявской на всем протяжении XX века прослеживалась тенденция к нарастанию психогенных расстройств военнослужащих в каждом последующем вооруженном конфликте. Американские ученые выяснили, что в период Второй мировой войны количество психических расстройств у солдат выросло по сравнению с Первой мировой войной на 300%, и наблюдалось у 38% всех участников боевых действий[2].

Вероятнее всего, данная тенденция была характерна и для нашей армии, ибо человеческая природа и возможности психики наших солдат вряд ли так уж сильно отличались от подобных качеств солдат других армий. Следовательно, с учетом того, что в годы Второй мировой войны процент лиц с психическими расстройствами, вызванными войной (не путать с психически заболевшими людьми, о которых речь шла ранее), составлял 38 %, а в годы Первой мировой войны он был втрое меньше, число лиц с психическими расстройствами, вызванными войной 1914–1918 гг., могло составлять в русской армии 12–13 % от общего числа военнослужащих. Следовательно, в абсолютных цифрах в 1917 г. это число могло составить от 781 тыс. до 846 тыс. человек (из общего числа 6 512 тыс. состава действующей армии), плюс какое-то число военнослужащих, находившихся в глубоком тылу, но ранее принимавших участие в боях. Вполне вероятно, что «отложенные по времени реакции», о которых пишет Е. С. Сенявская, проявились у этих людей именно в 1917 г., когда в стране и армии не было твердой власти, а моральные устои прежних лет перестали иметь значение. Их агрессивное, неуправляемое поведение оказывало существенное влияние на остальных солдат, скопления людей превращались в толпу, достаточно легко поддававшуюся мани-

---

[1] Там же. С. 347, 350.
[2] *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. С. 91.

пуляциям. Аналогично рассуждает один из современных исследователей, который доказывает, что война и революция оказывали неблагоприятное воздействие на психическое здоровье многих людей[1]. Более того, учитывая, что психические и физические нагрузки на русских солдат в годы Первой мировой войны были явно выше, чем на американских военнослужащих во Второй мировой войне, нельзя исключать, что количество лиц с психическими расстройствами было больше, чем мы примерно подсчитали.

По мнению некоторых современников событий тех лет, существовала еще одна причина террора в отношении офицеров. А. И. Деникин сформулировал ее следующим образом»: «… все, что накапливалось годами, столетиями в озлобленных сердцах против нелюбимой власти, против неравенства классов, против личных обид… все это выливалось теперь наружу с безграничной жестокостью»[2].

Таковы, как считает автор настоящей диссертации, главные причины дискриминации офицеров и расправ над ними в период революционных изменений в обществе и государстве, сопровождавшихся распадом армии.

5.4. Упразднение офицерства как социально-профессионального слоя

Свержение Временного правительства в результате Октябрьской революции серьезного сопротивления со стороны офицерства не встретило. По воспоминаниям одного из участников обороны Зимнего дворца, его прибыли защищать юнкера 2-й Петергофской и 2-й Ораниенбаумской школ прапорщиков, школы прапорщиков Северного фронта, рота женского ударного батальона, сотня уральских казаков, несколько десятков георгиевских кавалеров. Несколько позже к оборонявшимся присоединились юнкера школы прапорщиков инженерных

---

[1] См.: *Аксенов В. Б.* «Революционный психоз»: массовая эйфория и нервно-психические расстройства в 1917 г. // Великая российская революция 1917: сто лет изучения: материалы междунар. науч. конф. (Москва, 9–11 октября 2017 г.) / отв. ред. Ю А. Петров. М., 2017. С. 466.
[2] *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 2. С. 220.

войск. Общая численность подразделений, находившихся во дворце, составляла около 1500 человек[1].

В некоторых источниках со ссылкой на штаб Петроградского округа указывается несколько иной состав защитников Зимнего дворца: женский батальон, две – три роты юнкеров, рота ударников, а также группа офицеров, пришедшая из госпиталей. Отмечается, что находившиеся во дворце две – три сотни казаков «рассеялись»[2].

Столь небольшое число защитников Зимнего дворца, в котором размещалось Временное правительство, один из генералов, находившихся в столице объяснил тем, что «…части Петроградского гарнизона … перешли на сторону большевиков…»[3].

Аналогичное положение сложилось и в других местах. Под Петроградом генерал-майор П. Н. Краснов, которому отдавал приказы Главковерх А. Ф. Керенский, к вечеру 29 октября сумел сосредоточить под своим командованием всего 9 казачьих сотен (630 человек), 18 орудий, броневик и блиндированный поезд. Этими частями без боя были заняты Гатчина и Царское Село[4]. Однако движение этих небольших сил было остановлено красногвардейцами и матросами в районе Пулковских высот. Офицеров в составе этих сил находилось не более 100 человек[5].

29 октября в Петрограде произошло выступление офицеров и юнкеров нескольких военных училищ, имевшее целью оказание помощи частям П. Н. Краснова в овладении столицей. В выступлении участвовало около 900 человек, которыми руководили полковники Краковецкий, Полковников,

---

[1] *Гайлеш К., де*. Защита Зимнего дворца // Сопротивление большевизму. 1917–1918 гг. / Сост., науч. ред., предис. и ком. С.В. Волкова. М., 2001. С. 10.

[2] Разговор Ставки с полит. управлением военного министерства около 1 часа ночи в ночь с 25 на 26 октября // Архив русской революции: в 22 т. Берлин, 1921–1937. Т. VII. С. 304.

[3] Разговор ген. Левицкого с ген. Духониным утром 25 октября // Архив русской революции: в 22 т. Т. VII. С. 289.

[4] *Краснов П.* Бои под Петроградом // Сопротивление большевизму. 1917–1918 гг. С. 142.

[5] *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 33.

Куропаткин, подполковник Солодовников[1]. Выступление было подавлено с большим количеством жертв со стороны юнкеров и офицеров.

В происшедшем 27 октября –1 ноября вооруженном выступлении в Москве, как писал очевидец, участвовали юнкера и офицеры московских Александровского и Алексеевского военных училищ, старшие кадеты некоторых кадетских корпусов, а также школы прапорщиков[2].

Офицер, участвовавший в боях в Москве, писал, что «к юнкерам шести школ прапорщиков и двух военных училищ, … присоединились две роты, сформированные из студентов, с офицерами на командных должностях, офицерская рота и подошел еще Корниловский ударный батальон (около 500 штыков)»[3].

Однако не все офицеры Александровского училища участвовали в выступлении. «Уходили семейные офицеры, обещая присоединиться позже», некоторые подали рапорта о болезни, другие просто не явились без указания причин. Генерал А. А. Брусилов, находившийся в Москве, отказался возглавить выступление, что явилось, по словам одного из участников московских боев, «страшным ударом для нас»[4]. Кроме того, в боевых действиях участвовали не все школы прапорщиков. Так,после занятия Кремля военнослужащими Александровского училища одна из школ отказалась «стрелять в своих», была разоружена офицерами и юнкерами – александровцами и заперта в кремлевских подвалах[5].

В целом же в Москве, где по утверждению современника находилось 56 тыс. офицеров, «… только 700 человек приняли участие в боях в октябре 1917 года»[6].

---

[1] *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. С. 39.
[2] *Павлов Б.* Конец 2-го Московского Императора Николая I Кадетского Корпуса // Военная быль. 1968. № 93. С. 25.
[3] *Невзоров А.* 4-я Московская школа прапорщиков // Военная быль. 1968. № 91. С. 16.
[4] *Волков А.* Вооруженное выступление юнкеров в Москве (по воспоминаниям капитана П. И. Мыльникова) // Военно-исторический вестник. Париж. 1973. № 41. С. 13, 15.
[5] Там же. С. 15.
[6] *Мамонтов С. И.* Походы и кони // Интернет-сайт «Военная литература». Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/mamontov_si/index.html (дата обращения: 30.08.2017).

По подсчетам А. Г. Кавтарадзе, число офицеров, участвовавших в Петрограде и Москве в выступлениях против Октябрьской революции было еще меньше, и достигало максимум четырех сотен[1].

26 октября сопротивление приходу к власти большевиков было оказано ударниками и юнкерами Константиновского училища и 1-й Софийской школы прапорщиков в Киеве, несколько позже – в Омске, где выступили 800 юнкеров и 100–150 добровольцев из офицеров[2].

Выступления локального масштаба произошли также в Иркутске, Томске, Красноярске, Ташкенте, на территории Оренбургского и Забайкальского казачьих войск. Однако крупномасштабных и организованных выступлений против новой власти не произошло. По всей стране, по подсчетам А. Г. Кавтарадзе, с оружием в руках против Октябрьской революции выступили максимум 5,5 тыс. офицеров, что составляло менее 3 % от их общего числа[3].

Все выступления против большевиков, произошедшие вскоре после революции, оказались разгромленными, прежде всего, в силу численного превосходства противостоявшей стороны. Например, в Зимнем дворце находились менее 2 тыс. человек, в то время как число штурмовавших достигало 12 тыс. человек; в Москве в ходе октябрьских боев у большевиков было более чем 4-х кратное превосходство[4].

Таким образом, подавляющая часть офицерского корпуса в процессе установления Советской власти заняла пассивную, выжидательную позицию, и не выступила на защиту Временного правительства. С. В. Волков затрагивал причины, по которым большинство офицеров не встали на защиту Временного правительства[5], однако, представляется необходимым дополнительно проанализировать этот вопрос.

---

[1] *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. С. 34.
[2] *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. С. 41, 42.
[3] *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. С. 37.
[4] *Голуб П. А.* Партия, армия и революция. Отвоевание партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917 – февраль 1918. С. 232, 236.
[5] *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. С. 38.

Н. Н. Головин писал, что «… трудно было ожидать, чтобы офицерская среда после всего пережитого, способна была проявить большой пафос в защите правительства Керенского»[1]. Подобные настроения отчетливо звучали и при обмене мнениями двух генералов, служивших на Северном фронте – Я. Д. Юзефовича и В. А. Черемисова. Один из собеседников заявил: «Пресловутый Комитет спасения революции, принадлежащий партии, которая около 8 месяцев правила Россией и травила нас, командный состав, как контрреволюционеров, теперь поджала хвосты, распустила слюни и требует от нас, чтобы мы спасли их»[2]. В ответ было сказано: «Совершенно правильно: сделали все, чтобы лишить возможности командовать, а теперь предъявляют требования…»[3].

Что касается позиции той небольшой части офицеров, которая выступила против большевиков, то, например, мнение офицеров Александровского военного училища, изложенное в воспоминаниях одного из них, было следующим. «Целью нашего выступления не могло быть восстановление Временного правительства в его старом составе, а также не входила в наши задачи и борьба за Учредительное собрание», организация выборов в которое, по мнению офицеров, не способствовала утверждению его авторитета. «Честь Родины и наша личная честь – вот что нас двигало»[4]. Представляется, что подобная позиция являлась характерной для участников выступлений в Москве, Петрограде и других местах.

Эти люди вряд ли были фанатиками, ищущими смерти, они рассчитывали на успех. Например, офицеры Александровского военного училища, насчитывавшего 1500 штыков, надеялись на помощь со стороны всех шести школ прапорщиков (1800 человек), а также Алексеевского училища, насчитывавшего около 1000 человек. Предполагалось, что с началом выступления к ним примкнет пополнение из офицеров, которых в Москве было несколько десятков тысяч[5]. Однако они

---

[1] *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. 2. Кн. 3. С. 29.
[2] Разговор по прямому проводу 4 ноября 1917 г. ген. Черемисова с ген. Юзефовичем о положении в XII армии // Красный архив. 1927. Т. 5 (24). С. 78.
[3] Там же.
[4] *Волков А.* Вооруженное выступление юнкеров в Москве (по воспоминаниям капитана П.И. Мыльникова) // Военно-исторический вестник. Париж. 1973. № 41. С. 13.
[5] Там же.

ошибались. Кроме негативного отношения к Временному правительству, существовал ряд организационных моментов, сделавших невозможными крупные вооруженные выступления офицерского корпуса.

Во-первых, все крупные военачальники, протестовавшие против развала армии, пользовавшиеся авторитетом и способные возглавить выступление рядовых офицеров (Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, М. В. Алексеев, С. Л. Марков, П. А. Лечицкий и ряд других) не могли этого сделать физически. Они были или арестованы, или отстранены от должностей, или же сами отказались от сотрудничества с Временным правительством и не находились на службе. Лица, пришедшие им на замену, авторитетом не пользовались, нередко даже презирались, так как подбирались «… не на цензе профессиональных знаний, а на цензе «революционной благонадежности»[1].

В этом контексте современник отмечал, что офицеры «… неохотно рискуют своею жизнью, когда нет доверия к верхам, а есть даже подозрение в предательстве»[2]. Что касается генерала А. А. Брусилова, то, как уже отмечалось, он отказался участвовать в выступлении.

Во-вторых, примерно 130 тыс. офицеров находились на фронте, где никакие выступления были невозможны. Оставшиеся, числом примерно 120 тысяч (среди них были десятки тысяч раненых и больных, находившихся на излечении), оказались разбросанными по частям, гарнизонам и госпиталям на громадной территории, при этом солдаты видели в них врагов и держали под контролем. Н. Н. Головин писал, что выступить организованно офицерство могло только в случае, «… если бы оно было собрано в специальные части. Но организация специальных офицерских частей была невозможна»[3], ввиду позиции А. Ф. Керенского, а также Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, считавших офицерство контрреволюционной силой.

---

[1] *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.: Ч. 2. Кн. 3. С. 25.
[2] Там же. С. 27.
[3] Там же. С. 28.

Мысль о необходимости создания таких частей высказывалась В. М. Пуришкевичем в письме генералу от кавалерии А. М. Каледину: «Спасти положение можно только созданием офицерских и юнкерских полков»[1]. Реалии, однако, не позволяли это сделать; что касается существовавших ранее офицерских организаций, то они после выступления Л. Г. Корнилова были разгромлены властями.

В-третьих, у офицеров отсутствовало в необходимом количестве оружие и боеприпасы. На данное обстоятельство указывал генерал М. В. Алексеев в одном из своих писем: «Наличные офицеры, могшие принять участие в обороне Зимнего дворца, остались без оружия, а в Москве не имелось достаточного количества патронов…»[2].

Таким образом, офицерство не только не желало, но и не имело возможности встать на защиту Временного правительства. Несмотря на это, уже в день революции 25 октября в войска была послана телеграмма с приказом Петроградского военно-революционного комитета, в котором говорилось: «… бдительно следить за поведением командного состава. Офицеры, которые прямо и открыто, не присоединились к совершившейся революции, должны быть немедленно арестованы, как враги»[3].

Далее в телеграмме требовалось немедленно огласить приказ во всех воинских частях, причем «утайка… этого приказа от солдатских масс» приравнивалась к тягчайшему преступлению перед революцией и каралась «по всей строгости революционного закона»[4].

Между тем А. Г. Кавтарадзе справедливо отмечал, что большинству офицеров «… выполнить это требование было более чем сложно: прежде чем принять решение присоединяться или нет к Октябрьской революции, им необходимо было время для того, чтобы разобраться в создавшейся обстановке»[5].

---

[1] В. Пуришкевич генералу Каледину. 4 ноября 1917 г. // Красный архив. 1928. Т. 1 (26). С. 171.
[2] Цит. по: *Головин Н. Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. 2. Кн. 3. С. 29.
[3] Всем армейским комитетам действующей армии, всем советам солдатских депутатов // Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 7.
[4] Всем армейским комитетам действующей армии, всем советам солдатских депутатов // Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. С. 7, 8.
[5] *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. С. 35.

Сразу же примкнуло к большевикам лишь небольшое число офицеров, состоявших в большевистской партии, или же сочувствовавших ей, например, полковник М. С. Свечников, начальник одной из пехотных дивизий. Являясь членом РСДРП (б), 25 октября он рапортом доложил командиру корпуса о готовности защищать Совет рабочих и солдатских депутатов, подчеркнув при этом, что «единение между командным составом и солдатами полное ввиду демократизации дивизии»[1].

27 октября подобную резолюцию комитета 7-й стрелковой дивизии подписали председатель и секретарь дивизионного комитета – подпоручик Смирнов и прапорщик Мамонов[2].

Несколько позже аналогичное постановление комитета штаба 33-го армейского корпуса подписал председатель комитета штабс-ротмистр Геккер. Резолюция полкового и ротных комитетов 482-го пехотного Жиздринского полка о признании Советской власти была подписана прапорщиком Третьяковым, такую же резолюцию общего собрания 2-й пулеметной команды лейб-гвардии Саперного полка подписал прапорщик Слепов[3].

Боевыми действиями против отрядов генерала П. Н. Краснова, двигавшихся на Петроград, руководили подполковник М. А. Муравьев и полковник И. И. Вальдене[4]. Некоторые офицеры в меньших чинах возглавляли отряды большевиков в других районах. После убийства Верховного Главнокомандующего генерал-лейтенанта Н. Н. Духонина на его место был назначен член РСДРП (б) прапорщик Н. В. Крыленко, который, в свою очередь, во главе Западного фронта поставил подполковника В. В. Каменщикова, также являвшегося большевиком.

---

[1] Рапорт начальника 106-й пехотной дивизий М. С. Свечникова командиру 42-го армейского корпуса Д. Н. Надежному о готовности дивизии защищать Совет рабочих и солдатских депутатов // Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г.: Сборник документов. С. 16.

[2] Резолюция дивизионного комитета 7-й стрелковой дивизии о поддержке вооруженного восстания в Петрограде // Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 23.

[3] Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 33, 161, 162.

[4] *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. С. 40.

Несмотря на то, что против Советской власти выступило незначительное количество офицеров, был предпринят комплекс мер, направленных не только на минимизацию влияния офицерства, но и на ликвидацию его как социально-профессионального слоя. Началась практическая реализация политики в отношении русской армии, суть которой была сформулирована так: «Первой заповедью всякой победоносной революции – Маркс и Энгельс многократно подчеркивали это – было: разбить старую армию, распустить ее, заменить ее новою»[1].

Уже 26 октября съезд Советов принял постановление, в соответствии с которым предписывалось образовать в каждой армии временные революционные комитеты, которым должны были подчиняться главнокомандующие (армиями фронтов)[2]. Такие комитеты были созданы под названием военно-революционных комитетов (ВРК) и взяли власть в свои руки. Например, в приказе военно-революционного комитета 2-й армии Западного фронта указывалось, что комитет обладает всей полнотой власти во 2-й армии, требовалось немедленно отстранить от должности и арестовать впредь до особого распоряжения всех офицеров, отказывавшихся выполнять распоряжения ВРК. От остальных лиц командного состава армейский комитет потребовал безусловного подчинения всем своим распоряжениям. Кроме того, в приказе содержалось указание безотлагательно создать военно-революционные комитеты в частях, без одобрения которых не могло быть отдано ни одно распоряжение[3].

2 ноября была опубликована «Декларация прав народов России», которая, в числе прочего, провозглашала раскрепощение солдат «от власти самодержавных генералов», которые становились «выборными и сменяемыми»[4].

Во многих воинских структурах и формированиях было сменено командование. Например, приказом от 14 ноября командующим войсками Московского

---

[1] *Ленин В.И.* Пролетарская революция и ренегат Каутский. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 37. С. 295.

[2] Постановление Второго Всероссийского съезда Советов об образовании в армии временных революционных комитетов // Декреты Советской власти. Том I. С. 21.

[3] Приказ военно-революционного комитета 2-й армии от 2 ноября // Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 43, 44.

[4] Декларация прав народов России // Декреты Советской власти. Том I. С. 39.

военного округа назначался солдат Л. И. Муралов, начальником штаба округа – поручик А. Е. Морозов, на должности в окружном штабе – младшие офицеры в чинах прапорщика, подпоручика, поручика[1].

14 ноября вышел приказ по военному ведомству, в соответствии с которым производство в офицеры прекращалось, все военные училища, а также школы прапорщиков закрывались, юнкера направлялись в запасные полки[2]. Однако в отдельных школах прапорщиков выпуски офицеров все же произошли. Так, 23–26 ноября состоялся выпуск 535 человек в 1-й школе прапорщиков пехоты Юго-Западного фронта. В этой связи 29 ноября товарищ наркома по военным делам Б. В. Легран направил начальнику штаба Верховного Главнокомандующего телеграмму, в которой потребовал немедленно приостановить все дела по чинопроизводству; копии телеграммы были направлены в штабы фронтов[3].

23 ноября приказом нового верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко был создан Военно-революционный комитет при Ставке, на который возлагалось «все руководство общеполитической жизнью и работой Ставки» в период отсутствия самого Н. В. Крыленко. В приказе указывалось, что «без подписи комиссара соответствующего отдела и управления ни один приказ и распоряжение не должно издаваться и выполняться»[4].

30 ноября председатель Военно-революционного комитета при Ставке А. Ф. Боярский подписал приказ, в соответствии с которым вся власть в каждой войсковой части стала принадлежать комитетам. Боевая, оперативная деятельность оставалась в ведении прежних органов, но под контролем комитетов и комиссаров. В числе прочего комитеты могли смещать командиров на низшие должности, вплоть до должности рядового. Офицерские чины, звания и ордена

---

[1] Приказ по военному ведомству от 14 ноября 1917 г. № 10 // Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. № 1. С. 1.

[2] О прекращении производства в офицеры: приказ по Военному ведомству от 14 ноября 1917 г. № 11 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 31.

[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 2. Д. 213. Л. 195, 217.

[4] Приказ верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко всем армейским и военно-революционным комитетам действующей армии о создании Военно-революционного комитета при Ставке // Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 164.

упразднялись. Ношение погон отменялось, командиры должны были носить повязки. Из наград разрешалось носить только георгиевские кресты и медали, сообщалось о скором введении выборности командного состава[1].

16 декабря был принят правительственный декрет, во многом дублировавший приказ ВРК при Ставке. В частности, в нем говорилось: «Все чины и звания в армии, начиная с ефрейторского и кончая генеральским, упраздняются. Армия Российской Республики отныне состоит из свободных и равных друг другу граждан, носящих почетное звание солдат революционной армии»[2]. Отмечалось также, что ликвидируются все офицерские организации, еще раз подчеркивалась отмена «всех орденов и прочих знаков отличия…»[3].

В тот же день 16 декабря был принят еще один декрет Совнаркома, определявший организацию власти в армии. В этом документе вновь отмечалось, что вся власть в частях и соединениях принадлежит соответствующим солдатским комитетам и советам. Одновременно декретом юридически закреплялась небывалая в армии процедура. «Вводится выборность командного состава и должностных лиц. Командиры до полкового включительно избираются общим голосованием своих отделений, взводов, рот, команд, эскадронов, батарей, дивизионов и полков. Командиры выше полкового, до верховного главнокомандующего включительно, избираются соответствующими съездами или совещаниями при соответствующих комитетах»[4].

Лиц, избранных на должности выше командира полка, утверждал вышестоящий комитет. Начальников штабов, в соответствии с документом, избирали съезды из лиц, имевших специальную подготовку[5].

Офицеров, которых от должности отстранили и не выбрали на другую должность, перемещали на солдатские должности. Они приравнивались к солда-

---

[1] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 2. Д. 213. Л. 223.
[2] Декрет об уравнении всех военнослужащих в правах // Декреты Советской власти. Том I. С. 243.
[3] Там же.
[4] Декрет о выборном начале и об организации власти в армии // Декреты Советской власти. Том I. С. 244.
[5] Там же. С. 244, 245.

там, им переставало выплачиваться денежное довольствие, положенное по прежнему чину и должности, и они получали жалованье, положенное рядовому составу. Офицеры, избранные на другие, более низкие должности в сравнении с прежними, обязаны были служить на новых должностях. Отменялась также право офицерских семей на получение квартирных денег и средств на наем прислуги. Если возраст офицеров превышал максимальный призывной возраст солдат (39 лет), они могли подать в отставку на основаниях, одинаковых с солдатами. Если возраст бывших офицеров и генералов был меньше, то они обязаны были пройти медицинскую комиссию по правилам, установленным для солдат. В случае признания годными к службе их должны были переводить в другие части и в качестве рядовых направлять на фронт[1].

На местах, исходя из установленных декретом правил, издавались свои приказы. Например, в приказе по Петроградскому военному округу выборы командиров полков и отдельных батальонов требовалось производить прямым голосованием, подачей записок, большинством голосов. Что касается неизбранных или сверхштатных офицеров, то они переходили «… на положение солдат, оставаясь в тех же частях»[2].

Одним из острых вопросов, затронувших всех бывших офицеров, являлся вопрос о пенсиях. В упоминавшемся приказе ВРК при Ставке от 30 ноября за подписью председателя комитета А. Ф. Боярского, указывалось, что офицеры, увольнявшиеся в отставку, равно как и те, кто был уволен ранее, пенсии за службу не получают. Офицеры, потерявшие трудоспособность поступали в ведение органов государственного призрения[3].

---

[1] См.: *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. С. 40, 41.

[2] О выборности лиц командного состава и об отмене чинов и отличий: приказ по Петроградскому военному округу от 1 декабря 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. С. 64.

[3] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 2. Д. 213. Л. 223.

Что касается офицеров, ставших инвалидами в ходе боевых действий, то указывалось, что они «взамен получаемой ими в настоящее время пенсии, имеют право на пенсию, установленную настоящим декретом для солдат»[1].

А. Г. Кавтарадзе отмечал, что в декретах Совнаркома, принятых в 1917 г. не требовалось увольнять комсостав старой армии без пенсий. Но в них и не отменялись положения о лишении пенсий бывших офицеров, содержавшиеся в приказах ВРК и иных документах, то есть, они продолжали действовать. В результате вопросы социального обеспечения бывших кадровых офицеров не были решены, притом, что подавляющее их большинство не имели гражданской специальности и каких-либо источников доходов, кроме пенсии. Генерал-майор А. А. Свечин, перешедший на сторону большевиков, считал, что в отношении офицерского корпуса была допущена большая ошибка – увольнение «бывших генералов и офицеров без всякого обеспечения»[2].

Данное обстоятельство являлось одной из причин перехода многих из них на сторону противников Советской власти: прослужив всю сознательную жизнь в армии и достигнув пожилого возраста, они оказались лишенными средств к существованию. Несколько позже пенсии были назначены лишь отдельным лицам, служившим в старой армии. К таковым относились, например, ряд бывших членов Военного совета, служивших в русской армии в генеральских чинах. В июне 1918 г. им были назначены пенсии в размере 3600 рублей (независимо от эмеритуры). В их числе находились П. О. Щербов-Нефедович, А. А. Гернгросс, Н. Д. Артамонов, Д. Д. Кузьмин-Караваев, П. К. Кондзеровский и некоторые другие, всего 11 человек. Пенсия была назначена также бывшему главнокомандующему армиями Западного фронта П. С. Балуеву в размере 3600 рублей от казны и 2145 рублей от эмеритальной кассы[3].

---

[1] Постановление о выдаче процентных добавок к пенсиям военно-увечных // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. С. 138.
[2] Цит. по: *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. С. 48.
[3] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175184. Л. 5, 6–6 об; Д. 177619. Л. 9.

Таким образом, после Октябрьской революции новой властью были приняты меры, в результате которых офицерство русской армии как социально-профессиональный слой прекратило свое существование.

В дальнейшем судьба бывших офицеров сложилась по-разному. Одни оказались на службе в РККА, другие – в белых или национальных армиях, третьи эмигрировали еще до начала гражданской войны. Однако данная проблематика выходит за рамки настоящей диссертации.

Выводы по главе 5

Отсутствие выступлений со стороны офицеров в поддержку императора Николая II было обусловлено рядом факторов, в том числе связанных с изменением отношения военнослужащих к монархии и правившей династии. Однако не представляется возможным говорить о том, что офицерский корпус с энтузиазмом поддержал Февральскую революцию. Лишь незначительное число лиц, принадлежавших к офицерскому составу, по тем или иным причинам активно поддержало происшедшие перемены.

Политика, проводившаяся Временным правительством и Петроградским Советом в отношении армии, подрывала основы ее существования, как части вооруженных сил государства и как социального института. Преследуя свои политические цели власти издали ряд законодательных актов, которые в корне изменили систему служебных взаимоотношений между военнослужащими и, по сути, разрушили всяческую субординацию. Солдатские массы получили невиданные ни в одной армии мира права и привилегии, которые доминировали над их обязанностями. В войсках сложилась атмосфера фактической безнаказанности за любые воинские преступления и правонарушения, совершенные солдатами. Дисциплина перестала существовать, войска потеряли боеспособность, морально-психологическое состояние армии резко ухудшилось.

Свою лепту в разложение армии внесла пропаганда, которую проводили как специальные германские и австрийские органы, так и ряд партий революционного

толка. При всем различии конечных целей сторон промежуточная их цель была, по сути, одинаковой – разложить русскую армию и вывести Россию из войны. Для этого проводилась масштабная работа по воздействию на морально-психологическое состояние солдат, противопоставлению их командному составу и власти, что обусловило определенную схожесть в формах и методах работы пропагандистской работы обеих сторон.

После Февральской революции офицерский состав оказался в положении, не позволявшем ему выполнять свои обязанности. Войска вышли из повиновения командирам, система военного управления была разрушена. Формально существуя, фактически русская армия превратилась в неуправляемый конгломерат людей, не способный вести вооруженное противоборство с противником.

Ввиду ряда обстоятельств, существовавших в той конкретно-исторической ситуации, началась дискриминация офицерского состава со стороны солдат, вплоть до убийств. Командный состав оказался расколотым: одна его часть, как и ранее, пыталась выполнять свой служебный долг, другая стала на позиции самосохранения и, пасуя перед настроением солдатских масс, по сути, перестала выполнять свои обязанности.

Происходившие после Февральской революции деструктивные процессы в армии и стране вызвали отторжение у значительной части офицерского корпуса. Возникли офицерские организации, часть из которых ставила задачу восстановить боеспособность армии и участвовала в попытке отстранения от власти Временного правительства и Петроградского совета в ходе выступления Л. Г. Корнилова. В то же время, определенное число лиц, относившихся к офицерскому составу, выступали на стороне новой власти.

В ходе Октябрьской революции офицерство, недовольное политикой Временного правительства в отношении армии, практически не оказало ему поддержки, которую, к тому же, оно не могло ему оказать физически. Лишь отдельные представители офицерского корпуса осенью 1917 г. выступили против Советской власти.

В результате прихода к власти в октябре 1917 г. политических сил, считавших необходимым распустить старую армию и создать новые вооруженные силы, был предпринят ряд мер, в результате которых офицерство русской армии было упразднено и прекратило существование, как социально-профессиональный слой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мощь русской армии, являвшейся важнейшей частью вооруженных сил страны, определялась не только вооружением, боевой выучкой и морально-психологическим состоянием личного состава. В решающей мере она зависела от корпуса офицеров, который являлся стержнем, своего рода костяком военной организации. Без подготовленных на уровне требований времени командиров и начальников всех уровней было невозможно достижение цели боевых действий, в конечном итоге, именно этот фактор обусловливал успех или неуспех боевых (военных) действий. По мере совершенствования вооружения и военной техники роль этого фактора все более возрастала. Особенно ярко данное обстоятельство проявилось на рубеже XIX – XX веков, когда, выражаясь языком современной военной науки, революция в военном деле привела к возникновению войн нового, третьего поколения[1].

Повышение роли офицерства объективно обусловливалось рядом обстоятельств. К важнейшим из них относились увеличение масштабов и напряженности вооруженного противоборства, появление новых образцов техники и вооружения, совершенствование форм и способов ведения боевых действий.

Подготовка офицерства к выполнению возлагавшихся на него в военное время задач происходила в основном в мирное время, то есть, до начала военных конфликтов. К числу факторов, оказывавших весьма существенное влияние на подготовку офицеров как военных специалистов и воспитание патриотов России, относились комплектование офицерского состава, его обучение военной специальности в военно-учебных заведениях и непосредственно в войсках, военное воспитание и ряд других. Кроме того, немалое влияние на качество офицерского корпуса оказывали социальный статус военной профессии, его положение в обществе, возможность успешной служебной карьеры, материально-бытовое поло-

---

[1] *Капитанец И. М.* Война на море. Актуальные проблемы развития военно-морской науки. М., 2001. С. 37.

жение офицеров, пенсионное обеспечение и т. д. Следует отметить, что все названные обстоятельства сохраняют силу и в наши дни.

Между тем несмотря на то, что отечественными и зарубежными исследователями проведена немалая работа по изучению заявленной в настоящей диссертации проблемы, признать ее в полной мере достаточной, по мнению диссертанта, не представляется возможным. В отечественной историографии существует ряд трудов, в которых рассмотрен ряд проблем истории офицерства начала XX века. Однако внимание в них сосредоточено, главным образом, на роли армии в период революционных событий 1917 г. Командный состав при этом не является предметом исследования и рассматривается в контексте политических событий, в то время как остальные аспекты жизни и деятельности офицерского корпуса почти не освещаются. В последние несколько лет в отечественной исторической науке работа в этом направлении активизировалась, в частности, защищены докторские диссертации, в центре внимания которых оказались актуальные аспекты истории офицерского корпуса, издан ряд монографий. В то же время труд, в котором русское офицерство стало бы предметом комплексного изучения, пока не подготовлен.

Отдельные вопросы истории офицерства русской армии затронуты в зарубежной историографии. Однако в большинстве работ, в которых рассматривается наша армия, она рассматривается целиком, офицерство как предмет исследования отдельно не выделяется. Почти все труды зарубежных историков посвящены периоду Первой мировой войны, при этом вклад русской армии в общую победу стран Антанты преуменьшается, роль ее командного состава недооценивается и практически не показывается. По сути, не исследуется период между Русско-японской и мировой войной, когда в армии проходили реформы, непосредственно затрагивавшие русское офицерство.

Наличие своего рода пробелов, как в отечественной, так и в зарубежной историографии побуждают обратиться к истории военного сословия тех лет. Автор диссертации считает, что многие вопросы, рассматривающиеся в настоящей работе в определенной мере созвучны проблемам, актуальным для современной рос-

сийской армии. Иными словами, это важно не только с позиции познания отечественной истории, но и с практической точки зрения. Прежде всего, имеется в виду необходимость дальнейшего повышения социального статуса офицерства, укрепления сплоченности офицерского состава, усиления патриотической составляющей мировоззрения, повышения уровня профессиональной подготовки и эффективности кадровой политики и т. д.

На качестве и состоянии офицерства, равно как и прохождении военной службы не могли не отражаться недостатки, присущие общественному и государственному устройству России начала XX столетия, а также внутриармейским порядкам. В их числе – неразвитость системы народного образования, не позволявшая многим выходцам из простонародья получить необходимое образование и поступить в военно-учебные заведения. Вряд ли можно сомневаться в том, что часть из них могла стать прекрасными офицерами, и принести русской армии несомненную пользу. Остатки сословного неравенства зачастую тормозили развитие военной карьеры офицеров, не обладавших связями в высшем свете или высокопоставленных военных кругах. Негативное влияние на моральное состояние офицерства оказывала социально-политическая обстановка в стране, приводившая к определенной его изолированности от других образованных слоев общества.

Военнослужащие являлись людьми своего времени, им были присущи недостатки, характерные для современников той эпохи, поэтому офицеры не могли быть некими совершенными существами, представлявшими собой идеал, как в нравственном, так и профессионально-должностном отношении. Однако в большинстве своем офицеры достойно выполняли свой воинский долг в соответствии с присягой и собственным пониманием блага страны.

Состояние, эволюцию офицерского корпуса, условия его служебной деятельности и положение в обществе в начале XX в. характеризовали следующие тенденции:

1. Нарастание обособленности кадрового офицерства от других социальных слоев образованной части общества, у значительной части которой сформирова-

лось негативное отношение к офицерской службе и офицерству, как таковому. Сложившееся взаимное непонимание, в отдельные периоды доходившее до враждебности, обусловливалось, прежде всего, различным видением будущего России, неодинаковой трактовкой происходивших в стране социально-политических процессов, понятий «свобода», «общественный прогресс» и некоторых других. У большинства кадровых офицеров сохранялись консервативные взгляды на государственное устройство, несмотря на происходившие изменения в общественных настроениях. Использование властями армии в целях подавления вооруженных выступлений и массовых беспорядков еще более вызывало недоброжелательное отношение к офицерам, прежде всего, со стороны интеллигенции. Это проявлялось в снижении социального статуса военнослужащих, многочисленных антивоенных публикациях в революционной и либеральной прессе, напряженных взаимоотношениях офицерства и политизированной части общества.

2. Увеличение морально-психологических нагрузок, вызывавшихся политической нестабильностью в стране. Офицерская служба во все времена отличалась напряженностью, однако в период социально-политических потрясений, характерных для начала XX столетия, она была особенно сложной. Кроме факторов, указанных в пункте 1, данное обстоятельство вызывалось распространением различных оппозиционных взглядов среди населения и падением дисциплины среди нижних чинов. Подобное положение влияло на морально-психологическое состояние командного состава, приводило к увольнению из армии многих военнослужащих. В то же время, происходил естественный отбор, наиболее преданные службе офицеры оставались в армии.

Офицерская служба была связана с трудностями и опасностями, не обеспечивала достаточный уровень материального благосостояния, обусловливала сложность положения военнослужащих в обществе, особенно ввиду выполнения армией внутренних функций. Однако, несмотря на подобную ситуацию, офицерство, в общем и целом, продолжало выполнять свои обязанности. С учетом указанных обстоятельств можно утверждать: многим русским кадровым офицерам был присущ особый психический склад. При всем разнообразии характеров, тем-

пераментов, взглядов на жизнь, неодинаковости интеллекта и много другого у этих людей существовало нечто общее в психическом облике и складе личности, что во многом определяло их своеобразие в сравнении с другими сословиями и группами населения. Представляется, что своеобразие заключалось в специфической этике и особенностях мировоззрения. Воинская этика, представлявшая собой своего рода «военную идеологию», была присуща, главным образом, кадровому офицерству, хотя важнейшие ее требования, касавшиеся исполнения долга перед Отечеством, соблюдались и многими офицерами военного времени. В значительной мере воинская этика накладывала отпечаток на мировоззрение офицерского состава и постепенно становилась частью духовного мира офицеров.

3. Неучастие, отстраненность офицерства от социально-политической жизни страны. Подобная тенденция вызывалась главным образом консервативным мировоззрением офицеров и существовавшими для военнослужащих запретами. Лишь отдельные представители офицерского корпуса тайно состояли в тех или иных партиях и политических организациях. В целом командный состав армии сохранял лояльность существовавшему государственному строю, что отчетливо проявилось в период революции 1905–1907 гг. и годы Первой мировой войны. В своих действиях офицерство руководствовалось присягой и убеждениями о пагубности революционных событий для России. В случаях вооруженных выступлений, массовых беспорядков, погромов, активизации террористической деятельности радикальных элементов, армия в целом и прежде всего офицерство активно способствовали сохранению существовавшей политической системы и обеспечению общественной безопасности. Ситуация стала меняться лишь на рубеже 1916–1917 гг., когда, в силу ряда причин, настроения офицерства эволюционировали.

4. Повышение роли офицерского состава в жизни и деятельности армии, особенно в ходе боевых действий. Прогресс в технологиях обусловил появление новых видов вооружения и военной техники, что, в свою очередь, привело к революции в военном деле и породило эпоху войн нового поколения. Появление новых средств вооруженной борьбы вызвало изменение характера вооруженного противоборства, потребовало перемен в формах и способах ведения боевых дей-

ствий. Все это предопределило необходимость совершенствования профессиональной подготовки офицерства. Серьезные недостатки в этой области, проявившиеся во время войны с Японией в 1904–1905 гг., были во многом учтены в ходе военных реформ, проводившихся после ее окончания. В результате боевая подготовка большей части командного состава повысилась, и в мировую войну наша армия вступила более подготовленной, нежели в военный конфликт с Японией. Данное обстоятельство отмечалось как отечественными, так и зарубежными специалистами. Как показали боевые действия, в большинстве своем строевые кадровые офицеры были способны выполнять боевые задачи в соответствии с предназначением. Многие офицеры военного времени также успешно выполняли возложенные на них функции. С большой долей вероятности можно утверждать, что именно умелое руководство подчиненными силами со стороны строевых офицеров, наряду с героизмом и стойкостью русских солдат, не позволило противнику достичь стратегических целей – разгромить нашу армию и вывести Россию из войны, несмотря на ошибки высшего командования русской армии. Однако, как и ранее, подготовка значительной части высшего командного состава – от начальника дивизии и выше не отвечала требованиям времени.

5. Консервация кадровой политики, когда кандидаты на высокие должности подбирались чаще всего по протекции. Сложившаяся в высших структурах власти атмосфера и «правила игры» способствовали тому, что главным условием продвижения по службе были не высокие профессиональные качества военнослужащего, а нечто совсем иное. Предпочтение отдавалось лицам со связями, не противоречившим вышестоящему руководству и действовавшим в соответствии с его мнением, даже если это наносило вред делу. В силу несовершенства отбора кандидатов на высшие должности талантливые и волевые военнослужащие редко могли достичь высоких постов. Особенно негативно данное обстоятельство проявлялось в военное время, когда многие военачальники, командовавшие фронтами, армиями, корпусами, дивизиями, иной раз даже отдельными частями были не способны управлять вверенными им формированиями. В ходе боевых действий такие командиры и начальники занимали пассивную позицию, ожидали указаний

«сверху», что зачастую приводило к поражениям русских войск в ходе операций и крупных сражений. В то же время, мировая война показала, что и среди генералитета были талантливые и волевые военачальники.

Большинство строевых офицеров в мирное время проходили службу в условиях, когда производство в чины происходило очень медленно, прежде всего, в силу присущих системе чинопроизводства особенностей. Соответственно, карьерный рост у большинства из них был минимален. В годы Первой мировой войны в чинопроизводство были внесены некоторые изменения, что в определенной мере ускоряло служебное продвижение наиболее способных и волевых офицеров.

6. Сохранение в составе корпуса офицеров нескольких групп и подгрупп, отличавшихся между собой уровнем образования, возможностями служебного роста и престижностью службы. Разница в социальном положении вызывала недовольство в среде армейских офицеров, приводила к некоторой отчужденности во взаимоотношениях с офицерами гвардии и Генерального штаба, а также между пехотными офицерами и офицерами технических родов войск. Необходимо отметить, однако, что на боеспособности армии это не сказывалось.

7. Комплектование кадрового офицерства людьми различного социального происхождения. В мирное время почти 25 % офицеров были выходцами из бывших податных сословий. В то же время более половины офицерского корпуса в силу исторически сложившихся обстоятельств являлись потомственными дворянами. Качественные изменения в этом отношении произошли в годы Первой мировой войны, когда число дворян по происхождению в офицерской среде стало минимальным. Здесь необходимо учитывать, что принадлежность к высшему сословию в рассматриваемый период времени не играла значительной роли и не давала каких-либо привилегий.

8. Сохранение такого уровня морально-психологического состояния большей части командного состава, который можно оценивать как здоровый, обеспечивавший готовность к выполнению стоявших задач, как в мирное, так и в военное время. Происшедшие в начале XX столетия войны показали высокий боевой дух большей части офицерства, его верность присяге и воинскому долгу. Как пра-

вило, офицерский состав, был готов к выполнению боевых задач, в том числе, представлявших угрозу для жизни и здоровья. Это находило выражение в поведении на поле боя, когда кадровые офицеры массово проявляли личную храбрость и не теряли способность управлять подчиненными силами. Подобным образом можно охарактеризовать и часть офицеров военного времени. В то же время определенное их количество, из числа тех, кто был призван для обучения в военных училищах и школах прапорщиков, а не поступил в них добровольно, было настроено оппозиционно по отношению к власти. При этом, однако, и среди последних случаи неисполнения обязанностей в боевых условиях не представляли собой значительную величину. В 1917 г. морально-психологическое состояние офицерского состава значительно ухудшилось, однако даже в этот период времени оно не достигло недопустимого уровня, не считая офицеров, действовавших из сугубо личных или политических соображений. Что касается высшего командного состава, то немалому числу его представителей не хватало такого морально-боевого качества, как гражданское мужество, способности проявить инициативу, пойти на разумный риск во имя достижения победы над противником. Данное обстоятельство крайне отрицательно влияло на боеспособность русских войск.

9. Разочарование офицерского состава в действовавшей власти, постепенно дошедшее до ее неприятия. Эта тенденция стала интенсивно развиваться с 1915 г., под влиянием «великого отступления» и положения в тылу, показавших всю слабость и пороки действовавшей системы государственного устройства. Особенно ярко изменения во взглядах офицеров проявились в период Февральской революции, когда офицерство не отреагировало на свержение монархии, и не попыталось оказать помощь императору в удержании власти. Более того, часть высшего командного состава стала оказывать содействие Временному правительству.

10. Характер тенденции приобрел невысокий уровень материального благосостояния офицерства. Меры, предпринимавшиеся правительством по повышению денежного содержания офицеров, в той или иной мере лишь компенсировали инфляцию и рост цен на предметы первой необходимости.

Прошло более века со времени рассматриваемых в диссертации событий. В стране и мире произошли колоссальные изменения, многое стало совершенно иным. Однако, несмотря на то, что каждой эпохе свойственны только ей присущие черты и характеристики, неповторимые особенности, собственная духовная атмосфера, есть основания утверждать: многие современные общественные и армейские проблемы имеют определенное сходство с проблемами начала XX века. Подобное сходство не случайно, более того, оно закономерно. В соответствии с законами диалектики, общественное развитие носит спиралевидный характер. Ввиду действия закона единства и борьбы противоположностей общество, в каком-либо определенном пункте (стадии) своего развития, в силу превращения количественных изменений в качественные скачкообразно переходит на противоположную сторону витка спирали, совершая первое отрицание. Новое качество задает новые количественные показатели, которые в ходе последующего развития вновь приводят к качественному скачку, и общество как бы возвращается назад, к прежней стадии, хотя и в значительно измененном виде. Таким путем совершается второе отрицание. Данный процесс, в силу действия закона отрицания отрицания, совершается вновь и вновь.

На историческом отрезке времени, рассматриваемом в диссертации, произошло первое отрицание, когда в результате Великой российской революции 1917 г. состоялся переход от изжившего себя устройства общества и государства к буржуазному, а затем – советскому строю. В результате дальнейшего развития страны произошло второе отрицание, следствием чего стало нынешнее государственное устройство Российской Федерации, а также социальные отношения, ему соответствующие. Иными словами, нынешнее российское общество и государство, пусть и в сильно измененном виде, отчасти вернулись к порядкам, предшествовавшим советскому периоду истории. Таким путем отражается связь нового со старым, преемственность развития, своеобразная повторяемость некоторых свойств более ранней стадии развития на более поздней стадии, а также нелинейность характера общественного развития. В полной мере подобные рассуждения относятся и к армии, следовательно, проблемы сегодняшнего дня имеют то или

иное сходство с проблемами, существовавшими в начале прошлого века. Данное обстоятельство побуждает извлечь ряд уроков, вытекающих из результатов исследования.

Великий немецкий философ Г. В. Ф. Гегель писал: «Но опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее. В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния»[1].

Вряд ли можно оспорить мысль великого философа. Представляется, однако, что Г. В. Ф. Гегель выступал не против учета исторического опыта, а против его механического заимствования и бездумного использования в другую эпоху, без учета новых реалий. По твердому убеждению автора диссертации, пренебрежительное отношение к опыту прошлого способствует повторению прошлых ошибок, в свое время уже нанесших ущерб национальной безопасности государства, в том числе, ее военной составляющей. Исходя из данного положения, сформулируем уроки, которые, как видится, можно учитывать в строительстве современных Вооруженных Сил.

Урок первый. Необходимо сознавать, что военнослужащие являются частью общества, поэтому проблемы социума не могут их не затрагивать. Данное обстоятельство в полной мере проявилось в рассматриваемый в диссертации исторический период, когда отсутствовала концепция развития государства, соответствовавшая интересам большинства населения, и не реализовывался принцип социальной справедливости. Результатом стали гражданское противостояние, политическая нестабильность и социальные потрясения, при этом армия активно участвовала в происходивших событиях. При определенных обстоятельствах, возможность подобного развития событий нельзя исключать и в нашу эпоху. Подобный сценарий особенно опасен в условиях эскалации международной военно-

---

[1] *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории / пер. А.М. Водена. СПб: Наука, 1993. С. 61.

политической напряженности, характерной для начала XXI века. В случае действительно массовых народных выступлений военнослужащие могут оказаться в двусмысленном, ложном положении, находясь между необходимостью повиноваться власти и требованиями населения. События 1905-го и особенно 1917 г. показали: в таком случае в армии неизбежен раскол, что приведет к дестабилизации страны, ослаблению ее обороноспособности и позиций на международной арене, кровопролитию и т.д.

Урок второй. В периоды внутренних кризисов морально-психологическое состояние войск значительно ухудшается. Это продемонстрировал, в частности, катастрофический провал летнего наступления русских войск в 1917 г. Фундаментом боевого духа людей, идущих на смерть, является вера в правоту дела, ради которого они жертвуют самым дорогим; между тем доверия к власти в лице Временного правительства уже не было. В случае крупномасштабного военного конфликта с внешним противником в наши дни, если граждане (военнослужащие, в том числе), будут считать, что государство действует не в интересах народа, а во имя удовлетворения амбиций некоторых кланов и социальных групп, деградация морально-психологического состояния личного состава также не исключена. Нечто подобное может случиться и в случае крупного внутреннего конфликта.

Урок третий. События начала XX в. показали, что изоляция армии от социально-политических процессов, протекающих в стране, невозможна. Более того, элементарная политическая безграмотность, которая буквально насаждалась в армии, в том числе, среди офицерского корпуса, к ожидавшимся властью результатам не привела. Напротив, офицеры, которые не могли разъяснить подчиненным животрепещущих вопросов, сами постепенно теряли ориентиры, в то время как на солдат воздействовала пропаганда и агитация из антиправительственного лагеря и со стороны внешнего противника. С другой стороны, происшедшая в 1917 г. политизация войск способствовала социально-политическим катаклизмам в стране, привела к развалу армии и военным поражениям.

В современном информационном обществе говорить о какой-либо изоляции военнослужащих немыслимо в принципе. Следовательно, с учетом все возрас-

тающего значения морально-психологического фактора, необходимо не только эффективное патриотическое воспитание, но и политическое просвещение и политическая ориентация солдат и офицеров. Одновременно необходимо поддерживать разумный баланс между политико-просветительными и административно-ограничительными мерами, дабы не позволить втянуть армию во внутриполитические конфликты.

Урок четвертый. Снижение социально-профессионального статуса офицеров в начале прошлого века и невысокий уровень их материального благосостояния способствовали определенному некомплекту офицерских кадров, исчезновению интереса к военной службе у большинства талантливой молодежи. Это не могло не сказаться на уровне профессионально-должностной подготовки офицерского состава, управлении войсками и боеспособности армии в целом.

В наши дни, несмотря на некоторое улучшение ситуации в сравнении с концом XX – началом XXI века, остается нерешенным большое количество материальных, бытовых и социальных проблем, как действующих офицеров, так и ушедших в запас. В этой связи представляется, что проходящая ныне военная реформа может быть успешной лишь в случае охвата всех составляющих жизни армии, не только ее боевого, тылового и технического обеспечения, но и социальных и материальных проблем военнослужащих. Необходимо не только военно-патриотическое воспитание офицерства, но и воздействие на его рациональное мышление, что невозможно без обеспечения достойного уровня жизни, позволяющего дорожить своей профессией и положением в обществе. В противном случае поднятие авторитета и социального статуса офицерства кажется маловероятным.

Урок пятый. История показала, что эффективность управления войсками во многом зависит от сплоченности, взаимопонимания и взаимоуважения военнослужащих всех категорий. Недостаток этих факторов во многом способствовал открытой дискриминации и преследованиям офицеров со стороны солдат в 1917 г., потере боеспособности армии и ее развалу. В меньшей мере, но отсутствие подлинного товарищества, холодность, иной раз грубость во взаимоотноше-

ниях, диктующаяся разницей служебного положения, существует и сегодня. Данная проблема во многом связана с чертами характера и свойствами натуры тех или иных людей, но это не означает, что она должна оставаться без внимания. Ее решение является залогом сплоченности подразделений и частей, без которой выполнение боевой задачи в сложной обстановке может быть поставлено под угрозу.

В силу ряда факторов, носивших, главным образом идеологический характер, в недавнем прошлом практика повседневной служебной деятельности офицеров русской армии, их воспитательной работы с подчиненными, общения с солдатами в служебной и неформальной обстановке отвергалась. Представляется, что такой подход неверен. Использование творчески и критически осмысленного опыта службы прежних поколений русского офицерства может помочь современному комсоставу в установлении правильных взаимоотношений с подчиненными и создании сплоченных воинских коллективов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Архивные документы

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

1. Фонд 29. Канцелярия Военного министерства. 1770–1918 гг. Опись 3, дело 1533.
2. Фонд 280. Редигер Александр Федорович, генерал от инфантерии, бывший военный министр. 1917 г. Опись 1, дело 4.
3. Фонд 400. Главный штаб Военного министерства. 1836–1919 гг. Опись 12, дело 26983.
4. Фонд 409. Послужные списки офицеров. 1859–1918 гг. Опись 1, дела 168433, 173542, 175184,177619, 181622.
5. Фонд 487. Русско-японская война 1904–1905 гг. 1899–1916 гг. Опись 1, дела 65, 258.
6. Фонд 741. Смоленский особый продовольственный магазин. 1901–1918 гг. Опись 2, дело 18.
7. Фонд 861. Елисаветградское кавалерийское училище. 1908–1918 гг. Опись 1, дело 4.
8. Фонд 970. Военно-походная канцелярия е.и.в. при императорской главной квартире. 1826–1917 гг. Опись 3, дело 55.
9. Фонд 1343. Штаб Петроградского военного округа на театре военных действий. 1855–1918 гг. Опись 2, дело 408.
10. Фонд 1915. Штаб Минского военного округа на театре военных действий. 1912–1918 гг. Опись 1, дело 58; опись 2, дело 9.
11. Фонд 2003. Штаб Верховного Главнокомандующего (Ставка). 1914–1918 гг. Опись 1, дела 1486, 1755; опись 2, дела 47, 145, 155, 186, 199, 201, 202, 783, 822.
12. Фонд 2019. Штаб главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. 1914–1917 гг. Опись 2, дела 19, 440.
13. Фонд 2031. Штаб главнокомандующего армиями Северного фронта. 1913–1919 гг. Опись 2, дела 185, 621.
14. Фонд 2048. Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта. 1914–1918 гг. Опись 1, дела 905, 1115, 1121, 1123, 1337; опись 1 доп., дело 1352; Опись 2, дела 107, 138, 144, 145, 157.

15. Фонд 2060. Управление инспектора запасных войск армий Западного фронта. 1915–1918 гг. Опись 1, дела 72, 73.
16. Фонд 2067. Штаб главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. 1914–1918 гг. Опись 2, дела 7, 213.
17. Фонд 2085. Штаб помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта. 1916–1920 гг. Опись 1, дела 139, 141.
18. Фонд 2100. Штаб главнокомандующего войсками Кавказского фронта. 1914–1918 гг. Опись 2, дела 14, 20.
19. Фонд 2134. Штаб 8-й армии. 1914–1918 гг. Опись 1, дело 964.
20. Фонд 2187. 4-й армейский корпус. 1877–1918 гг. Опись 1, дело 570.
21. Фонд 2216. 19-й армейский корпус. 1892–1918 гг. Опись 3, дело 243.
22. Фонд 2230. 26-й армейский корпус. 1914–1918 гг. Опись 1, дело 315.
23. Фонд 2615. 1-й пехотный Невский полк. 1720–1917 гг. Опись 1, дело 208.
24. Фонд 2354. 24-я пехотная дивизия. 1872–1918 гг. Опись 2, дело 700.
25. Фонд 16180. Комиссия по организации и устройству народного военно-исторического музея войны 1914–1918 гг. 1914–1918 гг. Опись 1, дело 77.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

26. Фонд 102. Департамент полиции Министерства внутренних дел. 1880–1917 гг. Д-7. 1906 г. Д. 8. Ч. 32. Т. 5.
27. Фонд Р-6978. Всероссийский Центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов 1-го созыва. 1917 –1918. Опись 1, дела 533, 538, 539.

Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ).

28. Фонд Ф. 300. Минское городское полицейское управление. 1838–1917 гг. Опись 1, дело 69.
29. Фонд 2001. Канцелярия могилевского гражданского губернатора. 1802–1917 гг. Опись 1, дело 2114.
30. Фонд 2613. Полоцкий кадетский корпус. 1835–1917 гг. Опись 1, дела 104, 108, 139.

Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно)

31. Фонд 369. Помощник начальника Гродненского губернского жандармского управления. Опись 1, дела 114, 127.

32. Фонд 366. Гродненское губернское жандармское управление. Опись 1, дело 449.

Нормативные правовые акты (законы, уставы, инструкции, приказы, циркуляры и иные ведомственные акты)

1. Воинский устав о наказаниях [1899 г.] / 2-е изд., исп. и доп. СПб: Военная типография, 1899. 123 с.
2. Воинский устав о наказаниях: Приказ по военному ведомству от 7 мая 1910 г. № 434 // Приказы по военному ведомству за 1910 год. СПб: Военная типография, 1910. С. 703–739.
3. Временное положение об аттестациях младших офицеров в пехоте и кавалерии: приказ по военному ведомству от 26 июля 1908 года № 341 // Приказы по военному ведомству за 1908 год. СПб: Военная типография, 1908. С. 554–557.
4. Всем армейским комитетам действующей армии, всем советам солдатских депутатов // Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 7–8.
5. Высочайший манифест // Русский Инвалид. 1914. 22 июля. С. 1.
6. Высочайшие приказы по военному ведомству от 31 июля // Русский Инвалид. 1913. 2 августа. С. 1.
7. Декларация прав народов России // Декреты Советской власти. Том I. С. 39 –41.
8. Декрет о выборном начале и об организации власти в армии // Декреты Советской власти. Том I. С. 244–245.
9. Декрет об уравнении всех военнослужащих в правах // Декреты Советской власти. Том I. С. 242–243.
10. Директива начальника штаба Верховного Главнокомандующего от 11 апреля 1916 г. № 2017/806. Секретно // Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. Период с октября 1915 г. по сентябрь 1916 г. Позиционная война и прорыв австрийцев Юго-Западным фронтом / сост. В.Н. Клембовский. М., 1920. С. 111–112.
11. Закон об изменении устава о воинской повинности: приказ по военному ведомству 1912 года № 349 // Приказы по военному ведомству за 1912 год. СПб: Военная типография, 1912. С. 708–738.
12. Законы о евреях. Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями правительствующего сената и центральных правительственных установлений/ сост. Я.И.

Гимпельсон; под ред. Л. М. Брамсона. СПб: Издание т-ва «Юриспруденция», 1914. Ч. 1. 440 с.; Ч. 2. 480 с.

13. Законы о евреях. Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями правительствующего сената и центральных правительственных установлений. Ч. 2. / сост. Я.И. Гимпельсон; под ред. Л.М. Брамсона. Петроград: Типография «Экономия», 1915. 472 с.
14. Инструкция для юнкеров Николаевского кавалерийского училища. СПб: Тип. П.П. Сойкина, 1900. 106 с.
15. Инструкция по снабжению войск предметами вещевого довольствия в готовом виде: приказ по военному ведомству № 503 // Приказы по военному ведомству за 1908 год. СПб: Военная типография, 1908. С. 857–872.
16. Инструкция по увольнению военнослужащих в отпуска: Приложение к приказу по военному ведомству 1901 г. № 389 // Приказы по военному ведомству за 1901 год. СПб: Военная типография, 1901. С. 986–987.
17. Инструкция, определяющая правила военного воспитания и устройства внутреннего порядка в юнкерских училищах: приказ от 31 августа 1901 г. № 319 // Приказы по военному ведомству за 1901 год. СПб.: Военная типография, 1901. С. 807–827.
18. К № 16811. 1 мая. Высочайше утвержденная 1 мая 1899 г. ведомость окладам столовых денег, с указанием лиц и должностей, кому таковые присвоены // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XIX. 1899. Отделение II: Приложения. СПб: Государственная типография, 1902. С. 151–156.
19. К № 17358. О новой форме верноподданнической присяги // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XIX. Отделение II: Приложения. СПб: Государственная типография, 1902. С. 279–280.
20. К № 21484. 20 мая. Расписание окладов для офицерских чинов на отопление и освещение квартир // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXII. 1902. Отделение II: Приложения. СПб: Государственная типография, 1904. С. 170–182.
21. К № 31323. Табель № 1 добавочных денег офицерам строевых частей пехоты, кавалерии и артиллерии и инженерных, железнодорожных и казачьих войск, а также соответствующих строевых штабов и управлений // Полное собрание законов Российской империи. Собрание

третье. Т. XXVIII. 1908 г. Отделение II: Приложения. СПб: Государственная типография, 1911. С. 820–821.

22. *Керенский А.Ф.,* военный и морской министр Декларация прав солдата М.: Книгоиздательство «Идея», 1917. 6 с.
23. Николаевское кавалерийское училище: Инструкция для младших (сменных) офицеров училища. СПб: Типография П.П. Сойкина, 1900. 106 с.
24. О выборности лиц командного состава и об отмене чинов и отличий: приказ по Петроградскому военному округу от 1 декабря 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 64.
25. О прекращении производства в офицеры: приказ по Военному ведомству от 14 ноября 1917 г. № 11 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 31.
26. Общая программа общеобразовательных предметов учебного курса юнкерских училищ: приказ по военному ведомству от 31 декабря 1907 г. № 667 // Приказы по военному ведомству за 1907 г. СПб: Военная типография, 1907. С. 1001–1025.
27. Основные положения для введения всеобщего начального обучения в Российской Империи // Всеобщее обучение: сборник законов и правительственных распоряжений. Вып. 1. 1907 – 1913 гг. / сост. К. Денисов. СПб: Типография П.П. Сойкина, 1913. 119 с.
28. От управления воинской повинности // Разведчик. 1914. № 1241. С. 500.
29. Перечень указаний, данных командующим войсками Виленского округа при поверке в частях войск зимой 1910–1911 года офицерских занятий» // Разведчик. 1910. № 1095. С. 661–663.
30. Положение о предельном возрастном цензе для состоящих на службе в строю и в войсковых управлениях генералов, штаб и обер-офицеров: Приказ по военному ведомству от 1 июля 1913 г. № 349 // Приказы по военному ведомству за 1913 год СПб: Военная типография, 1913. С. 1164–1165.
31. Положение о совете, учреждаемом при 1-й гвардейской пехотной дивизии по вопросам умственного и нравственного развития нижних чинов дивизии // Военно-исторический вестник (Париж). 1971. № 37. С. 30–31.
32. Положение о школах подготовки прапорщиков пехоты: приказ по военному ведомству от 13 февраля 1916 года № 82 // Приказы по

военному ведомству за 1916 год. Петроград: Военная типография, 1916. С. 67–73.

33. Положение о юнкерских училищах: приказ по военному ведомству от 5 июня 1901 г. № 197 // Приказы по военному ведомству за 1901 г. СПб: Военная типография, 1901. С. 434–524.
34. Положение об аттестовании военнослужащих: приказ по военному ведомству от 10 сентября 1912 года № 480 // Приказы по военному ведомству за 1912 год. СПб: Военная типография, 1912. С. 1109–1114.
35. Положение об обучении пехоты. Высочайше утверждено 22 декабря 1911 г. СПб: Военная типография, 1911. 111 с.
36. Положение об ускоренной подготовке офицеров в военное время в школах при запасных пехотных бригадах: приказ по военному ведомству от 30 сентября 1914 г. № 647 // Разведчик. 1914. № 1252. С. 734–735.
37. Постановление Временного правительства о введении смертной казни на фронте и об учреждении военно-революционных судов (12 июля 1917 г.) // Хрестоматия по истории государства и права России / сост. Ю.П. Титов. М.: Проспект, 1997. С. 296.
38. Постановление Временного правительства об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления // Вестник Временного правительства. 1917. № 12 (58). 18 (31) марта. С. 1.
39. Постановление Временного правительства об отмене смертной казни // Вестник Временного правительства. 1917. № 12 (58). 18 (31) марта. С. 1.
40. Постановление Второго Всероссийского съезда Советов об образовании в армии временных революционных комитетов // Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. С. 21.
41. Постановление о выдаче процентных добавок к пенсиям военно-увечных // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 138.
42. Правила о порядке осуществления преимуществ, Высочайше дарованных в 5-й день октября 1915 года строевым офицерским чинам действующих армий, состоящим в частях армейской и гвардейской пехоты: приказ по военному ведомству от 24 октября 1915 года № 563 // Приказы по военному ведомству за 1915 год. С. 730–731.
43. Правила о порядке осуществления преимуществ, Высочайше дарованных в 23 день декабря 1915 года строевым офицерским чинам действующей армии, состоящим в частях армейской и гвардейской кавалерии и полевой артиллерии: легкой, конной, мортирной, горной и тяжелой, а

равно в конных и артиллерийских частях казачьих войск: приказ по военному ведомству от 24 декабря 1915 года № 681 // Приказы по военному ведомству за 1915 год. С. 846–847.

44. Правила прохождения прапорщиков запаса и других лиц, произведенных в офицерские чины без выдержания офицерского экзамена и оставленных на действительной службе в мирное время: Приказ по военному ведомству от 14 января 1909 г. № 22 // Разведчик. 1909. № 954. С. 79–80.
45. Правительственное сообщение // Разведчик. 1905. № 783–784. С. 804.
46. Приказ 6-й Восточно – Сибирской стрелковой дивизии от 2 марта 1906 г. № 32 // Разведчик. 1906. № 812. С. 394.
47. Приказ 80-й пехотной дивизии № 114-а от 5 июня 1915 г. // Военная быль. 1965. № 73. С. 38–43.
48. Приказ 8-й Восточно – Сибирской стрелковой дивизии 1905 года № 178 // Разведчик. 1906. № 806. С. 280–281.
49. Приказ № 1, выпущенный Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов 14 (1) марта 1917 г. // *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.; в 5 ч., 12 кн. [Париж – Таллинн]: Приложение к «Иллюстрированной России» на 1937 год. Ч. 1. Кн. 1. С. 93–94.
50. Приказ по военному ведомству от 24 апреля 1900 г. № 137 // Разведчик. 1900. № 502. С. 506–507.
51. Приказ армии и флоту (по кабинету министра) от 23 мая 1917 г. // Разведчик. 1917. № 1385. С. 326.
52. Приказ верховного главнокомандующего Н.В. Крыленко всем армейским и военно-революционным комитетам действующей армии о создании Военно-революционного комитета при Ставке // Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. Сборник документов. М.: Наука, 1973. С. 163–164.
53. Приказ Верховного Главнокомандующего от 15 мая № 284 // Библиотека Национального исторического архива Беларуси (НИАБ). Инв. № 14994: Приказы Верховного Главнокомандующего за 1917 год (нумерация страниц отсутствует).
54. Приказ Верховного Главнокомандующего от 17 мая 1917 г. № 293 // Библиотека НИАБ. Инв. № 14994: Приказы Верховного Главнокомандующего за 1917 год (нумерация страниц отсутствует).

55. Приказ Верховного Главнокомандующего от 29 апреля № 207 // Библиотека НИАБ. Инв. № 14993: Приказы Верховного Главнокомандующего за 1917 г. (нумерация страниц отсутствует).
56. Приказ Верховного Главнокомандующего от 30 марта 1917 г. № 51 // Библиотека НИАБ. Инв. № 14994: Приказы Верховного Главнокомандующего за 1917 год (нумерация страниц отсутствует).
57. Приказ Верховного Главнокомандующего от 4 июля № 371 // Библиотека НИАБ. Инв. № 14994: Приказы Верховного Главнокомандующего за 1917 год (нумерация страниц отсутствует).
58. Приказ Верховного Главнокомандующего от 5 июня № 380 // Библиотека НИАБ. Инв. № 14994: Приказы Верховного Главнокомандующего за 1917 г. (нумерация страниц отсутствует).
59. Приказ Верховного Главнокомандующего от 5 ноября № 140 // Библиотека НИАБ. Инв. № 14990: Приказы Верховного Главнокомандующего 1914 года. Т. 1 (нумерация страниц отсутствует).
60. Приказ во военному ведомству от 4 февраля 1910 г. № 62 // Приказы по военному ведомству за 1910 г. С. 75.
61. Приказ Военного Совета от 11 декабря 1905 г. № 790 // Разведчик. 1906. № 793. С. 2.
62. Приказ военно-революционного комитета 2-й армии от 2 ноября // Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г.: Сборник документов. С. 43–44.
63. Приказ войскам 10-го армейского корпуса № 99 // Разведчик. 1905. № 768. С. 553.
64. Приказ войскам 6-го армейского корпуса // Разведчик. 1906. № 821. С. 551–552.
65. Приказ войскам Варшавского военного округа № 150 // Разведчик. 1904. № 731. С. 1074.
66. Приказ войскам Варшавского военного округа № 66 // Разведчик. 1907. № 857. С. 167.
67. Приказ войскам Виленского военного округа № 126 // Разведчик. 1905. № 766. С. 511.
68. Приказ войскам Виленского военного округа № 18 // Разведчик. 1906. № 797. С. 71.
69. Приказ войскам гвардии и Петербургского военного округа 1911 года № 13 // Разведчик. 1911. № 1067. С 222.
70. Приказ войскам гвардии и Петербургского военного округа № 25 // Разведчик. 1902. № 610. С. 578.

71. Приказ войскам Иркутского военного округа № 97 // Разведчик. 1908. № 911. С. 249.
72. Приказ войскам Киевского военного округа 1906 года № 656 // Разведчик. 1906. № 837. С. 812.
73. Приказ войскам Киевского военного округа № 127 // Разведчик. 1905. № 763. С. 451.
74. Приказ войскам Киевского военного округа № 136 // Разведчик. 1902. № 616. С. 716–717.
75. Приказ войскам Киевского военного округа № 252 // Разведчик. 1902. № 630. С. 1020.
76. Приказ войскам Киевского военного округа № 394 // Разведчик. 1907. № 881. С. 526.
77. Приказ войскам Московского военного округа № 239 // Разведчик. 1902. № 626. С. 924.
78. Приказ войскам Одесского военного округа № 193 // Разведчик. 1902. № 621. С. 820.
79. Приказ войскам Туркестанского военного округа № 239 // Разведчик. 1903. № 655. С. 634.
80. Приказ войскам Туркестанского военного округа № 423 // Разведчик. 1906. № 797. С. 71.
81. Приказ войскам Туркестанского военного округа № 55 // Разведчик. 1900. № 495. С. 339.
82. Приказ Главнокомандующего армиями N-ского фронта от 25 июня 1916 г. № 3941 // Летопись войны 1914–1916 гг. 1916. № 104. С. 1667–1669.
83. Приказ Кавказскому военному округу от 1908 года № 62 // Разведчик. 1909. № 962. С. 209.
84. Приказ от 11 октября 1916 г. № 1647 // Библиотека НИАБ. Инв. № 15288: Приказы армиям Юго-Западного фронта за 1916 год. Т. 2. (нумерация страниц в деле отсутствует).
85. Приказ от 19 декабря 1905 года № 804 // Приказы по военному ведомству и циркуляры Главного штаба за 1905 год. СПб.: Военное издательство, 1905. С. 1352–1353.
86. Приказ от 27 апреля 1901 года № 166 // Приказы по военному ведомству за 1901 год. СПб: Военная типография, 1901. С. 379–397.
87. Приказ от 8 мая 1900 г. № 164 // Приказы по военному ведомству за 1900 год. СПб: Военная типография, 1900. С. 365.
88. Приказ от 8 мая 1900 г. № 166 // Приказы по военному ведомству за 1900 год. С. 367.

89. Приказ по 2-му Туркестанскому армейскому корпусу № 33 / Разведчик. 1906. № 806. С. 280.
90. Приказ по 9-й армии от 24 августа 1915 г. № 422 // Военная быль. 1973. № 122. С. 31.
91. Приказ по артиллерии № 4 // Разведчик.1906. № 798. С. 90.
92. Приказ по венному ведомству от 4 февраля 1903 г. № 40 // Приказы по военному ведомству за 1903 год. СПб: Военная типография, 1903. С.100–101.
93. Приказ по Военному ведомству 1909 года № 311 // Разведчик. 1909. № 982. С. 479.
94. Приказ по военному ведомству 22 мая № 309 // Разведчик. 1914. № 1233. С. 378.
95. Приказ по военному ведомству № 322 // Разведчик. 1911. № 1085. С. 506.
96. Приказ по военному ведомству от 11 июня 1915 г. № 278 // Приказы по военному ведомству за 1915 год. С. 410.
97. Приказ по военному ведомству от 11 января 1914 года № 27 // Разведчик. 1914. № 1215. С. 97.
98. Приказ по военному ведомству от 12 августа 1914 г. № 505 // Разведчик. 1914. № 1244. С. 568–569
99. Приказ по военному ведомству от 13 августа 1906 г. № 494 // Сборник приказов по военному ведомству за 1906 г. СПб: Военная типография, 1906. С. 808.
100. Приказ по военному ведомству от 14 декабря 1912 года № 653 // Приказы по Военному ведомству за 1912 год. СПб: Военная типография, 1912. С. 1568–1598.
101. Приказ по военному ведомству от 14 ноября 1917 г. № 10 // Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. № 1. С. 1.
102. Приказ по военному ведомству от 14 января 1909 г. № 22 // Разведчик. 1909. № 954. С. 80.
103. Приказ по военному ведомству от 15 ноября 1912 г. № 628 // Приказы по военному ведомству за 1912 год. СПб: Военная типография, 1912. С. 1389.
104. Приказ по военному ведомству от 16 августа 1916 г. № 458 // Приказы по военному ведомству за 1916 год. Петроград: Военная типография, 1916. С. 585–586.
105. Приказ по военному ведомству от 16 апреля 1917 г. № 213 // Библиотека НИАБ. Инв. № 14971: Приказы по военному ведомству за 1917 год. С. 188–190.

106. Приказ по военному ведомству от 16 марта 1915 г. № 133 // Приказы по военному ведомству за 1915 год. С. 242–243.
107. Приказ по военному ведомству от 16 ноября 1912 года № 649 // Приказы по Военному ведомству за 1912 год. С. 1545–1550.
108. Приказ по военному ведомству от 16 сентября 1912 года № 528 // Приказы по Военному ведомству за 1912 год. СПб: Военная типография, 1912. С. 1219–1224.
109. Приказ по военному ведомству от 18 марта 1908 г. № 126 // Приказы по военному ведомству за 1908 год. СПб: Военная типография, 1908. С. 149–153.
110. Приказ по военному ведомству от 18 сентября 1914 г. № 617 // Разведчик. 1914 . № 1250. С. 699.
111. Приказ по военному ведомству от 18 февраля 1915 г. № 81 // Приказы по военному ведомству за 1915 год. Петроград: Военная типография, 1915. С. 177–179.
112. Приказ по военному ведомству от 19 июля 1902 г. № 280 // Приказы по военному ведомству за 1902 год. СПб: Военная типография, 1902. С. 445.
113. Приказ по военному ведомству от 19 марта 1901 года № 102 // Приказы по военному ведомству за 1901 год. СПб: Военная типография, 1901. С. 280–284.
114. Приказ по военному ведомству от 19 мая 1901 года № 389 // Приказы по военному ведомству за 1901 год. СПб: Военная типография, 1901. С. 973–985.
115. Приказ по военному ведомству от 19 февраля 1907 года № 106 // Приказы по военному ведомству за 1907 год. СПб.: Военное издательство, 1907. С. 102–103.
116. Приказ по военному ведомству от 20 октября 1914 г. № 689 // Приказы по военному ведомству за 1914 г. Петроград: Военная типография, 1914. С. 1864–1868.
117. Приказ по военному ведомству от 24 августа 1902 года № 323 // Приказы по военному ведомству за 1902 год. СПб: Военная типография, 1902. С. 519 –520.
118. Приказ по военному ведомству от 24 июля 1917 г. № 467 // Приказы по военному ведомству за 1917 г. Петроград, 1917. С. 563–567.
119. Приказ по военному ведомству от 24 мая № 351 // Приказы по военному ведомству и циркуляры Главного штаба за 1905 год. СПб: Военное издательство, 1905. С. 515.

120. Приказ по военному ведомству от 24 ноября 1906 г. № 689 // Сборник приказов по военному ведомству за 1906 год. СПб: Военная типография, 1906. С. 1070–1072.
121. Приказ по военному ведомству от 26 марта 1913 г. № 120 // Приказы по военному ведомству за 1913 год. СПб: Военное издательство, 1913. С. 332.
122. Приказ по военному ведомству от 26 мая 1906 г. № 337 // Приказы по военному ведомству за 1906 г. СПб: Военная типография, 1906. С. 551–571.
123. Приказ по военному ведомству от 26 ноября 1914 г. № 756 // Приказы по военному ведомству за 1914 г. С. 1960–1964.
124. Приказ по военному ведомству от 27 мая 1903 г. № 208 // Приказы по военному ведомству за 1903 год. СПб: Военная типография, 1903. С. 399 – 414.
125. Приказ по военному ведомству от 27 января 1906 г. № 68 // Сборник приказов по военному ведомству за 1906 г. СПб: Военная типография, 1906. С. 108–109.
126. Приказ по военному ведомству от 28 июля от 1908 г. № 355 // Приказы по военному ведомству за 1908 год. СПб: Военное издательство, 1908. С. 587.
127. Приказ по военному ведомству от 28 января 1915 г. № 42 // Приказы по военному ведомству за 1915 год. С. 123–126.
128. Приказ по военному ведомству от 28 января 1915 г. № 43 // Приказы по военному ведомству за 1915 год. С. 126–128.
129. Приказ по военному ведомству от 29 января 1910 г. № 53 // Приказы по военному ведомству за 1910 год. СПб: Военная типография, 1910. С. 49.
130. Приказ по военному ведомству от 3 марта 1916 года № 119 // Приказы по военному ведомству за 1916 год. Петроград: Военная типография, 1916. С. 119–140.
131. Приказ по военному ведомству от 3 ноября 1916 г. № 618 // Приказы по военному ведомству за 1916 год. С. 799–800.
132. Приказ по военному ведомству от 30 марта 1916 г. № 162 // Приказы по военному ведомству за 1916 год. Петроград: Военная типография, 1916. С. 179–184.
133. Приказ по военному ведомству от 31 июля 1913 г. № 410 // Приказы по военному ведомству за 1913 год. СПб: Военная типография, 1913. С. 1261–1262.

134. Приказ по военному ведомству от 31 июля № 459 // Приказы по военному ведомству за 1910 год. СПб: Военная типография, 1910. С. 760 – 776.
135. Приказ по военному ведомству от 31 мая 1910 г. № 243 // Приказы по военному ведомству за 1910 г. СПб: Военная типография, 1910. С. 378.
136. Приказ по военному ведомству от 31 октября 1914 г. № 696 // Разведчик. 1914. № 1258. С. 841.
137. Приказ по военному ведомству от 4 апреля 1917 г. № 182 // Библиотека НИАБ. Инв. № 14971: Приказы по военному ведомству за 1917 год. С. 160.
138. Приказ по военному ведомству от 4 ноября 1905 г. № 718 // Разведчик. 1905. № 789. С. 907.
139. Приказ по военному ведомству от 4 февраля 1910 г. № 67 // Приказы по военному ведомству за 1910 год. СПб: Военная типография, 1910. С. 79–83.
140. Приказ по военному ведомству от 5 марта 1915 г. № 110 // Приказы по военному ведомству за 1915 год. С. 204.
141. Приказ по военному ведомству от 5 ноября 1910 г. № 620 // Приказы по военному ведомству за 1910 год. СПб.: Военное издательство, 1910. С. 1153–1161.
142. Приказ по военному ведомству от 7 июля 1915 г. № 336 // Приказы по военному ведомству за 1915 год. С. 472.
143. Приказ по военному ведомству от 7 мая 1906 г. № 280 // Приказы по военному ведомству за 1906 год. СПб: Военная типография, 1906. С. 438–441.
144. Приказ по военному ведомству от 8 октября 1901 года № 331 // Приказы по военному ведомству за 1901 год. СПб: Военная типография, 1901. С. 857–863..
145. Приказ по военному ведомству от 8 октября 1906 г. № 626 // Приказы по военному ведомству за 1906 год. СПб: Военная типография, 1906. С. 985 –986.
146. Приказ по военному ведомству от 9 мая 1914 года № 274 // Разведчик. 1914. № 1232. С. 361–362.
147. Приказ по войскам Туркестанского округа № 453 // Разведчик. 1906. № 834. С. 752
148. Приказ по Кавказскому военному округу 1905 года № 341 // Разведчик. 1906. № 803. С. 197.

149. Приказ по Кавказскому военному округу № 229 // Разведчик. 1906. № 794–795. С. 24.
150. Приказ по Кавказскому военному округу № 250 // Разведчик. 1906. № 794–795. С. 24–25.
151. Приказ по военному ведомству от 31 июля 1912 г. № 400 // Приказы по военному ведомству за 1912 год. СПб: Военная типография, 1912. С. 911–925.
152. Приказ по Казанскому военному округу № 41 // Разведчик. 1902. № 599. С. 330.
153. Приказы армиям Юго-Западного фронта за 1916 год // Библиотека НИАБ. Инв. № 15287. Т. 1. Приказ от 12 июля 1916 года № 1152 (нумерация страниц отсутствует).
154. Программы для испытания желающих поступить в общий класс юнкерских училищ: приказ по военному ведомству от 31 декабря 1907 г. № 668 // Приказы по военному ведомству за 1907 г. СПб: Военная типография, 1907. С. 1027–1055.
155. Программы испытания желающих поступить в общий класс юнкерских училищ: приказ по военному ведомству от 7 декабря 1903 г. № 488 // Приказы по военному ведомству за 1903 год. СПб: Военная типография, 1903. С. 904–927.
156. Свод военных постановлений 1869 г. Книга V. Устройство и состав войск и управление ими. Изд. второе (по 1 янв. 1907 г.) СПб.: Государственная типография, 1907. 304 с.
157. Свод военных постановлений 1869 года. Книга VII. Прохождение службы по военному ведомству. Издание второе (по 1 января 1907 года). СПб: Государственная типография, 1907. 396 с.
158. Свод военных постановлений 1869 года. Книга VIII. Награды, пенсии, пособия и призрение чинов военного ведомства. Издание второе (по 1-е января 1902 г.). СПб: Государственная типография, 1902. 326 с.
159. Свод военных постановлений 1869 года. Книга XV. Заведения военно-учебные. Изд. третье (по 1 янв. 1907 г.). СПб: Государственная типография, 1907. 519 с.
160. Свод военных постановлений 1869 года. Книга XX. Внутреннее хозяйство частей войск. Издание второе (по 1 января 1907 г.). СПб: Государственная типография, 1907. 208 с.
161. Свод законов о состояниях. Кн. 1. О разных родах состояний, и различии прав, им присвоенных // Свод Законов Российской империи, издания

1857 г. Т. 9: Законы о состояниях. СПб: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. 477 с.

162. Список Генерального штаба (испр. по 1 июня 1914 г.). Пг.: Военная типография, 1914. 779 с.
163. Соглашение о капитуляции крепости и сдаче в плен гарнизона Порт-Артура // Разведчик. 1905. № 741. С. 19.
164. Строевой кавалерийский устав. Высочайше утвержден 12 февраля 1912 г. Ч. 1: Одиночное обучение. СПб: Военная типография, 1912. 160 с.; Ч. 2: Взвод, эскадрон, полк, высшие соединения. Петроград: Изд. товарищество В.А. Березовский, 1917. С. 13–213; Ч. 3. Бой. С. 214–384.
165. Устав дисциплинарный (исп. и доп. по 15 октября 1915 г.). Петроград: Изд. т-ва В.А. Березовского, 1915. 84 с.
166. Устав о пенсиях и единовременных пособиях чинам военного ведомства и их семействам: Приказ по военному ведомству от 31 июля 1912 г. № 400 // Приказы по военному ведомству за 1912 год. СПб: Военная типография, 1912. С. 911–925.
167. Устав полевой службы (изд. 1912 г.): в кн. Полевой устав для унтер-офицера. Саратов: Типография Союза печатного дела, 1913. С. 1 – 71.
168. Циркуляр генерала фон Фалькенхайна, военного министра Пруссии, об усилении наказаний за плохое обращение с подчиненными // *Деметр К.* Германский офицерский корпус в обществе и государстве. 1650–1945 / пер. Т. Логачева. М.: Центрполиграф, 2007. С. 291–292.
169. Циркуляр Главного штаба № 200 // Разведчик. 1914. № 1250. С. 700
170. Циркуляр Главного штаба № 219 // Разведчик. 1914. № 1209. С. 4.
171. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XIX. 1899. Отделение II: Приложения. СПб: Государственная типография, 1902. С. 3–624.
172. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXII. 1902. Отделение II: Приложения. СПб: Государственная типография, 1904. С. 3– 638.
173. № 19086. 11 июня. О порядке приобретения дворянства службою // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. 1845. Отделение первое. От № 18573–19303. СПб: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1846. С. 450–451.
174. № 27371. 7 февраля. Высочайше утвержденные Правила о призыве войск для содействия гражданским властям. // Полное собрание законов

Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. 1906 г. Отделение I. От № 27173–28753. СПб: 1909. С. 103–109.

175. № 28257. 20 августа. Об установлении Правил о военно-полевом суде // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. 1906 г. Отделение I. От № 27173–28753. СПб: Государственная типография, 1909. С. 815–816.
176. № 31236. 9 декабря. О приобретении потомственного дворянства производством по гражданской службе в действительные статские советники или соответствующий сему чину 4-й класс, а по военной в полковники или же в соответствующий оному чин флота капитана 1-го ранга // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXI. 1856. Отделение первое. От № 30013–31348. СПб: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. С. 1052–1053.
177. № 31633. 22 марта. Высочайше утвержденное положение Военного Совета от 5 февраля 1909 г. «Об изменении закона о браках офицеров» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIX. Отделение I. От № 31330–32882. СПб: Государственная типография, 1912. С. 213–214.
178. № 33247. Устав внутренней службы, Высочайше утвержденный 23 марта 1910 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXX. 1910 г. Отделение I. От № 32883 – 34628. СПб: Государственная типография, 1913. С. 327–394.
179. № 37112. 22 мая. Высочайше утвержденное положение Военного совета об изменении статей 303 и 304 книги VII (изд. 2) СВП 1869 г., 595, 615, 623, 624, 746,759, 752, 758, 762 , 763, 803–805, 807–810, 812, 1202 и 1206, 1209, 1210, 1220–1224, 127, 1235, 1239 и 1258 книги XV (изд. 3) СВП 1869 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье: 1881–1913 гг. Т. XXXII. 1912 г. Отделение I. От № 36391–38603. Петроград: Государственная типография, 1915. С. 469–482.
180. № 3890. 24 января. Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое. Т. VI. 1720 – 1722 гг. [Б.м.], типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 486–493.

181. № 57748. 3 октября. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О правилах, определяющих порядок призыва войск для содействия гражданским властям» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. LII. 1877 г. Отделение второе. От № 57529–58047. СПб: 1879. С. 160 – 162.
182. № 58069. 7 января. Высочайше утвержденное Положение о хозяйстве в роте // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. LIII. Отделение I. От № 58048–58673. 1878. СПб, 1880. С. 18 –43.
183. № 7142. 22 октября. Высочайше утвержденный Устав гарнизонной службы // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. X. 1890 г. Отд. I. От № 6505 – 7339 и дополнения. СПб: Государственная типография, 1895. С. 672–709.
184. № 35668. 18 июля. Высочайше утвержденное Положение о внешкольной подготовке русской молодежи к военной службе // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. XXXI. Отд. I. 1911. От № 34629 – 36390. СПб: Государственная типография, 1914. С. 831–833.

Переписка должностных лиц, доклады, отчеты, сводки, сборники документов

1. Белый архив: сб. материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, белого движения и т.п. / под ред. Я.М. Лисового. Париж: [б.и.], 1926. Вып. 1. 348 с. + отдельное приложение.
2. Большевики в годы империалистической войны (1914 – февраль 1917): сб. документов местных большевистских организаций. Л.: Государственное издательство политической литературы, 1939. 230 с.
3. Ведомость частям войск, в коих произошли наиболее крупные беспорядки, с показанием командиров этих частей, высших над ними начальников и аттестаций тех и других // Красный архив. 1932. Т. 1–2 (50–51). С. 215–223
4. Вержболово. Командиру 20-го армейского корпус. 8 (21) августа 1914 г. // Восточно-Прусская операция: сборник документов мировой империалистической войны на Русском фронте (1914–1917 гг.). М.: Воениздат, 1939. С. 195.
5. Воззвание военного министра. 9 марта. // Разведчик. 1917. № 1374–1375. С. 154.
6. Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1902 год. СПб.: Военная типография, 1904. 137 с. + 11 приложений (в каждом отдельная нумерация страниц).

7. Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1905 год. СПб.: Военная типография, 1907. 191 с. + 11 приложений (у каждого своя нумерация страниц)
8. Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1909 год. СПб.: Военная типография, 1911. 108 с. + 13 приложений (у каждого своя нумерация страниц).
9. Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1911 год. Приложение к общему обзору за 1911 год. СПб.: Военная типография, 1913. 11 приложений (у каждого своя нумерация страниц)
10. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1906 год. СПб.: Военная типография, 1908. 169 с. + 11 приложений (каждое приложение имеет свою нумерацию страниц)
11. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1907 год. СПб.: Военная типография, 1909. 155 с. + 11 приложений (каждое приложение имеет свою нумерацию страниц).
12. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1910 год СПб: Военная типография, 1912. 89 с. + 12 приложений (каждое приложение имеет свою нумерацию страниц).
13. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1912 год. Петроград: Военная типография, 1916. 63 с. + 11 приложений (каждое приложение имеет свою нумерацию страниц).
14. Всеподданнейший отчет о произведенной в 1910 году по высочайшему повелению сенатором Дедюлиным ревизии учреждений и установлений военного ведомства Киевского и Одесского военных округов. СПб: Тип. Министерства путей сообщений, 1910. 626 с.
15. Генералу Орановскому. 8 (21) августа 1914 г. // Восточно-Прусская операция: сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). М.: Воениздат, 1939. С. 196.
16. Государственное совещание 12–15 августа 1917 года: Стенографический отчет. М. – Л.: Государственное издательство, 1930. 372 с.
17. *Гучков А.И.* О проекте сметы доходов и расходов Военного министерства на 1908 год // Избранные выступления депутатов Государственной Думы с 1906 года до наших дней. М.: Издание Государственной Думы, 2013. С. 59 – 69.
18. Дело об ответственности бывшего одесского градоначальника Нейдгарта за неправильные действия по службе // Материалы к истории русской контрреволюции. Т. 1. Погромы по официальным документам.

СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1908. С. 1–201.

19. Дело об ответственности и. д. минского губернатора П.Г. Курлова за неправильные действия по службе // Материалы к истории русской контрреволюции. Т. 1. Погромы по официальным документам. СПб: Типография товарищества «Общественная польза», 1908. С. 299–372.
20. Доклад военно-цензурного отделения штаба 12-й армии // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 417–420.
21. Доклад Петроградского охранного отделения особому отделу департамента полиции. Октябрь 1916 г. // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 4–35.
22. Доклад правительственной комиссии, назначенной в 1914 г. для расследования условий и причин гибели 2-й армии ген. Самсонова в Восточной Пруссии осенью 1914 г. // Восточно-Прусская операция: сборник документов мировой империалистической войны на Русском фронте (1914–1917 гг.). М.: Воениздат, 1939. С. 547–606.
23. Допрос А.А. Вырубовой 6 мая 1917 г. // Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / ред. П.Е. Щеголева. Л.: Государственное издательство, 1925. Т. III. С. 233–254.
24. Записка ген. М.В. Алексеева Временному правительству от 14 марта 1917 г. // Архив русской революции: в 22 т. Берлин: изд. И.В. Гессен, 1921–1937. Т. XVI. С. 286–288.
25. Записка прокурора Петербургской судебной палаты на имя министра юстиции от 9 января 1905 г. // Красный архив. 1935. Т. 1 (68). С. 48–50.
26. *Иванов Н.П.* Подвижные игры в школах и «потешных» войсках русской молодежи. СПб, 1911. 108 с.
27. Из рапорта начальника штаба армий Юго-Западного фронта Н. И. Стогова помощнику начальника штаба верховного главнокомандующего В. В. Вырубову о настроении в частях фронта с 8 по 16 октября // Революционное движение в русской армии в 1917 году. 27 февраля – 24 октября 1917 года. Сборник документов. М.: Издательство «Наука», 1968. С. 504–513.
28. *Кавтарадзе П.* Потешные и воспитание в народной школе. СПб: Издание В. К. Шенка, 1911. 11 с.
29. Командиру 3-го армейского корпуса. 8 (21) августа 1914 г. // Восточно-Прусская операция: сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). М.: Воениздат, 1939. С. 195.

30. Летопись войны 1914–1915 гг. 1915. № 36 (официальный отдел). С. 70.
31. Летопись войны 1914–1917 гг. 1916. № 96 (официальный отдел). С. 168.
32. Летопись войны 1916. № 78 (официальный отдел). С. 142.
33. Летопись войны 1916. № 84 (официальный отдел). С. 147–148.
34. Летопись войны. 1915. № 44 (официальный отдел). С. 87.
35. Летопись войны. 1915. № 32 (официальный отдел). С. 61–64.
36. Летопись войны. 1915. № 36 (официальный отдел). С. 70, 71.
37. Лодзинская операция: сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). М.–Л., 1936. 408 с.
38. *Макуев Е.Ф.* Потешный гимнаст, строевик, разведчик. Руководство для учителей гимнастики и военного строя во всех учебных заведениях с приложением инструкции ученического лагерного сбора. Екатеринослав: Тип. бывш. братства Св. Владимира, 1911. 85 с.
39. О распространении на морское ведомство положения о пособиях в военное время // Законодательные акты, вызванные войной 1914–1915 гг. / Изд. 2-е. сост. Авербах О.И. Петроград: Тип. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1916. Т. 1. С. 152–153.
40. Описание действий войсковых частей 9 января 1905 г. // Красный архив. 1930. Т. 1 (38). С. 4–11.
41. От Временного правительства // Разведчик. 1917. № 1374–1375. С. 152–153.
42. Отношение главнокомандующего Северным фронтом ген. Рузского на имя вр. и. д. начальника штаба Верх. Главнокомандующего ген. Гурко от 19 февраля 1917 г. № 1666 // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 47–50.
43. Отношение и. д. помощника начальника разведывательного отделения штаба главнокомандующего армиями Западного фронта // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 421.
44. Отчет Главного артиллерийского управления за 1906 г. // Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1906 г. СПб: Военная типография, 1908. Приложение 3. С. 65, 67–68.
45. Отчет Главного управления военно-учебных заведений за 1912 год // Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1912 год. Петроград: Военная типография, 1916. Приложение 9. С. 1–38.
46. Отчет о состоянии военно-учебных заведений за 1905 год // Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1905 год. СПб: Военная типография, 1907. Приложение 6. С. 1–38.

47. Отчет о состоянии военно-учебных заведений за 1907 год. // Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1907 год. СПб: Военная типография, 1909. Приложение 7. С. 1–28.
48. Отчет о состоянии военно-учебных заведений за 1909 год: // Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1909 год. СПб: Военная типография, 1911. Приложение 9. С. 1–34.
49. Отчет о состоянии военно-учебных заведений за 1910 год // Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1910 год. СПб: Военная типография, 1912. Приложение 9. С. 1–41.
50. Отчет о состоянии военно-учебных заведений за 1911 год // Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1911 год. СПб: Военная типография, 1913. Приложение к общему обзору. С. 9.
51. Отчет по Главному штабу за 1907 год // Всеподданнейший отчет военного министерства за 1907 год. СПб: Военная типография, 1909. С. 1–130.
52. Официальные документы о войне с Японией // Военный сборник. 1904. № 6. С. 186–190.
53. Протокол совещания, бывшего 16-го июля 1917 года в Ставке // Стратегический очерк войны 1914–1918 г. Часть VII: Кампания 1917 г. / сост. А. Зайончковский. М.: Высший военный редакционный совет, 1923. С. 151–188.
54. Разговор Ставки с полит. управлением военного министерства около 1 часа ночи в ночь с 25 на 26 октября // Архив русской революции: в 22 т. Берлин: изд. И.В. Гессен, 1921–1937. Т. VII. С. 303–305.
55. Разговор ген. Левицкого с ген. Духониным утром 25 октября // Архив русской революции. Т. VII. С. 289–290.
56. Разговор по прямому проводу 4 ноября 1917 г. ген. Черемисова с ген. Юзефовичем о положении в XII армии // Красный архив. 1927. Т. 5 (24). С. 76–79.
57. Сводка донесений о настроении армии за время с 15 по 30 октября 1917 года // Разложение армии в 1917 году. С. 143–146.
58. Сводка донесений о настроении в действующей армии за время с 1 по 9 июля // Революционное движение в русской армии в 1917 году. 27 февраля – 24 октября 1917 года: Сборник документов / под ред. Л.С. Гапоненко. М.: Издательство «Наука», 1968. С. 208–215.
59. Секретный отчет комиссаров XI армии И. Кириенко и А. Чекотило с 26 мая по 26 июня 1917 г. // Белое дело: сб. материалов по истории и лите-

ратуре войны, революции, большевизма, белого движения и т.п. / под ред. Я.М. Лисового. Париж: [б.и.], 1926. Вып. 1. С. 13–34.

60. Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914–1918 гг. / Сост. Н.Валентинов; под ред. А.А.Свечина и др. М.: Военная типография, 1920. Ч. I. 136 с.
61. Сообщение командующего 12-й армией Р. Д. Радко-Дмитриева исполняющему должность начальника штаба армий Северного фронта М. И. Вахрушеву о положении в частях армии // Революционное движение в русской армии в 1917 году. 27 февраля – 24 октября 1917 года. С. 130–132.
62. Телеграмма А.А. Брусилова № 1048. Кому: Командарм 8, 11,7, 9, копия Наштаверх // Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 5. Приложение 4. С. 113.
63. Телеграмма армейского комитета X армии Центральному Исполнительному комитету, 22 июня 1917 г. // Красный архив. 1937. № 84. С. 144–145.
64. Телеграмма главнокомандующего армиями Северного фронта Н.В. Рузского начальнику штаба Верховного Главнокомандующего М. В. Алексееву о массовом аресте солдатами генералов и офицеров. 6 марта // Революционное движение в русской армии в 1917 году. 27 февраля – 24 октября 1917 года: Сборник документов. С. 26–27.
65. Телеграмма комиссара 2-й армии верховному главнокомандующему, начальнику штаба верховного главнокомандующего и военному министру // Разложение армии в 1917 году. С. 114–115.
66. Телеграмма начальника штаба V армии Северного фронта наштасеву, 23 июня 1917 г. // Там же. С. 145–146.
67. Телеграмма начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерала Алексеева, на имя всех главнокомандующих фронтами // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы / ред. П.Е. Щеголева. 2-е изд., доп. Л., 1927. С. 227.
68. Телеграмма члена Государственной Думы Манькова председателю Думы Родзянко от 10 мая 1917 г. // 1917. Разложение армии / авт. – сост. Гончаров В.Л. М.: «Вече», 2010. С. 153.
69. Факсимиле акта отречения Михаила Александровича. Март 1917 г. // Государственное архивное управление Псковской области: [сайт]. Режим доступа: http://www.archive.pskov.ru/node/1211 (дата обращения: 07.09. 2017).

70. Drang nach Osten: Из секретной докладной записки Германского Большого Генерального штаба. 1913 год / публ. В. Михалевой // Родина. 1993. № 8–9. С. 14–15.

Документы и материалы о деятельности политических партий

1. Задачи военных организаций: резолюция первой конференция военных и боевых организаций РСДРП, 29 ноября –5 декабря (16–22 ноября) 1906 г.// ВКП (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 2 ч. Ч. 1. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1936. С. 93.
2. *Обнинский В.* Полгода русской революции: сб. материалов к истории русской революции (октябрь 1905 – апрель 1906 гг.). Вып. 1. М.: Типография И.Н. Холчев и Ко, 1906. 181 с. + карты и картограммы.
3. О работе среди офицеров: резолюция первой конференция военных и боевых организаций РСДРП, 29 ноября –5 декабря (16–22 ноября) 1906 г.// ВКП (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 2 ч. Ч. 1. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1936. С. 94–95.
4. Памятная книжка социалиста-революционера. Вып. 1. [Б.м.], [б.и.], 1911. 82 с.

Мемуары, дневники, письма

1. *Алексеева-Борель В.М.* Аргентинский архив генерала М.В. Алексеева // Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 52–60.
2. *Андреев В*. Первый русский марш-маневр в Великую войну. Гумбинен и Марна. Париж, 1928. 31 с. + 1 таблица + 1 схема вне текста.
3. Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 году глазами современников: Воспоминания, документы, комментарии / Автор-составитель С.Н. Базанов. М: Издательский центр ИРИ РАН, 2010. 363 с.
4. *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания / под ред. В.Д. Вегмана. Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. 564 с.
5. *Бонч-Бруевич М. Д*. Вся власть Советам! М.: Воениздат, 1958. 360 с.
6. *Бубликов А. А.* Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы): впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк: [б.и.], 1918. 160 с.
7. В дни отречения: из дневника Николая II // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы / ред. П.Е. Щеголева. 2-е изд., доп. Л.: Изд-во «Красная газета», 1927. С. 31–36.
8. В. Пуришкевич генералу Каледину // Красный архив. 1928. Т. 1 (26). С. 170–171.

9. *Вересаев В.В.* Записки врача. На японской войне. М.: Издательство «Правда», 1986. 560 с.
10. *Верховский А.И.* На трудном перевале. М.: Воениздат, 1959. 448 с.
11. *Верцинский Э.А.* Из мировой войны: боевые записи и воспоминания командира полка и офицера Генерального штаба за 1914–1917 годы. Таллинн: [б.и.], 1931. 167 с.
12. *Верцинский Э.А.* Год революции. Воспоминания офицера генерального штаба за 1917–1918 года. Таллинн: ERK, 1929. 61 с.
13. *Витте С.Ю.* Воспоминания: в 3 т. / 2-е изд. Л.: Государственное изд-во, 1924. Т. 2: Царствование Николая II. 518 с.
14. Воспоминания Гинденбурга / пер. с нем. Петроград: Издательство «Мысль», 1922. 120 с.
15. *Врангель А.П.* Генерал Врангель: доверие воспоминаний // Бароны Врангели: воспоминания / под общ. ред. В.А. Благово и С.А. Сапожникова. М.: Центрполиграф, 2006. С. 301–525.
16. *Врангель Н.Е.* Воспоминания: от крепостного права до большевиков // Бароны Врангели: воспоминания / под общ. ред. В.А. Благово и С.А. Сапожникова. М.: Центрполиграф, 2006. С. 29–258.
17. *Врангель П.Н.* Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.: в 2 кн. Подольск: «Периодика», [б.г.]. Кн. 1. 268 с.
18. *Гайлеш К., де.* Защита Зимнего дворца // Сопротивление большевизму. 1917–1918 гг. / Сост., научн. ред., предисл. и коммент. С.В. Волкова. М.: Изд-во «Центрполиграф», 2001. С. 9–16.
19. *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 2. С. 141–342.
20. *Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни: в 2 т. Париж: Военно-историческое изд-во «Танаис», 1969 – 1970. Т. 1. 277 с.
21. *Гинденбург П., фон.* Из моей жизни / Пер. с нем. М.: Принципум, 2013. 375 с.
22. Голоса из окопов (солдатские письма 1915–1916 гг.) // Красная летопись. 1928. № 1 (25). С. 112–118.
23. *Гофман М.* Главный противник – Россия. Воспоминания и дневники Максимилиана Гофмана о первой мировой войне / пер. с нем. В.Л. Телицына. М.: Принципум, 2015. 526 с.
24. *Гофман М.* Война упущенных возможностей / Пер. с нем. М.- Л: Госиздат, 1925. 203 с.

25. *Граф Г.К.* На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию / Предисл. В. Ю. Грибовского. СПб.: Изд-во «Гангут», 1997. 488 с.
26. Грулев М. В штабах и на полях Дальнего Востока: воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о Русско-японской войне. СПб.: Изд. В. Березовский, 1908. 368 с.
27. *Грулев М.* Записки генерала-еврея. Париж: [б.и.],1930. 250 с.
28. *Гурко В.И.* Царь и царица. Париж: Книгоиздательство «Возрождение», 1927. 122 с.
29. Деникин А. И. Старая армия. Офицеры / предисл. А. С. Кручинина. М.: Айрис-пресс, 2005. 512 с.
30. *Деникин А.И*. Борьба генерала Корнилова. М.: «Вече», 2014. 448 с.
31. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917 г.). Вып. 1. Париж: Изд-во «Я. Поволоцкий и Ко», 1921. 184 с.; Вып. 2. 239 с.
32. *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М.: Современник, 1991. 300 с.
33. Дневник А.С. Суворина / Ред., предисл. и примеч. М. Кричевского. М.-Пг.: Изд. Л. Д. Френкель, 1923. 407 с.
34. Дневник члена Государственной думы Владимира Митрофановича Пуришкевича. Рига: Издательство «National reklama», [б.г.]. 149 с.
35. *Дубенский Д.Н.* Как произошел переворот в России: воспоминания // Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы / Ред. П.Е. Щеголева. 2-е изд., доп. Л.: Красная газета, 1927. С. 37–84.
36. Из дневника генерала В.И. Селивачева // Красный архив. 1925. Т. 2 (9). С. 108–131; Т. 3 (10). С. 138–174.
37. Из дневника генерала В.И. Селивачева // Красный архив. 1925. Т. 3 (10). С. 138–174.
38. Из дневника генерала М.В. Алексеева // Русский исторический архив. Сборник первый. Прага: Типография «Орбис», 1929. С. 15–56.
39. Из дневника генерал-майора М.С. Столицы // Военный сборник. 1908. № 7. С. 82–86.
40. Из дневника председателя «Союза воинского долга» полковника Ф.В. Винберга // В кн.: *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России. М.: Наука, 1990. С. 374–375.
41. Из офицерских писем с фронта в 1917 г. // Красный архив. 1932. Т. 1–2 (50–51). С. 198 –201.
42. *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары / пер. с англ. Г. Шахова. М.: Издательство «Республика», 1993. 384 с.

43. *Краснов П.* Бои под Петроградом // Сопротивление большевизму. 1917–1918 гг. / Сост., науч. ред., предисл. и коммент. С.В. Волкова. М.: Изд-во «Центрполиграф», 2001. С. 119–166.
44. *Краснов П.Н.* На внутреннем фронте // Архив русской революции. Т. 1. Берлин: Изд-во «Слово», 1921. С. 97–190.
45. *Колчигин Б.К.* Пятидесятилетие славы и горечи гвардии // Первая мировая война 1914–1918 гг. в дневниках и воспоминаниях офицеров Русской императорской армии: сб. документов / отв. сост. С. А. Харитонов. М: РОССПЭН, 2016. С. 104–118.
46. *Куропаткин А.Н.* Русская армия. СПб: Полигон, 2003. 590 с.
47. *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / Перевод с нем. А.А. Свечина. М.: Вече, 2014. 702 с.
48. *Макаров Ю. В.* Моя служба в старой гвардии. Мирное время и война. Буэнос-Айрес: «Доррего», 1951. 382 с.
49. *Мамонтов С.И.* Походы и кони [Электронный ресурс] // Интернет-сайт «Военная литература». Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/mamontov_si/index.html (дата обращения: 30.08.2017).
50. *Мстиславский С.* Отрывки о пятом годе // Каторга и ссылка: историко-революционный вестник. 1928. № 2 (39). С. 7–36.
51. *Н.К. Крупская* – Г.Л. Шкловскому. Примечания // Ленинский сборник XI / под ред. Н. И. Бухарина, В.М. Молотова, М.А. Савельева. М. – Л.: Типография «Печатный двор», 1929. С. 215–216.
52. *Набоков В.Д.* Временное правительство (воспоминания). М.: Изд. т-ва «Мир», 1924. 132 с.
53. *Ноблемонт М., де*. Какая причина толкнула генерал-адъютанта Алексеева предать своего Императора? [б.м.] [б.и.], [б.г.]. 8. с.
54. *Оберучев К.М.* Офицеры в русской революции. Нью-Йорк: «Первое русское издательство в Америке», [б. г.]. 46 с.
55. *Пирейко А.* В тылу и на фронте империалистической войны (воспоминания рядового). Л.: «Прибой», 1926. 63 с.
56. Письмо в редакцию // Разведчик. 1917. № 1397–1398. С. 465–466.
57. Письмо Г. Гапона к рабочим // В кн.: Л. Троцкий. Сочинения. Наша первая революция. Т. 2. Ч. 1. М. – Л: Госиздат, 1925. Приложение № 2. С. 485–486.
58. Письмо Гучкова Алексееву 9 марта 1917 г. // Стратегический очерк войны 1914–1918 г. Часть VII: Кампания 1917 г. / сост. А.

Зайончковский. М.: Высший военный редакционный совет, 1923. С. 121–122.
59. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра: в 2 т. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999. Т. 2. 483 с.
60. *Родзянко М.В.* Крушение империи / примеч. и предисл. С. Пионтковского / Изд. 3-е. Л.: «Прибой», 1929. 272 с.
61. *Розеншильд – Паулин А.* Гибель XX армейского корпуса в Августовских лесах (из дневника начальника дивизии) // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1924. Кн. V. С. 261–288.
62. *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская Революция 1914–1917 гг.: в 3 кн. Нью-Йорк: Всеславянское Издательство, 1960–1962. Кн. 1. 301 с.; Кн. 3. 315 с.
63. *Степун Ф.А*. Из записок прапорщика – артиллериста. Прага: Изд-во «Пламя», 1926. 267 с.
64. *Трубецкой В. С*. Записки кирасира: Мемуары. М.: «Россия», 1991. 219 с.
65. *Устимович,* генерал-майор. Накануне Великой войны: из воспоминаний командира 8-го гусарского Лубенского полка // Военная быль. 1965. № 73. С. 7–8.
66. *Фалькенхайн Э., фон.* Верховное командование 1914–1916 в его важнейших решениях / пер. с нем. А.Е. Снесарева. М.: Высший военный редакционный совет, 1923. 278 с. + 7 карт.
67. Царская армия в период мировой войны и Февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны) / под ред. А. Максимова. Казань: Татиздат, 1932. 214 с.
68. *Чемоданов Г.Н*. Последние дни старой армии. М. – Л.: Государственное издательство, 1926. 138 с.
69. *Чернов В*. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920. М.: Центрполиграф, 2007. 430 с.
70. *Шавельский Г. И*. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: в 2 т. Нью-Йорк: издательство им. Чехова, 1954. Т. 1. 414 с.; Т.2. 412 с.

Произведения политических и государственных деятелей

1. *Дан Ф.* Бакинские зверства // За два года: сб. статей из «Искры». Ч. 1. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», [б. г.]. С. 415–421.
2. *Ленин В.И*. О государстве // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 64 –84.

3. *Мартов Л.* Гибель Порт-Артура // За два года: сб. статей из «Искры». СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», [б. г.]. Ч. 1. С. 673–674.
4. *Мартов Л.* Либерализм кишиневских громил // За два года: сб. статей из «Искры». Ч. 1. СПб: Типография т-ва «Общественная польза», [б. г.]. С. 142–147.
5. *Троцкий Л.Д.* Военные специалисты и Красная Армия // Сочинения. М–Л.: Государственное издательство, 1924–1927. Т. 17. Ч. 1. Советская Республика и капиталистический мир. Первоначальный период организации сил. С. 361–370.

Статистические и справочные издания

1. *Бернштейн-Коган С.* Численность, состав и положение петербургских рабочих: опыт статистического исследования. СПб: Издание Санкт-Петербургского политехнического института императора Петра Великого, 1910. 188 с.
2. Военно-статистический ежегодник армии за 1910 г. СПб: Военная типография, 1911. 486 с.
3. Военно-статистический ежегодник армии за 1911 г. СПб: Военная типография, 1913. 581 с.
4. Военно-статистический ежегодник армии за 1912 г. СПб: Военная типография, 1914. 519 с.
5. Война и мир в терминах и определениях / под общ. ред. Д.О. Рогозина М.: Изд. дом «ПоРог», 2004. 624 с.
6. *Волков С.В.* Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога: в 2 т. Т. 2. М.: ФИВ, 2012. 724 с.
7. Всеобщий календарь на 1895 г. СПб: Типография Э. Гоппе, 1894. 576 с.
8. Всеобщий календарь на 1903 г. СПб: Изд. П.П. Сойкина, 1903. 720 с.
9. Города России в 1904 году. СПб: Центральный статистический комитет МВД, 1906. 462 с.
10. *Гофман Г.Э.* Служебная книжка строевого офицера / изд. 19-е. Петроград: Изд. т-ва В.А. Березовского, 1916. 424 с.
11. *Зайцев В.Н.* Руководство для адъютантов / Изд. 11-е. СПб.: Изд. В. Березовский, 1908. 798 с. + 156 с. приложений.
12. Императорская гвардия: справочная книжка императорской Главной квартиры / ред.В.К. Шенк. Издание второе (по 1 мая 1910 года). СПб: Типография В.Д. Смирнова, 1910. 216 с.

13. *Карлович Максен, фон.* Реорганизация русской армии осенью 1910 года. Ревель, 1911. 37 с.
14. Настольная справочная книга для строевых обер-офицеров / сост. гв. штабс-капитан Егоров / Изд. четвертое. СПб: Типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1913. 507 с.
15. *Пажитнов К.А.* Современная дороговизна на Западе и в России. Харьков: Типолитография Н.В. Петрова, 1912. 155 с.
16. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям: краткие общие сведения по Империи / предисл.: Н. Тройницкий. СПб: паровая типолитография Н. Л. Ныркина, 1905. 43 с.
17. *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1813–1913): статистические очерки / под ред. С.Г. Струмилина. М.: Государственное статистическое издательство, 1956. 352 с.
18. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / Под общей ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: «Олма-пресс», 2001. 608 с.
19. *Рубакин Н.А.* Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. Опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства. СПб: Издательство «Вестник знания», 1912. 216 с.
20. Список капитанам гвардейской пехоты по старшинству (сост. по 1-е сентября 1910 г.). СПб: Военная типография, 1910;
21. Список по старшинству полковникам артиллерии (испр. по 1-е февраля 1913 г.) /сост. капитан Дросси. Полтава: Типография С.А. Ланде, 1913.
22. Список ротмистрам армейской кавалерии по старшинству (составлен по 1-е сентября 1913 г.). СПб: Военная типография, 1914. 285 с.
23. Справочная книжка для офицеров / сост. В. Малинко. 7-е изд. М.: Типография т-ва А.В. Мамонтова, 1915. 984 с.
24. Справочная книжка для офицеров / Сост. генерального штаба полковник Малинко В. и подполк. Голосов В. Изд. 3-е, исп. и доп. Ч. 1. М.: Типолитография «Русского Товарищества Печатного и Издательского дела», 1902. 261 с.
25. Справочная книжка для офицеров: в 3 ч. / сост. полк. Малинко и подполк. Голосов. М.: тип. Вильде, 1903. Ч. I. 262 с.
26. Статистический ежегодник России. 1913 г. СПб.: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1914. 112 с.

Публицистика

1. *А. К.* Офицеры и публика // Разведчик. 1916. № 1313. С. 9–11.
2. *А.К.* Луцкий прорыв // Часовой. 1929. № 9–10. С. 13–15.
3. *А.К.Р.* Курс солдатской науки // Разведчик. 1910. № 1028. С. 422– 424.
4. *А.Н.Р.* Брожение в армии и средства к его устранению // Разведчик. 1905. № 791. С. 950–951.
5. *А.А.Н.* Солдат и «свободы» // Вестник русской конницы. 1906. № 8. С. 334–336.
6. *А.Р.* Уменьшение числа желающих поступить в академию Генерального штаба // Разведчик. 1908. № 906. С. 166–167.
7. Агитация в войсках // Вестник русской конницы. 1906. № 23. С. 997–1004.
8. *Адариди К.* 27 пехотная дивизия в боях 4 (17) августа 1914 г. под Сталлупененом и 7 (20 августа) под Гумбиненом // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1926. Кн. VIII. С. 161–184.
9. *Андоленко С.* Два знамени // Военная быль. 1968. № 90. С. 7–10.
10. *Андоленко С.* Находка зарытого в 1914 г. в Восточной Пруссии русского знамени // Военная быль. 1970. № 102. С. 31–33.
11. *Андоленко С.* Неприятельские знамена, взятые русской армией в войну 1914–1917 гг. // Военная быль. 1966. № 77. С. 38–41.
12. *Андоленко С.* Судьба знамен армии генерала Самсонова // Военная быль. 1966. № 72. С. 41–42.
13. *Анто Э.* Неприкосновенный состав рот // Разведчик. 1907. № 880. С. 513–515.
14. *Апухтин А.Н.* Высшая военная школа // Разведчик. 1911. № 1075. С. 353–356.
15. *Апухтин А.Н.* Тактические занятия с офицерами // Военный сборник. 1911. № 2. С. 1– 8.
16. *Архипов, полковник*. Воспоминания о Первой мировой войне // Военная быль. 1969. № 99. С. 18–20.
17. *Базедов Г., фон*. Путевые впечатления о военной России / пер. с нем. СПб.: Тип. гл. упр. уделов, 1911. 30 с.
18. *Баланин Д.* Вилейка. Бой 10-го сентября 1915 года // Военный сборник. 1916. № 10. С. 40–45.
19. *Баланин Д.* Дух и инициатива выше всего // Военный сборник. 1914. № 11. С. 83–91.

20. *Бастунов В.* О знаменах армии генерала Реннекампфа (к статье С.П. Андоленко в № 78 «Военная быль») // Военная быль. 1968. № 90. С. 41–42.
21. *Бастунов В*. О прапорщиках производства 1 июля 1914 г. // Военная быль. 1974. № 128. С. 19–20.
22. *Беннигсен Г.П.* 1-й пехотный Невский полк в Восточной Пруссии в 1914 году // Военная быль. 1959. № 35. С. 14–18.
23. *Бильдерлинг А.* Прохождение службы и подготовка офицеров Генерального штаба по опыту минувшей войны // Военный сборник. 1906. № 6. С. 179–194.
24. *«Бинокль».* Армейские беседы // Разведчик. 1902. № 620. С. 799–802.
25. *Блюмер,* полковник. Обмундирование // Разведчик. 1905. № 781–782. С. 784.
26. *Блюмер, полковник*. Гвардия и интересы государственной обороны // Разведчик. № 1023. С. 338–340.
27. *Бояринцев, полковник*. Страницы славы русского оружия: к 50-летию луцкого прорыва // Военная быль. 1967. № 83. С. 30–32.
28. *Буняковский В.* Несколько слов по поводу новой реформы постановки преподавания тактики в военных училищах // Разведчик. 1910. № 1051. С. 777–780.
29. *Бутков Ф.* Капитанский вопрос // Разведчик. 1903. № 670. С. 734.
30. *Бутовский Н.* Чувство порядочности в офицерской среде (очерк военного быта) // Военный сборник. 1898. № 11. С. 117–141.
31. *Бутовский Н.* Военная молодежь и ее неудачи // Военный сборник. 1902. № 1. С. 137–153.
32. *Бутовский Н.* Еще раз о дерзости хулиганов // Разведчик. 1904. № 693. С. 107–108.
33. *Бутовский Н.* Очерки современного офицерского быта. СПб: Тип. Тренке и Фюсно, 1899. 51 с.
34. *В. Б – к.* Генерал Платон Алексеевич Лечицкий // Военная быль. 1965. № 72. С. 1–5; № 73. С. 10–14.
35. *В. В.* Личная ответственность // Разведчик. 1910. № 1031. С. 460–462.
36. *В.А.К.* Мысли о Мукденских боях // Вестник русской конницы. 1906. № 14. С. 597–635.
37. *Валле-де-Барр Е. А.* «Свобода» русской печати (после 17 октября 1905 г.). Самара: Земская типография, 1906. 184 с.
38. *Варяжский К.* Новый закон о судах чести // Разведчик. 1912. № 1115. С. 173–175.

39. *Варяжский К.* Язык цифр // Разведчик. 1913. № 1182. С. 385–387 .
40. *Василенко В.О.* Офицеры в рясах. М. – Л.: Государственное издательство, 1930. 114 с.
41. *Василенко В.О.* Офицеры в рясах: духовенство в царской армии (Центр. совет Союза воинств. безбожников СССР). 2-е изд., перераб. и доп. М.: ГАИЗ, 1933. 88 с.
42. *Верцинский Э.* Почему офицеры бегут с Дальнего Востока // Разведчик. 1907. № 879. С. 497–499.
43. Взятие Перемышля // Часовой. 1929. № 5–6. С. 18.
44. *Виш Н.* Телесные наказания в войсках и их отмена // Военный сборник. 1904. № 12. С. 157–160.
45. *Владимиров В.* Карательная экспедиция отряда лейб-гвардии Семеновского полка в декабрьские дни на Московско-Казанской железной дороге. М.: Тип. А.П. Поплавского, 1906. 159 с.
46. Война с Японией // Разведчик. 1905. № 779. С. 742–746; 1905. № 747. С. 144–148.
47. *Волков А.* Вооруженное выступление юнкеров в Москве (по воспоминаниям капитана П.И. Мыльникова) // Военно-исторический вестник. Париж. 1973. № 41. С. 13–16.
48. *Волковицкий В.* Все законные средства хороши для поддержания дисциплины // Разведчик. 1910. № 1024. С. 347–349.
49. *Волконский А.М.* Дух времени и военная дисциплина // Разведчик. 1906. № 831. С. 709–710.
50. *Воронович Н.* Всевидящее око. Из быта русской армии. Нью-Йорк: [б.и.] 1951. 75 с.
51. *Воронцов М.С.* Наставление господам пехотным офицерам в день сражения [Электронный ресурс] // ArtOfWar: [сайт]. Режим доступа: http://artofwar.ru/k/kamenew_anatolij_iwanowich/nastawleniegospodampehotnymoficeram.shtml (дата обращения: 15.11.2016).
52. *Галкин М.* К познанию армии // Военный сборник. 1914. № 1. С. 11–26.
53. *Галкин М.* Рознь или братство? // Военный сборник. 1914. № 5. С. 21–34.
54. Генеральный штаб и строй // Разведчик. 1913. № 1206. С. 764–766.
55. *Галкин М.* Новый путь современного офицера. СПб.: Военная типография, 1907. 143 с.
56. *Геруа А.* Полчища. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1923. 434 с.
57. *Геруа А.* После войны. О нашей армии. СПб: Типография А.С. Суворина, 1906. 284 с.

58. *Гиллессем А.Н.* Нелегальные браки // Разведчик. 1902. № 619. С. 782–784.
59. *Глинский С.* Боевые традиции армии // Разведчик. 1907. № 861. С. 218–220.
60. *Глинский С.* Честь или позор // Разведчик. 1906. № 834. С. 753–754.
61. *Гольдин С.* Русская армия и евреи накануне Первой мировой войны [Электронный ресурс] // Лехаим. 2007. № 9. Режим доступа: http://www.lechaim.ru/ARHIV/185/goldin.htm (дата обращения: 16.10.2016).
62. *Грулев М.* Злобы дня в жизни армии. Брест – Литовск: Тип. И. Кобринца, 1911. 331 с.
63. *Гриппенберг О.* Истина о Сандепу // Разведчик. 1906. № 800. С. 131–133.
64. *Гусев А.Н.* Из воспоминаний участника Русско-японской войны // Военный сборник. 1910. № 9. С. 67–78.
65. *Г-Ъ.* Предельный возраст военнослужащих // Военный сборник. 1898. № 11. С. 178–186.
66. *«Дельта».* Гвардия // Разведчик. 1908. № 898. С. 20–24.
67. *Дмитревский А.* Единодушие в армии обеспечивает и единодушие в полках, но не наоборот // Военный сборник. 1914. № 8. С. 113–130.
68. *Довбор-Мусницкий,* генерал-майор. Почему офицеры уходят с Дальнего Востока? // Разведчик. 1907. № 847–848. С. 49–51.
69. Доклад об офицерстве // Разведчик. 1917. № 1399–1400. С. 487–488.
70. *Драгомиров В.* Подготовка русской армии к Великой войне. Ч. 1 // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1923. Кн. IV. С. 98–119; Ч. 2. Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1924. Кн. V. С. 189–212; Ч. 3. Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1925. Кн. VI. С. 55–76.
71. *Дрозд-Бонячевский А.* «Поединок» Куприна с точки зрения строевого офицера // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 359–368.
72. *Дунин А.* Права офицеров // Разведчик. 1917. № 1385. С. 319.
73. *Егоров Е.* Омоложение гвардии // Разведчик. 1909. № 960. С. 173-174.
74. За неделю // Летопись войны 1914–1917 гг. 1916. № 96. С. 1529–1530.
75. Залесский, полковник. Немного статистики „ Разведчик. 1906. № 794-795. С. 31.
76. Залесский, полковник. Пора обратить внимание // Разведчик. 1905. № 787. С. 877 –878.

77. *Залесский П. И.* Возмездие (Причины русской катастрофы). Берлин: Presse, 1925. 280 с.
78. *Записки Г. Гапона* (Очерки рабочего движения в России 1900-х годов). М.: [б.и.], 1918. 104 с.
79. *Заустинский П.* Главные причины наших военных неудач (окончание) // Разведчик. 1905. № 792. С. 971–974.
80. *Заустинский П*. Защита чести (ответ Драгомирову) // Разведчик. 1904. № 708. С. 498–500
81. *Злобин И.* Что нужно армии? // Разведчик. 1913. № 1182. С. 384–385.
82. *И. Почин.* Армейские заметки // Разведчик. 1908. № 908. С. 197–199.
83. *Иванов В.В.* Боевые награды российских героев войны 1904–1905 гг. // Россия и АТР. 2005. № 2. С. 26–33.
84. *Искандер А.*Взятие деревни Даукше // Военная быль. 1965. № 74. С. 16–18.
85. *К. Р.Т.* Послесловие к статьям К.Р.Т. // Военная быль. 1974. № 129. С. 33–34.
86. *Климков В.* Расправы и расстрелы (письма, очерки и наброски специального корреспондента газеты «Русь»). М.: [б.и.], 1906. 237 с.
87. Князь А.М. Волконский напоминает несколько «азбучных для военного человека» истин // Разведчик. 1906. № 816. С. 479
88. *Колбе С.* В добрый час // Разведчик. 1906. №. 800. С.133–134.
89. *Колбе С*. Долг совести // Разведчик. 1906. № 809. С. 345.
90. *Колбе С.* Дума и армия // Разведчик. 1907. № 866. С. 303–304.
91. *Колбе С.* Повесть господина Куприна «Поединок» // Разведчик. 1905. № 788. С. 892–893.
92. *Колбе С*. Прибавка содержания офицерам и г. Меньшиков // Разведчик. 1907. № 896. С. 772–773.
93. Корреспонденция «Разведчика» // Разведчик. 1905. № 742–743. С. 30–31.
94. *Куб В.* Гвардия и армия // Разведчик. 1913. № 1182. С. 389–389.
95. *Кульчицкий В.* Советы молодому офицеру / 3-е изд. Харьков: Типолитография Р. Радомышельского, 1916. 23 с.
96. *Кривицкий А*. Традиции русского офицерства. М.: Военное издательство Наркомата обороны, 1945. 108 с.
97. *Кузьмин-Караваев В. Д.* Из эпохи освободительного движения. Ч. 2 (17 октября 1905 г. – 8 июля 1906 г.). СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1907. 426 с.
98. Кровавое воскресенье в Петербурге 9/22 января 1905 г. Берлин: Изд. Г. Каспари, [б.г.]. 50 с.

99. *Л.* Еще о взысканиях на офицеров // Разведчик. 1910. № 1034. С. 498–499.
100. *Л. Р.-З.* Еще о контингенте бывших юнкерских училищ // Разведчик. 1912. № 1132. С. 452–453.
101. *Лазаревич Ю.* В защиту русского офицера // Разведчик. 1917. № 1393–1394. С. 429–431.
102. *Лазаревич Ю.* Развенчанная царица // Разведчик. 1910. № 1023. С. 335–336.
103. *Лазаревский Б.* Князь Олег Константинович // Нива. 1915. № 40. С. 783–784.
104. *Лампе А.А., фон.* Русские знамена в плену (справка) // Часовой. 1934. № 131–132. С. 19–20.
105. *Левитский М.* Офицерский бюджет // Офицерская жизнь. 1908. № 101. С. 3–5.
106. *Левшин Б.* Атака Украинских гусар под г. Прасныш // Военная быль. 1972. № 116. С. 35–36.
107. *Логофет Д.* Арест офицеров // Разведчик. 1913. № 1175. С. 291–292.
108. *Логофет Д.* Корреспонденция с театра военных действий // Разведчик. 1917. № 1397–1398. С. 467–468.
109. *Лукомский А.* Изменения в уставах на основании опыта Русско-японской войны // Разведчик. 1906. № 798. С. 93–96.
110. *Лыкошин А.С.* К отмене телесных наказаний в войсках // Разведчик. 1904. № 734. С. 1164–1166.
111. *Любимов, штабс-ротмистр.* Меры, необходимые для удержания лучших офицеров на службе // Вестник русской конницы. 1907. № 23. С. 1020–1022.
112. *М.* Некоторые цифры административного засилья в строевой армии // Разведчик. 1914. № 1215. С. 107–108.
113. *М. Ц.* О предварительных испытаниях при поступлении в Николаевскую военную академию // Разведчик. 1910. № 1036. С. 540–541.
114. *М.А.Н.* Военные училища // Разведчик. 1901. № 542. С. 222–223.
115. *М.Г.* «Отмена» пыток в австро-венгерской армии // Разведчик. 1904. № 689. С. 6–7.
116. *Максимов В*. Письмо в редакцию // Военная быль. 1966. № 81. С. 46.
117. *Макшеев Ф.* О размерах содержания офицерам и военным чиновникам // Военный сборник. 1901. № 8. С. 123–128.

118. *Мандражи К.* Бой под Тарнавкой (26 августа 1914 года) // Тарнавка. 1914–1964. Пятидесятилетие боя у д. Тарнавка. Бюллетень объединения лейб-гвардии Московского полка. Париж, 1964. С. 12–14.
119. *Мартынов Е.* Защита армии от оскорблений // Разведчик. 1903. № 681. С. 972–974.
120. *Марыняк А.* Погибнуть или победить: Быт и традиции Российской Императорской Гвардии // Родина. 2000. № 11. С. 108–114.
121. *Матвеев М.* Дисциплинарно – уголовное указание // Разведчик. 1903. № 671. С. 752–753.
122. *Махров П.С.* Специализация офицеров Генерального штаба в войсковых штабах // Разведчик. 1913. № 1157. С. 3–5.
123. *Меньшиков М.О.* Родина и герои // Как воскреснет Россия? Избранные статьи / Сост. С. В. Харитонов. СПб.: Русская симфония, 2007. С. 19–30.
124. *Месснер Э.* Отрицательный миф // Вестник первопоходника. 1966. № 61–62. С. 36–40.
125. *Микулин И.* Пособие для ведения дел чести в офицерской среде: в 2 ч. С 3 портретами. СПб: Тип. штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1912. Ч. 1. 213 с. Ч. 2. 234 с.
126. Младшие офицеры // Разведчик. 1909. № 954. С. 78–79.
127. *Морозов В.* Советы молодому офицеру // Военный вестник. 1943. № 19–20. С. 1–7.
128. *Морозов Н.* Необходимая мера для улучшения штаб-офицерского состава армии // Разведчик. 1913. № 1199. С. 650–652.
129. *Морозов Н.* Производство в подполковники за отличия и по избранию // Разведчик. 1912. № 1115. С. 176–178.
130. Мысли по поводу пережитого // Разведчик. 1905. № 781–782. С. 778–783; № 783–784. С. 805–810.
131. Мысли и афоризмы ген. М. И. Драгомирова о военном деле. СПб: Тип. воен.-кн. маг. Н.В. Васильева, 1892. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vrazvedka.ru/main/main-idea/dragomirov.shtml (дата обращения: 03. 04. 2017).
132. *Н.* Война с Японией (итоги) // Разведчик. 1905. № 783–784. С. 815–817.
133. *Н. Ф.* Аттестации офицеров // Разведчик. 1910. № 1014. С. 207–209;
134. *Невзоров А.* 4-я Московская школа прапорщиков // Военная быль. 1968. № 91. С. 16–18.
135. *Некрасов С.* Восьмая рота л. гв. Московского полка под Тарнавкой // Тарнавка. 1914–1964. Пятидесятилетие боя у д. Тарнавка. Бюллетень объединения лейб-гвардии Московского полка. Париж, 1964. С. 15–26.

136. *Неудачник М.Н.* Аттестационная комиссия // Разведчик. 1914. № 1218. С. 156–157.
137. «*Нижний чин».* Одна из причин успеха пропаганды в войсках // Разведчик. 1906. № 798. С. 97.
138. *Новицкий В.Ф.* На пути к усовершенствованию государственной обороны. СПб.: В. Березовский, 1909. 221 с.
139. *Ночин И.* Армейские заметки // Разведчик. 1909. № 951. С. 39–41.
140. О предельном возрасте // Разведчик. 1910. № 1007. С. 91–92.
141. О преобразовании юнкерских училищ // Военный сборник. 1901. № 8. С. 9–11.
142. *Олехно А.* Наши корпусные командиры // Разведчик. 1912. № 1121. С. 275–277.
143. *Олехно А.* Наши начальники дивизий // Разведчик. 1912. № 1122. С. 293–295.
144. *Орловский Д.* Дуэли // Разведчик. 1900. № 528. С. 1082–1083.
145. Ответ редакции. Русские знамена в германском плену // Часовой. 1934. № 133–134. С. 14.
146. Отмена телесных наказаний // Разведчик. 1901. № 552. С. 473–474.
147. «*Офицер».* Удаление от командования ротой // Разведчик. 1907. № 879. С. 499 – 500.
148. Офицерство и биржевой азарт // Разведчик. 1913. № 1187. С. 457–458.
149. *Павлов Б.* Конец 2-го Московского Императора Николая I Кадетского Корпуса // Военная быль. 1968. № 93. С. 24–28.
150. *Панков П.* Революционная пропаганда в войсках // Разведчик. 1905. № 790. С. 934–935.
151. *Папенгут,* генерал-лейтенант. Бой 18-й пехотной дивизии 18, 19 и 20 октября 1914 года под п. Опатов // Военная быль. 1964. № 68. С. 13–14.
152. *Перепеловский К.* Роль и значение Русского фронта в войну 1914–1917 гг. по иностранным военным источникам // Военная быль. 1971. № 111. С. 7–12; № 112. С. 1–6.
153. *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии: 1827–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 556 с.
154. Печать и армия // Офицерская жизнь. 1908. № 102. С. 18–20.
155. *Пильский П.* Армия и общество // Мир божий. 1906. № 7. С. 205–209.
156. Поднятие боеспособности армии // Разведчик. 1917. № 1393–1394. С. 427–428.
157. Поздравление генерал-лейтенанта Гальфтера, командовавшего л. гв. Московским полком под Тарнавкой к 25-летнему юбилею этих боев:

1914 г. 24–27 августа // Тарнавка. 1914–1964. Пятидесятилетие боя у д. Тарнавка. Бюллетень объединения лейб-гвардии Московского полка. Париж, 1964. С. 2–3.

158. Помогите офицерам // Разведчик. 1917. № 1386. С. 332.
159. *«Прибой».* Аттестации // Разведчик. 1912. № 1105. С. 5–6.
160. *Преженцов Я.* Воинская подготовка в сельских школах // Разведчик. 1910. № 1004. С. 52–53
161. Рабочий вопрос и политическая смута // Московские ведомости. 1905. 12 (25) января. № 12. С. 2.
162. *Радус-Зенкович Л.* Контингент трехклассных военных училищ // Разведчик. 1912. № 1122. С. 292–293.
163. *Райковский В.* Военное воспитание. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1908. 60 с.
164. *Розеншильд-Паулин А.* 29-я пехотная дивизия в первый поход в Восточной Пруссии // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1926. Кн. VIII. С. 221–245.
165. «*Росс».* Прогулки по садам российской словесности // Разведчик. 1907. № 874. С. 430–432.
166. *Рычков В.*Чего не хватает нашим кадетским корпусам? // Военный сборник. 1911. № 4. С. 51–58.
167. *Сакурай Т.* Живые ядра: очерк боевой жизни японской армии под Порт-Артуром / пер. с англ.; под ред. Ю. Романовского и А. фон-Шварц. СПб.: Русская скоропечатня, 1909. 248 с.
168. *Семенов Н. П.* Наше дворянство. СПб: Государственная типография, 1898. 85 с.
169. *С – ов Д.* Горе побежденным! // Разведчик. 1914. № 1214. С. 88–89.
170. *С – ов С.П.* К вопросу об антагонизме // Разведчик. 1912. № 1115. С. 178–180.
171. *С.К. Х*-ъ. Теории много – практики мало // Разведчик. 1906. № 825. С. 615–616.
172. *С.Л.* К статье «Они такие же, как и другие» // Разведчик. 1910. № 1023. С. 338.
173. *Светлов Н.* Пресса и армия // Разведчик. 1905. № 770. С. 593 – 594.
174. *Свидерский Д.* Об «отрицательных мифах» и о голой и горькой правде // Вестник первопоходника. 1967. № 65–66. С. 24–28.
175. *Семенов А.* Работа командира роты за неделю // Разведчик. 1907. № 857. С. 172–173.

176. *Сергеевский Б.Н.* 50-летие со времени русской победы на Юго-Западном фронте 1-й мировой войны. Луцкий прорыв // Вестник первопоходника. 1967. № . 65–66. С. 33–41; № 67–68. С. 39–46; № 69–70. С. 40–50.
177. *Сиваков Ф.К.* Анонимные доносы // Разведчик. 1906. № 822. С. 567–569.
178. *Скорино Н.* Лейб-гвардии Егерский полк: очерки мирной жизни // Военная быль. 1966. № 81. С. 1–5.
179. *Слащев Я.А.* Причины разложения старой русской армии во время европейской войны // Военный вестник. 1922. № 8. С. 30–33.
180. *Смирнов А.* Сибирский удар и саксонская сталь. Сравнительная характеристика противников на Восточном фронте // Родина. 2004. № 9. С. 17–23.
181. События в Москве // Московские ведомости. 1905. 18 (31) декабря. № 325. С. 2.
182. Содержание офицеров // Разведчик. 1898. № 387. С. 232–234.
183. Содержание офицеров // Разведчик. 1899. № 455. С. 581–589.
184. Состав Исполнительной военной комиссии Совета военных депутатов // Армия и народ. 1917. 28 марта. № 1. С. 13.
185. Союз офицеров армии и флота // Разведчик. 1917. № 1389. С. 379.
186. «*Старый педагог*». Кредит в юнкерской среде // Разведчик. 1901. № 572. С. 884.
187. *Т. В.* Корреспонденция «Разведчика» // Разведчик. 1901. № 544. С. 281.
188. *Тарасов Н.* Отчего не хватает офицерам жалованья // Разведчик. 1908. № 911. С. 254–255.
189. *Теттау, фон*. Два месяца в гостях в русской армии // Разведчик. 1904. № 695. С. 149–151.
190. *Толузаков С.* Будний или «Блудний»? // Разведчик. 1907. № 883. С. 565–566.
191. *Толузаков С.* Настроение в корпусе офицеров армии // Разведчик. 1906. № 803. С. 203–205.
192. *Уваров М.* О воинском звании и знании // Военный сборник. 1906. № 12. С. 131–150.
193. Ужасные дни в Москве // Московские ведомости. 1905. 17 (30) декабря. № 324. С. 2–3;
194. *Усов М. Л.* Евреи в армии. СПб: Издательство «Разум», 1911. 179 с.
195. *Ухач-Огорович Н.А.* Удушливая атмосфера // Разведчик. 1909. № 995. С. 665–666.
196. *Ф. И.* Упадок дисциплины // Разведчик. 1910. № 1022. С. 326.

197. *Фисенков, капитан*. Из быта кадетских корпусов // Разведчик. 1906. № 836. С. 793–795.
198. *Фрейман,* полковник. Генерал-адъютант Сахаров в Саратовской и Пензенской губерниях // Разведчик. 1905. № 790. С. 929–931.
199. *Фурман, полковник.* Елисаветградское кавалерийское училище // Военная быль. 1956. .№ 21. С. 6–7.
200. *Хандорин В.* Дуэль в России // Родина. 1993. № 10. С. 87–93.
201. *Черкасский И.* Воспоминания о полковом комитете // Военная быль. 1974. № 126. С. 9–13.
202. *Чернавин В.* К вопросу об офицерском составе старой русской армии к концу ее существования // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. 1924. Кн. 5. С. 213–230.
203. *Чижов П.Н.,* полковник. Артиллерийская оборона Варшавы в 1914 году (в районе 2-го сектора) // Военная быль. 1969. № 99. С. 5–9.
204. *Чистяков С.* Нелепая работа // Разведчик. 1907. № 894. С. 733–734.
205. Что делается для использования опыта войны? // Разведчик. 1906. № 798. С. 96.
206. *Шавров В.Н.* Несбывшиеся Канны // Часовой. 1929. № 3–4. С. 18–19.
207. *Шарапов, подполковник.* Клин, расколовший русскую армию // Разведчик. 1906. № 802. С. 180–183.
208. *Широкогоров В.* Цены и оклады: дореволюционная Россия [Электронный ресурс] // «Позитивный маркетинг»: [сайт]. Режим доступа: http://p-marketing.ru/publications/general-questions/social-dynamics/prices-salaries-before-wwi (дата обращения: 31.05 .2017).
209. Штурм Эрзерума 2 февраля 1916 г. // Часовой. 1929. № 3–4. С. 19–21.
210. *Эл-Эс.* Час испытания // Вестник русской конницы. 1906. № 19. С. 812–813.
211. *Ю.* Офицерский арест // Разведчик. 1914. № 1231. С. 355.
212. *Ярушевич Е.* О лучших традициях русского офицерства // Военный вестник. 1943. № 15–16. С. 37–39.

Периодические издания

1. Былое. 1918.
2. Вестник русской конницы. 1905, 1906, 1907.
3. Военный сборник. 1898, 1904, 1905, 1907, 1909, 1914.
4. Народная армия. 1907.
5. Офицерская жизнь. 1907, 1908, 1909.

6. Разведчик. 1903–1917.
7. Русская мысль. 1905. Книга III.
8. Русский инвалид. 1914.
9. Московские ведомости. 1905.
10. Армия и народ. 1917.
11. Вестник Временного правительства. 1917.

ЛИТЕРАТУРА

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. *Абельская Е.Ф.* Типоведческое исследование психического склада личности: автореф. дис… канд. психолог. наук. Екатеринбург, 2006. 27 с.
2. *Алексеев А.В.* Духовно-нравственное состояние русского общества конца XIX – начала XX веков: историко-конфессиональный (православный) взгляд: автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 2008. 28 с.
3. *Алпеев О.Е.* Документы стратегических военных игр Генерального штаба русской армии 1906 –1914 гг.: источниковедческое исследование: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2015. 28 с.
4. *Гребенкин И.Н.* Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914–1918 гг.: автореф. дис. … докт. ист. наук. Рязань, 2011. 48 с.
5. *Гребенкин И.Н.* Социально-политическая эволюция офицерского корпуса российской армии в 1914 –1918 гг.: дис. … докт. ист. наук. Рязань, 2011. 596 с.
6. *Гребенкин А.Н.* Военно-культурные традиции подготовки русского офицерского корпуса (2-я половина XVII – начало XX в.): дис. … докт. ист. наук. Орел, 2017. 576 с.
7. *Загоруйко М.В.* Российское офицерство в 1917 году (февраль-октябрь): автореф. дис. …канд. ист. наук. М., 2012. 30 с.
8. *Каморников В.Ф.* Учебная и воспитательная работа в военных и юнкерских училищах России (1863–1917 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2008. 24 с.
9. *Култышев П.Г.* Русская армия в Первой мировой войне: историко-антропологический аспект: автореф. дис. … канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 31 с.
10. *Курков К.Н.* Российское дворянство в контексте модернизации в начале XX в. (экономический и социокультурный аспекты).: автореф. дис. … докт. ист. наук: М. 2006. 50 с.

11. *Митюков Н. В.* Математические модели и программные средства для реконструкции военно-исторических данных: автореф. дис. … докт. тех. наук. Ижевск, 2009. 33 с.
12. *Пикуль Ю.Н.* Подготовка офицерских кадров в военно-учебных заведениях Российской империи (186 –1914 гг.): дис. …канд. ист. наук. Харьков, 2010. 205 с.
13. *Сейку Е.Ю.* Детские и юношеские организации в России в начале XX века (военно-патриотический и культурно-просветительский аспект): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2009. 23 с.
14. *Сушанский А.С.* Духовно-нравственное воспитание в военно-учебных заведениях России XVIII – начала XX вв.: автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 2002. 25 с.
15. *Чувардин Г.С.* Офицерский корпус российской императорской гвардии в системе военной и военно-политической элиты Российской империи. 1881 –1914 гг.: автореф. дис. … докт. ист. наук. Брянск, 2017. 42 с.

Монографии

1. *Асташов А.Б.* Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М.: Спецкнига, 2012. 400 с.
2. *Асташов А.Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014. 738 с.
3. *Ахун М.И., Петров В.А.* Большевики и армия в 1905–1917 гг. Л.: «Красная газета», 1929. 348 с.
4. *Базанов С.Н.* Великая война: как погибала русская армия. М.: Вече, 2014. 384 с.
5. *Базаревский А.* Наступательная операция 9-й русской армии. Июнь 1916 года. М.: Государственное военное издательство, 1937. 157 с.
6. *Бархатов М. Е., Функе В. В.* (ред.-издатели). История Русско-японской войны: в 6 т. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907–1909. Т. 1. 276 с.
7. *Барсуков Е.З.* Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.): в 4-х т. М.: Воениздат МВС СССР, 1948–1949. Т. 4. 420 с.
8. *Апушкин В.А.* Русско-японская война 1904–1905 г. М.: Типография Русского Товарищества, 1910. 213 с.
9. *Безгин В. Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века) [Электронный ресурс]. Москва – Тамбов: издательство ТГТУ, 2004 / отв. ред. Э.М. Щагин // Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bezg/06.php (дата обращения: 07.05.2017).

10. *Бекман В.* Немцы о русской армии / пер. и примеч. В.В. Чернавина. Прага, 1939. 45 с.
11. *Бернгарди Ф., фон.* Современная война: в 2 т. Т. 1. Основы современной войны / пер. с нем. К. Адариди. СПб: Тип. В. Безобразов и Ко, 1912. 262 с.; Т. 2. Бой и ведение войны / пер. с нем. Ю. Лазаревич. СПб: Изд. В Березовский, 1912. 333 с.
12. *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в.: очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986. 238 с.
13. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.
14. *Буравченков А. А.* В ногу с революцией. Демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции. Киев: Высшая школа, 1988. 143 с.
15. Военно-боевая работа партии большевиков. 1903–1917 гг. / Н.Р. Панкратов [и др.] / под общ. ред. Н.Р. Панкратова. М.: Воениздат, 1973. 382 с.
16. Войсковые учебники. Кавалерия: учебник для рядовог / Изд. 6-е, исправ. СПб: Тип. Г. А. Шамахера, и Б. Д. Брукера, 1914. 202 с.
17. *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. 368 с.
18. *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. М.: Центрполиграф, 2001. 508 с.
19. *Воробьев И.Н.* Тактика – искусство боя. М.: Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации, 2002. 889 с.
20. *Ганин А.В.* Семь «почему» российской Гражданской войны. М.: «Пятый Рим», 2018. 864 с.
21. *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы гражданской войны 1917–1922 гг. Справочные материалы. М.: Русский путь, 2009. 895 с.
22. *Гейфман А.* Революционный террор в России. 1894–1917/ Пер. с англ. Е. Дорман. М.: Крон – Пресс, 1997. 446 с.
23. *Герберт А.* Обучение и тактическая подготовка германской армии. М.: Издание разведывательного управления штаба РККА, 1925. 161 с.
24. *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне: в 2 т. Париж: Товарищество объединённых издателей, 1939. Т. 1. 211 с.; Т. 2. 242 с.
25. *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 г. Дни перелома Галицийской битвы (1–3 сентября нового стиля). Париж: Издание Главного правления зарубежного союза русских военных инвалидов, 1940. 195 с.

26. *Головин Н.Н.* Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца. СПб.: Экономическая типолитография, 1907. 192 с. + 11 чертежей вне текста.
27. *Головин Н.Н.* Наука о войне. О социологическом изучении войны. Париж: Издательство газеты «Сигнал», 1938. 241 с.
28. *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.; в 5 ч., 12 кн. [Париж – Таллинн]: Приложение к «Иллюстрированной России» на 1937 год. Ч. 1. Кн. 1: Зарождение контрреволюции и первая ее вспышка. 169 с.; Ч. 2. Кн. 3. Большевистский переворот превращает контрреволюцию в противобольшевистское движение. 114 с.
29. *Голуб П. А.* Партия, армия и революция. Отвоевание партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917 – февраль 1918. М.: Издательство политической литературы, 1967. 296 с.
30. *Гольц К., фон дер*. Вооруженный народ: Сочинение об устройстве армий и образе ведения войны в наше время / пер. с нем. К.А. Есаулова; под ред. Я. Я. Зандера. СПб: Военная типография, 1886. 448 с.
31. Государственный Совет. 1801–1901 / Составлено в Государственной канцелярии. СПб: Государственная типография, 1901. 446 с.
32. *Гребенкин И. Н.* Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914 – 1918 гг. / науч. ред. П.В. Акульшин. Рязань: Ряз. гос. ун-т, 2010. 400 с.
33. *Греков Ф. В.* Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. 1700–1910. М.: Типография Вильде, 1910. 192 с.
34. *Данилов Ю. Н.* Россия в мировой войне. 1914–1915 гг. Берлин: Книгоиздательство «Слово», 1924. 399 с.
35. *Гущин А. В.* Русская армия в войне 1904–1905 гг.: историко-антропологическое исследование влияния взаимоотношений военнослужащих на ход боевых действий. СПб: Реноме, 2014. 256 с.
36. *Деметр К.* Германский офицерский корпус в обществе и государстве. 1650 –1945. М.: Центрполиграф, 2007. 384 с.
37. *Драгомиров М. И.* Разбор романа «Война и мир». Киев: Изд. книгопродавца Н.Я. Оглоблина, 1895. 134 с.
38. *Драгомиров М.* Одиннадцать лет. 1895–1905 гг.: в 2 т. СПб. Русская скоропечатня, 1909. Т. 2. 558 с.
39. *Дружинин К.М.* Исследование душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту Русско-японской войны 1904 – 1905 годов. СПб.: Русская скоропечатня, 1910. 147 с.
40. *Дурасов В.* Дуэльный кодекс / 4-е изд. СПб.: Тип. «Сириус», 1912. 131 с.

41. *Евсеев Н.* Августовское сражение 2-й русской армии в Восточной Пруссии (Танненберг) в 1914 г. М: Воениздат, 1936. 307 с. + 20 схем.
42. *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1983. 352 с.
43. *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. / изд. 3-е. В 2 т. М.: Издательство НКО СССР, 1938. Т. 1. Кампании 1914–1915 гг. 382 с.
44. *Зайончковский А. М.* Маневренный период войны 1914–1915 гг. на Русском (европейском театре). М.- Л.: Государственное издательство, 1929. 415 с.
45. *Зайончковский А.М.* Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов (по архивным документам) / вступит. статья М.Н. Тухачевского. М.: Государственное военное издательство, 1926. 428 с. + карты.
46. *Звонарев К. К.* Агентурная разведка: в 2 т. Т. 2: Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М.: Издание IV управления Штаба РККА, 1931. 163 с.
47. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению / сост. генерал-майор Лалаев. СПб: Типография М. Стасюлевича, 1880. 283 с. + 7 приложений (в приложениях страницы не пронумерованы).
48. *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. М.: Наука, 1988. 277 с.
49. *Капитанец И. М.* Война на море. Актуальные проблемы развития военно-морской науки. М.: Вагриус, 2001. 270 с.
50. *Керсновский А. А.* История русской армии: в 4-х т. М.: Голос, 1992–1994. Т. 4. 1915–1917 гг. 368 с.
51. *Керсновский А. А.* Философия войны. М.: Издательство Московской Патриархии, 2010. 208 с.
52. *Киган Дж.* Первая мировая война / пер. с англ. Т. Горошковой. М.: Аст, 2002. 573 с.
53. *Краснов П. Н.* Душа армии: Очерки по военной психологии / предисловие Н.Н. Головина. Берлин: Изд-во «Медный всадник», 1927. 155 с.
54. *Кизрин И. Г.* Распад старой армии. Воронеж: Издательство «Коммуна», 1931. 112 с.
55. *Кирьянов Ю. И.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1979. 208 с.
56. *Клепов М. Ю.* Офицеры – Георгиевские кавалеры Первой мировой войны. Мартиролог / ред. В. В. Савицкий. М.: Минувшее, 2015. 792 с.

57. *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. VI: Специальные курсы. История сословий в России. 477 с.
58. *Коленковский А. К.* Зимняя операция в Восточной Пруссии в 1915 году. М.-Л.: Государственное издательство, 1927. 154 с. + 10 схем вне текста.
59. *Коленковский А. К.* Маневренный период первой мировой империалистической войны 1914 г. М.: Воениздат НКО СССР, 1940. 367 с.
60. *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация / отв. ред. К.Ф Шацилло. М.: Наука, 1979. 304 с.
61. *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. Т. 1: Введение и общаячасть; под ред. М. Б. Горенберга / 6-е изд. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1909.623 с.
62. *Корольков Г.* Праснышское сражение. Июль 1915 года. Тактическое исследование. М.-Л.: Государственное издательство, 1928. 154 с. + 8 л. схем
63. *Корсун Н. Г.* Первая мировая война на Кавказском фронте: оперативно-стратегический очерк. М.: Воениздат, 1946. 99 с.
64. *Ксенофонтов И. Н.* Георгий Гапон: вымысел и правда. М.: РОССПЭН, 1996. 309 с.
65. *Левицкий Н.А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: «Эксмо», 2003. 672 с.
66. *Мартынов Е. И.* Из печального опыта русско-японской войны. СПб: Военная типография, 1906. 176 с.
67. *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 г. Париж: Книгоиздательство «Возрождение», 1933. 503 с.
68. *Минц И. И.* История Великого Октября: в 3 т. / 2-е изд. М.: Наука, 1977–1979. Т. 1: Свержение самодержавия. 780 с.
69. *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX века. М.: Изд-во «Весь Мир», 2012. 848 с.
70. *Михалев С. Н.* Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени / под. ред. В.А. Золотарева. М. – Жуковский: Кучково поле, 2003. 952 с.
71. *Михневич Н. П.* Основы стратегии: курс Интендантской академии. СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1913. 364 с.
72. *Мультатули П.* Николай II. Отречение, которого не было. М.: Изд-во «Астрель», 2010. 639 с.
73. *Нелипович С. Г.* Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. М.: Цейхгауз, 2006. 48 с.

74. *Нефедов С. А.* История России. Факторный анализ. Т. 2. От окончания смуты до Февральской революции. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. 688 с.
75. *Олейников А. В.* Успешные генералы забытой войны. М.: Издательство «Вече», 2014. 320 с.
76. *Павлов Д. Б.* Японские деньги и первая русская революция. М.: Вече, 2011. 288 с.
77. *Парский Д.* Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. СПб.: Изд. В. Березовский, 1908. 334 с.
78. *Петров В. А.* Очерки по истории революционного движения в русской армии в 1905 году. М.-Л.: Наука,1964. 427 с.
79. *Петров Ю. П.* Военные комиссары в годы гражданской войны (1918 – 1920 гг.). М.: Гос. изд-во полит. л-ры, 1956. 148 с.
80. *Протасов Л. Г.* Солдаты гарнизонов центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1978. 196 с.
81. *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России. 1905–1917 / отв. ред. И.И. Минц. М.: Наука, 1990. 380 с.
82. *Радус-Зенкович Л. А.* Очерк встречного боя: по опыту Гумбиненской операции в августе 1914 г. Критико-историческое исследование. М.: Литературно-издательский отдел Политического Управления Революционного Военного Совета Республики, 1920. 148 с.
83. *Рождественский М.* Луцкий прорыв. М.: Воениздат, 1938. 44 с. + карта
84. *Розенбах П. Я.* Современная война и истерия. Пг: Государственная типография, 1915. 15 с.
85. *Ростунов И.И.* Русский фронт Первой мировой войны. М.: Издательство «Наука», 1976. 387 с.
86. Русская военная мысль: конец XIX – начало XX в. / под ред. П.А. Жилина. М.: «Наука», 1982. 252 с.
87. *Свечин А.* Искусство вождения полка. По опыту войны 1914–18 гг. М. – Л.: Государственное издательство, 1930. Т. 1. 221 с.
88. *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
89. *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.
90. *Сергеев Е. Ю.* «Иная земля, иное небо…». Запад и военная элита России (1900–1914). М., [б.и.], 2001. 282 с.

91. *Симашенков П. Д.* Государственное регулирование системы патриотического воспитания офицеров русской армии (конец XIX – начало XX вв.): Москва – Берлин: Директ-Медиа, 2015. 174 с.
92. *Слипченко В.* Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М.: Вече, 2002. 381 с.
93. *Соболев Л. Н.* Куропаткинская стратегия: Краткие заметки бывшего командира 6-го Сибирского армейского корпуса. СПб: Русская скоропечатня, 1910. 477 с. + 5 л. карт.
94. *Соколов Н.* Убийство царской семьи. Берлин: «Слово», 1925. 297 с.
95. *Сорокин А. И.* Русско-японская война 1904–1905 гг. (военно-исторический очерк). М.: Военное издательство Министерства обороны Союза СССР, 1956. 375 с.
96. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главный штаб. Образование (обучение) войск / глав. ред. Д.А. Скалон. СПб: Типография поставщиков двора Его Императорского Величества товарищества М.О. Вольф, 1914. Ч. I. Кн. II. Отд. 3. 279 с.; Главный штаб. Прохождение службы по военному ведомству. Книга I. Отдел III / Глав. ред. Д.А. Скалон; сост. А.Н. Андроников и В.П. Федоров. СПб: Типография товарищества М.О. Вольф, 1912. 638 с.; Книга I. Отдел III-а. Чинопроизводство по военному ведомству. Исторический очерк / Глав. ред. Д.А. Скалон; сост. А.В. Никифоров. СПб: Тип. т-ва М.О. Вольф, 1912. 204 с.
97. *Стоун Н.* Первая мировая война. Краткая история / пер. с англ. И. В.Лобанова. М.: Аст, 2010. 420 с.
98. Стратегический очерк войны 1914–1918 г. Часть VII: Кампания 1917 г. / сост. А. Зайончковский. М.: Высший военный редакционный совет, 1923. 189 с. + 11 схем.
99. Суд общества офицеров и дуэль в войсках российской армии: Действующее законодательство со всеми комментариями: Настольная книга для офицеров всех родов оружия / сост. П.А. Швейковский. 2-е изд., исп. и доп. СПб: Изд. В. Березовский, 1898. 176 с.
100. Тактика / Под ред. В.Г. Резниченко. 2-е изд. М.: Воениздат, 1987. 496 с.
101. *Таленский Н. А.* Первая мировая война (1914–1918 гг.). Боевые действия на суше и на море. М.: ОГИЗ, 1944. 126 с.
102. *Уткин А.* Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2002. 592 с.
103. Учебник для народных школ и потешных рот «Юный воин» / Изд. 1-е. сост. штабс-капитан Акулинин. Одесса: Тип. «Одесских новостей», 1912. 162 с.

104. *Чаадаева О.* Корниловщина. М. – Л.: Молодая гвардия, 1930. 208 с.
105. *Чаадаева О. Н.* Армия накануне Февральской революции. М – Л. Соцэкгиз, 1935. 79 с.
106. *Шафалович Ф.* Встречный бой 10-го армейского корпуса на р. Золотой Липе 26 – 29 августа 1914 г. М.: Государственное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1938. 122 с.
107. *Швейковский П. А.* Суд чести и дуэль в войсках Российской армии: Действующее законодательство со всеми комментариями / 3-е изд. Исп. и доп. Н.П. Вишняков. СПб: В. Березовский, 1912. 214 с.
108. *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи / отв. ред. Б.В. Ананьин. М.: Наука, 1991. 223 с.

Публикации в непериодических сборниках

1. *Аксенов В. Б.* «Революционный психоз»: массовая эйфория и нервно-психические расстройства в 1917 г. // Великая российская революция 1917: сто лет изучения: материалы междунар. науч. конф. (Москва, 9–11 октября 2017 г. / отв. ред. Ю. А.Петров. М., 2017). С. 465–474.
2. *Бехтерев В. М.* Война и психозы // Вопросы мировой войны: сб. статей / под ред. М. Н. Туган-Барановского. Пг: Книгоиздательство «Право», 1915. С. 590–604.
3. *Будько Г.Г.* Деятельность польских террористических организаций на территории Беларуси в период первой русской революции // Западный регион Беларуси глазами историков и краеведов: сб. научных статей. Гродно: Изд. центр Гродненского гос. ун-та, 2006. С. 146–152.
4. *Буравченков А.А.* Офицерский корпус русской армии накануне Октябрьской революции // Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985. С. 145–150.
5. *Вишняков Н.* Пять лет военной публицистики. «Помни войну!»: сб. статей на современные военные темы / под редакцией В.Ф. Новицкого. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина; 1911. 139 с.
6. *Зайончковский П.А.* Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П. А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации, воспоминания о нем. М.: РОССПЭН, 1998. С.24–69.
7. *Волков С.В.* Издания военно-учебных заведений как источник по персональному составу русского офицерского корпуса // Румянцевские чтения: материалы международной научной конференции (10–12 апреля 2007 г.). М.: Пашков дом, 2008. С. 63–68.

8. *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории / пер. А.М. Водена. СПб.: Наука, 1993. 480 с.
9. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики: в 3 т. / отв. ред. М.М. Розенталь. М.: Изд-во «Мысль», 1970–1972. Т. 3: Учение о понятии. 373 с.
10. *Иванова Н. А.* Армия и революция // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: РОССПЭН, 2017. Т. 1. С. 210–224.
11. *Кавтарадзе А.Г.* Некоторые итоги изучения проблемы «Октябрь и военная интеллигенция» // Интеллигенция и революция. XX век. М: Наука, 1985. С. 151–157.
12. *Корсун Н.Г., Харкевич П.Х.* Тактика русской армии в Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Развитие тактики русской армии: сб. статей. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1957. С. 228–263.
13. *Осипов Н.* Февральская революция // Мосты: сб. статей к 50-летию русской революции. Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1967. С. 71–77.
14. *Скугаревский А.П.* Армейские очерки // О долге и чести воинской в Российской армии: собр. материалов, документов и статей / сост. Ю.А. Галушко, А.А. Колесников; под ред. В.Н. Лобова. М.: Военное издательство, 1990. С. 291–297.
15. *Солдатов А.А.* Франция. Великая война // Первая мировая война: историографические мифы и историческая память. Кн. 2: Страны Антанты и Четверного союза. М.: Типография РИСИ, 2014. С. 88–116.
16. *Таганцев Н. С.* Оценка смертной казни, как наказания // Смертная казнь: сб. статей. СПб: Государственная типография, 1913. С. 103–150; *Он же.* Смертная казнь, как наказание по русскому уголовному праву. С. 57–102.
17. *Франк С.Л.* Этика нигилизма (к характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Вехи. Интеллигенция в России: сб. статей 1909–1910 / сост. Н. Казакова. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 153–184.

Публикации в периодических и продолжающихся изданиях

1. *Андреев Б.* Использование исторического опыта при моделировании боевых действий // Зарубежное военное обозрение. 1978. № 6. С. 21– 25.
2. *Алпеев О.Е.* Организация и порядок проведения стратегических военных

игр Генерального штаба русской армии в 1906–1914 гг. // Государственное управление: Электронный вестник. 2014. Выпуск № 42. С. 225–261. Режим доступа: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2014/vipusk__42._fevral_2014_g._/iz_istorii_upravlenija/alpeev.pdf (дата обращения: 16.07.2017).

3. *Аничков Д.* Офицерский вопрос в современной армии // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания: Российский военный сборник. Вып. 17. / Сост.: А. И. Каменев, И. В. Домнин, Ю. Т. Белов, А. Е. Савинкин; ред. А. Е. Савинкин. М.: Военный университет: Русский путь, 2000. С. 327–331.
4. *Апухтин А.Н.* Командный состав армии // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 154–178.
5. *Баранов Н.Н.* Современная германская историография Первой мировой войны // Quaestio Rossica. 2014. №1. С. 129–141.
6. *Борисов А.* Праснышская операция // Военно-исторический журнал. 1941. № 3. С. 29–35.
7. *Буравченков А.А.* Изменения в социальном составе офицерского корпуса в России (1914–1917гг.) // Украинский исторический журнал. 1987. № 2. С. 73–83.
8. *Волков С.В.* Первая мировая война и русский офицерский корпус // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История русской православной церкви. 2011. Вып. 1 (38). С. 111–117.
9. *Волков С.В.* Российское офицерство как служилое сословие // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 285 – 299.
10. *Волков С.В.* Русское офицерство как историко-культурный феномен // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. / Отв. ред. и сост. Е.С.Сенявская. М.: РОССПЭН, 2002. С. 165–180.
11. *Волков С.В.*. Выпуск офицеров из военных училищ и школ прапорщиков в годы Первой мировой войны (анализ количественных данных) // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской православной церкви. 2014. Вып. 5 (60). С. 34–45.
12. *Воронин В.* Крушение монархии // Историк. 2017. № 3. С. 9–16.
13. *Гаврилов Л.М., Кутузов В.В.* Перепись русской армии 25 октября 1917 г. // История СССР. 1964. № 2. С. 87–91.
14. *Ганин А.В.* Роль специалистов Генерального штаба в победе Красной Армии в гражданской войне 1917–1922 гг. // Военно-исторический журнал. 2013. № 10. С. 10–17.

15. *Ганин А.В.* Сколько было военспецов? Раскол русского офицерского корпуса в Гражданскую войну в зеркале статистики // Преподавание истории в школе. 2016. № 9. С. 26–30.
16. *Геруа А.В.* К познанию армии // Военно-исторический журнал. 1998. № 3. С. 79–87.
17. *Глиноецкий Н.* Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чинопроизводства в русской армии // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 23–38.
18. *Гребенкин И.Н.* Разложение российской армии в 1917 г.: факторы и акторы процесса // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 145–159.
19. *Дмитревский А.* Идеал офицера // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 378–384.
20. *Домнин И.* Грехи и достоинства офицерства в самосознании русской эмиграции // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 489–511.
21. *Жебровский С.С.* Высший командный армии ген. Самсонова в августе 1914 г. // Университетский историк. Альманах. Вып. 5. / отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб, 2008. С. 40–50.
22. *Жебровский С.С.* Высший командный состав русской армии весной 1917 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. № 2. С. 196–201.
23. *Зайончковский П.А.* Офицерский корпус русской армии перед Первой мировой войной // Вопросы истории. 1981. № 4. С. 21–29.
24. *Залесский К.А.* Поход русской армии в Восточную Пруссию в 1914 г., спасение Франции и перелом в ходе войны: новые подходы к истории Первой мировой войны // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 3. С. 45– 60.
25. «Идя навстречу пожеланиям Франции…». Сражение в Восточной Пруссии в 1914 году по материалам германского рейхсархива / Публикация и примеч. А.В. Пронина // Военно-исторический журнал. 1994. № 7. С. 47–59.
26. *Изонов В.В.* Подготовка русской армии накануне Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2004. №10. С. 34–39.
27. Император Николай II и события 9 января 1905 года в Санкт – Петербурге (материалы Синоидальной комиссии по канонизации святых) // Православная газета. 2003. № 32. С. 5–7.

28. *Ипполитов Г.М.* Классификация источников в проблемно-тематических историографических исследованиях и некоторые методологические подходы к их анализу // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3 (2). С. 501–509.
29. *Ионкин В.Б.* Условия совершенствования управленческих навыков офицеров подразделений сухопутных войск в ходе профессиональной подготовки // Армия и общество. 2008. №. 4. С. 83–91.
30. *Кожевин В.Л.* Проблема социальной адаптации русского офицерства в условиях Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Омский научный вестник. 2009. № 5 (81). С. 17–20.
31. *Козлов Д.Ю.* Альтернативные «Планы операций» Балтийского флота накануне Первой мировой войны: нетривиальные идеи при минимальных ресурсах // Русский сборник. Вып. XXVI: Россия и война. М., 2018. С. 287–319.
32. *Колоницкий Б.И.* Слухи об императрице Александре Федоровне и массовая культура (1914–1917) // Вестник истории, литературы, искусства. Отделение ист. – фил. наук РАН. М.: Собрание; Наука, 2005. С. 362–378.
33. *Коровин В.М., Свиридов В.А.* Особенности восполнения офицерского состава в России в 1914–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2004. № 2. С. 34–39.
34. *Коршунов Э.Л.* Становление и развитие военной периодики в царской России / Э.Л. Коршунов, З.З. Бахтуридзе, Н.Ю. Бринюк // Военно-исторический журнал. 2016. № 6. С. 47–55.
35. *Курдюк А.А.* «Лейтенанты Первой мировой», или о путях производства в офицеры, применявшихся в русской армии с сентября 1914 г. по ноябрь 1917 г.// Вестник Военного университета. 2008. № 3 (15). С. 159–168.
36. *Курдюк А.А.* Правовое регулирование ускоренной подготовки юнкеров в военных училищах России (1914–1917 гг.) // Право и образование. 2006. № 5. С. 198–206.
37. *Курдюк А.А.* Структурные изменения в сети военно-учебных заведений русской армии во время Первой мировой войны // Вестник Военного университета. 2007. № 1 (9). С. 85–92.
38. *Ланник Л.В.* Состав германской военной элиты в 1914–1918 гг. // Власть. 2008. № 10. С. 120–125.
39. *Ланник Л.В.* «Кузница кадров»: Восточный фронт Первой мировой войны и германская военная элита // Россия от Первой мировой войны до образования СССР. Вып.1. Самара; М., 2011. С. 22–36.

40. *Мариюшкин А.* Трагедия русского офицерства // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 403 –413.
41. *Мартынов Е. И.* Назревшие реформы // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 315–323.
42. *Маслаков А.С.* Русский офицерский корпус и офицерские организации летом 1917 года [Электронный ресурс] // Научная сеть: [сайт]. Режим доступа: http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1154123&s=121301000 (дата обращения: 27.07.2017).
43. *Меньшиков М.О.* Офицеры – душа армии // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 344–358.
44. *Миронов Б.Н.* Жалованье офицеров русской армии в XVIII – начале XX века // Военно-исторический журнал. 2016. № 2. С. 45–53.
45. *Морозов С.Д.* Военное образование в России на рубеже XIX–XX вв. // Военно-исторический журнал. 1998. № 5. С. 83–91.
46. *Нелипович С.Г.* Наступление русского Юго-Западного фронта летом – осенью 1916 года: война на истощение? // Отечественная история. 1998. № 3. С. 40–50.
47. *Порошин А.А.* Главнокомандующие армиями фронтов Первой мировой войны: генерал от кавалерии Я.Г. Жилинский // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. «История. Международные отношения». Вып. 1. С. 84–90.
48. *Порошин А.А.* О некоторых уроках управления русской армией в 1916 г. // Доклады академии военных наук. Серия: Военная история. 2006. №. 5 (23). С. 140–146.
49. *Португалов Н.* Этика офицера // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 336–338.
50. *Режепо П.* Офицерский вопрос в начале XX века // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 100–125;
51. Российские офицеры / Е. Месснер и [др.] // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 127–152.
52. *Рудаков В.* Акты об отречении / В. Рудаков, Н. Брусиловский, Е. Вильшанская // Историк. 2017. № 3. С. 18–24.
53. *Смирнов А.А.*: И.Н. Гребенкин. Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. Рязань, 2010 // Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов [и др.]. Том XIII. М.: Издательский дом «Регнум», 2012. С. 415–476.
54. *Спирин Л.* В.И. Ленин и создание советских командных кадров // Военно-исторический журнал. 1965. № 4. С. 3–16.

55. *Старцев В.И.* Декларация Временного правительства от 3 марта 1917 г. // Нестор. 2000. № 3. С. 202–214.
56. *Тиванов В.В*. Финансы русской армии (XVIII век – начало XX века). М.: ВФЭФ, 1993 [Электронный ресурс] // Сайт военных финансистов, выпускников и сотрудников Военного финансово-экономического университета. Режим доступа: http://vfeu.ucoz.ru/news/finansy_armii_v_gody_pervoj_mirovoj_vojny_chasti_4_i_5/2014-08-07-222 (дата обращения: 14.06.2017).
57. *Тютченко А.М.* Системный анализ понятия морально-психологического состояния военнослужащих и его оценки // Системная психология и социология. 2011. № 4 (11). С. 37–49.
58. *Уваров И. А*. Подготовка офицеров Российской армии в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5 (11). Ч. 3. С. 156–161.
59. *Флуг В.Е.* Высший командный состав // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 262–289; Военная мысль в изгнании: творчество русской военной эмиграции / сост. И.В. Домнин. М.: Русский путь, 1999. С. 283–319.
60. *Цихович Я.* Операция 2 армии в В. Пруссии в августе 1914 года // Военно-исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–18 гг. М., 1920. Вып. 3. С. 96–172.
61. *Червинка Я.* Военная карьера у нас и за границею // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. С. 179–197.
62. *Чувардин Г.* С. Русская императорская гвардия в событиях революции 1905–1907 гг. [Электронный ресурс] // Всероссийская общественная организация «Общество историков России» [сайт]. Режим доступа: http://www.oiros.ru/publick/p04/004.htm (дата доступа: 23.08.2017).
63. *Чунина Е.Г.* Специфика положения офицерства в российском обществе (последняя четверть XIX – начало XX вв.) // Русский исторический сборник. Вып. II. М., 2010. С. 273–315.
64. *Штейфон Б*. Русско-японская война // Военная мысль в изгнании: творчество русской военной эмиграции. М.: Военный университет, 1999. С. 59–70.

Научно-справочные издания

1. *Беловинский Л.В.* Энциклопедический словарь российской жизни и истории: XVIII – начало XX в. М.: «Олма-пресс», 2003. 911 с.

2. Военная энциклопедия: в 18 т. / Под ред. полк. В. Ф. Новицкого [и др.]. СПб.; Петроград: Т-во И. Сытина, 1911–1915. Т. 4. 640 с.; Т. 5. 320 с.; Т. 6. 642 с.; Т. 7. 320 с.; Т. 8. 642 с.; Т. 9. 322 с.; Т. 13. 320 с.; Т. 17. 320 с.; Т. 18. 642 с.
3. Большая советская энциклопедия: в 51 т. / Глав. ред. Б.А. Веденский. 2-е изд. М.: Гос. науч. изд-во «Большая советская энциклопедия», 1949–1958. Т. 31. 648 с.
4. *Залесский К.А*. Первая мировая война. Энциклопедия: в 2-х ч. М.: Издательство «ФИВ», 2014. Ч. 2. Русская действующая армия. 762 с.
5. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 19-е изд., исп. М.: «Русский язык», 1987. 944 с.
6. Офицеры русской армии, погибшие в войне с Японией 1904–1905 гг.: биографический справочник / сост. Д.К. Николаев [и др.]. М.: «Старая Басманная», 2018. 769 с.
7. Руководство к русским законам о евреях / сост. М.И. Мыш. 4-е изд., пересмотр. и доп. СПб: Типография А. Бенке, 1914. 652 с.
8. Советская военная энциклопедия: в 8 т. / Пред. глав. ред. комиссии А.А. Гречко. М.: Воениздат, 1976–1980. Т. 2. 639 с.; Т. 7. 654 с.
9. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 т. / под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. СПб.: Тип. акц. общ. Брокгауз – Ефрон, 1890 –1907. Т. XX А (40). 960 с.; Т. XXXI. 472 с.; Т. XXXVIII-А. 958 с.; Т. XL-А (80). 954 с.; Т. XLI (81). 576 с.

Художественная литература

1. *Арцыбашев М.П.* Санин // Собр. соч. в 3 т. Т. 1. М.: Терра, 1994. 161 с.
2. *Куприн А.И.* Поединок // Собрание сочинений в 6 т. [Электронный ресурс]. Том 3. М.: Гослитиздат, 1957. Режим доступа: http://www.ilibrary.ru/text/1201/p.15/index.html (дата обращения: 18.05.2016).